

ISSN 2079-8482

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТУВЫ

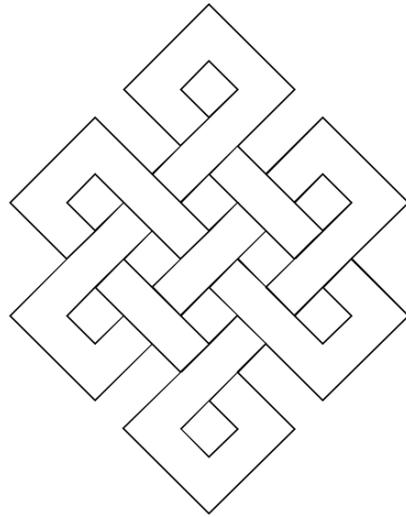
THE NEW RESEARCH OF TUVA

2022

№ 4

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТУВЫ

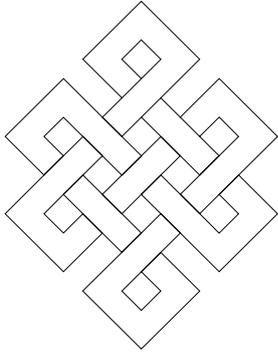
Эл. адрес: article@tuva.asia
<https://nit.tuva.asia>

№4
2022

nit.tuva.asia

НОВЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ ТУВЫ

THE NEW RESEARCH
OF TUVA

2022

№ 4

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ламажаа Ч. К., доктор философских наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

СЕКЦИЯ ИСТОРИИ (ИСТОРИЯ, ЭТНОГРАФИЯ, АНТРОПОЛОГИЯ)

Харитонова В. И., Институт этнологии и антропологии РАН, Россия
Ерекешева Л. Г., Казахский национальный университет им. Аль-Фараби, Казахстан
Донахо Б., Институт социальной антропологии Макса Планка, Германия
Монгуш М. В., Российский государственный архив Российской Федерации
Дацышен В. Г., Сибирский федеральный университет, Россия
Отрощенко И. В., Институт востоковедения имени А. Е. Крымского Национальной академии наук Украины
Чулуун Сампилдондов, Институт истории и археологии Академии наук Монголии
Харунова М. М.-Б., Институт востоковедения РАН, Россия
Бакаева Э. П., Калмыцкий научный центр РАН, Россия

СЕКЦИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК (ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ)

Ламажаа Ч. К., доктор философских наук
Попков Ю. В., Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, Россия
Балакина Г. Ф., Тувинский институт комплексного освоения природных ресурсов Сибирского отделения Российской академии наук
Хомушка О. М., Тувинский государственный университет, Россия

СЕКЦИЯ КУЛЬТУРОЛОГИИ (КУЛЬТУРОЛОГИЯ, ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ)

Сузукей В. Ю., Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований, Россия
Левин Т., Дартмаус колледж, США

СЕКЦИЯ ФИЛОЛОГИИ (ЯЗЫКОЗНАНИЕ, ФОЛЬКЛОРИСТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ)

Бичелдей К. А., Национальный музей им. Алдан Маадыр Республики Тыва, Россия
Шамина Л. А., Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук, Россия
Бахтикиреева У. М., Российский университет дружбы народов

ТЕХНИЧЕСКАЯ ГРУППА

Папын А. С., редактор, администратор, Россия,
Макаров В. С., Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Россия

Журнал публикует статьи на русском и английском языках. Выходит 4 раза в год.

Зарегистрирован в качестве СМИ Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), свидетельство о регистрации Эл №ФС77-37967 от 5 ноября 2009 г.

Индексация журнала: ERIN PLUS, РИНЦ, КиберЛенинка, PKP Index, Google Scholar, DOAJ, Scopus, ESCI Web of Science Core Collection.

Издатели:

Ламажаа Ч. К.
 117437, Россия, Москва, а/я 30,
 Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
 «Российский университет дружбы народов» (РУДН)
 117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6.

EDITOR-IN-CHIEF

Chimiza K. Lamazhaa, Doctor of Philosophy

EDITORIAL BOARD

SECTION OF HISTORY (HISTORY, ETHNOGRAPHY, ANTHROPOLOGY)

Valentina I. Kharitonova, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Russian Federation
Laura G. Yerekesheva, Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan
Brian Donahoe, Max Planck Institute for Social Anthropology, Germany
Marina V. Mongush, State Archives of the Russian Federation
Vladimir G. Datsyshen, Siberian Federal University, Russian Federation
Ivanna V. Otroshchenko, Krymsky Institute of Oriental studies, National Academy of Sciences of Ukraine, Ukraine
Chuluun Sampildondov, Institute of History and Archaeology, Academy of Science Mongolia, Mongolia
Marianna M.-B. Harunova, The Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
Elza P. Bakaeva, Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Science

SECTION OF SOCIAL SCIENCES (PHILOSOPHY, SOCIOLOGY, RELIGIOUS STUDIES)

Chimiza K. Lamazhaa, Doctor of Philosophy
Yuri V. Popkov, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences
Galina F. Balakina, Tuvan Institute for Exploration of Natural Resources, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences
Olga M. Homushku, Tuvan State University, Russian Federation

SECTION OF CULTUROLOGY (CULTURAL STUDIES, ART HISTORY)

Valentina Yu. Suzukey, Tuvan Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research, Russian Federation
Theodore Levin, Dartmouth College, United States

PHILOLOGY SECTION (LINGUISTICS, FOLKLORE, LITERARY STUDIES)

Kaadyr-ool A. Bicheldey, National Museum of the Republic of Tuva, Russian Federation
Lyudmila A. Shamina, Institute of Philology, Siberian branch, Russian Academy of Sciences, Russian Federation
Uldanay M. Bakhtikireeva, Peoples' Friendship University of Russia

TECHNICAL GROUP

Alexander S. Papyn, Editor, Manager
Vladimir S. Makarov, St. Tikhon's Orthodox University for the Humanities, Russian Federation

The New Research of Tuva welcomes contributions in Russian and English. The journal is published quarterly.

The journal is indexed in ERIN PLUS, RINTs, CiberLeninka, PKP Index, Google Scholar, DOAJ, Scopus, ESCI Web of Science Core Collection.

Publishers:

Lamazhaa Ch. K.
 Postal box 30, 117437, Moscow, Russian Federation,
 Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
 6 Miklukho-Maklaya str.,
 117198 Moscow, Russian Federation.

Это произведение доступно по лицензии Creative Commons «Attribution-NonCommercial» («Атрибуция — Некоммерческое использование») 4.0 Всемирная.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

- Биткеева А. Н., Цыбенова Ч. С. (Россия)* Хроника языкового сдвига в тувинском языке в Республике Тыва6
- Каплунова М. Я. (Россия)* Оценка восприятия языковой ситуации в Республике Тыва местным населением (на материале полевого исследования 2021 г.)28
- Биткеева А. Н. (Россия)* Модель социолингвистического прогнозирования и актуальные тенденции языковой политики в регионах России38
- Боргоякова Т. Г., Покоякова К. А. (Россия)* Смысловые зоны восприятия языков в контексте национально-русского билингвизма Южной Сибири53
- Кара-оол Л. С. (Россия), Гансук Х. (Монголия)* Обучение тувинскому языку детей этнических тувинцев Монголии ...65
- Баярсайхан Б., Саая О. М. (Россия)* Факторы витальности и сферы функционирования родного языка цэнгэльских тувинцев Монголии (по данным социолингвистического исследования 2018 г.)78
- Иванова Н. И. (Россия)* Сущность и своеобразие языковой идентичности молодежи саха в современном социокультурном контексте89
- Атаев Б. М., Ибрагимова М. О. (Россия)* Специфика языковой ситуации в многоязычном ареале (на примере Рутульского района Республики Дагестан)106

ПРОБЛЕМЫ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

- Мирзаева С. В., Музраева Д. Н., Бичелдей У. П. (Россия)* Тибетские тексты «Сутры о восьми светоносных неба и земли» в рукописном фонде тувинского института114
- Музраева Д. Н., Донгак А. С., Максимова О. А. (Россия)* Тексты Праджняпарамиты в коллекции тувинского института127
- Саитбатталов И. Р., Лукманова Р. Х., Саитбатталова Ю. А. (Россия)* Теонимическая лексика в переводах Евангелий на башкирский и тувинский языки137

ТУВА ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

- Рязанцев С. В., Ростовская Т. К., Давлетшина Л. А. (Россия)* Актуальные проблемы демографии и подготовки демографов в Туве146
- Кекеева З. О., Уварова Г. Н., Даржинова С. В., Муева А. В., Ооржак А. Б. (Россия)* Исследование сетевой идентичности студенческой молодежи регионов России (на примере Калмыкии и Тувы)169
- Скобелина Н. А. (Россия)* Некоммерческие организации в Республике Тыва с 2015 по 2021 годы: зависимость от пути180
- Лавренюк-Исаева Н. М. (Россия)* Роль социального предпринимательства в человеческом развитии Республики Тыва190

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ТУВИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

- Даржа У. А., Сувандии Н. Д., Кужугет М. А. (Россия)* Народные приметы тувинцев: типология и особенности213

ДИАЛОГ КУЛЬТУР

- Натсак О. Д., Бадмаева Н. В. (Россия)* Женщины в современной политике в Республике Тыва и Республике Калмыкия (по материалам социологического исследования)225
- Киселева Л. А., Тодосиенко З. В., Лукманова Р. Р., Куулар Е. М. (Россия)* Метафора как средство визуализации объекта наименования в медиатекстах (на материале русского, английского, татарского и тувинского языков)243
- Сергеева Н. М., Четырова Л. Б. (Россия)* Визуальная репрезентация ойрат-калмыков и тувинцев в контексте быта в начале XX века257
- Бредис М. А., Ломакина О. В., Борисова А. С., Лазарева О. В. (Россия)* Числовой код тувинской лингвокультуры в пословицах (на фоне ряда тюркских и монгольских языков народов России)276
- Чеснокова О. С., Усманов Т. Ф. (Россия)* Загадки о пище в тувинской и русской лингвокультурах294
- Иванов Е. Е. (Россия)* Семантическая типология тувинских пословиц (эмпирический и аксиологический аспекты)317
- Куулар Е. М., Таскаракова Н. Н., Чугунекова А. Н. (Россия)* Этнолингвистическая специфика гастрономической лексики (молочные продукты) в тувинском и хакасском языках338

CONTENTS

PHILOLOGY

<i>Bitkeeva A. N., Tsybenova Ch. S. (Russia)</i> Chronicle of the Tuvan language shift in the Republic of Tuva	6
<i>Kaplunova M. Ya. (Russia)</i> Assessment of local residents' perception of the language situation in the Republic of Tuva (based on the findings of a 2021 field study)	28
<i>Bitkeeva A. N. (Russia)</i> Model of sociolinguistic forecasting and the current trends of language policy in the regions of Russia	38
<i>Borgoiakova T. G., Pokoiakova K. A. (Russia)</i> Semantic zones of language perception in the context of national-Russian bilingualism in Southern Siberia	53
<i>Kara-ool L. S. (Russia), Gansukh H. (Mongolia)</i> Teaching the Tuvan language to children of ethnic Tuvans in Mongolia	65
<i>Bayarsaikhan B., Saaya O. M. (Russia)</i> Factors of vitality and sphere of functioning of the native language of the Tsengel Tuvans of Mongolia (according to the 2018 sociolinguistic study)	78
<i>Ivanova N. I. (Russia)</i> The essence and peculiarity of the linguistic identity of the Sakha youth in contemporary sociocultural context	89
<i>Ataev B. M., Ibragimova M. O. (Russia)</i> Features of the linguistic situation in a multilingual area (the case of Rutulsky District of the Republic of Dagestan)	106

PROBLEMS OF ORIENTAL STUDIES

<i>Mirzaeva S. V., Muzraeva D. N., Bicheldey U. P. (Russia)</i> Tibetan texts of "The Sutra of Eight Luminous of Heaven and Earth" kept in the manuscript collection of a Tuvan institute	114
<i>Muzraeva D. N., Dongak A. S., Maksimova O. A. (Russia)</i> Prajñāpāramitā scriptures from the collection of a Tuvan institute	127
<i>Saitbattalov I. R., Lukmanova R. Kh., Saitbattalova Yu. A. (Russia)</i> Theonymic vocabulary in Bashkir and Tuvan translations of the Gospels	137

TUVA YESTERDAY, TODAY, TOMORROW

<i>Ryazantsev S. V., Rostovskaya T. K., Davletshina L. A. (Russia)</i> Current issues of demography and training of demographers in Tuva	146
<i>Kekeeva Z. O., Uvarova G. N., Darzhinova S. V., Mueva A. V., Oorzhak A. B. (Russia)</i> Research on the network identity of the student youth of Russian regions (the cases of Kalmykia and Tuva)	169
<i>Skobelina N. A. (Russia)</i> Non-profit organizations in the Republic of Tuva from 2015 to 2021: Path dependence	188
<i>Lavrenyuk-Isayeva N. M. (Russia)</i> The role of social entrepreneurship in the human development of the Republic of Tuva	190

ENCYCLOPEDIA OF TUVAN CULTURE

<i>Darzha U. A., Suvandii N. D., Kuzhuget M. A. (Russia)</i> Popular superstitious beliefs of the Tuvans: Typology and features	213
---	-----

DIALOGUE OF CULTURES

<i>Natsak O. D., Badmaeva N. V. (Russia)</i> Women in contemporary politics in the Republic of Tuva and the Republic of Kalmykia (based on a sociological study)	225
<i>Kiseleva L. A., Todosienko Z. V., Lukmanova R. R., Kuular E. M. (Russia)</i> Metaphor as a means of visualizing an object of naming in media texts (a case study of the Russian, English, Tatar and Tuvan languages)	243
<i>Sergeeva N. M., Chetyrova L. B. (Russia)</i> Visual representation of the Oirat-Kalmyks and Tuvans in the context of day-to-day life at the beginning of the XX century	257
<i>Bredis M. A., Lomakina O. V., Borisova A. S., Lazareva O. V. (Russia)</i> Numerical code of Tuvan linguistic culture in proverbs (as contrasted to a number of Turkic and Mongolian languages of the peoples of Russia)	276
<i>Chesnokova O. S., Usmanov T. F. (Russia)</i> Food riddles in Tuvan and Russian linguocultures	294
<i>Ivanov Eu. Eu. (Russia)</i> Semantic typology of Tuvan proverbs (empirical and axiological aspects)	317
<i>Kuular E. M., Taskarakova N. N., Chugunekova A. N. (Russia)</i> Specific ethnolinguistic features of gastronomic vocabulary (dairy products) in the Tuvan and Khakas languages	338

Тема выпуска
«Республика Тыва: социолингвистический портрет
в этноязыковой палитре России»

Special issue
“The Republic of Tuva: A sociolinguistic portrait in
Russia’s ethnic and linguistic spectrum”

Ответственные редакторы:

Edited by

Айса Николаевна Биткеева
доктор филологических наук
(Институт языкознания РАН;
Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН),
Сайзана Сергеевна Товуу
кандидат философских наук
(Институт развития национальной школы
Республики Тыва)

Aisa Nikolaevna Bitkeyeva
Doctor of Philology
(Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences;
Institute of World Literature,
Russian Academy of Sciences),
Saizana Sergeevna Tovuu
Candidate of Philosophy
(Institute for the Development
of National School, Republic of Tuva).

Хроника языкового сдвига в тувинском языке в Республике Тыва

Айса Н. Биткеева

Институт языкознания РАН; Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова,
Российская Федерация,

Чечек С. Цыбенова

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Российская Федерация

В статье представлен анализ наиболее релевантных для современного тувинского языка и языковой ситуации в Туве факторов языкового сдвига. Рассматриваются факторы, способствующие интенсивному изменению языковой среды, специфика языкового законодательства и языковой политики в Туве и, в целом, в Российской Федерации, поведенческие и оценочные установки носителей современного тувинского языка. Используются данные социолингвистического обследования 2021 г. среди городского и сельского населения Тувы; а также официальная информация, статистические данные.

Авторы выяснили, что экстралингвистические факторы функционирования современного тувинского языка (географическое положение, труднодоступность региона, позднее вхождение Тувы в состав СССР, обусловившие компактность проживания тувинцев на одной территории и их численное преобладание) уже не являются определяющими. Существенное влияние на языковую ситуацию сегодня оказывает образовательная политика государства, основанная на единых федеральных стандартах, экономические факторы, широкое распространение сети Интернет и русскоязычное телевидение. Русский язык все шире используется тувинцами в семейной коммуникации, что особенно характерно для городской среды, близлежащих к городу районов.

Наиболее динамичными факторами, которые способствуют постепенному изменению языковой лояльности, языковых установок тувинцев, нарушению межпоколенной передачи родного языка, считаются повышение прагматической ценности образования среди молодежи, распространение цифровых технологий, а также изменение системы традиционных ценностных смыслов и социокультурной среды в целом.

Ключевые слова: фактор языкового сдвига; Республика Тыва; тувинский язык; языковая ситуация; языковая политика; языковая компетенция; языковая лояльность; языковой сдвиг

Статья подготовлена в рамках научного проекта «Сохранение языкового и культурного многообразия и устойчивое развитие Арктики и Субарктики Российской Федерации» (грант Правительства РФ, соглашение № 075-15-2021-616).

Для цитирования:

Биткеева А. Н., Цыбенова Ч. С. Хроника языкового сдвига в тувинском языке в Республике Тыва // Новые исследования Тувы. 2022. № 4. С. 6-27. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.1>

Биткеева Айса Николаевна — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям Института языкознания РАН; главный научный сотрудник Международной научно-исследовательской лаборатории «Лингвистическая экология Арктики» Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Адрес: 125009, Россия, г. Москва, пер. Большой Кисловский, д. 1/1; 677000, Россия, г. Якутск, ул. Кулаковского, д. 42. Эл. адрес: an.bitkeeva@iling-ran.ru

Цыбенова Чечек Сергеевна — кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела языкознания Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Адрес: 670045, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, д. 6. Тел.: +7 (301-2) 43-35-51. Эл. адрес: tschechek@mail.ru

PHILOLOGY

Article

Chronicle of the Tuvan language shift in the Republic of Tuva**Aysa N. Bitkeeva***Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences; Ammosov North-Eastern Federal University, Russian Federation,***Chechek S. Tsybenova***Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation*

The article presents an analysis of the language shift factors that are the most relevant for modern Tuvan and the linguistic situation in Tuva. The authors examine the factors that cause intense changes in the language environment, the specificity of the language legislation and policy in Tuva and in the Russian Federation in general, as well as behavioral and estimating attitudes of the present-day Tuvan language speakers. The research is based on the data of a sociolinguistic survey conducted by the authors in 2021 among the urban and rural population of Tuva as well as on official information and statistical data.

The authors have come to the conclusion that extralinguistic factors in the functioning of the contemporary Tuvan language (geographical location, the inaccessibility of the region, the late entry of Tuva into the USSR that determined the density of the Tuvan population within one territory and their predominance in number) are not of any great significance anymore. The state educational policy based on uniform federal standards, economic factors, the widespread use of the Internet and Russian-language television exert a significant influence on the language situation in Tuva today. The Tuvans often speak the Russian language in family communication, this is especially typical for the urban Tuvans and those living near towns.

The most dynamic factors that contribute to the gradual changes in language loyalty, language attitudes of the Tuvans, and the loss of intergenerational transmission of the mother tongue are the following: an increase of the pragmatic value of education among young Tuvan people, the spread of digital technologies, as well as changes in the system of traditional values and in the sociocultural environment in general.

Keywords: language shift factor; Republic of Tuva; Tuvan language; language situation; language policy; language competence; language loyalty; language shift

Financing

The research was carried out within the framework of the project "Preservation of Linguistic and Cultural Diversity and Sustainable Development of the Arctic and Subarctic of the Russian Federation" (grant no. 075-15-2021-616 from the Government of the Russian Federation, agreement no. 075-15-2021-616).

For citation:

Bitkeeva A. N. and Tsybenova Ch. S. Khronika iazykovogo sdviga v tuvinskom iazyke v Respublike Tyva [Chronicle of the Tuvan language shift in the Republic of Tuva]. *New Research of Tuva*, 2022, no. 4, pp. 6-27. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.1>

Bitkeeva, Aysa Nikolaevna, Doctor of Philology, Leading Research Fellow, Research Center on Ethnic and Language Relations, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences; Chief Research Fellow, International Research Laboratory "Linguistic Ecology of the Arctic", M. K. Ammosov North-Eastern Federal University. Postal addresses: 1/1 Bolshoy Kislovsky Per., 125009 Moscow, Russian Federation; 42 Kulakovskogo St., 677000 Yakutsk, Republic of Sakha (Yakutia), Russian Federation. E-mail: an.bitkeeva@iling-ran.ru

ORCID ID: 0000-0003-3765-2144

Tsybenova, Chechek Sergeevna, Candidate of Philology, Researcher, Department of Linguistics, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Postal address: 6 Sakhianova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation. Tel.: +7 (301-2) 43-35-51. E-mail: tschechek@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-7789-1492

Введение

В последние годы в научном и общественном дискурсе активно обсуждается тема языкового сдвига относительно языков России. Ученые констатируют, что процесс исчезновения языков меньшинств особенно в последние десятилетия ускорился, почти все языки народов находятся на разных стадиях языкового сдвига. Этому способствует ряд объективных факторов характерных современной языковой ситуации в России: очевидный функциональный дисбаланс между русским языком и языками этносов национальных территорий, не в пользу последних; значительно изменившийся образовательный ландшафт и роль национальных языков в нем, что стало результатом действия поправок в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации», принятых в 2018 г.; экономическая нестабильность в регионах, которая стимулирует процессы урбанизации и активизирует внутреннюю и внешнюю миграцию. Следствием всех этих факторов и становится языковой сдвиг. В целом языковой сдвиг возникает как следствие социальных и экономических факторов, языкового престижа и языковой идеологии, смены власти и исторической травмы.

В условиях языкового сдвига обнаруживается значительная вариативность в знании и употреблении языка, наблюдаются вариации в отношениях к нему. Но даже быстрый языковой сдвиг, потеря языка может произойти в одном поколении: язык быстро исчезнет, если количество говорящих относительно невелико, и все дети сразу же прекращают изучать язык, происходит неравномерно в более многочисленном сообществе (Гренобль, 2021: 10–11).

Существует мнение, что термин *language shift* (языковой сдвиг) впервые в своих работах ввел Дж. Фишман (Fishman, 1991). Однако, исследователи отмечают, что процессы языкового сдвига рассматривались еще раньше в работах У. Вайнрайха (Weinreich, 1953; Вайнрайх, 1979). Языковой сдвиг — явление относительно новое и особенно актуальное сейчас в контексте языков России. Языковой сдвиг, иными словами смена языка, понимается как результат утраты этносом этнического языка. Различаются два типа языкового сдвига: первый — с сохранением знания языка своей национальности, второй — с полной потерей знания языка своей национальности. Процесс языкового сдвига начинается тогда, когда к новому языку прибегают в тех сферах, где ранее использовался только этнический язык (Язык и общество, 2016: 849). Этому пониманию языкового сдвига мы будем придерживаться в статье.

Целью настоящей статьи является анализ модели языкового сдвига на примере тувинского языка. Тувинский язык можно отнести к группе перспективных языков¹. Ситуацию с ним можно определить как относительно стабильную, однако даже относительно тувинского языка можно констатировать начальную стадию языкового сдвига. Этот процесс языкового сдвига начался не сейчас, динамику нарастания проблемы следует проанализировать диахронно.

В статье рассматриваются наиболее релевантные для современного тувинского языка факторы, способствующие интенсивному изменению языковой среды. В этом контексте рассматривается специфика языкового законодательства и языковой политики в Туве и, в целом, в Российской Федерации, поведенческие и оценочные установки носителей современного тувинского языка. В качестве материала в статье использованы данные социолингвистических обследований, проводившихся авторами статьи в период с 2007 по 2022 гг., официальная информация и данные государственных учреждений Республики Тыва. Обследование проводилось среди разных групп тувинцев: 1) людей, обладающих властью, 2) людей, обладающих знаниями, экспертов, 3) языковых активистов, 4) членов языковой общности (включая молодежь).

Состояние изученности вопроса

Об особенностях языкового функционирования в Туве существует достаточно много различной литературы. В советское время исследованием некоторых вопросов языковой ситуации в Туве, изучением функционального состояния тувинского языка, вопросами его взаимодействия с русским языком, монгольским языком занимались Ш. Ч. Сат, Ю. Л. Аранчин, Д. А. Монгуш, Б. И. Татаринцев, Н. А. Сердобов и др.

¹ Всю совокупность языковых общностей России можно описать по следующим моделям развития: устойчивый тип развития языка (русский), перспективный тип развития (чеченский, татарский, якутский, тувинский и т. д.), нестабильный тип развития языка (калмыцкий, карельский, языки Дагестана и др.), слабо перспективный тип развития языка (язык тазов и др.) (Биткеева, Вингендер, Михальченко, 2019: 13).

Так, русские и монгольские лексические заимствования в тувинском языке детально описаны Б. И. Татаринцевым (Татаринцев, 1976 и др.¹). На основе типов билингвизма он выделял три периода русско-тувинских языковых контактов: 1) конец XIX в. — начало 30-х гг. XX в. характеризуется индивидуальным билингвизмом и устным заимствованием; 2) начало 30-х гг. — середина 40-х гг. XX в. определяется как период группового («культурного») билингвизма с преобладанием письменного пути заимствования; 3) вторая половина 40-х гг. — период проведения исследования (конец 60-х гг. — начало 70-х гг. XX в.) указывается автором как период массового билингвизма и сосуществования устного и письменного путей заимствования². Говоря о русских и монгольских лексических заимствованиях, он отмечал, что «своеобразным барьером на пути проникновения русского языкового влияния в Туву служил монгольский язык»³. Фундаментальной является и его работа о монгольском языковом влиянии на лексику тувинского языка (Татаринцев, 1976). В данном исследовании он выявил основную массу монголизмов, определил границы монгольского языкового влияния на тувинскую лексику, в основных чертах установил языки-источники.

Впервые социолингвистический опрос населения Тувы был проведен в 1967 г. по инициативе Института истории, филологии и философии СО АН СССР под руководством В. А. Аврорина⁴. Было выявлено, что тувинский язык доминирует во всех сферах личной и общественной жизни тувинцев-сельчан. В семье на родном языке общались с дошкольниками 99,8% и со школьниками 100% родителей, на работе его использовали 99,5%, предпочитали читать литературу, слушать лекции и смотреть театральные постановки на родном языке 88,2% респондентов. Исследование показало, что интенсивность применения тувинского языка как языка внутриэтнического общения в сельской местности очень высокая (Сердобов, 1968: 83–86). В данном исследовании также были вопросы, направленные на выявление особенностей тувинско-русского двуязычия. Доля двуязычных в опросе составила 72,6%. Качественная характеристика владения русским языком по трем видам двуязычия, согласно результатам, выглядела следующим образом: только понимают (форма «а») 6,6%, понимают и разговаривают (форма «б») 6,7%, понимают, говорят, читают и пишут (форма «в») 86,7% (там же: 91–95).

Опрос городского населения был проведен позже в 1968 г. Некоторые итоги и выводы по городскому массиву показали следующую картину: родным тувинский язык признали 88,3%; на работе общались на тувинском 8,4%, на русском и тувинском 75,6%, только на русском — 16%; в семье общались на тувинском около 69%. Отличия показателей по городскому и сельскому массиву автор объяснял влиянием типа населенного пункта. Так, городу характерен более неоднородный состав населения, значительно больше число смешанных браков, значительно больше представителей интеллигенции (Сердобов, 1971: 416–417).

Историю становления литературной формы тувинского языка, его общественные функции, основные сферы его функционирования и соотношение с русским языком, формирование стилей и структурные особенности подробно исследовал Ш. Ч. Сат (Сат, 1973). В свете языковой ситуации наших дней некоторые положения, написанные в его работе актуальны и в наши дни. Так, говоря о преподавании тувинского языка он справедливо отмечал, что без учета местных особенностей нельзя в административном порядке сокращать сроки коренизации в тувинской школе. По его мнению, в условиях отсутствия русской языковой среды во многих сельских местностях переводить преподавание на русский язык обучения с 7 класса нет необходимости и, наоборот, «нецелесообразно отодвигать сроки перехода на русский язык обучения при наличии необходимых условий и уровня знания русского языка у детей» (там же: 63–64). Он отмечал, что расширение роли русского языка обуславливается не только изменением языковой среды, но и усилением тувинско-русского билингвизма (там же: 64).

О важном практическом и теоретическом значении языковых процессов в Туве в плане прогнозирования путей, форм развития и взаимодействия тувинского и русского языков в середине 1980-х гг. писала З. В. Анайбан (Анайбан, 1985). В своем исследовании о тувинско-русском двуязычии она рассматривала особенности системы школьного обучения, системы средств массовой ком-

¹ Также: Татаринцев Б. И. Влияние лексики русского и монгольского языка на развитие лексической системы современного тувинского литературного языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1968. 26 с.

² Там же. С. 6.

³ Там же. С. 7.

⁴ Аврорин В. А. Социолого-лингвистическое изучение функционального взаимодействия языков народов Сибири // Проблемы изучения национальных отношений в Сибири на современном этапе. Новосибирск : б. и., 1967. 138 с. С. 29–46.

муникации, особенности двуязычия среди тувинцев в зеркале статистических данных 1970 г. и 1979 г. Кроме того, она приводила качественные показатели тувинско-русского двуязычия. По результатам ее этносоциологического исследования было выявлено, что у тувинцев преобладает развитое двуязычие, когда большинство населения свободно говорит, читает и пишет на русском языке. Среди сельчан «совершенно свободно» и «довольно свободно» владели русским языком 70,6% респондентов, в городе этот показатель был еще выше (там же: 27).

Начиная с 1990-х гг. проблемы и перспективы развития тувинского языка изучала М. Б. Мартан-оол. В своих исследованиях она рассматривала различные аспекты языковой ситуации в Туве: сферы функционирования тувинского языка, особенности и виды двуязычия у тувинцев, проблемы языкового законодательства, вопросы преемственности тувинского языка и др. (Мартан-оол, 2014). Изучив сферы функционирования тувинского языка периода конца 1990-х гг., она писала: «Сохранение тувинского языка не является актуальной проблемой, необходимо, скорей всего, говорить о “языковой ревитализации”, т. е. об оживлении его в некоторых сферах функционирования, в частности, как было сказано выше, в промышленно-производственных отношениях, в судопроизводстве, медицинской практике, в торговле и в сфере обслуживания» (там же: 149).

В начале 2000-х гг. социолингвистические процессы в республиках Южной Сибири (Хакасия, Тыва, Алтай) изучала также Т. Г. Боргоякова. Ее исследование относительно языковой ситуации в Туве следует считать одним из первых, где применяется терминологический аппарат, методы и приемы социолингвистики (Боргоякова, 2002). Одной из особенностей языковой ситуации в Туве, по мнению Т. Г. Боргояковой, является значительная социальная база монолингвистической социально-коммуникативной системы, речевой коллектив которой составляет 36,6% не владеющих или слабо владеющих русским языком тувинцев (там же: 113). Отмечая высокий официальный и фактический статус тувинского языка, высокий уровень языковой лояльности и языковой компетенции тувинцев во владении родным языком, поддержку со стороны государства и общества, она, как и М. Б. Мартан-оол, отметила, что «проблема сохранения языка титульного этноса не является для республики столь актуальной, как для большинства других республик РФ» (там же: 127).

Вопросы языкового функционирования в Туве волновали и педагогическое сообщество. Так, о проблемах обучения русскому языку в национальных школах писала Г. М. Селиверстова¹. Как она отмечала, если по результатам опроса 1993 г. 100 % опрошенных считали, что языком обучения в тувинской школе должен быть родной язык, то в 1997–1998 гг. так считали только 15,3%, обучение на родном и русском указали 47,5%, а 36,3% опрошенных предлагали вести предметы на русском уже с 1 класса, оставив тувинский язык как предмет.

Одной из проблем, на которые указывала тогда Г. М. Селиверстова, являлась неудовлетворенность состоянием обучения русскому языку в сельских школах, что заставляло многих родителей переезжать в город. В этих условиях наблюдалась переполненность городских школ. Дети, живущие у родственников, плохо владеющие русским языком, испытывали сильнейшие перегрузки. Она отмечала и позицию родителей, которые сами записывали детей в русскую школу, т. к. «в начальных классах русской школы на изучение русского языка отводится часов в 1,6 раза больше, чем в тувинской, и, во-вторых, на ЕГЭ с твоего ребенка, даже если он пришел в школу с нулевым знанием русского языка, спросится так же, как с носителя русского языка» и которые считают, что «их детям вполне достаточно владеть родным языком на уровне семейного общения»². Проблемы, на которые указывала Г. М. Селиверстова (настроения родителей, переполненность городских школ, ориентация на русскую школу), со временем не разрешились и до сих пор являются одними из актуальных и острых языковых вопросов в регионе.

В последние годы языковая ситуация в Туве стала рассматриваться более комплексно, наряду со степенью владения тувинцами русским языком исследователи стали обращать внимание и на степень владения родным языком. Поднимаются вопросы развития тувинского языка в цифровую эпоху, рассматривается специфика языковой политики. В этот период был проведен ряд социолингвистических исследований, выявляющих особенности социолингвистических корреляций, определяющих языковую компетенцию современных тувинцев-билингвов, их ценностные ориентации

¹ Селиверстова Г. М. Родной язык не нужен? Как решить проблемы двуязычия [Электронный ресурс] // Учительская газета. 2008. № 1. 8 января. URL: <https://ug.ru/rodnoj-yazyk-ne-nuzhen-kak-reshit-problemy-dvuyazychiya/> (дата обращения: 11.02.2022).

² Там же.

(Серээдар, 2018; Цыбенова, 2017; и др.¹). Исследования показывают, что функции тувинского языка ослабли по сравнению с советским периодом. Выявлено, что в городской среде большая часть тувинцев говорит на тувинском только в семье, в повседневной жизни чаще используют как тувинский, так и русский языки². Результаты свидетельствуют, что несмотря на высокий уровень языковой лояльности к тувинскому языку (97,8%), в младшем поколении наблюдаются более низкие показатели по уровню владения родным языком, снижение социального статуса родного языка, усиление процессов языкового сдвига среди молодого поколения (Цыбенова, 2017). Полученные данные приводят к выводу о важности обучения родному языку детей с раннего возраста, в частности, в дошкольных учреждениях, в начальных классах и в семейном кругу (Серээдар, 2018: 14).

На проблемы создания информационно-образовательных ресурсов на тувинском языке, вопросы дальнейшего внедрения и усовершенствования электронного корпуса тувинского языка, трудности применения современных технологий в исследованиях по тувинскому языку и литературе указывает М. В. Бавуу-Сюрюн (Бавуу-Сюрюн, 2016). Анализ современного состояния языкового образования как билингвального в системе школьного образования Тувы на фоне общероссийских процессов дается в коллективном исследовании А. Л. Арефьева, У. М. Бахтикиреевой, В. П. Синячкина (Арефьев, Бахтикиреева, Синячкин, 2021). В исследовании московских филологов привлечены актуальные за последние учебные годы количественные показатели по численности школьников, обучавшихся на тувинском языке, также изучавших тувинский язык как родной (там же: 261–263). В целом, характеризуя состояние тувинского языка, авторы отмечают, что «в силу несбалансированного языкового регулирования в трансгенерационной передаче тувинского языка очевидны потери» (там же: 265).

Особенностям языкового законодательства, проблемным аспектам языковой политики Тувы посвящена работа одного из соавторов данной статьи совместно Т. Г. Боргояковой (Боргоякова, Биткеева, 2020). Результаты опроса, анализ правовых актов по языку, научного и общественного дискурса позволили авторам выявить противоречие между положительным отношением к родному языку и установкой на владение русским языком в ущерб родному, а также обусловленность данного расхождения с «явной недостаточностью научного знания и образовательной информации об исключительной важности родного языка для интеллектуальной, эмоциональной и психологической успешности детей» (там же: 58).

Региональную образовательную политику в 1991–2008 гг. изучала Н. М. Очур³. Анализ архивных документов и нормативно-правовых актов в области образования тех лет позволил выделить в формировании региональной образовательной политики несколько этапов, на каждом из которых решались и реализовывались определенные задачи. Так, в конце 1980-х — начале 1990-х гг. разрабатывались и внедрялись образовательные программы и концепции, направленные на удовлетворение национально-образовательных потребностей населения республики. Период с 1995 г. по 1999 г. характеризуется постепенной стабилизацией политического, социально-экономического кризиса. Принимается Закон «Об образовании» (принят в 1995 г.), в статье 6 которого подчеркивалось, что основой национально-культурного развития личности является воспитание и обучение на родном языке. С 2000 г. региональная образовательная политика характеризуется активной модернизацией. Указывается, что задачи и подходы региональных актов во многом соответствовали основным положениям федеральных документов (Очур, 2012: 388–390).

Основные направления государственных программ Республики Тыва «Развитие тувинского языка на 2017–2020 годы» и «Развитие государственных языков Республики Тыва на 2021–2024 годы» рассматривала С. С. Товуу (Товуу, 2021). Анализ содержания, принятой на новый период программы показал, что она «определяет стратегию сохранения и упрочения сбалансированного тувинско-русского и русско-тувинского двуязычия, при котором обеспечивается знание тувинского языка как государственного и русского языка как языка государственного и языка межнационального

¹ См. также: Цыбенова Ч. С. Современная языковая ситуация в Республике Тыва: социопсихолингвистический аспект: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2013. 24 с.; Кан В. С. Тувинский язык и письменность в общественном мнении кызылчан // Плюс Информ. 2010. 28 июля. № 30 (445). С. 36.

² Кадыг-оол Х. К., Кан В. С. Где и как часто кызылчане используют тувинский язык? // Плюс Информ. 2010. № 31 (446). 4 августа. С. 4.

³ Очур Н. М. История развития общего образования в Республике Тыва в условиях трансформации российского общества (1991–2010 гг.): автореф. дис. ... канд. истор. наук. Иркутск, 2013. 22 с.

общения всем населением республики, создания условий для гармоничного взаимодействия двух государственных языков» (там же: 40).

Как видим, вопросы языкового функционирования в Туве привлекают внимание многих исследователей. Поэтому в функциональном аспекте языковую ситуацию в Туве на данный момент можно считать относительно изученной. При этом следует отметить, что долгое время языковая ситуация в Туве или исследовалась фрагментарно на основе статистических данных различных переписей населения, единичных опросов, или рассматривалась в рамках более крупных исследований в сопоставительном аспекте. Применительно к тувинскому языку подобный подход был обусловлен достаточной степенью его сохранности, относительно высоким уровнем языковой компетенции его носителей, интенсивностью его функционирования в большинстве социальных сфер как средство внутриэтнического общения тувинцев. Очевидно, что эти показатели позволяют оценивать функциональное состояние тувинского языка как благополучное, но на фоне данных других малых национальных языков РФ. Однако по сравнению с такими языками, как татарский или якутский, уровень функциональной мощности тувинского языка характеризуется недостаточно развитым. Поэтому проблема сохранения, функционирования и дальнейшего развития тувинского языка в условиях глобализации, информатизации общества в последние годы становится все более актуальной.

Таким образом, отметим, что нехватка научных работ на основе анализа регулярного мониторинга языковых процессов в Туве, серьезных исследований, проведенных с привлечением комплексных данных, с применением междисциплинарных подходов, все еще ощущается.

Развитие тувинско-русского двуязычия, система образования и этапы языкового сдвига

С образованием Тувинской Народной Республики (ТНР) в 1921 г. в тувинском обществе начались глубокие преобразования не только социально-экономического, но и культурно-просветительского характера. В период существования ТНР (1921–1944 гг.) произошли такие важные события в общественно-культурной жизни тувинцев как создание национальной письменности (1930 г.) и формирование сети национальных школ. Отметим, что первоначально тувинцами образование понималось исключительно как духовное. Языковая среда была монопольной. Между тем определенное распространение в то время получил монгольский язык, но тувинско-монгольское двуязычие имело локальный характер. Монгольский язык функционировал в среде чиновников и ламского духовенства как язык делопроизводства, межнационального общения, культурного запроса. Его разговорная форма широко использовалась жителями юго-восточных пограничных с Монголией районов, который в настоящее время в определенной степени сохранился и функционирует до сих пор.

Создание собственной письменности стимулировало расширение различных сфер функционирования тувинского языка, а также способствовало формированию его литературной базы, обогащению лексического состава, развитию новых стилей (официально-деловой, научный, публицистический и т. д.) и др. Как свидетельствуют исторические документы и научные исследования, школьное образование развивалось быстрыми темпами. Так, в 1931 г. насчитывалось всего 7 школ, обучалось 450 детей, работали 13 учителей, а в дальнейшие годы планомерная политика ТНР способствовала тому, что к 1940–1941 учебному году, функционировало уже 70 школ, в которых обучалось до 4 тыс. учащихся, преподавало 145 учителей (Конгар, 1980: 39). Отметим, что первоначально тувинская и русская школы функционировали отдельно. По сведениям исследователей, первые русские школы были открыты в 1908 г. (Оюн, 2011: 79). В 1941 г. у русского населения ТНР работали 38 школ (одна средняя, 4 неполных средних, 33 начальных), обучалось 3634 учащихся (Аранчын, 1982: 221).

С вхождением Тувы в состав СССР (1944 г.) интеграционные процессы усилились. Развитие шло по всем отраслям народного хозяйства, развивались не только политические, экономические, культурные связи, но и сфера образования. Так, всеобщее начальное образование было введено в 1949–1950 учебном году, а через год в 1951–1952 учебном году — семилетнее образование (Конгар, 1980: 39–40). Обязательное всеобщее среднее образование было введено в 1978 г. Постепенно появилась модель смешанных школ, когда сформировывались отдельные русские классы. Такие школы в основном функционировали в сельских местностях, где русскоязычное население было малочисленным. Важно отметить, что в указанные годы в национальных школах тувинский язык функционировал не только как предмет, но и как язык преподавания других дисциплин до 7 класса включительно, кроме

русского языка и литературы. Этот период характеризовался развитием группового тувинско-русского билингвизма. Социальную базу русского языка составляли русские специалисты, прибывшие в Туву по распределению, и часть тувинцев, которая получила образование в СССР.

В 1970–1980-е гг. отмечается огромный скачок в уровне образования населения, что было обусловлено совершенствованием научно-методического сопровождения, улучшением материально-технического оснащения школ, увеличением численности педагогов, повышением качества обучения. Согласно архивным сведениям Министерства просвещения Тувинской АССР, в этот период широкое распространение получили национальные или тувинские школы (*тыва школа*). Например, в 1983/84 учебном году в республике насчитывалось 96 национальных школ, что составляло 60% всех имеющихся школ (Анайбан, 1985: 19). Как указывает З. В. Анайбан, в смешанных школах учебный процесс проводили как на русском, так и на тувинском языках в зависимости от состава учащихся в классах. Русские школы имели распространение в основном в городе (там же: 19–20). По ее мнению, статистические сведения переписей 1970 и 1979 гг., а также результаты социологического исследования говорили о том, что русский язык в сфере школьного образования расширялся последовательно, уровень языковой компетенции тувинских учащихся во владении русским языком повышался по мере перехода из одного класса в другой. Кроме того, с каждым годом увеличивались показатели ребят в одних и тех же классах. Самые высокие показатели были у школьников старших классов, самые низкие у школьников начальных классов (там же: 20).

Вместе с тем в этот период наблюдался устойчивый рост тувинско-русского двуязычия среди коренного населения Тувы. Указывается, что самый высокий удельный вес был отмечен среди тувинской молодежи в возрасте 20–29 лет. По данным переписи 1970 г. их доля составляла 77,6%, по данным 1979 г. — 94,8%. И, наоборот, самые низкие показатели были у населения в возрасте от 60 лет и старше: в 1970 г. всего 7,0%, в 1979 г. — 19,6% (там же: 23). Как пишет З. В. Анайбан, массовое распространение двуязычия среди тувинцев началось в 1950-е годы, а «... среди других народов, в частности, нерусских народов различных автономий, началом пути к общенародному двуязычию принято считать 1930-е годы. Следовательно, можно говорить о том, что движение тувинцев к всеобщему двуязычию проходило в более сжатые сроки» (там же: 24).

Однако степень владения русским языком у многих тувинских учащихся не отвечала требованиям школьных программ. Об этом писали многие педагоги-русисты. На основе проверок, проведенных в разных районах республики Тувинской лабораторией научно-исследовательского института национальных школ и Институтом усовершенствования учителей в середине 1980-х гг., Р. П. Бегзи отмечала низкий уровень навыков чтения, отсутствие положительной динамики от начальных к средним классам. Если в 2–3 классах с нормой чтения не справлялись 24–28% учащихся, то в 4 классах — 42%, в 6 классах — 64%. Кроме того, она отмечала недостатки в диалогической речи (отсутствие речевых клише, ограниченность средств выражения, нарушение речевого этикета и пр.), монологической речи, несформированность грамматических навыков (нарушение согласования сказуемого с подлежащим, неправильный выбор окончания, пропуски предлога) (Бегзи, 1985: 35–38). Исходя из полученных данных первоначальных срезов по разным сельским школам, она пришла к выводу, что только 4–6% детей владело до школы элементарными навыками понимания и говорения по-русски (там же: 40). Другими словами, большинство детей-тувинцев поступали в школу с нулевым знанием русского языка. Отсутствие полноценной языковой среды во многих населенных пунктах, особенно в тех, где не было носителей русского языка, не способствовало активному освоению языка детьми. Поэтому тувинско-русский билингвизм с точки зрения коммуникативного источника имел неконтактный характер.

В дальнейшем распад Советского Союза привел к активным преобразованиям во всех сферах деятельности российского государства. Со сменой общественно-политического строя, на фоне идеи суверенизации, межэтнической напряженности, изменения языковой среды в системе образования были приняты меры, направленные на развитие и укрепление тувинского языка. Как указывают исследователи, основным документом, регулирующим деятельность образовательных учреждений, стал закон РТ «Об образовании» (1995 г.), в котором учитывалась специфика и особенности системы образования в Туве. Так, статья 6 рассматривала воспитание и обучение на родном языке как основу национально-культурного развития личности, давала возможность выпускникам общеобразовательных школ при поступлении в высшие и средние специальные учебные заведения Тувы сдавать экзамены и на русском, и на тувинском языке (Очур, 2012: 388).

Важно отметить, что в этот период в содержание образования начали внедрять и реализовывать национально-региональный компонент. Как пишет Н. М. Очур, «стали возрождаться традиции национальной школы, преподавание родного языка, воспитание молодого поколения на основе этнопедагогике. Этому способствовали постановление Совета Министров «Об основных направлениях развития народного образования Тувинской АССР на 1991–2000 гг.» (1991 г.), «Программа развития образования РТ на 1998–2003 гг.» (1998 г.)»¹. В эти годы для общеобразовательных учреждений Тувы была издана следующая учебная литература: «История Тувы» (9 класс), «География Тувы» (8 класс), «Народоведение» (3–4 классы), «Тувинский язык» (5–9 классы), «Тувинская литература (5–11 классы)»². При этом отмечается, что в плане разработки и издания учебников национально-регионального компонента Тува отставала от регионов Сибири³.

С начала 2000-х гг. языковая политика в области образования становится все более унифицированной. В отечественном образовании произошли модернизационные процессы, связанные с Болонской системой, постепенно была введена система обязательного единого государственного экзамена (с 2009 г.), образовательный процесс стал строиться на основе федеральных государственных образовательных стандартов. Так, в образовательных учреждениях Тувы федеральные государственные общеобразовательные стандарты начали реализовывать с 2010–2011 учебного года. Стандарты вводились поэтапно на базе школ, утвержденных как пилотные площадки. По информации Тувинского института развития образования и повышения квалификации с 2010–2011 уч. г. начали обучение в пилотном режиме 1–4 классы, с 2012–2013 уч. г. 5–9 классы, с 2017–2018 уч. г. учащиеся старшей школы. В дошкольных образовательных учреждениях образовательные стандарты начали реализовывать в штатном режиме с 2014–2015 учебного года⁴.

Внедряемые новшества привели к необходимости усиления позиции русского языка как государственного языка РФ и в Туве. Относительно языка обучения в школах Тувы в тексте «Стратегии развития образования и науки Республики Тыва на период до 2030 г.» указывается, что «Язык, на котором ведутся школьные предметы, определяется локальными нормативными актами организации, осуществляющей образовательную деятельность по реализуемым ею образовательным программам, в соответствии с законодательством Российской Федерации»⁵. В тексте данного документа также прописано, что языком обучения во всех образовательных организациях начального, основного и общего среднего образования является русский язык. Тувинский язык сегодня используется только «как средство обучения на уроках родного языка и литературы с начальной школы»⁶.

Согласно анализу развития системы образования Республики Тыва, по итогам 2017–2018 учебного года функционировало 176 общеобразовательных школ, из них 16 школ с русским языком обучения, 149 школ с классами обучения на русском языке с параллельным изучением родного (тувинского) языка как самостоятельного предмета и 19 школ с обучением на родном (тувинском) языке в начальных классах⁷. По сведениям Института развития национальной школы в 2020–2021 учебном году родной (тувинский) язык и родную (тувинскую) литературу как самостоятельный предмет изучали с 1 по 11 классы в 165 средних общеобразовательных учреждениях Тувы, что составило 65,8% (46737) обучающихся⁸. С 2019 г. Институтом развития национальной школы также внедряется региональный

¹ Очур Н. М. История развития общего образования в Республике Тыва в условиях трансформации российского общества (1991–2010 гг.) : автореф. дисс. ... канд. истор. наук. Иркутск, 2013. С. 17.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Информация об опыте апробации федерального государственного образовательного стандарта общего образования в Республике Тыва. (2018) [Электронный ресурс] // Тувинский институт развития образования и повышения квалификации. URL: https://ipktuva.ru/sites/default/files/doc/FGOS/vved_realiz/infografika_fgos_2018.pdf (дата обращения: 16.05.2022).

⁵ Стратегия развития образования и науки Республики Тыва на период до 2030 г. [Электронный ресурс] // Министерство образования и науки Республики Тыва. URL: https://monrt.rtyva.ru/images/deyatelnost/modern/311018_538.pdf (дата обращения: 16.05.2022).

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Сайзана Товуу [Электронный ресурс] // Институт развития национальной школы. 2022, 27 марта. URL: https://vk.com/irnsh?w=wall-113735841_3787 (дата обращения: 16.05.2022).

проект «Тувинский язык детям». Программа осуществляется в 207 дошкольных образовательных учреждениях и охватывает 17513 детей дошкольного возраста¹.

В 2021 г., по официальным данным, 18% учащихся школ Тувы не смогли сдать ЕГЭ/ОГЭ. По мнению преподавателей, экспертов, причиной этому стала пандемия, отсутствие возможности посещения уроков, отсутствие технических средств у большинства населения для организации онлайн-занятий, но основной причиной является негативный эксперимент Министерства образования Тувы запущенный в 2016 г., когда согласно ФГОС тувиноязычные учебники были заменены русскоязычными. В 2021 г. это привело к тому, что выпускники показали низкий результат на ЕГЭ, дети не смогли в полной мере освоить предметы ни на русском, ни на тувинском языках. Осознав пагубность языковой политики Министерства образования РТ, государственные органы, экспертное сообщество, общественность в 2022 г. принимают решение разработать три линейки учебников: для детей русскоязычных, не владеющих тувинским, для детей двуязычных и для детей тувиноязычных монолингвов.

Как видим, в условиях реформы системы языкового образования многие национальные регионы, в которых преподаются государственный язык РФ и государственный язык региона, находятся в непростой ситуации. В Туве, как в относительно моноязычном регионе, тенденция развития и поддержки этнокультурного образования сохраняется. Тем не менее, принцип добровольности, сокращение функционирования языка во многих сферах, ухудшение общей языковой компетенции молодых носителей языка пока не способствуют улучшению ситуации по преподаванию тувинского языка в школах.

Какова же динамика языковых преобразований относительно тувинского языка, имеет ли она сугубо отрицательный контекст, какие факторы являются триггерами языкового сдвига в тувинском языке в Туве?

Экономика и тувинский язык

Одним из факторов, оказывающих существенное влияние на языковые процессы в регионе, является социально-экономическая ситуация. Данный фактор мы рассматриваем в рамках проспективной социолингвистики, направленной на изучение проблемы языкового функционирования через призму языкового прогнозирования и планирования.

По многим параметрам социально-экономического развития Тува отстает от аналогичных среднероссийских индикаторов. Так, по среднедушевому уровню доходов населения в 2017 г. регион занимал 85 место среди субъектов РФ и последнее место в Сибирском федеральном округе². Уровень общей безработицы Тувы в 2019 г. достиг 12,3%, а численность безработного населения составила 14,4 тыс. человек³. Отмечается недостаточный уровень развития социальной инфраструктуры, в первую очередь нехватка и переполненность дошкольных и средних образовательных учреждений. Тува является дотационным регионом. Уровень заработной платы относительно низкий. В связи с последними изменениями пенсионной системы РФ в 2018 г. в Туве увеличился и возраст выхода населения на пенсию (до изменения женщины выходили на пенсию в 50 лет, мужчины в 55 лет).

Следует отметить, что несмотря на наличие различных проектов и грантов, направленных на поддержку сельского населения, развитие сельского хозяйства, молодежь не стремится остаться на селе. Например, губернаторский проект «Кыштаг для молодой семьи» (*кыштаг* — зимняя чабанская стоянка) поддерживает развитие традиционного животноводства путем привлечения сельской молодежи, помогает приобрести поголовье скота, построить чабанскую стоянку⁴. Молодежь пользуется этими средствами, но, как показывают наблюдения, некоторые зачастую после оформления приобретают необходимое, но на деле обязательства выполняют пожилые родители, родственники.

¹Тыва дыл — сайзыралда [Электронный ресурс] // Шын. 2020, 30 октября. URL: <https://shyn.ru/tyva-dyl-sajzyralda/> (дата обращения: 20.05.2022).

²Стратегия социально-экономического развития Республики Тыва до 2030 года (2018) [Электронный ресурс] // Министерство экономического развития Российской Федерации. URL: <https://economy.gov.ru/material/file/e5d7757d02411b83d11bedda5f064078/61218rt.pdf> (дата обращения: 10.02.2022).

³Республика Тыва в цифрах 2019 : стат. сб. / Красноярскстат. Кызыл, 2020. С. 22.

⁴Губернаторский проект Кыштаг для молодой семьи (2020) [Электронный ресурс] // Официальный портал Республики Тыва. URL: <https://rtyva.ru/upload/iblock/71c/Губернаторский%20проект%20Кыштаг%20для%20молодой%20семьи,%202020%20г.pdf> (дата обращения: 14.03.2022).

В условиях социально-экономической нестабильности наблюдается активная миграция трудоспособного населения в другие регионы. Миграционные процессы в большей степени связаны с безработицей, с низким уровнем заработной платы, с высокой закредитованностью населения. Поэтому многие выезжают с целью заработка, распространена маятниковая миграция. Как показывают статистические данные, большинство выезжают в соседние регионы (Республика Хакасия, Красноярский край, Новосибирская область) и в регионы Дальневосточного федерального округа¹ (табл. 1).

Таблица 1. Показатели межрегиональной миграции в и за пределы Тувы, чел.

Table 1. Indicators of interregional migration to and out of Tuva, number of people

	Январь — ноябрь 2020 г.		Январь — ноябрь 2019 г. (справочно)	
	число прибывших	число выбывших	число прибывших	число выбывших
Межрегиональная миграция	4226	4393	4618	5137
в т. ч. по федеральным округам:				
Центральный	343	319	413	382
Северо-Западный	246	271	218	337
Южный	58	62	30	113
Северо-Кавказский	13	35	12	24
Приволжский	73	79	77	71
Уральский	80	85	120	110

Показатели ежегодной миграционной убыли населения Тувы (преобладание выбывших над прибывшими) демонстрируют неустойчивый характер. Так, в 2015 г. она составила –2380 чел., а в 2019 г. — –382 чел.² В 2020 г. данный показатель был равен –579 чел., а в 2021 г он увеличился и составил –1358 чел.³ Темпы миграции населения остаются высокими. Данные показывают, что за пределы Тувы выезжают чуть меньше, чем по республике. В 2019 г. межрегиональная миграция составила 5537 чел., внутрирегиональная — 5929 чел.⁴ В 2021 г. межрегиональная составила 5708 чел., внутрирегиональная — 6178 чел.⁵

За пределами республики многие занимаются неквалифицированным трудом в сфере торговли, коммунального хозяйства, в строительстве и других сферах. В последние годы появились волны профессиональной миграции (см. подробнее: Бадмаева, Натсак, 2021). Многие выезжают работать вахтовым методом. Мужское население, имеющее воинскую обязанность, прошедшее отбор по состоянию здоровья, поступают на военную службу по контракту. Молодые специалисты с дипломами, не нашедшие после окончания вуза работу, либо находят работу по договору в другом регионе, либо меняют квалификацию. В плане языковой компетенции очевидно, что в условиях иноязычной среды речь на родном языке уже звучит реже. Зачастую в этих условиях зарождается нарушение межпоколенной передачи родного языка детям, развивается несбалансированный билингвизм, с постепенным переходом на доминирующий русский язык.

¹ Социально-экономическое положение Республики Тыва в 2020 г. Доклад, № 1.37.2РТ / Управление Федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю, Республике Хакасия и Республике Тыва (Красноярскстат). Кызыл, 2021. 98 с.

² Республика Тыва в цифрах 2019: стат. сб. / Красноярскстат. Кызыл, 2020. С. 11.

³ Республика Тыва в цифрах 2021: стат. сб. / Красноярскстат. Кызыл, 2022. 173 с. С. 24.

⁴ Республика Тыва в цифрах 2019: стат. сб. / Красноярскстат. Кызыл, 2020. 151 с. С. 19.

⁵ Республика Тыва в цифрах 2021: стат. сб. / Красноярскстат. Кызыл, 2022. 173 с. С. 24.

При этом отметим, что на новом месте мигранты создают землячества. Это явление обычно характерно для первого поколения мигрантов. Подобная форма общения позволяет укреплять и расширять связи не только внутри сообщества, но и позволяет не потерять свой язык, культуру, это необходимо для поддержки своей этнической идентичности. В основном развиты студенческие землячества, но действуют и более крупные сообщества (в Москве, на Сахалине и др.) (см.: Ламажаа, 2014; и др.)¹.

Очевидно, что социально-экономические факторы дали толчок к развитию рыночной экономики, появляются новые сферы (финансовые услуги — кассиры в кредитных организациях, профессиональные услуги, бьюти-салоны — парикмахеры, визажисты, массажисты; услуги телекоммуникаций и сотовой связи — операторы, консультанты и др.).

В подобных интегрированных сферах, как рынок услуг, наблюдается интенсивное влияние функционально сильного русского языка, в речи современных носителей тувинского языка широко встречается интеркаляция (языковые вкрапления), заимствования и другие нарушения речи. Например, в речи молодежи часто используется 'эжимка', 'эжимушка' вместо традиционного обращения к друзьям и близким 'эжим' или *надоелсиг* 'надоедливый' вместо 'шаштыктыг' (см., например: Сувандии, 2021; и др.) В последнее время особое внимание привлекает и лексика сетевых средств массовой информации. Так, слово «поклонник» на тувинский язык переведено как *моггейикчи* от глагола *могеер* 'кланяться, поклоняться', которое относится к высокому стилю, или слово «волонтер» переведено как *эки турачы*, которое имеет значение 'доброволец на фронт'.

Информационно-коммуникативные технологии и тувинский язык

Еще одним динамичным фактором, оказывающим значительное влияние на состояние и функционирование тувинского языка в настоящее время, следует назвать информационно-коммуникационные технологии. С развитием технологий, появлением различных средств связи (телефоны, смартфоны и др.), развитием телевидения, распространением сети Интернет, изменился характер получения информации и источники его получения. В этом контексте следует утверждать об изменении языковой среды, под которой подразумевается не только языковое сообщество, окружающее индивида, но также языковой ландшафт (объявления, вывески, реклама и пр.) и информационно-коммуникационная среда (язык телевидения, газет, радио, контента интернет-ресурсов). С лингводидактической точки зрения отмечается, что «Воздействие языковой среды может привести к вытеснению родного языка на задний план, второй язык вывести на первое место» (Панькин, Филиппов, 2011: 142). Поэтому информационно-коммуникационная среда сегодня пока воздействует негативно на развитие тувинского языка. Доля представленности контента на тувинском языке в сети «Интернет» мизерная и в новых технологичных сферах он практически не функционирует. Носители тувинского языка вынуждены переходить на функционально более мощный русский язык, использовать более развитые русскоязычные, англоязычные и другие контенты.

Очевидно, что молодое поколение тувинцев активно вовлекается в социальные сети («Одноклассники», «ВКонтакте»), просматривает и пользуется популярными видеохостингами (YouTube, TikTok), повседневно используют различные мессенджеры (Viber, WhatsApp, WeChat, Telegram), ведут свои блоги. Однако сегодня в онлайн-пространство активно втягивается среднее и старшее поколения населения Тувы (см. подробнее: Ламажаа, 2021). Так, согласно официальным сведениям, сегодня основная часть населения Тувы имеет доступ к сети Интернет и активно пользуется им² (табл. 2).

¹ РОО «Тувинское землячество» г. Москвы (страница в соцсети «ВКонтакте»: <https://vk.com/tuvzema>); Тувинское землячество на Сахалине (страница соцсети «ВКонтакте»: <https://vk.com/tuvasahalin>) и др.

² Республика Тыва в цифрах 2019 : стат. сб. / Красноярскстат. Кызыл, 2020. С. 100.

Таблица 2. Использование населением Тувы персональных компьютеров и сети Интернет, в % от общей численности населения в возрасте 15–74 лет

Table 2. The use of personal computers and the Internet by the population of Tuva, in % of the total population aged 15–74

	2015	2016	2017	2018	2019
Доля населения, использовавшего персональный компьютер	76,4	78,5	86,3	82,0	81,3
Доля населения, использовавшего сеть Интернет	72,4	72,9	85,2	88,8	93,9

В отчете о результатах деятельности Правительства Тувы за 2020 г. и о приоритетных направлениях деятельности на 2021 г. приводятся сведения о доле населения, имеющего доступ к сети Интернет. Так, в разные годы их доля выглядела следующим образом: 2006 г. — 36%, 2019 г. — 75%, 2020 г. — 93%, 2021 г. — 97%¹. Сотовой связью стандарта 4G обеспечены 78 населенных пунктов, где проживает 282726 человек (87,3% населения). Основную их долю составляют жители 18 районных центров и столицы республики (54% в г. Кызыле). Связь стандарта 3G имеется в 17 населенных пунктах с общей численностью населения 13230 человек (4%)². Таким образом, эти сведения позволяют нам говорить о том, что информационно-коммуникационные связи и технологии имеют широкое распространение среди населения Тувы, следовательно, можно говорить об активном изменении языковой среды, под которым мы подразумеваем и виртуальное пространство.

Наблюдается возрастающая роль телевидения на развитие детей дошкольного и младшего школьного возраста. Согласно статистическим данным, на конец 2018 г. в городах Тувы имели возможность принимать цифровое и аналоговое телевидение всё население, а на селе цифровое телевидение было доступно 95,4% населения, аналоговое — 91,2%³. В частности, путем наблюдения и экспертного опроса было выявлено, что многие тувинские дети увлекаются просмотром российского телеканала «Карусель». Данный телеканал пользуется большим спросом, имеет широкую аудиторию. Так, среди федеральных телеканалов по доле телесмотрения в сегменте семейной аудитории 4–45 лет, телеканал «Карусель», по данным Mediascope вышел на первое место — по итогам первого полугодия 2020 г. она составила 9,72% (см.: Данилов, Сахарова, 2020; и др.). Средняя продолжительность просмотра составила 103 минуты, что говорит о его лидерстве по продолжительности просмотра в сегменте семейной аудитории⁴.

В условиях недостаточности мест в дошкольных учреждениях многие родители вынуждены самостоятельно или с помощью родственников заботиться о малолетних детях дома вплоть до школы, где, как правило, те увлекаются просмотром телевизионных передач. В силу особенностей своего возраста, когда языковые и социальные навыки еще недостаточно развиты, дети, глядя и слушая телепередачи на русском языке, незаметно осваивают его, даже несмотря на общение родных в семье на тувинском языке. Так, русский язык зачастую становится доминирующим языком в их жизни. На такое речевое поведение указывают многие педагоги и воспитатели ДОУ. По мнению нашего информанта — 43-летнего воспитателя дошкольного учреждения в с. Суг-Бажы Каа-Хемского района (июль 2021 г.), «мальчиков-телевизоров», «девочек-телевизоров», как она их называет на русском языке, можно встретить и в моноязычных населенных пунктах. Эти дети не владеют родным (тувинским) языком активно, разговаривают исключительно на русском языке, который был освоен путем просмотра телевизионных передач, мультипликационных фильмов. Как правило, такое речевое поведение своего ребенка многие родители поддерживают.

¹ Отчет о результатах деятельности Правительства Республики Тыва за 2020 год и о приоритетных направлениях деятельности на 2021 год [Электронный ресурс] // Правительство Республики Тыва. URL: <https://gov.rtyva.ru/upload/iblock/2c1/vknovhxtzdzfxzuh8m5pir14907p913s/22584.pdf> (дата обращения: 10.02.2022).

² Там же.

³ Республика Тыва в цифрах 2019 : стат. сб. / Красноярскстат. Кызыл, 2020. С. 44.

⁴ Телеканал «Карусель» — лидер семейного телесмотрения среди федеральных телеканалов в первом полугодии 2020 года [Электронный ресурс] // Телеканал «Карусель». URL: <https://karusel-tv.ru/news/8448> (дата обращения: 10.02.2022).

В связи с этим следует говорить о том, что сегодня информационно-коммуникационная среда способствует формированию новых этнокультурных маркеров у тувинских детей.

Федеральная и региональная языковая политика и тувинский язык

Важным направлением языковой политики в области поддержки и функционального развития тувинского языка можно назвать государственную федеральную целевую программу «Развитие государственных языков Республики Тыва на 2021–2024 годы», утвержденную Правительством РТ от 08.12.2020 г. № 610¹.

Программа условно состоит из трех частей:

- основная часть,
- подпрограмма 1 «Развитие и распространение русского языка как основы гражданской самоидентичности и языка международного диалога»,
- подпрограмма 2 «Развитие тувинского языка на 2021–2024 годы».

Для поддержки развития тувинского языка поставлен ряд задач в сфере образования (разработка методики для билингвальной среды; широкое применение дистанционного обучения; разработка программ и учебников, их включение в федеральный перечень), в сфере науки (разработка и издание «Академической грамматики современного тувинского языка»; создание электронного корпуса тувинского языка, развитие научной лингвистической школы, повышение уровня исследований в области тувинской филологии), в сфере обслуживания (создание единого каталога названий географических объектов Тувы, оформление двуязычных уличных и дорожных указателей, вывесок, информационное оповещение на тувинском и русском языках на территориях аэропортов и автовокзалов), в сфере культуры (оцифровка письменных фондов, хранящихся в архивах, библиотеках, научных центрах и обеспечение их доступности), в сфере массовой коммуникации (оформление сайтов государственных и муниципальных административных органов, модернизация электронных ресурсов, создание мультимедийных ресурсов по литературе и фольклору, создание мультипликационных фильмов и передач для детей)².

Соглашаясь с актуальностью целей и задач программы, выделим некоторые недостатки подобных документов. Это, в первую очередь, направленность исключительно на достижение и исполнение указанных в ней индикаторов с целью освоения бюджета программы. Как правило, в них в большей степени декларируются цели и задачи прикладного характера, большинство формулировок переписываются с других документов.

В указанной программе многие положения также недоработаны. Например, излагается, что «... основой языковой политики в Республике Тыва является стратегия сохранения и упрочения сбалансированного тувинско-русского и русско-тувинского двуязычия, при котором обеспечивается знание тувинского языка как государственного и русского языка как языка государственного и языка межнационального общения всем населением республики, создания условий для гармоничного взаимодействия тувинского языка с русским языком в Республике Тыва»³. Вместе с тем в обосновании проблемы, в актуальности, в целях и задачах основной части программы упор сделан на развитие и поддержку русского языка. Отметим и то, что программа полностью финансируется из регионального бюджета и ее небольшой срок реализации (4 года). Поэтому задачи, указанные в вышеуказанной программе, направлены на достижение краткосрочных и общих целей, некоторые из которых в свое время были упущены и остались нерешенными, многие положения дублируются и совпадают с другими нормативными актами⁴.

¹ Постановление Правительства Республики Тыва от 08.12.2020 № 610 «Об утверждении государственной программы Республики Тыва «Развитие государственных языков Республики Тыва на 2021–2024 годы»» [Электронный ресурс] // Банк данных «Нормативные документы правительства Республики Тыва». URL: <http://nra.rtyva.ru/page/4328.html> (дата обращения: 05.05.2022).

² Там же.

³ Там же.

⁴ Так, в программе указывается необходимость оформления двуязычных уличных и дорожных указателей, вывесок тогда, как Закон «О языках в Республике Тыва» (в редакции 2003 г.) в части наименования географических объектов и указателей (глава 5) также предполагает возможность оформления различных онимов на тувинском и русском языках.

Считаем, что в ситуации неуклонного ухудшения состояния недоминирующего (тувинского) языка необходима документальная основа в виде концепции его развития, которая была бы направлена на более фундаментальные задачи, способствовала формированию комплексности и системности в поддержке функционирования тувинского языка как государственного языка Республики Тыва.

Языковой сдвиг в тувинском языке глазами носителей (на материале обследования 2021 г.)

Социологический опрос 2021 г., проведенный нами среди тувинцев, показал, что по мнению 49% опрошенных, языковое законодательство РФ и Республики Тыва не удовлетворяют языковые потребности граждан Республики Тыва, 33% ответили, что скорее обеспечивают, 18% затруднились ответить. По мнению 97% информантов государственная политика в Республике Тыва в языковой сфере должна прежде всего способствовать всесторонней поддержке языкового многообразия: всех больших и малых языков, местных и языков других регионов, лишь 3% указали, что это задача второстепенная¹.

Мнения по поводу статуса русского и других языков в Республике Тыва были следующие: 85% ответили, что русский и тувинский языки должны быть равноправными государственными языками в республике; 13% отметили, что в субъектах России как многонационального государства со множеством языков ни один из них не должен претендовать на особый статус; 2% указали, что русский язык должен быть единственным государственным языком в республике.

Еще одним важным и острым вопросом последних лет, который обсуждается научной общественностью, как уже ранее упоминалось, является вопрос о постепенном переходе школьного образования Тувы на русскоязычное обучение (в период с 2016 по 2021 гг.). Необходимо указать, что на русский язык обучения общеобразовательные учреждения Тувы перешли до вступления в силу поправок к Федеральному закону № 317-ФЗ «О внесении и изменении в статьи 11 и 14 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации»», в соответствии с которыми был введен принцип добровольности выбора языка обучения и изучения в системе образования. К сожалению, ни документальным подтверждением, ни обоснованием, в связи с чем и почему принято такое регрессивное для тувинского языка решение, исследователи пока не располагают. В научном дискурсе факт перехода на русский язык обучения, ситуация с тувинским языком в школах Тувы отмечается в работах и выступлениях многих исследователей (Боргоякова, Биткеева, 2020; и др.²).

Сведения о языке образования в школах Тувы указаны и в различных документах нормативно-правового характера. Так, в «Стратегии развития образования и науки Республики Тыва на период до 2030 г.» (утверждена постановлением Правительства РТ № 538 от 31 октября 2018 г.) в разделе 1.2.6. о содержании общего образования дается анализ развития системы образования Республики Тыва по итогам 2017/18 учебного года. В данной части дается четкая установка на использование языков в образовательном пространстве, «... с целью оказания методической помощи образовательным организациям системно проводится аудит учебных планов школ на соответствие нормативным правовым актам, принятым в сфере общего образования, в том числе прав на добровольное изучение родного языка из числа языков народов Российской Федерации»³.

Далее в этом же документе указывается, что «Институтом развития национальной школы (далее — ИРНШ) разработаны и направлены в образовательные организации республики методические рекомендации по поэтапному переходу на обучение на русском языке в начальных классах, на двуязычное обучение в дошкольных образовательных организациях»⁴.

¹ Данные обследований из личного архива А. Н. Биткеевой.

² Бавуу-Сюрюн М. В. Тувинский язык в современном образовательном пространстве [Электронный ресурс] // Институт языкознания РАН. 2022, 26 января. URL: https://iling-ran.ru/web/index.php/ru/news/220126_daclp_video (дата обращения: 22.06.2022); Сегленмей С. Ф. День тувинского языка. О языке обучения в начальной школе [Электронный ресурс] // СИА «Тува-онлайн». 2018, 1 ноября. URL: <https://tuvaonline.ru/2018/11/01/den-tuvinskogo-yazyka-o-yazyke-obucheniya-v-nachalnoy-shkole.html> (дата обращения: 17.06.2022).

³ Стратегия развития образования и науки Республики Тыва на период до 2030 г. [Электронный ресурс] // Министерство образования и науки Республики Тыва. URL: https://monrt.rtyva.ru/images/deyatelnost/modern/311018_538.pdf (дата обращения: 16.05.2022).

⁴ Там же.

Предполагаем, что переходу на русскоязычное обучение способствовали многие факторы: прокурорские проверки в образовательных учреждениях, связанные с нарушением преподавания русского языка в условиях несбалансированного тувинско-русского билингвизма, возможность двойственного прочтения многих положений законодательных актов и образовательных стандартов, недалекость и некомпетентность отдельных региональных чиновников и общественников.

Разделяя критическую точку зрения научной общественности, приведем мнение С. Ф. Сегленмей, которая пишет о том, что:

«Поправки, внесенные в федеральный закон от 3 августа 2018 года № 317-ФЗ «О внесении изменений в статьи 11 и 14 Федерального закона об образовании в Российской Федерации», звучат так: 1) статью 11 дополнить частью следующего содержания: 51. Федеральные государственные образовательные стандарты дошкольного, начального и основного общего образования обеспечивают возможность получения образования на родных языках из числа языков народов Российской Федерации, и т. д. Если внимательно вчитаться, то выясняется, что ничто не говорит о том, что нужно отказаться от родного языка как языка обучения»¹.

Подобного мнения придерживаются и другие исследователи: «Новый закон касается изучения родного языка как предмета, а не языка, на котором ведется обучение» (Мартынова, 2018: 81).

Мнение тувинцев по поводу добровольности изучения родных языков следующее. 61% согласились, принимают добровольность, 39% выступили против добровольности изучения родных языков.

Информантам был также задан вопрос «Согласно ФЗ «Об образовании в РФ» и № 317-ФЗ «О внесении изменений в статьи 11 и 14 ФЗ «Об образовании в РФ»», выбор языка обучения в учебных заведениях РФ является добровольным. Согласны ли Вы с такой формулировкой применительно к разным типам образовательных организаций?». Относительно детских садов 71% информантов инновацию поддержали, 26% — не поддержали, 3% затруднились ответить. Реализацию добровольности в школе 52% информантов поддержали, 46% — не поддержали, 2% затруднились ответить. В вузах: 55% — поддержали, 43% — были против, 2% затруднились ответить.

Несмотря на лояльные ответы о добровольности выбора языка обучения ответы на вопрос «Должны ли представители малочисленных национальностей в обязательном порядке изучать свой родной язык в школе или эта мера бесполезна, т. к. малые языки все равно обречены на исчезновение?» 88% указали, что изучение миноритарных языков в школе обязательно, 7% считают изучение бесполезным, 5% затруднились ответить. Важность владения родным языком детьми однозначно отметили 95%, 5% усомнились в важности этого.

Овладение же родным тувинским языком у тувинцев происходит у 79% опрошенных через общение с родителями, у 51% — через общение с бабушками/дедушками, 51% — в школе, 2% — благодаря среде общения. 3% указали, что выросли в тувиноязычной среде, 3% отметили пассивное владение языком, 2% — овладели тувинским языком в университете, 3% овладели в детстве.

Учитывая последние изменения в области языкового образования, отметим, что региональным властям необходимо предусмотреть и создать условия для преподавания и обучения языку (привести в соответствие учебники, обучить преподавательский состав и т. д.). Кроме того, целесообразно усиление разъяснительной работы с родителями, пропаганда и повышение престижности родного языка среди населения, среди молодежи, усиление работы Терминологической комиссии, широкое освещение деятельности ученых и исследователей родного языка, родной культуры, родного края, языковых активистов.

На вопрос об обязательном владении жителями Республики Тыва русским языком 92% указали, что русским обязательно нужно владеть, 7% затруднились ответить, не было ответов о необязательном владении русским. На вопрос об обязательном владении тувинским языком ответы были следующие: 97% считают, что это обязательное условие, 2% указали, что знать тувинский не обязательно. На знание иностранных языков реакции были следующие: английским и другими иностранными

¹ Сегленмей С. Ф. День тувинского языка. О языке обучения в начальной школе [Электронный ресурс] // СИА «Тува-онлайн». 2018, 1 ноября. URL: <https://tuvaonline.ru/2018/11/01/den-tuvinskogo-yazyka-o-yazyke-obucheniya-v-nachalnoy-shkole.html> (дата обращения: 17.06.2022).

языками 58% опрошенных считает обязательно владеть, 42% считают, что не обязательно владеть, 20% затруднились ответить.

Наблюдения и научный дискурс свидетельствуют, что языковые установки современных тувинцев по отношению к русскому языку имеют не только инструментальный, но и интегративный характер. Известно, что инструментальные языковые установки имеют утилитарный характер и основаны на стремлении к практическому применению языка для достижения чего-либо, его практической пользе (Dörnyei, Csizér, Németh, 2006: 11).

Языковая лояльность, языковое поведение тувинцев и перспективы развития тувинского языка

Как уже упоминалось, целью социолингвистического обследования в Республике Тыва было определить динамику языкового сдвига, языковой ситуации в языковой общности тувинцев, что думают сами тувинцы о проблемах относительно родного языка. В опросе были задействованы информанты тувинцы разных возрастных и социальных групп¹. Особый интерес при этом представляли не просто субъективные оценки отдельных информантов, а установки языковой общности, отражающие укоренившиеся в языковом самосознании стереотипы. Данный анализ дает возможность сравнить процессы и особенности формирования национальной самоидентификации народов и выявить основные причины, влияющие на смену языковой традиции народа. Учет результатов этого исследования также важен при урегулировании межэтнических отношений в регионе, прогнозировании развития языков.

Как показало обследование, языковая лояльность тувинцев довольно высока. На вопрос «Кем Вы себя считаете прежде всего?» 98% информантов ответили, что считают себя тувинцами, помимо этого, гражданами мира считают себя 15%, гражданами России — 31%.

83% опрошенных указали тувинский язык родным, 11% указали, что русский и тувинский языки являются родными, 6% указали русский родным языком.

При ответе на вопрос «Что для Вас определяющее в ответе на вопрос о родном языке?» предлагалось выбрать не более двух ответов: 64% указали, что это язык этнической группы, с которой информант себя идентифицирует, 53% опрошенных указали, что это язык повседневного общения, 51% указали, что это язык на котором они думают; для 56% — это язык родителей, 18% — язык Родины, 47% — язык, на котором происходит общение в семье.

Что касается языковой компетенции на родном языке, информанты так оценили свой уровень владения тувинским языком: 58% — владеют свободно, 35% — достаточно хорошо, 2% — плохо, 5% — не владеют. Степень владения русским языком опрошенные тувинцы оценили следующим образом: 48% владеют русским языком свободно, 46% — достаточно хорошо, 4% указали, что владеют русским языком плохо, 2% указали что не владеют русским языком.

Опрос показал и присутствие иностранного языка в социально-коммуникативной системе республики. Так, 5% информантов указали свободное владение иностранным языком, 30% ответили, что владеют иностранным языком достаточно хорошо, 53% — владеют иностранным языком плохо. И только 12% не владеют иностранным языком.

Что касается сфер использования тувинского языка тувинцами в повседневной жизни, как указали 64% опрошенных в повседневной жизни общаются на тувинском и русском языках, 23% — в основном на тувинском языке, 7% — только на русском языке, 6% — в большинстве случаев только на русском языке.

В контексте указанных положений следует отметить, что каждый носитель тувинского языка сегодня понимает необходимость знания и владения русским языком как ресурса для получения образования, языка карьерного роста и межэтнического общения. За относительно незначительный период (с 1944 г.) совместного проживания и развития в составе России тувинское общество быстро интегрировалось в российское пространство. Сегодня в условиях постепенной трансформации традиционного образа жизни у многих тувинцев наблюдается открытость к русской культуре и русскому языку, что говорит о наличии установок интегративного характера и их значительном влиянии на

¹ Данные обследования из личного архива А. Н. Биткеевой.

выбор языка общения. По мнению исследователей, интегративные установки характеризуются тем, что они отражают искренний интерес к изучению второго языка и направлены на сближение с другим языковым сообществом. Они подразумевают открытость и уважение к другим культурным группам и их образу жизни (Dörnyei, Csizér, Németh, 2006: 11).

Противоречивость соотношения языковой лояльности и языкового поведения тувинцев выражается в том, что у них практически нет принципиального отказа от родного языка. Но образование идет только на русском языке, русский язык функционально доминирует, поэтому ему отдается предпочтение. На вопрос «Какие языки, по Вашему мнению, преимущественно используются в информационном пространстве Республики Тыва (газеты, радио, телевидение, интернет)?», 74% указали что русский язык функционально доминирует, 26% опрошенных указали в равной степени тувинский и русский языки.

Вот какие проблемы развития тувинского языка отмечают сами носители. Среди основных проблем стагнирующих расширение функционирования тувинского языка следующие: отсутствие мотивации и стимула в изучении тувинского языка (70%), усиление роли русского языка в Республике Тыва (57%), отсутствие языковой среды (18%), отсутствие преподавания предметов на тувинском языке, небольшое количество часов на преподавание тувинского языка (3%), отсутствие языковой среды, СМИ, компьютерных игр на тувинском языке для детей и подростков (3%), отсутствие сбалансированной равноправной языковой политики (7%).

Функциональное состояние тувинского языка, а именно начальная стадия языкового сдвига осознается, а потому тревожит тувинцев. На вопрос «Как изменилась ситуация с использованием тувинского языка с 1991 г. по 2021 г.?» 73% указали, что использование тувинского языка значительно сократилось, 22% считают, что использование тувинского языка несколько расширилось, и только 5% считают, что ничего не изменилось.

Об актуальности темы родного языка у современных тувинцев говорит и то, что информанты тувинцы охотно делятся предположениями и предложениями по сохранению тувинского языка, адресуя их республиканскому правительству и общественности:

- «Необходимо повысить престиж тувинского языка. Ввести обязательное изучение тувинского языка во всех образовательных учреждениях. При этом должна быть разная методика и объем знаний для тех, для кого он является родным, и для тех, для кого он не родной»;
- «Ввести в школе изучение предметов на тувинском языке. Государственные, муниципальные учреждения должны предоставлять право получать услуги на родном языке»;
- «Обратить наконец внимание на языковую политику Республики Тыва, акцентировать внимание на сбалансированной языковой политике»;
- «Изменить отношение власти и населения к тувинскому языку. Нужна всесторонняя поддержка республиканских властей»;
- «Создать агентство по языковой политике при правительстве республики, ввести наконец ответственного за национальную политику региона. Важно увеличить штат работников этого ведомства»;
- «Выпускать больше книг, статей на тувинском языке, усилить финансирование издателям и писателям, внедрить цифровое обучение по изучению родного тувинского языка»;
- «Интенсивнее вводить тувинский язык в мультимедиа пространство, СМИ»;
- «Жители Тувы других национальностей должны учить тувинский»;
- «В семьях стимулировать обязательное общение на родном языке. С детства детей в семье учить говорить на родном языке»;
- «Мотивировать подрастающее поколение на изучение родного языка»;
- «Ввести обязательное изучение родного языка в детских садах и школах на серьезном уровне»;
- «В учебном плане в школах оставить часы советских времён и не насильственно рекомендовать эти часы. Чтобы вообще не трогали часы тувинского языка и литературы»;
- «Разработать новую методику обучения тувинскому языку».

Некоторые предложения такие, как получение услуг на родном языке, соблюдение принципа сбалансированного использования тувинского и русского языков во многих сферах, общение с детьми на тувинском, мотивация на изучение родного языка, в действительности несложно практиковать

и провести в жизнь. Языковая среда пока способствует их реализации и многое здесь зависит от самих носителей языка, от их языковых установок и правильного языкового поведения. Актуальным мы видим развитие цифрового пространства на тувинском языке, расширение соответствующей современности книжной и мультимедийной продукции как для детей, так и взрослых, обучение языку в образовательных учреждениях всех ступеней, преемственность обучения и модернизация методики преподавания тувинскому языку как государственному. Эти меры невозможны без участия и поддержки регионального правительства, руководящих органов и законодательной власти республики. Сегодня очень важным считаем формирование правильной языковой идеологии в современном тувинском обществе, а именно понимание родного тувинского языка не только как языка предков, языка повседневной речи, но и как языка богатой материальной и духовной культуры тувинцев, языка способного отражать реалии современного мира, языка будущих поколений.

Заключение

Таким образом, на основе проведенного исследования приходим к выводу, что экстралингвистические факторы функционирования современного тувинского языка, такие как географическое положение, труднодоступность региона, позднее вхождение Тувы в состав СССР, обусловившие компактность проживания тувинцев на одной территории и их численное преобладание, уже не являются определяющими.

Существенное влияние на языковую ситуацию сегодня оказывает образовательная политика государства, основанная на единых федеральных стандартах, экономические факторы, широкое распространение сети Интернет, русскоязычные СМИ. Данные факторы во многом определяют дистрибуцию тувинского и русского языков в различных коммуникативных сферах. Сегодня русский язык все шире используется тувинцами в семейной коммуникации, что особенно характерно для жителей городов. Наиболее динамичными факторами, которые способствуют постепенному изменению языковой лояльности, языковых установок тувинцев, нарушению межпоколенной передачи родного языка, стали: повышение прагматической ценности образования среди молодежи, распространение цифровых технологий, а также изменение системы традиционных ценностных смыслов и социокультурной среды в целом.

В целом, представленные данные обследования при кажущемся пока благополучности тувинского языка и нынешнем высоком уровне языковой компетенции на родном языке, свидетельствуют о начальной стадии языкового сдвига, об очевидных изменениях в языковой лояльности, выраженной изменениями языкового поведения и увеличением доли тувинцев, не владеющих свободно родным языком, при сохранении «правильных» языковых убеждений по отношению к родному языку.

Время задуматься и предпринять правильные решения в рамках республиканской языковой политики и общественных инициатив.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Анайбан, З. В. (1985) Тувинско-русское двуязычие: итоги и перспективы развития // Русский язык в Туве / отв. ред. Б. И. Татаринцев. Кызыл : Типография Госкомиздата Тувинской АССР. 217 с. С. 16–30.

Аранчын, Ю. Л. (1982) Исторический путь тувинского народа к социализму. Новосибирск : Наука. 337 с.

Арефьев, А. Л., Бахтикиреева, У. М., Синячкин, В. П. (2021) Проблемы билингвизма в системе школьного языкового образования Республики Тыва // Новые исследования Тувы. № 1. С. 255–272. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.1.14>

Бавуу-Сюрюн, М. В. (2016) Вопросы создания электронных ресурсов тувинского языка: некоторые итоги, неотложные задачи и перспективы // Новые исследования Тувы. № 4. С. 4–27.

Бадмаева, Н. В., Натсак, О. Д. (2021) Современная трудовая миграция из Калмыкии и Тувы: экономические, социокультурные и гендерные аспекты // Новые исследования Тувы. № 4. С. 186–205. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.14>

Бегзи, Р. Р. (1985) Актуальные проблемы совершенствования преподавания и изучения русского языка в тувинских школах // Русский язык в Туве / отв. ред. Б. И. Татаринцев. Кызыл : Типография Госкомиздата Тувинской АССР. 217 с. С. 31–53.

Биткеева, А. Н., Вингендер, М., Михальченко, В. Ю. (2019) Прогнозирование и языковое многообразие в Российской Федерации: социолингвистический аспект // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. Т. 18. № 3. С. 6–23. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.3.1>

Боргоякова, Т. Г. (2002) Социолингвистические процессы в республиках Южной Сибири. Абакан : Изд-во Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. 166 с.

Боргоякова, Т. Г., Биткеева, А. Н. (2020) Тувинский язык в правовом и функциональном измерении // Новые исследования Тувы. № 1. С. 50–61. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.1.4>

Вайнрайх, У. (1979) Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования / пер. с англ. яз. и коммент. Ю. А. Жлуктенко. Киев : Вища школа. 263 с.

Гренобль, Л. (2021) Социолингвистика и языковой сдвиг: к пониманию процессов сдвига через призму носителей // Социолингвистика. № 2 (6). С. 9–35. DOI: <https://doi.org/10.37892/2713-2951-2021-2-6-9-35>

Данилов, П. В., Сахарова, И. Н. (2020) Сравнительный анализ современных тенденций развития телевизионного рынка в России // Петербургский экономический журнал. № 3. С. 90–103.

Конгар, Н. С. (1980) От неграмотности — к всеобщему среднему // Тувинская письменность, язык и литература / отв. ред. Ю. Л. Аранчын. Кызыл : Тувкнигоиздат. 132 с. С. 38–44.

Ламажаа, Ч. К. (2014) Засаянские тувинцы: образ жизни, ценности, идеалы // Новые исследования Тувы. № 3. С. 152–165.

Ламажаа, Ч. К. (2021) Социальная культура тувинцев и онлайн-пространство // Новые исследования Тувы. № 2. С. 115–129. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.2.10>

Мартан-оол, М. Б. (2014) Вопросы тувинского языка: диалектология, лексикография и социолингвистика : избранные научные труды. Абакан : Журналист. 276 с.

Мартынова, М. Ю. (2018) К вопросу о родных языках российских школьников // Известия СОИГСИ. № 30 (69). С. 73–82. DOI: <https://doi.org/10.23671/VNC.2018.69.22426>

Очур, Н. М. (2012) Формирование региональной образовательной политики в Республике Тыва в 1991–2008 гг. // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. № 4. С. 386–391.

Оюн, М. М. (2011) Становление системы национального образования в Тыве в 20-е гг. XX в. // Мир науки, культуры и образования. № 5 (30). С. 78–80.

Панькин В. М., Филиппов, А. В. (2011) Языковые контакты. Краткий словарь. М. : Флинта ; Наука. 160 с.

Сат, Ш. Ч. (1973) Формирование и развитие тувинского национального литературного языка. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 193 с.

Сердобов, Н. А. (1968) К вопросу о некоторых социолого-лингвистических процессах в национальной консолидации тувинцев // Ученые записки / Тувинский НИИЯЛИ. Вып. 13. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 358 с. С. 78–109.

Сердобов, Н. А. (1971) История формирования тувинской нации. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 479 с.

Серээдар, Н. Ч. (2018) Тувинский язык как средство общения тувинцев: проблемы и перспективы // Новые исследования Тувы. № 1. С. 4–19. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2018.1.1>

Сувандии, Н. Д. (2021) Термины родства у родовой группы монгушей с. Аянгаты Барун-Хемчикского района // Новые исследования Тувы. № 4. С. 22–30. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.2>

Татаринцев, Б. И. (1976) Монгольское языковое влияние на тувинскую лексику. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 130 с.

Товуу, С. С. (2021) Реализация государственных программ по сохранению и развитию родных языков в субъектах Российской Федерации (на примере Республики Тыва) // Преподавание родных языков в современных условиях: эффективные методики и технологии : материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Улан-Удэ, 17–18 декабря 2020 г.) / науч. ред. Л. В. Аюшеева, отв. ред. Б. Д. Цырендоржиев. Улан-Удэ : Издательство Бурятского госуниверситета. 216 с. С. 37–41. DOI: <https://doi.org/10.18101/978-5-9793-1591-1-37-41>

Цыбенова, Ч. С. (2017) Современная языковая ситуация в Республике Тыва: социолингвистический аспект. Иркутск : Оттиск. 170 с.

Язык и общество (2016) : энциклопедия / гл. ред. В. Ю. Михальченко. М. : Издательский центр «Азбуковник». 872 с.

Dörnyei, Z., Csizér, K., Németh, N. (2006) Motivation, language attitudes and globalisation: A Hungarian perspective. Clevedon ; Buffalo ; Toronto : Multilingual Matters Ltd. xiii, 205 p.

Fishman, J. A. (1991) Reversing language shift: Theoretical and empirical foundations of assistance to threatened languages. Clevedon ; Philadelphia : Multilingual Matters. xiii, 431 p.

Weinreich, U. (1953) Languages in contact. Findings and problems. The Hague : Mouton. xii, 148 p.

Дата поступления: 05.07.2022 г

REFERENCES

Anaiban, Z. V. (1985) Tuvinsko-russkoe dviiazychie: itogi i perspektivy razvitiia [Tuvan-Russian bilingualism: Results and prospects of development]. In: *Russkii iazyk v Tuve [The Russian language in Tuva]* / ed. by B. I. Tatarintsev. Kyzyl, Printing House of the State Committee for Publishing of the Tuvan ASSR. 217 p. Pp. 16–30. (In Russ.).

Aranchyn, Yu. L. (1982) *Istoricheskii put' tuvinskogo naroda k sotsializmu [The historical path of the Tuvan people to socialism]*. Novosibirsk, Nauka. 337 p. (In Russ.).

Arefiev, A. L., Bakhtikireeva, U. M. and Sinyachkin, V. P. (2021) Problemy bilingvizma v sisteme shkol'nogo iazykovogo obrazovaniia Respubliki Tyva [Bilingualism in language education in secondary schools of the Republic of Tuva]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 255–272. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.1.14>

Bavuu-Surun, M. V. (2016) Voprosy sozdaniia elektronnykh resursov tuvinskogo iazyka: nekotorye itogi, neotlozhnye zadachi i perspektivy [Creating electronic resources on Tuvan language: Preliminary results, current challenges and prospects]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 4–27. (In Russ.).

Badmaeva, N. V. and Natsak, O. D. (2021) Sovremennaia trudovaia migratsiia iz Kalmykii i Tuvy: ekonomicheskie, sotsiokul'turnye i gendernye aspekty [Modern labor migration from Kalmykia and Tuva: Economic, socio-cultural and gender aspects]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 186–205. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.14>

Begzi, R. R. (1985) Aktual'nye problemy sovershenstvovaniia prepodavaniia i izuchenii russkogo iazyka v tuvinskikh shkolakh [Current issues of improving the teaching and learning of the Russian language in Tuvan schools]. In: *Russkii iazyk v Tuve [The Russian language in Tuva]* / ed. by B. I. Tatarintsev. Kyzyl, Printing House of the State Committee for Publishing of the Tuvan ASSR. 217 p. Pp. 31–53. (In Russ.).

Bitkeeva, A. N., Wingender, M. and Mikhailchenko, V. Yu. (2019) Prognozirovaniie i iazykovoie mnogoobrazie v Rossiiskoi Federatsii: sotsiolingvisticheskiy aspekt [Language prognosis and language diversity in the Russian Federation: Sociolinguistic aspect]. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, vol. 18, no. 3, pp. 6–23. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.3.1>

Borgoyakova, T. G. (2002) *Sotsiolingvisticheskie protsessy v respublikakh Iuzhnoi Sibiri [Sociolinguistic processes in the republics of southern Siberia]*. Abakan, Khakass State University Press. 166 p. (In Russ.).

Borgoiakova, T. G. and Bitkeeva, A. N. (2020) Tuvinskii iazyk v pravovom i funktsional'nom izmerenii [Tuvan language in legal and functional aspect]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 50–61. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.1.4>

Weinreich, U. (1979) *Iazykovye kontakty. Sostoianie i problemy issledovaniia [Languages in contact. Findings and problems]* / transl. from Engl. and comm. by Yu. A. Zhluktenko. Kiev, Vishcha shkola. 263 p. (In Russ.).

Grenoble, L. (2021) Sotsiolingvistika i iazykovoii sdvig: k ponimaniuu protsessov sdviga cherez prizmu nositelei [Sociolinguistics and language shift: Toward understanding the processes of shift through the prism of speakers]. *Sociolinguistics*, no. 2 (6), pp. 9–35. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.37892/2713-2951-2021-2-6-9-35>

Danilov, P. V. and Sakharova, I. N. (2020) Sravnitel'nyi analiz sovremennykh tendentsii razvitiia televizionnogo rynka v Rossii [Comparative analysis of current trends in the television market development in Russia]. *Peterburgskii ekonomicheskii zhurnal*, no. 3, pp. 90–103. (In Russ.).

Kongar, N. S. (1980) Ot negramotnosti — k vseobshchemu srednemu [From illiteracy to the universal average]. In: *Tuvinskaia pis'mennost', iazyk i literatura [Tuvan writing, language and literature]* / ed. by Yu. L. Aranchyn. Kyzyl, Tuvknigoizdat. 132 p. Pp. 38–44. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2014) Zasaianskie tuvintsy: obraz zhizni, tsennosti, idealy [Trans-Sayan Tuvans: Way of living, values and ideals]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 152–165. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2021) Sotsial'naia kul'tura tuvintsev i onlain-prostranstvo [Social culture of Tuvans and online space]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 115–129. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.2.10>

Martan-ool, M. B. (2014) *Voprosy tuvinskogo iazyka: dialektologiya, leksikografiya i sotsiolingvistika: izbrannye nauchnye trudy [Issues of the Tuvan language: Dialectology, lexicography and sociolinguistics]* : selected research papers. Abakan, Journalist. 276 p. (In Russ.).

Martynova, M. Yu. (2018) K voprosu o rodykh iazykakh rossiiskikh shkol'nikov [To the question of the native languages of Russian pupils]. *Izvestiia SOIGSI*, no. 30 (69), pp. 73–82. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.23671/VNC.2018.69.22426>

Ochur, N. M. (2012) Formirovanie regional'noi obrazovatel'noi politiki v Respublike Tyva v 1991–2008 gg. [Formation of regional educational policy in the Republic of Tuva in 1991–2008]. *Bulletin of Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafyev*, no. 4, pp. 386–391. (In Russ.).

Oyun, M. M. (2011) Stanovlenie sistemy natsional'nogo obrazovaniia v Tuve v 20-e gg. XX v. [Formation of the national education system in Tuva in the 20s of the 20th century]. *Mir nauki, kul'tury i obrazovaniia*, no. 5 (30), pp. 78–80. (In Russ.).

Pan'kin V. M. and Filippov, A. V. (2011) *Iazykovye kontakty. Kratkii slovar' [Language contacts. A concise dictionary]*. Moscow, Flinta ; Nauka. 160 p. (In Russ.).

Sat, Sh. Ch. (1973) *Formirovanie i razvitie tuvinskogo natsional'nogo literaturnogo iazyka [The formation and development of the Tuvan national literary language]*. Kyzyl, Tuvan Book Publishing House. 193 p. (In Russ.).

Serdobov, N. A. (1968) K voprosu o nekotorykh sotsiologo-lingvisticheskikh protsessakh v natsional'noi konsolidatsii tuvintsev [On some socio-linguistic processes of national consolidation of Tuvans]. *Uchenye zapiski / Tuvan Research Institute of Language, Literature and History*. Kyzyl, Tuvan Book Publishing House. Issue 13. 358 p. Pp. 78–109. (In Russ.).

Serdobov, N. A. (1971) *Istoriia formirovaniia tuvinskoj natsii [The history of the formation of the Tuvan nation]*. Kyzyl, Tuvan Book Publishing House. 479 p. (In Russ.).

Sreedar, N. Ch. (2018) Tuvinskii iazyk kak sredstvo obshcheniia tuvintsev: problemy i perspektivy [Tuvan language as means of communication among Tuvans: Problems and prospects]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 4–19. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2018.1.1>

Suvandii, N. D. (2021) Terminy rodstva u rodovoi gruppy mongushei s. Aiangaty Barun-Khemchikskogo raiona [Kinship terms of the Mongush tribal group of the Village of Aiangaty in the Barun-Khemchik district]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 22–30. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.2>

Tatarincev, B. I. (1976) *Mongol'skoe yazykovoe vliyanie na tuvinskuyu leksiku [Mongolian language influence on the Tuvan lexicon]*. Kyzyl, Tuvan Book Publishing House. 130 p. (In Russ.).

Tovuu, S. S. (2021) Realizatsiia gosudarstvennykh programm po sokhraneniui i razvitiui rodykh iazykov v sub'ektakh Rossiiskoi Federatsii (na primere Respubliki Tyva) [State programs implementation for preserving and developing native languages in the regions of the Russian Federation (the case of the Republic of Tyva)]. In: *Prepodavanie rodykh iazykov v sovremennykh usloviakh: effektivnye metodiki i tekhnologii [Teaching native languages in modern conditions: Effective methods and techniques]* : Proceedings of the All-Russian science-to-practice conference with international participation (Ulan-Ude, December 17–18, 2020) / ed. by L. V. Aiusheeva and B. D. Tsyrendorzhiev. Ulan-Ude, Buryat State University Publishing House. 216 p. Pp. 37–41. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.18101/978-5-9793-1591-1-37-41>

Tsybenova, Ch. S. (2017) *Sovremennaiia iazykovaya situatsiia v Respublike Tyva: sociolingvisticheskii aspekt [Contemporary language situation in the Republic of Tyva: sociolinguistic aspect]*. Irkutsk, Ottisk. 170 p. (In Russ.).

Iazyk i obshchestvo [Language and society] (2016) : Encyclopedia / ed. by V. Yu. Mikhail'chenko. Moscow, Azbukovnik Publishing Center. 872 p. (In Russ.).

Dörnyei, Z, Csizér, K. and Németh, N. (2006) *Motivation, language attitudes and globalisation: A Hungarian perspective*. Clevedon ; Buffalo ; Toronto, Multilingual Matters Ltd. xiii, 205 p.

Fishman, J. A. (1991) *Reversing language shift: Theoretical and empirical foundations of assistance to threatened languages*. Clevedon ; Philadelphia : Multilingual Matters. xiii, 431 p.

Weinreich, U. (1953) *Languages in contact. Findings and problems*. The Hague, Mouton. xii, 148 p.

Submission date: 05.07.2022.

DOI: 10.25178/nit.2022.4.2

Статья

Оценка восприятия языковой ситуации в Республике Тыва местным населением (на материале полевого исследования 2021 г.)

Мария Я. Каплунова

Институт языкознания РАН, Российская Федерация

Языковая ситуация в Республике Тыва традиционно определяется софункционированием тувинского языка титульной нации и общегосударственного русского языка как языка межнационального общения. При этом, несмотря на очевидное численное превосходство тувинцев (более 80% населения Тувы), за последнее десятилетие в республике отмечается устойчивый языковой сдвиг в сторону русского, что вызывает опасения среди лингвистов и этнографов. В статье представлен анализ восприятия сложившейся ситуации в регионе жителями столицы Республики Тыва г. Кызыла, в которой языковой сдвиг уже воспринимается как данность. Полевое исследование (серия интервью с 25 респондентами) проведено в июле 2021 г. в г. Кызыле.

Представленные в статье мнения свидетельствуют об интенсивности процесса языкового сдвига как в городе Кызыле, так и по всей Республике Тыва. Большинство информантов выразили глубокую озабоченность низким уровнем функционального развития тувинского языка в регионе и массовым переходом тувинцев на русский язык. Это проявляется в низком или нулевом уровне владения тувинским среди дошкольников и младших школьников, а также в снижении уровня грамотности среди носителей

тувинского языка.

По мнению большинства информантов, при сохранении текущей ситуации тувинцев ждет постепенная утрата родного языка, однако данный процесс пока несет обратимый характер. Перспективы сохранения и возрождения тувинского языка среди населения Тувы информанты видят в повышении значимости тувинского языка среди населения за счет государственной поддержки, а также через распространение тувинской культуры.

Ключевые слова: билингвизм; Республика Тыва; тувинский язык; тувинцы; языковая лояльность; языковая ситуация; языковой престиж; языковой сдвиг

Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ и Немецкого научно-исследовательского сообщества № 21-512-12002 ННИО_а «Методы прогнозирования и будущие сценарии развития языковой политики (на примере многоязычной Российской Федерации)».

Для цитирования:

Каплунова М. Я. Оценка восприятия языковой ситуации в Республике Тыва местным населением (на материале полевого исследования 2021 г.) // Новые исследования Тувы. 2022. № 4. С. 28-37. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.2>

Каплунова Мария Яковлевна — кандидат филологических наук, научный сотрудник Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям Института языкознания РАН. Адрес: 125009, Россия, г. Москва, Большой Кисловский пер., д. 1, стр. 1. Эл. адрес: mary.golik@gmail.com

KAPLUNOVA, Maria Yakovlevna, Candidate of Philology, Research Fellow, Research Center on Ethnic and Language Relations, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences. Postal address: Bldg. 1, 1 Bolshoi Kislovsky Lane, 125009 Moscow, Russian Federation. E-mail: mary.golik@gmail.com

ORCID ID: 0000-0002-1481-0624

Article

Assessment of local residents' perception of the language situation in the Republic of Tuva (based on the findings of a 2021 field study)

Maria Ya. Kaplunova

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

The linguistic situation in the Republic of Tuva is traditionally determined by the co-functioning of the Tuvan language of the titular nation and the nationwide Russian language as the language of interethnic communication. At the same time, despite the obvious numerical superiority of the Tuvans (more than 80% of the population of Tuva), over the past decade there has been a steady linguistic shift towards Russian in the Republic. This fact causes concern among linguists and ethnographers. The article provides an analysis of the current situation in the region as perceived by residents of the capital of the Republic of Tuva, Kyzyl. The language shift is already considered as a fact of life there. A field study (a series of interviews with 25 respondents) was conducted in July 2021 in Kyzyl.

The opinions presented in the article testify to the intensity of the language shift process both in the city of Kyzyl and in other parts of the Republic of Tuva. Most informants expressed deep concern about the low level of the functional development of the Tuvan language in the region and the mass shift to the Russian language among the Tuvans. This is especially evident because of the low or zero level of proficiency in Tuvan among preschoolers and younger schoolchildren as well as amid a decrease in the level of literacy among the native Tuvan speakers.

Most informants admit that if the current situation persists, the Tuvan language may gradually become extinct, though this process is still reversible. According to the informants, the prospects for the preservation and revival of the Tuvan language among the population of Tuva consist in enhancing its stature among the population through state support as well as through the spread of Tuvan culture.

Keywords: bilingualism; Republic of Tuva; Tuvan language; Tuvans; language loyalty; language situation; linguistic prestige; language shift

Financing

The article was prepared within the framework of the project no. 21-512-12002 ННИО а "Prognostic Methods and Future Scenarios in Language Policy — Multilingual Russia as an Example" with support from the Russian Foundation for Basic Research and the German Research Foundation (DFG).

For citation:

Kaplunova M. Ya. Otsenka vospriatiia iazykovoi situatsii v Respublike Tyva mestnym naseleniem (na materiale polevogo issledovaniia 2021 g.) [Assessment of local residents' perception of the language situation in the Republic of Tuva (based on the findings of a 2021 field study)]. *New Research of Tuva*, 2022, no. 4, pp. 28-37. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.2>

Введение

Языковая ситуация в Республике Тыва в первую очередь определяется софункционированием тувинского языка титульной нации и общегосударственного русского языка как языка межнационального общения. Кроме того, в пограничных с Монголией районах Тувы распространено тувинско-монгольское и монголо-тувинское двуязычие. Исторический контекст, а именно наличие с 1921 г. своей государственности и относительно позднее вхождение Тувы в состав СССР в 1944 г., а также географический фактор — обособленность от остальной территории страны за счет горных систем Западного и Восточного Саяна, наряду с демографической мощностью тувинского языка гарантировали ему высокую витальность, под которой понимается «способность языка к дальнейшему развитию, изменению или сохранению структурных и, главным образом, функциональных качеств»¹.

¹ Словарь социолингвистических терминов / отв. ред. В. Ю. Михальченко. М. : Институт языкознания РАН, 2006. С. 37.

Однако за последние годы в условиях повсеместной модернизации и глобализации, расширения зоны покрытия сотовых операторов и интернет-пространства наблюдается смещение ценностных ориентиров тувинцев в сторону русского языка. В результате, несмотря на очевидное численное превосходство тувинцев (свыше 80% населения Тувы на момент переписи населения 2010 г.¹), в условиях тувинско-русского двуязычия в городской среде отмечается устойчивый языковой сдвиг в сторону русского, что негативно сказывается на престиже родного языка в сознании тувинцев и вызывает опасения среди лингвистов и культурологов. Как отмечает Ч. С. Цыбенова, «...в относительно однородной тувиноязычной среде значимость языкового признака недостаточно выражена. В связи с этим, большинство не осознают и не замечают степень изменения своей языковой компетенции во владении родным языком» (Цыбенова, 2017: 83). Социолингвисты отмечают активизацию стратегии символизации языка на фоне снижения его фактического применения (Дырхеева, Цыбенова, 2020).

Социолингвистические исследования последнего десятилетия в области языковой ситуации Тувы и языковой лояльности тувинцев проводились такими учеными, как М. В. Бавуу-Сюрюн (Бавуу-Сюрюн, 2010), В. С. Кан², Н. Ч. Серээдар (Серээдар, 2018), Ч. С. Цыбенова (Цыбенова, 2017). О трансформации языкового сознания тувинцев в условиях языкового сдвига свидетельствуют авторы статей по вопросам языковой ситуации и языковой политики Тувы (Сегленмей, 2016; Боргоякова, Биткеева, 2020; Дырхеева, Цыбенова, 2020).

В задачи нашего исследования входил анализ восприятия сложившейся ситуации в регионе жителями г. Кызыла в условиях, при которых языковой сдвиг уже воспринимается как данность. Источниковой базой социолингвистического исследования послужили результаты полевого исследования, проведенного в июле 2021 г. в г. Кызыле. В ходе данного исследования нами проводилась серия интервью с 25 тувиноязычными информантами (в т. ч. с лингвистами, историками, языковыми активистами, деятелями культуры, молодежью). Выбор респондентов определялся, прежде всего, их способностью выявить признаки языкового сдвига на начальном этапе. В состав опрошенных вошли представители тувинского этноса г. Кызыла, в той или иной степени задействованные в культурно-просветительской деятельности или осведомленные о текущем положении в регионе. Ключевые вопросы интервью были ориентированы на анализ динамики функционирования тувинского языка в Республике Тыва за последние годы и отношения информантов к сложившейся ситуации в регионе.

Современная языковая ситуация в Туве

Описывая современную языковую ситуацию, информанты обращают внимание на влияние телевидения и Интернета на формирование русскоязычной компетенции, прежде всего, у младшего поколения.

Жен., 56 л., филолог, преподаватель тувинского языка:

— Языковая ситуация в Туве разношерстная. Есть смешанные районы, где есть русскоязычные, в том числе тувинцы. Есть русскоязычные районы. Есть пограничные с Монголией районы, в которых наряду с тувинским функционирует монгольский язык. Есть моноязычные районы, в которых все население говорит только на тувинском языке. Тем не менее, даже в таких районах под влиянием канала «Карусель»³ дети детского возраста начинают говорить на русском языке. В городе ситуация с функционированием тувинского языка сложная. В школах вне урока тувинского языка дети в основном общаются на русском языке.

Жен., 64 л., филолог, научный сотрудник:

— Кызыл еще, конечно, не вся Тува. Тем не менее именно в Кызыле сконцентрированы различные социальные группы и представители различных уголков Тувы, и в нем можно видеть всю ту языковую палитру, которая есть в Туве. Будучи единственным крупным городом, политическим и экономическим

¹ Согласно переписи населения за 2010 г., количество тувинцев в Республике в процентном соотношении составило 82,04%. См.: Всероссийская перепись населения 2010 [Электронный ресурс] // Всероссийская перепись населения 2010. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 01.02.2022).

² Кан В. С. Значение тувинского языка для кызылчан (по материалам социологического исследования 2010 г.) // Башкы. 2012, № 1. С. 39–45.

³ Крупнейший российский федеральный телеканал для детей и подростков. URL: <https://karusel-tv.ru/> (дата обращения: 02.02.2022).

центром, Кызыл подвержен всяческим процессам глобализации, и, к сожалению, наше молодое поколение и дети практически уже не говорят на тувинском языке. Это и есть языковой сдвиг младшего школьного возраста, детского. В какой-то мере этот процесс подхлестнула еще пандемия, когда в условиях дистанционного обучения детям открылся доступ к Интернету, и они массово заговорили по-русски.

В ходе обсуждения языковой ситуации в регионе затрагивались вопросы *функциональной мощности тувинского языка*. Информанты отметили проблему сужения сфер функционирования тувинского языка.

В беседах с информантами о функционировании тувинского языка *в сфере образования* неоднократно затрагивалась проблема перехода с 2018 г. начального образования в Республике Тыва на русский язык и вызванные этим решением проблемы формирования языковой и профессиональной компетенции учащихся.

Жен., 44 л., историк, научный сотрудник:

— До недавнего времени в Тыве действовали русские и тувинские классы. В тувинских классах тувинский язык являлся языком обучения с 1 по 6 класс и предметом изучения с 1 по 11 класс. Однако после президентского совета по языку в 2018 году, когда с высоких трибун было заявлено, что языки национальных меньшинств должны изучаться в добровольном порядке, наше министерство образования фактически перевело весь образовательный процесс на русский язык. В результате тувинский язык перестал быть языком обучения, а стал лишь предметом обучения, которому отвели 3 часа в неделю. Таким образом, в настоящее время в школах, традиционно именуемых национальными, тувинский не является языком преподавания, а преподается в рамках предмета «Тувинский язык и литература». Это решение значительно ускорило процесс языкового сдвига.

Муж., 75 л., филолог, общественный деятель:

— Сейчас мы сделали огромный шаг назад. Боюсь, что и уровень русского языка снизится — есть уже тенденция такая. Если человек познает русский язык не через понимание родного языка и ментальное языковое ощущение предметов, то этот человек глубоких знаний русского языка не получит. Механически городские дети, окруженные телевидением и прочими ресурсами на русском языке, быстрее овладевают русским языком и в результате имеют определенную фору перед детьми, проживающими в сельской местности. В селе же дети начинают изучать русский язык благодаря «Маше и медведю».

Жен., 47 л., филолог, научный сотрудник:

— С началом школьного образования ребенку и так сложно. После детского сада в 1–2 классе он начинает изучать разные дисциплины, и для него эта информация новая. А новая информация на другом языке, которая и так для него сложная, на другом языке воспринимается с трудом.

Жен., 64 л., филолог, научный сотрудник:

— Изначально нарушается право ребенка на получение качественного образования. Когда человек отрывается от своих корней, от духовных ценностей, когда с самого начала ему показывают второстепенность или ущербность родного языка — его основного духовного составляющего — тем самым показывают ему пример пренебрежительного отношения к своему близкому, то говорить о воспитании уже не приходится.

Отмечается различие в русскоязычной компетенции школьников городской и сельской местности ввиду отсутствия у последних естественной русскоязычной языковой среды и сохранения тувинской.

Муж., 41 г., историк, научный сотрудник:

— Если брать Кызыл, то здесь наблюдается двуязычие, тогда как в сельской местности преобладает тувинский язык, в том числе и в делопроизводстве. Русский язык преподается в школе, и зачастую теоретические знания в области русского языка у сельских школьников выше, чем у городских. Как отмечают филологи, это связано с тем, что сельские школьники не привязаны к разговорной речи, которая бы проникала в письменную.

Наиболее устойчивой к языковому сдвигу оказалась *сфера семейно-бытового общения*, значимость которой отметили многие информанты. Однако и в данной сфере отмечаются определенные трансформации:

Жен., 47 л., филолог, научный сотрудник:

— Уровень владения тувинским среди молодежи зависит от воспитания в семье. К примеру, в городе есть семьи, в которых родители говорят с детьми на тувинском, а дети отвечают уже на русском.

Муж., 45 л., высш., хоомейжи:

— Это от родителей зависит, не от садика или школы. Человек растет в своей семье. В районах замечаю, что даже в условиях полного общения на тувинском языке в семье дети достаточно хорошо владеют русским за счет телевидения и Интернета. С одной стороны, отрадно, что они уже знают свой второй государственный язык. С другой стороны, замечаю, что те родители, которые это поддерживают, не замечают ту опасность, которая за этим кроется, что дети постепенно будут забывать родной язык, потому что им будет удобнее говорить на русском.

Муж., 18 л., студент:

— Мне вообще непривычно общаться с родственниками на русском — всегда на тувинском, хотя они владеют русским, а те, кто постарше, владеют только тувинским, русский только понимают на слух.

Муж., 41 л., историк, научный сотрудник:

— Тувинские семьи, переезжая из села в город, зачастую переходят на русский язык или на смешанное общение, перемешивая слова из русского и тувинского языков.

Информанты выразили обеспокоенность низким *престижем тувинского языка* среди местного населения и вызванным этим снижением языковой лояльности среди молодежи.

Жен., 56 л., филолог, преподаватель тувинского языка:

— У нынешней молодежи нет интереса к тувинскому языку. На профильную специальность в вузы конкурс не более двух человек на место.

Вместе с тем отмечается непопулярность тувинских классов с преподаванием тувинского языка и литературы среди масс населения, которое стремится отдать детей в русскоязычные классы. Данная тенденция обусловлена опасением родителей за предстоящую сдачу их детей ОГЭ и ЕГЭ на русском языке.

Среди других коммуникативных сфер информанты отметили *сферу художественной литературы*, в которой, несмотря на снижение уровня функционирования тувинского языка, в настоящее время все же присутствуют тувинские авторы, поддерживающие поэзию и прозу на родном языке.

Отмечается снижение представленности тувинского языка в *сфере СМИ*.

Муж., 18 л., студент:

— Ситуация изменилась буквально за 10 лет. Раньше новости на тувинском транслировались на ГТРК «Тыва» дважды в день, сейчас — один раз.

В *научной сфере* тувинский язык представлен в незначительной степени.

Жен., 47 л., филолог, научный сотрудник:

— За всю научную деятельность я один раз только написала статью на тувинском. Слабо развит терминологический аппарат, кроме того, сложно опубликовать статью в специализированном журнале.

Несмотря на общее преобладание русского языка в сфере государственной деятельности, документооборота и делового общения, отмечается активное использование тувинского языка *в сфере торговли*. Как отмечают информанты, люди, задействованные в этой сфере, в том числе представители других этносов — киргизы, таджики — хорошо владеют тувинским языком.

Культурная сфера является одной из наиболее значимых для распространения тувинского языка и повышения его престижа среди тувинского населения, особенно среди молодежи.

Муж., 24 л., высш., индивидуальный предприниматель:

— На вкус и цвет товарищей нет. Поп-музыка, скажем, мне не нравится ни на тувинском, ни на русском. Скорее, все-таки англоязычная. Зато на тувинском мне нравится этномузыка. Одна из моих любимых групп — это Oduchu¹, молодые ребята, которые исполняют музыку в этностиле, и у них очень много поклонников. В своих текстах они прививают любовь к родине и к нашим традициям и делают это на качественном уровне, даже иностранцы интересуются.

¹ Музыкальный проект, созданный летом 2018 г. тувинскими исполнителями Тувы Чингисом Соржу и Менги Монгушем, удостоившийся в 2019 г. премии Russian World Music Awards в номинации «Лучший новый проект». См.: RWMA 2019 [Электронный ресурс] // Russian World Music Awards. URL: <http://russianworldmusicawards.ru/rwma2009> (дата обращения: 02.02.2022).

Таким образом, по мнению респондентов, современная языковая ситуация Республики Тыва и в особенности г. Кызыла во многом определяется влиянием СМИ и Интернета, в которых отмечается безусловное преобладание русского языка над тувинским. Вместе с тем, традиционной сферой преобладания тувинского языка в регионе по-прежнему остается сфера торговли, а культурное наследие Тувы способствует функционированию тувинского языка в сфере культуры.

К проблеме языкового сдвига

В ходе интервью информанты неоднократно отмечали наличие языкового сдвига среди современных тувинцев и вызванным им общим снижением языковой компетенции среди тувинской молодежи.

Муж., 39 л., высш., хоомейжи:

— Мы с супругой общаемся только на тувинском. Наши дети, общаясь в детском саду, за счет мультфильмов на русском языке на канале «Карусель» и Интернета овладели русским языком. Порой они не понимали, что мы им говорим, и приходилось объяснять что-то по-русски. В результате я отдал их в национальную школу, и в первом-втором классе им очень трудно давалось обучение на родном языке, сейчас уже нормально.

Жен., 44 л., историк. научный сотрудник:

— Языковеды отмечают, что школьники и дошкольники владеют тувинским лишь на бытовом уровне, плохо знают грамматику, речь примитивная. Однако родители склонны переоценивать уровень владения языком своих детей, и когда мы проводим соцопросы, переписи, то по ним кажется, что картина в Туве вполне радужная. Особенно если сравнивать с другими регионами, например, с Хакасией, Алтаем. Но если посмотреть в целом на состояние тувинского языка как родного языка тувинцев, то тут очень много проблем.

Муж., 75 л., филолог, общественный деятель:

— В языковом плане это был провал по ОГЭ практически во всех школах. И ни там, и ни здесь — толком не знают своего языка. Очень резко упал уровень знаний по всем предметам.

Жен., 47 л., филолог, научный сотрудник:

— С переходом на оседлый образ жизни, с появлением городских жителей мы же теряем целый пласт лексики традиционного хозяйствования, животноводства, ландшафта, цветообозначений, погодных явлений. Я наблюдаю некоторые подвижки и в грамматике: некоторые глагольные формы теряют актуальность, происходит их упрощение. Вместе с тем, в речи тувинцев, говорящих на русском языке, предположение может быть построено по принципу тувинского языка, в частности, глагол уходит на последнее место. Такое можно заметить даже в речи дикторов.

Снижение языковой грамотности отметил и другой эксперт.

Муж., 41 л., историк, научный сотрудник:

— Просматривая в Интернете новостную ленту на тувинском языке, я понимаю, что идет деградация языка, что проявляется, помимо прочего, на уровне СМИ. Возникают просторечные выражения. То, что я считал для себя разговорным уровнем языка, сейчас проявляется и в речах дикторов. Т. е. не хватает людей, которые могли бы красиво и четко изъясняться на тувинском языке.

Жен., 32 л., филолог, научный сотрудник:

— Многие родители сами хотят, чтобы их дети говорили только на русском языке. Так, предъявляются требования к воспитателям в детских садах. Знать русский язык, не зная родного языка — уже норма для многих родителей. Для меня это показатель того, что язык находится в критическом положении. В то же время представители молодежи склонны смотреть на сложившуюся ситуацию в позитивном ключе.

Жен., 28 л., высш., служащий:

— По сравнению с Бурятией, где молодежь на улице общается исключительно на русском языке, здесь ситуация намного лучше: если обратиться к молодежи на тувинском языке, они, как минимум, ответят по-русски, т. е. понимают язык.

Таким образом, большинство информантов отмечают негативное влияние преобладающего русскоязычного телевизионного и интернет-контента на языковую компетенцию тувинской молодежи, в то время как сами представители молодежи склонны воспринимать факт снижения уровня владения тувинским языком как данность, не вызывающую беспокойства.

К понятию «родной язык»

В ходе интервью мы обратились к информантам с просьбой дать определение понятия «родной язык» ввиду его многозначности и возможности различной интерпретации.

Муж., 41 л., историк, научный сотрудник:

— Для меня родной язык — это тот, на котором ты стараешься общаться со старшим поколением, на котором общается большая часть родственников. При этом если ко мне родственник обратится по-русски, я отвечу по-русски. Я привык, на каком языке к тебе обращаются, на таком и отвечать.

Муж., 45 л., высш., хоомейжи:

— Это тот язык, на котором можно выразить свою радость или горе. Один мой друг, дети которого говорили по-русски и называли его «папа», однажды обиделся и говорит: «Неужели я такой несчастливый, что не буду слышать слово “ачай” от своих детей!» Такое родное слово, которым он прежде называл своего отца. Потом его дети поняли, насколько это важно, и начали его называть «ачай».

Жен., 64 л., филолог, научный сотрудник:

— В ходе работы с информантами мы довольно часто сталкивались с проблемой определения родного языка в отношении молодых людей, которые не говорят по-тувински. Подобный вопрос ставил их в тупик, и они либо признавались, что не владеют тувинским, либо обозначали в качестве родного языка русский. В первом случае они исходили из понимания того, что их родители тувинцы, поэтому их родным языком должен быть тувинский, которого они не знают. Поэтому я считаю, что в подобных вопросах стоит заменить понятие родного языка понятием «первый язык», «второй язык» и т. д.

Несмотря на то, что все респонденты обозначили в качестве родного языка тувинский, трилингвы, в данном случае, выходцы из пограничных с Монголией сел, владеющие в равной степени тувинским, русским и монгольским языками, отметили, что так же могли бы обозначить русский и монгольский в качестве родных языков, играющих важную роль в их жизни. Эту же точку зрения выразили информанты относительно части тувинского населения, полностью перешедшего на русский язык.

Муж., 41 л., историк, научный сотрудник:

— У меня есть несколько знакомых, которые полностью перешли на русский язык и считают его родным. Они уже не владеют тувинским, и русский язык для них уже практически родной.

Таким образом, среди тувинских информантов наблюдается традиционное расхождение в интерпретации понятия «родной язык» как неотъемлемого элемента этнической идентичности с одной стороны и функционально первого языка с другой.

Перспективы тувинского языка на ближайшее десятилетие

Перспективы развития тувинского языка на ближайшие годы информанты во многом связывают с его функционированием в сфере образования.

Жен., 44 л., историк, научный сотрудник:

— Все эти последствия еще не успели в полной мере реализоваться, и даже не проявятся в переписи 2020 года, однако в следующей переписи 2030 года будут уже заметны негативные последствия данного решения (О переходе начального образования в национальных школах на русский язык. — М. К.).

Жен., 64 л., филолог, научный сотрудник:

— Если нет нормативных установок по использованию родных языков в школьном образовании, то в дальнейшем, в общем-то, и в функциональном плане что-либо говорить не приходится.

Муж., 75 л., филолог, общественный деятель:

— Мы сейчас идем в таком направлении, которое в конечном итоге приведет к социальному напряжению. Кому это нужно?

Таким образом, по мнению информантов, при сохранении текущего положения вещей в отношении функционирования тувинского языка в сфере образования его ожидает скорая ассимиляция.

Этническое самосознание тувинцев

Несмотря на тенденцию языкового сдвига в сторону русского языка, тувинцев отличает высокий уровень этнического самосознания. Некоторые информанты связывают это с относительно поздним вхождением в состав СССР и длительным сохранением традиционного образа жизни, кочевого скотоводства, которое обеспечивало крепкие связи между семьями. Это проявляется в соблюдении тувинских традиций, в любви к национальной одежде.

Муж., 75 л., филолог, научный сотрудник:

— Чисто даже арифметический фактор сказывается. Мы в Туве составляем более 80 процентов населения. Хочешь — не хочешь, живешь ты с пониманием окружающего мира и взаимообщения между тувинцами. Говори ты хоть по-русски, хоть по-китайски, но ты — тувинец, воспитан и взращен на тувинских традициях. В результате люди, даже не владея тувинским языком, ощущают себя тувинцами. Тува в этом смысле наименее подвержена инокультурному влиянию.

Стремление поддерживать связь с другими представителями данного этноса выражается в тенденции к вступлению в разного рода сообществ в мессенджерах, основанных на родственной или территориальной близости участников. Языком общения в подобных сообществах чаще всего выступает тувинский язык, что в ряде случаев специально оговаривается в правилах сообщества (Ламажаа, 2021).

Особую роль в поддержании этнокультурного самосознания тувинцев является горловое пение хоомей, которое по праву считается «культурным брендом Тувы» (Ламажаа, Сузукей, 2019).

Муж., 45 л., высш., хоомейжи:

— Все, что я пою, связано с природой. Лечебные источники, святые места, все то, что нам передали предки — это самое ценное. Тувинская культура неразрывно связана с природой. На весь распорядок дня имеется обычай, который автоматически соблюдается, и лишь выехав за пределы родины, ты осознаешь их особую ценность.

Жен., 32 л., филолог, научный сотрудник:

— Выступления на тувинском языке, конкурсы сказителей и другие мероприятия способствуют мотивации молодежи к изучению родного языка. Особенно мы это заметили после выступлений Тувинского национального оркестра¹.

Таким образом, высокий уровень этнического самосознания и культурное наследие тувинцев признаются жителями Тувы ключевыми факторами, способствующими сохранению тувинского языка в регионе.

Заключение

Представленные в статье данные интервью свидетельствуют об интенсивности процесса языкового сдвига как в г. Кызыле, так и в Республике Тыва в целом. Большинство информантов выразили глубокую озабоченность низким уровнем функционального развития тувинского языка в регионе в настоящее время, вызванным массовым переходом тувинцев на русский язык даже в сфере семейно-бытового общения, что особенно наглядно проявляется в низком или нулевом уровне владения тувинским среди дошкольников или младших школьников, а также снижением уровня грамотности среди носителей тувинского языка.

Они сходятся во мнении, что в настоящее время мы являемся свидетелями постепенного языкового сдвига среди современных тувинцев. Данный процесс является результатом модернизации и цифровизации, которые наиболее заметно проявляются в городской среде. Недостаточная функциональная развитость тувинского языка в сфере интернет-коммуникации по сравнению с русским языком, а также исчезновение национальных школ, в которых тувинский являлся не только предметом, но и средством обучения, негативно сказались на престиже данного языка среди современных тувинцев. При этом, в условиях компактного проживания тувинцев и, следовательно, высокой де-

¹ Основан в 2003 г. Репертуар Тувинского национального оркестра преимущественно опирается на традиционный музыкальный материал, а также на произведения тувинских классиков и молодого поколения композиторов. Музыканты оркестра виртуозно владеют игрой на традиционных тувинских музыкальных инструментах, а также исполняют все виды тувинского горлового пения. URL: <http://tuvaorchestra.ru/> (дата обращения: 02.02.2022).

мографической мощности тувинского языка, снижение общенационального уровня владения тувинским языком еще не заметно для широких масс населения и для молодежи в частности. Вместе с тем, среди старшего поколения наблюдается тенденция к сохранению родного языка и поддержания уровня его владения в том числе за счет интернет-коммуникации на тувинском языке.

Среди ключевых задач, способных затормозить наметившуюся тенденцию к языковой ассимиляции, эксперты, прежде всего, выделяют необходимость возвращения тувинскому языку статуса языка обучения в начальных классах. Дополнительно предлагается расширить функционирование тувинского языка в сфере образования за счет организации на постоянной основе курсов тувинского языка для взрослых.

Вместе с тем, необходимой видится деятельность, направленная на повышение престижа тувинского языка среди местного населения за счет государственной поддержки, а также через распространение тувинской культуры (уникального тувинского горлового пения *хөөмей*, игре на тувинских национальных инструментах и др.), посредством организации языковых конкурсов (например, конкурс чтецов тувинской поэзии) на республиканском уровне, вовлечения молодежи в культурно-просветительские проекты и др.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бавуу-Сюрюн, М. В. (2010) Тувинский язык на современном этапе: образовательный аспект // Новые исследования Тувы. № 3. С. 57–71.

Боргоякова, Т. Г., Биткеева, А. Н. (2020) Тувинский язык в правовом и функциональном измерении // Новые исследования Тувы. № 1. С. 50–61. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.1.4>

Дырхеева, Г. А., Цыбенова, Ч. С. (2020) Языковые установки и языковая лояльность носителей малых языков в условиях национально-русского двуязычия (на примере бурят и тувинцев) // Новые исследования Тувы. № 1. С. 62–74. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.1.5>

Ламажаа, Ч. К. (2021) Социальная культура тувинцев и онлайн-пространство // Новые исследования Тувы. № 2. С. 115–129. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.2.10>

Ламажаа, Ч. К., Сузукей, В. Ю. (2019) Тувинское горловое пение как нематериальное культурное наследие и как культурный бренд Тувы // Новые исследования Тувы. № 2. С. 72–83. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.2.6>

Сегленмей, С. Ф. (2016) Роль родного языка как языка обучения в начальной школе // Вестник Тувинского государственного университета. № 4: Педагогические науки. № 4 (31). С. 105–112.

Серээдар, Н. Ч. (2018) Тувинский язык как средство общения тувинцев: проблемы и перспективы // Новые исследования Тувы. № 1. С. 4–19. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2018.1.1>

Цыбенова, Ч. С. (2017) Современная языковая ситуация в Республике Тыва: социолингвистический аспект / отв. ред. Г. А. Дырхеева. Иркутск : Оттиск. 170 с.

Дата поступления: 10.02.2022 г.

REFERENCES

Bavuu-Surun, M. V. (2010) Tuvinskii iazyk na sovremennom etape: obrazovatel'nyi aspekt [Tuvan language on modern stage: Educational aspect]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 57–71. (In Russ.).

Borgoiakova, T. G. and Bitkeeva, A. N. (2020) Tuvinskii iazyk v pravovom i funktsional'nom izmerenii [Tuvan language in legal and functional aspect]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 50–61. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.1.4>

Dyrkheeva, G. A. and Tsybenova, Ch. S. (2020) Iazykovye ustanovki i iazykovaia loial'nost' nositelei malykh iazykov v usloviakh natsional'no-russkogo dviiazychiia (na primere buriat i tuvintsev) [Language attitudes and language loyalty of minor language speakers under the conditions of national-Russian bilingualism: The case of Buryats and Tuvans]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 62–74. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.1.5>

Lamazhaa, Ch. K. (2021) Sotsial'naia kul'tura tuvintsev i onlain-prostranstvo [Social culture of Tuvans and online space]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 115–129. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.2.10>

Lamazhaa, Ch. K. and Suzukey, V. Yu. (2019) Tuvinskoe gorlovoe penie kak nematerial'noe kul'turnoe nasledie i kak kul'turnyi brend Tuvy [Tuvan throat singing as intangible cultural heritage and as Tuva's cultural brand]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 72–83. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.2.6>

Seglenmey, S. F. (2016) Rol' rodnogo iazyka kak iazyka obucheniia v nachal'noi shkole [Role of the native language as the language of instruction in primary schools]. *Vestnik Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta. No. 4: Pedagogicheskie nauki*, no. 4 (31), pp. 105–112. (In Russ.).

Sreedar, N. Ch. (2018) Tuvinskii iazyk kak sredstvo obshcheniia tuvintsev: problemy i perspektivy [Tuvan language as means of communication among Tuvans: Problems and prospects]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 4–19. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2018.1.1>

Tsybenova, Ch. S. (2017) *Sovremennaia iazykovaia situatsiia v Respublike Tyva: sociolingvisticheski aspekt [Contemporary language situation in the Republic of Tuva: Sociolinguistic aspect]* / ed. by G. A. Dyrkheeva. Irkutsk, Ottisk. 170 p. (In Russ.).

Submission date: 10.02.2022.

Модель социолингвистического прогнозирования и актуальные тенденции языковой политики в регионах России

Айса Н. Биткеева

Институт языкознания РАН,
Российская Федерация

В статье рассматриваются вопросы концепции и методологии социолингвистического прогнозирования в полиэтничном государстве, разрабатываются сценарии развития языковой политики в Российской Федерации на федеральном и региональном уровнях. В качестве эмпирического материала в статье использованы данные социолингвистического обследования проведенного в 2021 г. в Республике Тыва, Республике Дагестан, Республике Калмыкия и Приморском крае.

В последние десятилетия в мире и России произошли изменения по отношению к языковому разнообразию и принципам построения языковой политики. Стала осознанной необходимость разработки новой языковой политики в России, которая отражала бы интересы государства и его граждан. Стратегическое использование социолингвистических прогнозистических моделей в языковой политике повышает продуктивность ее мер. Основа для метода сценариев в социолингвистике заключается в создании многофакторной модели сценария, которая включает в себя типологические аспекты языковой политики.

При выборе исследуемых регионов автор и его коллеги всю совокупность языковых общностей России описали по следующим моделям развития: устойчивый тип развития языка (русский), перспективный тип развития (чеченский, татарский, якутский, тувинский и т. д.), нестабильный тип развития языка (калмыцкий, карельский, языки Дагестана и др.), слабо перспективный тип развития языка (язык тазов и др.). Анализ состояния и перспектив языкового развития в обследованных регионах в рамках многокомпонентной модели прогнозирования выстраивался по коррелирующим факторам. Это позволило сделать вывод о том, что наиболее оптимальным сценарием языковой политики для России представляется полилингвальная либеральная языковая политика. Ее суть заключается в том, что миноритарные и мажоритарные народы страны обучаются на родных языках, овладевая параллельно общегосударственным языком — русским языком, региональными и иностранными языками через сферу образования. Разработка подобных инструментов языковой политики — приоритетная задача современной России.

Ключевые слова: языки России; языковая политика; социолингвистическое прогнозирование; метод сценария развития языка; языковая смерть; тувинский язык; Республика Тыва; калмыцкий язык; Республика Калмыкия; языки Дагестана; Республика Дагестан; тазы; Приморский край

Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ и DFG № 21-512-12002 ННИО_а «Методы прогнозирования и будущие сценарии развития языковой политики (на примере многоязычной Российской Федерации)».

Для цитирования:

Биткеева А. Н. Модель социолингвистического прогнозирования и актуальные тенденции языковой политики в регионах России // Новые исследования Тувы. 2022. № 4. С. 38-52. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.3>

Биткеева Айса Николаевна — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям Института языкознания РАН. Адрес: 125009, Россия, г. Москва, пер. Большой Кисловский, д. 1/1. Эл. адрес: an.bitkeeva@iling-ran.ru

Bitkeeva, Aysa Nikolaevna, Doctor of Philology, Leading Research Fellow, Research Center on Ethnic and Language Relations, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences. Postal address: 1/1 Bolshoy Kislovsky Per., 125009 Moscow, Russian Federation. E-mail: an.bitkeeva@iling-ran.ru

ORCID ID: 0000-0003-3765-2144

Model of sociolinguistic forecasting and the current trends of language policy in the regions of Russia

Aysa N. Bitkeeva

*Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences,
Russian Federation,*

The article deals with the issues of the concept and methodology of sociolinguistic prognosis in a multiethnic state. The author presents possible scenarios for the development of language policy in the Russian Federation at the federal and regional levels. The article uses data from a sociolinguistic survey as an empirical material. It was conducted in 2021 in the Republic of Tuva, the Republic of Dagestan, the Republic of Kalmykia and Primorsky Krai.

In recent decades, there have been changes in the world and Russia in relation to linguistic diversity and the principles of language policy-making. The need to develop a new language policy in Russia that would reflect the interests of the state and its citizens has become realized. The strategic application of sociolinguistic predictive models in language policy increases the efficiency of its measures. The basis for the scenario method in sociolinguistics consists in creating a multifactorial scenario model that includes typological aspects of language policy.

When choosing regions to study, the author and her colleagues described the whole set of linguistic communities in Russia according to the following development models: stable type of language development (Russian), promising type of development (Chechen, Tatar, Yakut, Tuvan, etc.), unstable type of language development (Kalmyk, Karelian, Dagestan languages), and unpromising type of development (the Taz language, etc.). The analysis of the state and prospects of language development in the surveyed regions within the framework of a multicomponent prognostic model was based on correlating factors. This allowed to conclude that the best possible scenario of language policy in Russia is a multilingual liberal language policy. Its essence lies in the fact that minority and majority peoples of the country study in their native languages, simultaneously mastering the national language – Russian, regional and foreign languages through the field of education. The development of such language policy tools is a priority goal for contemporary Russia.

Keywords: languages of Russia; language policy; sociolinguistic prognosis; method of language development scenario; language death; Tuvan language; Republic of Tuva; Kalmyk language; Republic of Kalmykia; languages of Dagestan; Republic of Dagestan; Taz people; Primorsky Krai

Financing

The article was prepared within the framework of the project no. 21-512-12002 НИИО_а “Prognostic Methods and Future Scenarios in Language Policy – Multilingual Russia as an Example” with support from the Russian Foundation for Basic Research and the German Research Foundation (DFG).

For citation:

Bitkeeva A. N. Model' sotsiolingvisticheskogo prognozirovaniia i aktual'nye tendentsii iazykovoii politiki v regionakh Rossii [Model of sociolinguistic forecasting and the current trends of language policy in the regions of Russia]. *New Research of Tuva*, 2022, no. 4, pp. 38-52. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.3>

Введение

В последние годы все активнее дискуссии по поводу состояния языков, угрозы языковому многообразию России. Общество постепенно приходит к пониманию, что необходим пересмотр прежней стратегии языковой политики в стране, что тема этнокультурного и этноязыкового развития народов РФ напрямую влияет на социополитический, межнациональный климат в стране.

Говоря о тенденциях современной языковой политики в России, следует отметить ее преемственность от языковой политики СССР. В советское время решение национально-языковых проблем определялось национально-государственным устройством страны: функционировали языки союзных республик, языки автономных республик, языки автономных областей и национальных округов. Функциональная дистрибуция этих языков происходила соответственно статуса языка. После 1990-х гг., в постсоветский период была заявлена стратегия юридического регулирования языковой жизни в стране, были приняты законы о языках титульных народов республик России,

а также закон о русском языке как государственном для всей России¹. Таким образом, юридически было провозглашено «государственное двуязычие», включающее как создание хороших условий для функционального развития национальных языков, так и возможности языковой конкуренции и языкового доминирования зачастую не в пользу национальных языков.

Законодательство в современной России о регулировании использования языков представляет сложную разветвленную структуру и основывается на нормах Конституции Российской Федерации, (Конституция Российской Федерации 1993), включает Закон РФ от 25.10.1991 № 1807-1 «О языках народов Российской Федерации»², Федеральный закон от 01.06.2005 № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации»³ (О государственном языке Российской Федерации 2005)», иные федеральные законы и подзаконные акты, а также на региональное законодательство и муниципальное правовое регулирование. Выполнение Закона о государственном языке РФ требует серьезной работы по расширению функционального потенциала русского языка за рубежом, повышению культуры речи на языке в разных сферах общения, например, в массовой коммуникации, повышению уровня обучения русскому языку в сфере образования. Эти задачи дополняются целями, вызванными функциями русского языка как одного из мировых языков. По мнению исследователей, здесь имеются опасности для русского языка, в значительной степени уже потерявшего свои позиции в ряде регионов мира. Иначе обстоят дела с другими национальными языками России, которые всегда функционировали в той или иной степени, никогда максимально не используя своего потенциала, т. е. не использовались во всех сферах общения, не охватывали всю этническую общность.

Основными направлениями современной федеральной и соответственно региональной политики является сохранение языкового единения страны, с одной стороны, и расширение социальных функций этнических языков — с другой стороны. Языковое единство страны можно оценить в 98%, такое количество жителей России владеет и пользуется русским языком, в то время как исследования по этническим языкам показывают весьма пеструю картину как по языковой компетенции той или иной этнической общности, так и по использованию этнического языка в разных сферах общения.

На данный момент в России наблюдается функциональный дисбаланс русского языка и других языков РФ не в пользу последних, соответственно возникают ситуации языковых конфликтов, межнациональной напряженности и т. д. Возникла потребность в разграничении социальных функций общегосударственного языка РФ и региональных государственных языков. Гармоничную картину языковой политики в России нарушает несоответствие модели языковой политики *de-jure* и модели *de-facto*. Наблюдается значительное уменьшение функционирования этнических языков в разных коммуникативных сферах по сравнению с советским периодом.

Таким образом, на данный момент необходима разработка новых принципов языковой политики в России, приоритетом которой должно быть сохранение языкового единства страны при одновременной поддержке развития языкового разнообразия в полиязычной России. При принятии мер языковой политики и разработке языкового законодательства необходимо учитывать важность повышения языковой компетенции в каждой этнической общности и распространения его функционирования во всех сферах общения, актуальных для данной этнической группы. Основным приоритетом является собственная этническая общность, при этом учитывать, что как правило к языковым конфликтам приводит ускоренное, необоснованное, не поддерживаемое необходимыми мероприятиями распространение статусного языка республики на другие этнические общности.

Применение метода сценария для экспертной оценки современной языковой ситуации в РФ рассматривается нами как наиболее эффективное и должно впоследствии лечь в основу планирования языковой политики в РФ. Сценарный подход при разработке прогностических моделей в языковой

¹ О государственном языке Российской Федерации: Закон РФ от 01.06.2005 г. № 53-ФЗ [Электронный ресурс] // Система «Гарант». URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/12140387/paragraph/1/doclist/10440/showentries/0/highlight> (дата обращения: 13.05.2022).

² О языках народов Российской Федерации: Закон РФ от 25 октября 1991 г. № 1807-1 [Электронный ресурс] // Система «Гарант». URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/10148970/paragraph/9806/doclist/10484/showentries/0/highlight> (дата обращения: 13.05.2022).

³ О государственном языке Российской Федерации: Закон РФ от 01.06.2005 г. № 53-ФЗ [Электронный ресурс] // Система «Гарант». URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/12140387/paragraph/1/doclist/10440/showentries/0/highlight> (дата обращения: 13.05.2022).

политике повышает продуктивность мер языковой политики, прогнозирует и предотвращает конфликты, способствует поиску механизмов решения языковых проблем.

Целью статьи является разработка концептуальной и методологической основы социолингвистического прогнозирования в полиэтническом государстве в теории и на практике, анализ наиболее эффективного сценария развития языковой политики в Российской Федерации.

Данный научный подход применен к анализу языковой ситуации в рамках социолингвистических обследований в следующих республиках России. В Республике Тыва нами с коллегами — Ч. С. Цыбеновой и М. Я. Каплуновой — в 2021 г. проводилось социолингвистическое обследование, включавшее анкетирование, интервьюирование людей власти, экспертов, языковых активистов носителей тувинского языка. В опросе в Республике Тыва приняли участие около 450 респондентов городских и сельских жителей. В 2021 г. также проведено социолингвистическое исследование актуальной языковой ситуации, языковой политики в Республике Дагестан. В проведенном совместно с Б. М. Атаевым, С. В. Кириленко обследовании приняли участие около 500 респондентов (жители городской и сельской местности), носители аварского, даргинского, агульского, лезгинского, табасаранского, кумыкского, бежтинского, лакского, рутульского и чамалинского языков. Апробировалась также методика измерения конфликтогенного потенциала. В 2020–2022 гг. совместно с Ц. Д. Манжиевой проведено социолингвистическое обследование (анкетирование, интервьюирование) в Республике Калмыкия, в котором приняли участие около 500 респондентов, городских и сельских жителей. В 2021 г. нами вместе с М. Я. Каплуновой было предпринято исследование этнической группы тазов, проживающей в Приморском крае, входящих в число коренных малочисленных народов РФ.

Степень изученности темы

Исследования, разрабатывающие концепции и методологические инструменты в отношении прогностических моделей, часто связаны в первую очередь с областью экономики, международных отношений (Biglin, 2016; Davydchuk, Mehlhausen, Priesmeyer-Tkocz, 2018; и др.). Понятие сценария в этих не лингвистических областях используется и применяется по-разному (Ramirez et al., 2015; и др.). Однако применение сценарной методологии относительно языкового развития также может быть эффективно. Сценарный подход позволяет построить прогностические модели развития исследуемых языков и создает необходимые условия для построения теории прогнозирования развития социальных функций языков.

Надо отметить, что в научном дискурсе мало исследований будущего языкового разнообразия в мире. В существующих работах языковое прогнозирование связано с языковым планированием, эти исследования направлены на разработку методов сохранения языка или разработку стратегии его ревитализации (см., напр.: Paulston, 1994; Fishman, 2013). Другой акцент делается на оценке тенденций языковой политики. В русскоязычном научном дискурсе практически отсутствуют исследования сценарной методологии исследования будущего языкового многообразия и методики социолингвистического прогноза. В этой связи, данную научную тему следует считать новой, направленной на исследование и формирование будущего языков России.

Сценарная методология исследования развития языков находится в стадии становления в отечественной социолингвистике. Одними из последних работ на эту тему являются следующие работы автора статьи (см.: Биткеева, Вингендер, Михальченко, 2019; Биткеева, Вингендер, 2020). В указанных работах мы предварительно анализировали концептуальные и методологические основы социолингвистического прогнозирования. В данной статье мы продолжаем расширять исследовательскую базу социолингвистического прогнозирования, развиваем многофакторную модель прогнозирования развития языкового многообразия и анализируем наиболее эффективные сценарии языковой политики с акцентом на языках России.

Анализ многофакторной модели прогнозирования развития языков в контексте сценарной методологии

Применение метода сценариев развития языковой политики делает возможным создание многофакторной модели прогнозирования развития языков Российской Федерации, включающей в себя разнообразные признаки — типологические аспекты языковой политики и языковой ситуации на национальном/федеральном уровне, на локальном уровне и на собственно лингвистическом уровне.

Социолингвистическое прогнозирование языковых процессов включает три основных этапа: анализ сложившейся ситуации, прогноз относительно ее развития, оценка масштаба проблемы и разработка инструментов которые влияют на развитие, например, с целью предотвращения и решения языковых конфликтов.

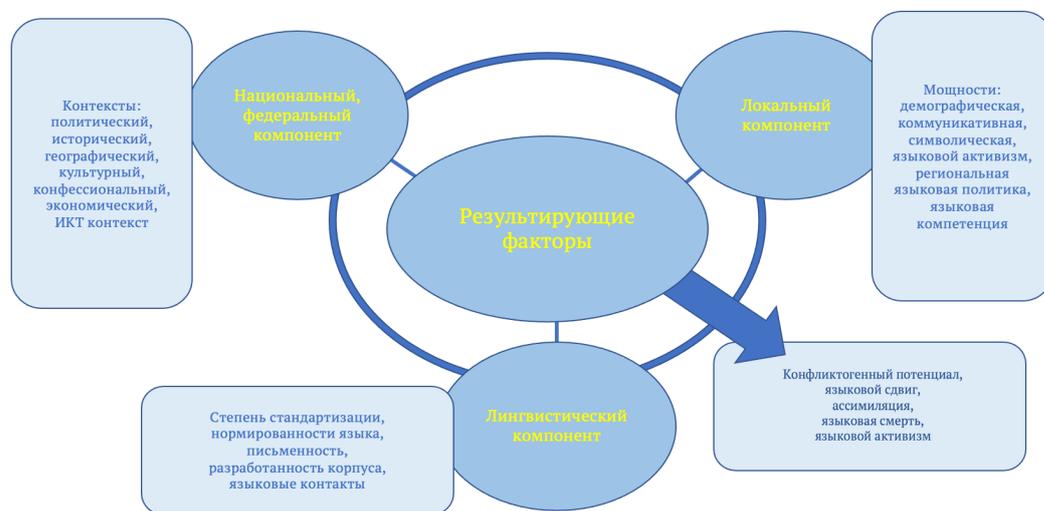

Рис. 1. Многофакторная модель прогнозирования.

Fig. 1. Multifactorial prognostic model.

Этапы исследования включают систематическую идентификацию факторов, которые имеют значение для динамики языковой политики и языковой ситуации, моделирование факторов и их зависимостей, описание корреляций между факторами. Результатом же должно стать создание динамической многофакторной модели и далее анализ сценариев развития будущего языков.

Коррелятивная многофакторная модель включает совокупности положительных и отрицательных факторов функционального развития языков при которых возникает неравномерная дистрибуция языков в многоязычной ситуации на *национальном/федеральном уровне* (исторические травмы, политический, идеологический контексты, географический, экономический, миграционный аспекты, языковое доминирование одного языка относительно другого, сознательная интеграция), на *локальном уровне* (демографическая, коммуникативная символическая мощности, региональная языковая политика, языковой активизм, языковая компетенция), на *лингвистическом уровне* (степень стандартизации, нормированности языка, оппозиция «язык — диалект», наличие письменности, разработанность корпуса и т. д.).

Моделирование этих факторов и их зависимостей, анализ корреляций между ними выявляет результирующие события — языковой конфликтотенный потенциал в языковой общности, языковой активизм, языковой сдвиг, ассимиляцию, языковую смерть и др.). Что в свою очередь позволяет выявить возможность моделировать возможные сценарии языкового развития.

Сценарии мы понимаем как структурно разные истории о том, как может развиваться будущее, которые оказывают влияние на определенную область, в данном случае на языковое многообразие и языковую политику страны (Биткеева, Вингендер, 2020: 39). Сценарий будущего необходимо выводить, с одной стороны, из объективной оценки состояния языковой ситуации, языковой политики и планирования как объективных условий развития — с другой стороны, с точки зрения субъективного мнения разных групп населения, представляющих, как власть, реализующую языковую политику, так и разные группы носителей языка.

Рассмотрим применимость разрабатываемой модели прогнозирования языкового развития на примере Республики Тыва, Республики Калмыкия, Республики Дагестан и Приморского края. Далее исходя из анализа коррелирующих факторов, влияющих на витальность языка, его функциональное развитие, рассмотрим наиболее эффективные сценарии языковой политики, стимулирующей гармоничное развитие языкового многообразия в России.

Выбранные регионы являются «ключевыми акторами» в языковой политике страны (дебаты на государственном и общественном уровнях, активистские движения) и «ключевыми моделями» языковой ситуации в РФ. Анализ проводится на материале социолингвистического обследования, проведенного нами в указанных республиках в 2020–2022 гг.

Республика Тыва: тувинский язык

В плане прогнозной методики языковая ситуация и языковая политика в Республике Тыва представляет собой интересный с научной точки зрения случай. Тувинский язык наряду с русским языком является государственным языком Республики Тыва. Относительно тувинского языка следует выделить два события в истории, значительно повлиявших на его развитие уже в период новой истории Тувы. Во-первых, то что тувинцы имели свою государственность — Тувинскую Народную Республику (далее ТНР) — с 1921 по 1944 гг. Во-вторых, Тува официально вошла в состав СССР намного позже других национальных республик, лишь в 1944 г., до этого момента представляя собой закрытую территорию. Это способствовало постепенному росту численности коренного населения республики. За годы существования ТНР (1921–1944 гг.) произошло становление и развитие литературной формы тувинского языка, выработались различные жанры и стили, произошло укрепление функциональной базы языка. Эти исторические события сыграли огромную роль для сохранения позиций тувинского языка и его развития.

Географическое расположение Тувы изначально не способствовало массовому проникновению русскоязычного населения. Саянские горы отделяют от остальной части страны, железнодорожное сообщение отсутствует. Расселение тувинцев компактное, наблюдается высокая демографическая мощность тувинского языка, 82 % населения Тувы — тувинцы, проживающие в основном в моноязычных районах, где основным языком общения является тувинский язык. Отмечается неблагоприятное экономическое состояние в регионе, высокий уровень безработицы, очевидна связь между языком и экономической мобильностью группы, в плане урбанизации — переселение сельских жителей в город, трудовой миграции — выезд трудоспособного населения за пределы республики в поисках заработка (см.: Сат, 2018; Баймурзина, Кабашова, 2022; Валиахметов, Зарипов, Туракаев, 2022; и др.).

Информация о языке в сфере информационно-коммуникативных технологий (далее — ИКТ) присутствует, но, требует серьезного обновления содержательного контента для привлечения массового внимания молодежи. С другой стороны, ИКТ — одна из причин языкового сдвига среди младшего поколения, из-за массовости и доступности интернет-контента на русском языке, телевизионных программ на русском языке дети автоматически переходят на русский язык.

Фиксируется пока высокая коммуникативная мощность тувинского языка, язык полноценно функционирует во многих значимых для этнической группы сферах жизни, в отличие от большинства других языков РФ, функционирующих номинально (см.: Серээдар, 2018; Боргоякова, Биткеева, 2020; и др.). Однако языковой образовательный ландшафт Республики Тыва значительно пострадал из-за произошедшего в 2017 г. в республике перевода среднего образования на русскоязычные учебники даже в моноязычных тувиноязычных районах. Этот факт усилил процесс языкового сдвига у молодого поколения тувинцев, и несмотря на то, что с 2021 г. начался процесс изменения прежнего ошибочного образовательного курса, если не принять своевременные меры в национальной образовательной политике республики, негативные последствия относительно витальности тувинского языка могут быть необратимые. Эта тема оказалась наиболее актуальной в проведенных в 2021 г. интервью с экспертами, педагогами и родителями Тувы (см. подробнее: Биткеева, Цыбенкова, 2022).

Отрицательную динамику в функциональном состоянии тувинского языка отмечают и сами носители, так, 72% информантов отметили, что функционирование тувинского языка с 1991 г. по 2021 г. значительно сократилось, только 23% считают, что использование тувинского языка расширилось, 5% отмечают, что ничего не изменилось¹.

Фиксируется высокая символическая мощность тувинского языка. Согласно опроса 83% опрошенных указали, что родной для них тувинский язык, 10% указали, что считают русский и тувинский языки родными, 7% указали русский родным языком. Стремление к переходу на русский

¹ Данные обследований из личного архива А. Н. Биткеевой.

язык. происходит на фоне убежденности масс в том, что родной язык никуда не денется. При этом высокая символическая мощь родного языка у тувинцев действительно соответствует высокому уровню языковой компетенции на тувинском среди молодежи и старшего поколения тувинцев. Сами информанты тувинцы на вопрос «Можете ли Вы отнести себя к билингвам — людям, которые знают и используют в равной степени два языка?» подтвердили, что являются полноценными билингвами 72%, «скорее да, чем нет» отметил — 21%, 4% затруднились ответить, 3% ответили, что не являются двуязычными. Межпоколенческая передача родного языка у тувинцев в целом сохраняется.

Таким образом, исторический контекст для тувинцев сложился таким образом, что изменения, происходящие сегодня в языке, в языковой ситуации этнической группы протекают на два-три поколения позже, чем у других народов России. При этом языковая ситуация ухудшается более быстрыми темпами, в силу влияния негативных социально-экономических факторов, интенсивного развития и распространения информационно-коммуникационных технологий.

Наблюдается начальная стадия языкового сдвига. Постепенный языковой сдвиг наблюдается в основном в городе, в сельских районах тувинские дети переходят на русский язык через ИКТ. В долгосрочной перспективе возможен переход на русский язык. Однако своевременная немедленная государственная и институциональная поддержка тувинского языка, республиканская языковая политика, актуализировавшаяся с 2021 г. возможно изменит или приостановит начальную стадию языкового сдвига у тувинцев.

Республика Дагестан: языки Дагестана

Географический горный ландшафт, как правило, предполагает языковое многообразие, что и представляет собой Дагестан, являясь «горой языков». Кроме того, горный рельеф, труднодоступность горных поселений предполагает компактность расселения этнических групп, соответственно высокую витальность языков. Однако языковая ситуация складывается не совсем однозначная в Дагестане, а именно полиэтничность и многоязычие Дагестана и на этом фоне бесперспективность национальных языков (см.: Атаев, Ибрагимова, 2021, 2022; и др.).

Как показало наше исследование 2021 г., среди актуальных языковых проблем Дагестана в нарративах самих жителей выделяются следующие: состояние и угасание родных языков, нигилизм среди молодежи по отношению к родным языкам, особенно среди горожан, отсутствие закона о языках Республики Дагестан (Биткеева, 2021ab).

Согласно Конституции Республики Дагестан государственными языками являются русский и языки всех народов, населяющих Дагестан. Однако официальный статус имеют аварский, агульский, азербайджанский, даргинский, кумыкский, лакский, лезгинский, ногайский, рутульский, табасаранский, татский, цахурский, чеченский языки¹. Информанты отмечают, что «Многоязычие Дагестана — это и наша радость, и наша беда»². Такая уникальная полиэтничная и многоязычная языковая ситуация в Дагестане создает определённые трудности для надления официальным статусом языки Дагестана, институционализации языков, соответственно расширения их функциональной базы. Эти моменты в свою очередь могут спровоцировать языковые и межэтнические конфликты.

Несмотря на ощутимый языковой сдвиг, угасание родных языков, нигилизм среди молодежи по отношению к родным языкам, символическая мощь языков довольно высока. Родные языки выполняют функцию этнического символа. Активны движения по возрождению языков и культур языков Дагестана. Деятельность языковых активистов в Республике Дагестан связана в основном с поддержкой крупных языков (аварский, даргинский, кумыкский, лакский) (Биткеева, 2021b: 131–139). Среди характеристик, определяющих родной язык, информанты отмечали язык родителей (61%), язык этнической группы (47%), язык моей повседневной жизни (38%), язык на котором я думаю (24%), язык на котором я общаюсь (46%)³.

Несмотря на такой подъем движения по сохранению языков и культур народов Дагестана, функционирование родных языков народов Дагестана в основном ограничивается сферой семейного и бытового общения, сферой этнокультурного содержания, в остальных сферах доминирует исполь-

¹ Конституция Республики Дагестан от 10 июля 2003 года [Электронный ресурс] // Сайт Правительства Республики Дагестан. URL: <http://e-dag.ru/2013-05-27-06-54-30/konstitutsiya-rd.html> (дата обращения: 13.05.2022).

² Данные обследований из личного архива А. Н. Биткеевой.

³ Данные обследований из личного архива А. Н. Биткеевой.

зование русского языка, около половины населения Республики Дагестан проживает в городской среде, где состав населения полиэтничен.

Согласно нашему опросу, на значительное сокращении функциональной базы языков Дагестана с 1991 г. указывают 54% опрошенных информантов, о расширении использования говорят 23% информантов, о том, что ничего не изменилось, упоминает 10% опрошенных. Среди говорящих, например, на аварском и даргинском, распространён ассиметричный билингвизм в условиях конкуренции с русским языком. Общение в большинстве случаев проходит только на национальном языке лишь у 3% говорящих, что также является тревожным симптомом продвинутой стадии языкового сдвига. Также важным показателем является то, что хотя в семейно-бытовом общении преимущественно говорят на аварском и даргинском, в общении с друзьями эта цифра падает втрое, с примерно 60% до чуть около 20% в среднем для обеих групп говорящих. Хотя последний показатель, скорее всего, не свидетельствует о снижении лояльности к языку среди дружеского общения, а обусловлен многонациональным составом республики, многонациональным составом языковой общности друзей.

При такой сложной языковой ситуации в Дагестане важна государственная законодательная поддержка языков. Без этого сферы использования языков Дагестана будут постепенно сужаться, что приведет к функциональному угасанию миноритарных языков республики.

Республика Калмыкия: калмыцкий язык

Калмыцкий язык наряду с русским языком является государственным языком Республики Калмыкия. Государственную и институциональную поддержку калмыцкого языка нельзя назвать сильной. Республика Калмыкия — многонациональная республика, калмыки составляют только чуть более половины всего населения республики — 56%¹, есть несколько районов компактного расселения калмыков, однако, основным языком общения является русский язык.

Трагические события в истории калмыков обусловили наличие исторических травм (переселение с территории Китая в Нижнее Поволжье в 1771 г., репрессии народа в период 1943–1956 гг.) и привели к низкой демографической и коммуникативной мощности калмыцкого языка. В регионе отмечается неблагоприятное экономическое состояние, наблюдаются активные внутренние и внешние миграционные процессы среди калмыков за пределы республики по России и за рубеж, активная урбанизация, при которой сельские жители активно переезжают в город — все эти факторы негативно сказываются на функциональном развитии калмыцкого языка.

Калмыцкий язык — старописьменный язык. Он обладает развитой системой стилей, однако у него недостаточно развита терминологическая система, что не позволяет функционировать калмыцкому языку, например, в сфере высшего образования. Информация о калмыцком языке в сфере ИКТ присутствует, однако функциональное развитие калмыцкого языка в этой новой сфере на стадии становления.

Демографическая мощность калмыцкой этнической группы средняя, коммуникативная мощность калмыцкого языка — низкая, русский язык доминирует во всех общественных сферах жизни калмыков. Так, согласно нашему опросу, в повседневной жизни общаются только на русском 82% опрошенных калмыков, лишь 18% указали, что говорят в основном на русском и редко на калмыцком в повседневной коммуникации. Значительное сокращение функционирования калмыцкого языка в период с 1991 по 2021 г. отметили 67% информантов, 19% отметили даже некоторое расширение функционирования калмыцкого, однако, можем с уверенностью утверждать, что это лишь иллюзия².

Информанты-калмыки так оценивают сложившуюся удручающую ситуацию с калмыцким языком: молодое поколение калмыков не говорит на родном языке, одной из причин является обучение калмыцкому языку в школе по старой методике преподавания, это объясняет отсутствие желания у большинства калмыков изучать родной язык. Немаловажно и то, что нет и языковой среды, где можно было бы имеющиеся навыки владения языком практиковать, межпоколенная передача языка у калмыков почти прекратилась, при этом заметно бездействие региональной языковой политики.

¹ Всероссийская перепись населения 2010 года. Т. 4. Национальный состав и владение языками, гражданство. М., 2010. С. 70.

² Данные обследований из личного архива А. Н. Биткеевой.

На вопрос нужно ли заставлять изучать родной язык 58% ответили, что нужно в обязательном порядке, 38% отрицательно смотрят на принуждение, 2% считают, что заставлять не нужно, но, человек должен знать свой родной язык, 4% ответили, что нужно знать хотя бы основы, при этом обязательно заинтересовывать¹.

При этом, калмыцкий язык обладает высокой символической мощностью даже при низкой или нулевой компетенции. Данный факт стал очевиден, когда 94% опрошенных высказалось, что калмыцкому языку надо обучать в школе наравне с русским. В данном случае родной язык выступает у большинства современных калмыков как этнический символ, связывающий с народом, его историей и культурой. Сдвиг этноустановок очевиден, на вопрос «Что Вас сближает с людьми Вашей национальности» были ответы по мере распространенности: культура (52%), история (42%), язык (32%), традиции, обычаи и менталитет (5%).

В целом, у современных калмыков складывается положительный образ этнического языка, среди определений родного языка следующие по распространенности: «родной», «красивый», «любимый», «домашний», «комфортный» и «трудный» родной калмыцкий язык.

В поликультурной среде Калмыкии почти отсутствует конфликтогенный потенциал в языковой сфере. Межнациональный климат довольно спокойный, уровень толерантности к другим народам, населяющим республику в калмыцкой языковой общности высокий. Интересно, что основные причины языковых конфликтов калмыки видят в разнице поведенческих стереотипов, культурных различиях, росте национализма, ущемлении языковых прав, экономических и политических причинах, исторических взаимоотношениях.

Таким образом, в Калмыкии отмечается достаточно высокая компетенция на родном языке среди старшего поколения, низкая и чаще всего нулевая среди среднего и младшего поколений. Межпоколенческая передача языка почти отсутствует. Соответственно фиксируется активная стадия языкового сдвига.

Приморский край: язык тазов

Интересна динамика и перспективы развития миноритарного этноса на фоне языковой политики и идеологии многонационального государства. Особенно показательна в этом контексте судьба тазов, малочисленного народа России. Языковая ситуация среди тазов контрастно дополняет общую картину языковой ситуации в России, поскольку представляет уникальный случай языковой смерти. История формирования этой этнической группы отражает этапы российской национальной политики на Дальнем Востоке, а также специфику российско-китайских отношений в различные периоды истории России.

Впервые определение тазов как самостоятельной этнической группы официально появилось в реестре Комитета Совета Федерации по делам Севера и малочисленных народов в 2000 г. До этого тазы официально относились к удэгейцам, что было в духе национальной политики страны советского времени. В настоящее время тазы определяются как метисная по происхождению группа аборигенного населения Приморья, сформировавшаяся к 1880-м гг. в результате смешения части удэгейцев и нанайцев с маньчжурами и китайскими отходниками (Сем и др., 2019). Язык тазов определяется учеными как северный диалект китайского языка; китайские «отходники», пришедшие на Дальний Восток, были выходцами именно из северной части Китая.

Негативное влияние политического и идеологического контекста на языковую биографию тазов привело к полной потере языка и культуры, их ассимиляции в русскоязычной среде. Государственная и институциональная поддержка языка тазов отсутствует, в 2000-х гг. тазы внесены в Единый перечень коренных малочисленных народов РФ (2000)² и в Перечень коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ (2006)³.

¹ Данные обследований из личного архива А. Н. Биткеевой.

² О едином перечне коренных малочисленных народов РФ: постановление Правительства РФ от 24 марта 2000 г. № 255. [Электронный ресурс] // Система «Гарант». URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102065057> (дата обращения: 13.05.2022).

³ Об утверждении перечня коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации: Распоряжение Правительства РФ от 17.04.2006 N 536-р. [Электронный ресурс] // Система «Консультант плюс». URL: http://consultant.ru/document/cons_doc_LAW_59703/3f82cd68de4903c3be21ef88ebc86f7582cf857f/ (дата обращения: 13.05.2022).

Среди представителей данной этнической группы наблюдается низкая демографическая мощьность. По данным переписи 2010 г. численность тазов составляла всего 274 чел., согласно переписи тазовский язык не попал в реестр языков, которыми владеют народы Российской Федерации¹.

Расселение тазов компактное, но среди многонационального состава населения наблюдается сильная этническая миксация². Отмечается неблагоприятное экономическое состояние этнической группы в регионе в целом, что объясняет экономическую мобильность группы, миграции в соседние регионы. По данным администрации Ольгинского района Приморского края в 2021 г. в селе Михайловка проживали 73 таза, кроме того, 9 тазов проживали в поселке Горноводном этого же района. Остальная часть тазов проживает в других регионах России.

Наблюдается отсутствие коммуникативной мощьности языка тазов, присутствует определенный нигилизм среди представителей этнической группы относительно этнического языка, его будущего. Отмечается нулевая языковая компетенция носителей языка. При этом, при отсутствии функциональной составляющей, нулевой компетенции на этническом языке, символическая мощьность высокая, в том числе среди молодежи. По нашим наблюдениям осталось только 3 носителя языка, владеющих языком не в полной мере, из них два представителя старшего поколения и носитель языка среднего возраста, воспитывавшийся бабушкой, а потому владеющий языком. С уходом из жизни этих последних носителей языка — уйдет и язык (см.: Биткеева, Каплунова, 2021).

Будучи включенными в реестр Комитета Совета Федерации по делам Севера и малочисленных народов РФ, тазы имеют право на ведение традиционной промысловой деятельности. Быть тазом значит иметь возможность заниматься охотой и рыболовством. Поэтому при совершенном невладеении этническим языком относительно высокую этническую идентичность тазов обеспечивает экономическая выгода; язык при этом несет чисто символическую функцию.

По шкале витальности язык тазов классифицируется как случай языковой смерти. Ассимилятивные процессы проходили постепенно, к 1940-х гг. все тазы с 9 до 40 лет уже умели читать и писать по-русски, в тот период в семейной сфере и на производстве родной язык еще активно использовался, в 1960–1970 гг. язык использовался уже только в семейно-бытовой сфере, и в основном, старшим поколением тазов. Межпоколенная передача языка завершилась в 1970-м гг.

Факторы витальности языков

Анализ состояния и перспектив языкового развития в рассмотренных выше республиках в рамках многокомпонентной модели прогнозирования можно выделить следующие коррелирующие факторы.

Наличие государственной и институциональной поддержки (наделение официальным статусом языка, проведение мероприятий в рамках различных программ) расширяет функциональный аспект языка, формирует положительный образ языка, повышает его престиж, способствует его популяризации. Поэтому прогноз для языков, имеющих статус государственных в своих территориях, более благоприятен. Государственный статус способствует их сохранению и развитию, создает основу для принятия лингвоохранных мер.

Следует учесть, что в сферах организованного общения фактически многие функции сегодня выполняет русский язык. Юридический статус языков частично не соответствует сложившемуся реальному распределению функций между языками в республиках, даже в республиках с наиболее высокой витальностью титульного языка. Например, являясь языком тувинцев, доминирующих в численном отношении в регионе, тувинский язык уже не функционирует как язык межнационального общения и в сферах организованного общения является дополнительным языком. Тем не менее статус государственного языка, определяемый и закрепленный законодательно, «обязывает» региональные власти принимать меры по его сохранению и развитию.

Исторический фактор. Исторические травмы, негативные идеологический и политический контексты в языковой биографии народа негативно влияют на витальность языка, на демографическую, коммуникативную мощьности этнической группы. Например, ассимиляторская политика в отношении тазов, репрессии в отношении калмыков — привели к полной или частичной потере языка и культуры.

¹ Всероссийская перепись населения РФ, 2010. С. 134.

² Этническое смешение народов.

Относительно тувинского языка следует выделить два момента, повлиявших на его развитие в период новой истории Тувы. Во-первых, тувинцы имели свою государственность, Тувинскую Народную Республику с 1921 по 1944 г. Во-вторых, Тува вошла в состав СССР намного позже других национальных республик, лишь в 1944 г. Эти два события сыграли огромную роль для сохранения позиций тувинского языка и его развития.

Политический и идеологический факторы. Латентная языковая политика моноязычия повышает конфликтный потенциал, что негативно сказывается на межнациональных отношениях в регионе. На этом фоне наблюдается усиление движений самосохранения этнических групп, в современной форме это языковые активисты. Наиболее гармонична идеология сохранения языкового и культурного многообразия, способствующая сбалансированной языковой ситуации и функциональному развитию языков.

Географический фактор. Географическое расселение этнической группы влияет на витальность языка. Компактность проживания этнической группы способствует гомогенности языка, формированию единых норм языка, не способствует диалектной раздробленности. В плане языковой политики компактный тип расселения языковой общности способствует институциональной и административной поддержке в рамках региональной языковой политики. Соответственно языковая компетенция на этническом языке в языковой общности выше.

Как отмечают исследователи, географическое положение Тувы изначально не способствовало массовому проникновению русскоязычного населения (см.: Ламажаа, 2021). Это во многом обусловило преобладание титульной нации в республике, способствовало компактности проживания тувинцев, а следовательно и сохранению и развитию тувинского языка.

Демографический фактор. Стабильная или увеличивающаяся демографическая мощь этнической группы предполагает витальность языка, увеличение его коммуникативной и символической мощи. Постепенное сокращение численности этнической группы уменьшает возможности на гармоничное функциональное развитие, что может означать переход языковой общности на доминирующий язык, следовательно на постепенную ассимиляцию.

Культурный фактор. Культурный контекст тесно взаимосвязан с будущим языка. Сегодня многие формы культуры в регионах страны привлекают внимание не только самих носителей этой культуры, но и представителей других культур, что способствует высокой языковой компетенции, расширяет функциональную базу языка. Можно сказать, что в первую очередь через культуру многие приобщаются и к языку.

Однако как показало наше исследование, в регионах РФ наблюдается замещение языка религией в качестве символического ресурса этничности у многих народов. При этом усиление значимости религиозного фактора, как правило, не оказывает значительного влияния на витальность языка. Это явление наблюдается, например, в Дагестане, в Татарстане, где отмечается усиление религиозного фактора в регионе, но это не влияет на витальность языка (Биткеева, 2021a; и др.).

Экономический фактор. Функциональное развитие языка напрямую зависит от экономической ситуации в регионе. Благоприятный экономический климат в регионе положительно влияет на витальность языка, этнической группе нет необходимости мигрировать, есть условия для поддержания языковой компетенции на языке.

Нестабильная экономическая ситуация вынуждает население выезжать из региона в поисках заработка, соответственно численность языковой общности последовательно уменьшается, что ведет к последовательному исчезновению данного сообщества, его культуры и языка. В регионах РФ с неблагоприятной экономической ситуацией наблюдается сильная миграция за пределы региона. В иноэтнической полиязычной городской среде постепенно появляется нарушение межпоколенной передачи родного языка детям, развивается ассиметричный билингвизм, с постепенным переходом на доминирующий русский язык.

Социально-экономические факторы стимулируют появление новых сфер финансовых услуг, профессиональных услуг, услуг телекоммуникаций. В указанных интегрированных сферах, как рынок услуг, наблюдается доминирование функционально сильного русского языка. Для большинства регионов характерна урбанизация, что ведет к переходу населения на русский язык.

Фактор информационно-коммуникативных технологий играет существенную роль для модели прогнозирования. С одной стороны, по мнению носителей языка, это основная причина потери родного языка: через гаджеты происходит естественное освоение русского языка детьми в мононациональных сельских районах, в частности, через канал «Карусель» на российском ТВ. С другой стороны, присутствие языков в Интернете стимулирует интерес к его освоению, создает имидж современных языков.

Сейчас в России наблюдается *Resilience effect* «эффект самосохранения», который проявляется в усилении деятельности активистов, этнонациональных движений и т. д. Негативные эффекты актуальной языковой политики стимулируют активность защитников родного языка, представляющих движение «снизу», языковой активизм, преимущественно из числа национальной молодежи, что говорит о высоком конфликтогенном потенциале связанном с языковыми проблемами.

Ранее в публикациях мы уже писали о теоретических аспектах сценарной методики относительно языкового развития и пришли к выводу, что такой анализ дает хорошие стимулы для развития сценариев языковой политики в России (Биткеева, Вингендер, 2020).

Заключение

Таким образом, на основе рассмотренных корреляций можно сделать следующий вывод относительно наиболее гармоничного и эффективного сценария языковой политики в России. В последние годы здесь реализуется сценарий языковой политики «Единство в многообразии», при котором имеет место языковая политика централизации — создание моноязычного пространства в целях организации единого коммуникативного пространства, что ведет к языковой монополии, доминированию русского языка во всех сферах функционирования. В этой стратегии есть определенные угрозы стабильности сложившейся языковой ситуации в сообществе, поскольку выявляется определенная степень неудовлетворенности среди членов языковых сообществ в регионах. Как показало наше обследование, есть определенная взаимосвязь между недовольством среди представителей этнических групп и вероятностью появления конфликтной ситуации. Это часто начинается с движения языковых активистов.

В этом контексте наиболее оптимальными сценариями языковой политики для России представляются полилингвальная либеральная языковая политика.

Суть полилингвальной языковой политики в том, что миноритарные и мажоритарные народы страны обучаются на родных языках, овладевая параллельно общегосударственным языком — русским языком, региональными языками и иностранными языками через сферу образования. Мажоритарный народ может изучать дополнительные языки, миноритарные народы — изучать государственные федеральный и региональные языки. Полилингвальное образование гарантирует активное гражданское участие в правительственных инициативах (Биткеева, Вингендер, 2020: 51).

Элементы же либеральной модели языковой политики, которая также направлена на поддержание функционального многоязычия и гарантирует равные права для всех языковых общностей в некоторых регионах РФ, все больше находит поддержку и на местах уже реализуется. Так, например, в Республике Бурятия и Республике Татарстан полагают, что наиболее перспективна реализация языковой политики в первую очередь через муниципальный уровень¹. Но, поскольку либеральный подход языковой политики предполагает, что языковая общность сама определяет судьбу родного языка и его функциональную дистрибуцию, а государство не вмешивается в процессы языкового урегулирования, это требует высокой степени самоорганизации регионального сообщества. Однако учитывая финансовую и социальную зависимость муниципального уровня от государственного, этот сценарий в целом утопичен в реалиях страны.

Очевидно, что рассмотренные сценарии не исключают друг друга и не ограничиваются только этими моделями. Разработка подобных инструментов языковой политики — приоритетная задача современной России.

¹ Методические рекомендации по разработке муниципальных программ по бурятскому языку / сост. А. А. Елаев, А. А. Дугарова, О. Б. Бадмаева. Улан-Удэ, 2021.

Благодарности

Выражаю благодарность профессору Монике Вингендер (г. Гиссен, Германия) за сотрудничество в рамках развития модели социолингвистического прогнозирования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Атаев, Б. М., Ибрагимова, М. О. (2021) Прогнозирование сценариев развития бесписьменных дагестанских языков в многоязычном регионе // Социолингвистика. № 3 (7). С. 26–40. DOI: <https://doi.org/10.37892/2713-2951-3-7-26-40>

Атаев, Б. М., Ибрагимова, М. О. (2022) Специфика языковой ситуации в многоязычном ареале (на примере Рутульского района Республики Дагестан) // Новые исследования Тувы. № 4. С. 106–113. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.8>

Баймурзина, Г. Р., Кабашова, Е. В. (2022) Занятость и доходы населения республик Тыва и Башкортостан (2010–2020 гг.) // Новые исследования Тувы. № 3. С. 186–207. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.3.13>

Биткеева, А. Н., Вингендер, М., Михальченко, В. Ю. (2019) Прогнозирование и языковое многообразие в Российской Федерации: социолингвистический аспект // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. Т. 18. № 3. С. 6–23. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.3.1>

Биткеева, А. Н., Вингендер, М. (2020) Сценарии в языковой политике России: вопросы концепции и методологии // Социолингвистика. № 1. С. 34–53. DOI: <https://doi.org/10.37892/2713-2951-2020-1-1-34-53>

Биткеева, А. Н. (2021a) Республика Дагестан: современная языковая ситуация и витальность языков. Интервью с экспертами: Б. М. Атаевым, М. А. Магомедовым // Социолингвистика. № 3 (7). С. 121–130. DOI: <https://doi.org/10.37892/2713-2951-3-7-121-130>

Биткеева, А. Н. (2021b) Республика Дагестан: современный языковой активизм. Интервью с языковым активистом Д. М. Магомедовым // Социолингвистика. № 3 (7). С. 131–139. DOI: <https://doi.org/10.37892/2713-2951-3-7-131-139>

Биткеева, А. Н., Каплунова, М. Я. (2021) Трансформации этноустановок тазов в контексте языковой политики России // Вестник Калмыцкого университета. № 4 (52). С. 65–72. DOI: <https://doi.org/10.53315/1995-0713-2021-52-4-65-72>

Биткеева, А. Н., Цыбенова Ч. С. (2022) Хроника языкового сдвига в тувинском языке в Республике Тыва // Новые исследования Тувы. № 4. С. 6–27. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.8>

Боргоякова, Т. Г., Биткеева, А. Н. (2020) Тувинский язык в правовом и функциональном измерении // Новые исследования Тувы. № 1. С. 50–61. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.1.4>

Валиахметов, Р. М., Зарипов, А. Я., Туракаев, М. С. (2022) Проблемы развития человеческого потенциала в республиках Российской Федерации (по результатам опроса экспертов в Дагестане и Тыве) // Новые исследования Тувы. № 3. С. 170–185. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.3.12>

Ламажаа, Ч. К. (2021) Тува как лимитрофная зона: язык, религия и идентификация тувинцев // Новые исследования Тувы. № 3. С. 178–194. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.3.14>

Сат, С. А. (2018) Характеристика уровня жизни населения Республики Тыва // Экономика и бизнес: теория и практика. № 8. С. 116–118.

Сем, Ю. А., Сем, Л. И., Подмаскин, В. В., Старцев, А. Ф., Фадеева, Е. В., Янчев, Д. В. (2019) История и культура тазов: историко-этнографические очерки (вторая половина XIX — начало XXI в.). Владивосток : Дальнаука. 416 с.

Серээдар, Н. Ч. (2018) Тувинский язык как средство общения тувинцев: проблемы и перспективы // Новые исследования Тувы. № 1. С. 4–19. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2018.1.1>

Biglin, M. (2016) The state of future in international relations // Futures. Vol. 82. P. 52–62. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.futures.2016.05.011>

Davydchuk, M., Mehlhausen, T., Priesmeyer-Tkocz, W. (2018) The price of success, the benefit of setbacks: Alternative futures of EU-Ukraine relations // Futures. Vol. 97. P. 35–46. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.futures.2017.06.004>

Fishman, J. (2013) Language maintenance, language shift, and reversing language shift // The handbook of bilingualism and multilingualism. 2nd ed. / ed. by T. K. Bhatia and W. C. Ritchie. Malden, MA ; Oxford ; Chichester : Blackwell Publishing Ltd. xxiii, 940 p. P. 466–494.

Ramirez, R., Mukherjee, M., Vezzoli, S., Kramer, A. M. (2015) Scenarios as a scholarly methodology to produce “interesting research” // *Futures*. Vol. 71. P. 70–87. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.futures.2015.06.006>

Paulston, Ch. B. (1994) *Linguistic minorities in multilingual settings: Implications for language policies*. Amsterdam : John Benjamins Publishing Company. xi, 136 p.

Дата поступления: 01.09.2022 г.

REFERENCES

Ataev, B. M. and Ibragimova, M. O. (2021) Prognozirovaniye stsenariyev razvitiia bespis'mennykh dagestanskikh iazykov v mnogoiazychnom regione [Prognostic scenarios for the development of non-written Dagestani languages in a multilingual area]. *Sociolinguistics*, no. 3 (7), pp. 26–40. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.37892/2713-2951-3-7-26-40>

Ataev, B. M. and Ibragimova, M. O. (2022) Spetsifika iazykovoii situatsii v mnogoiazychnom areale (na primere Rutul'skogo raiona Respubliki Dagestan) [Features of the linguistic situation in a multilingual area (the case of Rutulsky District of the Republic of Dagestan)]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 106–113. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.8>

Baimurzina, G. R. and Kabashova, E. V. (2022) Zaniatost' i dokhody naseleniia respublik Tyva i Bashkortostan (2010–2020 gg.) [Employment and income of the populations of the republics of Tuva and Bashkortostan (2010–2020)]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 186–207. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.3.13>

Bitkeeva, A. N., Wingender, M. and Mikhalchenko, V. Yu. (2019) Prognozirovaniye i iazykovoie mnogoobrazie v Rossiiskoi Federatsii: sotsiolingvisticheskiy aspekt [Language prognosis and language diversity in the Russian Federation: Sociolinguistic aspect]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Iazykoznanie*, vol. 18, no. 3, pp. 6–23. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.3.1>

Bitkeeva, A. N. and Wingender, M. (2020) Stsenarii v iazykovoii politike Rossii: voprosy kontseptsii i metodologii [Future scenarios in language policy of Russia: Conceptual and methodological aspects]. *Sociolinguistics*, no. 1 (1), pp. 34–53. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.37892/2713-2951-2020-1-1-34-53>

Bitkeeva, A. N. (2021a) Respublika Dagestan: sovremennaiia iazykovaia situatsiia i vital'nost' iazykov. Interv'iu s ekspertami: B. M. Ataevym, M. A. Magomedovym [The Republic of Dagestan: present-day language situation and language vitality. Interview with the experts B. M. Ataev, M. A. Magomedov]. *Sociolinguistics*, no. 3 (7), pp. 121–130. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.37892/2713-2951-3-7-121-130>

Bitkeeva, A. N. (2021b) Respublika Dagestan: sovremennyyi iazykovoii aktivizm. Interv'iu s iazykovym aktivistom D. M. Magomedovym [The Republic of Dagestan: Present-day language activism. Interview with the language activist D.M. Magomedov]. *Sociolinguistics*, no. 3 (7), pp. 131–139. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.37892/2713-2951-3-7-131-139>

Bitkeeva, A. N. and Kaplunova, M. Ya. (2021) Transformatsii etnoustanovok tazov v kontekste iazykovoii politiki Rossii [Transformation of ethnic orientation of the Taz people in the context of Russian language policy]. *Bulletin of Kalmyk University*, no. 4 (52), pp. 65–72. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.53315/1995-0713-2021-52-4-65-72>

Bitkeeva, A. N. and Tsybenova, Ch. S. (2022) Khronika iazykovogo sdviga v tuvinskom iazyke v Respublike Tyva [Chronicle of the Tuvan language shift in the Republic of Tuva]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 6–27. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.1>

Borgoiakova, T. G. and Bitkeeva, A. N. (2020) Tuvinskii iazyk v pravovom i funktsional'nom izmerenii [Tuvan language in legal and functional aspect]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 50–61. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.1.4>

Valiakhmetov, R. M., Zaripov, A. Ya. and Turakayev, M. S. (2022) Problemy razvitiia chelovecheskogo potentsiala v respublikakh Rossiiskoi Federatsii (po rezul'tatam oprosa ekspertov v Dagestane i Tuve) [Issues of human potential development in the republics of the Russian Federation (according to the results of a survey of experts in Dagestan and Tuva)]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 170–185. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.3.12>

Lamazhaa, Ch. K. (2021) Tuva kak limitrofnaia zona: iazyk, religiia i identifikatsiia naseleniia [Tuva as a limitrophe zone: Language, religion and people's identity]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 178–194. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.3.14>

Sat, S. A. (2018) Kharakteristika urovniya zhizni naseleniia Respubliki Tyva [Characteristics of the level of living of the population of the Republic of Tyva]. *Ekonomika i biznes: teoriia i praktika*, no. 8, pp. 116–118. (In Russ.)

Sem, Yu. A., Sem, L. I., Podmaskin, V. V., Startsev, A. F., Fadeeva, E. V. and Yanchev, D. V. (2019) *Istoriia i kul'tura tazov: istoriko-etnograficheskie ocherki (vtoraia polovina XIX — nachalo XXI v.)* [History and culture of the Tazy people: Historical and ethnographic essays (from the second half of the 19th century to the beginning of the 21st century)]. Vladivostok, Dalnauka. 416 p.

Sereedar, N. Ch. (2018) Tuvinskii iazyk kak sredstvo obshcheniia tuvintsev: problemy i perspektivy [Tuvan language as means of communication among Tuvans: Problems and prospects]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 4–19. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2018.1.1>

Biglin, M. (2016) The state of future in international relations. *Futures*, vol. 82, pp. 52–62. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.futures.2016.05.011>

Davydchuk, M., Mehlhausen, T. and Priesmeyer-Tkocz, W. (2018) The price of success, the benefit of setbacks: alternative futures of EU-Ukraine relations. *Futures*, vol. 97, pp. 35–46. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.futures.2017.06.004>

Fishman, J. (2013) Language maintenance, language shift, and reversing language shift. In: *The handbook of bilingualism and multilingualism*. 2nd ed. / ed. by T. K. Bhatia and W. C. Ritchie. Malden, MA ; Oxford : Blackwell Publishing Ltd. xxiii, 940 p. Pp. 466–494.

Ramirez, R., Mukherjee, M., Vezzoli, S. and Kramer, A. M. (2015) Scenarios as a scholarly methodology to produce “interesting research”. *Futures*, vol. 71, pp. 70–87. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.futures.2015.06.006>

Paulston, Ch. B. (1994) *Linguistic minorities in multilingual settings: Implications for language policies*. Amsterdam, John Benjamins Publishing Company. xi, 136 p.

Submission date: 01.09.2022.

Смысловые зоны восприятия языков в контексте национально-русского билингвизма Южной Сибири

Тамара Г. Боргоякова, Карина А. Покоякова

Хакасский государственный университет имени Н. Ф. Катанова, Российская Федерация

В статье представлено исследование общности и специфики семантического портретирования языков разного статуса, включая английский, русский и вторые государственные языки республик Южной Сибири (алтайский, тувинский и хакасский). Анализируется соотношение соответствующих энциклопедических и психолингвистических дефиниций. Включение английского языка в дополнение к национально-региональному кругу языков позволяет раздвинуть исследовательский горизонт сравнения основных рациональных и эмоциональных моделей соотношения этнической и гражданской идентичности.

Показано, что отраженная в энциклопедическом дискурсе нейтрально-объективная характеристика языков (в корреляции со сложившейся иерархией вертикального билингвизма) находит преимущественное отражение в базовых смысловых зонах их психолингвистической репрезентации. Максимальная степень общности выявлена в доминировании нейтральной зоны ассоциативного реагирования. Она составляет 80% всего эмпирического материала исследования. Респондентами признается весомость языкового капитала английского языка в глобальном масштабе, русского языка как государственного и доминантного языка РФ и титульных языков республик Южной Сибири как региональных языков соответствующих автономий.

Подтверждена бинарная константа прагматизма в отношении чужого/иностранного языка и эмоционального позитивизма — в оценке родных языков. К совместно разделяемым смыслом восприятия титульных языков республик Южной Сибири относится устойчивость корреляции с соответствующей этнической идентификацией коренных народов и историческими территориями проживания. В ассоциативных стратегиях респондентов титульных этносов преобладает позитивная оценка уникальности и красоты родных языков. Негативная линия их восприятия, характерная преимущественно для русских респондентов, связана с представлениями о низком символическом весе миноритарных языков на рынке языкового капитала и этническими гетеростереотипами.

Ключевые слова: контактный билингвизм; языки Южной Сибири; русский язык; английский язык; тувинский язык; хакасский язык; алтайский язык; ментальный лексикон; психолингвистическое значение; этническая идентичность

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00426.

Для цитирования:

Боргоякова Т. Г., Покоякова К. А. Смысловые зоны восприятия языков в контексте национально-русского билингвизма Южной Сибири // Новые исследования Тувы. 2022. № 4. С. 53-64. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.4>

Боргоякова Тамара Герасимовна — доктор филологических наук, профессор, директор Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии, профессор кафедры зарубежной лингвистики и теории языка Хакасского государственного университета имени Н. Ф. Катанова. Адрес: 655017, Россия, г. Абакан, ул. Ленина, д. 92, каб. 306. Тел.: +7 (3902) 22-34-94. Эл. адрес: tamarabee@mail.ru

Покоякова Карина Александровна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии Хакасского государственного университета имени Н. Ф. Катанова. Адрес: 655017, Россия, г. Абакан, ул. Ленина, д. 92, каб. 306. Тел.: +7 (3902) 22-34-94. Эл. адрес: karina_p.84@mail.ru

Semantic zones of language perception in the context of national-Russian bilingualism in Southern Siberia

Tamara G. Borgoiakova, Karina A. Pokoiakova
Katanov State University of Khakassia, Russian Federation

The article examines the generality and specificity of the semantic portrayal of languages of different status, including English, Russian and the second state languages of the republics of Southern Siberia (Altai, Tuvan and Khakas). We analyze the correlation of relevant encyclopedic and psycholinguistic definitions. By considering the English language in addition to the ethno-regional circle of languages one can contribute to expanding the research perspective of comparing the main rational and emotional models of the interrelation between ethnic and civil identities.

It is shown that the neutral and objective characteristics of these languages represented in the encyclopedic discourse (in correlation with the established hierarchy of vertical bilingualism) are predominantly reflected in the basic semantic zones of their psycholinguistic representation. The highest degree of commonality was identified in the dominance of the neutral zone of associative response. It makes up 80% of the entire empirical material of the study. The respondents recognize the significance of the linguistic capital of the English language on the global scale, of the Russian language as the state and dominant language in the Russian Federation and of the title (indigenous) languages as regional ones in the republics of Southern Siberia.

The binary constant of pragmatism (in relation to an unfamiliar/foreign language) and emotional positivism (in the assessment of native languages) has been revealed. The shared intersubjective meanings of perception of the titular languages of the republics of Southern Siberia include the stability of their correlation with the corresponding ethnic identity of indigenous peoples and historical territories of their residence. A positive evaluation of the uniqueness and beauty of native languages prevails in the associative strategies of the respondents of the titular ethnic groups. The negative aspect of their perception, which is characteristic mainly for Russian respondents, is associated with ideas about the low symbolic significance of minority languages on the linguistic capital market and ethnic heterostereotypes.

Keywords: contact bilingualism; languages of Southern Siberia; Russian language; English language; Tuvan language; Khakas language; Altai language; mental lexicon; psycholinguistic significance; ethnic identity

Financing

The research was conducted with financial support from the Russian Foundation for Basic Research (project No. 20-012-00426).

For citation:

Borgoiakova T. G. and Pokoiakova K. A. Smyslovye zony vospriiatiia iazykov v kontekste natsional'no-russkogo bilin-gvizma Iuzhnoi Sibiri [Semantic zones of language perception in the context of national-Russian bilingualism in Southern Siberia]. *New Research of Tuva*, 2022, no. 4, pp. 53-64. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.4>

POKOIAKOVA, Karina Aleksandrovna, Candidate of Philology, Senior Researcher of the Research Institute of Humanities and Sayan-Altai Turkology, Katanov Khakass State University. Postal address: 92 Lenina St., Abakan, 655017, Russia. Tel.: +7 (3902) 22-34-94. E-mail: karina_p.84@mail.ru

ORCID ID: [0000-0001-9958-9086](https://orcid.org/0000-0001-9958-9086)

ORCID ID: [0000-0001-6318-9435](https://orcid.org/0000-0001-6318-9435)

Введение

Изучение взаимодействия языков в условиях контактного билингвизма традиционно проводится на основе комплексного анализа законодательных актов, сфер использования языков, языковой лояльности, языкового поведения, причин языкового сдвига и т. д. В результате таких исследований в российской социолингвистике создана серьезная теоретическая и справочная литература, посвященная языковой политике РФ и софункционированию языков ее народов. Указывая на позитивную направленность постсоветского языкового законодательства, признающего ценность языкового многообразия и ответственность государства за его сохранение, исследователи, в том числе и авторы данной статьи, отмечают и ускорение процессов языкового сдвига, характерного не только для малочисленных коренных народов, но и для титульных этносов республик в составе РФ (Кибрик, 2020; Боргоякова, Биткеева, 2020; Боргоякова, Гусейнова, 2017, Ламажаа, 2021; и др.). Актуальным в этой связи представляется применение новых подходов к разработке лингвоэкологической проблематики с привлечением результатов многоаспектного осмысления особенностей формирования и развития социального консенсуса в рамках полилингвальной общероссийской идентичности с учетом гравитационных сил вертикального билингвизма и конкуренции на языковом рынке, от которого зависит социальная ценность лингвистической компетенции в качестве языкового капитала (Боргоякова, 2014; Богданов, Марусенко М., Марусенко Н., 2020; и др.¹).

Обсуждая когнитивные процедуры «формирования общезначимого ядра базовых смыслов», важно для достижения «коммуникативного консенсуса», по Ю. Хабермасу, Н. М. Смирнова справедливо утверждает, что «отсутствие или существенный пробел в общей системе интересубъективных социальных значений предельно проблематизирует взаимопонимание» (Смирнова, 2014: 153). Поэтому достижение взаимопонимания в пространстве социальных значений *российскости*, как важнейшего фактора совместимости гражданской и этнической идентичностей и их когнитивного наполнения, представленная в (Абдулатипов, 2005; Дробижева, 2006), остается актуальным аспектом научного поиска. Л. М. Дробижева утверждает, что общероссийская идентичность должна включать идентичности не только доминирующего русского этноса, но и других народов России «через соответствие ценностей, символов, представлений» и их интересам и ценностям (Дробижева, 2006: 28–29). По мнению экспертов, пока такой согласованной непротиворечивости двух видов идентичности создать не удалось, что вызвано неготовностью общества воспринять идею единой нации и опасениями республик, что российская нация станет нацией русских, а остальные народы потеряют свою этничность. В связи с этим необходим всесторонний анализ ситуации в межэтнической сфере и разблокировка дискуссии по этому вопросу в обществе².

Цель данного исследования заключается в изучении совместно разделяемых интересубъективных смыслов и проблемных социально-групповых значений в системе психолингвистических номинаций языков разного статуса в разрезе основных этнических групп республик Южной Сибири. Это важно для определения ресурсов бесконфликтного социального взаимодействия в ситуации сложившегося асимметричного типа национально-русского билингвизма. Для этого ставится задача выявить эксплицитные и имплицитные смыслы и значения, содержащиеся в лексикографических и ассоциативных номинациях языков разного статуса — английского, русского, хакасского/алтайского/тувинского. Учет эмерджентных, ситуативных и ассоциативных смыслов необходим для понимания (бес)конфликтных зон и тенденций развития билингвальных практик и идентичностей. Предпринимаемая попытка построения модели интересубъективности в области взаимодействия и характеристики языков разного статуса требует компаративного анализа сопряженности предметных и когнитивных интерпретаций в словарных статьях и ассоциативных полях носителей русского языка и государственных языков республик Южной Сибири. Включение английского языка в дополнение к национально-региональному кругу языков позволяет раздвинуть исследовательский горизонт для сравнения основных ассоциативных и смысловых моделей, как с точки зрения соотношения этнической и гражданской идентичности, так и по принципу рациональности, важной для достижения интересубъективного знания социальной группы (Смирнова, 2014).

¹ Бурдые П. О производстве и воспроизводстве легитимного языка [Электронный ресурс] // Электронная версия журнала «Отечественные языки». 2005, № 2 (23). [URL]: <http://www.strana-oz.ru/?numid=23&article=1040> (дата обращения: 12.12.2021).

² Городецкая Н. Единство нации не выдержало критики [Электронный ресурс] // Коммерсант. 2017. № 39, 7 марта. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3235995> (дата обращения: 10.01.2022).

Материалом исследования послужили энциклопедические / лексикографические источники и психолингвистические базы данных, сформированные по итогам опросов 1267 представителей трёх республик Южной Сибири (далее — РЮС) в 2020–2021 годах. Респонденты были представлены титульными народами и русскими жителями, постоянно проживающими в соответствующих республиках, в возрастном диапазоне от 17 до 83 лет. Число русских респондентов из Республики Алтай составляет 259 человек, из Республики Тыва — 69 чел., из Республики Хакасия — 280 чел. Общее число алтайских респондентов достигает 218 человек, тувинских респондентов — 235 чел., и, наконец, хакасских — 206 чел.

Доступ к ментальному лексикону в психолингвистике осуществляется через ассоциативные эксперименты, с помощью которых формируются ассоциативные поля (далее — АП)¹, получаемые из реакций респондентов на определенные слова-стимулы. Как справедливо подчеркивает А. А. Залевская, овнешнение само по себе может быть малоинформативным без грамотной процедуры интерпретации получаемых реакций. Слово становится значащим и «живым» только при наличии человека, «способного идентифицировать слова и то, что лежит для него за словами, адаптирующегося к естественному и социальному окружению при взаимодействии многих внешних и внутренних факторов» (Залевская, 2014: 12).

Поэтому продуктивным в целях нашего исследования представляется обращение к особенностям единиц ментального лексикона во взаимосвязи с их объективацией в ассоциациях на примере стимульных словосочетаний, номинирующих иностранный английский язык и родные для респондентов русский и титульные языки РЮС — хакасский, алтайский и тувинский. Объединяющий термин *титульные языки* подразумевает языки коренных народов, имеющих статус государственных в соответствующих республиках.

Базовые семантические зоны в АП «Английский язык»

В ассоциативном поле стимула «Английский язык», сформированном из реакций русских, хакасских, алтайских и тувинских респондентов, наиболее представленными оказались классификационные группы, включающие энциклопедические значения, представленные в “Encyclopedia Britannica”² и в Большой российской энциклопедии³, как, например: «доминантный язык США, Великобритании и других англоязычных стран»; «первый выбираемый для изучения иностранный язык в большинстве стран мира»; «глобальный *lingua franca*».

Репрезентация корреляций с приведенными значениями представлена далее в шести АП: ХАП, РАП РХ, ААП, РАП РА, ТАП, РАП РТ.

Ассоциативной доминантой стимула «Английский язык» во всех АП оказалось значение «иностраный язык глобального статуса». Данная ассоциативная группа в среднем по трем республикам составляет 43% при более высоких показателях в АП респондентов титульных народов (48%), что на 11% превышает показатели в русских АП (37%) (см. таблицу 1).

¹ Далее по тексту: ХАП — хакасское ассоциативное поле, РАП РХ — русское ассоциативное поле Республики Хакасия, ААП — алтайское ассоциативное поле, РАП РА — русское ассоциативное поле Республики Алтай, ТАП — тувинское ассоциативное поле, РАП РТ — русское ассоциативное поле Республики Тыва.

² English Language [Электронный ресурс] // Encyclopedia Britannica. URL: <https://britannica.com/topic/English-language> (дата обращения: 22.08.2021).

³ Рябцева Н. К. Английский язык [Электронный ресурс] // Большая Российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/linguistics/text/1821310> (дата обращения: 22.08.2021).

Таблица 1. Английский язык как иностранный язык глобального статуса
Table 1. English as a global foreign language

Республика Хакасия		Республика Алтай		Республика Тыва	
ХАП 50%	РАП РХ 42,5%	ААП 47%	РАП РА 36%	ТАП 46%	РАП РТ 34%
иностранн ^{ый} / международн ^{ый} / всемирн ^{ый} 42 ¹ , распространен- н ^{ый} 3 и др.	международн ^{ый} / иностранн ^{ый} 16, возможности 6, развитие 4, будущее 3, распространен- н ^{ый} язык 2 и др.	международн ^{ый} / иностранн ^{ый} язык 26, интересн ^{ый} 2, успех 2, необходимость, свобода и др.	международн ^{ый} / иностранн ^{ый} 37, интересн ^{ый} 4, глобализация3, важн ^{ый} 2, карьер ^а и др.	иностранн ^{ый} / международн ^{ый} 20, нужен 5, важн ^{ый} 4, мировой 3, будущее и др.	международн ^{ый} / иностранн ^{ый} 6, активн ^о развиваетс ^я 4, мировой 3, future 2, возможности и др.

Как видно из таблицы 1, безусловным лидером является нейтральное значение иностранного/международного языка, которое в среднем составляет 69%. В нем растворена и оценочная характеристика языка, подчеркивающая его важность и популярность, которая составила в среднем 31%. Ценностная оценка английского языка оказалась более высокой в русских АП, составляя в среднем 46%, в то время как в АП титульных этносов средний показатель — 25%. Анализ дифференциации оценочного ассоциативного восприятия в разрезе республик и этнической принадлежности респондентов выявил наиболее высокие показатели в РАП РТ (63%) и РАП РХ (53%) при минимальных в РАП РА (21%). Практически одинаковые доли позитивной оценки выявлены в ААП (32%) и ТАП (31%) с самым низким показателем в ХАП (13%).

На втором месте оказалось разделяемое респондентами значение английского как иностранного языка изучения. Средний показатель доли таких реакций оказался примерно одинаковым, как для русских респондентов, так и для респондентов титульных этносов, составляя в среднем 26%. Ключевые реакции представлены такими частотными ассоциатами как *школа, урок, предмет, сложный*. В целом, доля соответствующих реакций оказалась примерно одинаковой с самым низким средним показателем по РХ — 21% (20,4% — в ХАП и 21% — в РАП РХ). В других республиках данная линия ассоциирования представлена в среднем 28% в РА (24% — в ААП и 34% — в РАП) и 29% в РТ (30% — в ТАП и 26% — в РАП).

Третья линия ассоциирования стимульного словосочетания «английский язык» совпадает с энциклопедическим значением «доминантного языка Великобритании, США и других англоязычных стран». Наибольшая средняя доля реакций (21%) обнаружена у респондентов РХ (17,4% — в ХАП и 24,3% — в РАП). В двух других республиках средняя доля составила 17%. Следует отметить выявленную особенность превышения среднего показателя доли реакций британо-английской ориентации (Англия, Великобритания, Лондон и др.), составляющую 25% и превышающую долю реакций, номилирующих связь с США — в среднем около 20% в трех республиках. Возможно, это связано со школьной программой и учебниками английского языка, в которых страноведческая информация о Великобритании традиционно преобладает. В то же время определение «английский язык» в словарной статье в «Encyclopedia Britannica» начинается с упоминания его происхождения в Англии, затем его доминирования в США, Великобритании и четырех других странах (Канада, Австралия, Ирландия, Новая Зеландия)².

¹ Здесь и далее приводится частотность полученных реакций.

² English Language [Электронный ресурс] // Encyclopedia Britannica. URL: <https://britannica.com/topic/English-language> (дата обращения: 22.08.2021).

Базовые семантические зоны в АП «Русский язык»

Энциклопедическая трактовка термина «русский язык» включает разные аспекты его социолингвистического статуса. Так, в Encyclopedia Britannica представлено значение основного государственного языка РФ (“principal state and cultural language of Russia”), а также основного языка подавляющего большинства в России (“the primary language of the overwhelming majority of people in Russia”)¹. В Большой российской энциклопедии, в первую очередь, упоминается значение «национального языка русского народа», а далее выделяется его статус как государственного языка РФ².

Семантический анализ содержания АП «Русский язык» по трем республикам выявил представленность двух основных значений, из приведенных выше: «государственный язык РФ» и «национальный (этнический) язык русского народа». Психолингвистическая репрезентация стимула «Русский язык», отражающая первое значение в шести АП, представлена в разрезе этнической принадлежности респондентов в *таблице 2*.

Таблица 2. Русский язык как государственный язык РФ
Table 2. Russian as the state language of the Russian Federation

Республика Хакасия		Республика Алтай		Республика Тыва	
ХАП 23%	РАП РХ 9%	ААП 30%	РАП РА 12%	ТАП 30%	РАП РТ 25,5%
государственный 18, Россия 7, всероссийский 5, основной 3, второй (основной) язык 2 и др.	Россия 8, государственный 4, официальный язык РФ 2, россияне, и др.	государственный 26, Россия 12, второй язык 2, второй родной язык 2	Россия 12, государственный 5, государство 2, РФ и др.	государственный 16, второй язык 4, главный 2, Россия 2, россияне и др.	государственный язык 7, Россия, официальный и др.

Как видно из примеров, приведенных в *таблице 2*, ведущими опорами смысловой общности восприятия русского языка как государственного языка РФ служат частотные реакции «государственный» и «Россия». Причем данный статус оказался более значимым для респондентов титульных этносов РЮС, составляя в среднем 28% (16% — в русских АП). Следует отметить, что для них русский язык обладает дополнительной смысловой характеристикой — «основной или родной второй язык».

Репрезентация энциклопедического значения «национальный (этнический) язык русского народа» представлена в *таблице 3*.

Таблица 3. Русский язык как этнический язык русского народа
Table 3. Russian as the ethnic language of the Russian people

Республика Хакасия		Республика Алтай		Республика Тыва	
ХАП 10%	РАП РХ 44%	ААП 10%	РАП РА 45%	ТАП 7%	РАП РТ 12%
родной 7, родной язык 3, русские 2, родина, национальный и др.	родной 73, родной язык 23, мой язык 5, родина 2, Русь, мой, наш, общий и др.	родной 7, родина 2, русские 2, Алтай, Горно-Алтайск и др.	родной 63, родной язык 20, мой 11, родина 7, национальный 3, русские, Русь и др.	родной 2, почти родной 2, родина, русские и др.	мой родной 2, родной, корни, наш язык и др.

¹ Russian language [Электронный ресурс] // Encyclopedia Britannica. URL: <https://britannica.com/topic/Russian-language> (дата обращения: 22.08.2021).

² Лопатин В. В., Улуханов И. С. Русский язык [Электронный ресурс] // Большая Российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/linguistics/text/3521628> (дата обращения: 22.08.2021).

Из приведенной *таблицы 3* следует, что данная смысловая линия ассоциирования оказалась значительно более выраженной для русских респондентов РЮС, составляя в среднем 34%. Средний показатель подобных реакций респондентов титульных этносов значительно ниже — 9%. Примерно одинаково высокой оказалась ее доля в РАП РХ и РАП РА (44,5%) при минимальном показателе в РАП РТ (12%), для которых более значимым представляется указанный выше государственный статус русского языка (25,5%). Очевидная более эмоциональная связь с родным языком у русских респондентов выражена через такие наиболее частотные реакции как «родной», «мой», «мой родной язык», «Русь», «корни».

Содержание приведенных выше АП респондентов титульных этносов позволяет предположить, что для тех из них, кто не владеет или слабо владеет своим родным (этническим) языком или русофонам (Арефьев, Бахтикиреева, Синячкин, 2021), русский язык становится родным — реакция «родной» лидирует во всех соответствующих АП. В то же время респонденты титульных этносов чаще ассоциируют русский язык с «русскими» и «языком русского народа», чем русские респонденты. А представленные в ААП реакции «Алтай», «Горно-Алтайск», возможно, коррелируют с функциональным доминированием русского языка в республике.

Заметную смысловую долю ассоциаций составляет значение «русского языка как учебного предмета», представленное в среднем в 16% реакций во всех РЮС, что на 10% ниже, чем соответствующее значение на стимул «английский язык».

Таблица 4. Линия ассоциирования стимула «русский язык» как учебного предмета

Table 4. The line of association of the stimulus “The Russian language” as a subject

Республика Хакасия		Республика Алтай		Республика Тыва	
ХАП 18%	РАП РХ 17%	ААП 18 %	РАП РА 13%	ТАП 16%	РАП РТ 15%
урок 6, алфавит 4, предмет 3 и др.	учебник 6, школа 6, предмет 5, и др.	школа 3, литература 2, знаю 2 и др.	речь 3, предмет 2, учебник 2, словосочетание и др.	предмет 5, алфавит 2, сложный 3, научный язык и др.	учебник, школа, сложный, знаю и др.

Приведенное выше значение, отсутствующее в энциклопедических словарях, реализуется преимущественно в нейтральных реакциях, отражающих учебную деятельность в школе. Особенностью ассоциирования респондентов Республики Тыва, как этнических русских, так и тувинцев, является характеристика русского языка как сложного для изучения, что, возможно, связано с исторической и этнодемографической спецификой РТ (см. об этом: Боргоякова, Биткеева, 2020; Арефьев, Бахтикиреева, Синячкин, 2021).

Базовые семантические зоны в АП «Хакасский язык/Алтайский язык/ Тувинский язык»

Ведущим энциклопедическим значением для государственных языков РЮС является указание на их статус этнических языков соответствующих народов — «язык хакасов», «язык тувинцев», «язык алтайцев»¹. В словарных статьях о хакасском и тувинском языках отмечается их статус государственных языков республик². Только автор статьи об алтайском языке в данной энциклопедии дает определение «один из языков Республики Алтай» без упоминания его официального статуса³.

¹ Мальцева В. С. Хакасский язык [Электронный ресурс] // Большая Российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/linguistics/text/4728166> (дата обращения: 22.08.2021); Симчит К.-М. А. Тувинский язык [Электронный ресурс] // Большая Российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/linguistics/text/4218682> (дата обращения: 22.08.2021); Кормушин И. В. Алтайский язык [Электронный ресурс] // Большая Российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/linguistics/text/5199785> (дата обращения: 22.08.2021).

² Мальцева В. С. Хакасский язык [Электронный ресурс] ... ; Симчит К.-М. А. Тувинский язык [Электронный ресурс]

³ Кормушин И. В. Алтайский язык [Электронный ресурс] ...

Анализ ассоциативных полей «Хакасский язык», «Алтайский язык» и «Тувинский язык» также позволяет выявить доминанту значения «этнические языки коренных народов РЮС» — хакасов, алтайцев, тувинцев.

Таблица 5. Ассоциативная линия «этнические языки титульных народов» РЮС

Table 5. Association line “ethnic languages of the titular peoples” according to respondents in southern Siberia

Хакасский язык		Алтайский язык		Тувинский язык	
ХАП 61%	РАП 23%	ААП 75%	РАП 32%	ТАП 55%	РАП 49%
родной 51, родной язык 24, хакасы 6, мой язык 3, родственники и др.	хакасы 25, национальный язык 11, родной 4, народ 2, коренной 2, тюркский 2, минің тілім, наш язык и др.	родной 65, родной язык 26, алтайцы 9, родина 4, предки, родители и др.	алтайцы 20, национальный 6, родной 5, коренной 3, тюркский 2, тюрки 3, јакилар 2, народ 2, родина и др.	родной 26, (мой) родной язык 35, мой 3, тувинцы 3, наш этнос 2, язык тувинцев и др.	родной 10, родной язык 8, родина 2, родня, земляки и др.

Как следует из данных таблицы 5, ассоциативная смысловая опора на значения «язык коренно-го народа — алтайский/тувинский/хакасский» составляет в среднем 49%. Усредненные данные по АП титульных этносов составляют 64% с максимальным показателем в ААП (75%), а в трех АП русских респондентов — 35%. В хакасском, алтайском и тувинском АП на первом месте — реакция «родной», а на втором — соответствующие этнонимы («хакасы», «алтайцы», «тувинцы»). Доминанта «родной» подкрепляется ассоциатами «мой язык», «предки», «родня». Данная закономерность была выявлена и выше в ассоциативной линии русских респондентов РЮС на стимул «русский язык» со средним показателем 44,5% на фоне 9% в соответствующих АП титульных этносов РЮС.

Следующая смысловая группа реакций связывает стимулы «Хакасский язык», «Алтайский язык» и «Тувинский язык» с территорией их распространения и соответствующим региональным/местным статусом (см. таблицу 6).

Таблица 6. Титульные языки как региональные языки РЮС

Table 6. Titular languages as regional languages of respondents in southern Siberia

Хакасский язык		Алтайский язык		Тувинский язык	
ХАП 4%	РАП РХ 12%	ААП 3%	РАП РА 18%	ТАП 3%	РАП РТ 1%
Хакасия/ Республика Хакасия 5, Аскизский район 2	Хакасия 16, государственный /местный/ локальный 4, народ РХ 2, родной язык Хакасии, второй язык	Алтай/ Республика Алтай 6 второй государствен- ный язык	Алтай/ Республика Алтай 39, государственный/ местный/ региональный 6, язык республики, Горно- Алтайск и др.	Тыва 4, официальный язык тувинцев, государствен- ный язык тувинцев	Тува

В среднем по всем АП доля данной модели ассоциирования составляет 7%. Следует отметить частотность упоминания соответствующих республик, а также существенную долю реакций регионально-местного значения в АП русских респондентов РЮС, составляющую в среднем 10%, на фоне 3,3% в среднем по АП респондентов титульных этносов. Упоминание официального или государственного статуса представлено в основном в единичных реакциях. Согласно данным социолингвистических опросов, проведенных также нами в РЮС в 2020 г., доля информированных об этом статусе, установленном три десятилетия назад, составляет в среднем только около 70% (Borgoiakova, Guseinova, 2021).

Однако в большинстве АП присутствуют реакции, отражающие социолингвистический параметр витальности анализируемых языков (13%). Особенно заметно данная тема уязвимости представлена в АП «Хакасский язык» (в среднем 9%), включая следующие реакции: («исчезает», «вымирающий», «исчезающий», «малоговорящие», «сохранять». Следует отметить более высокий процент таких реакций в РАП РХ (10%) по отношению к ХАП РХ (8%). В АП «Алтайский язык» и «Тувинский язык» подобные реакции составляют в среднем по 2%, включая 2,5% в ААП («исчезает», «дети не знают») и 1,4% в РАП РА («сохранить», «умирает»), а также 4% в ТАП («погибает», «исчезающий», «умирает», «исчезает», «пусть сохранится наш тувинский язык!») при отсутствии подобных реакций в РАП РТ. Можно предположить, что процессы языкового сдвига менее заметны для русскоязычных жителей Тувы. Таким образом, выявленная минимальная степень витальности хакасского языка, которая нашла отражение в почти пятикратном превышении доли соответствующих реакций в ХАП и РАП РХ по сравнению с данными по РА и РТ, соответствует социолингвистической типологии языков РЮС на начало XXI века (Боргоякова, 2002).

Ассоциативное значение титульных и государственных языков республик как «учебного предмета» получило в среднем 9,6% при практически одинаковом весе для респондентов всех этнических групп. В АП «Алтайский язык» и «тувинский язык» оно заняло второе место, составляя 15% — в ТАП («сложный», «азбука», «алфавит» и др.) и 11,5% — в РАП РТ («литература», «трудности», «учитель»), 5,5% — в ААП («прилагательное», «говорить», «учебник» и др.) и 8,5% — в РАП РА («знать», «хочу изучить», «предмет в школе» и др.). В АП «Хакасский язык» данная смысловая опора находится на третьем месте: 7% — в ХАП («сложный», «трудный», «олимпиада», «ошибки», «предмет», «урок» и др.) и 10% в РАП («изучение», «простой», «сложный», «куратор», «курсы», «оценка», «предмет» и др.). Во всех АП по РХ и РТ выделяется ассоциативная модель, связанная с трудностями изучения хакасского и тувинского языков, отсутствующая в АП РА.

Таким образом, в АП стимульных словосочетаний «алтайский, тувинский и хакасский языки» лидирует значение «родной (этнический язык) соответствующих этносов», составляя 64% реакций титульных народов, почти на 20% превышающий соответствующий показатель русских респондентов на стимул «Русский язык» (44,5%). Следовательно, тесная корреляция восприятия родного языка с этнической идентификацией является важной смысловой опорой в ментальном лексиконе коренных народов Южной Сибири. Ч. К. Ламажаа также подчеркивает устойчивость позитивной этнической идентичности в условиях модернизационных вызовов (Ламажаа, 2016: 42).

Анализ ассоциативных полей анализируемых стимульных словосочетаний с точки зрения аксиологической оценки показывает, что в среднем оценочные аспекты представлены в 20% всего ассоциативного материала с преобладанием позитивной оценки (15%). Оценочные реакции представлены во всех АП, составляя 25% — в РТ, 19% — в РА и 18% — в РХ с преобладанием позитивной оценки в АП респондентов РТ (18%). Анализ в разрезе стимульных словосочетаний показывает, что в АП «Русский язык» лидируют позитивные реакции (25%). На втором и третьем месте находятся АП титульных языков и АП «Английский язык» с 13% и 10% соответственно.

Как мы уже отметили выше, позитивное восприятие английского языка в основном отражает прагматический подход в оценке его высокого веса на языковом рынке глобального коммуникативного пространства. Позитивные реакции на стимульные словосочетания «русский язык» и «титульные языки» связаны с их эмоциональным восприятием как этнических языков. В то же время в АП «Русский язык» заметное место занимает характеристика языка с точки зрения его мощности («великий», «могучий», «сильный») и эстетической привлекательности («богатый», «красивый», «яркий», «многогранный»). Титульные языки также позитивно ассоциируются, прежде всего, по параметрам эстетической оценки («красивый», «великолепный», «мелодичный», «звучный», «самый богатый и красивый»), а также с позиции их уникальности, древности и ценности («уникальный», «своеобразный», «необычный», «священный», «таинственный», «древний», «один из древнейших языков, языков мира», «язык предков», «народное наследие»). Позитивные оценки усиливаются за счет использования метафор («моя кровь», «рай для ушей», «сокровище народа», «мелодия», «молоко матери»).

Что касается негативных реакций (в среднем 16%), то их средняя доля меньше позитивных более чем в три раза. Максимальная доля негатива представлена в АП «Английский язык» (7%). Негативные ассоциации в основном отражают сложность, чуждость и вынужденный характер изучения английского

языка. Так, например, в РАП РХ («обязаловка», «трясина», «сложный», «зачем», «плохо знаю» и др.), РАП РА («чужой», «грубый», «надоел», «не нужный», «не понятный», «чопорность», «враги», «навязчивость» и др.), РАП РТ («нет», «неидеальное» и др.), ХАП («не знаю», «рабство», «проблема» и др.), ААП («не знаю», «плохой», «чужой», «не люблю», «ненавижу», «переоценен», «ограничение в изучение» и др.), ТАП («нет», «недоступность», «ненавижу», «забытый», «чужой», «мне не нравится» и др.).

Негативные реакции в АП «Русский язык» в среднем составляют минимальный показатель — 2%, включая 1,2% у русских респондентов и 2,3% у респондентов титульных этносов. Ассоциации русских респондентов отражают как традиционные стереотипы о русских («алкоголик»), так и сложности его изучения и использования («мучение», «многословие», «замудренный», «неопределенность» и др.). У респондентов титульных этносов ментальные опоры реагирования связаны с процессами языкового сдвига и противопоставления родному языку: «агрессор», «ассимилирующий», «плохо», «не моё», «не тот», «надоел», «запутанный», «странный», «деградирует».

Следует отметить более выраженную отрицательную оценочность в русских АП РЮС (8%), которая отражает равнодушие или неприятие титульных языков («зачем», «обойдусь без него», «равнодушно», «устарел», «никому не нужен за пределами республики», «ужас», «болото», «непонятный», «неведомый», «непонятное что-то», «меня заставляли его учить насильно» и др.). Доля подобных реакций у респондентов титульных этносов ниже в четыре раза, составляя 2%.

Заключение

Таким образом, психолингвистическая семантизация включает спектр большинства энциклопедических характеристик, отражая их объективность, а также дополнительные коннотации аксиологической оценки анализируемых языков. В их репрезентации представлены интересубъективные зоны их восприятия, коррелирующие с разным статусом и личностным восприятием респондентов республик Южной Сибири.

Максимальная степень общности выявлена в доминировании нейтральной зоны ассоциативного реагирования, составляющей 80% всего эмпирического материала исследования. Ее структура определяется сложившейся языковой иерархией вертикального билингвизма, отраженной в энциклопедической характеристике языков, с признанием весомости языкового капитала английского языка в глобальном масштабе, русского языка как государственного и доминантного языка РФ и титульных языков как региональных языков республик Южной Сибири.

Общность ведущих стратегий в зоне аксиологической оценки базируется на выраженном эмоциональном позитивизме языковой лояльности по отношению к родным языкам у всех этнических групп респондентов, включая дополнительные маркеры мощности и эстетической привлекательности русского языка, с одной стороны, и корреляции с этнической идентичностью и уязвимой витальностью титульных языков республик Южной Сибири — с другой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абдулатипов, Р. Г. (2005) Российская нация (этнонациональная и гражданская идентичность россиян в современных условиях). М. : Научная книга. 472 с.
- Арефьев, А. Л., Бахтикиреева, У. М., Синячкин, В. П. (2021) Проблемы билингвизма в системе школьного языкового образования Республики Тыва // Новые исследования Тувы. № 1. С. 255–272. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.1.14>
- Богданов, С. И., Марусенко, М. А., Марусенко, Н. М. (2020) Языковой капитал в культурном и образовательном капитале // Социолингвистика. № 2 (2). С. 8–20. DOI: <https://doi.org/10.37892/2713-2951-2020-2-2-8-20>
- Боргоякова, Т. Г. (2002) Социолингвистические процессы в республиках Южной Сибири. Абакан : Издательство Хакасского государственного университета имени Н. Ф. Катанова. 166 с.
- Боргоякова, Т. Г. (2014) Проблемы языковой глобализации в региональном аспекте // Вестник Хакасского государственного университета имени Н. Ф. Катанова. № 7. С. 22–25.
- Боргоякова, Т. Г., Биткеева, А. Н. (2020) Тувинский язык в правовом и функциональном измерении // Новые исследования Тувы. № 1. С. 50–61. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.1.4>
- Боргоякова, Т. Г., Гусейнова, А. В. (2017) Статус и функционирование тюркских языков Южной Сибири. Абакан : Издательство Хакасского государственного университета имени Н. Ф. Катанова. 136 с.

Дробизжева, Л. М. (2006) Государственная и этническая идентичность: выбор и подвижность // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России / отв. ред. В. С. Магун. М. : Издательство Института социологии РАН. 327 с. С. 10–29.

Залевская, А. А. (2014) Методология, технология и терминология: о неоднозначности научных терминов // Вопросы психолингвистики. № 20. С. 12–27.

Кибрик, А. А. (2020) Сохранение языкового разнообразия России: контуры программы // Социолингвистика. № 1. С. 17–28. DOI: <https://www.doi.org/10.37892/2713-2951-2020-1-1-17-28>

Ламажаа, Ч. К. (2016) Тувинская этничность и социум в этносоциологических и антропологических исследованиях // Новые исследования Тувы. № 2. С. 32–51.

Ламажаа, Ч. К. (2021) Тува как лимитрофная зона: язык, религия и идентификация тувинцев // Новые исследования Тувы. № 3. С. 178–194. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.3.14>

Смирнова, Н. М. (2014) Концепт интерсубъективности в структурах междисциплинарного синтеза // Философия науки. Эпистемология в междисциплинарных исследованиях / отв. ред. И. А. Герасимова. М. : ИФ РАН. Вып. 19. 302 с. С. 145–163.

Borgoiakova, T. G., Guseinova, A. V. (2021) Contextualized Bilingualism in the Republics of Southern Siberia // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. № 14 (4). P. 466–477. DOI: <https://www.doi.org/10.17516/1997-1370-0734>

Дата поступления: 08.06.2022 г.

REFERENCES

Abdulatipov, R. G. (2005) *Rossiiskaia natsiia (etnonatsional'naiia i grazhdanskaia identichnost' rossiian v sovremennykh usloviakh)* [Russian nation (ethno-national and civil identity of Russians in modern conditions)]. Moscow, Nauchnaia kniga. 472 p. (In Russ.).

Arefiev A. L., Bakhtikireeva U. M. and Sinyachkin V. P. (2021) Problemy bilingvizma v sisteme shkol'nogo iazykovogo obrazovaniia Respubliki Tyva [Bilingualism in language education in secondary schools of the Republic of Tuva]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 255–272. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.1.14>

Bogdanov, S. I., Marusenko, M. A. and Marusenko, N. M. (2020) Iazykovoii kapital v kul'turnom i obrazovatel'nom kapitale [Language capital in cultural and educational capital]. *Sociolinguistics*, no. 2 (2), pp. 8–20. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.37892/2713-2951-2020-2-2-8-20>

Borgoiakova, T. G. (2002) *Sotsiolingvisticheskie protsessy v respublikakh Iuzhnoi Sibiri* [Sociolinguistic processes in the republics of southern Siberia]. Abakan, Publishing House of Katanov State University of Khakassia. 166 p. (In Russ.).

Borgoiakova, T. G. (2014) Problemy iazykovoi globalizatsii v regional'nom aspekte [Problems of linguistic globalization in the regional aspect]. *Vestnik Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta imeni N. F. Katanova*, no. 7, pp. 22–25. (In Russ.).

Borgoiakova, T. G. and Bitkeeva, A. N. (2020) Tuvinskii iazyk v pravovom i funktsional'nom izmerenii [Tuvan language in legal and functional aspect]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 50–61. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.1.4>

Borgoiakova, T. G. and Guseinova, A. V. (2017) *Status i funktsionirovanie tiurkskikh iazykov Iuzhnoi Sibiri* [Status and functioning of the Turkic languages of southern Siberia]. Abakan, Publishing House of Katanov State University of Khakassia. 136 p. (In Russ.).

Drobizheva, L. M. (2006) Gosudarstvennaia i etnicheskaia identichnost': vybor i podvizhnost' [State and ethnic identity: Choice and mobility]. In: *Grazhdanskii, etnicheskie i religioznye identichnosti v sovremennoi Rossii* [Civil, ethnic and religious identities in modern Russia] / ed. by V. S. Magun. Moscow, Publishing House of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences. 327 p. Pp. 10–29. (In Russ.).

Zalenskaya, A. A. (2014) Metodologiya, tekhnologiya i terminologiya: o neodnoznachnosti nauchnykh terminov [Methodology, technology and terminology: To the homonymy of scientific terms]. *Voprosy psikholingvistiki*, no. 20, pp. 12–27. (In Russ.).

Kibrik, A. A. (2020) Sokhranenie iazykovogo raznoobrazii Rossii: kontury programmy [Preservation of linguistic diversity in Russia: Contours of the program]. *Sociolinguistics*, no. 1, pp. 17–28. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.37892/2713-2951-2020-1-1-17-28>

Lamazhaa, Ch. K. (2016) Tuvinskaia etnichnost' i sotsium v etnosotsiologicheskikh i antropologicheskikh issledovaniakh [Tuvan ethnicity and the society in ethnosociological and anthropological studies]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 32–51. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2021) Tuva kak limitrofnaia zona: iazyk, religii i identifikatsiia tuvintsev [Tuva as a limitrophe zone: Language, religion and identification of Tuvans]. *New Research of Tuva*, n. 3, pp. 178–194. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.3.14>

Smirnova, N. M. (2014) Kontsept intersub"ektivnosti v strukturakh mezhdistsiplinarnogo sinteza [The concept of intersubjectivity in the framework of interdisciplinary synthesis]. In: *Filosofia nauki. Epistemologiya v mezhdistsiplinarnykh issledovaniyakh* [Philosophy of science. Epistemology in interdisciplinary research] / ed. by I. A. Gerasimova. Moscow, Institute of Philosophy RAS. Issue 19. 302 p. Pp. 145–163. (In Russ.).

Borgoiakova, T. G. and Guseinova, A. V. (2021) Contextualized bilingualism in the republics of southern Siberia. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, no. 14 (4), pp. 466–477. DOI: <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0734>

Submission date: 08.06.2022.

Обучение тувинскому языку детей этнических тувинцев Монголии

Любовь С. Кара-оол

Тувинский государственный университет, Российская Федерация,
Гансук Хийс

Институт образовательных исследований, Монголия

В статье обобщаются проблемы обучения родному (тувинскому) языку детей этнических тувинцев, которые в основной массе проживают в сумонах Цэнгэл Баян-Олгийского аймака, Буянт Ховдского аймака, а также Цагаан-Нуур Ховдского аймака Монголии. Авторы опираются на данные, собранные во время диалектологических и комплексных экспедиций с 1999 по 2019 г., а также в ходе служебных командировок в вышеуказанные сумоны.

Обучение родному языку детей этнических тувинцев Монголии проводится, но сопровождается рядом проблем. Министерство образования и науки Монголии, а также сектор по обучению детей малых народов в школах Монголии Института образовательных исследований при участии ученых и методистов Тувинского государственного университета (ТувГУ, Россия) стараются создать условия для сохранения родного тувинского языка детей этнических тувинцев Цэнгэла. Дети здесь имеют возможность изучать родной язык с 1 по 9 классы по программам, составленным с участием ученых и методистов ТувГУ. На их основе подготовлены учебники. Однако практика показала невозможность эффективного использования учебников тувинских авторов в связи с лексическими, грамматическими и фонетическими диалектными особенностями речи цэнгэльских тувинцев. В Цагаан-Нуурской и Ховдской школах обучение осуществляется на монгольском языке, поэтому цагаан-нуурские дети изучают родной язык во время предметного кружка, а дети ховдских тувинцев вообще не изучают.

Уровень владения тувинским языком детей и молодежи, проживающих в данных аймаках, вызывает тревогу: тувинский язык в основном выполняет функцию языка общения в семейном кругу, и из года в год растет число детей, не владеющих родным языком.

Ключевые слова: тувинский язык; тувинцы Монголии; цэнгэльские тувинцы; Цэнгэл; Монголия

Статья подготовлена в рамках научного проекта «Комплексные этногенетические, лингвоантропологические исследования родовых групп Тувы: универсальность, локальность, трансграницье» при финансовой поддержке РФФ (грант № 22-18-20113).

Для цитирования:

Кара-оол Л. С., Гансук Х. Обучение тувинскому языку детей этнических тувинцев Монголии // Новые исследования Тувы. 2022. № 4. С. 65-77. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.5>

Кара-оол Любовь Салчаковна — кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и методики языкового образования и логопедии Тувинского государственного университета. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Ленина, 36. Тел.: +7 (394-22) 2-19-69; +7 (901) 200-28-38. Эл. адрес: lkaraool61@mail.ru

Хийс Гансук — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института образовательных исследований. Адрес: 11000-18520, Монголия, г. Улаанбаатар, Сухбаатарский район, 8-й участок, ул. Мира, 301. Тел.: +97699419041. Эл. адрес: gansukh@mier.mn

Teaching the Tuvan language to children of ethnic Tuvans in Mongolia

Lyubov S. Kara-ool

Tuvan State University, Russian Federation,

Gansukh Hiis

Institute for Educational Research, Mongolia

The article summarizes some issues of teaching the native (Tuvan) language to children of ethnic Tuvans who mostly live in the sums of Tsengel in Bayan-Ölgii aimag, Buyant in Khovd aimag and Tsagaan-Nuur in Khövsgöl aimag. The authors rely on the data acquired during dialectological and complex expeditions conducted from 1999 to 2019, as well during business trips to these sums.

Children of ethnic Tuvans are being taught their native language in Mongolia, but this process is accompanied by a number of problems. The Ministry of Education and Science of Mongolia and the sector for the education of children of small nations in schools of the National Institute for Educational Research try to create conditions for the preservation of the native (Tuvan) language of children of ethnic Tuvans in Tsengel in consultation with researchers and methodologists of Tuvan State University (TuvSU, Russia). Children have the opportunity to learn their native language from grades 1 to 9 according to programs compiled with the participation of scholars and methodologists of TuvSU. Textbooks have been written on their basis. However, as practice has shown, it is impossible to use these textbooks prepared by Tuvan authors effectively due to the lexical, grammatical and phonetic dialect features of the speech of the Tsengel Tuvans. In Tsagaan-Nuur and Khovd schools, education is carried out in the Mongolian language, so Tsagaan-Nuur children learn their mother tongue in the activity club, and children of the Khovd Tuvans do not learn it at all.

The level of Tuvan language proficiency among children and youth living in these aimags is alarming: Tuvan mainly serves as a language of communication in the family circle, and the number of children who do not speak their native language is growing each and every year.

Keywords: Tuvan language; Tuvans of Mongolia; Tsengel Tuvans; Tsengel; Mongolia

Financing

The article was prepared within the framework of the research project "Comprehensive Ethnogenetic, Linguistic and Anthropological Studies of Tuvan Kin Groups: Universality, Locality, Transborderness" with the financial support from the Russian Science Foundation (grant No. 22-18-20113).

For citation:

Kara-ool L. S. and Gansukh H. Obuchenie tuvinskomu iazyku detei etnicheskikh tuvintsev Mongolii [Teaching the Tuvan language to children of ethnic Tuvans in Mongolia]. *New Research of Tuva*, 2022, no. 4, pp. 65-77. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.5>

KARA-OOL, Lyubov Salchakovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Theory and Methods of Language Education and Speech Therapy, Tuvan State University. Postal address: 36 Lenina St., 667000 Kyzyl, Russian Federation. Tel.: +7 (394-22) 2-19-69; +7 (901) 200-28-38. E-mail: lkaraool61@mail.ru

ORCID ID: [0000-0001-9270-2912](https://orcid.org/0000-0001-9270-2912)

GANSUKH, Hiis, Candidate of Philology, Senior Researcher, Institute for Educational Research. Postal address: 301 Mira St., Sukhbaatar District, 8th Precinct, 11000-18520 Ulaanbaatar, Mongolia. Tel.: +9 (769) 941-90-41. E-mail: gansukh@mier.mn

ORCID ID: [0000-0002-9983-1781](https://orcid.org/0000-0002-9983-1781)

Введение

Этнические тувинцы Монголии в основной массе проживают в сумонах Цэнгэл Баян-Олгийского аймака, Буянт Ховдского аймака, Цагаан-Нуур Ховсголского аймака, а также небольшими семейно-родственными группами — в городах Улан-Батор, Эрдэнэт и Дархан, в аймаках Дархат-Уул (сумы Орхон, Хонгор, Шарынгол), Сэлэнгэ (сумы Зуунбурэн, Хушаат, Шаамар), Тов (сумы Заамар, Батсумбэр). По нашим данным, уровень владения разговорным родным языком данными тувинцами неравномерен, в некоторых аймаках он неуклонно снижается по сравнению с началом 2000 годов: во время диалектологических экспедиций в сумон Буянт и г. Ховд в 1999 и 2004 гг. мы свободно общались на тувинском языке этническими тувинцами почти всех возрастов — с детьми младшего школьного возраста, подростками, молодежью, людьми среднего и старшего возраста, а в 2019 г. отметили, что дети младшего школьного возраста и подростки не владеют родным тувинским языком, некоторые подростки понимали речь, но стеснялись говорить, объясняя это тем, что плохо говорят. А среди цагаан-нуурских тувинцев дело обстоит еще хуже: свой родной язык стали забывать даже люди старшего поколения, за исключением оленеводов из восточной тайги. Этнические тувинцы, проживающие в аймаках Дархан-Уул, Сэлэнгэ, Тов, монголоязычны. Говорят на родном языке только те тувинцы, которые недавно переехали их Цэнгэла.

В целом, ситуация видится нами следующим образом: владение разговорным родным языком этническими тувинцами в рассматриваемых местах проживания не одинаково. Для тувинцев старшего поколения, хорошо владеющих разговорным родным языком, он исполняет функцию бытового языка — используется в кругу семьи и при общении между собой. Молодые люди и дети подросткового, младшего школьного и дошкольного возраста вызывают тревогу — в основной массе они говорят на монгольском языке, свой родной язык воспринимают на слух, или вообще не говорят, исключением являются дети этнических тувинцев сумона Цэнгэл.

Таким образом, учителя, методисты и ученые, занимающиеся проблемами языка этнических тувинцев данных сумонов, осознают, насколько острым и злободневным является вопрос, связанный с обучением родному (тувинскому) языку детей этнических тувинцев Монголии.

Основная цель статьи состоит в обобщении проблем обучения родному (тувинскому) языку детей этнических тувинцев, проживающих в разных сумонах Монголии с 1999 по 2022 гг. Для решения основной цели авторы рассматривают следующие вопросы: 1) обзор литературы по теме исследования; 2) изучение родного тувинского языка в дошкольных учреждениях и в школах сумонов Монголии, где компактно проживают этнические тувинцы; 3) методическая помощь методистов и ученых Тувы школам, в которых обучают родному тувинскому языку; 4) роль сектора по обучению детей малых народов в школах Монголии Института образования, ныне Национального института образовательных исследований страны в решении вопроса, связанного с обучением тувинскому языку детей этнических тувинцев.

Материалом исследования послужили данные, собранные Л. С. Кара-оол во время диалектологических и комплексных экспедиций с 1999 по 2019 гг., Гансук Хийс — в ходе служебных командировок в сумоны Цэнгэл, Ховд и Цагаан-Нуур (Кара-оол, 2012; Гансук, Туяа, 2016; Сувандии, Кара-оол, Болормаа, 2019), также статьи наших коллег Б. Баярсайхан (Баярсайхан, 2001), М. В. Бавуу-Сюрюн (Бавуу-Сюрюн, 2010, 2012), Н. Ч. Дамба (Дамба, 2011, 2012), М. В. Монгуш (Монгуш, 2013), Ж. М. Юша (Юша, 2015).

Обзор литературы по теме исследования

Вопросы, связанные с социально-экономической жизнью, языковой ситуацией, обучением детей этнических тувинцев Монголии родному языку, интересуют многих авторов.

М. В. Бавуу-Сюрюн, изучив языковую ситуацию в сумоне Цэнгэл и проанализировав существующие учебные планы, рассматривает вопрос о создании наиболее адекватной поликультурной ситуации модели начального образования в Цэнгэльской тувинской начальной школе (Бавуу-Сюрюн, 2010). В другой статье она анализирует проблему языковой, психолого-педагогической готовности детей этнических тувинцев Цэнгэла к школьному обучению, и предлагает меры по адаптации детей животноводов к условиям монголоязычной образовательной среды (Бавуу-Сюрюн, 2012).

Б. Баярсайхан дает историческую справку о том, когда и откуда переселились в Цэнгэльский аймак первые этнические тувинцы, какой у них тип хозяйствования, а также знакомит со спектром ис-

следований истории, языка, фольклора, материальной и духовной культуры тувинцев, живущих в Цэнгэльской аймаке¹.

Н. Ч. Дамба информировала о Цэнгэльской начальной школе Монголии, затрагивая проблемы социолингвистической ситуации сумона и трудности, которые возникают на начальном этапе обучения детей-тувинцев (Дамба, 2011). Она также исследовала проблемы составления учебника первого класса по тувинскому языку для детей-тувинцев цэнгэльской начальной школы Монголии, рассматривая возможные варианты последовательного изучения звуков и букв в 1 классе (Дамба, 2012).

М. В. Монгуш затрагивает злободневные вопросы, связанные с жизнью цэнгэльских тувинцев: о ликвидации в 1963 г. самостоятельного тувинского сумона Цэнгэл и его последствиях, которые отразились в жизни цэнгэльцев, о языковой ситуации и об основных занятиях цэнгэльцев, о музыкальной культуре, межэтнических отношениях и отношениях с Тувой и т. д. (Монгуш, 2013).

Ж. М. Юша на основе полевых материалов анализирует современное бытование фольклорной традиции у тувинцев, проживающих в Китае и Монголии. И приходит к выводу, что фольклор зарубежных тувинцев демонстрирует общетувинскую фольклорную традицию с этнолокальной спецификой, связанной с диалектными особенностями (Юша, 2015).

Соавторы данной статьи также обращались к ряду вопросов. Так, Л. С. Кара-оол писала об истории создания и становления цэнгэльской начальной тувинской школы, о его выпускниках и их достижениях, которыми гордятся цэнгэльцы (Кара-оол, 2012). Х. Гансук, исследуя проблемы изучения тувинского языка как языка обучения в тувинской начальной школе Цэнгэльского сумона, рассматривала особенности составления учебников «Тувинский язык» для 1–2 классов, учитывающих языковые особенности этнических тувинцев Монголии (Гансук, Туяа, 2016). А в следующей работе Х. Гансук, написанной в соавторстве с М. В. Бавуу-Сюрюн, попыталась систематизировать культурное языковое наследие тувинцев Монголии: образцы устного народного творчества цэнгэльцев, собранные Э. Таубе, творчество писателя и публициста Галсан Чинагийн, тувинско-испанско-английский словарь дипломата Пунцагу Дарийну, диалектные материалы, которые вошли в книги «Алдын дагша» («Золотая чарка») и «Мөңгүн дагша» («Серебряная чарка»), подготовленные с сотрудниками Тувинского института гуманитарных исследований с участием Г. Золбаяра (Гансук, Бавуу-Сюрюн, 2016).

На основе краткого обзора изученной литературы можно заключить, что в основном авторов интересовали языковая ситуация, фольклор, традиции и быт цэнгэльских тувинцев, а этнические тувинцы из других сумонов Монголии и их проблемы остались без внимания. Поэтому авторы данной статьи пришли к решению о необходимости изучения и обобщения вопроса обучения тувинскому языку детей этнических тувинцев с привлечением значительного материала и по другим сумонам с последними данными.

Изучение детьми этнических тувинцев родного тувинского языка в дошкольных учреждениях и в школах сумонов

Сумон Цэнгэл Баян-Олгийского аймака находится в Северо-Западной Монголии. В настоящее время в нем проживают 10800 чел., из них 1600 чел. — этнические тувинцы. Значительную часть населения составляют этнические казахи, монголов нет (Полевые материалы Гансук Хийс, 2022). Цэнгэльские тувинцы из родов *делег*; *донгак* (подгруппы *донгак хойук*, *хаа донгак*); *иргит* (подгруппы *адай иргит*, *арыг иргит*, *биче иргит*, *калчан иргит*, *моол иргит*, *улуг иргит*, *чооду иргит*, *шунгуур иргит*); *оолет*; *сарыглар*; *соян*; *хаа хойук*; *чаг тыва*² (Полевые материалы Л. С. Кара-оол 2002, 2011, 2019), в основном заняты животноводством и проживают в девяти *багах* (животноводческих бригадах), которые находятся вокруг сумона на расстояниях от 10 до 40 км.

В самом Цэнгэле большинство тувинцев занимается личным хозяйством. Около 60 человек работают в больнице, в детском саду, в администрации сумона, в 9-летней тувинской школе и в частных магазинах-лавочках. В последние годы зафиксирована миграция цэнгэльских тувинцев в другие аймаки (Сэлэнгэ, Төв) и в гг. Улан-Батор и Дархан. Если в 2019 г. общая численность тувинцев составляла 2002 чел. (Полевые материалы Л. С. Кара-оол, 2019), то к маю 2022 г. — 1600 чел. (Полевые материалы

¹ Баярсайхан Б. Сенгел тываларының төөгүзүнүң кыска очериги [Краткий очерк истории тувинцев Сенгеля] // Улуг-Хем (альманах). 2001, № 2–3. С. 201–207.

² О проблемах тувинского родства, см.: Ламажаа, 2021.

Гансук Хийс, 2022 г.), т. е. за 3 года число тувинцев в Цэнгэле уменьшилось на 402 человека. Основная причина их переселения — отдаленность аймака от центра, безработица и нехватка земельных участков для ведения животноводства (Полевые материалы Гансук Хийс, 2021).

Состояние обучения родному тувинскому языку детей этнических тувинцев сумона Цэнгэл отвечает общим требованиям образовательного стандарта Монголии по сохранению и обучению языка меньшинств. Это объясняется объективной причиной сохранения родного тувинского — в школе и вне дети погружены в свою языковую среду. Но, тем не менее, родители и дети осознают необходимость свободного владения монгольским языком в качестве важного условия, определяющего их жизнь в монголоязычной среде, для достижения достойного образования и образа жизни. Фактически цэнгэльские тувинцы являются полилингвами: свободно владеют тувинским, монгольским и языком народа, который составляет значительную часть населения Цэнгэлского сумона — казахов (Бавуу-Сюрюн, 2010; Кара-оол, 2012; Монгуш, 2013), а также дети изучают в школе как иностранный — русский или английский язык.

Дети цэнгэльцев не только владеют разговорным тувинским языком, но и имеют возможность изучать и овладеть навыками устной и письменной речи родного тувинского языка благодаря учителям и родителям, по инициативе которых в 1991 г. открылась цэнгэльская начальная тувинская школа, в котором дети начали учиться с 1 по 5 классы. На уроках родного языка они изучают также образцы устного народного творчества своего народа, поэзию и прозаические произведения, написанные не только поэтами и писателями из этнических тувинцев Монголии, но и Тувы (Кара-оол, 2012), отдельной дисциплины как тувинская литература или литературное чтение на родном языке пока нет. А с сентября 2021 г. школу преобразовали в 9-летнюю.

По данным на 14 января 2022 г., в Цэнгэльской 9-летней тувинской школе работали 26 учителей предметников и учились 249 детей, а вместе с учащимися 10–12 классов — 309 детей тувинцев (Полевые материалы Хийс Гансук, 2022).

В ховдских школах с 1 по 12 классы учатся 221 детей, а в цагаан-Нуурской школе — 184 детей этнических тувинцев (Полевые материалы Гансук Хийс, 2022). В отличие от цэнгэльских учащихся, дети ховдских тувинцев из родов *чаг тыва* (*кара чаг тыва*, *сарыг чаг тыва*); *донгак* (*тос кара донгак*, *хойук донгак*, *хаа дарган донгак*); *иргит* (*адай иргит*, *беглиг иргит*, *калчан иргит*, *чооду иргит*); *соян* (*ак соян*, *кара соян*, *кызыл соян*); *хойук* (*казак хойук*, *хаа хойук*); *хаа* (*хаа дарган*) (Полевые материалы Л. С. Кара-оол 1999, 2004, 2019) и цагаан-нуурских тувинцев из родов *соян* (*ак соян*, *кезек соян*, *улуг соян*); *балыкчы-балыкшы* (*балагиш*); *дархад*; *урат* (Полевые материалы Л. С. Кара-оол 2015, 2016) учатся в школах с монгольским языком обучения, поэтому не имеют возможности изучать родной тувинский язык ни в школе, ни в дошкольных образовательных учреждениях.

Снижение владения родным языком этнических тувинцев Ховда, Цагаан-Нуура и из других аймаков Монголии, в первую очередь, обусловлено объективной причиной — соотношением этнических тувинцев и монголоязычного населения в структуре населения аймака. Дети ховдских и цагаан-нуурских тувинцев, находясь вне дома — в детском саду или в школе, погружены в монголоязычную среду, поэтому они постепенно переходят в общении на монгольский язык. Подобные же проблемы испытывают и тувинцы в Республике Тыва, где тувинский язык уступает русскому в ряде школ, в т. ч., например, в терминологии родства (Сувандии, 2021). Немаловажную роль играют также средства массовой информации, компьютерные технологии, Интернет, мультфильмы и фильмы. Есть также причины частного характера, связанные с отношением родителей и их детей к родному языку, его использованием в семье. В одних семьях родители, свободно владея родным языком, общаются на нем не только с окружающими, но и со своими детьми, а в других семьях родители, свободно владея родным языком, при общении с детьми предпочтение отдают монгольскому, объясняя это тем, что так удобнее.

Ховдские и цагаан-нуурские тувинцы обеспокоены сложившимися обстоятельствами, пытаются в домашних условиях сохранить разговорную форму языка, но пока безрезультатно. Дети животноводов-ховдинцев и оленеводов-цаатанов оторваны от родителей, и за пределами семьи по объективным причинам родной язык детей вытесняется из повседневного общения.

В 2015 и 2016 гг. в Ховде по просьбе родителей во время летних каникул проводились уроки разговорного тувинского языка двумя учителями — ховдинскими тувинцами — по новым учебникам, которые были переданы в учебный отдел Ховдского отдела образования. В последующие годы эти уроки уже не проводились из-за отсутствия учителей тувинского языка.

В Цагаан-Нууре тоже были отдельные попытки организации уроков родного тувинского языка в разных формах. В начале 2000-х гг. по инициативе родителей были приглашены две учительницы из Тувы, которые прошли отборочный конкурс министерства образования Тувы — это Алдын-кыс Сат, учительница начальной школы Сут-Аксынской школы Сут-Хольского кожууна (впоследствии работала в педагогическом колледже ТувГУ) и Ольга Хомушку из Тээлинской школы Бай-Байгинского кожууна. Они в 2002 и 2003 гг. вели уроки тувинского и русского языков в цагаан-нуурской школе. До сих пор цагаан-нуурцы с теплотой вспоминают этих двух хрупких женщин, преданных своему родному языку, и с благодарностью рассказывают, как они помогали сохранить и не забыть их детям родной язык. Учительницы знакомили учащихся с образцами устного народного творчества и тувинской литературы, культурой, традициями и современной жизнью тувинцев, как выражаются цагаан-нуурцы, из *Улуу Тыва* 'Большой Тувы'.

Для детей оленеводов из западной и восточной тайги Цагаан-Нуура Ч. Оюунбадам, директор Цагаан-Нуурской школы, организовывала также уроки тувинского языка в летних школах во время каникул, а также во внеклассное время проводила кружок по обучению разговорному тувинскому языку. Но все усилия организаторов не достигли желаемого результата из-за отсутствия учителей тувинского языка.

По итогам исследования НИОСМ «О состоянии обучения родному языку, культуре детей малых народов Ховсгольского аймака» (2019) Х. Гансук составила «Экспериментальную программу тувинский язык и культура»¹, в ходе работы над которым учитывала ценные советы компетентных лиц. Цель программы — дать возможность детям овладеть навыками устной и письменной речи, а также изучать культуру, традиции и обычаи своего народа во внеклассное время (во время кружковых занятий в школе, а также в летних школах детей оленеводов из западной и восточной тайги). Новые учебники, соответствующие требованиям образовательного стандарта и учитывающие диалектные особенности языка этнических тувинцев Монголии переданы в фонд библиотеки школы, но они до сих пор не использованы по объективным причинам: во-первых, в вариативной части учебного плана не предусмотрены часы для обучения тувинскому языку, во-вторых, нет учителя начальных классов с тувинским языком. Программа утверждена министерством образования и науки Монголии в ноябре 2021 г. Сейчас в плане составителя программы — разработка учебника.

Таким образом, только в дошкольных учреждениях Цэнгэла проводят занятия по развитию разговорного тувинского языка, а дети школьного возраста имеют возможность изучать родной тувинский язык с 1 по 9 классы. А в двух сумонах Ховд и Цагаан-Нуур, где компактно проживают этнические тувинцы, уровень владения разговорным тувинским языком детей и молодежи вызывает тревогу: тувинский язык в основном выполняет функцию языка общения в семейном кругу среди взрослого населения, а число детей, не владеющих родным языком, растет из года в год. Решение проблемы на данном этапе видится в организации летних школ для детей оленеводов, а также в организации кружков по изучению родного языка, но в первую очередь, в решении кадрового вопроса.

Методическая помощь методистов и ученых Тувы

В первые годы обучения детей родному языку использовали учебники, составленные учеными-методистами из Тувы. Они были ориентированы на изучение и овладение навыками устной и письменной речи литературного тувинского языка. Практика показала нецелесообразность данного опыта в связи с лексическими, грамматическими и фонетическими диалектными особенностями речи цэнгэльских тувинцев (Бавуу-Сюрюн, 2010). Учителям приходилось давать дополнительные разъяснения, а на это уходило время. Не все было понятно не только детям, но и самим учителям. Это требовало составления специальных учебников, к чему еще не были готовы учителя школы.

И с 1991 по 1993 гг. Кызылское педагогическое училище закончили более 20 студентов из Монголии в качестве учителей начальных классов и воспитателей дошкольных образовательных учреждений. Из них 10 человек были этническими тувинцами (из Цагаан-Нуура — 4 человека, из Цэнгэла — 6 человек). В 1995 г. со специальностью «Учитель тувинского языка и литературы» филологический факультет Кызылского государственного педагогического института (КГПИ) закончили 4 студента, которые

¹ Эксперименталдыг шенелде программа. Тыва дыл болгаш культура. Цаатанның тыва өөреникчилеринге [Экспериментальная программа. Тувинский язык и культура. Для тувинских учащихся Цаатана] / Х. Гансук. Улаанбаатар: Бест Колор Интернэшл, 2020. 30 с.

представляли этнических тувинцев из Цэнгэла, Цагаан-Нуура и Ховда. Сейчас это Цэцэндарь У. — кандидат филологических наук, доцент Тувинского государственного университета (ТувГУ), Баярсайхан Б. — кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, одна из соавторов данной статьи Гансук Х. — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Национального института образовательных исследований Монголии и Ч. Оюунбадам — директор Цагаан-Нуурской школы Ховдского аймака Монголии. Выходцы из числа цэнгэльских тувинцев Баярсайхан Бадарч и Гансук Хийс защитили звания кандидатов филологических наук, обследовав языковые особенности своего народа¹, а Цэцэгдар Уламсурейн защитила кандидатскую диссертацию по языковым особенностям ховдских тувинцев (Цэцэгдар, 2013)². В настоящее время они занимаются не только научными работами, но и помогают коллективу авторов при составлении учебников для детей этнических тувинцев, курируют монгольских студентов, которые обучаются в Туве, сопровождают преподавателей ТувГУ во время диалектологических и комплексных экспедиций по сумонам Ховд, Цэнгэл и Цагаан-Нуур Монголии.

Первые экспедиции по проблемам обучения родному языку детей этнических тувинцев Монголии были организованы в 2011 и 2012 гг. коллективом преподавателей ТувГУ при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта «Лингвистические и психолого-педагогические основы модели начальной школы для детей дисперсных групп этнических тувинцев Монголии» (грант № 11-06-98008)³. Руководителем проекта была кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики университета Н. Ч. Дамба. Разработка данного проекта была обусловлена заказом Комитета этнических тувинцев сумона Цэнгэл Баян-Улэгэйского аймака, который был оформлен в октябре 2008 г. в виде официального обращения к Председателю правительства Республики Тыва.

С целью проведения социолингвистических исследований и сбора языковых материалов проведены экспедиции: в Ховд, Цагаан-Нуур, Улан-Батор (с 26 июля по 13 августа 2011 г. — Н. Ч. Дамба, Ц. Уламсурэн, М. В. Бавуу-Сюрюн); в Цэнгэл (с 20 по 28 сентября 2011 г. — Н. Ч. Дамба, а также Х. Д. Ооржак, С. Я. Ооржак и Л. С. Кара-оол); в Цэнгэл, Орхон Центрального аймака и Буянт Ховдского аймака (с 13 по 27 сентября 2012 г. — М. В. Бавуу-Сюрюн, А. Я. Салчак, Х. Гансук). Участники экспедиции встречались с председателями сумонных администраций для обсуждения возможности по организации классов или начальных школ с родным языком обучения; с родителями и детьми для того, чтобы оценить их уровень владения родным языком и уточнить их желания по обучению. Во время пребывания в г. Улан-Баторе в августе 2011 г. исследователи провели рабочее совещание с членами лаборатории по проблемам обучения детей национальных меньшинств при Институте образования Министерства образования и науки Монголии (директор — академик Надмид Бэгз). Обсуждали перспективные планы сотрудничества: проект модели начальной школы с родным (тувинским) языком обучения, проект учебного плана родного тувинского языка для начальной школы; определяли опорный говор, на основе которого необходимо было составить учебно-методические комплекты для начальной школы (цэнгэльский говор).

Во время экспедиции 2012 г. были проведены обучающие семинары для учителей начальной и средней школ сумона Цэнгэл; состоялась встреча с учителями и менеджерами образования сумонов Орхон Центрального аймака и Буянт Ховдского аймака; проводились наблюдения по адаптации первоклассников к новой для них образовательной среде. Была организована встреча с руководством Института образования Министерства образования и науки Монголии, в ходе которого было подписано трехстороннее соглашение о сотрудничестве между Тувинским государственным университетом, Институтом развития национальной школы Министерства образования и науки Республики Тыва и Институтом образования Министерства образования и науки Монголии.

¹ Баярсайхан Б. Лексика животноводства в цэнгэльском диалекте тувинского языка (в сравнительно-сопоставительном аспекте) : автореф. дисс. ... канд. филол. н. Новосибирск, 2009. 26 с.; Гансук Х. Особенности тувинской речи жителей Цэнгэла : автореф. дисс. ... канд. филол. н. Новосибирск, 2009. 20 с.

² Цэцэгдар У. Особенности тувинской речи жителей Кобдо. : автореф. дисс. ... канд. филол. н. М., 2013. 18 с.

³ «Лингвистические и психолого-педагогические основы модели начальной школы для детей дисперсных групп этнических тувинцев Монголии» [Электронный ресурс] // Российский фонд фундаментальных исследований. URL: https://www.rfbr.ru/rffi/ru/project_search/o_378237 (дата обращения: 23.04.2022 г.).

По итогам проекта была проделана определенная работа по созданию дидактических, теоретических основ обучения родному языку детей этнических тувинцев Монголии (Дамба, 2011, 2012).

Таким образом, ученые и методисты Тувы внесли определенный вклад при решении следующих обозначенных проблем: 1) подготовка учителей для тувинской 9-летней школы Цэнгэла и научных кадров из числа этнических тувинцев Монголии; 2) организация научных экспедиций по проблемам обучения родному тувинскому языку детей этнических тувинцев; 3) организация и проведение социолингвистических исследований и сбор языковых материалов для создания дидактических и теоретических основ обучения родному тувинскому языку; 4) организация и проведение обучающих семинаров для учителей начальной и средней школ.

Работа сектора по обучению детей малых народов в школах Монголии Института образования при участии ученых и методистов Тувы

Сектор по обучению детей малых народов Института образования Министерства образования и науки Монголии (ныне — Национальный институт образовательных исследований Монголии, НИОИМ) ведет большую работу по обучению детей этнических тувинцев родному (тувинскому) языку. Научные сотрудники института в 2013 г. организовали в цэнгэльской начальной школе психолого-педагогическое исследование, связанное с изучением родного (тувинского и казахского) языков в условиях двуязычия. В качестве конечной цели исследования было принятие мер для повышения качества обучения родного языка этнических тувинцев и казахов Цэнгэла. В итоге исследователи пришли к заключению, что улучшение качества обучения родному языку во многом зависит от составления учебно-методического комплекса, отвечающего требованиям образовательного стандарта Монголии и контенту учебников, а также соответствующего языковым особенностям детей этнических тувинцев и казахов.

Курирование вопросов, связанных с обучением тувинскому языку, было возложено на старшего научного сотрудника Национального института образовательных исследований Монголии, выпускницу КГПИ и аспирантуры ТувГУ Хийс Гансук (одного из соавторов данной статьи).

В первую очередь, необходимо было составить образовательную программу родного тувинского языка для начальной школы, поэтому Хийс Гансук обратилась за помощью к своим коллегам из ТувГУ, которые хорошо знали исследуемую проблему не понаслышке. В итоге совместными усилиями была составлена учебная программа родного тувинского языка для 1–5 классов при участии Л. С. Кара-оол, Н. Ч. Дамба. Она была издана в 2013 г.¹

После выхода программы коллектив авторов взялся за составление первого букваря, учитывающего диалектные особенности тувинцев Монголии (Гансук, Туяа, 2016: 123), — «Тыва дыл. 1-ги анги» («Тувинский язык для 1 класса»). За основу взяли учебник А. Б. Ондар «Шын чугаалап өөрөн» («Учись правильно говорить»)², также были использованы адаптированные тексты из «Үжүглел» («Букваря») А. А. Алдын-оола, К. Б. Март-оол и Н. Ч. Дамба³. Адаптацией текстов занималась Х. Гансук, а учителя начальных классов цэнгэльской школы Д. Ариунаа и другие составляли тексты, в которых отразились быт, культура, традиции и обычаи местного населения. Научным редактором выступила доктор филологических наук М. В. Бавуу-Сюрюн. Осенью 2013 г. учебник был издан⁴. Х. Гансук организовала обучающий семинар для учителей начальных классов по методике работы с данным учебником.

¹ Ийи дылдыг эге школага төрөөн тыва дылдың өөрөдилге программасы [Учебная программа родного тувинского языка для двуязычной начальной школы] / Л. С. Кара-оол, Н. Ч. Дамба. Улаанбаатар : Бест Колор Интернэшл, 2013. 144 с.

² Ондар А. Б. Шын чугаалап өөрөн [Учись правильно говорить]. Кызыл: НШХИ, 2012. 104 с.

³ Алдын-оол А. А., Март-оол К. Б., Дамба, Н. Ч. Үжүглел [Букварь] : учебник для 1 класса общеобразовательных учреждений. / ред. А. М. Баир. Кызыл: Тываның ном үндүрер чери, 2016. 136 с. (На тув. яз.).

⁴ Тыва дыл. 1 дугаар анги [Тувинский язык. 1 класс: учебник] / А. Б. Ондар, А. А. Алдын-оол, К. Б. Март-оол, Н. Ч. Дамба, Х. Гансук, Д. Ариунаа / науч. ред. М. В. Бавуу-Сюрюн. Улаанбаатар: Бест Колор Интернэшл, 2013. 124 ар.

В последующие годы вышли учебники «Тыва дыл» («Тувинский язык») для 2–5 классов¹ с методическими руководствами². Содержание и принципы составления данных учебников более подробно расписаны Х. Гансук в отдельной статье (Гансук, Туяа, 2016: 121–124). Например, в учебник «Тыва дыл. 2-ги анги» («Тувинский язык. 2 класс») не включены теоретические вопросы, связанные с грамматикой и литературоведческими понятиями. Основной целью учебника является научить детей правильно писать и читать на родном языке, а также правильно излагать свою мысль, слушать и слышать друг друга (там же: 123).

Сектор по обучению детей малых народов Института образования Министерства образования и науки Монголии в цэнгэльской и ховдской школах в 2014 г. организовал трехдневные обучающие семинары «Повышение методики обучения по новым учебникам для 2–5 классов». А в 2020 г. вышло общее методическое руководство³.

Как отмечают исследователи, дети цэнгэльских животноводов поступают в школу, владея только родным тувинским языком (Дамба, 2011: 8; Бавуу-Сюрюн, 2010: 308). Монгольским языком они овладевают в школе, поэтому все дисциплины с 1-го класса начинаются на родном тувинском языке. К 2016 г. учителя цэнгэльской начальной тувинской школы перевели с монгольского языка на тувинский учебники: «Математика»⁴, «Киж болгаш хүрээлел» («Человек и окружающий мир») ⁵, «Чурук, технологи» («Рисование, технология») ⁶, «Хамааты өөредилге» («Гражданское обучение») ⁷.

Данные учебники сопровождаются монголо-тувинскими и тувинско-монгольскими словарями, составленными учителями цэнгэльской школы: математики⁸, окружающего мира⁹ и рисования¹⁰ — под общей редакцией Б. Баярсайхана, под научной редакцией М. В. Бавуу-Сюрюн и Х. Гансук.

¹ Тыва дыл. 2 дугаар анги [Тувинский язык. 2 класс : учебник] / Х. Гансук, З. Нарантуяа, Н. Мөнххүү, Х. Батсук. Улаанбаатар: Бест Колор Интернэшл, 2014. 117 ар.; Тыва дыл. 3 дугаар анги [Тувинский язык. 3 класс: учебник] / Х. Гансук, С. Алтанзул, Д. Ариунаа, З. Буянгаа, Н. Мөнххүү, З. Нарантуяа, Э. Одгэрэл, М. Цэцэгээ, Д. Торной, Э. Шагдар. Улаанбаатар: Бест Колор Интернэшл, 2016. 132 ар.; Тыва дыл. 4-кү анги [Тувинский язык. 4 класс: учебник] / Х. Гансук, З. Буянгаа, Н. Мөнххүү, З. Нарантуяа, Э. Шагдар. Улаанбаатар: Бест Колор Интернэшл, 2017. 132 ар.; Тыва дыл. 5-ки анги [Тувинский язык. 5 класс: учебник] / Х. Гансук, З. Нарантуяа, Х. Нарангарав, З. Буянгаа, Х. Батсук. Улаанбаатар: Бест Колор Интернэшл, 2018. 132 ар.

² Тыва дыл. 2 дугаар анги. Башкының удуртулга ному [Тувинский язык. 2 класс. Методическое руководство для учителя] / Х. Гансук. Улаанбаатар : Бест Колор Интернэшл, 2015. 109 ар.; Тыва дыл. 3-кү анги. Башкының удуртулга ному [Тувинский язык. 3 класс. Методическое руководство для учителя] / Х. Гансук. Улаанбаатар : Бест Колор Интернэшл, 2016. 92 ар.; Тыва дыл. 4-кү анги. Башкының удуртулга ному [Тувинский язык. 4 класс. Методическое руководство для учителя] / Х. Гансук. Улаанбаатар : Бест Колор Интернэшл, 2017. 92 ар.; Тыва дыл. 5-ки анги. Башкының удуртулга ному [Тувинский язык. 5 класс. Методическое руководство для учителя] / Х. Гансук. Улаанбаатар : Бест Колор Интернэшл, 2018. 92 ар.

³ Тыва дыл (эге школа). Методиктиг удуртулга [Тувинский язык (начальная школа). Методическое руководство] / Х. Гансук. Улаанбаатар: Бест Колор Интернэшл, 2020. 64 ар.

⁴ Математик. 1 дугаар анги [Математика. 1 класс: учебник] / Д. Амартувшин, С. Алимаа / Переводчики Н. Монххуу, З. Буянгаа, М. Цэцэгээ / редактор перевода Х. Гансук. Улаанбаатар: Бест Колор Интернэшл, 2016. 152 с.

⁵ Киж болгаш хүрээлел. 1 дугаар анги [Человек и окружающий мир. 1 класс: учебник] / А. Энхтогтох, Г. Баярмаа, Е. Батчулуун, О. Болорчимэг, Э. Монгонтулга, Р. Нямхуу, Т. Оюун, У. Туяа, М. Энхбаяр / Редактор Э. Даваахуу / переводчики Э. Шагдар, Д. Торной / редактор перевода Х. Гансук. Улаанбаатар: Бест Колор Интернэшл, 2016. 76 с.

⁶ Чурук, технологи. 1 дугаар анги [Рисование, технология. 1 класс: учебник] / Д. Цэдэн-Иш, Т. Ариунаа, Ч. Монхтуяа, Б. Монхжаргал / переводчики С. Алтанзул, Э. Одгэрэл, редактор перевода Х. Гансук. Улаанбаатар: Бест Колор Интернэшл, 2016. 75 с.

⁷ Хамааты өөредилге. 1 дугаар анги [Гражданское обучение. 1 класс: учебник] / С. Батсук, Г. Цэвэлмаа, О. Пүрэв, У. Туяа / переводчики З. Нарантуяа, Д. Ариунаа, Ж. Оюун, редактор перевода Х. Гансук. Улаанбаатар: Бест Колор Интернэшл, 2016. 57 с.

⁸ Математик. Словарь / составители С. Алтанзул, З. Буянгаа, З. Нарантуяа; общие редакторы Х. Батсук, Б. Баярсайхан, Х. Нарангарав; научный редактор М. В. Бавуу-Сюрюн, У. Туяа; редактор Х. Гансук. Улаанбаатар: Бест Колор Интернэшл, 2021. 71 с.

⁹ Киж болгаш хүрээлел. Словарь [Человек и окружающий мир. Словарь] / составители Н. Монххуу, О. Хувьзаяа, Э. Шагдар; общие редакторы Х. Батсук, Б. Баярсайхан, Х. Нарангарав; научный редактор М. В. Бавуу-Сюрюн, У. Туяа; редактор Х. Гансук. Улаанбаатар: Бест Колор Интернэшл, 2021. 61 с.

¹⁰ Чурук. Словарь [Рисование. Словарь] / составители Ч. Ганчимэг, Д. Торной, Х. Отгонсук, Ж. Оюун; общие редакторы Х. Батсук, Б. Баярсайхан, Х. Нарангарав; научный редактор М.В. Бавуу-Сюрюн, У. Туяа; редактор Х. Гансук. Улаанбаатар: Бест Колор Интернэшл, 2021. 72 с.

В двуязычные переводные словари включены основные термины, понятия и профессионализмы, которые встречаются в учебниках математики, окружающего мира, рисования, технологии, физической культуры. Они созданы с целью оказания помощи детям при освоении терминов на родном языке. Сегодня они являются настольной книгой детей, к которой те обращаются во время уроков и подготовки домашних заданий.

В 2019 г. в рамках научного проекта РФФИ «Трансформационные процессы в ономастике народов Центральной Азии: история и современность (на примере Тувы, Тофаларии, Калмыкии и Монголии)» (грант № 19-012-00073) было издано научно-популярное издание «Барыын Моолдуң Цэнгэл сумузунуң топонимнери» (Топонимы сумона Цэнгэл Западной Монголии), коллективом авторов Н. Д. Сувандии, Л. С. Кара-оол, Б. Болормаа (Сувандии, Кара-оол, Болормаа, 2019). Данное издание составлено из материалов, собранных в 1999–2019 гг. во время научно-исследовательских экспедиций в Цэнгэл. Каждый топоним сопровождается примерами из устного народного творчества — легендами и преданиями, а также стихотворениями местных авторов, воспоминаниями цэнгэльцев и фотографиями. Эти материалы используются на занятиях родного тувинского языка и при знакомстве с образцами устного народного творчества (Сувандии, Кара-оол, Болормаа, 2019).

В 2015 г. научные сотрудники сектора по обучению детей малых народов в школах Монголии НИОИМ провели второе психолого-педагогическое исследование в цэнгэльской школе «Обучение родному (тувинскому, казахскому) и монгольскому языкам в средних классах в условиях двуязычия». Оно проводилось для принятия мер по повышению качества обучения родного языка этнических тувинцев и казахов Цэнгэла, а также монгольского языка. По итогам исследования была составлена учебная программа по родному тувинскому языку и литературе в средних и старших классах¹, утвержденная Министром образования и науки Монголии. По этим программам уже учат учащихся, но пока без учебников. Также проведен двухдневный обучающий семинар учителей среднего звена.

В условиях предупреждения COVID-19, с весны 2020 по май 2022 гг., обучение в цэнгэльской тувинской школе с 1 по 9 классы проводилось в смешанном формате, дети совмещали традиционное очное обучение и обучение с применением дистанционных образовательных технологий. По поручению правительства и министерства образования и науки Монголии учителя цэнгэльской школы, под руководством Х. Гансух, разработали 285 телеуроков на тувинском языке: 230 для учащихся начальных классов и 55 — для учащихся средних классов. Также были переведены с монгольского языка 64 интерактивных уроков на тувинский (Х. Гансух, Э. Шагдар и Э. Одхуу) с привлечением ученицы 10 класса Э. Уурийнтуя, которая участвовала в звукозаписи текстов. Для детей животноводов, которые не имеют возможности войти в Интернет, разработаны рабочие тетради для самостоятельного изучения тем учащимися с 1 по 5 классы. Данные тетради выложены на сайте Национального института образовательных исследований Монголии².

Занятия по тувинскому языку ведутся и в детских садах Цэнгэла. В 2006 г. была открыта первая тувинская группа, и с тех пор занятия по развитию речи детей ведутся не только на монгольском, но и на тувинском языке. Связную речь детей развивают два воспитателя (Б. Амаржаргал, Б. Ундрах) и два помощника воспитателей (Т. Монгцэцэг, Т. Оюунаа), которые проходили курсы повышения, организованные ТувГУ на базе детских садов г. Кызыла с тувинским языком обучения в 2009 и 2015 гг. (руководители курсов М. В. Бавуу-Сюрюн, Н. Ч. Дамба). В последние годы для них проводятся научно-методические семинары научным сотрудником НИОИМ Х. Гансух, также они проходят краткосрочные курсы в Баян-Олгие — в административном центре аймака.

В 2022 г. в сумоне Цэнгэл работают четыре детских образовательных учреждений, в двух открыты тувинские группы с общей численностью 52 ребенка (в одном садике — 30 детей, в другом — 22 ребенка). И общее число детей дошкольного возраста достигло 190 чел. (Полевые материалы Хийс Гансух, 2022). Но значительная часть детей не посещает дошкольные образовательные учреждения из-за того, что родители заняты животноводством и проживают в багах, на чабанских стоянках.

¹ Ийи дылдыг ортумак школага төрөөн тыва дылдың өөредилге программы [Учебная программа родного тувинского языка для двуязычной средней школы] / Х. Гансүх, Х. Батсүх, Ж. Гэрэл. Улаанбаатар: Бест Колор Интернэшл, 2019. 30 ар.

² Бага Боловсрол, Тува Хэл [Электронный ресурс] // Боловсролын хүрээлэн = Национальный институт образовательных исследований Монголии. URL: <http://43.228.131.34/mieredu/Home/Content/86a425c2-571a-4c29-bc93-bd4ca55813a5> (дата обращения: 12.05.2022).

До сих пор остаются нерешенными ряд вопросов, в первую очередь они связаны с кадровым обеспечением. Учителя, получившие образование в монгольском вузе или ссузе, получили знания и навыки по методике обучения монгольского языка — генетически неродственного с тувинским, а те, кто учились в Туве, получили подготовку по обучению литературному тувинскому языку без учета диалектных особенностей. Поэтому сотрудники НИОИМ понимают, насколько велика роль обучающих семинаров и курсов переподготовки в данной ситуации.

Заключение

Как видим, несмотря на определенные трудности, у монгольских тувинцев есть условия для обучения детей родному тувинскому языку, для повышения качества обучения родному языку, созданные Министерством образования и науки Монголии, сектором по обучению детей малых народов в школах Монголии Национального института образовательных исследований Монголии при участии ученых и методистов ТувГУ. Во-первых, подготовлены программы обучения родному тувинскому языку для 1–5 и 6–9 классов; во-вторых, составлены и изданы учебники для учащихся 1–5 классов с методическими руководствами и со словарями основных терминов и понятий, соответствующие требованиям образовательного стандарта и контента учебников Монголии и учитывающие языковые особенности этнических тувинцев; в-третьих, для учащихся 1 класса переведены из монгольского языка на тувинский учебники математики, окружающего мира, рисования и технологии, гражданского обучения; в-четвертых, подготовлены и используются на практике теле- и интерактивные уроки на тувинском языке, а также рабочие тетради, которые активно используются в условиях профилактики распространения коронавирусной инфекции; в-пятых, продолжаются как отдельные, так и совместные диалектологические, социолингвистические исследования, и, наконец, сотрудниками Национального института образовательных исследований Монголии и Тувинского государственного университета организуются краткосрочные курсы профессиональной переподготовки учителей тувинского языка и воспитателей дошкольных образовательных учреждений, а также ТувГУ продолжает помогать в решении кадрового вопроса: в 2019 и 2021 гг. профиль «Дошкольное образование» закончили две представительницы этнических тувинцев Монголии, а в 2022 г. по направлению «Педагогическое образование» с разными профилями закончили 6 студентов: «Начальное образование» — 1 чел., «Русский язык и литература» — 2 чел., «Иностранный язык» — 3 чел. Но вопрос, связанный с подготовкой кадров, особенно учителей тувинского языка и начальной школы, остается острым, поэтому необходимо организовать подготовительные курсы для детей этнических тувинцев, с последующим поступлением в ТувГУ.

В Цагаан-Нуурской и Ховдской школах нет классов с тувинским языком обучения, поэтому вне дома дети полностью погружены в монголыязычную среду, которая преобладает в структуре населения данных аймаков. Цагаан-нуурские дети изучали родной язык во время предметного кружка, а также для ховдских и цагаан-нуурских детей организовывали обучение родному языку и в летних школах, но из-за отсутствия учителей тувинского языка, данные начинания не получили должной поддержки. Уровень владения тувинским языком детей и молодежи в данных аймаках из года в год снижается, что вызывает тревогу. Поэтому актуальными остаются вопросы: как прививать молодому поколению любовь и уважение к родному языку — духовному богатству народа; как донести до них понимание значимости родного языка в их жизни; как донести до родителей мысль о том, будут ли знать их дети родной язык, во многом зависит от них? Вопросы остаются открытыми, и требуют решения с совместными усилиями на всех уровнях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бавуу-Сюрюн, М. В. (2010) Проблема обучения родному (тувинскому) языку в условиях полилингвизма Северо-Западной Монголии // Регионы России для устойчивого развития: образование и культура народов Российской Федерации. Материалы международной научно-практической конференции / отв. ред. И. Граф и др. Новосибирск : ЗАО ИПП «Офсет». 1144 с. С. 307–311.

Бавуу-Сюрюн, М. В. (2012) Проблема адаптации детей тувинских скотоводов к школьному обучению в условиях сумона Цэнгэл Баян-Улэгэйского аймака Монголии // Вестник Тувинского государственного университета. Социальные и гуманитарные науки. № 1 (12). С. 62–64.

Гансук, Х. (2016) Изучение тувинского языка в Монголии // Вестник Тувинского государственного университета. Педагогические науки. Вып. 4 (32). С. 121–124.

Гансук, Х., Бавуу-Сюрюн, М. В. (2016) Язык и фольклор тувинцев Монголии в базах данных электронных ресурсов на тувинском языке // Новые исследования Тувы. № 4. С. 77–87.

Дамба, Н. Ч. (2011) Особенности цэнгэлской начальной школы Монголии // Вестник Тувинского государственного университета. Педагогические науки. № 4. С. 6–9.

Дамба, Н. Ч. (2012) Варианты последовательности изучения звуков и букв в 1 классе цэнгэлской начальной школы Монголии // Вестник Тувинского государственного университета. Педагогические науки. № 4. С. 86–89.

Кара-оол, Л. С. (2012) Начальная тувинская школа Цэнгэля // Новые исследования Тувы. № 4. С. 148–152.

Ламажаа, Ч. К. (2021) Основные проблемы исследования родства и родственных групп современных тувинцев: паспортизация, терминология и поддержание родства // Новые исследования Тувы. № 4. С. 6–21. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.1>

Монгуш, М. В. (2013) У тувинцев Цэнгэля // Новые исследования Тувы. № 2. С. 26–43.

Сувандии, Н. Д. (2021) Термины родства у родовой группы монгушей с. Аянгаты Барун-Хемчикского района // Новые исследования Тувы. № 4. С. 22–30. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.2>

Сувандии, Н. Д., Кара-оол, Л. С., Болормаа, Б. (2019) Барыын Моолдун Цэнгэл сумузунун топонимнери [Топонимы сумона Цэнгэл Западной Монголии]. Кызыл : Изд-во ТувГУ. 86 с. (На тув. яз.).

Юша, Ж. М. (2015) Тувинцы Китая и Монголии: современное состояние фольклорной традиции // Сибирский филологический журнал. № 2. С. 5–10.

Дата поступления: 30.05.2022 г.

REFERENCES

Bavuu-Surun, M. V. (2010) Problema obucheniia rodnomu (tuvinskomu) iazyku v usloviakh polilingvizma Severo-Zapadnoi Mongolii [Issue of teaching native (Tuvan) language in the conditions of polylinguism of north-western Mongolia]. In: *Regiony Rossii dlia ustoichivogo razvitiia: obrazovanie i kul'tura narodov Rossiiskoi Federatsii [Russian regions for sustainable development: Education and culture of peoples in the Russian Federation]* : Proceedings of the International conference. Novosibirsk, Ofset. 1144 p. Pp. 307–311. (In Russ.).

Bavuu-Surun, M. V. (2012) Problema adaptatsii detei tuvinskikh skotovodov k shkol'nomu obucheniiu v usloviakh sumona Tsengel Baian-Ulegeiskogo aimaka Mongolii [Issue of Tuvan cattle breeders' children adaptation to school education in conditions of Tsengel sum of Bayan-Ölgii Province of Mongolia]. *Vestnik Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsial'nye i gumanitarnye nauki*, no. 1 (12), pp. 62–64. (In Russ.).

Gansukh, Kh. and Tuya, U. (2016) Izuchenie tuvinskogo iazyka v Mongolii [Learning the Tuvan language in Mongolia]. *Vestnik Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta. Pedagogicheskie nauki*, no 4 (31), pp. 121–124. (In Russ.).

Gansukh, Kh. and Bavuu-Surun, M. V. (2016) Iazyk i fol'klor tuvintsev Mongolii v bazakh dannyykh elektronnykh resursov na tuvinskom iazyke [Language and folklore of ethnic Tuvans in Mongolia in Tuvan electronic databases]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 77–87. (In Russ.).

Damba, N. Ch. (2011) Osobennosti tsengelskoi nachal'noi shkoly Mongolii [Features of Tsengel primary school of Mongolia]. *Vestnik Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta. Pedagogicheskie nauki*, no. 4 (11), pp. 6–9. (In Russ.).

Damba N. Ch. (2012) Varianty posledovatel'nosti izucheniia zvukov i bukv v 1 klasse tsengelskoi nachal'noi shkoly Mongolii [Options for a consistent study of sounds and letters in first grade at the Tsengel primary school of Mongolia]. *Vestnik Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta. Pedagogicheskie nauki*, no. 4 (15), pp. 86–89. (In Russ.).

Kara-ool L. S. (2012) Nachalnaia tuvinskaia shkola Tsengelii [Primary Tuvan Tsengel School]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 148–152. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2021) Osnovnye problemy issledovaniia rodstva i rodstvennykh grupp sovremennykh tuvintsev: passportizatsiia, terminologii i podderzhanie rodstva [The main issues of the study of kinship and kin groups of contemporary Tuvans: Passportization, terminology and maintenance of kinship]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 6–21. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.1>

Mongush, M. V. (2013) U tuvintsev Tsengela [At Tuvans of Tsengel]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 26–43. (In Russ.).

Suvandii, N. D. (2021) Terminy rodstva u rodovoi gruppy mongushei s. Aiangaty Barun-Khemchikskogo raiona [Kinship terms of the Mongush tribal group of the Village of Aiangaty in the Barun-Khemchik District]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 22–30. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.2>

Suvandii, N. D., Kara-ool, L.S. and Bolormaa, B. (2019) *Baryyn Moolduң Tsengel sumuzunuң toponimneri [Toponyms of the sum of Tsengel in western Mongolia]*. Kyzyl, Tuvan State University Publishing House. 86 p. (In Tuv.).

Yusha, Zh. M. (2015) Tuvintsy Kitaia i Mongolii: sovremennoe sostoianie fol'klornoj traditsii [The Tuvinians of China and Mongolia: Current state of the folklore tradition]. *Sibirskii filologicheskii zhurnal*, no. 2, pp. 5–10.

Submission date: 30.05.2022.

DOI: 10.25178/nit.2022.4.6

Статья

Факторы витальности и сферы функционирования родного языка цэнгэльских тувинцев Монголии (по данным социолингвистического исследования 2018 г.)

Бадарч Баярсайхан, Оюмаа М. Саая

Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований
при Правительстве Республики Тыва, Российская Федерация

В статье рассматривается языковая ситуация среди цэнгэльских тувинцев — этнических тувинцев, проживающих в сумоне Цэнгэл Баян-Улэгэйского аймака Северо-Западной Монголии, разговаривающих на цэнгэльский говор алтайского диалекта тувинского языка. Анализ опирается на результаты социолингвистического опроса 2018 г., которым были охвачены 180 респондентов — жителей с. Цэнгэл. Охарактеризован статус, сферы функционирования тувинского языка, определены уровни языковой компетенции тувинцев сумона Цэнгэл, влияние образования на уровень владения родным языком.

Опрос показал, что большинство респондентов в повседневной жизни предпочитают разговаривать на родном языке, при этом в своей речи допускают употребление монгольских заимствований, что осознается ими в полной мере. Выявлены некоторые экстралингвистические явления, повлиявшие на особенности языковой ситуации: влияние политической ситуации на антропонимию, родовая самоидентификация респондентов; уровень их мотивации на сохранение и передачу родного языка следующим поколениям и др.

Цэнгэльские тувинцы Монголии в большинстве являются полилингвами, владеющими кроме родного и монгольского языков, также и казахским. Отмечается усиление роли монгольского языка, как языка межнационального общения. Мотивированность большинства цэнгэльских тувинцев на сохранение и передачу родного языка, как фактора их самоидентификации, наряду с государственной поддержкой монгольского правительства языка и культуры тувинцев, способствует развитию тувинского языка в сумоне Цэнгэл.

Ключевые слова: тувинский язык; иноязычное окружение; экстралингвистический фактор; самоидентификация; цэнгэльские тувинцы; тувинцы Монголии; языковая ситуация

Для цитирования:

Баярсайхан Б., Саая О. М. Факторы витальности и сферы функционирования родного языка цэнгэльских тувинцев Монголии (по данным социолингвистического исследования 2018 г.) // Новые исследования Тувы. 2022. № 4. С. 78-88. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.6>

Бадарч Баярсайхан — кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник группы словарей Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва. Адрес: 667000, Российская Федерация, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 4. Тел.: +7 (394-22) 2-39-36. Эл. адрес: bayiraa@mail.ru

Саая Оюмаа Маадыр-ооловна — кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник группы словарей Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва. Адрес: 667000, Российская Федерация, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 4. Тел.: +7 (394-22) 2-39-36. Эл. адрес: yu5bi@mail.ru

Article

Factors of vitality and sphere of functioning of the native language of the Tsengel Tuvans of Mongolia (according to the 2018 sociolinguistic study)

Badarch Bayarsaikhan, Oyumaa M. Saaya

Tuvan Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, Russian Federation

The article deals with the linguistic situation among the Tsengel Tuvans who live in the sum of Tsengel in Bayan-Ölgii aimag, northwestern Mongolia. They speak the Tsengel subdialect of the Altai dialect of the Tuvan language. The analysis is based on the results of a sociolinguistic survey that covers 180 respondents who are residents of the sum of Tsengel. We characterize the status, spheres of functioning of the Tuvan language and determine the levels of language competence among the Tuvans of Tsengel as well as the impact of education on the level of proficiency in the native language.

The survey has shown that the majority of the respondents prefer to speak their mother tongue in everyday life. At the same time, they allow the use of borrowings from Mongolian in their speech and are fully aware of this. It has also revealed some extralinguistic phenomena that have influenced the features of the language situation: the impact of the political situation on anthroponymy; ancestral self-identification of the respondents; the level of their motivation to preserve and pass on their native language to the next generations, etc.

The Tsengel Tuvans of Mongolia are mostly multilingual, they speak not only their native language and Mongolian, but also Kazakh. There is an obvious strengthening of the role of Mongolian as a language of interethnic communication. The majority of the Tuvans in Tsengel have a motivation to preserve and transmit their native language as a factor of their self-identification. Along with the Mongolian Government's state support of the language and culture of the Tuvans, this contributes to the development of the Tuvan language in the sum of Tsengel.

Keywords: *Tuvan language; foreign language environment; extralinguistic factor; self-identification; Tsengel Tuvans; Tuvans of Mongolia; language situation*

For citation:

Bayarsaikhan B. and Saaya O. M. Faktory vital'nosti i sfery funktsionirovaniia rodnogo iazyka tsengel'skikh tuvintsev Mongolii (po dannym sotsiolingvisticheskogo issledovaniia 2018 g.) [Factors of vitality and sphere of functioning of the native language of the Tsengel Tuvans of Mongolia (according to the 2018 sociolinguistic study)]. *New Research of Tuva*, 2022, no. 4, pp. 78-88. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.6>

BAYARSAIKHAN, Badarch, Candidate of Philology, Leading Researcher, Department of Dictionary Research Group, Tuvan Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva. Postal address: 4 Kochetov St., 667000 Kyzyl, Russian Federation. Tel.: +7 (394-22) 2-39-36. E-mail: bayiraa@mail.ru

ORCID ID: 0000-0003-3962-1042

SAAYA, Oyumaa Maadir-oolovna, Candidate of Philology, Leading Researcher, Department of Dictionary Research Group, Tuvan Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva. Postal address: 4 Kochetov St., 667000 Kyzyl, Russian Federation. Tel.: +7 (394-22) 2-39-36. E-mail: yu5bi@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-3775-2391

Введение

В настоящее время Монголии проживают около 15 монголоязычных этнических групп, помимо них имеются также тюркоязычные представители тюркоязычных этнических меньшинств — казахи, тувинцы (урянхайцы), которые составляли немногим более 7% (Грайворонский, 1997: 45).

В статье 8.2. Конституции Монголии этническим меньшинствам, к которым относятся тувинцы и казахи, гарантирует свободу общения, обучения, проведения культурной, художественной, научной деятельности на их родном языке¹. На тувинском языке в Монголии говорят всего не более 4 тысяч человек, которые живут на разных территориях Монголии: сумон Буянт и г. Кобдо Кобдоского аймака, сумон Цэнгэл Баян-Улэгэйского аймака, сумоны Зуунбурэн и Орхон Сэлэнгинского аймака, сумоны Заамар и Батсумбэр Центрального аймака, сумон Цагаан-Нур Хубсугульского аймака Монголии. Цэнгэльские тувинцы компактно проживают в сумоне Цэнгэл Баян-Улэгэйского аймака Северо-Западной Монголии вместе с казахским населением и составляют примерно 20% жителей сумона. Языками межнационального общения в данном сумоне являются монгольский и казахский языки. Официальным языком является монгольский, поэтому он имеет более широкую сферу функционирования. Цэнгэльский говор, который входит в алтайский диалект тувинского языка, в силу исторических обстоятельств в течение длительного времени функционирует и развивается в условиях иноязычного окружения.

Настоящая статья посвящена анализу состояния тувинского языка в сумоне Цэнгэл Баян-Улэгэйского аймака. Актуальность данного исследования обусловлена тем, что в современном мире, где очень быстро идет ассимиляция и исчезновение языков, необходим постоянный мониторинг языков этнических меньшинств, одним из которых являются тувинцы сумона Цэнгэл. Как объект социолингвистического изучения говор цэнгэльских тувинцев рассматривается впервые, анализируются те факторы, которые позволяют сохранять и развивать тувинский язык в иноязычном окружении. Кроме того, представляет интерес анализ стратегий сохранения тувинского языка, языка этнического меньшинства, проживающего в иноэтничном окружении.

Материалом для анализа послужили результаты социолингвистического опроса, проведенного авторами в 2018 г. Исследованием было охвачено 180 респондентов из числа тувинского населения сумона Цэнгэл в возрасте от 12 до 70 лет.

Обзор литературы

Изучение языка, фольклора, этнографии и истории тувинцев Цэнгэла началось в 1970–1980-х годах с работ Ю. Л. Аранчына (Аранчин, 1975), Д. А. Монгуша (Монгуш, 1983), Э. Таубе (Таубе, 1975, 1994), Ш. Ч. Сата (Сат, 1987). С 1990-х гг. исследования в этом направлении были продолжены Г. Золбаяром², А. Очиром (Очир, 1993), М. Х. Маннай-оолом (Маннай-оол, 1995), П. С. Серен³, М. В. Монгуш (Монгуш, 2002), Е. В. Айыжы (Айыжы, 2007), У. А. Донгак (Донгак, 2010, 2020), А. С. Донгак (Донгак, 2011, 2020), З. Б. Самдан (Самдан, 2020), В. С. Салчаком (Салчак, 2020), Э. Б. Мижитом (Мижит, 2020), Б. Баярсайханом (Баярсайхан, 2020). В XXI веке изучению языка цэнгэльских тувинцев посвящены диссертационные исследования Х. Гансух⁴, Б. Баярсайхана⁵, М. В. Бавуу-Сюрюн⁶, публикации У. Цэцэгдарь (Цэцэгдарь, 2003 и др.⁷) и др.

Д. А. Монгуш выявил, что речь тувинцев Северо-Западной Монголии является самостоятельным диалектом тувинского языка (Монгуш, 1983: 144). М. В. Бавуу Сюрюн определила статус речи цэнгэльских тувинцев как цэнгэльский говор алтайского диалекта тувинского языка⁸. Языковой ситуации и

¹ Монгол Улсын Үндсэн хууль. Улаанбаатар, 1992. С. 3.

² Золбаяр Г. Алдын дагша [Золотая пиала]. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 1992. С. 56–62. (На тув. яз.).

³ Серен П. С. Цагаан-Нур тываларында [У Цагаан-Нурских тувинцев] // Улуг-Хем (альманах). 1993. № 5–6. С. 148–157. (На тув. яз.)

⁴ Гансух Х. Особенности речи жителей Цэнгэла: автореф. дисс. ... канд. филол. н. Новосибирск, 2009.

⁵ Баярсайхан Б. Лексика животноводства в цэнгэльском диалекте тувинского языка: в сравнительно-сопоставительном аспекте: автореф. дисс. ... канд. филол. н. Новосибирск, 2009.

⁶ Бавуу-Сюрюн М. В. История формирования диалектов и говоров тувинского языка: дисс. ... д-ра филол. н. Новосибирск, 2018. С. 63–64.

⁷ Цэцэгдарь У. Особенности тувинской речи жителей Кобдо: автореф. дисс. ... канд. филол. н. М., 2013.

⁸ Бавуу-Сюрюн М. В. История формирования диалектов и говоров тувинского языка: ...

также преподаванию тувинского языка детям цэнгэльских тувинцев посвящены статьи М. В. Монгуш и Б. Баярсайхан (Монгуш, Баярсайхан, 2019), Л. С. Кара-оол (Кара-оол, 2012), Х. Гансукх и У. Туяа (Гансукх, Туяа, 2016), а также М. В. Бавуу-Сюрюн и Л. М. Ондар (Бавуу-Сюрюн, Ондар, 2012).

Таким образом, в рамках социолингвистики язык цэнгэльских тувинцев до настоящего времени не был исследован.

Образование в сумоне Цэнгэл

Для взрослого населения сумона характерен естественный полилингвизм — тувинско-монгольско-казахский.

Родной тувинский язык для тувинцев Монголии служит в основном лишь языком общения в семье. Дети этнических тувинцев (преимущественно чабанов) приходят в первый класс, как правило, монолингвами, т. е. они владеют только своим родным (тувинским) языком в диалектной форме.

До создания начальной тувинской школы тувинские дети учились в классах с монгольским языком обучения. Обучение на тувинском языке детей тувинцев в сумоне началось в 1991 г. по инициативе коренных жителей сумона Цэнгэл. Тогда была открыта начальная тувинская школа¹. Обучение велось по учебникам и программам, разработанным для обучения детей Республики Тыва. Это стало вызывать трудности для цэнгэльских тувинских детей, так как между литературным тувинским языком и цэнгэльским говором существуют значительные расхождения во всех ярусах языка².

В 2011 г. в Монгольском институте образования был создан сектор изучения казахского и тувинского языков. Сотрудниками сектора в 2012 г. была начата работа по созданию и изданию учебников тувинского языка с учетом диалектных особенностей для Цэнгэльской начальной школы Баян-Улэгэйского аймака Монголии. Теоретической базой учебников послужили исследования Х. Гансукх², Б. Баярсайхана³, У. Цэцэгдарь⁴. С 2014 г. началось полноценное обучение на тувинском языке в начальной школе сумона Цэнгэл⁵.

В настоящее время созданы оригинальные учебники и программы не только по тувинскому языку, но и учебники с 1-го по 4-й класс по другим дисциплинам (математика, окружающий мир, рисование технология и др.). Учебные материалы разработаны на цэнгэльском говоре тувинского языка, значительно отличающегося от литературного тувинского, учебная продукция издается на средства ЮНЕСКО.

Сегодня в сумоне функционируют три школы — общеобразовательная средняя школа № 2 с тувинским языком обучения (9 классов), полная средняя и духовная с монгольским и казахским языками обучения. В 2020 г. по рекомендации Института образования Монголии тувинская начальная школа была преобразована в 9-летнюю общеобразовательную среднюю школу обучения⁶. В целом государственная поддержка монгольского правительства языка тувинцев Цэнгэла в образовательной сфере в настоящее время способствует его сохранению.

Социально-демографический портрет респондентов

В 2018 г. мы проводили социолингвистический опрос среди коренных жителей сумона Цэнгэл, этнических тувинцев, с целью исследования современного положения тувинского языка. По намеченному плану провели опросы среди жителей разных возрастов, разных специальностей, разных

¹ Тува бага сургуулийн тайлан [Отчет тувинской начальной школы] / Рукопись, архив Тувинской начальной школы сумона Цэнгэл, 2019. С. 14.

² Бавуу-Сюрюн М. В. История формирования диалектов и говоров тувинского языка: дисс. ... д-ра филол. н. Новосибирск, 2018. С. 302-304.

Гансукх Х. Особенности речи жителей Цэнгэла: автореф. дис. ... канд. филол. н. Новосибирск, 2009. 20 с.

³ Баярсайхан Б. Лексика животноводства в цэнгэльском диалекте тувинского языка: в сравнительно-сопоставительном аспекте: автореф. дисс. ... канд. филол. н. Новосибирск, 2009.

⁴ Цэцэгдарь У. Особенности тувинской речи жителей Кобдо: автореф. дисс. ... канд. филол. н. М., 2013.

⁵ Тува бага сургуулийн тайлан [Отчет тувинской начальной школы] С. 5.

⁶ Баян-Өлгий аймгийн засаг даргын 2020 оны 10 сарын 16 өдрийн № А/816 тогтоол (Постановление губернатора аймака № А/816 от 16 окт. 2020 г.) [Электронный ресурс] // bayan-olgi.gov.mn. URL: <https://bayan-olgi.gov.mn/category/laws/zahiramj/page/82/> (дата обращения: 18.07.2020).

родственных родов. Опросник был составлен на тувинском языке. В итоге было собрано 180 анкет респондентов, что составляет 6% тувинского населения.

Результаты исследования показывают нам следующую картину.

Разграничение по возрастам в вопросах распределялось с опорой на 12-летний цикл по восточному календарю, так как цэнгэльский тувинцы в основном называли свой год родения не числами, а названиями годов, например: «Год Крысы», «Год Коровы» и т. д. А год, выраженный в числах, указывался ими как дополнение к ответу.

Ответы распределились следующим образом:

- а) родившиеся в промежутке 2007–1995 гг. — 71 человек;
- б) родившиеся в промежутке 1994–1982 гг. — 58 человек;
- в) родившиеся в промежутке 1981–1979 гг. — 34 человек;
- г) родившиеся в промежутке 1968–1946 гг. — 17 человек.

Большинство респондентов являются представителями молодого поколения от 11 до 23 лет.

Среди респондентов оказалось больше всего людей, окончивших среднюю школу — 65 чел., людей со средним специальным образованием — 45 чел., с неполным общим образованием — 32 чел., с высшим образованием — 32 чел., не имеющих образования — 4 чел.

Среди опрошенных тувинский язык считают родным 94% (169 чел.), 6% (11 чел.) признают родным монгольский язык. Это говорит о том, что тувинцы сумона Цэнгэл признают свой язык и стараются сохранить, передать родной язык следующим поколениям.

Вопрос об имени показал, что 70 человек имеет только монгольские имена, 12 человек имеют только тувинские имена в паспорте, 98 опрошенных имеют и монгольское, и тувинское имена.

По сведениям пожилых информантов сумона Цэнгэл, до 1930 г. все жители имели тувинские имена. Большое распространение получили мужские имена *Көк-оол*, *Сарыг-оол*, *Кара-оол*, женские — *Кара-кыс*, *Сарыг-уруг*, *Көк-кыс*. В 1930 г. Монгольская Народная Революционная Партия постановила: все граждане Монголии должны иметь монгольские имена. Так началось присваивание монгольских имен. Редкими были случаи, когда вместо тувинского имени давали казахские. С 1990 г. в связи с демократическими преобразованиями цэнгэльский тувинцы начали возрождать традицию имянаречения тувинскими именами. Однако в ответах больше отмечены смешанные имена. Также есть сведения, что тувинцы Цэнгэла помимо монгольских имен, зафиксированных в паспортах, в повседневной жизни используют собственные имена исконно тувинского происхождения (Сувандии, Цэцэгдарь, 2020: 159).

Нас также интересовал вопрос, к какому тувинскому роду относят себя наши респонденты, какова их родовая идентичность. Респонденты называли следующие родовые названия: *иргит* — 32 чел., *хөйүк* — 26 чел., *делег* — 25 чел., *ак-соян* — 18 чел., *сарыглар* — 14 чел., *кара соян* — 10 чел., *мончак* — 9 чел., *агбаан* — 8 чел., *чаг-тыва* — 8 чел., *хаа-дарган* — 8 чел., *кара-сал* — 7 чел., *бургуут* — 6 чел., *тоскириш* — 5 чел., *оолет* — 3 чел., *оюн* — 1 чел.

В 1925 г. Правительственное постановление Монгольской Народной Республики обязало вместо рода указывать имя отца (цэнг. *сөөк*). В 1997 г. для возрождения самобытности, истории и культуры Монголии было подписано Постановление Правительства Монголии № 17 от 08 января 1997 г., согласно которому в официальных документах, подтверждающих личность гражданина Монголии и циркулирующих внутри Монголии, вводится графа, свидетельствующая об исторической принадлежности к конкретному роду, например, *иргит*, *сарыглар* (введенным названиям родов у тувинцев Республики Тыва в Российской Федерации соответствует фамилии)¹.

В результате таких изменений некоторые люди указывали общее название рода, хотя внутри имеется деление на подроды. Например, род *иргит* имеет следующие деления: *чооду-иргит*, *шунгуур-*

¹ Постановление Правительства Монголии «О присвоении родословной фамилий граждан Монголии» № 17 от 08 января 1997 года [Электронный ресурс] // Legalinfo.mn. URL: <https://legalinfo.mn/mn/detail/4492> (дата обращения: 15.07.2022); Постановление Правительства Монголии «О порядке обновления ведения родословной записи» № 257 от 03 октября 2007 года [Электронный ресурс] // Legalinfo.mn. URL: <https://legalinfo.mn/mn/detail/2635/2/202265> (дата обращения: 03.07.2022).

иргит, калчан-иргит, ак-иргит, адай-иргит, моол-иргит. При этом все они относятся к большой группе *тос-иргит.*

Таким образом, в нашем опросе в основном участвовала молодежь до 26 лет, по уровню образования имеющая в основном среднее общее образование. То есть общие положения и выводы по этому исследованию основаны на ответах молодого и подрастающего поколения. Большинство опрошенных признают своим родным языком тувинский язык. Также в официальных документах стараются отражать свою идентичность, указывая в паспорте наряду с монгольскими именами тувинские имена, а также принадлежность к роду.

Языковая ситуация

Наиболее актуальным для данного социолингвистического опроса является изучения степени витальности тувинского языка, специфики его развития среди цэнгэльских тувинцев. В результате опроса выявлено: в совершенстве знают тувинский язык — 141 чел.; б) на среднем уровне — 39 чел. Совершенно не владеющих родным языком или не говорящих на нем не выявлено. Таким образом, в тувинском сообществе сумона Цэнгэл родной язык сохраняется на достаточно высоком уровне.

На вопрос: «На каком уровне вы владеете навыками чтения на тувинском языке?» большинство отвечавших (105 чел.) выбрали вариант «средне». Хорошо читают на тувинском языке в основном школьники — 48 опрошенных. Остальные 27 человека ответили, что не умеют читать. Когда мы стали анализировать ситуацию, оказалось, что эти респонденты не посещали школу, в школе не учились. В основном это были люди преклонного возраста.

Помимо прочего, мы задавали респондентам вопрос: «Как научились читать по-тувински?» Часть респондентов отвечает следующим образом: «Если даже нас специально тувинскому языку не учили, в виду того, что это наш родной язык, стараемся читать и понять содержание прочитанного и это наша цель». Кроме того, они отмечают, что кроме учебников тувинского языка, у них почти нет книг на их родном (цэнгэльском), чтобы можно было почитать. Вместе с тем в этом сообществе происходит рождение культурного феномена «литература Цэнгэла». Языковые особенности цэнгэльского говора фиксируются в изданиях проекта «Цэнгэльские тувинцы: фольклор и литература» в письменной форме, что создает благоприятные условия для сохранения и развития языка зарубежных тувинцев (Цэнгэльские тувинцы: ..., 2020: 131).

Вопрос «На каком уровне вы владеете навыками письма на тувинском языке?» выявил следующее соотношение респондентов: хорошо владею письмом на тувинском языке — 29 чел., средне — 99 чел., не знаю — 52 чел. Такая картина объясняется тем, что большинство респондентов — молодежь, которая не училась в школе по программе обучения тувинскому языку и правилам правописания тувинского языка, а также цэнгэльцы пожилого возраста, которые также обучались только монгольскому и казахскому чтению и письму. Их выбор останавливается на втором варианте ответа.

Большинство респондентов (90 чел.) самостоятельно научились читать и писать по-тувински. Специально их никто не учил, они сами читали средства массовой информации — газеты и журналы на тувинском языке. 84 чел. грамоте научились в школе, 6 человек — в кружках.

Уровень знания и владения выше среднего: в совершенстве им владеют 141 чел. из 180. Уровни навыков чтения и письма на тувинском языке респонденты характеризуют как средние. Это обусловлено тем, что чтению и письму они обучались на монгольском и казахском языках. Несмотря на это, половина отвечавших признаются, что самостоятельно научились читать и писать на тувинском языке, что характеризует высокий уровень их заинтересованности во владении и сохранении своего родного языка.

С целью выявления различных функций и сфер употребления тувинского языка был составлен вопрос, о том, где люди говорят на родном языке. Большинство опрошенных сказали, что тувинский язык является языком внутрисемейного общения — 97 чел., 54 чел. используют его везде, для 29 человек тувинский язык является языком коммуникации в различных местах в соответствии с ситуацией.

Таким образом, тувинский язык в сумоне Цэнгэл больше используется во внутрисемейном общении. В виду того, что по численности здесь преобладают казахи, тувинцы используют свой язык в общении между собой и в одинаковой мере свободно общаются с монголами и казахами на их языках, в то время как те ограничены в межнациональном общении только монгольским.

Выявлялась ситуация с передачей родного языка следующим поколениям. Мы спрашивали респондентов об их желании учить детей читать и писать на тувинском языке. Большая часть опрошенных выразила огромное желание научить своих детей читать и писать на родном языке — 178 чел. И всего 2 чел. не выразили желания учить своих детей тувинскому языку.

На вопрос «Где вы учите своих детей тувинскому языку?» мы получили следующую картину: в семье — 86 чел., в школе — 54 чел., специально не учим, сами научились — 40 чел.

Заинтересованность тувинских жителей Цэнгэла в передаче родного языка своим детям очень высокая. Большинство респондентов ответили, что своим детям они с детских лет начинают прививать язык и культуру своего народа. Они считают, что ребенок сначала должен научиться родному языку, потом другим языкам: монгольскому и казахскому, в этом они видят преемственность сохранения традиций и обрядов своего этноса.

Особенности полилингвизма у тувинских жителей Цэнгэла

Нас интересовал вопрос о том, какими языками, кроме тувинского языка, владеют наши респонденты, предлагая указать не только монгольский и казахский, но другие языки международного общения (русский, английский, немецкий, французский и пр.). Результаты показали, что 176 человек из 180 владеют монгольским, казахским языками; алтайским языком — 4 чел., русским языком — 7 чел., английским — 4 чел., немецким — 2 чел. Оказалось, что 4 респондента, кроме тувинского языка, не знают других языков.

На вопрос «На каком языке вам удобно разговаривать в обыденной жизни?» снова 176 чел. из 180 опрошенных ответили, что им комфортнее разговаривать на тувинском языке. Остальные 4 человека ответили, что им удобнее и лучше разговаривать на монгольском. Очевидно, что тувинский язык среди цэнгэльцев считается основным языком общения.

Вопрос о наблюдениях наших респондентов «Замечаете ли вы, когда ваши земляки смешивают в своей речи слова из разных языков? Какие языки смешиваются?» Тувинцы сумона Цэнгэл сами замечают, что в разговорной речи смешивают слова родного языка и иноязычные слова (98% респондентов (174 чел.) сообщили, что, разговаривая на тувинском языке, их земляки используют монгольские и казахские слова. 6 чел. поделились, что, разговаривая на казахском языке, их окружение использует монгольские и тувинские слова). Большую роль играет государственный язык страны — монгольский. Ввиду свободного владения монгольским языком в области образования, хозяйственной деятельности, в делопроизводстве, а также ввиду дисперсного проживания тувинцев в монголыязычной среде происходит процесс монголизации. Так как в сумоне Цэнгэл живут в большей степени тувинцы и казахи, нужно сказать, что сохранению тувинского языка в этом сообществе определенную роль играет казахский язык. Казахский язык, как и тувинский, являясь тюркским языком, в какой-то мере «поддерживает» его, и говорить о потере тувинского языка в настоящее время не приходится. Таким образом, в разговорной речи тувинцев в можно наблюдать процессы интерференции или интерферентные явления. Это можно проследить в их речи, где наблюдаются иноязычные вкрапления.

Примеры предложений с казахскими словами, словоформами:

ц.т. Мен **казир** садыг баргаиш келийн — лит. Мен **ам** садыг баргаиш келийн 'Я сейчас схожу в магазин' (каз. казир, ср. тув. ам 'сейчас');

ц.т. Ол аалга кады бараакай — лит. Ол аалга кады бараалы 'Давай ходим в тот аал вместе' (каз. бараакай ср. тув. бараалы 'давай пойдём');

ц.т. Бир ханар ыяш садып алдым — лит. Бир шоодай ыяш садып алдым 'Я купил мешок дров' (каз. ханар ср. тув. шоодай 'мешок');

ц.т. Ол ашкыяктың чан-басы шимчевестей берип-тир. — лит. Ол ашактың үттүг-чарны шимчевестей берип-тир. 'У того старика заклинило в тазобедренном суставе (букв. подвздошная кость перестала двигаться)' (каз. чан-бас ср. тув. үттүг-чарын 'подвздошная кость').

Примеры предложений с монгольскими словами:

ц.т. Узун чаштыг, удаан чыргалдыг болсун! — лит. Узун назынныг, үрде чыргалдыг болсун! 'Пусть будет коса (у нее длинная), а блаженство бесконечное!' (монг. удаан 'долго, бесконечно');

ц.т. *Келир шагыңны эки тооцаалаар сен* — лит. *Келир шагыңны эки санаар сен* ‘Хорошенько писчитай время своего прибытия’ (монг. *тооцоолох* ср. тув. *санаар* ‘считать’);

ц.т. *Шылгалда дужаарга сокусузу база нөлээлээр* — лит. *Шылгалда дужаарга, мага-бодунга база салдар чедирер*. ‘Когда сдаешь экзамены, это также оказывает воздействие на организм (букв. тело)’ (монг. *цогц* > *соксу* ‘материя, плоть, тело’; монг. *нөлээлөхр* > *нөлөөлээр* ‘влиять, воздействовать’).

Заметим, что в то время, как в тувинском литературном языке употребляются русские заимствования, в речи цэнгэльских тувинцев используются монголизмы: *социал ажылдакчы* = *нийгэм ажылдакчы* ‘социальный работник’, *класс* = *анги*, *талантылыг* = *авыастыг*. Например:

ц.т. *Бо шагның аныяктары уламчыладдыг союулун уттуп турар апарган.* — лит. *Амгы шагның аныяктары чаңчылчаан культуразын уттуп турар апарган.* ‘Современная молодежь начинает забывать традиционную культуру’ (монг. *соёл* > *союл* ‘культура’).

Выяснение вопроса об употреблении самими респондентами иноязычных слов показало: 97% респондентов (172 чел.) ответили, что действительно в их речи происходит смешение языков, они сами замечают иноязычные слова в использовании; остальные (8 чел.) не смогли ответить на этот вопрос.

Таким образом, большинство респондентов являются полилингвами, владеющими, кроме родного тувинского языка, монгольским и казахским. Кроме того, они признают, что в своей тувинской речи часто употребляют монгольские, казахские слова.

Заключение

Исследование языковой ситуации в языковой общности тувинцев сумона Цэнгэл Монголии выявило следующие тенденции развития.

Большинство респондентов свободно владеют тувинским языком. Плохо владеющих тувинским языком или вообще не говорящих на родном языке не обнаружено и большинство из них признают его родным языком. Тувинский язык в этом сообществе выступает средством внутрисемейного общения. Более половины респондентов владеют навыками чтения и письма на тувинском языке на среднем уровне, поскольку они научились читать и писать по-тувински самостоятельно. На вопрос о межпоколенческой передаче родного языка почти все респонденты ответили утвердительно, что демонстрирует признания ими своего языка как этнической ценности и этноиндентифицирующего фактора. Эти же положения подтверждаются утверждениями респондентов о том, что тувинский язык является наиболее удобным языком общения для них. Вместе с тем большинство указывает на то, что они сами и их соотечественники в своей речи смешивают слова родного языка и иноязычные слова.

Анализ ситуации с употреблением имен выявил интересную картину: так как в Монголии в паспортах фиксируются два компонента, у большинства опрошенных в паспорте один из компонентов в имени является монгольским, а другой тувинским. Это явление стало распространено с 1990-х гг. Цэнгэльские тувинцы показали хорошее знание своих этноиндентифицирующих истоков — все опрошенные без исключения знают свой род, называют его. Одновременно с этим выявилось, что большинство респондентов нашего исследования являются представителями рода *иргит*, также немало людей из родов *хэйүк* и *делег*. А представителем рода *оюн* назвался только один человек (в то время как в Туве их очень много).

Таким образом, на родной тувинский язык общности тувинцев сумона Цэнгэл Монголии оказывает сильное монгольское влияние из-за особенностей расселения и исторического развития. Однако тувинцы Цэнгэла продолжают сохранять свой родной язык. Этому способствует изучение тувинского языка в системе школьного образования. Являясь языком этнического меньшинства, тувинский язык в Монголии имеет государственную поддержку, и тувинский этнос имеет право его развивать, изучать и передавать следующим поколениям, что закреплено в конституции Монголии. Поэтому тувинский язык в сумоне Цэнгэл является не только языком изучения, но и языком обучения, на котором дети изучают другие школьные предметы.

Благодарности

Авторы выражают благодарность д. ф. н., профессору Тувинского государственного университета М. В. Бавуу-Сюрюн за оказанную всестороннюю помощь при написании статьи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Айыжы, Е. В. (2007) Тувинцы Кобдоского аймака Монголии: этничность и культура. Кызыл : КЦО «Аньяк». 84 с.
- Аранчын, Ю. Л. (1975) Новые этнографические и филологические материалы из Северо-Западной Монголии // Ученые записки / Тувинский НИИЯЛИ. Вып. XVII. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 280 с. С. 212–218.
- Бавуу-Сюрюн, М. В., Ондар Л. М. (2012) Проблема адаптации детей тувинских скотоводов к школьному обучению в условиях сумона Цэнгэл Баян-Улэгэйского аймака Монголии // Вестник Тувинского госуниверситета. № 1. С. 62–64.
- Баярсайхан, Б. (2020) Краткие исторические сведения о цэнгэльских тувинцах // Цэнгэльские тувинцы. Фольклор и литература / сост. У. А. Донгак. Новосибирск : Наука. 152 с. С. 12–23.
- Гансук, Х., Туяа, У. (2016) Изучение тувинского языка в Монголии // Вестник Тувинского госуниверситета. № 2. С. 121–124.
- Грайворонский, В. В. (1997) Современное аратство Монголии. Социальные проблемы переходного периода 1980–1995. М. : Восточная литература. 184 с.
- Донгак, А. С. (2011) Образцы и символы тэнгрианства в обрядовой поэзии цэнгэльских тувинцев // Материалы III Междунар. науч.-практ. конф. «Тэнгрианство и эпическое наследие народов Евразии: истоки и современность» / отв. ред. К. А. Бичелдей. Абакан : Хакасское книжное издательство. 142 с. С. 63–67.
- Донгак, А. С. (2020) Основные жанры и особенности обрядовой поэзии цэнгэльских тувинцев // Цэнгэльские тувинцы. Фольклор и литература / сост. У. А. Донгак. Новосибирск : Наука. 152 с. С. 42–60.
- Донгак, У. А. (2010) Жанровые разновидности песен цэнгэльских тувинцев (Север о-Западная Монголия) // Протяжные песни монгольских народов: сб. науч. ст. / отв. ред. Б. В. Базаров. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН. 158 с. С. 122–131.
- Донгак, У. А. (2020) Жанровые разновидности песен цэнгэльских тувинцев // Цэнгэльские тувинцы : фольклор и литература: сб. науч. ст. / науч. ред.: Г. Золбаяр, Б. Бярсайхан; отв. за вып. У. А. Донгак. Новосибирск : Наука. 152 с. С. 61–69.
- Кара-оол, Л. С. (2012) Начальная тувинская школа Цэнгэля // Новые исследования Тувы. № 4. С. 148–152.
- Маннай-оол, М. Х. (1995) Тувинцы Монголии: традиции и современность // Ученые записки. Серия историческая. Вып. XVIII. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 200 с. С. 56–62.
- Мижит, Э. Б. (2020) Древняя космология в мифах цэнгэльских тувинцев // Цэнгэльские тувинцы. Фольклор и литература / сост. У. А. Донгак. Новосибирск : Наука. 152 с. С. 83–94.
- Монгуш, Д. А. (1983) О языке тувинцев Северо-Западной Монголии // Вопросы тувинской филологии / отв. ред. Д. А. Монгуш. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 160 с. С. 127–145.
- Монгуш, М. В. (2002) Тувинцы Монголии и Китая. Этнографические группы (История и современность). Новосибирск : Наука. 128 с.
- Монгуш, М. В., Баярсайхан, Б. (2019) Казахи и тувинцы Монголии: этнографический очерк // Азия и Африка сегодня. № 3. С. 59–64. DOI: <https://www.doi.org/10.31857/S032150750004073-2>
- Очир, А. (1993) Монголын ойрадуудын түүхийн товч [История ойратов Монголии] / отв. ред. Ч. Далай. Улан-Батор : Издательство Улаанбаатар. 96 с. (На монг. яз.)
- Самдан, З. Б. (2020) Трансформация сказочных жанров в фольклоре цэнгэльских тувинцев в условиях современного бытования // Цэнгэльские тувинцы. Фольклор и литература / сост. У. А. Донгак. Новосибирск : Наука. 152 с. С. 70–82.
- Салчак, В. С. (2020) Загадки, пословицы и поговорки цэнгэльских тувинцев // Цэнгэльские тувинцы. Фольклор и литература / сост. У. А. Донгак. Новосибирск : Наука. 152 с. С. 95–120.
- Сат, Ш. Ч. (1987) Тыва диалектология [Тувинская диалектология]. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 104 с. (На тув. яз.)
- Сувандии, Н. Д., Цэцэгдарь, У. (2020) Собственные имена у этнических тувинцев Монголии // Новые исследования Тувы. № 4. С. 156–168. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.4.11>
- Таубе, Э. (1975) Изучение фольклора тувинцев Монгольской Народной Республики // Советская этнография. № 5. С. 67–70.
- Таубе, Э. (1994) Сказки и предания алтайских тувинцев. М. : Восточная литература. 410 с.

Цэнгэлские тувинцы. Фольклор и литература (2020) / сост. У. А. Донгак. Новосибирск : Наука. 152 с.

Цэцэгдарь, У. (2003) Образцы фольклора и речи кобдоских тувинцев. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 192 с.

Дата поступления: 04.04.2022 г.

REFERENCES

Aiyzhy, E. V. (2007) *Tuvintsy Kobdoskogo aimaka Mongolii: etnichnost' i kul'tura [Tuvans of Kobdo aimag of Mongolia: Ethnicity and culture]*. Kyzyl, Aniyak. 84 p. (In Russ.).

Aranchyn, Yu. L. (1975) *Novye etnograficheskie i filologicheskie materialy iz Severo-Zapadnoi Mongolii [New ethnographic and philological materials from northwestern Mongolia]*. In: *Uchenye zapiski [Scientific notes]* / Tuvan Research Institute of Language, Literature and History. Issue XVII. Kyzyl, Tuvan Book Publishing House. 280 p. Pp. 212-218. (In Russ.).

Bavuu-Surun, M. V. and Ondar L. M. (2012) *Problema adaptatsii detei tuvinskikh skotovodov k shkol'nomu obucheniiu v usloviakh sumona Tsengel Baian-Ulegeiskogo aimaka Mongolii [Issue of Tuvan cattle breeders' children adaptation to school education in conditions of Tsengel sum of Bayan- Ölgii province of Mongolia]*. *Vestnik Tuvinskogo gosuniversiteta*, no. 1 (12), pp. 62–64. (In Russ.).

Bayarsaykhan, B. (2020) *Kratkie istoricheskie svedeniia o tsengel'skikh tuvintsakh [Brief historical information about the Tsengel Tuvans]*. In: *Tsengel'skie tuvintsy: fol'klor i literatura [Tsengel Tuvans: Folklore and literature]* / comp. by U. A. Dongak. Novosibirsk, Nauka. 152 p. Pp. 12–23. (In Russ.).

Gansukh, Kh. and Tuiaa, U. (2016) *Izuchenie tuvinskogo iazyka v Mongolii [Learning the Tuvan language in Mongolia]*. *Vestnik Tuvinskogo gosuniversiteta, Pedagogicheskie nauki*, no. 4 (31), pp. 121–124. (In Russ.).

Graivoronskii, V. V. (1997) *Sovremennoe aratstvo Mongolii. Sotsial'nye problemy perekhodnogo perioda 1980–1995 [Modern arts of Mongolia. Social problems in the transition period of 1980–1995]*. Moscow, Vostochnaia literatura. 184 p. (In Russ.).

Dongak, A. S. (2011) *Obraztsy i simvoly tengrianstva v obriadovoi poezii tsengel'skikh tuvintsev [Samples and symbols of Tengrianism in the ritual poetry of the Tsengel Tuvans]*. In: *Tengrianstvo i epicheskoe nasledie narodov Evrazii: istoki i sovremennost' [Tengrianism and the epic heritage of the peoples of Eurasia: Origins and modernity]* : Proceedings of the 3rd International science-to-practice conference / ed. by K. A. Bicheldei. Abakan, Khakass Book Publishing House. 142 p. Pp. 63–67. (In Russ.).

Dongak, A. S. (2020) *Osnovnye zhanry i osobennosti obriadovoi poezii tsengel'skikh tuvintsev [The main genres and features of the ritual poetry of the Tsengel Tuvans]*. In: *Tsengel'skie tuvintsy: fol'klor i literatura [Tsengel Tuvans: Folklore and literature]* / comp. by U. A. Dongak. Novosibirsk, Nauka. 152 p. Pp. 42–60. (In Russ.).

Dongak, U. A. (2010) *Zhanrovye raznovidnosti pesen tsengel'skikh tuvintsev (Severo-Zapadnaia Mongoliia) [Genre varieties of songs of the Tsengel Tuvans (northwestern Mongolia)]*. In: *Protiazhnye pesni mongol'skikh narodov [Drawing songs of the Mongolian peoples]* : A collection of research articles / ed. by B. V. Bazarov. Ulan-Ude, Publishing House of the Buryat Scientific Center of the SB RAS. 158 p. Pp. 122–131. (In Russ.).

Dongak, U. A. (2020) *Zhanrovye raznovidnosti pesen tsengel'skikh tuvintsev [Genre varieties of songs of the Tsengel Tuvans]*. In: *Tsengel'skie tuvintsy: fol'klor i literatura [Tsengel Tuvans: Folklore and literature]* / comp. by U. A. Dongak. Novosibirsk, Nauka. 152 p. Pp. 61–69. (In Russ.).

Kara-ool, L. S. (2012) *Nachal'naia tuvinskaia shkola Tsengelii [Tsengel Tuvan elementary school]*. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 148–152. (In Russ.).

Mannai-ool, M. Kh. (1995) *Tuvintsy Mongolii: traditsii i sovremennost' [Tuvans of Mongolia: Traditions and modernity]*. In: *Uchenye zapiski Tuvinskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta iazyka, literatury i istorii [Scientific notes of the Tuvan Research Institute of Language, Literature and History]*. Series: Historical. Vol. XVIII / ed. by Ch. M. Dorzhu. Kyzyl, Tuvan Book Publishing House. 200 p. Pp. 56–62. (In Russ.).

Mizhit, E. B. (2020) *Drevniaia kosmologiya v mifakh tsengel'skikh tuvintsev [Ancient cosmology in the myths of the Tsengel Tuvans]*. In: *Tsengel'skie tuvintsy: fol'klor i literatura [Tsengel Tuvans: Folklore and literature]* / comp. by U. A. Dongak. Novosibirsk, Nauka. 152 p. Pp. 83–94. (In Russ.).

Mongush, D. A. (1983) *O iazyke tuvintsev Severo-Zapadnoi Mongolii [About the language of the Tuvans of northwestern Mongolia]*. In: *Voprosy tuvinskoi filologii [Issues of Tuvan philology]* / ed. by D. A. Mongush. Kyzyl, Tuvan Book Publishing House. 160 p. Pp. 127–145. (In Russ.).

Mongush, M. V. (2002) *Tuvintsy Mongolii i Kitaia. Etnodispersnye gruppy (Istoriia i sovremennost')* [Tuvans of Mongolia and China. Ethnographic groups (History and modernity)]. Novosibirsk, Nauka. 128 p. (In Russ.).

Mongush, M. V., Bayarsaykhan, B. (2019) Kazakhi i tuvintsy Mongolii: etnograficheskii ocherk [Mongolia's Kazakhs and Tuvans: Ethnographic sketch]. *Asia and Africa Today*, no. 3, pp. 59–64. DOI: <https://doi.org/10.31857/S032150750004073-2>

Ochir, A. (1993) *Mongolyn oiraduudyn tüükhiiin товч* [History of the Oirats of Mongolia] / ed. by Ch. Dalai. Ulan-Bator, Ulaanbaatar. 96 p. (In Mong.).

Samdan, Z. B. (2020) Transformatsiia skazochnykh zhanrov v fol'klоре tsengel'skikh tuvintsev v usloviakh sovremennogo bytovaniia [Transformation of fairy tale genres in the folklore of the Tsengel Tuvans in the conditions of modern existence]. In: *Tsengel'skie tuvintsy: fol'klор i literatura* [Tsengel Tuvans: Folklore and literature] / comp. by U. A. Dongak. Novosibirsk, Nauka. 152 p. Pp. 70–82. (In Russ.).

Salchak, V. S. (2020) Zagadki, poslovitsy i pogovorki tsengel'skikh tuvintsev [Riddles, proverbs and sayings of Tsengel Tuvans]. In: *Tsengel'skie tuvintsy: fol'klор i literatura* [Tsengel Tuvans: Folklore and literature] / comp. by U. A. Dongak. Novosibirsk, Nauka. 152 p. Pp. 95–120. (In Russ.).

Sat, Sh. Ch. (1987) *Tyva dialektologii* [Tuvan dialectology] : A textbook. Kyzyl, Tuvan Book Publishing House. 99, [2] p. (In Tuv.).

Suvandii, N. D., Tsetsegdar', U. (2020) Sobstvennye imena u etnicheskikh tuvintsev Mongolii [Personal names of ethnic Tuvans in Mongolia]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 156–168. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.4.11>

Taube, E. (1975) Izuchenie fol'klора tuvintsev Mongol'skoi Narodnoi Respubliki [Study of the folklore of the Tuvans of the Mongolian People's Republic]. *Sovetskaia etnografiia*, no. 5, pp. 67–70. (In Russ.).

Taube, E. (1994) *Skazki i predaniia altaiskikh tuvintsev* [Fairy tales and legends of the Altaian Tuvans]. Moscow, Vostochnaya literatura. 382 p. (In Russ.).

Tsengel'skie tuvintsy: fol'klор i literatura [Tsengel Tuvans: Folklore and literature] (2020) / comp. by U. A. Dongak. Novosibirsk, Nauka. 152 p.

Tsetsegdar', U. (2003) *Obraztsy fol'klора i rechi Kobdoskikh tuvintsev* [Samples of folklore and speech of the Kobdo Tuvans]. Kyzyl, Tuvan Book Publishing House. 191 p. (In Russ.).

Submission date: 04.04.2022.

Сущность и своеобразие языковой идентичности молодежи саха в современном социокультурном контексте

Нина И. Иванова

*Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера
Сибирского отделения Российской академии наук;
Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова, Российская Федерация*

В статье обсуждается характер языковой идентичности современной молодежи саха г. Якутска Республика Саха (Якутия), в том числе в динамике по материалам авторских исследований в ходе этносоциопсихолингвистического мониторинга 2007, 2014, 2021 гг.

Установлена устойчивость этноязыковой идентичности молодежи саха при агрессивном влиянии внешних факторов (объективном снижении языковой компетенции, снижении активных навыков и усилении пассивных). Коммуникативная стратегия отличается замещением языковой компетенции социолингвистической компетенцией и социолингвистической аккомодацией. Значимой социолингвистической характеристикой молодежи является наличие этноязыковых ресурсов для воспроизводства родного языка. Они находятся в весьма инертном состоянии вследствие трансформации ценностей подрастающего поколения, сокращения условий билингвизма под воздействием лингвополитических, социально-экономических факторов, негативного воздействия массовой цифровизации.

Ключевые слова: якутский язык; саха; молодежь саха; Республика Саха; родной язык; языковая самоидентификация; языковая компетенция; языковая установка; языковая политика

Статья подготовлена в рамках работы по проектам: «Якутский язык: систематизация единиц разного уровня для формального представления лингвистических данных» (2021–2023 гг.) в рамках выполнения Программы Сибирского отделения РАН «Разработка современных лингвистических теорий и их приложений для описания языковых систем и изучения активных процессов в языках мира» и «Сохранение языкового и культурного многообразия и устойчивое развитие Арктики и Субарктики Российской Федерации» (грант правительства РФ, соглашение №075-15-2021-616).

Для цитирования:

Иванова Н. И. Сущность и своеобразие языковой идентичности молодежи саха в современном социокультурном контексте // Новые исследования Тувы. 2022. № 4. С. 89–105. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.7>

Иванова Нина Иннокентьевна — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела якутского языка Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук; ведущий научный сотрудник международной научно-исследовательской лаборатории «Лингвистическая экология Арктики» Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова. Адрес: 677007, Россия, г. Якутск, ул. Петровского, д. 1; 677007, Россия, г. Якутск, ул. Кулаковского, 42; каб.142. Тел.: +7 (914) 110-67-61. Эл. адрес: haar-haar@mail.ru

IVANOVA, Nina Innokentievna, Doctor of Philology, Leading Researcher, Department of the Yakut language, The Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences; Leading Researcher, International Research Laboratory «Linguistic Ecology of the Arctic», North-Eastern Federal University named after M. K. Ammosova. Postal address: 1, Petrovsky Str., 677007, Yakutsk, Russian Federation; 42, Kulakovskiy Str., 677007, Yakutsk, Russian Federation. Tel.: +7 (914) 110-67-61. E-mail: haar-haar@mail.ru

ORCID ID: 0000-0003-3064-0175

Article

The essence and peculiarity of the linguistic identity of the Sakha youth in contemporary sociocultural context

Nina I. Ivanova

*Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences;
Amnosov North-Eastern Federal University, Russian Federation*

The article discusses the nature of the linguistic identity of contemporary Sakha youth living in Yakutsk, the Republic of Sakha (Yakutia), including the aspect of its dynamics. It is based on the research data obtained during ethnic, social, psychological and linguistic monitoring that was conducted in 2007, 2014 and 2021.

The consistency of the ethnolinguistic identity of the Sakha youth under the acute influence of external factors (an objective decrease in language competence, deterioration of active skills and improvement of passive ones) has been determined. The communicative strategy is characterized by the substitution of linguistic competence with sociolinguistic competence and accommodation. A significant sociolinguistic characteristic of the youth is the availability of ethnolinguistic resources for the reproduction of their native language. They are in a very inert state due to the transformation of the oncoming generation's values, the degradation of the conditions of bilingualism under the influence of linguistic and political as well as socioeconomic factors, the negative impact of mass digitalization.

Keywords: Yakut language; Sakha; Sakha youth; Republic of Sakha; native language; linguistic self-identification; linguistic competence; language mindset; language policy

Financing

The article was prepared as part of the following projects: "The Yakut Language: Systematization of Units of Different Levels for the Formal Presentation of Linguistic Data" (2021–2023; within the framework of the Program of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences "Development of Modern Linguistic Theories and Their Applications for the Description of Language Systems and the Study of Active Processes in the World's Languages") and "Preservation of Linguistic and Cultural Diversity and Sustainable Development of the Arctic and Subarctic of the Russian Federation" (grant of the Government of the Russian Federation, agreement No. 075-15-2021-616).

For citation:

Ivanova N. I. Sushchnost' i svoeobrazie iazykovoi identichnosti molodezhi sakha v sovremennom sotsiokul'turnom kontekste [The essence and peculiarity of the linguistic identity of the Sakha youth in contemporary sociocultural context]. *New Research of Tuva*, 2022, no. 4, pp. 89-105 (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.7>

Введение

В наши дни проблема воспроизводства языков в регионах Российской Федерации, которая заключается в стремительном снижении владения родными (этническими) языками молодежью и детьми, в социолингвистическом аспекте недостаточно освещена. Однако во многих регионах имеется достаточно разработанная исследовательская база этносоциологов о типах социальных идентичностей, которую можно успешно использовать в качестве социокультурного контекста. Разработка комплекса всех объективных и субъективных факторов снижения этноязыковой идентичности в российских территориях по единой этносоциопсихолингвистической исследовательской модели с учетом их степени жизнеспособности даст импульс совершенствованию концепции языковой политики в РФ.

Известно, что в науке сложилось несколько подходов к пониманию роли этнического фактора. Их различие определяется методологическими позициями, интерпретирующими природу этнических

процессов. В целом сформировались три основных подхода: примордиализм, конструктивизм и инструментализм. Одним из основных их различительных признаков выступает осознание роли языка в структуре этничности. С точки зрения примордиалистов, истоки этничности коренятся в изначальных этнических (племенных, родственных) связях, которые сложились исторически, они воспринимают ее как объективную данность на протяжении всей истории человечества.

М. Н. Губогло, представителю примордиалистской позиции, принадлежит наиболее распространенное в научном дискурсе определение, что «языковая идентичность — это совокупность языковых характеристик индивида или группы, состоящая из языка или языков (языковая компетентность), употребления языков (речевое поведение), отношения к языкам (языковые установки)» (Губогло, 2003: 39). Принимая за основу дефиницию М. Н. Губогло, считаем необходимым фактором анализа учет социального контекста, влияние которого невозможно отрицать. Опираясь на представление о реальном существовании этноса как социальной общности, и тем не менее, принимая во внимание динамично меняющиеся современные реалии (глобализация, интернетизация, гаджетизация) не стремимся к абсолютизации объективных факторов в формировании общностей, поэтому допускаем социальную вариативность: 1) люди могут менять свои этнические и языковые идентичности в зависимости от ситуации; 2) наличие нескольких языков, участвующих в формировании идентичности, также есть явление объективной реальности.

В настоящей статье перед нами стоит *цель* обсудить в какой степени выбор родного языка, владение якутским языком, языковые установки и внешние социальные факторы детерминируют характер языковой идентичности молодежи саха.

Этносоциопсихолингвистический подход¹ к изучению этноязыковой ситуации, с точки зрения автора, предполагает рациональную двухуровневую модель анализа согласно «внутреннему» и «внешнему» содержанию языка:

— этносоциолингвистическое исследование этнического языка и этноса как социального явления, включенного в систему общественных отношений в определенный исторический период;

— психолингвистическое исследование взаимосвязи языка и этнической идентичности, одной из основных проблем психологического изучения социального сознания, поскольку язык рассматривается как один из важнейших факторов этнической идентичности.

Проблема идентичности относится к сфере общественного сознания, поэтому выбор исследования в пользу интегрированного метода был еще обусловлен возможностью оперировать субъективными признаками объекта — коммуникативными категориями, выявляемыми в установках, ориентациях, мнениях, мотивах дискурса — и в дальнейшем интерпретировать их в рамках социолингвистической модели этнической общности.

Социолингвистикой исследуются социальные установки, ценностные ориентации в сфере употребления языка (языков) в конкретных ситуациях дву- и многоязычия, в том числе и выбор вариантов одного из них. Установки, ценностные ориентации, мотивы, предпочтения, потребности влияют не только на восприятие языка, но и на речевое поведение личности, а тем самым и на языковую ситуацию в целом, поэтому в своей работе выделяем лишь емкие, значимые понятия, отражающие наиболее существенные, закономерные связи и отношения реальной действительности и познания, имеющие прямое отношение к феномену идентичности.

Сущность и своеобразие этноязыковой идентичности саха мы рассматриваем в единстве языковых категорий, выделяемых на основании общего свойства быть устойчивым этнодифференцирующим признаком. Выбор представленной парадигмы может диагностировать устойчивость/ неустойчивость данных признаков в современных условиях.

¹ Данный подход концептуализирован автором, прошел апробацию в виде защиты в 2021 г. докторской диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук «Языковая ситуация в Республике Саха (Якутия): якутский язык в условиях языковой неоднородности (этносоциопсихолингвистический аспект)» (09.09.2021, Казанский (Приволжский) федеральный университет) по специальности 10.02.19 — Теория языка. См.: Иванова Н. И. Языковая ситуация в Республике Саха (Якутия): якутский язык в условиях языковой неоднородности (этносоциопсихолингвистический аспект) : дисс. ... д-ра филол. н. Якутск, 2021. 375 с. [Электронный ресурс] // Казанский (Приволжский) Федеральный университет. URL: https://shelly.kpfu.ru/e-ksu/docs/DISSERTATION/F18736470/Ivanova_NI_DD_na_sajt_KFU.pdf (дата обращения: 01.05.2022).

Концептуально в качестве признаков языковой идентичности нами рассматриваются: языковая самоидентификация (родной/неродной), языковая компетенция, языковые установки в доминантных коммуникативных сферах (в сфере образования и массмедиа) (этнический/неэтнический), установки в формулировке современного риторического (коммуникативного) идеала носителем языка, языковые установки в национально-языковых отношениях (выявление мотивации в изучении якутского языка, языковые установки русских), тип языковой политики (демократическая/недемократическая, плюралистическая/неплюралистическая, конструктивная/деструктивная).

В пределах данной статьи рассмотрим атрибуты этноязыковой идентичности молодежи саха, основанные на их установках по отношению к этническому языку: языковую самоидентификацию (родной/неродной), языковую компетенцию, языковые установки в получении информации, изучении языков.

При этом нами используются данные репрезентативной выборки молодежи из опроса, проведенного в 2021 г. в г. Якутске. Так, выборка молодых саха представлена 240 опрошенными в возрасте от 16 до 25 лет (что составляет 40% от общей совокупности опрошенных), на период опроса постоянно проживавших в г. Якутске, в том числе 38% школьников старших классов, 40,4% студентов вузов, 9,6% студентов ссузов и 2,5% молодых людей после окончания 9 класса, устроившихся работать.

Для сопоставления приводятся данные этносоциопсихолингвистического мониторинга, проведенные автором в г. Якутске в 2007 г. (Иванова, 2013, 2015, 2017), в северо-западной (вилюйской) группе улусов республики — в 2021 г.

Этноязыковая самоидентификация молодежи саха г. Якутска

Этноопределяющие признаки по итогам социолингвистического исследования 2007 г. были представлены знанием родного языка, национальным самосознанием, соблюдением национальных традиций, при этом названные лидирующие признаки являются доминантами равномерно у всех возрастных групп независимо от степени урбанизированности, что подтверждает этническую целостность народа. Опрос в г. Якутске и северо-западной (вилюйской) группе улусов 2021 г. выявил некоторые изменения: при стабильности основных этноопределяющих признаков произошла их модификация.

Итоги мониторинга (2007, 2014, 2021 гг.) наряду с результатами последней всероссийской переписи населения (2010 г.) отражают рост показателей этноязыковой идентичности: установлена стабильность показателя прямой этноязыковой идентичности, сокращаются показатели признания родным неэтнического языка.

Концептуализация идентичности молодежи ставит задачу встроить объект исследования в более широкий пространственный и временной контекст. Поэтому обратимся к материалам исследований в других регионах РФ, в том числе касающихся молодежных этнических установок.

В социологическом исследовании (2012 г.) 87% татар назвали родным татарский язык, но 10% считают таковым русский язык (Низамова, 2012). Опрос татарстанской молодежи (1999–2000 гг.) показал: «что среди татар выросла доля тех, кто в качестве родного называет два языка: и русский, и татарский — 20,3% (только русский — 7,7%; только татарский — 71,8%). Наиболее свободно татарским языком владеют 20,5% опрошенных; в равной степени и татарским, и русским — 42,9%»¹.

В г. Владикавказе в 2018 г. 36,2 % осетин в качестве родного языка назвали русский язык².

В одной из последних работ по республике Марий Эл замечена распространенность среди молодежи двойной языковой идентичности — 46,7%. Марийский язык признают родным 40% респондентов, русский язык — 12% (Кудрявцева, Шабыков, 2019).

Новосибирские ученые Е. А. Мадюкова, Е. О. Персидская и Ю. В. Попков анализировали состояние общенациональной и этнической идентичностей, представленных в массовом сознании молодежи от 14 до 30 лет различных этнических групп Сибири (Алтая, Хакасии, Тыва и Саха (Якутия)) по данным

¹ Сагитова Л. В. Выживание татарского языка в глобализирующемся татарстанском сообществе: «за» и «против» [Электронный ресурс] // Казанский федералист. 2006, № 4 (20). URL: <http://www.kazanfed.ru/publications/kazanfederalist/n20/6/> (дата обращения: 14.05.2022).

² Рязанов В. Язык и национальное самосознание [Электронный ресурс] // Моя округа: сайт. 2019. 22 мая. URL: <https://moyaokruga.ru/Print.aspx?articleId=258173> (дата обращения: 05.06.2022.).

опросов 2000–2010 гг. Авторы отметили наличие определенного баланса разных видов социальных идентичностей, прежде всего общенациональной и этнической (Мадюкова, Персидская, Попков, 2017). Однако, значения высокой актуальности их видов у молодежи саха оказались, по мнению автора статьи, недостаточно выраженными, в том числе показатель этнической идентичности молодежи саха (36%), который занимал лишь третью позицию после тувинцев (58%) и алтайцев (43%) (там же: 75).

В целом обзор доступных нам результатов исследований, сфокусированный на изучении динамики языковой идентичности в регионах РФ, отражает ее изменения, а явление двойственной (множественной) идентификации в регионах РФ стала неотъемлемой характеристикой идентичности городской молодежи, различаясь лишь по степени распространённости в определенных субъектах.

Анализ нашего материала, представляющий динамику 2007, 2014, 2021 гг. в г. Якутске среди всей совокупности опрошенных и молодежи от 16 до 25 лет, показал изменения показателей этноязыковой самоидентификации у взрослых и молодых саха, в частности, нелинейный характер ее развития у последних (таблица 1).

Таблица 1. Динамика показателей языковой самоидентификации саха и молодежи саха г. Якутска (2007, 2014, 2021 гг.), в %

Table 1. Dynamics of indicators of linguistic self-identification of the Sakha people and Sakha youth living in Yakutsk (2007, 2014, 2021), %

Язык	Годы опроса					
	2007		2014		2021	
	Все	Молодежь	Все	Молодежь	Все	Молодежь
Якутский язык	82,0	84,4	83,9	77,5	84,0	82,0
Русский язык	8,1	3,9	3,7	4,2	2,4	3,0
Якутский и русский языки	13,0	11,7	12,4	18,3	13,2	15,0

Как видно из таблицы, последний опрос выявил стабильность прямой этнической идентичности всей совокупности опрошенных саха и рост этнической идентичности у молодежи — показатели молодежи в 2021 г. приблизились к показателям ответов всех опрошенных, современная социокультурная ситуация, характеризующаяся динамичным распространением дву- и многоязычия, создает предпосылки для развития двойственной языковой идентификации (12,2% у всех опрошенных и 15% у молодежи).

Факторы стабильности этнической идентичности среднего и старшего поколения объективны: процессы урбанизации, в нашем случае сельско-городской миграции, начавшейся в постперестроечный период и продолжающейся по настоящее время, увеличивая плотность титульного населения в столице республики, генерируют умеренный рост показателей этнической идентичности саха, в том числе и этноязыковой.

Преобладание языкового фактора в этнической самоидентификации саха и, более того, его рост в настоящее время подтверждаются в трудах других учёных (Арутюнова, 2019).

При этом следует отметить в качестве отличительного признака языковой идентичности саха определенность в выборе вариантов — среди саха выбор языковой идентичности всегда был однозначен: из 4 предложенных вариантов «Русский язык», «Якутский язык», «Оба (якутский и русский)» и «Затрудняюсь ответить» последний вариант в опросах 2007 и 2014 гг. ни одним из респондентов не был выбран, т. е. у якутов языковая самоидентификация в условиях меняющейся социальной реальности имеет свойство определенности, однозначности. В опросе 2021 г. молодежь также четко обозначила свою языковую идентичность.

Влияние урбанизации сельского населения с преобладающей прямой языковой идентификацией перекрывает показатели обозначившегося смещения языковой самоидентификации городского социума в XX в., из чего следует, что факторы, формирующие двойную идентификацию, находятся вне этносферы. Попытаемся рассмотреть подробнее факторы и перспективы вполне сформировавшихся разнонаправленных тенденций в этноязыковой идентичности молодежи.

С. В. Кириленко по ситуации в Республике Татарстан на недавней конференции отметила¹: в 2022 г. 45,31% татарской молодежи допустила, что человек может отнести себя к определенной национальности, не владея языком; 28,65% — не согласились с этим и 26,04% респондентов затруднились ответить на поставленный вопрос. Эти результаты были получены в ходе анкетного опроса 165 человек в возрасте от 18 до 30 лет, проведенного в октябре 2021 года.

Ранее аналогичные косвенные свидетельства фрагментации этничности были отмечены в работе татарстанского социолога Л. М. Низамовой. Автор подчеркивала, что 54% татар считают: можно быть татариним и не владея татарским языком. При этом респонденты исследования имели хорошую языковую компетенцию в различных коммуникативных ситуациях (Низамова, 2012).

Аналогичный, но не совсем равнозначный вопрос нашего последнего опроса «Согласны ли Вы с утверждением, что переход на другой язык означает утрату национальности?» выявил среди молодежи саха менее выраженную детерминированность этническим языком: не согласны 57,5% молодежи саха, согласны 24,6%, затруднились ответить 17,9% респондентов.

Таким образом, динамика наших опросов отражает современный этноязыковой диссонанс: с одной стороны, мы наблюдаем усиление проявления этноцентризма у молодежи саха, с другой стороны — проявление фрагментации этноязыковой идентичности, что находит подтверждение и в исследованиях других региональных сообществ. Можно ли воспринять данные факты как рост потребности в родном (этническом) языке у молодежи и готовность некоторой их части вступить в новую реальность с одним функционально первым мажоритарным языком и родным (этническим) языком в глубинах подсознания?

Владение родным (этническим) языком): латентная языковая компетенция или уходящая натура?

Анализ возможных факторов владения родным (этническим) языком начнем с выявления общих тенденций в развитии языковой компетенции.

Для определения уровня владения языком мы используем элементарные механизмы речи по ее видам. По итогам предыдущих опросов 2007, 2014 гг. у молодых обнаружена отрицательная динамика, тогда как у горожан старшего возраста наблюдается активное владение языком, а количество не владеющих снизилось (Иванова, 2020а: 234). При этом процессы село-городской миграции и их успешная адаптация в столице республики способствовали тому, что «... половина молодых людей, родившихся в столице РС(Я), свободно владеет родным языком, что подтверждает рост престижа родного языка у городской части молодежи саха, наличие разнообразных ресурсов воспроизводства якутского языка» (там же: 238).

Опрос 2021 г. показал рост свободного владения этническим языком (таблица 2). Однако наряду с ростом свободного владения продолжается умеренное распространение пассивных навыков владения этническим языком.

При этом 32,5% никогда не испытывали трудности из-за несовершенного владения якутским языком и 27,5% — из-за несовершенного владения русским языком. Многие ответили, что редко, но затрудняются (49,2%) в использовании якутского языка, их число больше, редко затрудняющихся в использовании русского языка (42,1%). Число «всегда» и «часто» затрудняющихся в якутском языке (17,1%) существенно меньше тех, кто испытывает сложности в использовании русского языка (29,6 %).

Таким образом, значительная доля молодежи (79,6%), заявившая о свободном владении этническим языком, на самом деле представляет сообщество с функционально ограниченным якутским языком (очевидно, в публичных выступлениях, в дискурсе на профессиональные темы), но достаточно уверенно владеющее разговорной формой якутского языка.

¹ В докладе на международной конференции «Языковая политика в России: уровни, практики, экспертно-аналитические механизмы» 3 июня 2022 г. в г. Казани. См. о конференции: Эдвард Абдуллазянов: в Татарстане уделяют большое внимание вопросам сохранения родных языков [Электронный ресурс] // Казанский государственный энергетический университет. 2022. 3 июня. URL: <https://kgeu.ru/News/Item/159/11701> (дата обращения: 22.06.2022.).

Таблица 2. Динамика показателей уровня владения этническим языком молодежи саха г. Якутска (2007, 2014, 2021), в %.

Table 2. Dynamics of indicators of the level of proficiency in the ethnic language among the Sakha youth in Yakutsk (2007, 2014, 2021), %.

Уровни владения	Годы опроса		
	2008	2014	2021
Свободно говорю, читаю, пишу	84,9	77,2	79,6
Говорю, читаю, но не пишу	5,9	5,3	5,8
Говорю, но не читаю и не пишу	1,3	4,2	4,6
Говорю с затруднениями	5,3	6,3	3,3
Всё понимаю, но не говорю	0,7	0	1,7
Понимаю общий смысл сказанного, но не говорю	2,0	5,8	4,6
Не владею	0	1,1	0,4

Известно, что высокая языковая компетенция положительно коррелирует с мышлением на родном языке. Однако по данным опроса в 2014 г., несмотря на высокий уровень владения родным языком, лишь 49,6% саха ответили, что думают на якутском или преимущественно на якутском языке, при этом респондентам молодого и среднего возраста привычнее думать на обоих языках, а старшему поколению свойственно мышление на родном языке (таблица 3). Примечательно, что в опросе все респонденты указали искомый нами параметр — язык мышления, который нелегко зафиксировать билингвам.

Таблица 3. Показатели языка мышления молодежи саха г. Якутска в динамике (2014, 2021), в %

Table 3. Indicators of the language of thought among the Sakha youth living in Yakutsk in dynamics (2014, 2021), %

Языки мышления	Годы опроса				
	2021 г.	2014 г.			
	16–25 лет	16–25 лет	26–35 лет	36–50 лет	старше 50 лет
Якутский язык	35,9	43,0	45,8	57,5	60,5
Русский язык	22,5	28,7	18,7	15,1	14,8
Якутский и русский языки	40,0	28,3	35,5	27,4	24,7

С точки зрения психолингвистики, различающей координативный, субординативный, смешанный типы билингвизма (Верещагин, 2014), преобладающую часть молодежи саха (40%), языком мышления которых являются якутский и русский языки, можно причислить к координативному типу билингвов — его показатель повысился и имеет перспективы к дальнейшему росту. При координативном типе «...первый и второй языки билингва автономны в его сознании и не смешиваются в его речевой практике»¹. 35,9 % молодых саха, ответивших, что думают на этническом, родном языке, можно причислить к типу «субординативный билингвизм», при котором доминирует родной язык билингва, «говорящий воспринимает второй язык через родной язык, несмотря на отличия этих языков»².

¹ Словарь социолингвистических терминов / отв. ред. В. Ю. Михальченко. М.: Институт языкознания РАН, 2006. С. 97.

² Там же. С. 220.

Смешанный тип билингвизма рассматриваем вслед за Л. В. Щербой как тип индивидуального двуязычия, характеризующегося регулярным смешением языков. «В наиболее выраженных случаях этого рода, — пишет автор, — когда люди в общем свободно говорят на обоих языках, у них создается своеобразная форма языка, при которой каждая идея имеет два способа выражения, так что получается в сущности единый язык, но с двумя формами» (Щерба, 1974: 115). Представленность данного типа билингвизма среди городского населения очевидна, более того, он все чаще наблюдается и среди жителей села, имеет тенденцию к росту, а в последнее время принимает и стихийный характер. И если учесть массовое проникновение лексических заимствований, чаще из русского, английского языков, представляющих новые реалии и потому не имеющих соответствующего перевода на якутском языке (например: «силовой экстрим», «инновационные технологии», «виртуальное пространство», «сетевой бизнес», «фитнес-инструктор», «нюдовый макияж» и т. д.), а также использование в речи часто употребляемых устойчивых словосочетаний («министерство образования и науки», «министерство здравоохранения», «агентство по продаже недвижимости» и т. д.), то вовремя координировать речь на обоих языках становится весьма затруднительно для большинства современных носителей якутского языка. Поэтому в силу воздействия на речь законов аналогии и экономии усилий чаще воспроизводится русский вариант. При этом отметим, что продуктивный вид билингвизма развивается лишь в условиях двуязычной, многоязычной языковой ситуации. В этом плане мы придерживаемся определения, данного Э. А. Григоряном: «билингвом можно назвать человека, который живет и работает в условиях функционирования двух языков, является членом коллектива себе подобных людей, языковая деятельность которых характеризуется меной языка общения в зависимости от ситуации общения» (Белоусов и др., 2001: 198). Таким образом, продуктивный вид билингвизма, совмещающий родной и второй языки, формируется при максимальном функционировании и использовании обоих языков.

Корреляционный анализ языковой компетенции молодежи саха и реального использования якутского языка в различных коммуникативных сферах по данным опроса 2014 г. показал отличие коммуникативной стратегии респондентов, заключающейся в замещении языковой компетенции социолингвистической компетенцией и социолингвистической аккомодацией. Функционально-речевой континуум использования родного (этнического) языка варьируется от минимальной 3,1% в сфере услуг, торговле до максимальных 73,3% в семейном общении. А также необходимо отметить сохранение позитивных языковых установок молодежи по отношению к родному якутскому и русскому языкам. Значимой социолингвистической характеристикой молодежи, родившейся в г. Якутске, является продолжение процессов воспроизводства родного языка (Иванова, 2017). Указанные признаки этноязыковой идентичности, очевидно, имеют место и сегодня, но проблемы воспроизводства этнического языка у детей сегодняшних молодых родителей претерпевают существенные трансформации, что говорит о недостаточности практики передачи языкового наследия.

Социокультурный контекст: экстралингвистические факторы, детерминирующие этноязыковую идентичность молодежи

Исследования 2014 г. показали, что социальная мобильность наиболее характерна для саха с прямой языковой идентичностью: значительную долю респондентов (77,1%), изъявивших желание выехать из республики на постоянное место проживания, составляли респонденты с родным якутским языком, в основном молодого возраста; 16,9% — респонденты, признающие родным языком оба языка. Также было установлено, что для совокупности всех опрошенных саха со смещенной языковой идентичностью характерна существенно низкая социальная мобильность (5,9%), а также невысокий социальный статус (уровень доходов и образования).

В опросе 2021 г. приблизительно 70% всех опрошенных и в г. Якутске и по республике связывают образ современного успешного человека с владением 3 языками — «нужно знать хорошо якутский и русский языки, и один международный язык».

При этом уровни владения английским языком варьируются следующим образом: 17,2% молодежи саха свободно им владеет, 31,4% понимают общий смысл сказанного, но не говорят; 22,2% говорят с затруднениями и 13,8% — не владеют им. Установки в изучении языков и их использовании в повседневной жизни у молодежи направлены в основном на английский (30%), на «якутский, русский и иностранный (европейский) языки» (15%) и, безусловно, есть интерес к изучению этнического якутского (12%) языка. Среди всей совокупности опрошенных, включая и молодых, есть потребность в овладении иностранным (европейским) — 55,9%; якутским — 43,4% и русским (25,1%) языками.

О качественно новой роли английского языка в современном российском коммуникативном пространстве, интенсивной англизации русскоязычной культурной среды, в том числе и научной среды, в лингвоэкологическом аспекте и т. п., много пишут российские исследователи (Бойко, 2014; Шапошникова, 2018; Бондаренко, 2020; и т. д.). Поднимаются проблемы национально-культурной идентичности, лингвистической безопасности. Как отмечает О. Р. Бондаренко, «Англизация является масштабным динамичным внедрением англоязычной культуры, включая язык, в русскоязычное коммуникативное пространство, результатом чего становятся языковые, когнитивные и ценностные потери носителей русского языка, а значит деформируется его идентичность. <... > ... в условиях декультуризации русскоязычного населения в течение последних 30 лет он представляет серьезную опасность для сохранения русскоязычной идентичности, особенно молодыми поколениями российских граждан» (Бондаренко, 2020: 13–14).

В таком случае, у молодежи саха проводником в глобальную сеть и информационное пространство являются, как русский, так и английский языки (таблица 4). Совсем незначительно, видимо, в связи с пандемийным периодом, включены в тактику потребления и восточные иностранные языки. Реальные языковые практики подтверждают данный факт.

Таблица 4. Языки потребления молодежью саха г. Якутска продукции массмедиа и Интернета (2021), в %
Table 4. Languages for consumption of mass media and Internet products by the Sakha youth living in Yakutsk (2021), %

Языки	Интернет	ТВ	Радио	Газеты	Книги
Якутский язык	4,2	5,4	28,4	17,3	7,1
Русский язык	56,3	61,4	28,9	45,6	65,7
Якутский и русский языки	21,7	24,2	28,4	27,9	20,1
Русский и английский языки	9,2	2,9	0	0	3,3
Якутский, русский и английский языки	3,8	2,1	0	0	3,1
Английский язык	3,8	1,7	3,9	1,3	0
Японский язык	0	2,9	0	0	0

Следовательно, молодежь в этнических регионах подвергается двойной деформации идентичности? Понимая, что желание формирования собственных конкурентных преимуществ, расширять возможности карьерного роста диктует задачи овладения языками международного общения, осознаем, что в результате данной конкуренции за бортом истории может, скорее всего, остаться родной (этнический язык) носителей недоминирующих или миноритарных языков, ввиду несопоставимости демографической и коммуникативной мощностей миноритарных языков по сравнению с мажоритарными.

Далее представим изменения в целостном восприятии родного языка как компонента языковой идентичности, установленные в ходе проведения направленного ассоциативного эксперимента. В предыдущих работах нами чаще комментировались его итоги 2007 и 2014 гг. в разрезе параметров город/село (Иванова, 2016; 2017; 2021; и т. д.). В данной статье приведем анализ реакций, полученных в 2014 г. в г. Якутске на стимульное словосочетание «якутский язык». Реакции детерминированы по возрасту, в частности, «от 17 до 25 лет и взрослое население» (таблица 5). Ранее нами было отмечено, что в семантическом наполнении коммуникативной категории «якутский язык» у студентов произошли изменения: их реакции показали, что якутский язык, родной для большинства испытуемых студентов (82%), в данное время представляется сложным, трудным для изучения и использования, в то время как в 2007 г. большинство реакций было представлено признаком «родной», что отражало, в первую очередь, значимость ценностного отношения к этническому языку как к национально-культурному явлению (Иванова, 2017).

Таблица 5. Ассоциативное поле реакций носителей якутского языка (студентов и взрослых респондентов г. Якутска) на стимульное словосочетание «якутский язык», 2014 г.
 Table 5. Association field of reactions of native speakers of the Yakut language (students and adult respondents living in Yakutsk) to the stimulus phrase “The Yakut language”, 2014

17–25 лет	От 26 лет и старше
Сложный — 73	Родной — 134
Родной — 64	Сложный — 105
Красивый — 47	Богатый — 62
Богатый — 26	Красивый — 62
Интересный — 24	Древний — 24
Древний — 17	Интересный — 21
Хороший — 15	Понятный — 19
Исчезающий — 11	Образный — 16
Вымирающий — 8	Разный — 15
Национальный — 8	Тюркский — 14
Понятный — 12	Глубокий — 13
Любимый — 7	Легкий — 11
Непонятный — 7	Многогранный — 11
Легкий — 7	Певучий — 11
Смешной — 5	
Отличный — 4	

Таким образом, результаты определяют этноязыковую идентичность как подвижный во времени и пространстве объект исследования, что более всего наблюдается у молодежи. Содержание концепта «якутский язык» в коммуникативном сознании студентов саха сместилось от базового культурного к прагматическому, утилитарному — сложности изучения. Иными словами, базовый культурный компонент сохраняется, но наблюдаются тенденции прагматического порядка.

Мониторинговое исследование дает возможность проследить, что атрибуция «сложность» якутского языка впервые зафиксирована в ответах, полученных в период между 2007 и 2014 гг., следовательно, она актуальна для молодежи, рожденной в 1990-е годы и начавшей обучение в школе в более благоприятное для развития якутского языка время, обеспеченное национально-региональным компонентом образования. Почему? Ответ прост: в постперестроечное время российская повседневность обозначилась массовым завозом импортной продукции, в том числе и первых электронных игр, с которыми выросли дети 1990-х годов — миллениалы, впоследствии эволюционировавшие в активных пользователей киберпространства. А сегодня они воспитывают детей — еще более, чем они, активных пользователей глобальной сети.

Сегодня гаджеты исследователями оцениваются как способ освоения повседневности, изучение гаджетизации находят перспективным постмодернистским дискурсом не только с теоретической, но и с практической точки зрения (Захаркина, Исакова, 2019); социологи доказали положительное влияние «взрывной гаджетизации», распространения доступа к Интернету на снижение преступности молодежи, снижение потребления алкоголя и т. д. (Жегусов, Корякина, 2022); рассматривается развитие гаджетизации детско-родительских отношений и т. д.

А в языковых ситуациях с недоминирующими (миноритарными) языками данные процессы повлекли негативные процессы — снижение интереса к этническим языкам у молодежи и детей, т. к. объем цифрового контента на миноритарных языках, по сравнению с русскоязычной, англоязычной продукцией, не может представлять конкуренцию. Сегодня общество серьезно обеспокоено проблемами языкового воспроизводства: 73,4% респондентов саха в г. Якутске и приблизительно 80% в улусах республики обеспокоены трансформацией речевого поведения детей, снижением культуры якутской

речи: «Переход 6,8% детей-саха на русский язык в моноэтническом якутском селе, т. е. воспитывающихся в якутоязычных семьях, в якутоязычной сельской речевой среде, отражает стремительное разрушение межпоколенческой передачи языка факторами нелингвистического характера, зачастую влиянием новых информационных технологий» (Иванова, Никитина, Филиппова, 2021: 82). Важно отметить, что 34% русских, проживающих в г. Якутске, поддерживают укрепление якутского языка в образовательном пространстве (Иванова, 2020b).

Дальнейший поиск факторов, предопределяющих снижение интереса к овладению родным (этническим) языком, приводит к общемировым тенденциям — индивидуализации сознания общества, в том числе молодежи, в условиях информационного общества. Наши предположения основаны на том, что в иерархии реакций на стимул «русский язык» у русских студентов произошли подобные негативные изменения, но реакция «родной» в ядре их коммуникативного сознания переместилась на третью позицию (Иванова, 2020а: 242), т. е. дальше, чем у саха, что говорит о наличии общих тенденций.

Как отмечают российские исследователи (Интымакова, 2013; Грязнова, Афанасьев, 2017), ключевой характеристикой новой социальной реальности в стране также стало понятие индивидуализации. А поскольку современный человек вынужден с раннего возраста погружаться в информационное взаимодействие, происходящее в поле информационной реальности, создаваемой современными информационными технологиями, второй период социализации личности — индивидуализация, являющаяся наиболее активным этапом образования и воспитания человека, проходит в большей степени под управлением не реальных социальных субъектов, а информационных квазисубъектов (Грязнова, Афанасьев, 2017).

При этом Л. Г. Интымакова утверждает, что индивидуализация в значительной степени определяет положение индивида в обществе и его самоидентификацию, которые характеризуются увеличением социальной неопределенности личности, отсутствием социальной предзаданности: он не привязан ни к месту проживания, ни к социальному слою, ни к этническим факторам настолько, что они смогли бы дать ему возможность уверенности в будущем (Интымакова, 2013).

Е. В. Грязнова и С. В. Афанасьев наиболее опасными последствиями индивидуализации в информационной социализации признают возможность формирования усредненной, универсальной личности, лишенной принадлежности к национальной культуре. Причиной они называют не только перенос социализации в информационную реальность, а передачу функций управления этим процессом информационным квазисубъектам (Грязнова, Афанасьев, 2017: 29).

Во многом перекликаются с мыслью о последствиях информационной социализации работы, посвященные трансформации ценностей подрастающего поколения (Широканова, 2009; Ядова, 2022; Фарахутдинов, 2022, Габдрахманова, 2022; и т. д.), заключающейся в сдвиге к постмодернизации ценностей, «... который символизирует переход от материалистических к постматериалистическим ценностям — самовыражению, самореализации, качеству жизни»¹.

Таким образом, исследователи признают многообразие экстралингвистических факторов, препятствующих каналам традиционной трансляции этнической, языковой идентичности.

Необходимо отметить, что риски сокращения языкового многообразия, формирующие не билингвизм, а монолингвизм, обусловленные динамичным ростом экстралингвистических факторов (основным из них является планомерная, выверенная тенденция к сокращению этнокультурного компонента в сфере образования, чему посвящено множество работ (Никифорова, Борисова, 2015; Бадараев, Дырхеева, Антонова, 2021; Мюллер, 2019; Арефьев, Бахтикиреева, Синячкина, 2021; и т. д.) неизбежны и разнообразны, но и готовность сохранять и развивать родной язык остается естественным стремлением носителей языка, в том числе молодежи. Ресурсы этничности молодежь саха продолжает искать в собственной культуре, создавая фильмы на родном языке. Для них важно донести до этнической общности кино о сложных современных реалиях именно на языке саха, так как: «главное, чтобы он “говорил” с ними на одном языке»², и, что не менее важно, молодежь «хочет слышать с экрана родной язык...»³, что, на наш взгляд, совершенно естественно.

¹ Ларина А. А. Основные ценности современной молодежи // Территория науки. № 5. С. 71.

² Феномен якутского кино [Электронный ресурс] // Мастера Сибири. 2017, 3 октября. URL: <https://makersofsiberia.com/zhurnal/malyij-yus-vashemu-domu.html> (дата обращения: 20.05.2022).

³ Марафон якутского кино перешагнул экватор [Электронный ресурс] // ИА DVINA29. 2017, 15 февраля. URL: <https://dvina29.ru/marafon-yakutskogo-kino-pereshagnul-ekvator/> (дата обращения: 20.05.2022).

Таким образом, перечень негативных и позитивных факторов, воздействующих на этноязыковую идентичность молодежи саха, а также особенности их мировосприятия, представляются неоднозначными, имеют синкретичный характер. Например: с одной стороны, вопросы, касающиеся степени реализации их конституционных прав на использование родного (этнического) языка, в том числе осуществление права свободного выбора языка обучения, показал их неосведомленность или, очевидно, их незаинтересованность: 40,83% опрошиваемых ответили, что не задумывались над этим; 4,5% — не реализовали, 27,9% — частично реализовали; 26,6% — полностью реализовали. На первый вопрос ответы респондентов сформировались в аналогичном соотношении.

С другой стороны, молодежь разделяет с этнической общностью чувство тревоги за будущее родного языка (таблица 6).

Таблица 6. Оценка будущего родного (этнического) языка респондентами саха г. Якутска в динамике (2007, 2021) в %

Table 6. An assessment of the future of their native (ethnic) language by Sakha respondents living in Yakutsk in dynamics (2007, 2021), %

Оценка	Годы			
	2007 г.		2021 г.	
	г. Якутск	Республика Саха	г. Якутск	г. Якутск
	Все опрошенные	Все опрошенные	Молодежь 16–25 лет	Все опрошенные
С тревогой	49,4	43,9	51,25	55,3
С отчаянием	6,2	1,5	14,17	15,8
Уверенно	30,2	33,1	12,92	14,6
Затруднились ответить	14,2	17,3	21,67	14,4

Осознание проблем родного языка является основным маркером этнической идентичности, символизирующим общность человека с родным (этническим) языком, историей, культурой, традициями.

Научно обоснованная государственная языковая политика, реализующая различные программы, направлена в основном на языки коренных малочисленных народов РФ. Однако, проблемы языкового сдвига коснулись и более крупных языков, имеющих статус государственных в своих субъектах, и последствия деформации основных показателей этноязыковой идентичности которых начинают принимать кризисный характер. В связи с этим позиционирование политики языкового многообразия должно распространяться на все языки полиэтнического общества.

Мы совершенно согласны с мнением Л. Гренобль о том, что:

«Актуальность документирования и описания языков с относительно небольшим количеством пожилых носителей заставила лингвистическое сообщество сосредоточиться почти исключительно на таких группах, игнорируя более крупные речевые сообщества на более раннем этапе сдвига. Таким образом упускается из виду широкий диапазон типов говорящих при языковом сдвиге. В результате, с социальной точки зрения, мы не занимаемся программой возрождения языка именно в тех сообществах, где изменение языкового сдвига все еще относительно. С научной точки зрения мы упускаем возможность изучать и языковые изменения в процессе, и социолингвистическую вариативность при языковом сдвиге» (Гренобль, 2021: 9).

Заключение

В целом можно подытожить, что поиск моделей атрибуции этноязыковой идентичности молодежи, основанный на показателях этноязыковой самоидентификации, языковой компетенции и установок

в потреблении информации, предпочтений в изучении языков в целом выявил релевантные признаки этноязыковой идентичности, отличающиеся достаточно противоречивыми, на наш взгляд, характеристиками:

1) якутский язык остается этнообразующим фактором для своих молодых представителей этнической общности, однако имеющим на протяжении мониторинга нелинейный характер развития; двуязычная среда и внешние факторы лингвистического характера формируют более разнообразные, новые для саха, варианты этноязыковой идентичности;

2) стабильность показателей этноязыковой самоидентификации как всей общности, так и группы молодых саха, в условиях агрессивного влияния внешних факторов выражает степень сопротивления этноязыковой ассимиляции;

3) языковая компетенция имеет тенденции к полилингвизму, характеризуется признаками социолингвистической компетенции и социолингвистической аккомодации, что отражает наличие лингвистических ресурсов на родном (этническом) языке;

4) наблюдается рост числа билингвов координативного типа;

5) концепт «якутский язык» в коммуникативном сознании саха характеризуется устойчивостью базового культурного компонента с формирующимися негативными признаками прагматического характера;

6) молодежи свойственен правовой нигилизм в отношении использования языков;

7) молодежь солидаризуется с этнической общностью в вопросах сохранения этноязыковой идентичности.

В будущем наращивание ресурсов этнической идентичности, генерирующей и языковую идентичность молодежи, мы видим, прежде всего, в установлении мер государственной поддержки: в усилении этнокультурных основ в образовательной системе, начиная с дошкольных учреждений; просветительской работы в области языковых прав личности и народа; в языковой политике семейного уровня; в инициировании обсуждения и принятия решения вопроса об ограничении доступа детей в киберпространство.

Потенциал продуктивного вида билингвизма, совмещающего родной (этнический) и второй языки, формируется лишь при максимальном функционировании и использовании обоих языков. Поэтому необходимо создавать условия для сбалансированной двуязычной ситуации. При этом необходима стратегия расширения языкового сообщества саха за счет носителей с разным уровнем владения этническим языком, в том числе с пассивным, а также взрослых этнофоров, изучающих с нуля этнический язык.

При этом автор убеждена в приоритете восстановления функций якутского языка методами, приемлемыми для восстановления естественных языков (качественного школьного преподавания, создания семейной речевой среды, организации языковых лагерей и т. д.). Но это не должно замещаться внедрением новых информационных технологий в естественную языковую среду, расширением якутского языка в киберпространстве, которые целесообразно использовать в качестве дополнительных средств в обеспечении жизнеспособности языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Арефьев, А. Л., Бахтикиреева, У. М., Синячкин, В. П. (2021) Проблемы билингвизма в системе школьного языкового образования Республики Тыва // Новые исследования Тувы. № 1. С. 255–272. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.1.14>

Арутюнова, Е. М. (2019) Языковая ситуация в Республике Саха (Якутия) в контексте языковых противоречий в школьном образовании // Информационно-аналитический бюллетень Института социологии ФНИСЦ РАН. № 1. С. 50–61. DOI: <https://doi.org/10.19181/inab.2019.1.4>

Белюсов, В. Н., Григорян, Э. А., Позднякова, Т. Ю. (2001) Русский язык в межнациональном общении. Проблемы исследования и функционирования. М. : Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН. 240 с.

Бойко, С. А. (2014) Англицизмы в современном русском языке: лингвоэкологический аспект // Экология языка и коммуникативная практика. № 2. С. 32–43.

Бондаренко, О. Р. (2020) Современная дилемма: овладение английским языком и сохранение русскоязычной идентичности? // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 3. С. 6–14. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic.2020.3/2925>

Верещагин, Е. М. (2014) Психологическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма). М. ; Берлин : Директ-Медиа. 162 с.

Габдрахманова, Г. Ф. (2022) Молодежная политика в Республике Татарстан в доктринальных документах и общественном мнении // Социологические исследования. № 2. С. 73–82. DOI: <https://www.doi.org/10.31857/S013216250014947-4>

Гренобль, Л. (2021) Социоллингвистика и языковой сдвиг: к пониманию процессов сдвига через призму носителей // Социоллингвистика. № 2 (6). С. 9–35. DOI: <https://doi.org/10.37892/2713-2951-2021-2-6-9-35>

Грязнова, Е. В., Афанасьев, С. В. (2017) Индивидуализация человека в информационной социализации // Философская мысль. № 1. С. 17–29. DOI: <https://doi.org/10.7256/2409-8728.2017.1.20968>

Губогло, М. Н. (2003) Идентификация идентичности: Этносоциологические очерки. М. : Наука. 764 с.

Жегусов, Ю. И., Корякина, З. И. (2022) Социальные факторы снижения преступности молодежи в Республике Саха (Якутия) // Социологические исследования. № 4. С. 93–104. DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250018701-4>

Захаркина, Т. Н., Исакова, И. А. (2019) Гаджетизация: эффекты влияния на общественные процессы // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия Социальные науки. № 3. С. 115–121.

Иванова, Н. И. (2013) Этноязыковая ситуация в г. Якутске // Современная этноязыковая ситуация в Республике Саха (Якутия) / отв. ред. П. А. Слепцов. Новосибирск : Наука. 252 с. С. 75–112.

Иванова, Н. И. (2015) Современный носитель якутского языка г. Якутска: социоллингвистическая характеристика в динамике. 2008 и 2014 гг. // Северо-Восточный гуманитарный вестник. № 2 (11). С. 64–69.

Иванова, Н. И. (2016) «Места памяти» в социоллингвистической интерпретации (к постановке проблемы) // Северо-Восточный гуманитарный вестник. № 4 (17). С. 65–68.

Иванова, Н. И. (2017) Социоллингвистические аспекты функционирования якутского языка в г. Якутске: цифры и факты. М. : Языки Народов Мира ; Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН. 260 с.

Иванова, Н. И. (2020a) Современные тенденции в языковой компетенции саха: лингвистический и экстралингвистический контекст // Этносоциальные процессы в Якутии: современный ракурс и перспективы развития / отв. ред. В. Б. Игнатъева. Якутск : ИГИИПМНС СО РАН. 312 с. С. 228–248.

Иванова, Н. И. (2020b) Тенденции и динамика развития двуязычия в Республике Саха (Якутия): этносоциопсихоллингвистический аспект // Северо-Восточный гуманитарный вестник. № 2. С. 67–79. DOI: <https://www.doi.org/10.25693/SVGV.2020.31.2.008>

Иванова, Н. И. (2021) Особенности этноязыковой идентичности саха в условиях массовых урбанизационных процессов // XIV Конгресс антропологов и этнологов России : сб. материалов. Томск, 6–9 июля 2021 г. / отв. ред. И. В. Нам. М. ; Томск : Издательство Томского государственного университета. 831 с. С. 37–38.

Иванова, Н. И., Никитина, В. Н., Филиппова, А. Г. (2021) Социоллингвистическая обусловленность функционирования якутского языка в сфере школьного образования: истоки начинающегося кризиса // Научный диалог. № 10. С. 65–84. DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-10-65-84>

Интымакова, Л. Г. (2013) Индивидуальное сознание: мифологизация и секуляризация // Вестник Таганрогского государственного педагогического института. № 2. С. 148–153.

Кудрявцева, Р. А., Шабыков, В. И. (2019) Будущее марийского языка в восприятии современной молодежи // Языки в полиэтничном государстве: развитие, планирование, прогнозирование: матер. Междунар. конф. (Республика Бурятия, Улан-Удэ–Горячинск, 1–4 июля 2019 г.) / отв. ред. Г. А. Дырхеева и др. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН. 262 с. С. 174–178. DOI: <https://www.doi.org/10.31554/978-5-7925-0559-9-2019-174-178>

Мадюкова, Е. А., Персидская, О. А., Попков, Ю. В. (2017) Общенациональная и этническая идентичность молодежи этнических групп республик Сибири в сравнительной перспективе // Знание. Понимание. Умение. № 3. С. 69–83. DOI: <https://www.doi.org/10.17805/zpu.2017.3.6>

Низамова, Л. В. (2012) Модерная этничность и ее модусы: теория и практики // Ученые записки Казанского университета. Серия. Гуманитарные науки. № 6. С. 105–116.

Фарахутдинов, Ш. Ф. (2022) Региональная и этническая идентичность студенческой молодежи // *Alma mater* (Вестник высшей школы). № 2. С. 86–93. DOI: <https://www.doi.org/10.20339/AM.02-22.086>

Шапошникова, И. В. (2018) К вопросу о языковой политике в научно-образовательной сфере // *Вопросы психолингвистики*. № 1. С. 173–191. DOI: <https://www.doi.org/10.30982/2077-5911-2018-35-1-173-191>

Широканова, А. А. (2009) Индивидуализация постсоветской молодежи в сфере морали // *Социологические исследования*. № 12. С. 21–26.

Щерба, Л. В. (1974) Языковая система и речевая деятельность : сборник работ. Л. : Наука, Ленинградское отделение. 427 с.

Ядова, М. А. (2022) Жизненные траектории молодежи в XXI веке: риски и возможности // *Социологические исследования*. № 2. С. 83–93. DOI: <https://www.doi.org/10.31857/S013216250011067-6>

Дата поступления: 03.08.2022 г.

REFERENCES

Arefiev, A. L., Bakhtikireeva, U. M. and Sinyachkin, V. P. (2021) Problemy bilingvizma v sisteme shkol'nogo iazykovogo obrazovaniia Respubliki Tyva [Bilingualism in language education in secondary schools of the Republic of Tuva]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 255–272. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.1.14>

Arutiunova, E. M. (2019) Iazykovaia situatsiia v Respublike Sakha (Iakutiia) v kontekste iazykovykh protivorechii v shkol'nom obrazovanii [Language situation in the Republic of Sakha (Yakutia) in the context of language contradictions in school education]. *Information and analytical bulletin (INAB)*, no. 1, pp. 50–61. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.19181/inab.2019.1.4>

Belousov, V. N., Grigorian, E. A. and Pozdniakova, T. Yu. (2001) *Russkii iazyk v mezhnatsional'nom obshchenii. Problemy issledovaniia i funktsionirovaniia* [The Russian language in international communication. Issues of research and functioning]. Moscow, Vinogradov Russian Language Institute of the RAS. 240 p. (In Russ.).

Boiko, S. A. (2014) Anglitsizmy v sovremennom russkom iazyke: lingvoekologicheskii aspekt [Anglicisms in modern Russian: Linguoecological aspect]. *Ekologiya iazyka i kommunikativnaia praktika*, no. 2 (3), pp. 32–43. (In Russ.).

Bondarenko, O. R. (2020) Sovremennaia dilemma: ovladenie angliiskim iazykom i sokhranenie russkoiazychnoi identichnosti? [Modern dilemma: To master English and to maintain Russian-speaking cultural identity?]. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 3, pp. 6–14. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17308/lic.2020.3/2925>

Vereshchagin, E. M. (2014) *Psikhologicheskaia i metodicheskaia kharakteristika dviuiazychiia (bilingvizma)* [Psychological and methodological characteristics of bilinguality (bilingualism)]. Moscow ; Berlin, Direct-Media. 162 p. (In Russ.).

Gabdrakhmanova, G. F. (2022) Molodezhnaia politika v Respublike Tatarstan v doktrinal'nykh dokumentakh i obshchestvennom mnenii [Youth policy in the Republic of Tatarstan in doctrinal documents and public opinion]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 2, pp. 73–82. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250014947-4>

Grenoble, L. (2021) Sotsiolingvistika i iazykovoii sdvig: k ponimaniuu protsessov sdviga cherez prizmu nositelei [Sociolinguistics and language shift: Toward understanding the processes of shift through the prism of speakers]. *Sociolinguistics*, no. 2 (6), pp. 9–35. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.37892/2713-2951-2021-2-6-9-35>

Griaznova, E. V. and Afanas'ev, S. V. (2017) Individualizatsiia cheloveka v informatsionnoi sotsializatsii [Individualization of a person in the information socialization]. *Filosofskaiia mysl'*, no. 1, pp. 17–29. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.7256/2409-8728.2017.1.20968>

Guboglo, M. N. (2003) *Identifikatsiia identichnosti: etnosotsiologicheskie ocherki* [Identification of identity: Ethnosociological essays]. Moscow, Nauka. 764 p. (In Russ.).

Zhegusov, Yu. I. and Koriakina, Z. I. (2022) Sotsial'nye faktory snizheniia prestupnosti molodezhi v Respublike Sakha (Iakutiia) [Social factors of youth crime decline in the Republic of Sakha (Yakutia)]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 4, pp. 93–104. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250018701-4>

Zakharkina, T. N. and Isakova, I. A. (2019) Gadzhizatsiia: efekty vliianiia na obshchestvennye protsessy [Gadgetization: Effects of influence on public processes]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Serii: Sotsial'nye nauki*, no. 3 (55), pp. 115–121. (In Russ.).

Ivanova, N. I. (2013) Etnoiazykovaia situatsiia v g. Iakutske [Ethnolanguage situation in Yakutsk]. In: *Sovremennaiia etnoiazykovaia situatsiia v Respublike Sakha (Iakutiia) [Contemporary ethnolinguistic situation in the Republic of Sakha (Yakutia)]* / ed. by P. A. Sleptsov. Novosibirsk, Nauka. 252 p. Pp. 75–112. (In Russ.).

Ivanova, N. I. (2015) Sovremennyi nositel' iakutskogo iazyka g. Iakutska: sotsiolingvistiicheskaia kharakteristika v dinamike. 2008 i 2014 gg. [A modern native speaker of the Yakut language living in Yakutsk: Sociolinguistic characteristics in dynamics. 2008 and 2014]. *North-Eastern Journal of the Humanities*, no. 2 (11), pp. 64–69. (In Russ.).

Ivanova, N. I. (2016) «Mesta pamiati» v sotsiolingvistiicheskoj interpretatsii (k postanovke problemy) [“Places of memory” in sociolinguistic interpretation (to the formulation of the problem)]. *North-Eastern Journal of the Humanities*, no. 4 (17), pp. 65–68. (In Russ.).

Ivanova, N. I. (2017) *Sotsiolingvistiicheskie aspekty funktsionirovaniia iakutskogo iazyka v g. Iakutske: tsifry i fakty [Sociolinguistic aspects of the functioning of the Yakut language in Yakutsk: Facts and figures]*. Moscow, Iazyki narodov mira; Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the SB RAS. 260 p. (In Russ.).

Ivanova, N. I. (2020a) Sovremennye tendentsii v iazykovoi kompetentsii sakha: lingvistiicheskaia i ekstralingvistiicheskaia kontekst [Modern trends in the Sakha language competence: Linguistic and extralinguistic context]. In: *Etnosotsial'nye protsessy v Iakutii: sovremennyi rakurs i perspektivy razvitiia [Ethnosocial processes in Yakutia: Modern perspective and development prospects]* / ed. by V. B. Ignatiev. Yakutsk, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the SB RAS. 312 p. Pp. 228–248. (In Russ.).

Ivanova, N. I. (2020b) Tendentsii i dinamika razvitiia dviuazychiia v Respublike Sakha (Iakutiia): etnosotsiopsikholingvistiicheskaia aspekt [Trends and dynamics of bilingualism in the Republic of Sakha (Yakutia): Ethnosocial psycholinguistic aspect]. *North-Eastern Journal of the Humanities*, no. 2 (31), pp. 67–79. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25693/SVGV.2020.31.2.008>

Ivanova, N. I. (2021) Osobennosti etnoiazykovoi identichnosti sakha v usloviiakh massovykh urbanizatsionnykh protsessov [Features of the ethnolinguistic identity of the Sakha in the conditions of mass urbanization processes]. In: *XIV Kongress antropologov i etnologov Rossii [The 14th Congress of Anthropologists and Ethnologists of Russia]* : A collection of materials. Tomsk, July 6–9, 2021 / ed. by I. V. Nam. Moscow, Tomsk, Tomsk State University Publishing House. 830 p. Pp. 37–38. (In Russ.).

Ivanova, N. I., Nikitina, V. N., Filippova, A. G. (2021) Sotsiolingvistiicheskaia obuslovlennost' funktsionirovaniia iakutskogo iazyka v sfere shkol'nogo obrazovaniia: istoki nachinaiushchegosia krizisa [Sociolinguistic conditionality of Yakut language functioning in field of school education: Origins of incipient crisis]. *Nauchnyi dialog*, no. 10, pp. 65–84. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-10-65-84>

Intymakova, L. G. (2013) Individual'noe soznanie: mifologizatsiia i sekuliarizatsiia [Individual consciousness: Mythologization and secularization]. *Vestnik Taganrofskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta*, no. 2, pp. 148–153. (In Russ.).

Kudriavtseva, R. A. and Shabykov, V. I. (2019) Budushchee mariiskogo iazyka v vospriatii sovremennoi molodezhi [Future of the Mari language in the eyes of modern youth]. In: *Iazyki v polietnicheskom gosudarstve: razvitie, planirovanie, prognozirovanie [Languages in a polyethnic state: Development, planning and prospects]* : Proceedings of the International Conference (Republic of Buryatia, Ulan-Ude–Goryachinsk, July 1–4, 2019) / ed. by G. A. Dyrkheeva et al. Ulan-Ude, Publishing House of the Buryat Scientific Centre of the SB RAS. 262 p. Pp. 174–178. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.31554/978-5-7925-0559-9-2019-174-178>

Madiukova, E. A., Persidskaia, O. A. and Popkov, Yu. V. (2017) Obshchenatsional'naia i etnicheskaia identichnost' molodezhi etnicheskikh grupp respublik Sibiri v sravnitel'noi perspektive [Nationwide and ethnic identity of young people of ethnic groups living in Siberian republics in a comparative perspective]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 3, pp. 69–83. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17805/zpu.2017.3.6>

Nizamova, L. V. (2012) Modernaia etnichnost' i ee modusy: teoriia i praktiki [Modern ethnicity and its modes: Theory and practice]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, vol. 154, no. 6, pp. 105–116. (In Russ.).

Farakhutdinov, Sh. F. (2022) Regional'naia i etnicheskaia identichnost' studencheskoj molodezhi [Regional and ethnic identity of student youth]. *Alma mater*, no. 2, pp. 86–93. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.20339/AM.02-22.086>

Shaposhnikova, I. V. (2018) K voprosu o iazykovoi politike v nauchno-obrazovatel'noi sfere [Issues of language policy in science and education]. *Voprosy psikholingvistiki*, no. 1 (35), pp. 173–191. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30982/2077-5911-2018-35-1-173-191>

Shirokanova, A. A. (2009) Individualizatsiia postsovetskoi molodezhi v sfere morali [Individualization of post-Soviet youth in the field of morality]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 12 (308), pp. 121–126. (In Russ.).

Shcherba, L. V. (1974) *Iazykovaia sistema i rechevaia deiatel'nost'* [The language system and speech activity]: A collection of works. Leningrad, Nauka, Leningradskoe otdelenie. 427 p. (In Russ.).

Yadova, M. A. (2022) Zhiznennye traektorii molodezhi v XXI veke: riski i vozmozhnosti [Life trajectories of the youth in the 21st century: Risks and opportunities]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 2, pp. 83–93. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250011067-6>

Submission date: 03.08.2022.

Специфика языковой ситуации в многоязычном ареале (на примере Рутульского района Республики Дагестан)

Борис М. Атаев, Марица О. Ибрагимова

Дагестанский федеральный исследовательский центр Российской академии наук, Российская Федерация

В статье анализируется языковая ситуация, сложившаяся в Рутульском районе Республики Дагестан, особенностью которого являются этническая разнородность и многоязычие. На относительно небольшой территории района здесь проживают носители шести неоднородных по генетическому признаку восточнокавказских и тюркских языков, а делопроизводство и межэтническая коммуникация осуществляются на русском языке. Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью мониторинга тенденций развития уникального языкового сообщества на примере отдельного взятого региона.

Уникальность языковой ситуации в районе обусловлена сочетанием и варьированием составляющих её критериев: историей возникновения, политическими, демографическими и экономическими предпосылками становления, особенностями сфер функционирования языков, современным состоянием контактирования носителей разноструктурных языков при посредстве русского языка. Возникают особенности, связанные с несовпадением современного ареала проживания некоторых этносов, населяющих Рутульский район, с исторически исконным ареалом. Специфичность диалектов и говоров, на которых говорят здесь аварцы, лакцы и азербайджанцы, обусловливает невозможность полноценного общения их носителей с представителями соответствующих народностей. Интересным является и факт смены языка межнационального общения за последние полвека: азербайджанский язык здесь полностью вытеснен русским.

Таким образом, для этнически неоднородного и многоязычного Рутульского района в целом актуальны общие для многих регионов России проблемы сохранения родных языков. Но в данном случае речь идет о сохранении новописьменных языков (рутульского и цахурского) и специфических диалектов и говоров лакского, аварского и азербайджанского языков, представленных только на территории описываемого района.

Ключевые слова: языковая ситуация; языковая политика; Рутульский район; Дагестан; дагестанские языки; новописьменный язык; ареальное контактирование

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ и Немецкого научно-исследовательского сообщества в рамках научного проекта № 21-512-12002 ННИО_а «Методы прогнозирования и будущие сценарии развития языковой политики (на примере многоязычной Российской Федерации)».

Для цитирования:

Атаев Б. М., Ибрагимова М. О. Специфика языковой ситуации в многоязычном ареале (на примере Рутульского района Республики Дагестан) // Новые исследования Тувы. 2022. № 4. С. 106-113. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.8>

Атаев Борис Махачевич — доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела грамматических исследований Института языка, литературы и искусства Дагестанского федерального исследовательского центра РАН. Адрес: 367025, Россия, г. Махачкала, ул. М. Гаджиева, д. 45. Тел.: +7 (988) 291-33-76. Эл. адрес: bm_ataev@mail.ru

Ибрагимова Марица Оглановна — доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела грамматических исследований Института языка, литературы и искусства Дагестанского федерального исследовательского центра РАН. Адрес: 367025, Россия, г. Махачкала, ул. М. Гаджиева, д. 45. Тел.: +7 (988) 309-42-53. Эл. адрес: mariza71@mail.ru

Features of the linguistic situation in a multilingual area (the case of Rutulsky District of the Republic of Dagestan)

Boris M. Ataev, Mariza O. Ibragimova

Dagestan Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

The article analyzes the linguistic situation in Rutulsky District of the Republic of Dagestan. Its features include ethnic diversity and multilingualism. Native speakers of six East Caucasian and Turkic languages (that are heterogeneous in their genetic characteristics) live in a relatively small area of the district. Russian is the official language of record keeping and interethnic communication there. The relevance of the research topic stems from the need to monitor trends in the development of a unique language community through the example of a particular region.

The unique character of the language situation in the district is due to the combination and variation of its constituent criteria: the history of its origin, political, demographic and economic prerequisites for its formation, features of the spheres of functioning of the languages, the current state of contacts between speakers of structurally different languages through the Russian language. Some of the features are associated with the discrepancy between the present-day dwelling area of some ethnic groups inhabiting Rutulsky District and their historically native areas. The specificity of dialects and subdialects spoken by the Avars, Laks and Azerbaijanis living in the area makes it impossible for their speakers to fully communicate with representatives of the respective nationalities. Interestingly, the change of the language of interethnic communication has occurred over the past half century: the Azerbaijani language has been completely displaced by Russian.

Thus, the issues of preserving native languages common to many regions of Russia are generally relevant for the ethnically heterogeneous and multilingual Rutulsky District. Nevertheless, in this case we are talking about the preservation of newly written languages (Rutul and Tsakhur) and specific dialects and subdialects of the Lak, Avar and Azerbaijani languages represented only on the territory of the study area.

Keywords: linguistic situation; language policy; Rutulsky District; Dagestan; Dagestan languages, newly written language; areal contact

Financing

The article was prepared with financial support from the Russian Foundation for Basic Research and the German Research Foundation (DFG) within the framework of the project No. 21-512-12002 HHIIO_a "Prognostic Methods and Future Scenarios in Language Policy – Multilingual Russia As an Example".

For citation:

Ataev B. M. and Ibragimova M. O. Spetsifika iazykovoi situatsii v mnogoiazychnom areale (na primere Rutul'skogo raiona Respubliki Dagestan) [Features of the linguistic situation in a multilingual area (the case of Rutulsky District of the Republic of Dagestan)]. *New Research of Tuva*, 2022, no. 4, pp. 106-113. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.8>

ATAEV, Boris Makhachevich, Doctor of Philology, Professor, Chief Researcher, Department of Grammatical Research, Institute of Language, Literature and Art of the Dagestan Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences. Postal address: 45 M. Gadzhiev St., 367025 Makhachkala, Russian Federation. Tel.: +7 (988) 291-33-76. E-mail: bm_ataev@mail.ru

IBRAGIMOVA, Mariza Oglanovna, Doctor of Philology, Leading Researcher, Department of Grammatical Research, Institute of Language, Literature and Art of the Dagestan Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences. Postal address: 45 M. Gadzhiev St., 367025 Makhachkala, Russian Federation. Tel.: +7 (988) 309-42-53. E-mail: mariza71@mail.ru

ORCID ID: 0000-0001-9241-9412

ORCID ID: 0000-0003-3910-3923

Введение

Языковая ситуация в Дагестане характеризуется многокомпонентностью разнородных в плане генетики, структуры, сфер использования, количества носителей идиомов. В небольшом ареале функционируют двадцать восемь языков из трёх языковых семей, различающихся по лингвистическим и социолингвистическим параметрам.

Большая часть муниципальных районов Республики Дагестан в основной массе мононациональна (Хунзахский, Дахадаевский, Кулинский, Сулейман-Стальский и др.); некоторые районы характеризуются компактным проживанием в них носителей двух-трех родственных (Ахтынский, Хивский, Агульский, Докузпаринский и др.) или двух-трех неродственных языков (Табасаранский, Магарамкентский и др.), в Ахвахском, Ботлихском и Цумадинском районах проживают носители четырех-семи языков из разных подгрупп единой аваро-андо-цезской группы (Алиева, 2021; Магомедов, Магомедова, 2021).

На этом в целом предсказуемом в языковом отношении фоне заметна обособленность Рутульского района, расположенного в южном Дагестане, заключающаяся в его этнической пестроте и полиязычии, что позволяет говорить о нем как о «Дагестане в миниатюре». Причем современная территория расселения некоторых народов, населяющих Рутульский район, не совпадает с исторически исконным ареалом их проживания.

Мы описывали случаи этнической неоднородности горных районов, в которых проживают и представители не основной национальности:

«В Агульском р-не в сел. Амух проживают даргинцы, а в Акушинском (преимущественно даргинском) р-не, в селениях Балхар, Кули, Улучара и Цуликана, — лакцы. В Чародинском (аварском) р-не есть лакское с. Шалиб. В Левашинском (даргинском) р-не в селениях Ахкент, Кулецама, Кутиша, Нижнее Чугли, Охли, Орада-Чугли, Урма, Хахита и Чуни живут аварцы и т. д.» (Атаев, 2012: 218).

Несмотря на своеобразие района, серьезных исследований языковой ситуации здесь еще не принималось. Лишь в кандидатской диссертации А.-К. С. Баламамедова «Развитие речевого взаимодействия разных народов на примере дагестанского региона: советский период» 1988 г. описаны некоторые социолингвистические аспекты взаимодействия языков народов, населявших районы Дагестана в 1920–1980-е годы, и в общем контексте затронуты и вопросы полилингвизма жителей Рутульского района¹.

Целью данного исследования является выявление основных аспектов, определяющих языковую ситуацию в самобытном районе Республики Дагестан, характеризующемся полиязычием и разнородностью представленных языков, анализ позитивных и проблемных сторон исторически сложившегося языкового многообразия на относительно ограниченной территории.

В рамках статьи предполагается решить следующие задачи:

- изучить и описать опыт сосуществования исторически сложившейся многообразной языковой общности, подчеркнуть её уникальность на фоне опыта других многоязычных районов республики;
- определить статус идиомов и их роль в формировании языковой ситуации в Рутульском районе;
- проследить динамику языковых процессов в районе для определения тенденций развития языковой ситуации и выявления проблемных аспектов в этой области;
- спрогнозировать перспективы изменений в функционировании основных субъектов языковой политики, представленных в Рутульском районе, в контексте общей языковой ситуации в Республике Дагестан и в целом в Российской Федерации.

При выявлении специфики языковой ситуации в многоязычном районе мы опирались на имеющиеся социолингвистические и этнологические источники, результаты социологических исследований, проводившихся в 2014–2019 гг. в Дагестанском федеральном исследовательском центре РАН, и итоги всероссийских переписей населения разных лет.

¹ Баламамедов А.-К. С. Развитие речевого взаимодействия разных народов на примере дагестанского региона: советский период : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1988.

Социально-коммуникативная система и функциональная дистрибуция языков в Рутульском районе Республики Дагестан

На территории Рутульского района Дагестана общей площадью 2170 кв. км. с численностью населения 22926 чел. (по данным Всероссийской переписи населения 2010 г.¹) проживают носители шести неоднородных по генетическому признаку языков — пяти восточнокавказских языков, относящихся к лезгинской (рутульский, цахурский, лезгинский), лакско-даргинской (лакский) и аваро-андо-цезской (аварский) ветвям, и одного языка алтайской семьи — азербайджанского. Всего в районе 40 селений. Носители рутульского языка проживают в 19 селах, цахурцы проживают в 13, лезгины — в 4, лакцы — в 2 селах, по одному селу занимают носители аварского и азербайджанского языков.

Рутульцы, говорящие на мухадском, ихрекском, борчинско-хновском, шиназском и мюхрекском диалектах и их многочисленных говорах, составляют более половины населения района (58,16%); около четверти населения района (23,01%) составляют цахурцы, носители цахского и гельмецкого диалектов и их говоров.

Лезгины, составляющие чуть менее 10% от населения района, проживают в селах Играх, Иче, Лакун, Хлют, являются носителями говоров докузпаринского наречия лезгинского языка.

Аварцы численностью 623 чел. (по данным Всероссийской переписи населения 2010 г.) составляют 2,71% и проживают в селе Кусур (местное название *ГьочотIа*), входящем в Кальялское сельское поселение (Кальял — цахурское село) в труднодоступном горном районе, куда можно добраться только на лошадях. Местные жители общаются на кусурском диалекте аварского языка, описывая который, И. А. Исаков отмечает: «Продолжительная оторванность жителей аварского села Кусур (расположено в Рутульском районе Республики Дагестан) от общеаварского языкового ареала и тесные контакты их с носителями других языков обусловили, с одной стороны, консервацию в диалекте ряда архаических черт аварского языка, а с другой — появление в нём многих инноваций, сыгравших существенную роль в формировании и развитии этого диалекта, резко отличающегося ныне как от литературного языка, так и от остальных аварских диалектов» (Исаков, 2020: 13–14).

В двух сёлах — Аракул и Верхний Катрух — проживают 865 лакцев, составляющих 3,77% населения района. Локализованный в северной части Рутульского района аракульский диалект, включающий аракульский и катрухский говоры и имеющий заметные расхождения с другими диалектными единицами лакского языка в области лексики, фонетики и морфологии, признается исследователями наиболее архаичным (Хайдаков, 1966: 7–8).

Азербайджанское население Рутульского района немногочисленно — чуть более 1,5% населения района (359 человек согласно Всероссийской переписи населения 2010 года). Проживают они большей частью в селении Нижний Катрух и говорят на специфическом нижнекатрухском говоре азербайджанского языка, перенявшем некоторые лексические, фонетические и грамматические черты лакского языка. Н. С. Джидалаев предполагает, что произошло «этническое смешение нижнекатрухцев с азербайджаноязычным населением, притом в первую очередь важно, представлял ли последнее исконных азербайджанцев или другое население, но говорящее на азербайджанском языке» (Джидалаев, 2008: 48).

Предполагается, что лакские поселения Аракул и Верхний Катрух (как и азербайджанское село Нижний Катрух) возникли на территории компактного проживания рутульцев и цахурцев в XVIII в. в результате завоевательных походов Сурхай-хана II (Лавров, 1962: 120).

Этническая пестрота Рутульского района не позволяет требовать от носителей языков пяти других национальностей владения рутульским языком, т. к. подобное требование не оправдано сферами функционирования, обслуживаемыми титульным для района языком. Сферы общения, образования, делопроизводства и др. в достаточной мере обслуживаются общепонятным языком межнационального общения — русским.

Все языки, представленные в Рутульском районе, письменные, титульный рутульский язык и второй по численности в районе цахурский язык имеют статус новописьменных, т. к. алфавиты для них были

¹ Всероссийская перепись населения 2010 [Электронный ресурс] // ВПН–2010. Официальный сайт. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 02.08.2022).

приняты лишь в 1990 г., поэтому их функционирование значительно отличается от старописьменных языков Дагестана.

В 1930-е гг. А. Н. Генко предпринял попытку создания письменности для рутулов и цахуров: в 1934 г. на основе латинской графики им был составлен алфавит для цахурского языка, что позволило С. А. Джафарову составить и издать восемь учебников на основе латинской графики¹. Этот процесс приостановился в 1938 г. связи с переводом алфавитов младописьменных языков СССР с латиницы на кириллицу, издание учебной литературы и преподавание на цахурском языке были прекращены. Попытка составления алфавита для рутульцев изначально была признана нецелесообразной по нескольким причинам, среди которых Л. И. Лавров выделяет «нежелание населения, малая его численность, отсутствие подготовленных кадров и, наконец, почти поголовное знание рутульцами такого развитого языка, как азербайджанский» (Лавров, 1962: 151).

Факт использования до середины XX в. азербайджанского языка жителями Южного Дагестана в качестве языка межнационального общения подтверждается на примере его активного функционирования в Рутульском районе: на азербайджанском языке писали поэт и ашуг XVIII в. Кур Раджаб из Ихрека, рутульские поэты XX в. Шиназ Эзерчи, Нурахмед Рамазанов, Джамесеб Саларов, Сакит Курбанов и др.; с 1932 г. в Рутуле выпускалась газета «Гызыл чобан» («Красный чабан»); языком обучения в школах Рутульского района до 1952 г. являлся азербайджанский.

Л. И. Лавров, описывая языковую ситуацию до середины 1950-х гг., пишет:

«В настоящее время рутульским языком пользуются дома, на работе и на собраниях, но, если на собраниях присутствуют люди, не знающие этого языка (лезгины, цахуры и пр.), то ораторы говорят чаще всего по-азербайджански. На рутульском языке разговаривают в школе ученики на переменах. Песен на рутульском очень мало и поют их лишь в редких случаях. Но местные поэты, пишущие по-азербайджански и по-лезгински, слагают иногда песни также и на рутульском языке, которые исполняются на вечерах самодеятельности... Азербайджанский язык играет роль «международного» языка для сношений рутульцев с лезгинами, цахурами, табасаранцами, горскими евреями, частью лакцев и аварцев, а также с самими азербайджанцами» (там же: 151–152).

С середины XX в. обучение в школах Рутульского района было переведено на русский язык, что упрочило его позиции в регионе (Ибрагимов, 2004: 8). В 1991–1992 гг. осуществлён перевод начального обучения на рутульский и цахурский языки в связи с введением статуса письменности на базе кириллицы для агульского, цахурского и рутульского языков и утверждения алфавитов для этих языков, однако в последние годы языком обучения в школах повсеместно становится русский язык.

В 1996 г. в Азербайджане была опубликована цахурская азбука на основе латинской графики. В 2003 г. приказом Министерства образования Азербайджана были утверждены учебные программы для 1–4 классов средней школы по нескольким языкам народов Азербайджана, в том числе и по цахурскому.

Характеризуя языковую ситуацию кусурцев в 1970-х гг., И. А. Исаков писал «Большинство кусурцев владеет двумя-тремя языками. Кроме аварского (свой кусурский диалект) и азербайджанского, на котором кусурцы обычно общаются с азербайджанцами и цахурами, они понимают (особенно молодежь) и цахурский. Младшее поколение владеет и русским языком» (Исаков, 2020: 19).

Лезгинский, аварский, лакский и азербайджанский языки имеют богатую письменную традицию, но идиомы, на которых говорят их носители в Рутульском районе, весьма специфичны в силу формирования на долгом хронологическом отрезке в обособленных сообществах. Автономность развития, «нетрадиционное» языковое соседство и контактирование (кроме рутульско-лезгинского) негативно сказываются на возможности полноценного общения их носителей с представителями соответствующих этносов.

Данные историографических источников и анализ современной лингвистической ситуации позволяют заключить, что в районе за последние полвека произошла смена языка межнационального общения: азербайджанский язык полностью вытеснен русским.

С учетом того обстоятельства, что рутульцы и цахурцы составляют более 75% населения района, общественность все больше беспокоит снижение активности в распространении и употреблении

¹ Djafarov S. A. Alifbei. Baku, 1935; Djafarov S. A. Zattijn kitab. Baku, 1936; Djafarov S. A. Qodesin kitab. Baku, 1936; и др.

письменности, заметное отсутствие у подрастающего поколения интереса к овладению системой письма на родном языке. Возможно, это обусловлено и громоздкостью разработанных для рутульского и цахурского языков алфавитов. На рутульском и цахурском языках издаются республиканские газеты «Мыхалбишды цинды хабарбыр» («Рутульские новости») и «Нур» («Луч»/«Свет»). Регулярно на новописьменных языках транслируются теле- и радиопередачи.

Проблема с отсутствием прогресса в освоении письменности на рутульском и цахурском языках усугубляется и отсутствием перспектив использования полученных знаний по родному языку: вузы республики, ссылаясь на сложность формирования и нерентабельность обучения малочисленных групп из 5 студентов, постепенно отказываются от подготовки учителей по новописьменным языкам — агульскому, рутульскому и цахурскому (Ибрагимова, 2017).

В связи с названными выше причинами письменность языков этих двух народов становится объектом изучения только для лингвистов, учителей школ, журналистов, дикторов, осваивающих графические системы по роду профессиональной деятельности.

Работа по сохранению языков

Стремлением сохранить родные языки и расширить сферы их функционирования продиктовано регулярное проведение с 1990-х гг. научных конференций и иных мероприятий в Институте языка, литературы и искусства Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, в Дагестанском государственном университете, круглых столов на площадке Дагестанского государственного педагогического университета, тотальных диктантов на национальных языках, проводимых под руководством министерства по национальной политике и делам религий Республики Дагестан, регулярно организуются презентации монографий, русско-национальных и национально-русских словарей, сборников стихов на дагестанских языках с участием научной и творческой общественности республики.

Праздничные мероприятия, приуроченные к Международному дню родного языка и ко Дню дагестанской культуры и языков, организуются ежегодно в районном центре — селе Рутул с участием представителей всех народов, проживающих в районе.

В последние годы в обществе возросла роль неравнодушных патриотов «из народа», ратующих за сохранение дагестанских языков, что является нормой и для других регионов Российской Федерации: так, активность защитников родного языка, представляющих движение «снизу» (*grassroot movement*) отмечается и в Республике Тува (Боргоякова, Биткеева, 2020: 55–56).

Языковые активисты на волонтерской основе объединяются, как правило, на интернет-площадках, где делятся опытом возрождения своих языков и культур, учреждают общественные организации, деятельность которых направлена на ревитализацию языков, находящихся под угрозой исчезновения, создают центры изучения родных языков в городах республики, составляют разговорники бесписьменных языков и диалектов, переводят в цифровой формат национально-русские словари, делая возможным их использование на платформе *Android*, озвучивают популярные мультфильмы, печатают в газетах кроссворды на родных языках, проводят онлайн-конференции, организуют языковые лагеря и различные игровые площадки для взрослых и детей.

Определенную работу в этом направлении проводят и органы государственной власти, организуя национальные майданы, популяризирующие этнические культуры и языки, объявляя ежегодные конкурсы на звание «Лучший учитель родного языка» и поддерживая грантами их победителей.

Работа по сохранению дагестанских языков проводится без ущерба для владения русским языком, параллельно организуются и мероприятия, популяризирующие общегосударственный язык.

В целом работу по сохранению новописьменных рутульского и цахурского языков можно признать удовлетворительной, чего нельзя сказать о диалектах этих языков и тех уникальных идиомах аварского, лакского и азербайджанского языков, которые представлены в районе. Трудные условия жизни в отдаленных населенных пунктах, отсутствие работы и досуга для молодежи способствуют оттоку населения, переезду их на равнину, в города и, в конечном счете, к утрате привычной языковой среды.

Заключение

Специфика языковой ситуации в Рутульском районе Республики Дагестан заключается не только в его многонациональности и полиязычии, что в целом является нормой для республики, а в структурной, генетической и функциональной разнородности этих языков, в отсутствии регионального *lingua franca*, как это имеет место быть в других районах. Опыт жителей других районов со смешанным составом населения свидетельствует о более тесных связях с титульным народом, владении языком основной национальности района при сохранении своего языка и этнической идентичности.

Уникальность диалектов и говоров, на которых говорят аварцы, лакцы и азербайджанцы, проживающие в Рутульском районе, обусловлена историей их появления, оторванностью от традиционного языкового ареала, консервацией архаичных форм, сохранившихся в связи с автономным обособленным развитием этих идиомов. Всё это влияет и на возможность полноценного общения их носителей с представителями соответствующих народностей, живущими в традиционном языковом окружении.

Полагаем, что при разработке государственной программы развития и функционирования языков Дагестана, проекты которой предлагаются специалистами-дагестановедами (Атаев, Ибрагимова, 2020: 129–131), следует учесть и проблемы витализации специфических диалектов и говоров, представленных в Рутульском районе, так как их архаичные черты помогут пролить свет на современные языковые процессы в области фонетики и грамматики лакского, аварского и азербайджанского языков и на изменения в области говоров лезгинского языка, обусловленные контактированием с носителями родственного рутульского языка.

Устойчивое этноязыковое единство аваро-андийцев позволяет им за пределами своей этнической территории называть себя аварцами (Магомедов, Магомедова, 2021: 67), чего нельзя сказать о рутульцах и цахурцах, языки которых относятся к лезгинской группе, но они дифференцируют себя этнически от лезгин.

Полагаем, что в перспективе этническая пестрота Рутульского района и разноплановость представленных в нем языков, не позволяющая избрать объединяющий их *lingua franca* или *койне*, могут привести к ослаблению функциональной нагрузки идиомов, приобретению ими статуса разговорно-бытовых при сохранении номинального статуса письменных языков. На этом общем фоне язык межнационального общения — русский — упрочит позиции и расширит сферы функционирования, заняв все ниши вплоть до языка междиалектного общения.

Таким образом, языковая ситуация в Рутульском районе достаточно сложная, и, вероятно, без государственной и институциональной поддержки сферы использования представленных в нем ареальных языковых единиц будут в скором времени только сужаться. Политика игнорирования проекции к функциональному развитию специфических идиомов, представленных в Рутульском районе, противоречит российскому языковому законодательству, ориентированному на создание условий для функционирования и сохранения языков.

Задачи дальнейших исследований будут направлены на регулярный мониторинг состояния языковой жизни в полиэтнических ареалах с целью прогнозирования снижения уровня витальности языков и предотвращения их исчезновения с лингвистической карты Российской Федерации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алиева, З. М. (2021) Языковая ситуация в многоязычном ареале (на примере Цумадинского района Республики Дагестан) // Социолингвистика. № 3 (7). С. 41–50. DOI: <https://doi.org/10.37892/2713-2951-3-7-41-50>

Атаев, Б. М. (2012) Миноритарные языки Дагестана: состояние и перспективы / отв. ред. М. А. Магомедов. Махачкала : ИЯЛИ ДНЦ РАН. 290 с.

Атаев, Б. М., Ибрагимова, М. О. (2020) Национально-языковая политика в Дагестане: современное состояние и перспективы // Северо-Восточный гуманитарный вестник. № 3 (32). С. 126–132. DOI: <https://doi.org/10.25693/SVG.2020.32.3.013>

Боргоякова, Т. Г., Биткеева, А. Н. (2020) Тувинский язык в правовом и функциональном измерении // Новые исследования Тувы. № 1. С. 50–61. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.1.4>

Джидалаев, Н. С. (2008) Очерк нижнекатрухского диалекта азербайджанского языка / отв. ред. Б. М. Атаев. Махачкала : Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра РАН. 64 с.

Ибрагимов Г. Х. (2004) Рутульский язык: Синхрония и диахрония / отв. ред. Г. А. Климов. Махачкала : Народы Дагестана. 308 с.

Ибрагимова, М. О. (2017) История становления и направления усовершенствования графики рутульского языка // Современный ученый. № 6. С. 143–145.

Исаков, И. А. (2020) Кусурский диалект аварского языка / отв. ред. М. Ш. Халилов. Махачкала : ООО «АЛЕФ». 172 с.

Лавров, Л. И. (1962) Рутульцы в прошлом и настоящем // Кавказский этнографический сборник : в 3 т. / отв. ред. Л. И. Лавров. М. ; Л.: Изд-во АН СССР. Вып. 3. 288 с. С. 110–157.

Магомедов, М. А., Магомедова, М. М. (2021) Социолингвистическая ситуация в исконном ареале распространения андийских языков // Социолингвистика. № 3 (7). С. 59–68. DOI: <https://doi.org/10.37892/2713-2951-3-7-59-68>

Хайдаков, С. М. (1966) Очерки по лакской диалектологии. М. : Наука. 244 с.

Дата поступления: 08.08.2022 г.

REFERENCES

Alieva, Z. M. (2021) Iazykovaia situatsiia v mnogoiazychnom areale (na primere Tsumadinskogo raiona Respubliki Dagestan) [The language situation in a multilingual area (on the example of the Tsumadinsky region of the Republic of Dagestan)]. *Sotsiolingvistika*, no. 3 (7), pp. 41–50. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.37892/2713-2951-3-7-41-50>

Ataev, B. M. (2012) *Minoritarnye iazyki Dagestana: sostoianie i perspektivy* [Minority languages of Dagestan: State and prospects] / ed. by M. A. Magomedov. Makhachkala, G. Tsadasa Institute of Language, Literature and Art of the DSC RAS. 290 p. (In Russ.)

Ataev, B. M. and Ibragimova M. O. (2020) Natsional'no-iazykovaia politika v Dagestane: sovremennoe sostoianie i perspektivy [National language policy in Dagestan: Current state and prospects]. *Severo-Vostochnyi gumanitarnyi vestnik*, no. 3 (32), pp. 126–132. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25693/SVGV.2020.32.3.013>

Borgoiakova, T. G. and Bitkeeva, A. N. (2020) Tuvinskii iazyk v pravovom i funktsional'nom izmerenii [Tuvan language in legal and functional dimension]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 50–61. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.1.4>

Dzhidalaev, N. S. (2008) *Ocherk nizhnekatrukhskogo dialekta azerbaidzhanskogo iazyka* [A study of the Nizhnekatrukhs dialect of the Azerbaijani language] / ed. by B. M. Ataev. Makhachkala, G. Tsadasa Institute of Language, Literature and Art of Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. 64 p. (In Russ.).

Ibragimov, G. Kh. (2004) *Rutul'skii iazyk: sinkhroniia i diakhroniia* [The Rutul language: Synchrony and diachrony] / ed. by G. A. Klimov. Makhachkala, Narody Dagestana. 308 p. (In Russ.).

Ibragimova, M. O. (2017) Istoriia stanovleniia i napravleniia usovershenstvovaniia grafiki rutul'skogo iazyka [The history of the formation and directions of improvement of the graphics of the Rutul language]. *Sovremennyi uchenyi*, no. 6, pp. 143–145. (In Russ.).

Isakov, I. A. (2020) *Kusurskii dialekt avarskogo iazyka* [The Kusus dialect of Avar] / ed. by M. Sh. Khalilov. Makhachkala, ALEF. 172 p. (In Russ.).

Lavrov, L. I. (1962) Rutul'tsy v proshlom i nastoiashchem [Rutulians in the past and present]. In: *Kavkazskii etnograficheskii sbornik* [Caucasian ethnographic collection] : in 3 vols. / ed. by L. I. Lavrov. Moscow, Leningrad, Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. Vol. 3. 288 p. Pp. 110–157. (In Russ.).

Magomedov, M. A. and Magomedova, M. M. (2021) Sotsiolingvisticheskaia situatsiia v iskonnom areale rasprostraneniia andiiskikh iazykov [Sociolinguistic situation in the native area of the district of the Andian languages]. *Sotsiolingvistika*, no. 3 (7), pp. 59–68. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.37892/2713-2951-3-7-59-68>

Khaidakov, S. M. (1966) *Ocherki po lakskoi dialektologii* [Essays on Lak dialectology]. Moscow, Nauka. 244 p. (In Russ.).

Submission date: 08.08.2022.

DOI: 10.25178/nit.2022.4.9

ПРОБЛЕМЫ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Статья

**Тибетские тексты «Сутры о восьми светоносных неба и земли»
в рукописном фонде тувинского института**

Саглара В. Мирзаева, Деляш Н. Музраева,

**Калмыцкий научный центр Российской академии наук, Российская Федерация,
Ульяна П. Бичелдей**

Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований
при Правительстве Республики Тыва, Российская Федерация

В статье рассматриваются и вводятся в научный оборот тибетоязычные сочинения из круга текстов «Сутры о восьми светоносных неба и земли» из рукописного фонда Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва. Среди пяти сочинений, выявленных в фонде, представлены (и в ксилографическом, и в рукописном виде) уже известные в исследовательской литературе две основные версии сутры, вошедшие в Кагьюр / Ганджур (версия А) и сборник ритуальных текстов «Сундуй» (версия В), а также краткая версия, восходящая к версии В, списки которой отсутствуют в крупнейшей библиотеке тибетских текстов BDRC.

Особый интерес представляет текст «Gnat sa snang brgyad kyi mdos bzhes bya ba bzhuigs so» ('Ритуал до «Восьми светоносных неба и земли»), содержащий описание ритуала с нитяным крестом до (тиб. mdos) на основе рассматриваемой сутры. Во вступительной части приводится описание визуализации приглашаемых во время ритуала божеств, за которым следует основной текст сочинения в стихотворной форме, написанный семисложным размером, с обращением к духам в четырех основных и четырех промежуточных направлениях, которым подносится выкуп. В заключении перечисляются предметы и подношения, необходимые для проведения обряда, и способ их организации на алтаре.

Основной функцией ритуала, судя по содержанию текста, является отвращение различных препятствий, в первую очередь астрологического характера дунзур. Кроме того, в конце сочинения даются дополнительные инструкции по использованию его в ритуале для излечения болезней и необходимой для него атрибутики.

Ключевые слова: «Сутра о восьми светоносных неба и земли»; тибетская версия; ритуал до; ТИГПИ; Тува; буддизм Тувы

Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Устное и письменное наследие монгольских народов России, Монголии и Китая: трансграничные традиции и взаимодействия» (номер госрегистрации: АААА-А19-119011490036-1).

Для цитирования:

Мирзаева С. В., Музраева Д. Н., Бичелдей У. П. Тибетские тексты «Сутры о восьми светоносных неба и земли» в рукописном фонде тувинского института // Новые исследования Тувы. 2022. № 4. С. 114-126. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.9>

Мирзаева Саглара Викторовна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела письменных памятников и языкознания Калмыцкого научного центра РАН. Адрес: 358000, Россия, г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8. Тел.: +7 (84722) 3-55-06. Эл. адрес: saglamirzaeva@kigiran.com

Музраева Деляш Николаевна — кандидат филологических наук, доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела письменных памятников и языкознания Калмыцкого научного центра РАН. Адрес: 358000, Россия, г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8. Тел.: +7 (961) 840-86-14. Эл. адрес: deliash@mail.ru

Бичелдей Ульяна Павловна — доктор религиоведения, ведущий научный сотрудник группы религиоведения Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва. Адрес: 667000, Российская Федерация, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 4. Тел.: +7 (39422) 2-39-36. Эл. адрес: orei-ool@yandex.ru

PROBLEMS OF ORIENTAL STUDIES

Article

Tibetan texts of “The Sutra of Eight Luminous of Heaven and Earth” kept in the manuscript collection of a Tuvan institute**Saglara V. Mirzaeva, Delyash N. Muzraeva***Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation,***Uliana P. Bicheldey***Tuvan Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research
under the Government of the Republic of Tuva, Russian Federation*

The article analyzes and introduces the Tibetan-language texts of “The Sutra of Eight Luminous of Heaven and Earth” kept in the manuscript repository of the Tuvan Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva. Among five texts (both xylographs and manuscripts) found in the collection, there are well-known versions A (included in *Bka-'gyur*) and B (included in the *Gzungs-'dus* collection), and also a summarized version of the sutra not found in Buddhist Digital Resource Center, the largest database of Tibetan texts. The analysis of this version shows that it can be related to version B of the sutra.

The text entitled “*Gnam sa snang bryad kyi mdos bzhes bya ba bzhugs so*” (“*Mdos* ritual of “Eight Luminous of Heaven and Earth”) is of particular interest because it contains the description of a special ritual with *mdos* (thread-cross). The introductory part of the text describes a visualization of supernatural beings invited for this ritual. The main text is an invocation to various spirits in four main and four intermediary directions. The spirits are supposed to accept this ransom offering (Tib. *glud*). The invocation is written in a poetic form organised as heptasyllabic verses. The manuscript ends with a list of attributes and offerings necessary for the ritual and an instruction how to organize them on the altar.

According to the text, this ritual is aimed at aversion of various obstacles, mainly the astrological ones (*bdun-zur*). Besides, in the end of the work there are additional instructions on an illness-curing ritual performed on the basis of this text and a list of necessary attributes.

Keywords: “The Sutra of Eight Luminous of Heaven and Earth”; Tibetan version; *mdos* ritual; TIHASER; Buddhism of Tuva

Financing

The study was carried out within the framework of state subsidies — the project “Oral and Written Heritage of the Mongolian Peoples of Russia, Mongolia and China: Cross-Border Traditions and Interactions” (registration number AAAA-A19-119011490036-1).

For citation:

Mirzaeva S. V., Muzraeva D. N. and Bicheldey U. P. Tibetskie teksty «Sutry o vos'mi svetonosnykh neba i zemli» v rukopisnom fonde tuvinskogo instituta [Tibetan texts of “The Sutra of Eight Luminous of Heaven and Earth” kept in the manuscript collection of a Tuvan institute]. *New Research of Tuva*, 2022, no. 4, pp. 114-126 (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.9>

MIRZAEVA, Saglara Viktorovna, Candidate of Philology, Senior Researcher, Department of Written Monuments and Language Studies, Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Postal address: 8 Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation. Tel.: +7 (84722) 3-55-06. E-mail: saglaramirzaeva@kigiran.com

[ORCID ID: 0000-0002-8542-0260](https://orcid.org/0000-0002-8542-0260)

MUZRAEVA, Delyash Nikolaevna, Candidate of Philology, Doctor of History, Associate Professor, Leading Researcher, Department of Written Monuments and Language Studies, Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Postal address: 8 Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation. Tel.: +7 (961) 840-86-14. E-mail: deliash@mail.ru

[ORCID ID: 0000-0002-8619-9369](https://orcid.org/0000-0002-8619-9369)

BICHELDEY, Uliana Pavlovna, PhD (Religious Studies), Leading Researcher, Group of Religious Studies, Tuvan Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva. Postal address: 4 Kochetov St., 667000 Kyzyl, Russian Federation. Tel.: +7 (39422) 2-39-36. E-mail: opei-ool@yandex.ru

[ORCID ID: 0000-0001-5588-9167](https://orcid.org/0000-0001-5588-9167)

Введение

Тибетский язык на протяжении нескольких столетий был и остается языком буддийского канона и ритуала не только в тибетской культуре, но и в традиции монгольских народов, от которой берет начало и тувинская буддийская традиция. Фонды Тувы располагают объемными коллекциями тибетских рукописей и ксилографов, которые все еще ждут своего исследователя. В рамках сотрудничества калмыцких и тувинских ученых ряд памятников на монгольском, ойратском и тибетском языках, в том числе с участием авторов данной статьи, был введен в научный оборот (Баянова, Долеева, Михалева, 2019; Бембеев, 2019; Бембеев, Бичеев, Бичелдей, 2019; Бичеев, 2019; Бичеев, Бичелдей, 2019; Гедеева, Мирзаева, 2019; Манджиева, Сумба, 2019; Мирзаева, 2019ab, 2021ab; Мирзаева, Самдан, 2021; Музраева, Сумба, 2019ab; и др.).

В продолжение данного проекта в рамках изучения буддийского наследия в тувинских фондохранилищах в данной публикации будут рассмотрены тибетоязычные тексты, представляющие собой версии «Сутры о восьми светоносных неба и земли» (тиб. *'phags pa gnam sa snang ba brgyad / snang brgyad kyi mdo / sangs rgyas kyi chos gsal zhing yangs pa snang brgyad ces bya ba'i mdo*, монг. *qutuγ-tu (oγtarγui yaǰar-un) naiman gegen neretü yeke kölgen sudur / qarsi jasaqu naiman gegegen neretü sudur*, ойр. *xutuqtu oqtorγui yazariyin nayiman gegēn / xaršiyin jasaqu nayiman gegēni sudur*) или связанные с ней ритуальные тексты, из рукописного фонда научного архива Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва (далее — ТИГПИ).

Эта сутра представляет собой апокрифическое сочинение, истинность которого как слова Будды не раз подвергалась сомнению в китайской и тибетской традициях, однако среди монгольских народов она получила широкое распространение как текст, связанный с астрологическими ритуалами «исправления» (монг. *ǰasal*), устранения различного рода препятствий, особенно связанных с понятиями триграмм (тиб. *spar kha*, монг. *külii*), меток (тиб. *sme ba*, монг. *mengge*), планетарных духов, божеств двенадцатилетнего цикла, восьми классов сверхъестественных существ и пр. Целью статьи являются характеристика и анализ выявленных в рукописном фонде ТИГПИ тибетских версий сутры и ритуальных текстов, связанных с сутрой. Актуальность исследования в первую очередь обосновывается необходимостью ввода в научный оборот буддийских сочинений на тибетском и монгольском языках, анализ которых позволит описать в дальнейшем бытование и специфику тувинской буддийской традиции. Кроме того, некоторые из рассматриваемых в статье текстов уникальны и не обнаруживают других списков в самой крупной цифровой библиотеке тибетских текстов Buddhist Digital Resource Center (далее — BDRC)¹.

Согласно инвентарной книге и описи, текстов, в названии которых обозначено краткое тибетское название сутры «*Snang brgyad*», было установлено пять: №№ 782, 923, 1082, 1392, 1996:

- 1) 782. *Phags [=phags] pa gnam sa snang brgyad bsdus pa bkra shis brtsigs [=brtsegs] pa bsdus pa bkra shes [=shis] don grub bsdus pa gsum bzhus so* ('Святые [сутры] — краткая «[Сутра] восьми светоносных неба и земли», краткая «[Сутра] собрания благоприятствования», краткая «[Сутра] свершения благоприятствования»): рукопись из 6 листов, размеры 20,4×8,4 см;
- 2) 923 / 28. *Gnam sa snang brgyad bzhus so* ('Восемь светоносных неба и земли'): ксилографический текст из 10 листов в составе сборника «Сундуй», размеры 50,1×13,3 см;
- 3) 1082. *Gnam sa snang brgyad kyi mdos bzhes [=zhes] bya ba bzhus so / byis pa'i gdon chen bco lnga bcos thabs zhes bya ba bzhus so* ('Ритуал до² «Восьми светоносных неба и земли», способ исправления [влияния] пятнадцати великих духов дон на детей'): рукопись из 4 листов, размеры 34,2×7,8 см;
- 4) 1392. *Bka' gyur gyi nang du bzhus pa'i 'phags pa ... la zhing yangs pa'i snang brgyad dongs bya ba'i mdo bzhus so* ('Святая сутра восьми обширных светоносных, входящая в состав Кагьюра'): рукопись из 16 листов, размеры 19,5×7,4 см;
- 5) 1996. *Phags pa gnam sa snang brgyad ces bya ba bzhus so* ('Святая «[Сутра] восьми светоносных неба и земли»): ксилограф из 28 листов, размеры 22,6×7,1 см.

¹ The Buddhist Digital Archives by the Buddhist Digital Resource Center [Электронный ресурс] // The Buddhist Digital Archives by the Buddhist Digital Resource Center. URL: <https://library.bdrc.io/> (дата обращения: 07.07.2022).

² От тиб. *mdos* 'нитяной крест'. Тантрический ритуал для умиротворения вредоносных духов, выкупа жизни в случае угрозы смерти, болезни или вмешательства различных сверхъестественных существ. Транскрипция тибетских слов выполнена в соответствии с правилами (Зорин, 2010: 347–348).

Тексты сутры в фонде ТИГПИ

Как указывалось в предыдущих публикациях (Мирзаева, 2019а, 2020, 2021а), исследователи тибетских и монгольских версий сутры выделяют две основные версии — А и В: первая (А) относится к версии, включенной в Кагьюр, вторая (В) — к включенной в сборники малых неканонических текстов «Сундуй» и «Доманг».

Предварительный анализ монгольязычных версий сутры или иных ритуальных и нарративных текстов, в название которых входит краткое название сутры «*Nayiman gegen / gegegen*», показывает, что в монгольской письменной традиции сутра представлена большим разнообразием версий и связанных с сутрой сочинений по сравнению с тибетской. Кроме того, можно отметить, что в тибетской ритуальной литературе эта сутра, а именно версия В, больше связана с геомантией (вероятно, потому, что значительную часть в ней занимает перечисление имен хозяев местности), в монгольской же традиции явно прослеживается включенность сутры в астрологические ритуалы, ритуалы устранения препятствий, как указано выше, и пр. (Позднеев, 1993: 414–416, 427–433).

Из пяти обнаруженных в рукописном фонде ТИГПИ текстов сутры три можно отнести к упомянутым выше основным версиям: № 1392 — рукописный список версии А, № 923 / 28 — ксилографический текст версии В, в составе сборника «Сундуй», № 1996 — также список версии В, отпечатанный отдельным небольшим ксилографом. Поскольку содержание, структура и основные отличия обеих версий на материале монгольских и ойратских переводов уже описаны в предыдущих публикациях (Мирзаева, 2020, 2022), мы не будем останавливаться на текстах №№ 923 / 28, 1392, 1996 здесь, и рассмотрим две оставшиеся рукописи — №№ 782 и 1082. Тибетоязычные тексты с аналогичными названиями в библиотеке BDRC не обнаружены, таким образом, эти рукописи представляют собой редкие образцы буддийской литературы на тибетском языке, сохранившиеся в рукописном фонде ТИГПИ.

Текст сутры из рукописи № 782

Рукопись № 782 включает три сочинения, в том числе текст рассматриваемой сутры, маркированный как краткая версия «Сутры о восьми светоносных неба и земли». Это сочинение небольшого объема из двух листов включает вводную часть с названиями сочинения на санскрите и тибетском языке, формулой поклонения и просьбой усмирить восемь классов могущественных существ путем чтения сакральных формул типа дхарани или мантр, которые следуют далее в тексте.

Указанное в начале текста санскритское название *Ā rya pa ra yang gyiṅ rta* позволяет отнести этот текст к версии В (в текстах версии А приводится иное санскритское название — *Ā ry-a gagan-a bam aṣṭa Bai ruiṣan-a na ma ma hā yan-a sutr-a*). В основной части текста санскритские формулы перемежаются просьбами о даровании блага, зарождении высшего помысла бодхичитты, усмирении враждебных помыслов и пр. Завершается сочинение стандартной для сутр фразой о том, что слушатели возносят хвалу сказанному Буддой, и повтором названия сутры.

Ниже приведем транслитерацию и перевод текста.

782. [1r] <i>Phags pa gnaṃ¹ sa snang brgyad bsdus pa bkra shis btsigs [=btsegs] pa bsdus pa bkra shes [=shis] don grub bsdus pa gsum bzhugs so /</i>	Святые [сутры] — краткая «[Сутра] восьми светоносных неба и земли», краткая «[Сутра] собрания благоприятствования», краткая «[Сутра] свершения благоприятствования»
[1v] <i>rgya gar skad du / ā rya pa ra yang gyiṅ rta /</i>	На санскрите — <i>Арья-пара-янг-гьинг-та</i> ,
<i>bod skad du / 'phags pa gnaṃsa snang brgyad zhes bya ba thegs [=theg] pa chen po'i mdo /</i>	На тибетском — Святая сутра Махаяны, называемая «Восемь светоносных неба и земли».
<i>sangs rgyas dang byang chub sems dpa' thams [cad] la phyag 'tshal lo /</i>	Поклоняюсь всем буддам и бодхисаттвам.

¹ Одной из орфографических особенностей рукописи является использование санскритского знака анусвары *ṃ* вместо корневой графемы *ma*, что отражено в транслитерации. В данном контексте интересно написание *thams*, представляющее собой, очевидно, стяженную форму от *thams cad* (в транслитерации передано как *thams [cad]*).

<i>bcom ldan 'das gnas la dbang byed ba'i bdag lha klu bzhi [=gzhi] bdag gnas bdag rgyu ba gza' skar tshe grangs (?) / sde brgyad mi ma yin mthu po che thams [cad] so sor bcos pa dang / zhi ba dang bde legs su mdzad du gsol / yon bdag dang mthun par gyur cig /</i>	Прошу исправить влияние тех, кто владычествует там, где пребывает Бхагаван, — божеств, нагов, хозяев местности <i>шидак</i> , <i>нэдак</i> , перемещающихся планет, звезд, духов, [относящихся к разным периодам] времени, — восьми классов нечеловеческих могущественных существ, всех и каждого в отдельности. Прошу усмирить и совершить благо. Пусть пребудут в согласии с милостынедателем.
<i>om sa+rba ta thā ga ta ā yu bu+ṣṭim rka ru sbā hā /</i>	Ом <i>сарва татхагата аю пуштим кару сваха</i> .
<i>'gro ba rig [=rigs] drug so [2r] so'i sdug bsngal rnam zhi nas bde legs su gyur cig /</i>	Пусть усмирятся страдания каждого из шести классов живых существ и они обретут благо.
<i>om gi li mi li pi ti la a dhi pa ta yi hu ya hu ya sru zung tshi ni a dha ma ha li sbā hā //</i>	Ом <i>гили мили нити адхи пата йиху яху ясу зунг цини адха махали сваха</i> .
<i>thams [cad] byang chub mchog tu sems bskyed par gyur cig / zhi ba dang legs su gyur cig /</i>	Пусть все зародят высший помысел о Пробуждении. Пусть усмирятся и обретут благо.
<i>om ā ka ni ni ka ni a byi la pan dha pan dhahi sbā hā /</i>	Ом <i>акани никани абила панда пандахи сваха</i> .
<i>thams [cad] mu (?) rkod [=rgod] pa rnam zhi par gyur cig /</i>	Пусть все враждебные [помыслы] усмирятся.
<i>om kyil pa ri shu ā ba ya huṃ huṃ huṃ / ho ho ho / thā thā thā nā ga sbā hā /</i>	Ом <i>кыл пари шу а бая хум хум хум. Хо хо хо. Тха тха тха нага сваха</i> .
<i>thams [cad] zhi ba dang bde legs su bcos so /</i>	Пусть все усмирятся и обретут благо.
<i>tri tri shu ma tra dza tra dza tra huṃ dza /</i>	<i>Три тришу матра дзатра дзатра хум дза</i> .
<i>om bo dhi tsi dhi tsi dhi [2v] u ma ta ya mi ka sa da dung dung rakṣha ha ha ma raṃ raṃ kā la kha la ka ra pa rta rdo ta yaṃ yaṃ laṃ 'bru 'dus sbā hā / mu ra dhi mu ra dhi sbā hā / mar mir thum thum /</i>	Ом <i>бодхи цидхи цидхи ума тая мика сада дунг дунг ракша хаха ма рам рам кала кхала кара пата дота ям ям лам бруду сваха. Мурадхи мурадхи сваха. Мар мир тхум тхум</i> .
<i>thams [cad] bkra shes [=shis] par gyur cig /</i>	Пусть все будут удачливы.
<i>yon bdag dang mthun par gyur cig /</i>	Пусть пребудут в согласии с милостынедателями.
<i>dge stobs che par mdzad du gsol /</i>	Прошу преумножить силу добродетели.
<i>bcom ldan 'das kyi gsungs pa la mngon par bstod do //</i>	[Слушатели] воздали хвалу словам Бхагавана.
<i>'phags pa gnamṃ [=gnam sa] snang brgyad zhes bya ba theg pa chen po'i mdo bzhugs so //</i>	Святая сутра Махаяны, называемая «Восемь светоносных неба и земли».
<i>manga laṃ //</i>	

Рукопись № 1082

Рукопись № 1082, также небольшого объема (из четырех листов), содержит описание ритуала *до*, или устранения препятствий с помощью нитяного креста *до* (тиб. *mdos*).

Текст начинается с формулы поклонения Манджугоше / Манджушри, как во многих астрологических текстах, связанных с китайской традицией¹. Далее следует описание подготовительных действий

¹ Интересно, что в заключительной части сочинения в числе предметов, необходимых для ритуала, упоминается и изображение-*цакли* Манджушри.

по благословению и очищению подносимых субстанций и визуализации, когда исполнитель во время ритуала представляет в качестве реципиентов перечисляемые в версии В сутры восемь классов существ — божеств, нагов, хозяев местности, планетарных божеств, божеств созвездий, двенадцатилетнего цикла и пр. Затем начинается поэтический текст, написанный семисложным размером.

Строфы начинаются с эмфатической частицы *kye* 'о, ох', по содержанию представляют собой обращения к препятствующим духам, располагающимся в четырех основных и четырех промежуточных направлениях, с просьбой принять подношение-выкуп (тиб. *glud*) и отворотить различные препятствия, в том числе препятствие *дунзура* (тиб. *bdun zur*). Духи, к которым обращен ритуал, наполовину антропоморфны и имеют головы животных, расположенных в соответствующем направлении. В тексте перечисляются такие их атрибуты, как мешок с болезнями (тиб. *nad kyi rkyal ba*), мешок с демонами *ду* (тиб. *bdud kyi rkyal ba*), водный аркан (тиб. *chu yi zhags pa*), аркан для демонов *ду* (тиб. *bdud kyi zhags pa*).

После обращения к духам в основных и промежуточных направлениях следует обращение к великим хозяевам местности (тиб. *sa bdag chen po*) с просьбами отворотить различные виды вредоносных влияний: аналогичного ритуала выкупа *то* (тиб. *gto*), демонов *гек* (тиб. *bgegs*), *ду* (тиб. *bdud*) и *дрэ* (тиб. *'dre*) и пр.

В заключительной части дается объяснение деталей ритуала, сопровождающего чтение данного текста: как необходимо организовать алтарь, на котором поверх изображения вселенской черепахи (тиб. *srid pa'i ho*) помещаются символы мировой горы Сумеру и года, лампада и изображения животных двенадцатилетнего цикла по внешнему кругу, а также различные виды подношений. Также указывается, что перед ритуалом необходимо воздержаться от употребления алкоголя и мяса. В конце сочинения уточняется, что если человек, для которого выполняется ритуал, болен, нужно приготовить дополнительные подношения в виде восьми человеческих фигурок, восьми фигурок животных, восьми лампад и прочесть текст три или семь раз.

За заключительной формулой благопожелания на последнем листе рукописи сразу начинается текст другого сочинения «Способ исправления [влияния] пятнадцати великих духов *дон* на детей», который обрывается в самом начале на описании атрибутов, необходимых для ритуала, окончания текста нет.

Поскольку описание этого ритуала не обнаружено в исследовательской литературе, приведем текст хотя бы в том фрагментарном виде, в котором он сохранился: «Поклоняюсь Трем Драгоценностям. Что касается способа совершения выкупа перед пятнадцатью великими духами *дон*, [влияющими] на детей, приготовьте пять видов злаков, одну детскую фигурку для выкупа, расставьте *чангбу* и *тэбкью* по кругу в восьми углах. Также по краям поместите изображения пятнадцати великих демонов *дон*, изображения быка, оленя и лисы...» (тиб. *dkon mchog gsum la phyag 'tshal lo / byis pa'i gdon chen bco lnga la glud btang ba'i thabs la / 'bru sna lnga la byis pa'i ngar glud gcig bya la mtha' brgyad du chang bu dang 'thib [=theb] skyu'i [=kyus] bskor / gzhan yang mtha' gdon chen bco lnga'i gzugs / ba glang dang / ri dwags gzhon nu'i gzugs dang wa dang*).

Далее приведем транслитерацию и перевод текста рукописи.

<p>1082. [1r] <i>Gnam sa snang brgyad kyi mdos bzhes [=zhes] bya ba bzhugs so / byis pa'i gdon chen bco lnga bcos thabs zhes bya ba bzhugs so</i></p>	<p>Ритуал до «Восьми светоносных неба и земли», способ исправления [влияния] пятнадцати великих духов <i>дон</i> на детей</p>
<p>[1v] <i>na mo gu ru gho sha ya /</i></p>	<p>Намо гуру [Манджу]гошая.</p>
<p><i>'dir gnam sa snang brgyad gyis mdos rdzas rnam s gtor ma byin gyis brlabs la / om sva bha was sbyangs /</i></p>	<p>Здесь благослови все принадлежности для ритуала до «Восьми светоносных неба и земли» и <i>торма</i>¹, очисти [мантрой] <i>Ом свабхава</i>².</p>

¹ Ритуальные подношения из теста различной формы.

² Полный вариант мантры — *Om sva bhā wa shu+ddha sa+rba dha+rmā sva bhā wa shu+ddho ham*.

<p><i>stong pa'i ngang las gnam sa bar snang la gnas pa'i lha klu gzhi bdag gza' dang rgyu skar spar kha sme ba lo skor bcu gnyis la sogs pa sa bdag srid pa'i mgron 'khor dang bcas pa rnam ki mnyes zhing tshim par byed pa'i mdos rdzas gnam sa bar snang gyi khyon thams cad bsam gyis mi khyab pa'i gang bar gyur /</i></p>	<p>Все принадлежности для ритуала <i>до</i> доставляют радость и удовлетворение возникающим из пустоты и пребывающим в пространстве между небом и землей божествам, нагам, хозяевам местности <i>шидак</i>, планетарным божествам, божествам созвездий, триграмм-парка, меток-мэва, двенадцатилетнего цикла. Они невообразимым образом заполняют все пространство между небом и землей.</p>
<p><i>om sa+rba bid pū ru sogs sngags drug phyag rgya drug gis byin gyis brlabs la 'di skad do /</i></p>	<p>Благослови [мантрой] <i>Ом сарва вид пуру</i>¹ и т. д. [из «Тантры» шести мантр и шести мудр» и произнеси такие слова:</p>
<p><i>kye nyi ma shar phyogs pha gi na / stag dang yos bu shing gi khams / shing gi dgra ni lcags yin te / phyogs kyi 'dre lnga nub la yod /</i></p>	<p>О, в том восточном направлении находятся тигр и заяц, там стихия дерева. Враг дерева — металл. Пять демонов направлений <i>дрэ</i> находятся на западе.</p>
<p><i>bdud gcod dgra yang de nas [=na] yod / srog lus dbang thang rlung rta la / gnod pa'i 'dre lnga de na yod / lo'i bdun zur nub na yod /</i></p>	<p>Вражеские демоны <i>ду</i> также находятся там. Пять демонов <i>дрэ</i>, вредящие жизненной силе, силе тела, личной силе, удаче, находятся там. <i>Дунзур</i>² находится на западе.</p>
<p><i>[2r] de la len pa'i bdud gcig na / mi dkar bya sprel mgo bo can / phyag g.yas bya khra dkar po bsams / g.yon na bdud khra ma nag po thog / bya sprel bgegs bsgyur glud 'di longs / mi mthun bdun zur bgegs 'di'i bzlog /</i></p>	<p>У демона <i>ду</i>, соответствующего [направлению], [тело] человека белого цвета, голова птицы или обезьяны. В правой руке он держит белого ястреба, в левой — темно-пестрого демона <i>ду</i>. Примите это подношение-выкуп, отвращающее препятствия [годов] птицы и обезьяны. Так отвращается препятствие противодействующего <i>дунзура</i>.</p>
<p><i>kye nyi ma nub phyogs pha gi na / bya dang sprel ni lcags kyi khams / lcags kyi dgra ni mi yin te / phyogs ngan 'dre lnga de na yod /</i></p>	<p>О, в том западном направлении находятся птица и обезьяна, там стихия металла. Враг металла — человек (<i>правильно</i>: дерево). Пять демонов плохих направлений <i>дрэ</i> находятся там.</p>
<p><i>srog lus dbang thang rlung rta la / gnod pa'i dgra ni lha na yod / mi lus rta sbrul mgo bo can / lo'i bdun zur shar na yod /</i></p>	<p>Враждебные божества, вредящие жизненной силе, силе тела, личной силе, удаче, находятся там. <i>Дунзур</i> — с человеческим телом и головой лошади или змеи — находится на востоке.</p>
<p><i>mi lus stag yos mgo bo can / phyag na nad kyi rgyal pa [=rkyal ba] thog / de la bgegs glud 'de 'bul bas / mi mthun bdun zur lo bgegs bzlog /</i></p>	<p>Если сделаете подношение-выкуп от препятствий [духу] с телом человека и головой тигра или зайца, таким образом отвратится препятствие <i>дунзура</i>.</p>
<p><i>kye nyi ma lho phyogs pha gi na / rta dang sbrul nam me yi khams / me'i dgra ni chu yin te / phyogs ngan [2v] 'dre lnga de na yod /</i></p>	<p>О, в том южном направлении находятся лошадь и змея, там стихия огня. Враг огня — вода. Пять демонов плохих направлений <i>дрэ</i> находятся там.</p>

¹ Полный вариант мантры — *Om sa+rba bid pū ra pū ra su ra su ra a wa+rta ya a wa+rta ya ho*.

² В «Основах тибетской астрологии» Лобсанг Доржи объясняет *дунзур* как «седьмое животное от животного года рождения (противоположное на черепахе или седьмое по часовой стрелке по черепахе начиная с самого животного года рождения)» (см.: Доржи Л. Основы тибетской астрологии. Секреты практики / под ред. Т. Ульяновой. М.: Ганга, 2017. С. 202).

<p>'byung ba'i dgra ni byang na yod / lo'i bdun zur byang na yod / srog lus dbang thang rlung rta la / gnod ba'i 'dre lnga de na yod /</p>	<p>Враги элементов находятся на севере. <i>Дунзур</i> находится на севере. Пять демонов <i>дрэ</i>, вредящие жизненной силе, силе тела, личной силе, удаче, находятся там.</p>
<p>de la len pa'i bdud gcig na / mi lus byi phag mgo bo can / g.yas na chu mi [=yi] zhags pa thog / g.yon na bdud kyi rgyal pa [=rkyal ba] thog / de la bgegs bsgyur glud 'di 'phul / mi mthun bdun zur lo bgegs bzlog /</p>	<p>У демона <i>ду</i>, соответствующего [направлению], тело человека и голова мыши или свиньи. В правой руке он держит водный аркан, в левой — мешок с демонами <i>ду</i>. Этот выкуп, отвращающий препятствия, подносится ему. Так отвращается препятствие <i>дунзура</i>.</p>
<p>kye nyi ma byang phyogs pha gi na / phag dang byi pa chu yi khams / chu yi dgra ni sa yin te / phyogs ngan 'dre lnga de na yod /</p>	<p>О, в том северном направлении находятся свинья и мышь, там стихия воды. Враг воды — земля. Пять демонов плохих направлений <i>дрэ</i> находятся там.</p>
<p>'byung ba'i dgra ni mtshams bzhi yod / srog lus dbang thang rlung rta la / gnod pa'i dgra ni mtshams na yod / lo'i bdun zur mthams na yod / phyogs ngan 'dre lnga de na yod /</p>	<p>Враги элементов находятся в четырех промежуточных направлениях. Враги, вредящие жизненной силе, силе тела, личной силе, удаче, находятся в промежуточных направлениях. <i>Дунзур</i> находится в промежуточных направлениях. Пять демонов плохих направлений <i>дрэ</i> находятся там.</p>
<p>de la len pa'i bdud gcig na / mi lus gshed bzhi'i mgo bo can / g.yas na dgra ni ser po thog [ʒr] g.yon na bdud kyi zhags pa bsname / de la bgegs bsgyur glud 'di 'bul / mi mthun bdun zur lo bgegs bzlog /</p>	<p>У демона <i>ду</i>, соответствующего [направлению], тело человека и голова [демона] четырех неблагоприятных годов. В правой руке держит желтого врага (?), в левой — аркан для демонов <i>ду</i>. Этот выкуп, отвращающий препятствия, подносится ему. [Так] отвращается препятствие <i>дунзура</i>.</p>
<p>kye nyi ma lho mtshams shed na / mi lus 'brug gi mgo bo can / gnod pa'i dgra ni shing yin te / mi mthun bdun zur lo bgegs bzlog /</p>	<p>О, в том юго-[восточном] промежуточном направлении находится [демон] с телом человека и головой дракона. Вредящий враг — дерево. [Так] отвращается препятствие <i>дунзура</i>.</p>
<p>kye nyi ma lho nub mtshams shed na / mi lus lug ser mgo bo can / gnod pa'i dgra ni shing yin te / mi mthun bdun zur byang shar na / mi lus glang gi mgo bo can / phyogs ngan 'dre lnga de na yod / de la bgegs bsgyur glus 'bul gyi [=gyis] / mi mthun bdun zur lo bgegs bzlog /</p>	<p>О, в том юго-западном промежуточном направлении находится [демон] с телом человека и головой желтой овцы. Вредящий враг — дерево. Противодействующий <i>дунзур</i> на северо-востоке, с телом человека и головой быка. Пять демонов плохих направлений <i>дрэ</i> находятся там. Тем, что выкуп, отвращающий препятствия, подносится ему, отвращается препятствие противодействующего <i>дунзура</i>.</p>
<p>kye nyi ma nub byang pha gi na / mi lus khyi'i mgo bo can / gnod pa'i dgra ni shing yin te / mi mthun bdun zur shar lho na / mi lus 'brug gis mgo bo can / phyogs ngan 'dre lnga de na yod / de la bgegs [ʒv] bsgyur glud 'bul gyis / mi mthun bdun zur lo bgegs bzlog /</p>	<p>О, в том северо-западном промежуточном направлении находится [демон] с телом человека и головой собаки. Вредящий враг — дерево. Противодействующий <i>дунзур</i> — на юго-востоке, с телом человека и головой дракона. Пять демонов плохих направлений <i>дрэ</i> находятся там. Тем, что выкуп, отвращающий препятствия, подносится ему, отвращается препятствие <i>дунзура</i>.</p>

<p><i>kye nyi ma byang shar pha gi na / mi lus glang gi mgo bo can / 'byung ba'i dgra ni shing yin te / mi mthun bdun zur lho nub na / bud med ser lug mgo bo can / phyogs ngan 'dre lnga de na yod / de la bgegs bsgyur glud 'bul lo / mi mthun bdun zur lo bgegs bzlog /</i></p>	<p>О, в том северо-восточном промежуточном направлении находится [демон] с телом человека и головой быка. Враждебный элемент — дерево. Противодействующий <i>дунзур</i> — на юго-западе, женщина с головой желтой овцы. Пять демонов плохих направлений <i>дрэ</i> находятся там. Выкуп, отвращающий препятствия, подносится ему. [Так] отвращается препятствие противодействующего <i>дунзура</i>.</p>
<p><i>'dre lnga gnod pa'i 'di'i bzlog / mi mthun bdun lo bgegs bzlog /</i></p>	<p>Отвратите это вредоносное влияние пяти демонов <i>дрэ</i>. Отвратите препятствие противодействующего <i>дунзура</i>.</p>
<p><i>sa bdag chen po khyed rnam kun / mchod rdzas glud gtor 'di bzhes la / bdag cag 'khor dang bcas pa yis / lo'i bgegs chen phyir la bzlog /</i></p>	<p>Вы все, великие хозяева местности, примите подносимые объекты, выкуп и <i>торма</i> и отвратите великие препятствия, [связанные с] годами, для нас и нашего окружения.</p>
<p><i>chags chen nyams dang phyir la bzlog /</i></p>	<p>Пусть сильная привязанность угаснет и обратится вспять.</p>
<p><i>lo rlung rta rlung ngan pa bzlog /</i></p>	<p>Отвратите плохую энергию удачи, [связанной с] годами.</p>
<p><i>srog lus dbang thang rlung rta la / gnod pa'i dgra bdud phyir la bzlog /</i></p>	<p>Обратите вспять враждебных демонов <i>ду</i>, вредящих жизненной силе, силе тела, личной силе, удаче.</p>
<p><i>sngas su phyi skyol bgegs pa'i × gdan sa mtshub [4r] pa gto'i bzlog /</i></p>	<p>Отвратите оскверняющий место ритуал <i>то</i> демонов <i>гек</i>, находящихся рядом с постелью (?).</p>
<p><i>mthing gsum 'byung ba gto'i bzlog /</i></p>	<p>Отвратите ритуал <i>то</i> с тремя синими.</p>
<p><i>pha bgegs bu la rtsub pa bzlog /</i></p>	<p>Отвратите вред мужских демонов <i>гек</i> на мальчиков.</p>
<p><i>ma bgegs mo la rtsub pa bzlog /</i></p>	<p>Отвратите вред женских демонов <i>гек</i> на девочек.</p>
<p><i>bu bgegs pha la rtsub pa bzlog /</i></p>	<p>Отвратите вред демонов-мальчиков <i>гек</i> на мужчин.</p>
<p><i>mo bgegs ma la rtsub pa bzlog /</i></p>	<p>Отвратите вред демонов-девочек <i>гек</i> на женщин.</p>
<p><i>lo zla zhag dus bgegs rnam bzlog /</i></p>	<p>Отвратите препятствия, [связанные с] годом, месяцем, днем или временем суток.</p>
<p><i>'dre lnga bdud po dgra shed bzlog /</i></p>	<p>Отвратите враждебную силу пяти демонов <i>дрэ</i> и демонов <i>ду</i>.</p>
<p><i>bdun zur gson po bcom pa bzlog /</i></p>	<p>Отвратите [влияние] <i>дунзура</i>, одерживающего верх над живыми.</p>
<p><i>skyes bgegs phrud (?) med rtsub ba bzlog /</i></p>	<p>Отвратите вред рожденных демонов <i>гек</i>.</p>
<p><i>mi'i bgegs skyes la rtsub pa bzlog /</i></p>	<p>Отвратите вред рожденных человеческих демонов <i>гек</i>.</p>
<p><i>gshin pa dur gyis bcom pa bzlog /</i></p>	<p>Отвратите осквернение кладбищем мертвецов.</p>

<i>gnam sa snang brgyad kyi mdos la / rus sbal gan rgyal [rkyal] gyi steng du / ri rab gru bzhi ba'i steng du / gnam lo skyon /</i>	В ритуале <i>до</i> «Восьми светоносных неба и земли» [поместите на] черепаху, лежащую на спине, гору Сумеру с четырьмя сторонами и [календарь текущего] года,
<i>de'i steng du mar me 'khar /</i>	Поверх поставьте лампаду
<i>mtha' mar [4v] lo bcu gnyis kyi bskor /</i>	И по кругу по краям — [изображения животных] двенадцатилетнего цикла.
<i>zhal zas dgu dang mar me dgu / chu gnyis nyer spyod rol mo dang / 'jam dbyang [=dbyangs] kyi tsa ka li dang dar tshon sna lnga shing thog dang / 'bru thog sna tshogs btsug la byas /</i>	Приготовьте и разместите девять видов пищи, девять лампад, два подношения воды и другие виды подношений, музыкальные инструменты, изображение- <i>цакли</i> ¹ с Манджуши, пять видов шелковых лент, разнообразные фрукты и злаки.
<i>sha chang gi rigs spangs par bya /</i>	Следует воздержаться от мяса, алкоголя и пр.
<i>phyogs bzang la khung du gnas la de / thog tu bsangs gdab klu thebs kyi nyin bya dgos /</i>	Необходимо совершить воскурение- <i>санг</i> в благоприятном направлении поверх углубления в земле в день, когда наги выходят наружу.
<i>nad pa yin na ngar mi dkar bo brgyad dang / mda' brgyad la dar gtags kyi rigs gdugs gtsug [=btsug]</i>	Если есть больной, приготовьте восемь белых человеческих фигурок, к восьми стрелам прикрепите разнообразные шелковые ленты
<i>phyugs dkar po brgyad bag bzhan [=zan] gyi bcos nas bzhag</i>	И [приготовьте] восемь белых фигурок животных из теста.
<i>gnam sa snang brgyad tshar gsum dang bdun 'don la byas /</i>	Читайте вслух «Восемь светоносных неба и земли» три или семь раз.
<i>bkra shis bar gyur cig /</i>	Пусть [все] будет благоприятно.

Заключение

Среди выявленных в рукописном фонде ТИГПИ тибетоязычных текстов «Сутры о восьми светоносных неба и земли» представлены как уже известные в исследовательской литературе версии сутры — версия А, включенная в Кагьюр / Ганджур (№ 1392), и версия В в составе сборника «Сундуй» (№№ 923 / 28 и 1996), так и не представленная в библиотеке BDRC краткая версия сутры (№ 782), которая, если судить по санскритскому названию, указанному в начале текста, восходит к версии В.

Особый интерес представляет рукопись № 1082, содержащая описание ритуала с нитяным крестом *до* на основе рассматриваемой сутры. Основную часть сочинения составляет поэтический текст, написанный семисложником и содержащий обращения к различным духам в четырех основных и четырех промежуточных направлениях, которым подносится выкуп с просьбой отвратить различные препятствия, в первую очередь препятствие астрологического характера *дунзур*, животного двенадцатилетнего цикла, следующего седьмым по часовой стрелке после животного года рождения. В начале и конце сочинения содержатся описания визуализации и действий по организации подношений на алтаре, а также уточнения к ритуалу, если человек, для которого он выполняется, страдает от болезни.

Анализ рукописей №№ 782 и 1082 также позволяет составить представление о круге текстов («Сутра собрания благоприятствования», «Сутра свершения благоприятствования», «Способ исправления [влияния] пятнадцати великих духов *дон* на детей»), использовавшихся вместе с рассматриваемой сутрой в контексте различных ритуалов. В библиотеке BDRC не обнаружены аналогичные рукописи № 1082 тексты, что лишним раз подчеркивает ценность материалов тувинских архивов, в частности рукописного фонда ТИГПИ, для монголоведения и тибетологии и необходимость ввода их в научный оборот.

¹ Миниатюрные изображения божеств, используемые во время ритуалов и посвящений.

Благодарности

Авторы выражают глубокую благодарность администрации Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, заведующему рукописным фондом научного архива ТИГПИ В. С. Салчаку за сотрудничество и возможность работы в рукописном фонде в 2021 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Баянова, А. Т., Долева, А. О., Михалева, Т. А. (2019) Ойратский литературный сборник «Maniyin tayilbuur orošibo» из фонда Национального музея Тувы // Новые исследования Тувы. № 4. С. 32–52. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.4.3>

Бембеев, Е. В. (2019) Ойратская рукопись «Шастра под названием „Золотые четки храбрости“, сочиненная наставником Падамбой» из фонда Национального музея Тувы // Новые исследования Тувы. № 4. С. 53–61. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.4.4>

Бембеев, Е. В., Бичеев, Б. А., Бичелдей, К. А. (2019) Сборник поучений «Ключ разума» из фондов Национального музея Тувы // Новые исследования Тувы. № 3. С. 172–189. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.3.14>

Бичеев, Б. А. (2019) Ойратская коллекция рукописей Национального музея Тувы // Новые исследования Тувы. № 4. С. 18–31. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.4.2>

Бичеев, Б. А., Бичелдей, К. А. (2019) Ойратский литературный сборник из фондов Национального музея Тувы // Новые исследования Тувы. № 4. С. 62–77. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.4.5>

Гедеева, Д. Б., Мирзаева, С. В. (2019) Ойратская рукопись «Хридая-дхарани Матерей» (ойр. *ekeyin zürken tarni orošibo*) из фонда Национального музея Тувы // Новые исследования Тувы. № 4. С. 78–86. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.4.6>

Зорин, А. В. (2010) У истоков тибетской поэзии. Буддийские гимны в тибетской литературе VIII–XIV вв. СПб. : Петербургское востоковедение. 384 с.

Манджиева, Б. Б., Сумба, Р. П. (2019) Рукописный буддийский текст «Стослоговая мантра Ваджрасаттвы» на ойратском языке из Национального музея Тувы // Новые исследования Тувы. № 3. С. 190–197. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.3.15>

Мирзаева, С. В. (2019a) Монгольская рукопись «Сутры о восьми светоносных» (монг. Найман гэгээн) из тувинского архива // Новые исследования Тувы // Новые исследования Тувы. № 3. С. 198–207. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2019.3.16>

Мирзаева, С. В. (2019b) Ойратская рукопись сутры «Собрание благоприятствования» (ойр. *Ölzöi dabxurlaqsan*) из тувинского архива // Новые исследования Тувы. № 4. С. 87–98. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.4.7>

Мирзаева, С. В. (2020) О двух монгольских переводах «Сутры о восьми светоносных неба и земли» // Новый филологический вестник. № 4 (55). С. 371–387. DOI: <https://wdoi.org/10.24411/2072-9316-2020-00117>

Мирзаева, С. В. (2021a) Тувинская рукопись «Сутры о восьми светоносных» как книжный талисман // Новые исследования Тувы. № 3. С. 164–177. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.3.13>

Мирзаева, С. В. (2021b) Тувинская рукопись «Сутры о восьми хулилах» // *Oriental studies*. № 5. С. 1034–1048. DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2021-57-5-1032-1045>

Мирзаева, С. В. (2022) Ойратский перевод «Сутры о восьми светоносных неба и земли»: к вопросу о композиционной структуре // Новый филологический вестник. 2022. № 2 (61). С. 394–412. DOI: <https://doi.org/10.54770/20729316-2022-2-394>

Мирзаева, С. В., Самдан, А. А. (2021) Буддийский ритуал культа Большой Медведицы (на материале тибетоязычной рукописи из тувинских архивов) // Новые исследования Тувы. № 4. С. 161–171. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.12>

Музраева, Д. Н., Сумба, Р. П. (2019a) О ксилографическом сборнике буддийских текстов на монгольском языке из Национального музея Тувы // Новые исследования Тувы. № 2. С. 139–150. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.2.12>

Музраева, Д. Н., Сумба, Р. П. (2019b) О тибетском и монгольском ксилографических изданиях «Повести о Лунной кукушке» (по материалам Национального музея Тувы и архива КалмНЦ РАН) // Новые исследования Тувы. № 4. С. 99–108. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.4.8>

Позднеев, А. М. (1993) Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношением сего последнего к народу. Репринтн. изд. Элиста : Калм. кн. изд-во. 512 с.

Дата поступления: 07.07.2022 г.

REFERENCES

Bayanova, A. T., Doleeva, A. O. and Mikhaleva, T. A. (2019) Oiratskii literaturnyi sbornik «Maniyin tayilbuur orošibo» iz fonda Natsional'nogo muzeia Tuvy [‘Maniyin tayilbuur orošibo’: an Oirat literary collection from the National Museum of Tuva]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 32–52. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.4.3>

Bembееv, E. V. (2019) Oiratskaia rukopis' «Shastra pod nazvaniem „Zolotyе chetki khrabrosti“, sochinennaia nastavnikom Padamboi» iz fonda Natsional'nogo muzeia Tuvy [The Shastra titled ‘A Golden Rosary of Courage’ composed by teacher Padamba: an Oirat manuscript from the National Museum of Tuva]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 53–61. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.4.4>

Bembееv, E. V., Bicheev, B. A. and Bicheldey, K. A. (2019) Sbornik pouchenii «Kliuch razuma» iz fondov Natsional'nogo muzeia Tuvy [‘The Key to Wisdom’: A collection of teachings from the funds of the National Museum of Tuva]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 172–189. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.3.14>

Bicheev, B. A. (2019) Oiratskaia kolleksiia rukopisei Natsional'nogo muzeia Tuvy [An Oirat literary collection from the National Museum of Tuva]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 18–31. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.4.2>

Bicheev, B. A. and Bicheldey, K. A. (2019) Oiratskii literaturnyi sbornik iz fondov Natsional'nogo muzeia Tuvy [An Oirat literary collection from the Aldan-Maadyr National Museum of the Tuva Republic]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 62–77. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.4.5>

Gedeeva, D. B. and Mirzaeva, S. V. (2019) Oiratskaia rukopis' «Khridaia-dkharani Materei» (oir. ekeyin zürken tarni orošibo) iz fonda Natsional'nogo muzeia Tuvy [‘Hrdaya-dhāraṇi of Mothers’ (Oir. ekeyin zürken tarni orošibo): an Oirat manuscript from the National Museum of Tuva]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 78–86. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.4.6>

Zorin, A. V. (2010) *U istokov tibetskoi poezii. Buddiiskie gimny v tibetskoi literature VIII–XIV vv.* [At the source of Tibetan poetry. Buddhist hymns in Tibetan literature: 8th–14th century]. St. Petersburg, Peterburgskoe vostokovedenie. 384 p. (In Russ.).

Mandzhieva, B. B. and Sumba, R. P. (2019) Rukopisnyi buddiiskii tekst «Stoslogovaia mantra Vadzhrasattvy» na oiratskom iazyke iz Natsional'nogo muzeia Tuvy [A Buddhist manuscript of ‘The hundred-syllable mantra of Vajrasattva’ in Oirat language from the National Museum of Tuva]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 190–197. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.3.15>

Mirzaeva, S. V. (2019a) Mongol'skaia rukopis' «Sutry o vos'mi svetonosnykh» (mong. Naiman geegen) iz tuvinskogo arkhiva [A Mongolian manuscript of ‘The Sutra on the Eight luminous of heaven and earth’ (mong. Naiman gegen) from the Tuvan archive]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 198–207. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.3.16>

Mirzaeva, S. V. (2019b) Oiratskaia rukopis' sutry «Sobranie blagopriiatstvovaniia» (oir. Ölzöi dabxurlaqsan) iz tuvinskogo arkhiva [‘Compendium of Auspiciousness’ (Oir. Ölzöi dabxurlaqsan): an Oirat manuscript from the Tuvan Archive]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 87–98. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.4.7>

Mirzaeva, S. V. (2020) O dvukh mongol'skikh perevodakh «Sutry o vos'mi svetonosnykh neba i zemli» [Two Mongolian translations of the “Sūtra of Eight Luminous of Heaven and Earth” revisited]. *New Philological Bulletin*, no. 4 (55), pp. 371–387. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24411/2072-9316-2020-00117>

Mirzaeva, S. V. (2021a) Tuvinskaia rukopis' «Sutry o vos'mi svetonosnykh» kak knizhnyi talisman [A Tuvan manuscript of the “Sutra of Eight Luminous” as a booklore talisman]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 164–177. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.3.13>

Mirzaeva, S. V. (2021b) Tuvinskaia rukopis' «Sutry o vos'mi khulilakh» [‘Sūtra of Eight Khulils’: Analyzing one manuscript from Aldan-Maadyr National Museum of Tuva]. *Oriental Studies*, vol. 14, no. 5, pp. 1032–1045. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2021-57-5-1032-1045>

Mirzaeva, S. V. (2022) Oiratskii perevod «Sutry o vos'mi svetonosnykh neba i zemli»: k voprosu o kompozitsionnoi strukture [An Oirat translation of the “Sūtra of Eight Luminous of Heaven and Earth”: Text structure revisited]. *New Philological Bulletin*, no. 2 (61), pp. 394–412. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.54770/20729316-2022-2-394>

Mirzaeva, S. V. and Samdan, A. A. (2021) Buddiiskii ritual kul'ta Bol'shoi Medveditsy (na materiale tibetoiazychnoi rukopisi iz tuvinskiikh arkhivov) [A Buddhist Ritual of Big Dipper veneration (based on the Tibetan manuscript from Tuvan archives)]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 161–171. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.12>

Muzraeva, D. N. and Sumba, R. P. (2019a) O ksilograficheskom sbornike buddiiskikh tekstov na mongol'skom iazyke iz Natsional'nogo muzeia Tuvy [On a xylographic compilation of Buddhist texts in Mongolian language from the National Museum of the Republic of Tuva]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 139–150. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.2.12>

Muzraeva, D. N. and Sumba R. P. (2019b) O tibetskom i mongol'skom ksilograficheskikh izdaniikh «Povesti o Lunnoi kukushke» (po materialam Natsional'nogo muzeia Tuvy i arkhiva KalmNTs RAN) [“The Tale of the Moon Cuckoo”: Tibetan- and Mongolian-language xylographic editions revisited (a case study of materials stored in the National Museum of the Tuva Republic and the Archive of Kalmyk Scientific Center of the RAS)]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 99–108. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.4.8>

Pozdneev, A. M. (1993) *Ocherki byta buddiiskikh monastyrei i buddiiskogo dukhovenstva v Mongolii v svyazi s otnosheniiem sego poslednego k narodu* [Sketches of the life of Buddhist monasteries and clergy in Mongolia, in connection with the latter's relation to the people]. Reprint ed. Elista, Kalmyk Book Publ. 512 p. (In Russ.).

Submission date: 07.07.2022.

Тексты Праджняпарамиты в коллекции тувинского института

Деляш Н. Музраева

Калмыцкий научный центр Российской академии наук, Российская Федерация,

Антонина С. Донгак

*Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований
при Правительстве Республики Тыва, Российская Федерация,*

Ольга А. Максимова

Калмыцкий научный центр Российской академии наук, Российская Федерация

В статье дается описание буддийских текстов из разряда литературы Праджняпарамиты, которые хранятся в Научном архиве Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва.

Вводятся в научный оборот описания рукописей и ксилографических изданий таких сочинений, как «Алмазная сутра» или «Ваджраччхедика» (тиб. 'phags pa shes rab kyi pha rol tu phyin pa rdo rje gcod pa zhes bya ba theg pa chen po'i mdo), «Сутра сердца бхагавати праджняпарамита хридая» (тиб. bcom ldan 'das ma shes rab kyi pha rol tu phyin pa'i snying po bzhuigs so), «Праджняпарамита в 8000 строф (шлок)» (тиб. 'phags pa shes rab kyi pha rol tu phyin pa brgyad stong pa bzhuigs so) и др. Важность данных сутр в традиции махаяны неизменна и на сегодняшний день. Об этом свидетельствуют комментарии как высоких традиционных учителей буддизма, так и ученых-буддологов нашего времени.

Среди текстов описываемой коллекции встретились также сокращенные версии, относящиеся к т. н. «сакральным формулам», краткие извлечения из текстов в составе сборников и подборок. Суть учения о запредельной мудрости праджняпарамиты (тиб. shes rab kyi pha rol tu phyin pa) — познание пустотности явлений — представляет интерес как для практиков традиции, так и для ученых-философов, антропологов, культурологов и специалистов др. дисциплин.

Рассмотренные источники занимают важное место в истории распространения буддизма в регионах России (Тыва, Бурятия, Калмыкия) и Монголии. Тексты праджняпарамиты являлись обязательным атрибутом буддийских храмов.

Ключевые слова: буддизм; письменный источник; ТИГПИ; Тыва; буддизм Тувы; ксилограф; тибетский язык; праджняпарамита; сутра

Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Устное и письменное наследие монгольских народов России, Монголии и Китая: трансграничные традиции и взаимодействия» (номер госрегистрации: АААА-А19-119011490036-1).

Для цитирования:

Музраева Д. Н., Донгак А. С., Максимова О. А. Тексты Праджняпарамиты в коллекции тувинского института // Новые исследования Тувы. 2022. № 4. С. 127-136. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.10>

Музраева Деляш Николаевна — доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, заведующий отделом письменных памятников и языкознания, Калмыцкий научный центр Российской академии наук. Адрес: 358000, Россия, г. Элиста, ул. И. К. Илишкина, д. 8. Тел.: +7 (961) 840-86-14. Эл. адрес: deliash@mail.ru

Донгак Антонина Саар-ооловна — кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора фольклора Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 4. Тел.: +7 (394 22) 3-39-36. Эл. адрес: antdon@mail.ru

Максимова Ольга Александровна — младший научный сотрудник отдела письменных памятников и языкознания Калмыцкого научного центра Российской академии наук. Адрес: 358000, Россия, г. Элиста, ул. И. К. Илишкина, д. 8. Тел.: +7 (906) 437-99-73. Эл. адрес: maksimovaos@kigiran.com

Article

Prajñāpāramitā scriptures from the collection of a Tuvan institute

Delyash N. Muzraeva

Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation,

Antonina S. Dongak

*Tuvan Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research
under the Government of the Republic of Tuva, Russian Federation,*

Olga A. Maksimova

Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

The article provides a description of Buddhist texts from the category of Prajnaparamita literature that are stored in the Archives of Tuvan Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research (TIHASER) under the Government of the Republic of Tuva.

We introduce descriptions of manuscripts and xylographic editions of such works as “The Diamond Sutra” or “Vajracchedika” (Tib. ’phags pa shes rab kyi pha rol tu phyin pa rdo rje gcod pa zhes bya ba theg pa chen po’i mdo), “The Heart Sutra of Bhagavati Prajnaparamita Hridaya” (Tib. bcom ldan ’das ma shes rab kyi pha rol tu phyin pa’i snying po bzhugs so), “Prajnaparamita in 8,000 Stanzas (Shlokas)” (Tib. ’phags pa shes rab kyi pha rol tu phyin pa bryad stong pa bzhugs so), etc. into research circulation. The significance of these sutras in the Mahayana tradition has not changed to this day. This is evidenced by the comments of both the high traditional teachers of Buddhism and Buddhist scholars of our time.

Among the texts kept in the Archives of TIHASER, there are also abridged versions related to the so-called “sacred formulas”, brief extracts from texts published in collections and selections. The essence of the teaching of the transcendental wisdom of prajñāpāramitā (Tib. shes rab kyi pha rol tu phyin pa) — the knowledge of the emptiness of phenomena — is of interest both to practitioners of the tradition and to scholars in the fields of philosophy, anthropology, cultural studies, etc.

The considered sources hold an important place in the history of the spread of Buddhism in the regions of Russia (Tuva, Buryatia, Kalmykia) and Mongolia. Prajñāpāramitā texts were an obligatory attribute of Buddhist temples.

Keywords: Buddhism; written source; TIHASER; Tuva; Buddhism in Tuva; xylograph; Tibetan language; prajñāpāramitā; sūtra

Financing

The study was carried out within the framework of state subsidies — the project “Oral and Written Heritage of the Mongolian Peoples of Russia, Mongolia and China: Cross-Border Traditions and Interactions” (registration number AAAA-A19-119011490036-1).

For citation:

Muzraeva D. N., Dongak A. S. and Maksimova O. A. Teksty Pradzniaparamity v kollektzii tuvinskogo instituta [Prajñāpāramitā scriptures from the collection of a Tuvan institute]. *New Research of Tuva*, 2022, no. 4, pp. 127-136 (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.10>

MUZRAEVA, Delyash Nikolaevna, Doctor of History, Associate Professor, Leading Researcher, Head, Department of Written Monuments and Language Studies, Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Postal address: 8 Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation. Tel.: +7 (961) 840-86-14. E-mail: deliash@mail.ru

[ORCID ID: 0000-0002-8619-9369](https://orcid.org/0000-0002-8619-9369)

DONGAK, Antonina Saar-oolovna, Candidate of Philology, Leading Researcher, Department of Folklore, Tuvan Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva. Postal address: 4 Kochetov St., 667000 Kyzyl, Russian Federation. Tel.: +7 (39422) 3-39-36. E-mail: antdon@mail.ru

[ORCID ID: 0000-0002-7717-1786](https://orcid.org/0000-0002-7717-1786)

MAKSIMOVA, Olga Aleksandrovna, Junior Researcher, Department of Written Monuments and Language Studies, Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Postal address: 8 Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation. Tel.: +7 (906) 437-99-73. E-mail: maksimovaos@kigiran.com

[ORCID ID: 0000-0001-6329-151X](https://orcid.org/0000-0001-6329-151X)

Введение

Рукописный фонд Научного архива Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва (далее — ТИГПИ¹) содержит более 1800 единиц хранения буддийской литературы на тибетском и монгольском языках. Согласно инвентарным книгам, рукописи и ксилографы поступали в коллекцию в период с 1972 по 1983 гг. В рамках сотрудничества Калмыцкого научного центра Российской академии наук (далее — КалмНЦ РАН) и ТИГПИ в 2021 г. сотрудниками КалмНЦ РАН была проведена работа по описанию, оцифровке рукописей и ксилографов на тибетском и монгольском языках, хранящихся в рукописном фонде Научного архива ТИГПИ.

В данной публикации представлены описания рукописей и ксилографов на тибетском языке из разряда литературы Праджняпарамиты (далее — ПП), сохранившиеся в Туве и хранящиеся в архиве ТИГПИ. Невозможно переоценить значение сутр ПП в буддизме, а соответственно для народов, важной частью духовной культуры которых он является.

Тексты сутр ПП представлены во многих мировых книгохранилищах России и зарубежья. Об этом можно судить по образцам текстов ПП, сохранившихся в архивных фондах и других коллекциях. Описания этих коллекций даны известными тибетологами и монголоведами: Л. Лигети, М. Таубе, Г. Орош, А. Г. Сазыкин, В. Л. Успенский (Ligeti, 1942–1944; Taube, 1966; Orosz, 2008–2009; Сазыкин, 1988, 2001, 2003; Uspensky, 2001) и др.

Сочинения ПП неоднократно выступали объектом изучения востоковедов (Porre, 1971; Conze, 1978). На русский язык сутры и тексты ПП переводили В. П. Андросов, С. Ю. Лепехов, Д. Ёндон, А. Г. Сазыкин, Е. А. Торчинов, И. С. Урбанаева (Андросов, 2008; Лепехов, 1991; Ёндон, Сазыкин, 1998; Торчинов, 1991; Сутра сердца, 2006) и др.

К. Бруннхолц писал о значении одного из таких текстов в традиции буддизма махаяны: «Несомненно, что “Сутра Сердца” является наиболее часто используемым и зачитываемым текстом махаянской буддийской традиции, распространенной в Японии, Корее, Вьетнаме, Тибете, Монголии, Китае, регионах Индии и Непала, а в последнее время в Америках и Европе» (Brunnholz, 2012: 7).

Согласно калмыцкой буддийской традиции, текст Праджняпарамиты, хорошо известный под кратким названием «Алмазная сутра» (или «Дорджи Джодва» от *крат. тиб.* rdo rje gcod pa), должен присутствовать на алтаре в каждой семье, и это принесет данной семье счастье и благополучие. Чтение и переписывание «Дорджи Джодва» считалось религиозной заслугой, способной избавить от плохих перерождений, прежде всего от мучений в аду (Музраева, 2012: 31). Как отмечает Д. Ёндон, в составе буддийской литературы на монгольском языке нет такого сочинения, которое по степени популярности и распространенности могло бы соперничать с «Алмазной сутрой». В коллекциях монгольских рукописей и ксилографов востоковедческих центров имеется более 300 ксилографированных изданий и свыше 200 рукописей сутры, в которых представлены ойратский и четыре монгольских перевода сочинения, выполненные с тибетского языка (Ёндон, Сазыкин, 1998: 36).

О литературе Праджняпарамиты

Сутры праджняпарамиты — цикл из махаянской канонической литературы, самые ранние образцы которой датируются I в. до н. э. В названии большинства сутр указывается количество строф (*санскр.* шлок). Например, «Восьмитысячная-праджняпарамита сутра» (или «Сутра праджняпарамиты в 8000 строф»), «Двадцатипяти тысячная праджняпарамита сутра» (или «Сутра праджняпарамиты в 25000 строф»). «Алмазная сутра» и «Сутра сердца» и др. относятся к «малым» вариантам от 300 до 800 строф (Андросов, 2011: 311). Сутры ПП — «класс литературы махаянского буддизма, посвященный, в соответствии с его обозначением, **праджняпарамите**, “совершенству мудрости”, и включающий памятники, основные из которых датируются примерно I–II вв., тогда как поздние составлялись еще и в средневековье» (Философия буддизма, 2011: 536).

¹ В 1945–1990 гг. носил название «Тувинский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории» (ТНИИЯЛИ), в 1990–2015 гг. — «Тувинский институт гуманитарных исследований» (ТИГИ).

Как отмечает Э. Конзе, литература ПП зародилась в Индии и имела 4 фазы развития. В 1-й период (100 г. до н. э. — 100 г. н. э.) прорабатывались базовые тексты, среди которых «Восьмитысячная-праджняпарамита», а также ее краткая стихотворная форма. Во 2-й период (100–300 гг.) круг базовых текстов был значительно расширен, и появились сутры «Стотысячная-праджняпарамита», «Двадцатипятитысячная-праджняпарамита» и «Восемнадцатитысячная-праджняпарамита». Однако, согласно Е. А. Торчинову, в этот период были созданы тексты «Десятитысячной-праджняпарамиты», «Двадцатипятитысячной-праджняпарамиты», «Стотысячной-праджняпарамиты», «Пятисоттысячной-праджняпарамиты» (Торчинов, 2002: 109). В течение 3-го периода (300–500 гг.) наблюдается тенденция к составлению кратких изложений текстов в виде сокращенных, сжатых по форме сутр, выражающих суть доктрины, а также к созданию кратких стихотворных изложений. Создаются такие тексты, как «Ваджрачхеддика-праджняпарамита-сутра» и «Праджняпарамита-Хридая-сутра (или «Сутра сердца праджняпарамиты»), а также «Абхисама-Аламкара» («Украшение из постижений»). Во время 4-го периода (600–1200 гг.) дает о себе знать влияние тантры, отмечается наличие магических элементов в сутрах, создается текст ПП в 150 строф (Williams, 2008: 48; Conze, 1978: 9–13).

Согласно буддийской мифологии, тексты ПП были обнаружены Нагарджуной (II–III вв.) в царстве нагов. Он специально спустился в эти царства, для того чтобы постичь смысл данных сутр; он осознал их значение и привнес в земной мир, и стал их разъяснять и истолковывать. Поэтому его называют вторым Буддой (Андронов, 2011: 311) и основателем философской школы мадхьямика (мадхьямака). Как отмечает академик Ф. И. Щербацкой, термин «праджняпарамита» имеет следующие значения: 1) Философский монизм¹; 2) Космическое Тело Будды; 3) Текст сутр ПП; 4) Путь к спасению в соответствии с принципами махаяны (Abhisamayālaṅkāra-Prajñāparāmitā-..., 1929: VII).

По мнению Е. А. Торчинова, представители школы мадхьямика считали ПП-тексты сутрами «окончательного значения», то есть такими, «в которых Будда прямо, непосредственно и недвусмысленно провозглашает свое учение», в отличие от текстов сутр индосказательного характера (Торчинов, 2002: 107).

Таким образом, литература ПП занимает важное место в буддийской философии и практике. Об актуальности текстов ПП на сегодняшний день, свидетельствуют современные комментарии таких священнослужителей высокого ранга, как Далай-лама XIV Тензин Гьяцо², буддийских проповедников, таких как Геше Джампа Тинлей³, Дзонгсар Кхьенце Римпоче⁴ и др., а также ученых-буддологов. Буддийские наставники нашего времени выступают с лекциями, в которых дают разъяснения сутр праджняпарамиты для последователей традиции, а также всех тех, кто заинтересован в получении этих знаний.

В обрядовой практике современных действующих буддийских храмов рецитация «Сутры сердца ПП» также является составной частью буддийских молебнов, ритуальных церемоний.

О классификации текстов ПП

Интересно отметить, что большую часть текстов ПП коллекции ТИГПИ, составили сокращенные версии текстов сутр, предположительно, удобные для ежедневного использования в обрядах и для прочтения. Что касается их жанровой характеристики, то среди них можно выделить сутры, а также краткие варианты в виде хридая-сутр, дхарани-сутр, нарративы о пользе прочтения «Алмазной сутры», а также краткие извлечения из сочинений перечисленных жанров.

¹ Монизм — философская позиция признающая единство мира, в отличие от дуализма и плюрализма.

² Гьяцо, Тензин. Сутра сердца: учения о Праджняпарамите [Электронный ресурс] // Электронная библиотека RoyalLib.com. 2008. URL: https://royallib.com/read/gyatso_tenzin/sutra_serdtsa_ucheniya_o_pradgnyaparamite.html#0 (дата обращения 20.05.2022).

³ Сутра сердца (2006) Сутра сердца Победоносной Матери, Ушедшей-За-Пределы Совершенства Мудрости [bcom ldan 'das ma shes rab kyi pha rol tu pyin pa'i snying bo]: текст и комментарии на основе устных наставлений Геше Джампа Тинлэ / пер. с тиб. и сост. комментариев И. С. Урбанаева; отв. ред. С. Ю. Лепехов. Улан-Удэ: РИО Буддийской Общины «Зеленая Тара», 2006. 184 с.

⁴ Celebrating The Heart Sūtra [Электронный ресурс] // 84000: Translating the Words of the Buddha. 31.08.2022. URL: <https://84000.co/a-day-with-heart-sutra> (дата обращения 20.05.2022).

Согласно буддийской традиции сутры рассматриваются как проповеди самого Будды. Традиция махаяны признает как сутры палийского канона, так и санскритские сутры махаяны. Структура сутр идентична и может быть представлена следующим образом:

1. Выражение почтения (переводчиком сутры): «Я простираюсь перед Буддами и бодхисаттвами»;
2. Начало текста сутры со слов: «Так я слышал однажды...»;
3. Описание обстоятельств происходящего (например, согласно «Сутре Сердца», «Бхагаван пребывал на горе грифов в Раджагрихе совместно с великим сообществом монахов и великим сообществом бодхисаттв»);
4. Диалог между Буддой (либо одним из бодхисаттв-махасаттв) и одним из его учеников;
5. Выражение радости и восхваление речи Будды (или Бодхисаттвы) в заключительной части.

Данной структуре соответствуют тексты сутр: «Сутра праджняпарамиты в 8000 строф», «Алмазная сутра, Ваджрачхедика» и «Сутра сердца „Бхагавати праджняпарамита“ хридая».

Однако среди текстов ПП в коллекции ТИГПИ встретились не только тексты сутр, но также и сочинения, относящиеся к иным жанрам, в том числе к т. н. «сакральным формулам». К ним относятся дхарани, хридаи, мантры и др. тексты. К примеру, в дхарани, как отмечают тибетологи, заключен базовый смысл текста, их посредством осуществляется близость к сущности явления. Дхарани «тесно связаны с представлением об имени как сущности предмета или личности, так что знание имени открывает прямой доступ к владению тем, что оно обозначает» (Зорин, 2018: 330–332).

Опираясь на структуру сводов Нартанского Ганчжура, раздела «Праджняпарамита», состоящего из 4-х групп текстов (Введение в изучение ... , 1989: 55–56), приведем тексты из коллекции ТИГПИ, расположив их также, в порядке убывания числа строф:

1. «Большая праджняпарамита» состоит из одного обширного трактата «Стотысячной-праджняпарамиты». В коллекции ТИГПИ не встретился полный текст, однако имеются более короткие тексты под названием «Безошибочный смысл святой сутры праджняпарамиты в 100 000 строф» (*тиб.* 'phags pa shes rab kyi pha rol tu phyin pa stong phrag brgya pa'i don ma nor bar bsdus pa);
2. «Средняя праджняпарамита», которая состоит из текстов «Двадцатипяти тысячной-праджняпарамиты», «Восемнадцатитысячной-праджняпарамиты» и «Десятитысячной-праджняпарамиты», не представлена подобными образцами в коллекции ТИГПИ;
3. «Краткая праджняпарамита» или «Восьмитысячная-праджняпарамита». Образцы данной сутры представлены в коллекции ТИГПИ под названием: «Святая сутра праджняпарамиты в 8000 строф» (*тиб.* 'phags pa shes rab kyi pha rol tu phyin pa brgyad stong pa bzhugs so);
5. Группа состоит из различных сокращений ПП из 500, 300, 108 и 50 строф. В коллекции ТИГПИ встретились сутры «Святая сутра праджняпарамиты „Алмазная сутра Ваджрачхедика“» (*тиб.* 'phags pa shes rab kyi pha rol tu phyin pa rdo rje gcod pa zhes bya ba theg pa chen po'i mdo), а также «Сутра Сердца „Бхагавати праджняпарамита хридая“» (*тиб.* bcom ldan 'das ma shes rab kyi pha rol tu phyin pa'i snying po bzhugs so).

Тексты Праджняпарамиты в коллекции ТИГПИ

Описание данной коллекции до настоящего времени было представлено двумя инвентарными книгами. Согласно сведениям, внесенным в них, инвентарная книга № 1 была составлена в период с 18 января 1972 по 2 июня 1983 гг., а инвентарная книга № 2 была начата 3 июня 1983 гг. («от инв. № 1976»).

Предварительный анализ состава и содержания тибетской коллекции ТИГПИ показал, что в ней представлено более 40 текстов ПП. Ниже мы приводим перечень этих текстов:

1. «Безошибочный смысл святой сутры праджняпарамиты в 100000 строф» (*тиб.* 'phags pa shes rab kyi pha rol tu phyin pa stong phrag brgya pa'i don ma nor bar bsdus pa). Инв. №№ 435, 859, 1458 — всего 3 текста;
2. «Святая сутра праджняпарамиты в 8000 строф» (*тиб.* 'phags pa shes rab kyi pha rol tu phyin pa brgyad stong pa bzhugs so, *санскр.* astasāhasrikā-prajñāpāramitā-sūtra). Инв. №№ 1157, 1413, 1630, 1839 — всего 4 текста;

3. «Святая сутра праджняпарамиты „Алмазная сутра, Ваджраччхедика“» (*тиб.* 'phags pa shes rab kyī pha rol tu phyin pa rdo rje gcod pa zhes bya ba theg pa chen po'i mdo, *санскр.* vajracchedikā-prajñāpāramitā-sūtra). Инв. №№ 61(1)¹, 61(2), 65, 461, 612, 671, 743, 1586, 1684, 1968, 2110 — всего 11 текстов;

4. «Хридая „Алмазной сутры“» (*тиб.* rdo rje gcod pa'i snying po bsdus ba bzhugs so). Инв. №№ 774, 1434 — всего 2 текста;

5. «Сутра сердца „Бхагавати праджняпарамита хридая“» (*тиб.* bcom ldan 'das ma shes rab kyī pha rol tu phyin pa'i snying po bzhugs so). Инв. №№ 1348, 1474, 1510, 1511 — всего 4 текста;

6. «Святая сутра сердца „Бхагавати праджняпарамита хридая“. Защита от демонов/мар» (*тиб.* 'phags pa shes rab kyī pha rol tu phyin pa'i snying po bzhugs so, sher snying bdud bzlog dang bcas pa bzhugs so). Инв. №№ 668, 669, 1574 — всего 3 текста;

7. «Сутра сердца „Бхагавати праджняпарамита хридая“ [с комментариями]²» (*тиб.* bcom ldan 'das ma shes rab kyī pha rol tu phyin pa'i snying po bzhugs so). Инв. № 2062 — 1 текст;

8. «Дхарани „Сущность святой сутры праджняпарамиты в 500000 строф“» (*тиб.* 'phags pa shes rab kyī pha rol tu phyin pa la 'bum lnga'i snying po zhes bya ba'i gzungs). Инв. №№ 852, 1171, 1370, 1880 — всего 4 текста;

9. «Абхисамая-аланкара» («Украшение из постижений») (*тиб.* 'shes rab kyī pha rol tu phyin pa'i man ngag gi bstan bcos mngon par rtogs pa'i rgyan ces bya ba, *санскр.* abhisamayālaṅkāra). Инв. № 1470 — 1 текст;

10. «Строфы святой Праджняпарамиты, которые являются собранием драгоценных качеств» (*тиб.* 'phags pa shes rab kyī pha rol tu phyin pa yon tan rin po che sdud pa tshigs su bcad pa; сокращенное название — 'phags pa shes rab kyī pha rol tu phyin pa sdud pa tshigs su bcad ba, *санскр.* guna-ratna-sancaṣa-gatha). Инв. №№ 712, 764, 1465, 2054 — всего 4 текста;

11. «Святая краткая сутра праджняпарамиты в 8000 строф» (*тиб.* 'phags pa shes rab kyī pha rol tu phyin pa brgyad stong pa'i bsdus pa bzhugs so). Инв. № 491 — 1 текст;

12. «Краткие извлечения из текстов хридаи и дхарани, среди которых такие сочинения, как «Сокровенная сущность святой тантры Манджушри» (*тиб.* 'phags pa 'jam dpal rgyud gyi yang snying»), «[Сутра] сердца праджняпарамиты» (*тиб.* shes rab kyī pha rol tu phyin pa'i snying po), «Хридая праджняпарамиты в 100000 строф» (*тиб.* shes rab kyī pha rol tu phyin pa stong phrag brgya pa'i snying po), «Дхарани святой Праджняпарамиты в 100000 строф» (*тиб.* 'phags pa shes rab kyī pha rol tu phyin pa stong phrag brgya pa'i gzungs), «Хридая праджняпарамиты в 25000 строф» (*тиб.* shes rab kyī pha rol tu phyin pa nyi shu lnga pa'i snying po), «Хридая праджняпарамиты в 8000 строф» (*тиб.* shes rab kyī pha rol tu phyin pa brgyad stong pa'i snying po), «Сущность шести парамит» (*тиб.* pha rol tu phyin pa drug gi snying po), «Святая [сутра] благой кальпы» или «Бхадракальпика-сутра» (*тиб.* 'phags pa bskal pa bzang po pa). Инв. № 1009. — 1 текст;

13. Нарративы о пользе чтения «Алмазной сутры» (*тиб.* rdo rje gcod pa'i phan yon zhes bya ba bzhugs so). Инв. №№ 1862, 3246 — всего 2 текста.

Таким образом, из представленного списка ясно, что наибольшей частотностью отличается текст «Алмазной сутры» (11 ед. хр.). Помимо этого, в коллекции ТИГПИ имеются следующие тексты из разряда праджняпарамитских: «Сутра сердца» (8 текстов), «Сутра праджняпарамиты в 8000 строф» (4 текста), включая краткий ее вариант (1 текст), «Дхарани „Сущность сутры праджняпарамиты в 500000 строф“» (4 текста), «Строфы святой Праджняпарамиты, которые являются собранием драгоценных качеств» (4 текста), «Безошибочный смысл сутры праджняпарамиты в 100000 строф» (3 текста), «Хридая „Алмазной сутры“» (2 текста), краткие извлечения из текстов хридаи и дхарани (1 текст) и нарративы о пользе чтения «Алмазной сутры» (2 текста), «Абхисамая-Аланкара» (1 текст) — всего 41 текст.

Тексты ПП, сохранившиеся в Туве, представленные в фондах ТИГПИ, свидетельствуют о важном значении литературы ПП в сохранении и популяризации буддийского учения тувинскими ламами среди верующих мирян.

¹ Под одним инвентарным номером могут встречаться различные тексты, обозначаемые как 61(1), 61(2) и т. д.

² В тексте даны пословные комментарии. Имеется текст защитного ритуала.

О некоторых основных понятиях и терминах сочинений ПП

Тексты ПП основываются на таких положениях, как праджняпарамита, мудрость, пустота, махаяна, бодхисаттва, бодхисаттва и др. Особое место отводится духовному наследию буддийского проповедника и мыслителя Нагарджуны.

Учение о запредельной мудрости (праджняпарамите) традиционно считается учением второго поворота колеса учения, когда Будда проповедовал на вершине горы Гридхракута ('Орлиная гора') в Раджагрихе (ныне Раджгир, штат Бихар, Индия). Как отмечает С. Ю. Лепехов, «термин („шунья“) был известен и в палийском каноне, характер основной философской категории он стал приобретать только в текстах Праджняпарамиты», также называемых «праджняпарамитская литература», далее оформившуюся в т. н. «праджняпарамитскую традицию», в отличие от традиции Абхидхармы (Лепехов, 1991: 90). В текстах ПП актуализируется метафизическая концепция шуньяты, «пустоты», осознание которой ведет к обретению «запредельной мудрости».

Сам термин праджняпарамита состоит из двух слов: праджня (*санскр.* prajñā, *тиб.* shes rab) — проникновенная мудрость и парамита (*санскр.* pāramitā, *тиб.* pha rol tu phyin pa) — переправа, переход к совершенству, совершенствование (Андросов, 2011: 309, 305). Т. е. Праджняпарамита (*санскр.* prajñāpāramitā, *тиб.* shes rab kyi pha rol tu phyin pa) — это «мудрость, переправляющая к совершенству», «запредельная мудрость», «совершенствование мудрости».

Из всего вышесказанного следует, что познание «пустотности» явлений называется праджняпарамитой или «запредельной мудростью», и является шестой парамитой («совершенным деянием»), наряду с такими пятью парамитами, как щедрость, дисциплина, терпение, усердие, созерцание. ПП является «персонифицированной мудростью», которой обладают Будды и бодхисаттвы (начиная с 1-го уровня бодхисаттвы, бхуми). В основе теории и практики махаяны лежит развитие сочувствия к живым существам (осуществляется практикой первых 5-ти парамит) и развитие внеличностной (запредельной) мудрости праджняпарамиты. Практика этих 6-ти парамит, называется Бодхичиттой (Гампора, 1998: 70), а путь Бодхисаттвовой или Парамитовой. «Бодхисаттва — лицо, принявшее решение стать буддой, чтобы достичь нирваны и помочь др. существам выйти из безначальных реинкарнаций и страданий...» (Философия буддизма, 2011: 162–163). Так, в «Алмазной сутре» описывается поведение, речь и образ мыслей (*взгляд*) вступивших на путь бодхисаттв и посвятивших себя духовной практике из сострадания к живым существам. Основная часть сутры представлена в виде диалога Будды с одним из своих учеников Субхути. Субхути обращается к Будде с вопросом о том, как следует «владеть мыслью» вступившему на путь бодхисаттвы. Ответ Будды таков:

rab 'byor 'di la byang chub sems dpa'i theg pa la yang dag par zhugs pas / 'di snyam du bdag gis sems can ji tsam sems can du bsdu bas bsdu pa sgo nga las skye pa a'm / mngal las skyes pa'm / drod gsher las skyes pa'am / rdzus te skyes pa'am / gzugs can nam / gzugs can ma yin pa'am / 'du shes can nam / 'du shes med pa'm / 'du shes med 'du shes med min nam / sems can gyi khams ji tsam sems can du gdags pas gtag pa de dag thams cad phung po lhag med pa'i mya ngan las 'das pa'i dbyings su yongs su mya ngan las bzla'o /¹ ('Субхути, вступившим на путь бодхисаттвы (колесницы), следует мыслить таким образом: Сколько бы ни было живых существ: рожденных из яйца, из чрева, из тепла и влаги или рожденных спонтанно (самопроизвольно); имеющих или не имеющих форму (тело), сознательных или бессознательных, без [способности к] различению и без [способности к] неразличению. Весь мир живых существ, сколько бы живых существ он ни включал, все это скопление (скандха) без остатка, препровожу к нирване, полному выходу из страданий)².

Таким образом, Будда начинает свою проповедь о *взгляде* (образе мыслей), которому следует придерживаться на пути бодхисаттвы. Т. е. в приведенном фрагменте из «Алмазной сутры» затрагиваются такие фундаментальные понятия буддизма махаяны, как *бодхисаттва*, *путь бодхисаттвы*, *все живые существа*, *нирвана* и др.

Важнейшим текстом буддизма махаяны, выражающим квинтэссенцию учения о «Запредельной Премудрости», кратким изложением его сути, по мнению Е. А. Торчинова, является «Сутра Сердца Праджняпарамиты». Сутра однозначно в своеобразной «шоковой» манере провозглашает условность и относительность фундаментальных положений раннебуддийского учения (хинаяна, тхеравада) и их

¹ «Святая Ваджрачхедика» ('phags pa rdo rje gcod pa zhes bya ba bzugs so). Рукопись на тибетском языке. 20 л. 24,9×9,9 см / Научный архив ТИГПИ. Инв. № 61(1). Л. 5б.

² Здесь и далее перевод наш. — Д. М., О. М.

неприменимость к истинной реальности (Торчинов, 2015: 231). Так, в повествовании сутры сказано, что Бодхисаттва Махасаттва Авалокитешвара постиг суть практики запредельной мудрости и, отвечая Шарипутре на вопрос, как нужно практиковать ПП, произносит:

phung po lnga de dag kyang rang bzhin gyi stong par yang dag par rdzes su blta'o // gzugs stong pa'o / stong pa nyid gzugs so / gzugs las kyang stong pa nyid gzhan ma yin / stong pa nyid las kyang gzugs gzhan ma yin no // de bzhin du tshor ba dang / 'du shes dang / 'du byed dang / nam par shes pa nam stong pa'o /¹ ('[Следует] истинно видеть, что 5 скандх² пусты по своей природе. Форма пуста, пустота есть форма. Форма не отлична от пустоты, а пустота не отлична от формы. Таковы же чувства, восприятие, формации и сознание').

В данном контексте перечисление начинается с элементов нашего психофизического существования: объекты, мысли, эмоции, восприятие и т. д.; все они называются пустыми. К. Бруннхолц отмечает, что «Сутра сердца» имеет такое название, потому что в ней говорится о сущности махаяны, в первую очередь с точки зрения *взгляда*. Это единственная сутра ПП, в которой появляется бодхисаттва Авалокитешвара — воплощение сочувствия всех Будд. Так «Сутра сердца» учит пустоте через олицетворение сочувствия. Главная причина присутствия Авалокитешвары — символизировать аспект сочувствия, поскольку суть махаяны — объединение мудрости и сочувствия (Brunnholz, 2012: 8–12).

Заключение

Тексты ПП имеют непреходящее значение в истории распространения буддизма у народов России, традиционно исповедующих буддизм (тувинцев, бурят, калмыков). Одним из подтверждений этому тезису может послужить коллекция старописьменных источников на тибетском языке, хранящаяся в ТИГПИ. В ней представлены такие сочинения из разряда праджняпарамитских текстов, как «Святая сутра праджняпарамиты в 8000 строф», «Святая сутра праджняпарамиты “Алмазная сутра, Ваджраччхедика”», «Сутра сердца “Бхагавати праджняпарамита хридая”», «Хридая “Алмазной сутры”», краткие версии этих текстов и краткие извлечения из них.

Данная публикация является апробацией продолжающейся работы по описанию и составлению каталога тибетских рукописей и ксилографов из Научного архива ТИГПИ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андросов, В. П. (2008) Буддийская классика Древней Индии. Слово Будды и трактаты Нагарджуны / пер. с пали, санскр. и тиб. яз. с комм. В. П. Андросова. М. : Открытый Мир. 512 с.
- Андросов, В. П. (2011) Индо-тибетский буддизм. Энциклопедический словарь. М. : Ориенталия. 448 с.
- Введение в изучение Ганчжура и Данчжура : историко-библиографический очерк (1989) / Болсохоева Н. Д., Ванчикова Ц. П., Дашиев Д. Б. и др. Новосибирск : Наука, СО. 199 с.
- Ёндон, Д., Сазыкин, А. Г. (1998) Монгольская версия рассказов о пользе «Алмазной сутры» // Mongolica–IV. СПб. : Петербургское Востоковедение. 112 с. С. 36–47.
- Зорин, А. В. (2018) К вопросу о классификации буддийских сакральных формул // Вестник РУДН. Серия: Философия. Т. 22. № 3. С. 330–340. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2018-22-3-330-340>
- Лепехов, С. Ю. (1991) Идеи шуньявады в коротких сутрах Праджняпарамиты // Психологические аспекты буддизма / Л. Е. Янгутов и др. Новосибирск : Наука, СО. 182 с. С. 90–104.
- Музраева, Д. Н. (2012) Буддийские письменные источники на тибетском и ойратском языках в коллекциях Калмыкии. Элиста : ЗАОР «НПП „Джангар“». 224 с.
- Сазыкин, А. Г. (1988) Каталог монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения АН СССР : в 3 т. М. : Наука, ГРВЛ. Т. 1. 508 с.
- Сазыкин, А. Г. (2001) Каталог монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения Российской академии наук : в 3 т. М. : Восточная литература. 415 с.
- Сазыкин, А. Г. (2003) Каталог монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения Российской академии наук : в 3 т. М. : Восточная литература. 280 с.

¹ «Сутра сердца бхагавати праджняпарамита хридая» (*bcom ldan 'das ma shes rab kyi pha rol tu phyin pa'i snying po bzhuys so*). Рукопись на тибетском языке. 5 л. 21,6×8,8 (18,6×7,3) см / Научный архив ТИГПИ. Инв. № 1348. Л. 2.

² 5 скандх — понятие буддийской космологии, Абхидхармы — форма, чувства, восприятие, формации, сознание — 5 т. н. «скоплений». Кармические влияния прежних деяний, см. скандха (Андросов, 2011: 338; Философия буддизма, 2011: 638–641).

Торчинов, Е. А. (1991) О психологических аспектах учения праджняпарамиты на примере «Ваджраччхедака-праджняпарамита-сутры» // Психологические аспекты буддизма / Л. Е. Янгутов и др. Новосибирск : Наука, СО. 182 с. С. 104–125.

Торчинов, Е. А. (2002) *Философия буддизма Махаяны*. СПб. : Петербургское Востоковедение. 320 с.

Торчинов, Е. А. (2015) *Введение в буддологию. Курс лекций : учебное пособие*. М. : Академический проект. 335 с.

Философия буддизма (2011) : энциклопедия / отв. ред. М. Т. Степанянц. М. : Ин-т философии РАН ; Восточная литература. 1045 с.

Abhisamayāṅkāra-Prajñāparāmitā-Upadeśa-Śāstra (1929) *Abhisamayāṅkāra-Prajñāparāmitā-Upadeśa-Śāstra. The work of Bodhisattva Maitreya / Edited, explained and translated by Th. Stcherbatsky and E. Obermiller. Fasciculus I. Introduction, Sanscrit text and Tibetan translation.* / Bibliotheca Buddhica. XXIII. Л. : Изд-во АН СССР. XII, 40, 72 p.

Brunnholz, K. (2012) *The Heart Attack Sutra: a new commentary on the Heart Sutra*. Boston : Snow Lion. 175 p.

Conze E. (1978) *The Prajnaparamita Literature*. Tokyo : The Reiyukai. 138 p.

Gampopa (1998) *The jewel ornament of liberation: the wish-fulfilling gem of the noble teachings / transl. by Khenpo Konchog Gyaltzen Rinpoche*. Boulder : Snow Lion. 520 p.

Ligeti, L. (1942–1944) *Catalogue du Kanjur Mongol imprimé par L. Ligeti. Vol. I. Catalogue*. Budapest : Société Kőrösi Csoma. (Bibliotheca Orientalis Hungarica. III). 496 p.

Orosz, G. (2008a) *A catalogue of the Tibetan manuscripts and block prints in the Library of the Hungarian Academy of Sciences : in 3 vols. Budapest : Library of the Hungarian Academy of Sciences. Vol. 1. 752 p.*

Orosz, G. (2008b) *A catalogue of the Tibetan manuscripts and block prints in the Library of the Hungarian Academy of Sciences : in 3 vols. Budapest : Library of the Hungarian Academy of Sciences. Vol. 2. 891 p.*

Orosz, G. (2009) *A catalogue of the Tibetan manuscripts and block prints in the Library of the Hungarian Academy of Sciences : in 3 vols. Budapest : Library of the Hungarian Academy of Sciences. Vol. 3. 305 p.*

Poppe, N. (1971) *The Diamond Sutra: Three Mongolian Versions of the Vadjracchedikāprajñāparāmitā. Texts, Translations, Notes and Glossaries*. Wiesbaden : Otto Harrassowitz. (Asiatische Forschungen. Bd. 35). 230 p.

Taube, M. (1966) *Tibetische Handschriften und Blockdrucke. Beschrieben von M. Taube. Teil 1–4*. Wiesbaden : Franz Steiner Verlag GMBH. 1296 s.

Uspensky, V. L. (2001) *Catalogue of the Mongolian Manuscripts and Xylographs in the St. Petersburg State University Library*. Tokyo : Institute for the Study of Languages and Cultures of Asia and Africa (ILCAA). 529 p.

Williams, P. (2008) *Mahayana Buddhism: The Doctrinal Foundations*. 2nd ed. London, New York : Taylor & Francis. 444 p.

Дата поступления: 09.07.2022 г.

REFERENCES

Androsov, V. P. (2008) *Buddiiskaia klassika Drevnei Indii. Slovo Buddy i traktaty Nagardzhuny [Buddhist classics of Ancient India. Buddha's teaching and Nagarjuna's treatises]* / transl. from Pali, Sanskrit and Tibetan with comments by V. P. Androsov. Moscow, Otkrytyi mir. 512 p. (In Russ.).

Androsov, V. P. (2011) *Indo-tibetskii buddizm. Entsiklopedicheskii slovar' [Indo-Tibetan Buddhism. Encyclopedic dictionary]*. Moscow, Orientalia. 448 p. (In Russ.).

Vvedenie v izuchenie Ganchzhura i Danchzhura: Istoriko-Bibliograficheskii ocherk [Introduction to the study of Ganchzhur and Danchzhur: A historical and bibliographic essay] (1989) / N. D. Bolsokhova, Ts. P. Vanchikova, D. B. Dashiev et al. Novosibirsk, Nauka, Siberian branch. 199 p. (In Russ.).

Yondon, D. and Sazykin, A. G. (1998) *Mongol'skaia versiiia rasskazov o pol'ze «Almaznoi sutry» [Mongolian version of the stories about the benefits of "The Diamond Sutra"]*. *Mongolica-IV*. St. Petersburg, Peterburgskoe vostokovedenie. 112 p. Pp. 36–47. (In Russ.).

Zorin, A. V. (2018) *K voprosu o klassifikatsii buddiiskikh sakral'nykh formul [On the issue of classification of Buddhist sacral formulas]*. *Vestnik RUDN. Seriya: Filosofii*, vol. 22, no. 3, pp. 330–340. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2018-22-3-330-340>

Lepekhov, S. Yu. (1991) *Idei shun'iavady v korotkikh sutrakh pradzheniaramity [Śūnyavāda ideas in short prajñāpāramitā sutras]*. In: *Psikhologicheskie aspekty buddizma [Psychological aspects of Buddhism]* / ed. by L. E. Yangutov et al. Novosibirsk, Nauka, Siberian branch. 182 p. Pp. 90–104. (In Russ.).

Muzraeva, D. N. (2012) *Buddiiskie pis'mennye istochniki na tibetskom i oiratskom iazykakh v kolleksiakh Kalmykii [Buddhist written sources in the Tibetan and Oirat languages in the collections of Kalmykia]*. Elista, NPP "Dzhangar". 224 p. (In Russ.).

Sazykin, A. G. (1988) *Katalog mongol'skikh rukopisei i ksilografov Instituta vostokovedeniia AN SSSR [Catalog of Mongolian manuscripts and woodcuts of the Institute of Oriental Studies, USSR Academy of Sciences]* : in 3 vols. Moscow, Nauka, The Main Editorial Board of Oriental Literature. 508 p.

Sazykin, A. G. (2001) *Katalog mongol'skikh rukopisei i ksilografov Instituta vostokovedeniia Rossiiskoi akademii nauk [Catalog of Mongolian manuscripts and woodcuts of the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences]* : in 3 vols. Moscow, Vostochnaia literatura. 415 p.

Sazykin, A. G. (2003) *Katalog mongol'skikh rukopisei i ksilografov Instituta vostokovedeniia Rossiiskoi akademii nauk [Catalog of Mongolian manuscripts and woodcuts of the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences]* : in 3 vols. Moscow, Vostochnaia literatura. 280 p.

Torchinov, E. A. (1991) O psikhologicheskikh aspektakh ucheniia pradzchniaramity na primere «Vadzhrachchkhedika-pradzchniaramita-sutra» [On the psychological aspects of the teachings of the prajñāpāramitā by the example of the “Vajracchedikā Prajñāpāramitā Sūtra”]. In: *Psikhologicheskie aspekty buddizma [Psychological aspects of Buddhism]* / ed. by L. E. Yangutov et al. Novosibirsk, Nauka Publ. Siberian branch. 182 p. Pp. 104–125. (In Russ.).

Torchinov, E. A. (2002) *Filosofia buddizma Makhaiany [Philosophy of Mahayana Buddhism]*. St. Petersburg, Peterburgskoe vostokovedenie. 320 p. (In Russ.).

Torchinov, E. A. (2015) *Vvedenie v buddologiiu. Kurs lektzii [Introduction to Buddhology. A course of lectures]* : A study guide. Moscow, Akademicheskii proekt. 335 p. (In Russ.).

Filosofia buddizma: entsiklopediia [Philosophy of Buddhism: encyclopedia] (2011) / ed. by M. T. Stepaniants. Moscow, Institute of Philosophy RAS. Vostochnaia literatura. 1045 p. (In Russ.).

Abhisamayāṅkāra-Prajñāpāramitā-Upadeśa-Śāstra (1929) : The work of Bodhisattva Maitreya / edited, explained and translated by Th. Stcherbatsky and E. Obermiller. Fasciculus I. Introduction, Sanscrit text and Tibetan translation. Leningrad, Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. (Bibliotheca Buddhica, XXIII). XII, 40, 72 p.

Brunnholz, K. (2012) *The Heart Attack Sutra: A new commentary on the Heart Sutra*. Boston, Snow Lion Publ. 175 p.

Conze, E. (1978) *The Prajñāpāramitā literature*. Tokyo, The Reiyukai. [8], 138 p.

Gampopa (1998) *The jewel ornament of liberation: The wish-fulfilling gem of the noble teachings* / translated by Khenpo Konchog Gyaltzen Rinpoche. Boulder, Snow Lion Publ. 476 p.

Ligeti, L. (1942–1944) *Catalogue du Kanjur Mongol imprimé par L. Ligeti*. Vol. I. *Catalogue*. Budapest, Société Kőrösi Csoma. (Bibliotheca Orientalis Hungarica, III). 496 p.

Orosz, G. (2008a) *A catalogue of the Tibetan manuscripts and block prints in the Library of the Hungarian Academy of Sciences* : in 3 vols. Budapest : Library of the Hungarian Academy of Sciences. Vol. 1. 752 p.

Orosz, G. (2008b) *A catalogue of the Tibetan manuscripts and block prints in the Library of the Hungarian Academy of Sciences* : in 3 vols. Budapest : Library of the Hungarian Academy of Sciences. Vol. 2. 891 p.

Orosz, G. (2009) *A catalogue of the Tibetan manuscripts and block prints in the Library of the Hungarian Academy of Sciences* : in 3 vols. Budapest : Library of the Hungarian Academy of Sciences. Vol. 3. 305 p.

Poppe, N. (1971) *The Diamond Sutra: Three Mongolian versions of the Vajracchedikā Prajñāpāramitā. Texts, translations, notes and glossaries*. Wiesbaden, Otto Harrassowitz Verlag. (Asiatische Forschungen, Bd. 35). 230 p.

Taube, M. (1966) *Tibetische Handschriften und Blockdrucke*. Beschrieben von M. Taube. Teil 1–4. Wiesbaden, Franz Steiner Verlag GMBH. 1296 S.

Uspensky, V. L. (2001) *Catalogue of the Mongolian manuscripts and xylographs in the St. Petersburg State University Library*. Tokyo, Institute for the Study of Languages and Cultures of Asia and Africa (ILCAA). xv, 530, 186 p.

Williams, P. (2008) *Mahayana Buddhism: The doctrinal foundations*. 2nd ed. London ; New York, Routledge, Taylor & Francis Group. xi, 438 p.

Submission date: 09.07.2022.

Теонимическая лексика в переводах Евангелий на башкирский и тувинский языки

Искандер Р. Саитбатталов, Рушана Х. Лукманова, Юлия А. Саитбатталова
Уфимский университет науки и технологий, Российская Федерация

В статье представлено контрастивное изучение теонимов (собственных и нарицательных именованных божеств, духов и других сверхъестественных существ) в башкирских переводах Четвероевангелия 1902 года, Нового завета 2015 года и соответствующих частей тувинского перевода Библии 2011 г. Исследование осуществлено методами семантического, стилистического и этимологического анализа лексических единиц, а также методами переводоведческого и сопоставительного анализа. Работа демонстрирует как именно реализуются ресурсы двух родственных языков в ходе конструирования христианской религиозной лексики в синхроническом и диахроническом аспектах.

В тексте четырех Евангелий представлено 20 теонимов, среди которых имена собственные сверхъестественных существ, их наименования и перифрастические обозначения. Дореволюционные и современные переводчики евангельских текстов на башкирский язык и современные переводчики на тувинский использовали различные стратегии передачи этих единиц на переводном языке.

Сходства переводов обусловлены общностью базового лексического запаса и агглютинативного грамматического строя двух родственных языков: понятия нередко передаются близкими лексемами, сочетания — одинаковыми конструкциями. Различия имеют лингвистическую (лексические и грамматические расхождения в родственных языках), и экстралингвистическую (различия в духовной культуре и истории народов) природу. Ключевым экстралингвистическим фактором, обусловившим различия в переводах, является опыт народа исповедания той или иной авраамической религии. У переводчика, работающего над текстами другой авраамической религии, есть два пути — взаимодействие с имеющейся авраамической традицией через игнорирование либо опора на неё.

Сопоставление трёх переводных библейских текстов демонстрирует роль историко-культурного фактора в формировании лексики отдельных языков и необходимость его учёта в ходе переводческой практики.

Ключевые слова: башкирский язык; тувинский язык; перевод; религиозная лексика; теоним; тюркские языки; Библия

Статья подготовлена в рамках проекта МК-5052.2021.2 Совета по грантам Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых и по государственной поддержке ведущих научных школ Российской Федерации.

Для цитирования:

Саитбатталов И. Р., Лукманова Р. Х., Саитбатталова Ю. А. Теонимическая лексика в переводах Евангелий на башкирский и тувинский языки // Новые исследования Тувы. 2022. № 4. С. 137-145. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.11>

Саитбатталов Искандер Расулевич — кандидат филологических наук, доцент кафедры истории Республики Башкортостан, археологии и этнологии института истории и государственного управления Уфимского университета науки и технологий. Адрес: Россия, 450076, г. Уфа, ул. Заки Валиди, д. 32. Тел.: +7 (347) 272-63-70. Эл. адрес: saibatbataloff@yahoo.com

Лукманова Рушана Хусаиновна — доктор философских наук, профессор кафедры истории России, историографии и источниковедения института истории и государственного управления Уфимского университета науки и технологий. Адрес: Россия, 450076, г. Уфа, ул. Заки Валиди, д. 32. Тел.: +7 (347) 272-63-70. Эл. адрес: lukmanovark@mail.ru

Саитбатталова Юлия Аликовна — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры журналистики факультета башкирской филологии, востоковедения и журналистики Уфимского университета науки и технологий. Адрес: Россия, 450076, г. Уфа, ул. Заки Валиди, д. 32. Тел.: +7 (347) 272-63-70. Эл. адрес: j.gimranova@gmail.com

Article

Theonymic vocabulary in Bashkir and Tuvan translations of the Gospels

Iskander R. Saitbattalov, Rushana Kh. Lukmanova, Yulia A. Saitbattalova
Ufa University of Science and Technology, Russian Federation

The article presents a contrastive study of theonyms (proper and common names of deities, spirits and other supernatural beings) in the Bashkir translations of the Four Gospels (1902), the New Testament (2015) and the corresponding parts of the Tuvan translation of the Bible (2011). The research was performed using methods of semantic, stylistic and etymological analysis of lexical units, as well as methods of translational and comparative analysis. The work shows exactly how the resources of two kin languages are realized in the course of construction of Christian religious vocabulary in synchronic and diachronic aspects.

The text of the Four Gospels contains 20 theonyms, including proper names of supernatural beings, their denominations and periphrastic designations. Pre-revolutionary and contemporary translators of gospel texts into Bashkir and modern translators into Tuvan used different strategies for conveying these units into the translated language.

The similarities between these translations are due to the commonality of the basic vocabulary and the agglutinative grammatical structure of two related languages: concepts are often expressed through close lexemes, and combinations are transmitted through the same constructions. The differences are linguistic (lexical and grammatical distinctions in kindred languages) and extralinguistic (dissimilarities in the spiritual culture and history of peoples). The key extralinguistic factor that has caused some differences in the translations is the people's experience in professing one or another Abrahamic religion. A translator who works on texts of another Abrahamic religion has two options while interacting with the existing Abrahamic tradition — either ignoring it or taking it into account.

The comparison of three translated biblical texts demonstrates the role of the historical and cultural factor in the development of the vocabularies of certain languages and the need to take it into consideration in translation practice.

Keywords: Bashkir language; Tuvan language; translation; religious vocabulary; theonym; Turkic languages; Bible

Financing

The article was prepared within the framework of the project MK-5052.2021.2 of the Council for Grants of the President of the Russian Federation for state support of young Russian researchers and for state support of leading scientific schools of the Russian Federation.

For citation:

Saitbattalov I. R., Lukmanova R. Kh. and Saitbattalova Yu. A. Teonimicheskaia leksika v perevodakh Evangelii na bashkirskii i tuvinskii iazyki [Theonymic vocabulary in Bashkir and Tuvan translations of the Gospels]. *New Research of Tuva*, 2022, no. 4, pp. 137-145. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.11>

SAITBATTALOV, Iskander Rasulevich, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of History of the Republic of Bashkortostan, Archeology and Ethnology, Institute of History and Public Administration, Ufa University of Science and Technology. Postal address: 32 Zaki Validi St., 450076 Ufa, Russian Federation. Tel.: +7 (347) 272-63-70.

E-mail: saitbattaloff@yahoo.com

[ORCID ID: 0000-0002-5948-4666](#)

LUKMANOVA, Rushana Khusainovna, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Russian History, Historiography and Source Studies, Institute of History and Public Administration, Ufa University of Science and Technology. Postal address: 32 Zaki Validi St., 450076 Ufa, Russian Federation. Tel.: +7 (347) 272-63-70. E-mail: lukmanovark@mail.ru

[ORCID ID: 0000-0002-7549-9358](#)

SAITBATTALOVA, Yuliya Alikovna, Candidate of Philology, Senior Lecturer, Department of Journalism, Faculty of Bashkir Philology, Oriental Studies and Journalism, Ufa University of Science and Technology. Postal address: 32 Zaki Validi St., 450076 Ufa, Russian Federation. Tel.: +7 (347) 272-63-70. E-mail: j.gimranova@gmail.com

[ORCID ID: 0000-0001-9971-2697](#)

Введение

Религиозной лексикой принято называть «языковые единицы, описывающие как специфические внутренние, так и внешние стороны той или иной конфессии» (Кулагина, 2017: 125). По своему объёму это понятие, как и обозначаемый им класс лексем, шире, чем понятия и классы «теологическая лексика» (система богословских терминов той или иной конфессии), «церковная лексика» (лексика, соотносящаяся с материальной стороной деятельности религиозных учреждений), «конфессиональная лексика» (лексика, специфичная для конкретной конфессии) и включает их в себя в качестве тематических групп. Формирование религиозной лексики конкретных языков неразрывно связано с духовной историей народов-носителей, взаимным влиянием народного мировоззрения и религиозной культуры в разных её проявлениях в ходе этно- и культурогенеза (Хафизова, 2018: 206).

Важнейшим и одним из наиболее широких пластов религиозной лексики являются теонимы — собственные и нарицательные именованья божеств, духов и других сверхъестественных существ. Ряд исследователей выделяет их изучение в особый раздел лексикологии, сосредоточенной на описании теонимов «в плане их системной организации, функционирования, эволюции, этимологии, а также в их связях с другими разрядами собственной и нарицательной лексики» — теонимику (Гета, 2013: 10). Хотя классическое определение теонимов сводит их исключительно к собственным именам сверхъестественных существ¹, при исследовании текстов, принадлежащих к авраамической традиции, можно расширить эту группу за счёт перифрастических обозначений Бога, наименований бесплотных сил, имен и титулов некоторых других ключевых для конкретной традиции лиц².

В силу исторически сложившегося частотного, хотя и не повсеместного, совпадения этнических и конфессиональных границ в религиозной лексике отдельных языков преобладают слова и выражения, связанные с функционированием определённых конфессий: религиозная лексика русского языка соотносится с лексикой православного христианства, турецкого — с лексикой ислама и т. д. Эта связь подчёркивается этимологией слов с религиозной семантикой, напр.: религиозная лексика русского языка прямо соотносится с церковнославянизмами, турецкого — с арабизмами и фарсизмами, тувинского — с заимствованиями из тибетского.

Распространение — целенаправленное (в ходе миссионерской деятельности) или стихийное (в ходе прозелитизма) — среди представителей того или иного народа новых религиозных взглядов становится импульсом для расширения религиозной лексики за счёт заимствования новых терминов, переосмысления в религиозном ключе имеющихся лексем, семантического приращения имеющихся слов и выражений религиозного содержания. Возникающие в ходе такого распространения тексты являются ценным исследовательским материалом для лингвиста. Они в динамике демонстрируют возможности конкретных языков к формированию новых терминологических групп и лексических подсистем, разным видам адаптации иноязычных заимствований, а также позволяют увидеть, какие именно ресурсы языка задействуются в этих процессах.

Башкиры (самоназвание *башкорт*) и тувинцы (самоназвание *тыва кижы*) — два тюркских народа, проживающих в различных, удалённых друг от друга, частях Евразии и прошедших своеобразные пути исторического развития. Специфика исторического развития двух народов проявляется и в их религиозных взглядах: башкиры в IX–XIV вв. приняли ислам суннитского толка, а в Туве, начиная с XVIII века, распространился буддизм. Вплоть до 1920-х годов основным языком ислама в Башкортостане был *тюркү* (*türkü*; башк. *төркү*; старотюркский) — общий для многих народов Ближнего Востока, Средней Азии и Восточной Европы письменный язык на арабской графической основе, насыщенный арабскими и персидскими заимствованиями (Саитбатталов, Фаткуллина, 2015: Электр. ресурс). В Туве до 1930-х годов в качестве письменных функционировали тибетский и старомонгольский языки. В результате действия этих факторов религиозная лексика обоих языков существенно различается.

¹Краткий понятийно-терминологический справочник по этимологии и исторической лексикологии / Ж. Ж. Варбот, А. Ф. Журавлев. М.: Российская академия наук, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 1998. С. 46.

²Бугаева И. В. К вопросу о структуре сакрального ономастикона [Электронный ресурс] // Образовательный портал «Слово». URL: <https://portal-slovo.ru/philology/42536.php> (дата обращения: 22.07.22.).

В XIX в. началась работа над переводом отдельных новозаветных книг на разговорный башкирский язык, в 1902 г. в кириллической графике было издано Четвероевангелие¹. На рубеже XX–XXI вв. на современный башкирский язык был переведён весь Новый завет² и ряд книг Ветхого. В 2011 г. вышел полный перевод Библии на тувинский язык³.

Контрастивное изучение теонимов в башкирских переводах Четвероевангелия 1902 г., Нового завета 2014 г. и соответствующих частях тувинского перевода Библии, опирающееся на методы семантического, стилистического и этимологического анализа лексических единиц, а также на методы переводоведческого и сопоставительного анализа, и составляет содержание настоящей статьи.

Башкирские и тувинские переводы библейских книг: общий обзор

Перевод Четвероевангелия на башкирский язык был издан в 1902 г. в Казани просветительским Братством святого Гурия. В репринтном издании 1975 г., выполненном Восточным библейским институтом, указано, что перевод был осуществлён «в 1901 году группой студентов “инородческой учительской семинарии” города Казани под руководством ректора Н. Бобровникова»⁴. По-видимому, издание завершало своего рода цикл библейских переводов на башкирский язык, включавший опубликованные в Оренбурге Евангелие от Матфея (1899 г.) и «Священную историю Ветхого и Нового заветов» (1900 г.) — крупнейших текстов, изданных до революции на башкирском языке кириллической графикой (Каримова, Латыпова 2016: 46–47).

Перед авторами перевода Четвероевангелия стояло сразу две нетривиальных задачи: собственно переводческая, связанная с необходимостью адекватно передать средствами башкирского языка содержание и стиль крупного, сложного и далеко не однозначного русскоязычного текста (оригиналом выступал Синодальный перевод на русский язык), и нормотворческая, связанная с необходимостью стандартизации башкирского народно-разговорного языка, не имевшего на момент перевода устоявшейся письменной нормы (в качестве письменного в обиходе грамотных башкир выступал *тюрки*). Первая задача решалась в соответствии с теоретическими («переводить по духу, а не по слову») и практическими рекомендациями руководителя переводческой комиссии Братства святителя Гурия Н. И. Ильминского (Камитова, 2018: 264–265). Основой для решения второй задачи стали сведения о народно-разговорном башкирском языке, накопленные языковедом А. Г. Бессоновым и педагогом В. В. Катаринским в ходе их систематического взаимодействия с башкирами. Орфография памятника следует принципам, применявшимся В. В. Катаринским в его букваре и словаре (Каримова, Латыпова, 2016: 46).

Новый этап развития библейского перевода на башкирский язык связан с деятельностью Института перевода Библии (ИПБ), руководящегося в своей переводческой практике требованиями Международного форума Библейских организаций (ФБАИ) и действующего в сотрудничестве с учреждениями Российской академии наук. В результате целенаправленной работы ИПБ, между 1996 и 2017 гг. было опубликовано восемь изданий разных новозаветных книг, в том числе полный перевод Нового завета на башкирский язык. В сети доступно также неполное издание Ветхого завета на башкирском языке, подготовленное Российским библейским обществом.

Перевод Библии на тувинский язык в дореволюционное время, по-видимому, не осуществлялся как в силу отсутствия на территории Урянхайского края миссионерских станом, так и в силу малой изученности тувинского языка. Первый крупный научный труд, посвящённый ему, был напечатан Н. Ф. Катановым только в 1903 г. (Катанов, 1903). В 1990-е годы была сформирована тувинская группа переводчиков Библии (Н. Куулар, Э. Мижит, М. Кужугет, С. Комбу) и редакторов (В. Войнов, Л. Мижит, Т. Кандаурова, Е. Самба, С. Сычев). Она работала под методическим руководством Института перевода Библии и активно консультировалась с христианами-носителями тувинского языка. В 2001 г. был

¹ Господа нашего Иисуса Христа Святое Евангелие от Матфея, Марка, Луки и Иоанна на башкирском языке. Казань: Типография В. М. Ключникова, 1902. 314 с.

² Инжил: Новый Завет. М.: Институт перевода Библии, 2014. 591 с. (На башк. яз.).

³ Ыдыктыг Библия / Священная Библия. М.: Институт перевода Библии, 2011. 1766 с. (На тув. яз.).

⁴ Господа нашего Иисуса Христа Святое Евангелие от Матфея, Марка, Луки и Иоанна на башкирском языке. Казань: Типография В. М. Ключникова, 1902. [Репринт] Стокгольм: Восточный библейский институт, 1975. С. 5.

опубликован Новый Завет на тувинском языке, а в 2011 г. вышел полный перевод Библии на тувинский язык¹.

Сопоставительный анализ теонимов, представленных в двух башкирских и одном тувинском переводе библейских фрагментов, способен продемонстрировать, как именно реализуются ресурсы двух родственных языков в ходе конструирования христианской религиозной лексики в синхроническом и диахроническом аспектах.

Наименования Иисуса Христа в башкирских и тувинском переводах Евангелий

Тексты четырёх канонических Евангелий включают обширный пласт теонимической лексики. В него входят собственные имена и названия существ и явлений, связанных с духовным миром, заменяющие их нарицательные имена существительные и прилагательные, а также перифрастические конструкции.

В Евангелиях представлены следующие лексемы этой группы:

- имена собственные — Иисус, Еммануил, Веельзевул и др.,
- титулы — Христос, Мессия и др.,
- наименования сверхъестественных существ — ангел, бес, Бог, Господь, диавол, сатана и др.,
- перифрастические конструкции — Агнец Божий, Дух Божий, Дух Святой, князь мира сего, нечистый дух, Отец Небесный, Спаситель мира, Сын Божий, Сын Человеческий и др.

Для анализа способов их перевода на башкирский и тувинский языки, а также переводческих тактик, их обусловивших, продуктивным представляется следующий порядок разбора:

- 1) номинации Иисуса Христа,
- 2) номинации других членов Святой Троицы,
- 3) номинации сверхъестественных существ, служащих Богу,
- 4) номинации сверхъестественных существ, противостоящих Богу.

Имя *Иисус* в башкирском переводе 1902 г. (далее — БП1902) передано в соответствии с нормами русской дореволюционной орфографии как *Иисусъ*, в башкирском переводе 2014 года (далее — БП2014) — как *Ғайса* в соответствии с коранической традицией (от арабского *‘Иса*; в евангельских текстах на арабском, однако, используется иное написание и прочтение — *Йасу*), в тувинском (далее — ТП) — как *Иисус*. Титул *Христос* в БП1902 оставлен без изменений, в БП2014 — передан арабским заимствованием *мәсих*, соответствующим буквальному значению греческого слова *христос* (помазанник), в ТП — оставлен без изменений. Титул Мессия, восходящий к древнееврейскому слову *машиах* ‘помазанник’, в БП1902 представлен как *Мессия*, в БП2014 — как *мәсих*, в ТП — как *Мессия*. Собственное имя *Еммануил*, заимствованное из ветхозаветной книги Исаии и истолковываемое непосредственно в евангельском тексте: «Что значит: с нами Бог», — в БП1902 и в БП2014 сохраняется без изменений, а в ТП представлено в написании через «э» оборотную: *Эммануил*.

Налицо ориентация дореволюционных переводчиков на башкирский язык и современных переводчиков на тувинский на русскую традицию передачи имен и титулов. Обращение современных переводчиков на башкирский к кораническим терминам, имеющим то же семитское происхождение, что и ряд евангельских, опирается на мусульманскую традицию именования и несколько сужает синонимический ряд: Христос и Мессия в этом переводе совпадают в термине *Мәсих*.

Теониму *Бог* Синодального текста в БП1902 соответствует иранизм *Хозай*, в БП2014 — арабское заимствование *Алла*, в ТП — древнетюркское (Мижит, 2016: 145) слово *Бурган*. Теоним *Господь* передаётся в БП1902 исконным словом *Тәңере*, которым тюркские народы традиционно обозначали небесного бога, в БП2014 — арабизмом *Раббы* (от *рабб* ‘господин’), в ТП — сочетанием *Дээрги-Чаяакчы* (букв. ‘Господин-Творец’). Арабизм *Раббы* частотен в башкирском религиозном дискурсе, используется применительно к мусульманскому Богу, однако функционирует преимущественно с аффиксами посессива: *раббыбыз* ‘наш Господь’, *раббым* ‘Господи’. Частотное сочетание *Господь Бог* в БП1902 выглядит как

¹ Десницкий А. С. Первая тувинская Библия [Электронный ресурс] // Православие и мир. URL: <https://pravmir.ru/pervaya-tuvinskaya-bibliya/> (дата обращения: 22.09.2022).

плеонастическое *Тәңере Хозай* (букв. 'Бог-Бог'), в БП2014 — как *Раббы Алла*, в ТП — как *Дээрги-Чаяакчы Бурган* (букв. 'Господин-Творец-Бог'). Дореволюционные переводчики на башкирский язык пошли на искусственное закрепление за синонимами разных значений, переводчики на тувинский язык использовали неологизм для разграничения библейских терминов с понятиями древней народной традиции, а современные переводчики на башкирский пошли на выстраивание узуального различия между обозначениями библейского и коранического божеств.

Перифразы, называющие Иисуса и указывающие на разные аспекты его божественной сущности и отношения к земному миру, представляют собой сложный материал для перевода в силу того, что за ними стоят сложные теологические концепции вочеловечения, жертвенности и искупления первородного греха. От переводчика требуется не только адекватная передача образного содержания и высокого стиля таких наименований, но и соответствие богословским канонам их понимания. Таким образом, подобные конструкции выступают объектами не только перекодирования, но и экзегезы.

Сочетание *Агнец Божий* передано в БП1902 как *Хозай Бәрәне* (букв. 'Божий Барашек'), в БП2014 — как *Алла Бәрәсе* (букв. 'Божий Барашек'), в ТП — как *Бурганның Хураганы* (букв. 'Божий Ягненок'). Конструкция Спаситель мира передана в БП1902 и в БП2014 как словосочетание, в котором причастие управляет существительным, *донйаны Коткарыусы*, в ТП — как словосочетание с изафетной связью *бо делегейниң улузунуң Камгалакчызы* (букв. 'Спаситель людей этого мира'). Сочетание *Сын Божий* передано в БП1902 как изафетная конструкция первого типа *Хозай улы*, в БП2014 — как *Алла Улы*, в ТП — как изафетная конструкция второго типа *Бурганның Оглу*. Сочетание Сын Человеческий в БП1902 и БП2014 передано одинаково — как *Әзәм Улы* (букв. 'Сын Адама') с прямой отсылкой к авраамическому представлению о праотце всех людей Адаме, в ТП — как *Кижги амытан Оглу* с использованием исконно тюркской лексемы для обозначения человека.

При адаптации для читателей перифрастических обозначений Иисуса Христа в Евангелиях переводчики на башкирский использовали одинаковую тактику прямой пословной передачи термина лексическими эквивалентами и, хотя и в разной мере, опирались на присутствующую в башкирской культуре и отразившуюся в языке авраамическую традицию, в рамках которой понятия *мир* и *человек* не нуждаются в теологической экспликации. Переводчиками на тувинский была предпринята операция по расширению этих понятий.

Наименования других членов Святой Троицы и сверхъестественных сущностей в башкирских и тувинском переводах Евангелий

Та же ситуация наблюдается при передаче на двух родственных языках наименований других членов Святой Троицы. Для обозначения её первого лица в БП1902 и БП2014 использована одинаковая конструкция *күктәге Ата* (букв. 'Отец, который в небе') с аффиксами посессива в соответствующих лицах и числах, в ТП — сочетанием *Дээрде Адавыс* (букв. 'Наш отец, который в небе') с показателем посессива 1-го лица множественного числа. Если для башкирской языковой картины мира, находящейся под влиянием ислама с его нормативным представлением о полной трансцендентности Бога, помещение Его на небо и в семантическое поле родства не характерно, что и обусловило возможность прямой пословной передачи оригинального сочетания, то переводчики на тувинский столкнулись с необходимостью поиска обозначения, не ассоциирующегося с язычеством (Мижит, 2016: 144).

Ассоциирующиеся с третьим членом Святой Троицы понятия *Дух Божий*, *Дух Истины* и *Дух Святой* переданы в трёх рассматриваемых переводах разными способами. Общий для этих теонимов термин дух передан в БП1902 словом *тын* (букв. 'дыхание') как прямая калька с русского. В БП2014 использован арабизм *рух*, этимологически связанный с древнееврейским *руах*, а семантически — с понятиями *дыхание* и *ветер*. В ТП применяется исконное слово *сүлде*, традиционно применяемое для обозначения возвышенных явлений (Мижит, 2016: 147). В качестве второго элемента сочетания Дух Божий в БП 1902, БП2014 и ТП использованы *Хозай*, *Алла* и *Бурган* соответственно.

Понятие истины передано в БП1902 исконным словом *ысындык* (совр. лит. *ысынлык*; букв. 'действительность'), в БП2014 арабизмом *хәкикәт*, имеющим сильные мусульманские религиозно-мистические коннотации (Сайтбатталов, Фаткуллина, 2015: Электронный ресурс), в ТП — сочетанием исконных лексем *алыс шын*. Для обозначения святости в БП1902 применяется прямое заимствование из церковнославянского Святой, в результате чего возникает стилистически сомнительное даже для избилующей русизмами разговорной речи сочетание *Святой Тын*. Отказ от перевода этого понятия

связан, по-видимому, с нежеланием дореволюционных переводчиков использовать лексику, имеющую нехристианские коннотации. В БП2014 использована общеупотребительная лексема *изге*, в семантике которой присутствуют представления о ценности, доброте и духовной значимости, а в ТП — этимологически связанная с ней лексема *ыдыктыг*.

Столь значимые различия в подходах к переводу терминов, обозначающих Святой Дух, объясняются как сложностью самого этого понятия, так и разными позициями относительно возможности его передачи средствами иного языка. Авторы БП1902 избегали интерпретации термина, предпочитая калькирование и заимствование, авторы БП2014 опирались в его интерпретации на имеющиеся языковые средства безотносительно их религиозных коннотаций, а авторы ТП стремились к активизации собственных ресурсов переводного языка.

В Четвероевангелии встречается лишь одно обозначение сверхъестественной сущности, служащей Богу — *ангел*. В БП1902 и БП2014 для его передачи использована активно функционирующая в башкирском языке лексема, заимствованная из персидского языка, *фарештэ* (перс. *фериште*). Хотя она и соотносится с *мала'ика*, ангелами, упоминаемыми в Коране, эта лексема, по-видимому, показалась дореволюционным переводчикам достаточно нейтральной для использования в сакральном тексте. В тувинском переводе во избежание использования заимствования и неоднозначных калек (Мижит, 2016: 148) для этого понятия использовано исконное слово *төлээ* 'представитель'.

Более разнообразна в Евангелиях лексика, обозначающая силы зла. Имя собственное Веельзевул во всех трёх переводах передаётся одинаково, за исключением орфографических различий. Наиболее частное наименование служителей зла *бес* передаётся в БП1902 и БП2014 арабизмом *ен* (ар. *джинн*), в ТП — монголизмом *бук*. Понятиям *диавол* и *сатана* в БП1902 соответствует арабизм *шайтан*, в БП2014 — имя собственное и тоже арабизм *Иблис*, этимологически, возможно, связанное с греческим *диаволос*¹, в ТП — *эрлик*, традиционное наименование владыки подземного царства у тюркских народов Южной Сибири. Перифрастическая конструкция *князь мира сего* передана в БП1902 частичной калькой *бы доньянын князы*, в которой русскому *мир* соответствует арабизм, в БП2014 переведена с помощью арабизма как *был доньяның хакиды* (ар. *хаким* 'правитель'), в ТП — сочетанием *бо делегейниң чагырыкчызы*. Сочетанию нечистый дух в БП1902 соответствует *шакшы тын* (букв. нечистое дыхание), в БП2014 — *шакшы рух* (букв. нечистый дух), в ТП — *бук*. В переводах на тюркские языки лексическое разнообразие русских обозначений дьявола и его служителей сужается: диавол и сатана сливаются в башкирском либо в шайтан (дореволюционный перевод), либо в Иблис (современный перевод), в тувинском — в *эрлик*. Дифференцированные в башкирских переводах *бес* и *нечистый дух* совпадают в тувинском *бук*.

Заключение

Сопоставительный анализ теонимической лексики в двух переводах Евангелий на башкирский язык и одном на тувинский демонстрирует как сходства, так и существенные различия в её формировании и функционировании. Сходства обусловлены общностью базового лексического запаса и агглютинативного грамматического строя двух родственных языков: понятия нередко передаются близкими лексемами (*отец* — *ата* — *ада*; *святой* — *изге* — *ыдыктыг*), сочетания — одинаковыми конструкциями (*князь мира сего* — *был доньяның хакиды* — *бо делегейниң чагырыкчызы*). Различия имеют как лингвистическую (лексические и грамматические расхождения в родственных языках), так и экстралингвистическую (различия в духовной культуре и истории народов) природу.

Ключевым экстралингвистическим фактором, повлиявшим на формирование различий в переводах, выступает наличие или отсутствие у народа, на язык которого происходит перевод, опыта исповедания той или авраамической религии. Этот опыт неизбежно ведёт к возникновению пласта лексем и устойчивых сочетаний, обозначающих образный и понятийный ряд общих для иудаизма, христианства и ислама идеологии и мифологии. У переводчика, работающего над текстами другой авраамической религии, в этих обстоятельствах есть два пути — взаимодействие с имеющейся авраамической традицией через отрицание или игнорирование, либо опора на неё.

¹ Ислам: энциклопедический словарь. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1991. С. 81.

Первая стратегия была избрана дореволюционными переводчиками Четвероевангелия на башкирский язык, но вряд ли была реализуема в принципе: понятийный аппарат ислама настолько глубоко впитался в башкирский язык, что, отказавшись от, по-видимому, чрезмерно исламизированных, с точки зрения миссионеров XIX в., общеупотребительных слов Алла 'Бог' и рух 'дух', переводчики создали ряд достаточно оригинальных терминологических конструкций, однако были вынуждены сохранить целый ряд арабизмов (*донья, ен, шайтан, эзам*), заимствованных непосредственно из Корана (Фаткуллина, Сайтбатталов, 2015: 1236). Вторая стратегия, предусматривающая опору на уже сформированный понятийный аппарат одной из авраамических религий, приводит к появлению более понятного читателю текста с минимальным «насилием над языком».

Переводчики Библии на тувинский были свободны от необходимости диалога с традицией и избрали иную стратегию, выражающуюся в активизации собственных ресурсов переводного языка за счёт закрепления за имеющимися лексемами новых значений, мотивированного создания неологизмов и минимизации заимствований. Сопоставление трёх переводных библейских текстов наглядно демонстрирует роль историко-культурного фактора в формировании лексики отдельных языков и необходимость его учёта в ходе переводческой практики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гета, Е. В. (2013) Обзор некоторых единиц теонимической лексики в контексте русских и польских сакральных текстов // Вестник Нижневартковского государственного университета. № 2. С. 9–12.

Камитова, А. В. (2018) Деятельность Н. И. Ильминского в области перевода православной литературы на родные языки народов Поволжья и Приуралья // Сибирский филологический журнал. № 1. С. 261–270. DOI: <https://doi.org/10.17223/18137083/62/18>

Каримова, Р. Н., Латыпова, Р. М. (2016) Письменные источники по башкирскому языку конца XIX — начала XX века // Урало-алтайские исследования. № 1(20). С. 41–52.

Катанов, Н. Ф. (1903) Опыт исследования урянхайского языка с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского корня. Казань : Типо-литография Императорского университета. XLII, 487, LX с.

Кулагина, М. А. (2017) Особенности и проблемы перевода религиозной лексики // Язык. Культура. Коммуникация. Т. 1. № 1(20). С. 124–129.

Мижит, Л. С. (2016) Перевод Библии на тувинский язык: обогащение лексического состава тувинского литературного языка // Родной язык. № 1 (4). С. 141–155.

Сайтбатталов, И. Р., Фаткуллина Ф. Г. (2015) К вопросу об эстетической роли арабских заимствований в произведениях М. А. Чукури [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. № 1–1. URL: <https://s.science-education.ru/pdf/2015/1/1571.pdf> (дата обращения: 25.07.2022).

Хафизова, З. Р. (2018) Тематическая классификация религиозных лексем в башкирском языке // Вестник Башкирского университета. Т. 23. № 1. С. 206–210. DOI: <https://doi.org/10.33184/bulletin-bsu-2018.1.33>

Дата поступления: 11.08.2022 г.

REFERENCES

Geta, E. V. (2013) Obzor nekotorykh edinits teonimicheskoi leksiki v kontekste russkikh i pol'skikh sakral'nykh tekstov [Review of several theonymic vocabulary units exemplified by the Russian and Polish religious texts]. *Bulletin of Nizhnevartovsk State University*, no. 2, pp. 9–12. (In Russ.).

Kamitova, A. V. (2018) Deiatel'nost' N. I. Il'minskogo v oblasti perevoda pravoslavnoi literatury na rodnye iazyki narodov Povolzh'ia i Priural'ia [N. I. Il'minskiy's contribution to translating the Orthodox literature into the native languages of the peoples of the Volga region and the Urals]. *Siberian Journal of Philology*, no. 1, pp. 261–270. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17223/18137083/62/18>

Karimova, R. N. and Latypova, R. M. (2016) Pis'mennyye istochniki po bashkirskomu iazyku kontsa XIX — nachala XX veka [Written sources in the Bashkir language of the late 19th — the early 20th century]. *Ural-Altai Studies*, no. 1 (20), pp. 41–52. (In Russ.).

Katanov, N. F. (1903) *Opyt issledovaniia uriankhaiskago iazyka, s ukazaniem glavneishikh rodstvennykh otnoshenii ego k drugim iazykam tiurkskago kornia* [An essay on the Uryankhai language, indicating the most important kinship ties between it and the other languages of the Turkic root]. Kazan, Tipo-litografiia Imperatorskogo universiteta. [2], XLII, 1540, LX p. (In Russ.).

Kulagina, M. A. (2017) Osobennosti i problemy perevoda religioznoi leksiki [The peculiarities and problems of translation of religious lexis]. *Yazyk. Kul'tura. Kommunikatsiia*, vol. 1, no. 1 (20), pp. 124–129. (In Russ.).

Mizhit, L. S. (2016) Perevod Biblii na tuvinskii iazyk: obogashchenie leksicheskogo sostava tuvinskogo literaturnogo iazyka [Translation of the Bible into Tuvan: Enriching the lexical composition of the Tuvan literary language]. *Rodnoi iazyk*, no. 1 (4), pp. 141–155. (In Russ.).

Saitbattalov, I. R. and Fatkullina F. G. (2015) K voprosu ob esteticheskoi roli arabskikh zaimstvovaniy v proizvedeniakh M. A. Chukuri [The aesthetic role of Arabic borrowings in the works of M. 'A. Chukuri]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniia*, no. 1–1. [online] Available at: <https://s.science-education.ru/pdf/2015/1/1571.pdf> (access: 25.07.2022).

Khafizova, Z. R. (2018) Tematicheskaiia klassifikatsiia religioznykh leksem v bashkirskom iazyke [Thematic classification of religious lexemes in the Bashkir language]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*, vol. 23, no. 1, pp. 206–210. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.33184/bulletin-bsu-2018.1.33>

Submission date: 11.08.2022.

Актуальные проблемы демографии и подготовки демографов в Туве

Сергей В. Рязанцев

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН; Российский университет дружбы народов,
Российская Федерация,

Тамара К. Ростовская

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Российская Федерация,

Лейсан А. Давлетшина

Государственный университет управления; Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН,
Российская Федерация

В статье представлен комплексный подход к обоснованию необходимости (потребности) в специалистах-демографов Республики Тыва. Обобщены исследования демографического развития и демографической ситуации Тувы, рассмотрены вопросы демографического образования в России и преподавания отдельных дисциплин в Республике Тыва. Уделено особое внимание нормативно-правовым актам, регулирующим государственную демографическую политику в регионе. Учитываются данные Росстата, в том числе Управления Федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю, Республике Хакасия и Республике Тыва.

Выявлены ключевые индикаторы, характеризующие демографическую ситуацию Тувы в период с 1990 г. по 2021 г., в том числе с негативным характером. Установлено отсутствие мер, направленных на снижение (нивелирование) влияния таких индикаторов. Обоснована потребность в специалистах, способных адекватно оценивать текущую демографическую ситуацию, готовить прогнозные модели и выстраивать адекватную демографическую политику.

Выявлена потребность организаций Республики Тыва в работниках для замещения вакантных рабочих мест в 2022 г. Проведен анализ образовательных организаций Тувы, определен опорный вуз — Тувинский государственный университет, в котором обучается 98,98% студентов от общего контингента по образовательным организациям Республики Тыва. Изучены реализуемые образовательные программы ТувГУ, оценена возможность как внедрения отдельных демографических дисциплин, так и осуществления обучения демографов в регионе.

Ключевые слова: демографическая политика; демографическое образование; Республика Тыва; профессиональный стандарт; образовательный стандарт; Тувинский государственный университет

Публикация выполнена в рамках проекта № 060120-2-174 Системы грантовой поддержки научных проектов РУДН.

Для цитирования:

Рязанцев С. В., Ростовская Т. К., Давлетшина Л. А. Актуальные проблемы демографии и подготовки демографов в Туве // Новые исследования Тувы. 2022. № 4. С. 146-168. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.12>

Рязанцев Сергей Васильевич — член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, директор Института демографических исследований ФНИСЦ РАН; профессор экономического факультета Российского университета дружбы народов. Адрес: 119333, Россия, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6, стр. 1; 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. Тел.: +7 (916) 256-45-93. Эл. адрес: riazan@mail.ru

Ростовская Тамара Керимовна — доктор социологических наук, профессор, заместитель директора Института демографических исследований ФНИСЦ РАН. Адрес: 119333, Россия, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6, стр. 1. Тел.: +7 (905) 558-97-91. Эл. адрес: Rostovskaya.tamara@mail.ru

Давлетшина Лейсан Анваровна — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры статистики Государственного университета управления; ведущий научный сотрудник Отдела семьи и семейно-демографической политики Института демографических исследований ФНИСЦ РАН. Адрес: 109542, Россия, г. Москва, Рязанский пр-т, д. 99; 119333, Россия, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6, стр. 1. Тел.: +7 (926) 810-59-79. Эл. адрес: la_davletshina@guu.ru; file_777@mail.ru

TUVA YESTERDAY, TODAY, TOMORROW

Article

Current issues of demography and training of demographers in Tuva

Sergey V. Ryazantsev*Institute for Demographic Research of the FCTAS RAS; Peoples' Friendship University of Russia, Russian Federation,***Tamara K. Rostovskaya***Institute for Demographic Research of the FCTAS RAS, Russian Federation,***Leysan A. Davletshina***State University of Management; Institute for Demographic Research of the FCTAS RAS, Russian Federation*

The article presents a comprehensive approach to substantiating the need for demographers in the Republic of Tuva. The authors summarize studies of the demographic development and situation in Tuva. We consider some issues of demographic education in Russia and teaching of certain disciplines in the Republic of Tuva. A special attention is paid to the normative and legal acts regulating the state demographic policy in the region. The data of Rosstat, including the Office of the Federal State Statistics Service for Krasnoyarsk Krai, the Republic of Khakassia and the Republic of Tuva, are taken into account.

We have identified the key indicators characterizing the demographic situation in Tuva in the period from 1990 to 2021, including negative ones. There is an absence of measures aimed at reducing (neutralizing) the influence of such indicators. The need for experts capable of adequately assessing the current demographic situation who are ready to construct predictive models and design an adequate demographic policy is justified.

It has been found out that organizations in the Republic of Tuva feel the need for professionals to fill vacant positions in 2022. We have analyzed some Tuvan educational organizations. The flagship university was identified — Tuvan State University (TuvSU). In the Republic of Tuva, 98.98 percent of all students study in this HEI. Educational programs that are being implemented at TuvSU have been studied, the possibility of both the introduction of particular demographic disciplines and the implementation of training of demographers in the region has been evaluated.

Keywords: demographic policy; demographic education; Republic of Tuva; professional standard; educational standard; Tuvan State University

Financing

This publication was supported by the RUDN University Scientific Projects Grant System, project № 060120-2-174.

For citation:

Ryazantsev S. V., Rostovskaya T. K. and Davletshina L. A. Aktual'nye problemy demografii i podgotovki demografov v Tuve [Current issues of demography and training of demographers in Tuva]. *New Research of Tuva*, 2022, no. 4, pp. 146-168. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.12>

RYAZANTSEV, Sergey Vasilyevich, Corresponding Member of Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics; Director, Institute for Demographic Research, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences; Professor, Faculty of Economics, Peoples' Friendship University of Russia. Postal address: Bldg. 1, 6 Fotievoi St., 1119333 Moscow, Russian Federation; 6 Miklukho-Maklaya St., 117198 Moscow, Russian Federation. Tel.: +7 (916) 256-45-93. E-mail: riazan@mail.ru

[ORCID ID: 0000-0001-5306-8875](https://orcid.org/0000-0001-5306-8875)

ROSTOVSKAYA, Tamara Kerimovna, Doctor of Sociology, Professor, Deputy Di-rector, Institute for Demographic Research, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences. Postal address: 6 Miklukho-Maklaya St., 117198 Moscow, Russian Federation. Tel.: +7 (905) 558-97-91. E-mail: Ros-tovskaya.tamara@mail.ru

[ORCID ID: 0000-0002-1629-7780](https://orcid.org/0000-0002-1629-7780)

DAVLETSHINA, Leysan Anvarovna, Candidate of Economics, Associate Professor, Department of Statistics, State University of Management; Leading Researcher, Department of Family and Demographic Policy, Institute for Demographic Research, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences. Postal address: 99 Ryazanskiy Prospekt, 109542 Moscow, Russian Federation; Bldg. 1, 6 Fotievoi St., 1119333 Moscow, Russian Federation. Tel.: +7 (926) 810-59-79. E-mail: la_davletshina@guu.ru; file_777@mail.ru

[ORCID ID: 0000-0002-1497-1751](https://orcid.org/0000-0002-1497-1751)

Введение

Основой развития любого государства являются люди, его населяющие. Как писал М. В. Ломоносов, «Начало сего полагаю самым главным делом: сохранением и размножением российского народа, в чем состоит величество, могущество и богатство всего государства, а не в обширности, тщетной без обитателей» (Ломоносов, 2011: 16). Изменение численности и структуры населения, проживающего на той или иной территории, последствия трансформаций, а также параметры и индикаторы их формирующие являются многоаспектными, сложными процессами демографического развития страны (региона, города, села). Особенностью демографических процессов является то, что практически любая проводимая политика социально-демографического развития территории не имеет моментного отклика (эффекта), и как правило, носит отложенный характер. В то же время большая часть демографических процессов, за исключением наличия влияния внешних факторов, подлежит долгосрочному прогнозированию — перспективная численность населения; подвижки в возрастном-половом составе населения, как результат, трансформации населения моложе трудоспособного, трудоспособного и старше трудоспособного возрастов, гендерные диспропорции; ожидаемая продолжительность жизни при рождении; показатели рождаемости (в зависимости от пропорций женщин фертильного возраста) и смертности (в зависимости от доли населения в старших возрастных группах), показатели миграции и прочее.

Знание и понимание социально-демографических процессов, протекающих на территории страны (региона, города, села) для лиц, ответственных за ее благополучие, дает возможность принимать необходимые, актуальные, востребованные меры по регулированию, корректировке и достижению оптимума. Отсутствие своевременной или же наличие неуместной реакции на происходящие трансформации как минимум не приведут к желаемому результату, а как максимум — усугубят его, увеличив негативные последствия. Принятие грамотных управленческих, организационных и нормативно-правовых решений осуществимо только при наличии грамотных, высокообразованных специалистов, понимающих предметную область и имеющих соответствующее образование.

Демографические процессы, протекающие на территории Российской Федерации последние тридцать лет носят неоднозначный характер. Из числа негативных параметров демографического развития России — возрастное-половое диспропорция населения (увеличивающаяся гендерная диспропорция, усугубляющаяся регрессионная структура населения), практически непрекращающаяся депопуляция населения за последние четверть века сопровождается снижением суммарного коэффициента рождаемости и сокращением миграционного оборота. Среди положительных изменений — увеличение ожидаемой продолжительности жизни при рождении (за исключением пандемийного периода), снижение уровня младенческой смертности, уменьшение уровня разводимости в последнее десятилетие.

Россия, имея огромную многонациональную территорию, включающую в свой состав как субъекты с полинациональным составом, так и моноэтнические регионы, в которых наблюдается небольшой уровень этнокультурного и языкового разнообразия, имеет существенную дифференциацию социально-демографического развития регионов: от постепенно вымирающих регионов, как за счет миграционной убыли, так и естественных процессов, либо за счет одного из факторов; до регионов, с ежегодно увеличивающейся численностью населения. В этом плане Республика Тыва является крайне интересным регионом, имеющим ряд только ему присущих особенностей, которые будут рассмотрены в статье.

Изучение и обобщение действующих в России нормативно-правовых документов, в том числе в сфере демографической политики, национальных целей развития, стратегии национальной безопасности демонстрируют, что в нашей стране уделяется должное внимание формированию законодательства по вопросам народонаселения и народосбережения¹. Настораживает только тот

¹ Указ Президента Российской Федерации «О мерах по реализации демографической политики Российской Федерации» от 07.05.2012 г. № 606 [Электронный ресурс] // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/35270> (дата обращения: 20.07.2022); Указ Президента Российской Федерации «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики» от 07.05.2012 г. № 597 [Электронный ресурс] // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/35261> (дата обращения: 20.07.2022); Опубликован паспорт национального проекта «Демография» [Электронный ресурс] // Правительство России. URL: <http://government.ru/info/35559/> (дата обращения: 20.07.2022); Указ о национальных целях развития России до 2030 года

факт, что не всегда ставятся актуальные или выполнимые задачи, используются те индикаторы, что реально характеризуют ключевые параметры демографического оптимума (Ростовская, Шабунова, Давлетшина, 2022).

Ответом на решение данной проблемы в 2021 г. стала разработка и утверждение профессионального стандарта «Демограф», которая позволит сформировать новую модель кадрового потенциала в области демографии, выявить потенциал развития подготовки высококвалифицированных специалистов-демографов, в рамках управленческой деятельности сделает возможным удовлетворение потребности в демографической экспертизе и консалтинге.

Следующим логичным шагом, который бы позволил обеспечить рынок труда отвечающим запросам общества, отраслей и видов деятельности специалистами, является подготовка таких специалистов. Анализ потенциала образовательного сообщества России выявил следующее. Среди отечественных образовательных учреждений всего три вуза (Высшая школа экономики, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова и Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ) ведут образовательную деятельность по программам, относящимся к демографии, в них действуют пять кафедр демографии и народонаселения¹. Образовательным потенциалом обладают и столичные, и региональные учебные заведения, в которых действуют лаборатории или научные центры, проводящие исследования по актуальным проблемам демографии, а также вузы, чьи преподаватели читают отдельные демографические дисциплины, проводят исследования, публикуют статьи и выступают с докладами.

В перспективе реализация подготовки специалистов-демографов в нашей стране возможна только при наличии соответствующего образовательного стандарта, в котором найдут отражение критерии и параметры, заложенные в профессиональном стандарте «Демограф». Такая работа проведена в инициативном порядке Институтом демографических исследований ФНИСЦ РАН, в котором создана рабочая группа для разработки и утверждения образовательных стандартов по направлению «Демография» в рамках УГС 39.00.00 «Социология и социальная работа» по уровням подготовки «бакалавриат» и «магистратура».

В данной статье впервые будет представлен комплексный подход к обоснованию необходимости (потребности) региона в специалистах-демографах (на примере Тувы). В работе будет проведен статистический анализ особенностей демографического развития Республики Тыва, выявлены индикаторы, характеризующие население Тувы, которые носят явно негативный характер для развития региона. Выполнен анализ демографического образования в России и меры, предпринимаемые для его возрождения. Обоснована востребованность и потребность в Туве в специалистах, способных не только оценивать текущие демографические параметры территорий, но и способных проводить перспективные расчеты, строить прогнозные модели, готовить и обосновывать соответствующие аналитические записки, проводить консультирование управленческого персонала региона (как государственных, муниципальных, так и частных организаций) и населения.

История исследования темы

Вопросам демографического развития территорий посвящены множество трудов отечественных и зарубежных ученых, среди них работы А. И. Антонова, В. Н. Архангельского, А. Я. Боярского, Д. И. Валентя, А. Г. Вишневого, М. Б. Денисенко, М. В. Карманова, О. В. Кучмаевой, С. В. Новоселова,

[Электронный ресурс] // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63728> (дата обращения: 20.07.2022); Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» от 02.07.2021 г. № 400 [Электронный ресурс] // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 20.07.2022).

¹ Высшая школа экономики: магистерская программа «Демография» по направлению «Социология» [Электронный ресурс] // ВШЭ. URL: <https://www.hse.ru/ma/demography/> (дата обращения 26.10.2021); магистерская программа «Население и развитие» по направлению «Государственное и муниципальное управление» [Электронный ресурс] // ВШЭ. URL: <https://www.hse.ru/ma/pd/> (дата обращения 26.10.2021); Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова — магистерская программа «Социальная демография» [Электронный ресурс] // МГУ. URL: <https://www.demography-msu.ru/> (дата обращения 26.10.2021); МГИМО — магистерская программа «Управление человеческими ресурсами» [Электронный ресурс] // МГИМО. URL: <https://sgp.mgimo.ru/master/hr> (дата обращения: 26.10.2021).

О. Л. Петряковой, Л. Л. Рыбаковского, С.В. Рязанцева, Б. Ц. Урланиса, М. Н. Храмова, Д. К. Шелестова (Антонов, 1999; Архангельский, Зайко, 2021; Курс демографии ... , 1974; Система знаний ... , 1976; Вишневецкий, 1976; Карманов, Кучмаева, Петрякова, 2015; Новоселова, Денисенко, 2012; Рыбаковский, 2015; Рязанцев, Храмова, 2022; Урланис, 1963; Шелестов, 1983).

Изучению демографических процессов, происходящих на территории Республики Тыва посвящены труды ученых, в том числе Тувы, а также Башкортостана (проводивших сравнительные исследования) (Абылкаликов, 2021; Анайбан, 2016; Абылкаликов, Баймурзина 2022; Гайфуллин, 2022; Мандыт, 2017; Монгуш, 2021; Ондар, 2015; Соболева, 2015; Хольшина, 2012), представлены в монографии Л. Ы. Куулар, К. Д. Аракчаа, М. Т. Оюн (Куулар, Аракчаа, Оюн, 2012).

Особое внимание ученых, изучающих демографические процессы в Тувинском регионе обращено на миграционные процессы (Абылкаликов, 2021; Анайбан, 2020; Ахметова, 2022; Бадмаева, Натсак, 2021; Гончиков и др., 2019; Евдокимов, 2019; Сарыглар, 2019; Тюхтенева, 2018).

Актуальность профессионального образования в условиях глобализации мирового сообщества, его влияние на повышение конкурентоспособности работников на рынке труда представлены в работах социологов, демографов и др. (Голенкова, Кошарная, Кошарный, 2018; Егорычев, Ростовская, 2021; Сизикова, Анিকেева, 2016; Хеннер, 2018; Царегородцев, Башина, Карманов, 2019; Ярных, Давлетшина, Агентова, 2021).

Вопросы востребованности демографического образования в России, меры и мероприятия, проводимые для возрождения отечественного демографического образования также обсуждаются в публикациях последних лет (Волошина, 2017; Ростовская, Золотарева, 2021; Ростовская, Шабунова, Давлетшина, 2022; Ткаченко, 2017; Чернова, Бедрина, 2020; Чурилова, Салин, 2018).

Система образования и преподавание отдельных дисциплин в Республике Тыва, трансформации регионального социально-профессионального пространства обсуждаются в педагогике и смежных дисциплинах (Голенкова, Голиусова, Самба, 2021; Ойдуп, Кылыгдай, 2021; Самба, 2020; Танзы и др., 2020; Татарова, Затеева, 2018; Товуу, Кара-Сал, Санчаа, 2020).

Тесная связь образования и рынка труда, этносоциальные особенности занятости населения в Туве, а также профессиональные предпочтения тувинцев также активно обсуждаются (Анайбан, 2018; Валиахметов и др., 2021; Дабиев, 2018; Натсак, 2021; Четырова, 2018).

Несмотря на проведенные исследования демографического развития Республики Тыва, обсуждения влияния образования на повышение конкурентоспособности работников на рынке труда, вопрос о подготовке специалистов-демографов в рамках системы образования Тувы еще не обсуждался.

Действующие образовательные стандарты ФГОС ВО 3++, ориентированные на компетентностный подход, утвержденный профессиональный стандарт «Демограф»¹, по нашему мнению, существенно расширят образовательные траектории учебных заведений республики: от введения в основную образовательную программу дополнительных профессиональных компетенций (ПК), раскрываемых профессиональным стандартом «Демограф» и увеличения читаемых демографических дисциплин с целью расширения и углубления знаний о народонаселении и существующих закономерностях его изменения, до открытия новых профилей на базе существующих направлений подготовки на всех уровнях высшего образования. В перспективе, по результатам деятельности инициативной рабочей группы, созданной на базе Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, — разработка и утверждение образовательного стандарта «Демография» уровня подготовки «бакалавриат» и «магистратура», в том числе для главного университета Тувы.

¹ Профессиональный стандарт «Демограф», утвержден приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 08.06.2022 № 346н [Электронный ресурс] // Профессиональные стандарты. URL: https://profstandart.rosmintrud.ru/obshchiy-informatsionnyy-blok/natsionalnyy-reestr-professionalnykh-standartov/reestr-professionalnykh-standartov/index.php?ELEMENT_ID=114650 (дата обращения 20.07.2022).

Демографические особенности развития в Республике Тыва

В 2021 г. исполнилось 100 лет со дня образования Тувинской Народной Республики (ТНР). В начале XX века численность населения республики была чуть более 60 тыс. чел. — в 1921 г. наличное население составило 63 тыс. чел.¹ В течение столетия число проживающих увеличивалось и к 2002 г. составило 306 тыс. человек².

Изменения численности населения Республики Тыва в новой истории рассмотрим в период с 1990 г. по 2021 г. Он имеет ряд особенностей (диаграмма 1).

Диаграмма 1. Изменение численности населения Республики Тыва в период с 1990 по 2021 гг., чел.³
 Diagram 1. Change of the population of the Republic of Tuva in the period from 1990 to 2021, people

Среди них: существенное снижение численности населения в постперестроечный период, характерный практически всем субъектам России и вторая волна снижения численности населения, которая пришлась на 2007 г. — это второе минимальное значение (302357 чел. на 1 января) после 1994 г. (302160 чел. на 1 января).

К 1 января 2021 г., по сравнению с аналогичным показателем 1990 г., численность населения Тувы увеличилась на 17792 чел., что соответствует увеличению населения республики на 5,7% за 32 года. Средний ежегодный прирост за рассматриваемый период 574 чел. (0,17%), который удалось достичь благодаря постоянному увеличению численности населения Тувы с 2008 года.

Анализ компонентов изменения общей численности населения Республики Тыва в период с 1990 г. по 2021 г., включающий естественный (разность между рождаемостью и смертностью на территории) и миграционный (разность между числом прибывших и ушедших с территории региона) прирост (диаграмма 2).

¹ Тыва: 100 лет языком цифр [Электронный ресурс] // Управление Федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю, Республике Хакасия и Республике Тыва. URL: <https://krasstat.gks.ru/folder/31782/document/131455> (дата обращения 20.07.2022).

² Там же.

³ Составлено авторами по данным Управления Федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю, Республике Хакасия и Республике Тыва: Статистический ежегодник Республики Тыва 2021 [Электронный ресурс] // Управление Федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю, Республике Хакасия и Республике Тыва. URL: <https://krasstat.gks.ru/folder/32956> (дата обращения 20.07.2022).

Диаграмма 2. Компоненты изменения общей численности населения Республики Тыва в период с 1990 по 2021 гг., чел.¹

Diagram 2. Components of the change in the total population of the Republic of Tuva in the period from 1990 to 2021, people

За 32 года в Республике Тыва естественный прирост всегда имеет положительные значения (в диапазоне от 701 чел. в 2000 г. до 5457 чел. в 1990 г. — разница размаха вариации составляет 7,8 раза), а соотношение приезжающих и уезжающих из республики всегда отрицательные значения (от убыли в 382 чел. в 2019 г. до 13574 чел. в 1990 г. — разница в 35,5 раза).

Из этого вытекает первая демографическая особенность развития Республики Тыва: диаметрально противоположное изменение компонентов — в зависимости от масштабов естественного прироста и миграционной убыли формируются размеры общего прироста или убыли (от потери в размере 8117 чел. в 1990 г. до увеличения численности Тувы на 3172 чел. в 2017 г.).

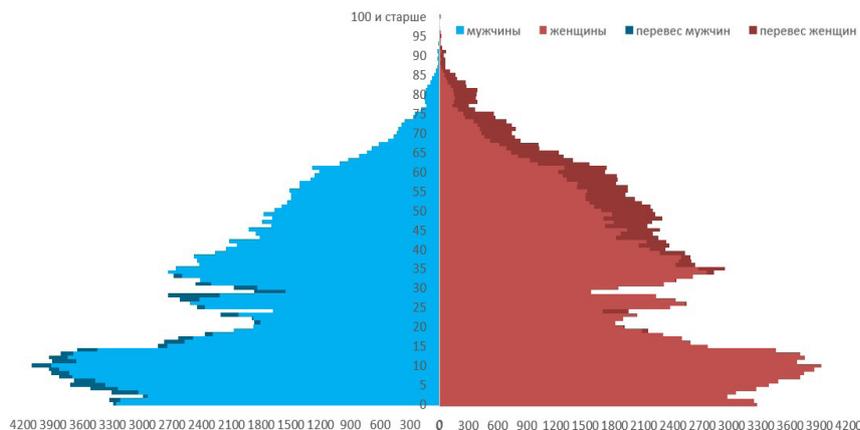

Диаграмма 3. Возрастно-половой состав населения Республики Тыва в 2022 г., чел.²

Diagram 3. Age and sex composition of the population of the Republic of Tuva in 2022, people

Подвижки в численности населения зависят от многих как объективных, так и субъективных факторов. Среди объективных, поддающихся анализу и интерпретации, является распределение населения региона по полу и возрасту — то, как выглядит возрастно-половая пирамида, кого больше (детей или стариков, мужчин или женщин), какова доля населения активного репродуктивного возраста, сколько рабочей силы, — все это дает понимание о возможных сценариях развития и вероятных демографических проблемах, требующих решения в тот или иной период времени (диаграмма 3).

Возрастно-половому распределению населения Тувы в 2022 г., представленному на диаграмме 3, характерна прогрессивная структура населения (34% детей против 10,55% прародителей), в то время

¹ Составлено авторами по данным Управления Федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю, Республике Хакасия и Республике Тыва: Статистический ежегодник Республики Тыва 2021 [Электронный ресурс] // Управление Федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю, Республике Хакасия и Республике Тыва. URL: <https://krasstat.gks.ru/folder/32956> (дата обращения: 20.07.2022).

² Составлено авторами по данным Единой межведомственной информационной статистической системы: Структура численности постоянного населения на начало года (на 1 января) по полу и возрастным группам [Электронный ресурс] // ЕМИСС. Государственная статистика. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/43219> (дата обращения: 20.07.2022).

Диаграмма 4. Суммарный коэффициент рождаемости в Республике Тыва в период с 1990 по 2021 гг., в среднем детей на женщину в возрасте 15–49 лет¹

Diagram 4. The total fertility rate in the Republic of Tuva in the period from 1990 to 2021, with an average of children per woman aged 15–49 years

как по России в целом и большинству регионов возрастная структура населения носит регрессионный характер. В перспективе, при условиях сохранения численности населения в текущих масштабах с одновременным снижением миграционной убыли, нехватки в рабочей силе в республике быть не должно. Так же, как и в большинстве регионов страны, в половозрастном распределении Тувы, характерен перевес мужского населения в младших возрастных группах. Перевес женщин наступает в возрастной когорте 30–35-летних и увеличивается в более старших возрастных группах.

Вторая демографическая особенность развития Республики Тыва заключается в том, что по возрастно-половому распределению регион отличается от большинства субъектов и по России в целом. При достаточно высоких значениях общего коэффициента демографической нагрузки (802‰), стоит отметить, что большая ее часть приходится на нагрузку детьми (612‰), что в перспективе, при условии сохранения населения в республике, дает высокие значения населения в активном репродуктивном возрасте (с точки зрения демографии) и большую долю населения в трудоспособном возрасте (для рынка труда, экономики региона).

Высокие значения естественного прироста населения Тувы сформированы за счет превышения уровня рождаемости над уровнем смертности. Суммарный коэффициент рождаемости (СКР) дает представление о том, сколько в среднем на одну женщину репродуктивного возраста приходится рождений (диаграмма 4).

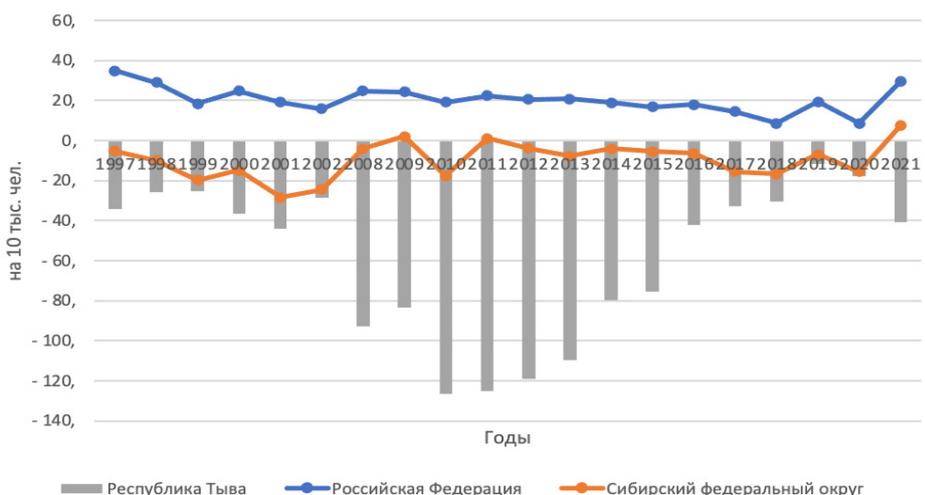

Диаграмма 5. Коэффициент миграционного прироста (убыли) по Российской Федерации, Сибирскому федеральному округу, Республике Тыва в период с 1997 по 2021 гг., на 10 тыс. чел.¹

Diagram 5. The coefficient of migration growth (loss) in the Russian Federation, the Siberian Federal District, the Republic of Tuva in the period from 1997 to 2021, per 10 thousand people

¹ Составлено авторами по данным: Единой межведомственной информационной статистической системы: Суммарный коэффициент рождаемости [Электронный ресурс] // ЕМИСС. Государственная статистика. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31517> (дата обращения: 20.07.2022).

² Составлено авторами по данным: Единой межведомственной информационной статистической системы: Коэффициент миграционного прироста (на 10 тыс. человек) [Электронный ресурс] // ЕМИСС. Государственная статистика. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/43017> (дата обращения: 20.07.2022).

Практически на протяжении всего периода с 1990 г. по 2021 г. население Тувы в целом выходит на естественное (простое) воспроизводство (за исключением периода 1997–2002 гг.), с начала 2000-х гг. республика ориентирована на многодетность — максимальное значение зафиксировано в 2014 г. и достигает значения 3,48 ребенка на одну женщину фертильного (репродуктивного) возраста. Суммарный коэффициент рождаемости среди городского и сельского населения в республике, с одной стороны схож с общефедеральными пропорциями: на селе значения СКР всегда выше, чем в городе, с другой стороны, масштабы перевеса существенны — максимальное значение СКР на селе равно 6,78 ребенка на одну женщину детородного возраста в 2014 г., а в городской местности — 2,9 ребенка на одну женщину репродуктивного возраста в 2021 г.

Третья демографическая особенность развития Республики Тыва состоит в том, что это регион, нацеленный на многодетность, особенно в сельской местности.

Преобладание числа уезжающих над прибывающими в Туву (диаграмма 5) создает серьезную угрозу демографической безопасности, да и не только — территория без людей, населения в нем проживающего, не может развиваться экономически (привлекать инвестиции, запускать технико-технологические проекты, строить, вести торговлю и пр.), да и вопросы обеспечения безопасности и целостности территорий не стоит забывать.

Экономика Сибирского федерального округа в целом за период с 1997 г. по 2021 г. носит депрессивный характер. В отличие от всей России, имеющей миграционный прирост за четверть вековой отрезок, в сибирском регионе в большей части временного отрезка зарегистрирована миграционная убыль, за исключением 2009 г. (1,95‰), 2011 г. (1,15‰) и 2021 г. (7,4‰). Республика Тыва, входящая в ее состав, имеет схожие с Сибирским округом значения — миграционная убыль на протяжении всего отрезка времени, но существенное различие в объемах — если в СФО коэффициент миграционной убыли максимально достигает значения 28,4‰ в 2001 г., то в Тыве эти значения в 4,4 раза больше — 126,31‰ в 2010 г.

Четвертая демографическая особенность развития Республики Тыва заключается в том, что данная территория ежегодно за счет миграционной убыли теряет от 0,12% до 4,34% населения от общего числа проживающих в республике. В процессе изучения миграционных процессов особый интерес вызывает направления передвижения — насколько активно население региона передвигается внутри территориальных границ субъекта, каковы масштабы межрегиональной миграции и какая часть жителей предпочитает выехать за пределы страны (диаграмма 6).

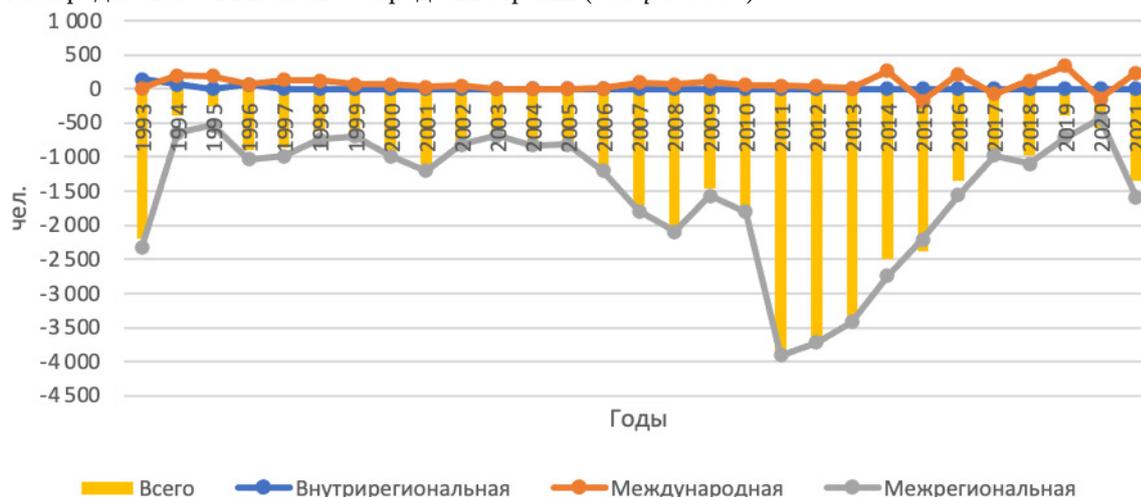

Диаграмма 6. Миграционный прирост (убыль) по направлению передвижения в Республике Тыва в период с 1993 по 2021 гг., чел.¹
 Diagram 6. Migration increase (decrease) in the direction of movement in the Republic of Tuva in the period from 1993 to 2021, people

¹ Составлено авторами по данным: Единой межведомственной информационной статистической системы: Миграционный прирост населения по полу, возрасту и потокам передвижения [Электронный ресурс] // Единая межведомственная информационная статистическая система. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/58615> (дата обращения: 20.07.2022).

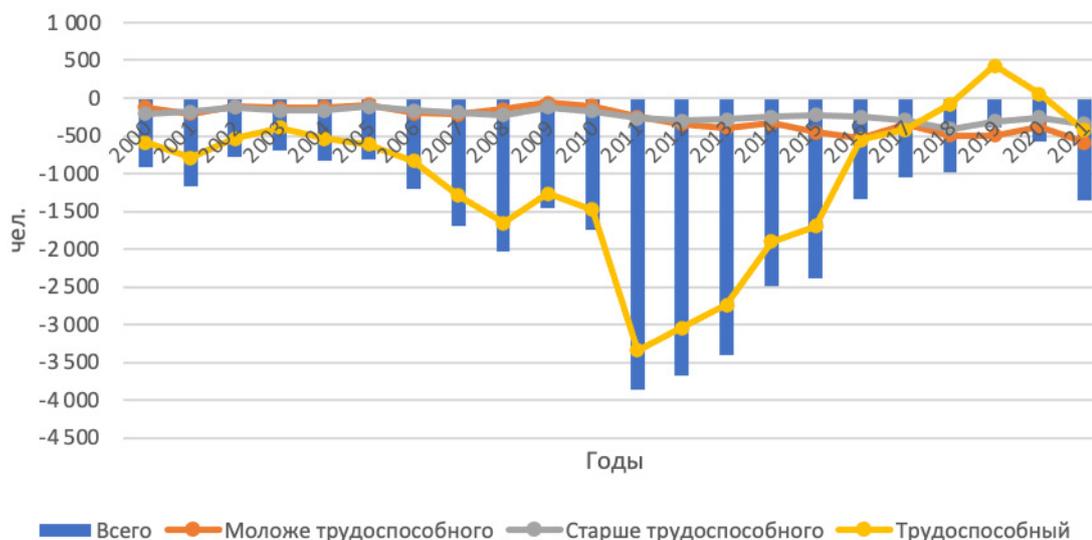

Диаграмма 7. Миграционный прирост (убыль) по возрастным группам мигрантов в Республике Тыва в период с 2000 по 2021 гг., чел.¹
 Diagram 7. Migration increase (decrease) by age groups of migrants in the Republic of Tuva in the period from 2000 to 2021, people.

Наименее масштабны размеры международной миграции — от прироста в 333 чел. в 2019 г. до убыли в 176 чел. в 2015 г. Основные трансформации миграционной убыли населения в Туве в рамках межрегиональной миграции (от 68,2% в 2019 г. до 99,8% в 2005 г. от общего объема миграционной убыли).

Пятая демографическая особенность развития Республики Тыва состоит в том, что размеры и пропорции межрегиональной миграции формируют общую миграционную убыль региона.

Изучение миграционных процессов по возрастным группам мигрантов дает понимание того, какая из групп населения наиболее часто меняет место жительства. Ответ на этот вопрос также может помочь ответить и на следующий — почему население региона принимает решение о смене места жительства (диаграмма 7).

В большей степени перемену места жительства предпочитает трудоспособное население. Максимальные потери населения трудоспособного возраста относятся к 2011–2013 гг. — ежегодная чистая потеря порядка трех тысяч человек.

Шестая демографическая особенность развития Республики Тыва заключается в том, что регион практически ежегодно из-за миграционной убыли теряет население в трудоспособном возрасте. Это те лица, которые могли бы трудиться во благо и развитие республики, что позволило бы существенному социально-экономическому развитию республики и становления его как региона для комфортной жизни и работы.

Последние три особенности развития Республики Тыва носят явно негативный оттенок и, являясь взаимно проникающими, берут свое начало с первого из них — миграционной убыли, которая влияет не только на демографические параметры развития республики, но и на прямую воздействует на экономику региона. Убыль населения трудоспособного возраста является прямыми потерями человеческого капитала Тувы.

В рамках демографической политики, проводимой в Республике Тыва в последние годы, действуют два основных проекта. Национальный проект «Демография», в которой в первую очередь речь идет

¹ Составлено автором по данным: Единой межведомственной информационной статистической системы: Миграционный прирост населения по полу, возрасту и потокам передвижения [Электронный ресурс] // Единая межведомственная информационная статистическая система. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/58615> (дата обращения 20.07.2022).

о естественном приросте и увеличении рождаемости, но нет ни слова о миграционной убыли¹. В 2019 г. при Главе Республики Тыва был создан Совет по демографической политике, деятельность которой нацелена на обеспечение эффективной реализации национального проекта «Демография» на территории Республики Тыва². Отдельных нормативно-правовых актов, региональных программ или иных документов, нацеленных на снижение миграционной убыли, а также политики, направленной на удержание коренного населения, нами не обнаружено.

Представленные особенности демографического развития Тувы ставят серьезный вопрос о необходимости разработки специальной программы или набора мер, нацеленной с одной стороны на удержание коренного населения Тувы, и привлечения соотечественников на малую родину, с другой — сохранения текущих объемов воспроизводства населения, программы демографического развития республики. Имеющиеся, разработанные, шаблонные меры и программы демографического развития регионов России для Республики Тыва, очевидно, не подходят. Тува, являясь самобытным регионом России, имеет свои, только ей присущие, особенности демографических параметров, что требует особого подхода, специально для нее разработанных мер.

В связи с вышеизложенным возникает ряд вопросов, требующих развернутого ответа. Первый из них — кадровый. Какие специалисты в области демографии готовятся в России и в самой Туве, как возможно организовать их подготовку в самой республике?

Демографическое образование в России

Демографические процессы, происходящие на территории России и ее регионов разнообразны и, зачастую, носят диаметрально противоположный характер, а также имеют существенную дифференциацию. Их анализ и регулирование требуют не только единой политики, нацеленной на достижение демографического оптимума на территории страны в целом, но и грамотных, взвешенных мер, нацеленных на востребованные изменения в разрезе субъектов.

В нашей стране проблеме народосбережения уделяется существенное внимание с позиции законодательства. Основной нормативно-правовой акт, регулирующий демографическую политику в стране — Указ Президента Российской Федерации № 606 от 17 мая 2012 г. «О мерах по реализации демографической политики Российской Федерации»³. В нем определены основные приоритеты и направления демографической политики страны на среднесрочную перспективу, речь в том числе о «повышении к 2018 г. суммарного коэффициента рождаемости до 1,753»⁴ и «увеличении к 2018 г. ожидаемой продолжительности жизни в Российской Федерации до 74 лет»⁵.

Повышение уровня рождаемости в период с 2006 г. объясняется вступлением в активный репродуктивный возраст последней многочисленной когорты населения, рожденных в 80-х гг. XX века, продолжением реализации значительной частью населения модели репродуктивного поведения, сформированной ранее, еще в Советские годы. В результате вплоть до 2015 г. суммарный коэффициент рождаемости (СКР) повышался до 1,78 деторождений в среднем на одну женщину репродуктивного возраста. Однако даже эта позитивная тенденция не позволяет обеспечить хотя бы простое воспроизводство населения страны (когда поколение детей по численности не меньше поколения родителей и естественный прирост позволяет обеспечить по крайней мере нулевой прирост численности населения).

¹ О национальном проекте «Демография» в Туве [Электронный ресурс] // Министерство труда и социальной политики Республики Тыва. URL: <https://mintrudtuva.ru/o-национальном-проекте-демография/> (дата обращения: 24.07.2022).

² Указ «О Совете по демографической политике при Главе Республики Тыва» от 01 марта 2019 года № 41 [Электронный ресурс] // Электронный фонд нормативно-технической и нормативно-правовой информации Консорциума «Кодекс». URL: <https://docs.cntd.ru/document/553164735> (дата обращения: 24.07.2022).

³ Указ Президента Российской Федерации от 07 мая 2012 г. № 606 «О мерах по реализации демографической политики Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201205070019> (дата обращения: 24.07.2022).

⁴ Там же.

⁵ Там же.

После 2015 г. в активный репродуктивный возраст вступает малочисленное поколение, рожденное в неблагоприятные 90-е гг. XX века. Как результат, СКР с 2016 г. в России сократился с 1,76 деторождений в среднем на одну женщину репродуктивного возраста до 1,5 деторождений в 2020 г. СКР в 2018 г. составил только 1,579 ребенка на 1 женщину, что значительно ниже планового индикатора, заложенного в Указе Президента от 2012 г. Обеспечить более высокий уровень суммарного коэффициента невозможно было из-за сдвигов в календаре рождений, а также особенностей социально-демографического и экономического положения страны.

На момент подписания Указа (май 2012 г.) ожидаемая продолжительность жизни населения в России составляла 70,24 лет. Исходя из текущего уровня жизни и смертности населения, вплоть до 2019 г. данный показатель увеличивался, и достиг значения 73,34 года, то есть в целом приблизился к значениям, представленным в документе (74 лет). Однако 2020 г. внес существенные коррективы, во многом в силу эпидемии COVID-19, снизив ожидаемую продолжительность жизни населения по России до 71,54 лет.

Отдельно стоит отметить принятые и действующие национальные проекты, отвечающие за народосбережение и здоровьесбережение населения, и, соответственно, те индикаторы, которые то включаются, то исключаются из проекта, исходя из возможности их достигнуть, а не с позиции выполнения приоритетных задач оптимизации демографической ситуации. Среди них: Национальный проект «Демография»¹, Указ о национальных целях развития России до 2030 года от 21.07.2020 г.², Указ Президента Российской Федерации от 02 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»³, ФЗ от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации»⁴, Приказ Минтруда от 31 марта 2021 года № 191н «Об утверждении методики определения потребности субъектов Российской Федерации, отраслей экономики и крупнейших работодателей в профессиональных кадрах на среднесрочную и долгосрочную перспективу»⁵ и проч.

Проводимая демографическая политика страны или ее регионов, в первую очередь, должна основываться на текущих параметрах, включать те индикаторы и меры государственной политики, которые будут направлены на достижение демографического оптимума для территорий, на формирование благоприятной демографической ситуации отдельных субъектов федерации и страны в целом, учитывать особенности демографического развития и закономерностей, и быть нацеленными на долгосрочную перспективу.

Демографическое развитие территорий, являясь процессом многоаспектным и сложным требует тщательно выверенной и грамотно выстроенной политики. В связи с чем возникает закономерный вопрос: осуществляется ли в России подготовка таких специалистов, которые были бы способны оценить текущие параметры демографического развития отдельных территорий или страны в целом, понимать происходящие процессы и их закономерности, готовые выстраивать грамотную демографическую стратегию?

В инициативном порядке в 2021 г. Институтом демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИДИ ФНИСЦ РАН) была сформирована рабочая группа и запущен процесс разработки и утверждения профессионального стандарта «Демограф». Министерством труда и социальной защиты Российской Федерации от

¹ Национальный проект «Демография» [Электронный ресурс] // Минтруд России. URL: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/demography> (дата обращения: 24.07.2022).

² Указ о национальных целях развития России до 2030 года от 21.07.2020 г. [Электронный ресурс] // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63728> (дата обращения: 24.07.2022).

³ Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения: 24.07.2022).

⁴ ФЗ от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Электронный фонд нормативно-технической и нормативно-правовой информации Консорциума «Кодекс». URL: <https://docs.cntd.ru/document/420204138#7DE0K6> (дата обращения: 24.07.2022).

⁵ Приказ Минтруда от 31 марта 2021 года № 191н «Об утверждении методики определения потребности субъектов Российской Федерации, отраслей экономики и крупнейших работодателей в профессиональных кадрах на среднесрочную и долгосрочную перспективу» [Электронный ресурс] // Электронный фонд нормативно-технической и нормативно-правовой информации Консорциума «Кодекс». URL: <https://docs.cntd.ru/document/603934331#6500IL> (дата обращения: 24.07.2022).

08.06.2022 приказом № 346н утвержден профессиональный стандарт «Демограф». Основной целью вида профессиональной деятельности стандарта является повышение качества разработки социальной и демографической политики как на макро-, так и на мезо- и микроуровнях.

Утвержденный и действующий профессиональный стандарт «Демограф» расширяет возможности образовательных организаций с позиции подготовки выпускников, имеющих знания в части профессиональных компетенций о демографических закономерностях и особенностях, путем введения дополнительных учебных курсов, в том числе факультативных. Появление новых специалистов, к основному профессиональному образованию которых совокупятся знания о народонаселении, значительно расширят свой профессиональный кругозор. Например, выпускник направления «Государственное и муниципальное управление», знающий о демографических закономерностях и особенностях, при принятии управленческих решений будет опираться и на эти знания — исходя из существующих пропорций возрастно-полового распределения населения на территории у него появится понимание о наиболее востребованных объектах строительства и проч.

Текущие проблемы демографической конъюнктуры в стране, имеющиеся, но не всегда эффективно действующие нормативно-правовые акты, потребности работодателей, наличие утвержденного профессионального стандарта — все перечисленные параметры в совокупности позволяют обосновать актуальность и востребованность разработки ФГОС ВО 3++ по направлению «Демография».

Учитывая действующие компетентностно-ориентированные модели образования в России XXI в., в процессе внедрения образовательных стандартов поколения 3++, следует в эту систему отношений также включать работодателей. Подобные действия позволят учитывать видение работодателей с позиции наиболее востребованных и актуальных знаний и умений будущего специалиста отрасли, способного удовлетворить требования рынка не только на текущее время, а заложить на будущее в образовательную траекторию перспективные компетенции. Реализация обозначенной системности возможна только при привлечении работодателей к процессу разработки и актуализации профессиональных и образовательных стандартов, так как трудовые функции, заложенные в ПС, найдут отражение в части профессиональных компетенций основных образовательных программ. Еще одним направлением привлечения работодателей и подготовки востребованного специалиста является включение в образовательную траекторию проектной деятельности или проектного модуля, направленных на получение практического опыта по специальности.

В разные периоды, начиная с 1980-х гг., специалистов-демографов готовили как минимум в двух столичных учебных заведениях — Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова и Московском экономико-статистическом институте (позже — Московском государственном университете экономики, статистики и информатики (МЭСИ))¹.

По состоянию на 2021–2022 учебный год в России образовательных программ, готовящих будущих специалистов-демографов по уровню подготовки «бакалавриат» и «специалитет» отсутствуют, на уровне подготовки «магистратура» работают Высшая школа экономики (ВШЭ), Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД Российской Федерации.

В Высшей школе экономики магистерскую программу «Демография» по направлению «Социология» начали реализовывать с 2009 г. Там же с 2015 г. открыта англоязычная магистратура «Население и развитие» по направлению «Государственное и муниципальное управление». В ВШЭ уделяется существенное внимание развитию как демографического образования, так и ведению научных исследований, там образован отдельный Институт демографии имени А. Г. Вишневого², включающий в состав межфакультетскую кафедру демографии, Научно-учебную лабораторию социально-демографической политики, а также выпускающий журналы «Демографическое обозрение» и «Демоскоп Weekly».

¹ В 1932 г. образован Московский институт народнохозяйственного учета, в 1948 г. он был переименован в Московский экономико-статистический институт — МЭСИ, в 1996 г. получил статус университета с сохранением прежней аббревиатуры, а с 2015 г. входит в состав Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова.

² Институт демографии имени А. Г. Вишневого [Электронный ресурс] // Высшая школа экономики. URL: <https://www.hse.ru/demo/> (дата обращения 24.07.2022).

В Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова магистерские программы открыты на различных факультетах и направлениях: с 2018 г. в Высшей школе современных социальных наук на кафедре демографии реализуется магистерская программа «Социальная демография» на отделении «Социология», с 2019 г. открыта магистерская программа «Управление демографическими процессами» на отделении «Менеджмент».

На факультете управления и политики МГИМО кафедрой демографической и миграционной политики открыта магистерская программа «Управление человеческими ресурсами». Магистерская программа ориентирована на подготовку специалистов в области управления человеческими ресурсами с акцентом на методы демографических и миграционных исследований, а также анализа лучших международных практик в области человеческого развития.

Помимо реализации образовательных программ по различным направлениям подготовки («Социология», «Экономика», «Менеджмент», «Государственное и муниципальное управление») в образовательных и научных организациях ведутся научные исследования и разработки посвященные изучению процессов воспроизводства населения, демографического потенциала, семьи и домохозяйства, миграции населения, экономико-демографических факторов сбалансированности регионального рынка труда, разработка региональных демографических прогнозов и проч.

На базе УрФУ в 2014 г. открыта научная лаборатория «Международный центр демографических исследований». Основной целью деятельности лаборатории является развитие в университете новых перспективных научных направлений с привлечением иностранных ученых, а также организация и проведение историко-демографических исследований.

В Северо-Восточном федеральном университете имени М. К. Аммосова действует лаборатория экономики народонаселения и демографии¹. Основным направлением исследований лаборатории является изучение процессов воспроизводства населения, демографического потенциала, семьи и домохозяйства, миграции населения, экономико-демографических факторов сбалансированности регионального рынка труда, разработка региональных демографических прогнозов.

Мы видим, что научный и образовательный потенциал для подготовки будущих специалистов-демографов имеется в различных вузах — как столичных, так и региональных. Однако, в регионах отсутствуют специализированные кафедры, которые могли бы стать как общеобразовательными, так и выпускающими.

В этой связи, на наш взгляд, в настоящее время было бы правильным ставить на повестку дня вопрос о сохранении и постепенном восстановлении демографического образования в России. Изучение географии образовательных организаций, готовящих демографов дает однозначное понимание отсутствия в регионах вузов, реализующих образовательные программы, которые помогли бы региону получить молодых специалистов, понимающих суть изменений населения в регионе. Тува в данном случае не является исключением — выявленные и описанные ранее особенности демографического развития республики, требующие принятия определенных мер для получения демографического оптимума и отсутствие действенной демографической политики, раскрывающей региональную специфику, ставит вопрос о потребности Тувы в профессиональных, грамотных специалистах, обученных в регионе с учетом традиций и культуры бережно передающемся от поколения к поколению.

Потребность (востребованность) реализации демографического образования в Туве

Сложившиеся особенности демографического развития в Республике Тыва и ее проблемные аспекты, освещенные ранее, требуют не только грамотной оценки текущих параметров, но и стратегического планирования на будущие периоды. Обозначенные параметры могут быть реализованы через стратегии, включающие меры, снижающие негативные аспекты и усиливающие (укрепляющие) позиции по параметрам, благоприятно влияющим на демографическую конъюнктуру республики.

¹ См.: Лаборатория экономики народонаселения и демографии Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова [Электронный ресурс] // Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова. URL: <https://www.s-vfu.ru/universitet/rukovodstvo-i-struktura/instituty/niires/demography/> (дата обращения 26.10.2021).

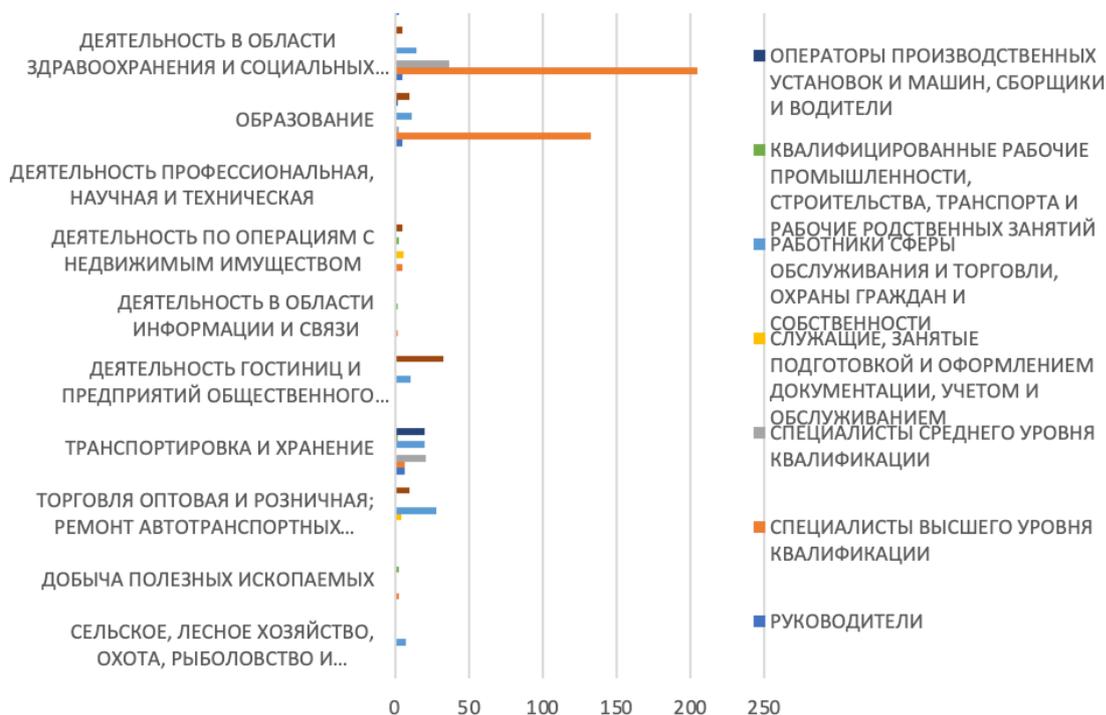

Диаграмма 8. Потребность в работниках для замещения вакантных рабочих мест в Республике Тыва в 2020 г., чел.¹
 Diagram 8. The need for workers to fill vacant jobs in the Republic of Tuva in 2020, people

Для того, чтобы выстроить подобные стратегии необходимы широкие, междисциплинарные, знания, позволяющие оценить социальные и экономические перспективы и, параметры, их формирующие, и узкие, специальные, знания закономерностей изменения численности и структуры населения, понимания параметров формирования демографической конъюнктуры и проч.

С целью выявления наиболее востребованных в Туве специалистов обратимся к данным выборочного обследования Росстата, раскрывающего информацию о потребности организаций в работниках для замещения вакантных рабочих мест по профессиональным группам. Обследование проводится по состоянию на 31 октября, раз в два года. Последние доступные данные за 2020 г. (диаграмма 8).

По представленным на диаграмме 8 данным выборочного обследования, потребности организаций в работниках для замещения вакантных рабочих мест по профессиональным группам в 2020 г. в Туве, наиболее востребованы специалисты высшего уровня квалификации в сферах здравоохранения и социальных услуг (205 чел. или 76,8% от общего числа требуемых работников сферы здравоохранения и социальных услуг и 53,3% от общего числа специалистов высшего уровня квалификации) и образования (132,4 чел. или 80,2% от общего числа требуемых работников сферы образования и 34,4% от общего числа специалистов высшего уровня квалификации). В сумме профессиональные группы «Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг» (39,5%) и «Образование» (24,4%) охватывают 63,9% от общей потребности организаций в работниках для замещения вакантных рабочих мест по профессиональным группам в 2020 г. в республике. Следующая по востребованности, но существенно уступающая предыдущим двум профессиональным группам, является «Транспортировка и хранение» — всего 77 чел., что соответствует 11,4% от общей потребности региона.

С целью определения соответствия потребности рынка труда и образовательной деятельности, осуществляемой на территории Республики Тыва авторами проведен анализ мониторинга эффективности деятельности образовательных организаций высшего образования, проводимого Минис-

¹ Составлено авторами по данным: Единой межведомственной информационно-статистической системы: Потребность в работниках для замещения вакантных рабочих мест с 2018 г. [Электронный ресурс] // ЕМИСС. Государственная статистика. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/43219> (дата обращения 20.07.2022).

терством науки и высшего образования России, за 2021 г.¹ По данным мониторинга, на территории республики работают две образовательные организации: федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тувинский государственный университет» и Тувинский филиал автономной некоммерческой образовательной организации высшего образования Центросоюза Российской Федерации «Сибирский университет потребительской кооперации»². Всего в них обучаются 5494 чел., из них 5438 чел. в Тувинском государственном университете (98,98% от контингента по субъекту РФ). Большая часть студентов Тувы (46,34%) получают образование по отрасли «Образование и педагогические науки», следующие по популярности отрасли «Инженерное дело, технологии и технические науки» и «Науки об обществе» — на их долю приходится 15,80% и 14,10% от общего числа обучающихся соответственно.

Профессиональный стандарт «Демограф» отнесен к таким видам экономической деятельности, как: 73.20 «Исследование конъюнктуры рынка и изучение общественного мнения» и 84.11.5 «Управление деятельностью в области прогнозирования и планирования», включает такие обобщенные трудовые функции, как: «Мониторинг демографических процессов в обществе», «Прогнозирование демографических процессов в обществе», «Демографическая экспертиза и консультирование» и рассчитан на уровни подготовки «бакалавриат», «специалитет», «магистратура»³.

С целью оценки потенциала образовательных организации Тувы и возможности начала реализации образовательных программ направления «Демография», а также расширения демографических дисциплин, читаемых в регионе, авторами был проведен анализ обучающихся Тувинского государственного университета по укрупненным группам направлений (специальностей).

Таблица 1. Распределение обучающихся Тувинского государственного университета по укрупненным группам направлений (специальностей), в %⁴

Table 1. Distribution of students of Tuva State University by enlarged groups of directions (specialties), %

№ n/n	Реализуемые укрупненные группы направления специальностей (УГН(С))	Доля по УГН(С) от общего приведенного контингента студентов
1	44.00.00 — Образование и педагогические науки	46,4
2	35.00.00 — Сельское, лесное и рыбное хозяйство	6,5
3	38.00.00 — Экономика и управление	6,4
4	08.00.00 — Техника и технологии строительства	4,6
5	36.00.00 — Ветеринария и зоотехния	4,6
6	23.00.00 - Техника и технологии наземного транспорта	4,1
7	39.00.00 — Социология и социальная работа	3,0
8	21.00.00 — Прикладная геология, горное дело, нефтегазовое дело и геодезия	2,9
9	06.00.00 — Биологические науки	2,7
10	40.00.00 - Юриспруденция	2,7
	Иные УГН(С)	16,1
	Всего по ТувГУ	100,0

¹ Информационно-аналитические материалы по результатам проведения мониторинга деятельности образовательных организаций высшего образования [Электронный ресурс] // Главный информационно-вычислительный центр. URL: <https://monitoring.miccedu.ru/?m=vpo> (дата обращения 31.07.2022).

² Информационно-аналитические материалы по результатам проведения мониторинга эффективности деятельности образовательных организаций высшего образования 2022 года. Сибирский федеральный округ. Республика Тыва [Электронный ресурс] // Главный информационно-вычислительный центр. URL: https://monitoring.miccedu.ru/iam/2022/_vpo/material.php?type=2&id=11005 (дата обращения 31.07.2022).

³ Профессиональный стандарт «Демограф» [Электронный ресурс] // Портал классификаторов и справочников КлассИнформ. URL: <https://classinform.ru/profstandarty/03.017-demograf.html> (дата обращения 31.07.2022).

⁴ Информационно-аналитические материалы по результатам проведения мониторинга эффективности деятельности образовательных организаций высшего образования 2022 г. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тувинский государственный университет» [Электронный ресурс] // Главный информационно-вычислительный центр. URL: https://monitoring.miccedu.ru/iam/2022/_vpo/inst.php?id=299 (дата обращения 31.07.2022).

Наиболее перспективными для внедрения образовательных программ по направлению «Демография» выступает укрупненная группа направлений (специальностей) 39.00.00 «Социология и социальная работа», на которой обучается порядка 87 чел. (3,0% от общего приведенного контингента студентов).

По состоянию на 2021–2022 учебный год в ТувГУ в рамках УГС 39.00.00 «Социология и социальная работа» реализуются две программы бакалавриата «Социальная работа» (очная форма) и «Организация работы с молодежью» (очная и заочная форма).

В качестве смежных образовательных программ, решающих параллельно задачи демографического характера в купе с иными направлениями, можно рассматривать следующие УГС:

— 44.00.00 «Образование и педагогические науки» — в составе основные образовательные программы уровня подготовки «бакалавриат» и «магистратура», всего более 50 программ, а также подготовка кадров высшей квалификации

— 38.00.00 «Экономика и управление» — в составе основные образовательные программы уровня подготовки «бакалавриат», «специалитет» и «магистратура», всего 12 программ, а также подготовка кадров высшей квалификации.

Таким образом, согласно выборочному обследованию Росстата в республике в 2020 г. востребованы специалисты высшего уровня квалификации в сферах здравоохранения и социальных услуг и образования. Действующий профессиональный стандарт «Демограф», с учетом заложенных в нем обобщенных трудовых функций, способен удовлетворить имеющуюся потребность, в том числе и путем внедрения новых образовательных программ. Тувинский государственный университет, являясь опорным вузом региона, имеет серьезную материально-техническую, профессиональную, образовательно-научную базу как для включения демографических дисциплин в имеющиеся образовательные программы, так и для разработки новых основных образовательных программ высшего образования для подготовки специалистов, способных принимать грамотные и своевременные управленческие решения для сохранения и увеличения численности населения Тувы.

Заключение

Реализованный в статье комплексный подход к обоснованию необходимости (потребности) региона в специалистах-демографах (на примере Тувы) выявил следующее.

Изученные научные труды, посвященные демографическому развитию территорий, в том числе Республики Тыва, влиянию образования на повышение конкурентоспособности работников на рынке труда; проблеме потребности в специалистах-демографах; особенностях системы образования Тувы и профессиональным предпочтениям тувинцев не раскрывают структурно-содержательную целостность потребности в обозначенных специалистах и не дают системного представления о готовности республики к подготовке таких специалистов.

Проведенный статистический анализ особенностей демографического развития Республики Тыва выявил ключевые индикаторы, характеризующие население региона в период с 1990 г. по 2021 г. Отличительной особенностью Тувы является то, что практически на протяжении всего временного ряда в республике зафиксирован естественный прирост и суммарный коэффициент рождаемости, выше уровня естественного воспроизводства. Негативным фактором, характеризующим демографическую ситуацию в Туве, является миграционная убыль, которая по масштабам, в некоторые периоды, превышает естественный прирост. Изучение нормативно-правовых актов, принятых в Республике Тыва с целью формирования демографической политики региона, указывает на отсутствие мер, направленных на снижение влияния миграционной убыли в регионе.

Обоснована потребность в специалистах, способных адекватно оценивать текущую демографическую ситуацию, готовых строить прогнозные модели и выстраивать адекватную демографическую политику. Выявлена потребность организаций Республики Тыва в работниках для замещения вакантных рабочих мест в 2022 г. Проведен анализ образовательных организаций Тувы, определен опорный вуз — Тувинский государственный университет, в котором обучается 98,98% студентов от общего контингента по образовательным организациям Республики Тыва.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абылкаликов, С. И. (2021) Особенности демографического развития Тувы: вклад миграции в демографический баланс // Новые исследования Тувы. № 4. С. 131–142. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.4.10>
- Абылкаликов, С. И., Баймурзина, Г. Р. (2022) Особенности демографических процессов в городах Кызыл и Элиста в 2011–2020 годы: сравнительный анализ // Новые исследования Тувы. № 2. С. 34–52. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.2.3>
- Анайбан, З. В. (2016) Современные этнодемографические характеристики молодежных групп Тувы и Хакасии // Новые исследования Тувы. № 2. С. 90–104.
- Анайбан, З. В. (2018) Трудовая занятость и социально-профессиональные ориентации молодежи современной Тувы // Новые исследования Тувы. № 2. С. 112–131. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2018.2.6>
- Анайбан, З. В. (2020) Современная миграционная ситуация в Республике Тыва // Sciences of Europe. № 49-4 (49). С. 62–66.
- Антонов, А. И. (1999) Демографическое будущее России: депопуляция. Навсегда? // Социологические исследования. № 3. С. 80–87.
- Архангельский, В. Н., Зайко, Е. С. (2021) Линии репродуктивного поведения // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. № 29. С. 1374–1380. DOI: <http://dx.doi.org/10.32687/0869-866X-2021-29-s2-1374-1380>
- Ахметова, Г. Ф. (2022) Миграционные процессы в национальных республиках с разным уровнем развития человеческого потенциала (на примере Башкортостана, Татарстана и Тувы) // Новые исследования Тувы. № 2. С. 53–69. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.2.4>
- Бадмаева, Н. В., Натсак, О. Д. (2021) Современная трудовая миграция из Калмыкии и Тувы: экономические, социокультурные и гендерные аспекты // Новые исследования Тувы. № 4. С. 186–205. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.4.14>
- Валиахметов, Р. М., Баймурзина, Г. Р., Туракаев, М. С., Самба, А. Д.-Б. (2021) Этносоциальные особенности занятости населения в республиках Тува и Башкортостан // Новые исследования Тувы. № 4. С. 206–222. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.4.15>
- Вишневецкий, А. Г. (1976) Демографическая революция. М. : Статистика. 240 с.
- Волошина, И. А. (2017) Профессиональные стандарты — инструмент обеспечения качества персонала // Дополнительное профессиональное образование в стране и мире. № 4. С. 1–8.
- Гайфуллин, А. Ю. (2022) Этнодемографические характеристики молодежи в республиках Тыва и Башкортостан // Новые исследования Тувы. № 2. С. 128–142. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.2.9>
- Голенкова, З. Т., Кошарная, Г. Б., Кошарный, В. П. (2018) Влияние образования на повышение конкурентоспособности работников на рынке труда // Интеграция образования. № 22(2). С. 262–273.
- Голенкова, З. Т., Голиусова, Ю. В., Самба, А. Д.-Б. (2021) Трансформация регионального социально профессионального пространства (на примере Республики Тыва) // Социологическая наука и социальная практика. Т. 9. № 3. С. 167–183. DOI: <https://www.doi.org/10.19181/snsp.2021.9.3.8440>
- Гончиков, Ц. Д., Мандыт, М. К., Гомбоев, Б. О., Урбанова, Ч. Б., Хальбаева, С. Р. (2019) Миграция населения как фактор формирования и размещения населения региона (на примере Республики Тыва) // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Естественные и точные науки. Т. 13. № 1. С. 56–65.
- Дабиев, Д. Ф. (2018) Профессиональные предпочтения населения Тувы в контексте экономической культуры // Новые исследования Тувы. № 2. С. 132–148. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2018.2.7>
- Евдокимов, А. И. (2019) Внешние миграционные процессы в Республике Тыва в оценках местного населения // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. № 11-2 (38). С. 146–149. DOI: <https://www.doi.org/10.24411/2500-1000-2019-11771>
- Егорычев, А. М., Ростовская, Т. К. (2021) Перспективы развития профессионального образования в условиях глобализации мирового сообщества // ЦИТИСЭ. № 1. С. 55–64. DOI: <http://doi.org/10.15350/2409-7616.2021.1.05>
- Карманов, М. В., Кучмаева, О. В., Петрякова, О. Л. (2015) Демографическая безопасность: теория, методология, оценка // Статистика и Экономика. № 4. С. 123–128. DOI: <https://doi.org/10.21686/2500-3925-2015-4-123-128>
- Куулар, Л. Ы., Аракчаа, К. Д., Оюн, М. Т. (2012) Проблемы и резервы снижения смертности населения Республики Тыва. Кызыл : Изд-во ТувГУ. 97 с.

- Курс демографии (1974) / под ред. А. Я. Боярского. Изд. 2-е. М. : Статистика. 455 с.
- Ломоносов, М. В. (2011) О сохранении русского народа / сост. и отв. ред. О. А. Платонов. М. : Институт русской цивилизации. 848 с.
- Мандыт, М. К. (2017) Республика Тыва как регион устойчивого естественного прироста населения // Успехи современного естествознания. № 7. С. 91–95.
- Монгуш, С. П. (2021) Экономика народонаселения и демография. Традиционное природопользование в формировании современного пространственного развития территории (на примере Республики Тыва) // Актуальные вопросы современной экономики. № 11. С. 692–705. DOI: <https://doi.org/10.34755/IROK.2021.40.20.054>
- Натсак, О. Д. (2021) Гендерные и демографические особенности рынка труда Республики Тыва: тенденции и перспективы // Народонаселение. Т. 24. № 2. С. 120–130. DOI: <https://doi.org/10.19181/population.2021.24.2.11>
- Новоселова, С. В., Денисенко, М. Б. (2012) Основы демографии. Минск : ИП «Альтиора — живые краски». 134 с.
- Ойдуп, Т. М., Кылыгдай, А. Ч. (2021) Выпускники школ как основа человеческого капитала региона: на примере Республики Тыва // Вестник Института социологии. Т. 12. № 3. С. 176–188. DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2021.12.3.743>
- Ондар, Э. А. (2015) Демографическое развитие Дзун-Хемчикского кожууна (по итогам Всероссийской переписи населения 2010 года). Кызыл : ГБУ «НИИ медико-социальных проблем и управления Республики Тыва». 56 с.
- Ростовская, Т. К., Золотарева, О. А. (2021) Профессиональный стандарт «демограф» как фактор формирования новой модели кадрового потенциала // Социологическая наука и социальная практика. Т. 9. № 2. С. 82–95. DOI: <https://doi.org/10.19181/snsp.2021.9.2.8106>
- Ростовская, Т. К., Шабунова, А. А., Давлетшина, Л. А. (2022) Демографическое образование в современной России: противоречия потребностей и возможностей // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 2. С. 55–72. DOI: <https://doi.org/10.15838/esc.2022.2.80.4>
- Рыбаковский, Л. Л. (2015) Концепция демографической политики России: опыт разработки и пути совершенствования // Социологические исследования. № 9. С. 62–70.
- Рязанцев, С. В., Храмова, М. Н. (2022) Новая миграционная реальность в эпоху COVID-19 // Социологические исследования. № 3. С. 150–152. DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250019220-5>
- Самба, А. Д. (2020) Изменения в социально-профессиональной структуре региона (на примере Республики Тыва) // Теория и практика общественного развития. № 8. С. 18–29. DOI: <https://doi.org/10.24158/tipor.2020.8.2>
- Сарыглар, С. А. (2019) Социологический анализ миграционной ситуации в Республике Тыва // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве. № 8–2. С. 233–238.
- Сизикова, В. В., Анিকেева, О. А. (2016) Моделирование профессиональных стандартов специалистов социальной сферы как основа преобразования социальной практики // Сервис в России и за рубежом. Т. 10. № 8. С. 105–119.
- Система знаний о народонаселении (1976) / под ред. Д. И. Валентя. М. : Статистика. 367 с.
- Соболева, С. В. (2015) Демографическая ситуация в Сибири в контексте общероссийских тенденций // Regional Research of Russia. Vol. 5. P. 154–162. DOI: <https://doi.org/10.1134/S2079970515020100>
- Танзы, М. В., Саая, С. К., Шершнева, В. А., Вайнштейн, Ю. В., Ондар, Ч. М. (2020) Юрта как геометрическая модель в обучении математике в Туве // Новые исследования Тувы. № 4. С. 80–91. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.4.6>
- Татарова, С. П., Затеева, Н. А. (2018) Система образования как фактор развития сельского социума в Республиках Бурятия и Тыва // Гуманизация образования. № 6. С. 29–34.
- Ткаченко, А. А. (2017) История и современные проблемы преподавания курса «Демография»: российская специфика // Демографическое образование и изучение народонаселения в университетах (к 50-летию кафедры народонаселения) (Девятые Валентеевские чтения): сборник статей и тезисов выступлений / отв. ред. И. Е. Калабихина. М. : Экономический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова. 632 с. С. 195–203.
- Товуу, С. С., Кара-Сал, Н. М., Санчаа, Т. О. (2020) Математическое образование в условиях развития системы образования Тувы // Новые исследования Тувы. № 4. С. 45–63. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.4.4>
- Тюхтенева, С. П. (2018) Этническое предпринимательство без миграции (на примерах из Тувы и Калмыкии) // Новые исследования Тувы. № 2. С. 149–167. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2018.2.8>
- Урланис, Б. Ц. (1963) Рождаемость и продолжительность жизни в СССР. М. : Госстатиздат. 137 с.
- Хеннер, Е. К. (2018) Профессиональные знания и профессиональные компетенции в высшем образовании // Образование и наука. Т. 20, № 2. С. 9–31. DOI: <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2018-2-9-31>

Хольшина, М. А. (2012) Анализ взаимосвязей демографического и социально-экономического развития в Республике Тыва // География и природные ресурсы. № 2. С. 104–108.

Царегородцев, Ю. Н., Башина, О. Э., Карманов, М. В. (2019) Образование как основа формирования человеческого потенциала и человеческого капитала // Социальная политика и социальное партнерство. № 1. С. 16–26.

Чернова, К. В., Бедрина, Е. Б. (2020) Развитие демографического образования в высших учебных заведениях России // Народонаселение. Т. 23. № 4. С. 125–139. DOI: <https://doi.org/10.19181/population.2020.23.4.12>

Четырнова, Л. Б. (2018) Труд в этнической культуре кочевников постсоциализма (на примере бурят, калмыков, тувинцев) // Новые исследования Тувы. № 2. С. 40–71. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2018.2.3>

Чурилова, Э. Ю., Салин, В. Н. (2018) Современные проблемы преподавания дисциплины «статистика» в высшей школе // Современное педагогическое образование. № 2. С. 114–116.

Шелестов, Д. К. (1983) Демография: История и современность. М. : Финансы и статистика. 271 с.

Ярных, Э. А., Давлетшина, Л. А., Агентова, Г. В. (2021) Перспективы развития образовательной системы в России // Вестник Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова. № 3. С. 44–55. DOI: <https://doi.org/10.21686/2413-2829-2021-3-44-55>

Дата поступления: 08.08.2021 г.

REFERENCES

Abylkalikov, S. I. (2021) Osobennosti demograficheskogo razvitiia Tuvy: vklad migratsii v demograficheskii balans [Features of the demographic development of Tuva: Contribution of migration to the demographic balance]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 131–142. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.10>

Abylkalikov, S. I. and Baimurzina, G. R. (2022) Osobennosti demograficheskikh protsessov v gorodakh Kyzyl i Elista v 2011–2020 gody: sravnitel'nyi analiz [Demographic processes in the towns of Kyzyl and Elista in 2011–2020: A comparative study]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 34–52. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.3>

Anaiban, Z. V. (2016) Sovremennye etnodemograficheskie kharakteristiki molodezhnykh grupp Tuvy i Khakasii [Contemporary ethnodemography of youth in Tuva and Khakassia]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 90–104. (In Russ.).

Anaiban, Z. V. (2018) Trudovaia zaniatost' i sotsial'no-professional'nye orientatsii molodezhi sovremennoi Tuvy [Employment and socio-professional orientations of contemporary Tuva's youth]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 112–131. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2018.2.6>

Anaiban, Z. V. (2020) Sovremennaia migratsionnaia situatsiia v Respublike Tyva [Contemporary migration situation in the Republic of Tuva]. *Sciences of Europe*, no. 49–4 (49), pp. 62–66. (In Russ.).

Antonov, A. I. (1999) Demograficheskoe budushchee Rossii: depopulatsiia. Navsegda? [Demographic future of Russia: Depopulation. Forever?]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 3, pp. 80–87. (In Russ.).

Arkhangel'skii, V. N. and Zaiko, E. S. (2021) Linii reproduktivnogo povedeniia [Lines of reproductive behavior]. *Problemy sotsial'noi gigieny, zdravookhraneniia i istorii meditsiny*, no. 29, pp. 1374–1380. (In Russ.). DOI: <http://doi.org/10.32687/0869-866X-2021-29-s2-1374-1380>

Akhmetova, G. F. (2022) Migratsionnye protsessy v natsional'nykh respublikakh s raznym urovnem razvitiia chelovecheskogo potentsiala (na primere Bashkortostana, Tatarstana i Tuvy) [Migration processes in national republics with different levels of human development: The cases of Bashkortostan, Tatarstan and Tuva]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 53–69. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.4>

Badmaeva, N. V. and Natsak, O. D. (2021) Sovremennaia trudovaia migratsiia iz Kalmykii i Tuvy: ekonomicheskie, sotsiokul'turnye i gendernye aspekty [Modern labor migration from Kalmykia and Tuva: Economic, socio-cultural and gender aspects]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 186–205 (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.14>

Valiakhetov, R. M., Baimurzina, G. R., Turakayev, M. S. and Samba, A. D.-B. (2021) Etnosotsial'nye osobennosti zaniatosti naseleniia v respublikakh Tuva i Bashkortostan [Ethnic and social features of employment in the republics of Tuva and Bashkortostan]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 206–222 (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.15>

Vishnevskii, A. G. (1976) *Demograficheskaiia revoliutsiia [Demographic revolution]*. Moscow, Statistika. 240 p. (In Russ.).

Voloshina, I. A. (2017) Professional'nye standarty – instrument obespecheniia kachestva personala [Professional standards – a tool for ensuring the quality of personnel]. *Dopolnitel'noe professional'noe obrazovanie v strane i mire*, no. 4, pp. 1–8. (In Russ.).

Gaifullin, A. Yu. (2022) Etnodemograficheskie kharakteristiki molodezhi v respublikakh Tyva i Bashkortostan [Ethno-demographics of youth in the republics of Tuva and Bashkortostan]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 128–142. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.9>

Golenkova, Z. T., Kosharnaia, G. B. and Kosharnyi, V. P. (2018) Vliianie obrazovaniia na povyshenie konkurentosposobnosti rabotnikov na rynke truda [Influence of education on improved competitiveness of employees in the labour market]. *Integratsiia obrazovaniia*, no. 22 (2), pp. 262–273. (In Russ.).

Golenkova, Z. T., Goliusova, Yu. V. and Samba, A. D.-B. (2021) Transformatsiia regional'nogo sotsial'nogo professional'nogo prostranstva (na primere Respubliki Tyva) [Transformation of the regional social and professional space (on the example of the Republic of Tyva)]. *Sotsiologicheskaiia nauka i sotsial'naiia praktika*, vol. 9, no. 3, pp. 167–183. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.19181/snsp.2021.9.3.8440>

Gonchikov, Ts. D., Mandyt, M. K., Gomboev, B. O., Urbanova, Ch. B. and Khal'baeva, S. R. (2019) Migratsiia naseleniia kak faktor formirovaniia i razmeshcheniia naseleniia regiona (na primere Respubliki Tyva) [Human migration as a formation factor and location of the population in the region (on the basis of the Republic of Tuva)]. *Izvestiia Dagestanskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Estestvennye i tochnye nauki*, vol. 13, no. 1, pp. 56–65. (In Russ.).

Dabiev, D. F. (2018) Professional'nye predpochteniia naseleniia Tuvy v kontekste ekonomicheskoi kul'tury [Career preferences of Tuva population in the context of economic culture]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 132–148. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2018.2.7>

Evdokimov, A. I. (2019) Vneshnie migratsionnye protsessy v Respublike Tyva v otsenkakh mestnogo naseleniia [External migration processes in the Republic of Tyva in local population assessments]. *Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, no. 11–2 (38), pp. 146–149. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24411/2500-1000-2019-11771>

Egorychev, A. M. and Rostovskaya, T. K. (2021) Perspektivy razvitiia professional'nogo obrazovaniia v usloviakh globalizatsii mirovogo soobshchestva [Prospects for the development of professional education in a globalization world community]. *CITISE*, no. 1, pp. 55–64. (In Russ.). DOI: <http://doi.org/10.15350/2409-7616.2021.1.05>

Karmanov, M. V., Kuchmaeva, O. V. and Petrjakova, O. L. (2015) Demograficheskaiia bezopasnost': teoriia, metodologiia, otsenka [Demographic security: Theory, methodology, evaluation]. *Statistics and Economics*, no. 4, pp. 123–128. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.21686/2500-3925-2015-4-123-128>

Kuular, L. Y., Arakchaa, K. D. and Oiun, M. T. (2012) *Problemy i rezervy snizheniia smertnosti naseleniia Respubliki Tyva [Problems and reserves of reducing mortality in the Republic of Tyva]*. Kyzyl, TuvSU Publ. 97 p. (In Russ.).

Kurs demografii [Demography course] (1974) / ed. by A. Ia. Boiarskii. 2nd ed. Moscow, Statistika. 455 p. (In Russ.).

Lomonosov, M. V. (2011) *O sokhraneniі russkogo naroda [On the preservation of the Russian people]* / comp. and ed. by O. A. Platonov. Moscow, Institute of Russian Civilization. 848 p. (In Russ.).

Mandyt, M. K. (2017) Respublika Tyva kak region ustoichivogo estestvennogo prirosta naseleniia [The Republic of Tuva as a region of sustainable natural population growth]. *Uspekhi sovremennogo estestvoznaniia*, no. 7, pp. 91–95. (In Russ.).

Mongush, S. P. (2021) Ekonomika narodonaseleniia i demografiia. Traditsionnoe prirodopol'zovanie v formirovaniі sovremennogo prostranstvennogo razvitiia territorii (na primere Respubliki Tyva) [Population economics and demography. Traditional nature management in the formation of modern spatial development of the territory (the case of the Republic of Tuva)]. *Aktual'nye voprosy sovremennoi ekonomiki*, no. 11, pp. 692–705. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.34755/IROK.2021.40.20.054>

Natsak, O. D. (2021) Gendernye i demograficheskie osobennosti rynka truda Respubliki Tyva: tendentsii i perspektivy [Gender and demographic features of the labor market of the Republic of Tuva: Trends and prospects]. *Population*, vol. 24, no. 2, pp. 120–130. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.19181/population.2021.24.2.11>

Novoselova, S. V. and Denisenko, M. B. (2012) *Osnovy demografii [Fundamentals of demography]*. Minsk, IP "Al'tiora — zhivye kraski". 134 p. (In Russ.).

Oydup, T. M. and Kylgidai, A. Ch. (2021) Vypuskniki shkol kak osnova chelovecheskogo kapitala regiona: na primere Respubliki Tyva [School graduates as the basis of the human capital of the region on the example of the Republic of Tyva]. *Vestnik Instituta sotsiologii*, vol. 12, no. 3, pp. 176–188. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2021.12.3.743>

Ondar, E. A. (2015) *Demograficheskoe razvitie Dzun-Khemchikskogo kozhuuna (po itogam Vserossiiskoi perepisi naseleniia 2010 goda) [Demographic development of Dzun-Khemchik kozhuun (based on the results of the All-Russian Population Census of 2010)]*. Kyzyl, GBU "Research Institute of Medical and Social Problems and Management of the Republic of Tuva". 56 p. (In Russ.).

Rostovskaya, T. K., and Zolotareva, O. A. (2021) Professional'nyi standart «demograf» kak faktor formirovaniia novoi modeli kadrovogo potentsiala [Professional standard “Demographer” as a factor of formation of a new human resources model]. *Sotsiologicheskaiia nauka i sotsial'naia praktika*, vol. 9, no. 2, pp. 82–95. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.19181/snsp.2021.9.2.8106>

Rostovskaya, T. K., Shabunova, A. A. and Davletshina, L. A. (2022) Demograficheskoe obrazovanie v sovremennoi Rossii: protivorechiia potrebnosti i vozmozhnosti [Demographic education in modern Russia: Mismatch between the needs and opportunities]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*, vol. 15, no. 2, pp. 55–72. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.15838/esc.2022.2.80.4>

Rybakovskii, L. L. (2015) Kontseptsiiia demograficheskoi politiki Rossii: opyt razrabotki i puti sovershenstvovaniia [The concept of demographic policy of Russia: Development experience and ways to improve]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 9, pp. 62–70. (In Russ.).

Ryazantsev, S. V. and Khramova, M. N. (2022) Novaia migratsionnaia real'nost' v epokhu COVID-19 [New migration reality in the era of COVID-19]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 3, pp. 150–152. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250019220-5>

Samba, A. D. (2020) Izmeneniia v sotsial'no-professional'noi strukture regiona (na primere Respubliki Tyva) [Changes in the social and professional structure of the region (on the example of Republic of Tyva)]. *Teoriia i praktika obshchestvennogo razvitiia*, no. 8, pp. 18–29. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24158/tipor.2020.8.2>

Saryglar, S. A. (2019) Sotsiologicheskii analiz migratsionnoi situatsii v Respublike Tyva [Sociological analysis of the migration situation in the Republic of Tuva]. *Social Integration and Development of Ethnic Cultures in the Eurasian Space*, no. 8–2, pp. 233–238. (In Russ.).

Sizikova, V. V. and Anikeeva, O. A. (2016) Modelirovanie professional'nykh standartov spetsialistov sotsial'noi sfery kak osnova preobrazovaniia sotsial'noi praktiki [Modeling professional standards for experts in social services as a basis for the social practice transformation]. *Servis v Rossii i za rubezhom*, vol. 10, no. 8, pp. 105–119. (In Russ.).

Sistema znaniia o narodonaselenii [Population knowledge system] (1976) / ed. by D. I. Valentey. Moscow, Statistika. 367 p. (In Russ.).

Soboleva, S. V. (2015) Demograficheskaiia situatsiia v Sibiri v kontekste obshcherossiiskikh tendentsii [Demographic situation in Siberia in the context of nationwide trends]. *Regional Research of Russia*, vol. 5, pp. 154–162. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.1134/S2079970515020100>

Tanzy, M. V., Saaia, S. K., Shershneva, V. A., Vainshtein, Yu. V. and Ondar, Ch. M. (2020) Iurta kak geometricheskaiia model' v obuchenii matematike v Tuve [The yurt as a geometric model in teaching mathematics]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 80–91. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.4.6>

Tatarova, S. P. and Zateeva, N. A. (2018) Sistema obrazovaniia kak faktor razvitiia sel'skogo sotsiuma v Respublikakh Buriatiia i Tyva [The education system as a factor in the development of rural society in the republics of Buryatia and Tuva]. *Gumanizatsiia obrazovaniia*, no. 6, pp. 29–34. (In Russ.).

Tkachenko, A. A. (2017) Istoriia i sovremennye problemy prepodavaniia kursa «Demografiia»: rossiiskaia spetsifika [History and current problems of teaching the course “Demography”: Russian specifics]. In: *Demograficheskoe obrazovanie i izuchenie narodonaseleniia v universitetakh (k 50-letiiu kafedry narodonaseleniia) (Deviatye Valenteevskie chteniia) [Demographic education and population studies at universities (to the 50th anniversary of the Department of Population) (The Ninth Valentey Readings) : A collection of papers and abstracts of speeches / ed. by I. E. Kalabikhina. Moscow, Lomonosov MSU Faculty of Economics. 632 p. Pp. 195–203. (In Russ.).*

Tovuu, S. S., Kara-Sal, N. M. and Sanchaa, T. O. (2020) Matematicheskoe obrazovanie v usloviakh razvitiia sistemy obrazovaniia v Respublike Tyva [Mathematical education in the development of the educational system in the Republic of Tuva]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 45–63. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.4.4>

Tiukhteneva, S. P. (2018) Etnicheskoe predprinimatel'stvo bez migratsii (na primerakh iz Tuvy i Kalmykii) [Ethnic entrepreneurship without migration: The cases of Tuva and Kalmykia]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 149–167. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2018.2.8>

Urlanis, B. Ts. (1963) *Rozhdaemost' i prodolzhitel'nost' zhizni v SSSR [Birth rate and life expectancy in the USSR]*. Moscow, Gosstatizdat. 137 p. (In Russ.).

Khenner, E. K. (2018) Professional'nye znaniia i professional'nye kompetentsii v vysshem obrazovanii [Professional knowledge and professional competencies in higher education]. *The Education and Science Journal*, vol. 20, no. 2, pp. 9–31. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2018-2-9-31>

Khol'shina, M. A. (2012) Analiz vzaimosviazei demograficheskogo i sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia v Respublike Tyva [Analysis of the interrelations between demographic and socioeconomic development in the Republic of Tuva]. *Geografiia i prirodnye resursy*, no. 2, pp. 104–108. (In Russ.).

Tsaregorodtsev, Yu. N., Bashina, O. E. and Karmanov, M. V. (2019) Obrazovanie kak osnova formirovaniia chelovecheskogo potentsiala i chelovecheskogo kapitala [Education as basis for development of human potential and human capital]. *Sotsial'naia politika i sotsial'noe partnerstvo*, no. 1, pp. 16–24. (In Russ.).

Chernova, K. V. and Bedrina, E. B. (2020) Razvitie demograficheskogo obrazovaniia v vysshikh uchebnykh zavedeniiakh Rossii [Development of demographic education in higher education institutions of Russia]. *Population*, vol. 23, no. 4, pp. 125–139. (in Russ.). DOI: <https://doi.org/10.19181/population.2020.23.4.12>

Chetyrova, L. B. (2018) Trud v etnicheskoi kul'ture kochevnikov postsotsializma (na primere buriat, kalmykov, tuvintsev) [Labor in post-socialist ethnic culture: The cases of Buryats, Kalmyks and Tuvans]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 40–71. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2018.2.3>

Churilova, E. Yu. and Salin, V. N. (2018) Sovremennye problemy prepodavaniia distsipliny «statistika» v vysshei shkole [Current problems of teaching the discipline “Statistics” in higher school]. *Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie*, no. 2, pp. 114–116. (In Russ.).

Shelestov, D. K. (1983) *Demografiia: istoriia i sovremennost'* [Demographics: History and modernity]. Moscow, Finansy i statistika. 271 p. (In Russ.).

Yarnykh, E. A., Davletshina, L. A. and Agentova, G. V. (2021) Perspektivy razvitiia obrazovatel'noi sistemy v Rossii [Development prospects of Education System in Russia]. *Vestnik of the Plekhanov Russian University of Economics*, no. 3, pp. 44–55. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.21686/2413-2829-2021-3-44-55>

Submission date: 08.08.2021.

Исследование сетевой идентичности студенческой молодежи регионов России (на примере Калмыкии и Тувы)

Зинаида О. Кекеева, Галина Н. Уварова, Светлана В. Даржинова, Ангелина В. Муева

Калмыцкий государственный университет имени Б. Б. Городовикова, Российская Федерация,

Аржаана Б. Ооржак

Тувинский государственный университет, Российская Федерация

В статье рассматривается сетевая идентичность как феномен самосознания личности, связанный с развитием и внедрением в нашу повседневность интернет-пространства. Она стала важным условием социализации личности и предоставляет по мере развития информационных технологий все новые и новые возможности для взаимодействия и общения.

Особый интерес представляет исследование сетевой идентичности студенческой молодежи. Исследование охватило студентов двух российских регионов Калмыкии и Тувы (146 студентов Калмыцкого государственного университета и 144 студента Тувинского государственного университета). Был использован комплекс методик, состоящий из анкеты «Аспекты сетевой идентичности» (И. М. Богдановская, Т. А. Фленина); теста Куна–Макпартленда «Кто я?», модифицированного Т. А. Флениной («Кто я онлайн?»). Для анализа были выбраны компоненты, отражающие процесс саморазвития и эмоционального переживания студенческой молодежи в сетевом пространстве.

Выявлено содержание когнитивно-поведенческого и аффективного компонентов, отражающих основные мотивы студенческой молодежи для саморазвития и самопрезентации в сетевом пространстве: ощущение своей значимости, стремление установить связи с другими, получение выгоды, осознание своего «Я» и т. д. В результате корреляционного анализа выделены стратегии студенческой молодежи для самовыражения и самореализации: стратегия приобретения (новых знаний, умений, контактов и т. д.), стратегия преобразования (качественное развитие личности студента и его поведения, переориентация на другие более эффективные действия); эмоциональная стратегия (развитие чувственной сферы, получение новых чувств и ощущений).

Установлено, что структуры сетевой идентичности калмыцких и тувинских студентов являются гомогенными. Различие состоит в том, что студенты из Тувы в сетевом взаимодействии указывают на социально ролевые характеристики, а студенты из Калмыкии более эмоционально включаются в интернет-пространство.

Ключевые слова: студент; сетевая идентичность; сетевое пространство; молодежь; цифровизация; Калмыкия; Тува

Статья подготовлена при финансовой поддержке Калмыцкого государственного университета имени Б. Б. Городовикова в рамках Программы развития ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет имени Б. Б. Городовикова» на 2021–2030 гг., Стратегического проекта № 1. Устойчивое развитие городов и территорий и качественное образование — факторы сохранения и развития человеческого капитала Республики Калмыкии (governance) (ЦУР ООН 4 и 11), приказа № 1494-о/д от 14.10.2021 г. и в рамках внутривузовского грантового конкурса по приоритетным научным направлениям, проект 1143: «Формирование сетевой идентичности у молодежи в экосистеме цифрового образования» (приказ № 1419 – о/д от 08.10.2021 г.).

Для цитирования:

Кекеева З. О., Уварова Г. Н., Даржинова С. В., Муева А. В., Ооржак А. Б. Исследование сетевой идентичности студенческой молодежи регионов России (на примере Калмыкии и Тувы) // Новые исследования Тувы. 2022. № 4. С. 169-179. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.13>

Кекеева Зинаида Очировна — доктор педагогических наук, профессор кафедры психологии и педагогики высшей школы факультета педагогического образования Калмыцкого государственного университета имени Б. Б. Городовикова. Адрес: 358011, Россия, г. Элиста, ул. Пушкина, д. 11. Тел.: +7 (847-22) 3-85-28. Эл. адрес: kekeeva-zo@yandex.ru

Уварова Галина Николаевна — кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии и педагогики высшей школы факультета педагогического образования Калмыцкого государственного университета имени Б. Б. Городовикова. Адрес: 358011, Россия, г. Элиста, ул. Пушкина, д. 11. Тел.: +7 (847-22) 3-85-28. Эл. адрес: gal.uvarova2012@yandex.ru

Даржинова Светлана Владимировна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры психологии и педагогики высшей школы факультета педагогического образования Калмыцкого государственного университета имени Б. Б. Городовикова. Адрес: 358011, Россия, г. Элиста, ул. Пушкина, д. 11. Тел.: +7 (847-22) 3-85-28. Эл. адрес: svetlana.darzhinova@gmail.com

Муева Ангелина Викторовна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры технологии и менеджмента профессионального образования инженерно-технологического факультета Калмыцкого государственного университета имени Б. Б. Городовикова. Адрес: 358011, Россия, г. Элиста, ул. Пушкина, д. 11. Тел.: +7 (847-22) 3-85-28. Эл. адрес: mav_el@list.ru

Ооржак Аржаана Болатовна — старший преподаватель кафедры педагогики Кызылского педагогического института Тувинского государственного университета. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Ленина, дом 36. Тел.: +7 (394-22) 2-72-06. Эл. адрес: 4udukmaa-91@mail.ru

Research on the network identity of the student youth of Russian regions (the cases of Kalmykia and Tuva)

Zinaida O. Kekeeva, Galina N. Uvarova, Svetlana V. Darzhinova, Angelina V. Mueva

Gorodovikov Kalmyk State University, Russian Federation,

Arzhaana B. Oorzhak

Tuvan State University, Russian Federation

The article examines the network identity as a phenomenon of person's self-consciousness associated with the development and introduction of the Internet space into our everyday life. It has become an important condition for the socialization of a person and provides more and more opportunities for interaction and communication in the course of information technologies development.

Studying the network identity of students is of particular interest. The study covered students from two Russian regions, Kalmykia and Tuva (146 students from Kalmyk State University and 144 students from Tuvan State University). A set of techniques was used consisting of the questionnaire "Aspects of the Network Identity" (I. M. Bogdanovskaya, T. A. Flenina); the Kuhn-McPartland test "Who Am I?" modified by T. A. Flenina ("Who Am I Online?"). For analysis, we have selected components indicative of the process of self-development and emotional experience of students in the network space.

The content of cognitive and behavioral as well as affective components capturing the main students' reasons for self-development and self-presentation in the Internet space has been identified: a sense of their significance, a desire to make contacts with others, getting a benefit, awareness of their "I", etc. As a result of the correlation analysis, we have highlighted the following strategies of the student youth for self-expression and self-realization: the acquiring strategy (new knowledge, skills, contacts, etc.), the transformation strategy (qualitative development of students' personalities and behavior, refocusing on other and more effective actions); the emotional strategy (development of the sensual sphere, getting new feelings and sensations).

It has been found out that the network identity structures of Kalmyk and Tuvan students are homogeneous. The difference is that students from Tuva indicate social and role characteristics in the network interaction, while students from Kalmykia are more emotionally involved in the Internet space.

Keywords: student; network identity; network space; youth; digitalization; Kalmykia; Tuva

Financing

The article was prepared with financial support from B. B. Gorodovikov Kalmyk State University (KSU) within the framework of the Development Program of Gorodovikov KSU for 2021–2030, Strategic project No. 1 "Sustainable Development of Towns and Territories and Quality Education – Factors of Preservation and Development of Human Capital in the Republic of Kalmykia (governance) (UN Sustainable Development Goals 4 and 11)", Order No. 1494-o/d of October 14, 2021, and the interuniversity grant competition in the priority research areas, project No. 1143 "Network Identity Formation among Young People in the Ecosystem of Digital Education", Order No. 1419-o/d of October 8, 2021.

For citation:

Kekeeva Z. O., Uvarova G. N., Darzhinova S. V., Mueva A. V. and Oorzhak A. B. Issledovanie setevoi identichnosti studentcheskoi molodezhi regionov Rossii (na primere Kalmykii i Tuvy) [Research on the network identity of the student youth of Russian regions (the cases of Kalmykia and Tuva)]. *New Research of Tuva*, 2022, no. 4, pp. 169-179. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.13>

KEKEEVA, Zinaida Ochirovna, Doctor of Pedagogy, Professor, Department of Psychology and Pedagogy of the Higher School, Faculty of Pedagogical Education, B. B. Gorodovikov Kalmyk State University. Postal address: 11 Pushkin St., 358011 Elista, Russian Federation. Tel.: +7 (847-22) 3-85-28. E-mail: kekeeva-zo@yandex.ru [ORCID ID: 0000-0002-5792-8729](https://orcid.org/0000-0002-5792-8729)

UVAROVA, Galina Nikolaevna, Candidate of Psychology, Associate Professor, Department of Psychology and Pedagogy of the Higher School, Faculty of Pedagogical Education, B. B. Gorodovikov Kalmyk State University. Postal address: 11 Pushkin St., 358011 Elista, Russian Federation. Tel.: +7 (847-22) 3-85-28. E-mail: gal.uvarova2012@yandex.ru [ORCID ID: 0000-0002-5705-7222](https://orcid.org/0000-0002-5705-7222)

DARZHINOVA, Svetlana Vladimirovna, Candidate of Pedagogy, Associate Professor, Department of Psychology and Pedagogy of the Higher School, Faculty of Pedagogical Education, B. B. Gorodovikov Kalmyk State University. Postal address: 11 Pushkin St., 358011 Elista, Russian Federation. Tel.: +7 (847-22) 3-85-28. E-mail: svetlana.darzhinova@gmail.com [ORCID ID: 0000-0002-2118-4510](https://orcid.org/0000-0002-2118-4510)

MUEVA, Angelina Victorovna, Candidate of Pedagogy, Associate Professor, Department of Technology and Management of Vocational Education, Faculty of Engineering and Technology, B. B. Gorodovikov Kalmyk State University. Postal address: 11 Pushkin St., 358011 Elista, Russian Federation. Tel.: +7 (847-22) 3-85-28. E-mail: mav_el@list.ru [ORCID ID: 0000-0002-0944-6063](https://orcid.org/0000-0002-0944-6063)

ORZHAK, Arzhaana Bolatovna, Senior Lecturer, Department of Pedagogy, Kyzyl Pedagogical Institute, Tuvan State University. Postal address: 36 Lenin St., 667000 Kyzyl, Russian Federation. Tel.: +7 (394-22) 2-72-06. E-mail: 4udukmaa-91@mail.ru [ORCID ID: 0000-0003-3550-5626](https://orcid.org/0000-0003-3550-5626)

Введение

В современном мире с насыщенными информационными потоками мы наблюдаем глубокое проникновение виртуальности в социальную и индивидуальную жизнь человека. Сетевое пространство стало частью нашей жизни, частью повседневной реальности, имеющей другую пространственную форму, т. е. это повседневная реальность, разворачивающаяся в виртуальном пространстве. Однако личность человека в виртуальном мире может отличаться от реальной идентичности. Если в обычной реальности личность человека ограничена физическими факторами (национальность, раса, возраст и пол), определяющими индивидуальную идентичность, то в виртуальной реальности человек может менять свою идентичность или создавать совершенно новую.

Исследователи А. Е. Войскунский, А. С. Евдокименко, Н. Ю. Федунина, Н. А. Пахтусова (Войскунский, Евдокименко, Федунина, 2013; Пахтусова, 2019) и др. отмечают, что сетевая идентичность человека не является его индивидуальным свойством, она формируется в процессе его социализации и инкультурации в виртуальном пространстве. В этой связи в науку был введен термин «сетевая идентичность», которая рассматривается как «отождествление» человека с интернет-сообществами, или «пространственная идентичность» в сети (Фадеева, 2012). Возникновение сетевой идентичности, по мнению Е. И. Горошко, связано с поиском человеком возможностей для саморазвития, получения нового опыта, новой роли и т. д. (Горошко, 2009). Исследователи отмечают, что сеть становится пространством выражения своих взглядов, амбиций, выражением «подавленной части личности» (Белинская, Франтова, 2017).

Сетевое влияние на личность человека весьма неоднозначно. Оно может быть и негативным, если получаемая информация не анализируется и критически не осмысливается, или у него формируется интернет-зависимость. Вместе с тем такое влияние может быть и позитивным, так как человек получает быстрый доступ к нужной информации, расширяются его социальные контакты и т. д. Следовательно, значение сетевого пространства в жизни современного человека весьма велико, что делает актуальным изучение процесса формирования сетевой идентичности.

Особый исследовательский интерес с точки зрения психологии представляет изучение сетевой идентичности студенческой молодежи, так как это особая социально-демографическая группа населения, наиболее восприимчивая к изменениям в России. Также необходимо отметить, всестороннее развитие студенческой молодежи является важным фактором прогрессивного развития нашей страны и общества в целом. Студенты являются активными пользователями сети с целью сбора информации, создания и поддержания личных профилей в социальных сетях и онлайн-сообществах. В то же время сеть является платформой для выражения собственных взглядов и убеждений и создания положительного образа своей группы, коллектива, народа. Вместе с тем в качестве ее духовно-нравственных ориентиров могут выступать как традиции, так и новации. Сетевая идентичность формируется на основе сочетания когнитивно-поведенческого и аффективного компонентов, которые отражают знания и готовность личности реализовать различные поведенческие модели, а также эмоционально оценить свое отношение к окружающему миру. Эти компоненты могут выступать в качестве механизмов формирования сетевой идентичности личности и отражать стратегии, предпринимаемые студенческой молодежью в сетевом пространстве для самовыражения и самореализации. В таком контексте психологические исследования сетевой идентичности студенческой молодежи не проводились.

Цель настоящей работы заключается в изучении сетевой идентичности студенческой молодежи в двух регионах России — Калмыкии и Тувы. Рассматриваются когнитивно-поведенческие, аффективные компоненты сетевой деятельности как механизмы, формирующие обозначенный феномен.

Материалом для работы послужили: работы ученых Е. П. Белинской (Белинская, 2016), Е. И. Горошко (Горошко, 2009), Ч. К. Ламажаа (Ламажаа, 2021), Т. А. Флениной (Фленина, 2014) и др., а также результаты комплексных эмпирических исследований, проведенных авторами с декабря 2021 г. по май 2022 г. в г. Элиста на базе Калмыцкого государственного университета им. Б. Б. Городовикова и г. Кызыл на базе Тувинского государственного университета. В итоговую выборку было включено 290 респондентов (18–22 лет), в том числе 146 студентов Калмыцкого госуниверситета и 144 студента Тувинского госуниверситета. При этом отметим, что под определениями «тувинские» или «калмыцкие студенты», авторы подразумевают не этническую, а региональную принадлежность.

Для проведения эмпирического исследования был использован комплекс методик, состоящий из анкеты И. М. Богдановской, Т. А. Флениной «Аспекты сетевой идентичности»; Тест Куна-Макпартленда «Кто я?», модифицированный Т. А. Флениной «Кто я онлайн?». При обработке результатов использова-

лись методы математической статистики: сравнение выборок (непараметрический критерий U-Манна-Уитни); корреляционный анализ (r-Спирмена); структурно-психологический анализ обобщенных показателей индекса организованности, интегративности и дифференцированности структуры (А. В. Карпов); экспресс- χ^2 для сравнения матриц и структурограмм на их «гомогенность» (А. В. Карпов); контент-анализ. Статистическая обработка эмпирических данных реализовывалась с помощью компьютерной программы SPSS v.26.

Поскольку исследование проблемы затрагивает аспекты, рассматриваемые разными дисциплинами (философией, социологией, психологией, педагогикой, культурологией и др.), то нами был выбран междисциплинарный подход, позволяющий комплексно и системно анализировать когнитивно-поведенческий и аффективный компоненты сетевой идентичности студентов в сетевом пространстве.

В процессе исследования мы исходили из следующих предположений (гипотез): 1) когнитивно-поведенческий и аффективный компоненты отражают знания и готовность личности реализовать различные поведенческие модели, а также эмоционально оценить свое отношение к окружающему миру, поэтому они выступают в качестве механизмов, влияющих на формирование сетевой идентичности студенческой молодежи; 2) сетевое пространство позволяет студентам расширить возможности и перспективы своего развития и отражает стратегии, предпринимаемые студенческой молодежью для самовыражения и самореализации.

Объект исследования — сетевая идентичность студенческой молодежи.

Предмет исследования — когнитивно-поведенческий, аффективный компоненты сетевой деятельности, влияющие на формирование сетевой идентичности студенческой молодежи.

Задачи исследования: рассмотреть когнитивно-поведенческий и аффективный компоненты сетевой деятельности, оказывающие влияние на формирование сетевой идентичности студентов; выделить основные стратегии студенческой молодежи для самовыражения и самореализации в сетевом пространстве.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые, опираясь на междисциплинарный подход, авторы проанализировали содержание когнитивно-поведенческого и аффективного компонентов сетевой деятельности, как механизмов, оказывающих влияние на формирование сетевой идентичности студенческой молодежи Калмыкии и Тувы; выделили основные стратегии студенческой молодежи для самовыражения и самореализации в сетевом пространстве: стратегия приобретения, когда они получают то, чего раньше не было, например, новые знания, умения, контакты и т. д.; стратегия преобразования, направленная на качественное развитие личности студента и его поведение, переориентация на другие более эффективные действия; эмоциональная стратегия, направленная на развитие чувственной сферы, получение новых чувств и ощущений.

Когнитивно-поведенческий и аффективный компоненты как механизмы формирования сетевой идентичности студенческой молодежи

Для подтверждения первой гипотезы был проведен анализ когнитивно-поведенческого и аффективного компонентов сетевой идентичности студенческой молодежи Калмыкии и Тувы. Статистически значимые результаты представлены в *таблице 1*.

Как видим из *таблицы 1*, имеются некоторые различия между группами по аффективному компоненту сетевой идентичности. Эмоциональная включенность в интернет-пространство более значима для калмыцких студентов. Для них группа друзей в социальной сети обладает большой личностной значимостью, они ощущают себя ценными и значимыми участниками интернет-группы (81,36%).

От общего числа респондентов исследования из Тувы 61,68% студентов придают значимость демонстрации реального себя в Интернете. При этом, 71,45% студентов от общего числа респондентов из Тувы отмечают, что роль, статус (отношений) выступают в целом для них важными элементами в профиле социальной сети. 69,79% студентов Тувы предлагают своим друзьям, знакомым завести страницу в социальной сети, так как онлайн-пространство помогает студентам из Тувы поддерживать и укреплять связи на различных уровнях (локальный уровень, землячество).

Для 56,18% студентов Калмыкии изучение страниц пользователя социальной сети и определение политических взглядов не являются значимыми показателями, тогда как у 70,3% студентов Тувы эти показатели являются значимыми. Удовлетворенность виртуальной самопрезентацией значима не

для всех, а для 70,91% студентов Тувы. Так, они (72,56%) придают большое значение тому, что о них думают те, кто заходит на их страницу, сколько комментариев получит их пост в социальной сети. При этом, 55,95% студентов Калмыкии указывают на то, что для них пол личности не оказывает влияния на выбор интернет-сообщества. Показательно, что у студентов Тувы этот показатель наиболее высок и составляет 70,42%. Для них пол личности также не оказывает влияния на выбор интернет-сообщества.

Таблица 1. Статистически значимые результаты показателей сетевой идентичности у студентов Калмыцкого государственного университета (1 группа) и Тувинского государственного университета (2 группа)

Table 1. Statistically significant evaluation results of the network identity indicators among students of Kalmyk State University (group 1) and Tuvan State University (group 2)

Аспект	Показатели сетевой идентичности	Средний ранг (в %)		Uэмп (в %)	P (в %)
		1 группа	2 группа		
Когнитивно-поведенческий	Влияние пола на выбор интернет-сообществ	55,95	70,42	1418,0	0,039
	Демонстрация реального себя в интернете	75,83	61,68	1427,0	0,036
	Стремление получить выгоду от онлайн-общения с разными людьми, порой лично не знакомыми	74,43	62,30	1483,0	0,082
	Больше время уделяет интернет-сообществам, чем повседневными делами	54,61	71,01	1364,5	0,018
Аффективный	Получение удовольствия от взаимодействия с друзьями, благодаря тем возможностям, которые представляют соцсети	76,93	61,20	1383,0	0,021
	Огромное значение приобретают друзья и приятели в соцсетях	81,36	59,25	1205,5	0,001
	Ощущение своей важности для друзей и приятелей в соцсетях	80,53	59,62	1239,0	0,002
	Ощущение своей значимости для группы своих друзей в соцсетях	75,84	61,68	1426,5	0,038
	Замечает проявление уважения со стороны своих друзей и приятелей в соцсетях	77,81	60,81	1347,5	0,012
	Стремление каждого иметь свою страницу в соцсетях	56,96	69,97	1458,5	0,058
	Большое значение роли студента при поведении в интернете	53,60	71,45	1324,0	0,010
	Статус (отношений) как важный элемент в профиле социальной сети	54,83	70,91	1373,0	0,021
	Важность того, что думают об авторе те, кто заходит на его страницу	51,08	72,56	1223,0	0,002
	Важность того, сколько комментариев набирает пост в социальной сети	56,96	69,97	1458,5	0,062
	Имеет возможность по странице в социальной сети понять, каких политические взгляды разделяет её автор	56,18	70,32	1427,0	0,040

Результаты исследования показали, что 74,43% студентам Калмыкии больше всего нравится общаться в социальной сети с незнакомыми людьми и получать от них полезную информацию. Исследователь Т. А. Фленина отмечает, что получение полезной информации от общения с незнакомыми людьми является стимулом для самореализации в сети Интернет (Фленина, 2014).

Следует отметить, что 70,01% студентов Тувы отдают свои предпочтения процессу общения в интернет-сообществах. У студентов из Калмыкии показатель представить себя реального в Интернете был чуть более выражен и составлял 75,83%.

Данные, полученные в ходе исследования, позволяют нам утверждать, в содержании сетевой идентичности студентов из Калмыкии и Тувы имеются различия, а именно, демонстрация реального себя в Интернете, изучение страниц пользователя социальной сети и определение каких политических взглядов не является значимым показателем, пол не оказывает влияния на выбор интернет-сообществ, которые подчеркивают автономность личности каждого студента, ее самобытность. Это связано с тем, что студентам из Тувы, как мы видим, присуща открытость интернет-сообществам в виртуальном пространстве. Для студентов из Калмыкии не имеют значения политические взгляды пользователей социальных сетей при изучении их страниц. Студенты осознают свою индивидуальность, выделяя себя из окружающего мира и определяют свое самосознание. Когнитивно-поведенческий компонент отражает, как студенты используют сетевое пространство для саморазвития и взаимодействия с другими. Аффективный компонент отражает эмоциональную составляющую идентичности. Обозначенные компоненты выступают механизмами развития сетевой идентичности, которая благодаря этому представляется многофункциональным явлением, включающим как социокультурные, так и индивидуально-психологические аспекты (сплоченность интернет-группы, саморазвитие, самореализация и т. д.).

Содержание реального и виртуального образа «Я»

Перейдем к описанию содержания сетевой идентичности путем контент-анализа данных, полученных с помощью теста Куна-Макпартленда «Кто я?», модифицированного Т. А. Флениной «Кто я онлайн?» По результатам контент-анализа данных, полученных с помощью методики «Кто Я?» Куна-Макпартленда, все ответы были отнесены к объективным или субъективным характеристикам. В число объективных, отражающих содержание сетевой идентичности, входили характеристики, связанные с социальным статусом, с полом и т. д.

Рассмотрим, на наш взгляд, наиболее значимые и интересные результаты, отраженные в таблице 2. Данные в таблице представлены в процентах (%) от общего числа возможных интеркорреляций.

Таблица 2. Содержание образа реального и виртуального «Я» у студентов из Калмыкии (1 группа) и Тувы (2 группа), в % от общего числа возможных интеркорреляций
Table 2. The content of the image of the real and virtual "I" in students from Kalmykia (group 1) and Tuva (group 2), % of the total number of possible intercorrelations

Характеристики	1 группа		2 группа	
	Реальное «Я»	Виртуальное Я»	Реальное «Я»	Виртуальное Я»
Студент	53	8	46	21
Добрый (-ая)	20	6	33	15
Национальность	0	0	8	3
Отзывчивый (-ая)	12	5	10	4
Дружелюбный (-ая)	9	5	12	7
Терпеливый (-ая)	8	1	5	1
Общительный (-ая)	8	6	12	12
Честный (-ая)	4	1	14	7
Жизнерадостный (-ая)	2	1	10	3
Отзывчивый (-ая)	12	5	10	4
Ленивый (-ая)	5	0	10	3
Целеустремленный (-ая)	2	0	15	4
Понимающая	0	0	9	6
Тот же, только онлайн	-	0	-	7
Ответственный (-ая)	11	2	34	9
Дружелюбный (-ая)	9	5	12	7
Открытый (-ая)	9	7	3	7
Счастливый	1	0	12	4
Помогающая	0	0	8	1

Можно выделить следующие общие закономерности образа реального «Я» и виртуального «Я» в изучаемых подгруппах. Более значимыми характеристиками образа реального «Я», по сравнению с виртуальным «Я», являются: добрый (-ая), отзывчивый (-ая), дружелюбный (-ая), терпеливый (-ая), ленивый (-ая), отзывчивый (-ая), ответственный (-ая). Другими словами, абсолютная частота этих аффективных, поведенческих и волевых характеристик снижается в самоописаниях «Я» виртуального.

Более важна роль виртуального «Я» в группе студентов Тувы. Образ «Я» реального у студентов Тувы содержит указание на национальность, честность, описание себя как счастливых, целеустремленных и понимающих. Последняя категория вообще не представлена в группе студентов Калмыкии. Большая открытость представлена в образе виртуального «Я» у студентов Тувы по сравнению с образом реального «Я». В семи самоописаниях встречается указание на то, что восприятие себя как реального «Я» и виртуального «Я» является неизменным.

Итак, сетевое пространство предоставляет студентам возможность конструировать свою идентичность, но вместе с тем оно усложняет данный процесс. Можно констатировать несформированный образ виртуального «Я» в обеих студенческих группах, так как частота аффективных, поведенческих и волевых характеристик снижается в самоописаниях.

Многомерный корреляционный анализ показателей сетевой идентичности студенческой молодежи

Для двух групп была реализована процедура многомерного корреляционного анализа 52 показателей сетевой идентичности студенческой молодежи. Были изучены матрицы интеркорреляций. Не представляется возможным построить структурограммы статистически значимо коррелирующих показателей сетевой идентичности, так как общее число всех интеркорреляций — 1326, а в группе студентов Калмыкии обнаружили 267 — это составляет 20,1% от общего числа возможных интеркорреляций, в группе студентов Тувы — 903 интеркорреляции, 68,1% от общего числа возможных интеркорреляций. Проведенный анализ изучения матриц интеркорреляций позволил нам определить значения индексов структурной организации показателей сетевой идентичности у студентов Калмыкии и Тувы, которые представлены в *таблице 3*.

Таблица 3. Значения индексов структурной организации показателей сетевой идентичности у студентов Калмыкии (1 группа) и Тувы (2 группа)

Table 3. The figures of the indices of the structural organization of the network identity indicators in students from Kalmykia (group 1) and Tuva (group 2)

Индексы	Группы студентов	
	1 группа	2 группа
Когерентности структуры	630	2494
Дивергентности структуры	27	0
Организованности структуры	603	2494

Следовательно, можно констатировать, что в группе тувинских студентов, бесспорно, наблюдаются интегративные механизмы структуры показателей сетевой идентичности. Индекс организованности структуры у тувинских студентов (2 группа) в 4,1 раза выше данного показателя, чем у калмыцких студентов (1 группа).

У калмыцких студентов (1 группа) обнаружено 11 отрицательных связей, и они сопряжены со следующими показателями: «влияние коллег на поведение онлайн и выбор онлайн-сообществ» (p=0,003), «возраст определяет интересы в социальной сети» (p=0,000), «большое значение имеет поведение студента в интернете» (p=0,008). Чем менее выражено влияние других на поведение онлайн и выбор онлайн-сообществ, влияние возраста и роли обучающегося, тем более характерна тенденция получения выгоды от взаимодействия онлайн с незнакомыми людьми.

Показатель «интересы и мнения, которые раскрываются в пределах интернет-сообществ такие же, как и в оффлайн общении» отрицательно связан с показателем «получение удовольствия от отношений в интернете, чем от тех, что происходят в реальной жизни» (p=0,047) в группе калмыцких студентов.

Наблюдается разграничение интересов, мнений и получения удовольствия от общения онлайн и оффлайн. Показатель имеет отрицательную связь с показателем «создать страничку в социальной сети каждому человеку» ($p=0,038$).

Достаточно интересная получена взаимосвязь: чем чаще студент рекомендует всем завести страничку в Интернете, тем менее выражена у него тенденция показывать себя в Интернете реальным, каким он есть на самом деле. Установлены отрицательные взаимосвязи показателя: «больше постоянных онлайн-контактов, чем в реальной жизни» ($p=0,028$), «я важен для моих друзей в соцсетях» ($p=0,019$), «обращаю внимание на конфессиональность моих друзей в сети» ($p=0,048$). Следует отметить, что показатель «я стал больше занят интернет-сообществами, чем повседневными делами» отрицательно коррелирует с показателем «интернет-сообщества позволяют мне изучать множество людей» ($p=0,010$).

Эти взаимосвязи довольно сложно интерпретировать, возможно существование третьей переменной или группы переменных, не учтенных в настоящем исследовании. Показатель «наиболее эффективно делюсь своими идеями с друзьями через свои страницы в социальных сетях» отрицательно коррелирует с показателем «мне важно сколько комментариев наберёт мой пост в социальной сети» ($p=0,039$), т. е. для калмыцких студентов не так важно, сколько лайков будет получено, если они излагают свои идеи через страницы в социальных сетях своим друзьям. Следует подчеркнуть, что в группе тувинских студентов между всеми рассмотренными выше показателями не были установлены статистически значимые взаимосвязи.

Следует отметить, что у студентов из Калмыкии наиболее взаимосвязаны такие показатели, как «получение выгоды, возможность контролировать восприятие меня в интернете», «я, как правило, больше нахожусь онлайн», «думаю, что я похож на друзей и приятелей, с которыми общаюсь в соцсетях», «мой внутренний мир и мир моих друзей в соцсетях имеет много общего», «эмоционально я привязан к друзьям в соцсетях», «я значим для группы своих друзей в соцсетях», «я всегда готов проводить время с моими друзьями в соцсетях», «я вижу, что мои друзья в соцсетях испытывают уважение ко мне», «моя поведенческая модель оказывает влияние и впечатление на других в процессе интернет-общении», «для меня важна возможность делиться с близкими и друзьями своими переживаниями и впечатлениями в соцсетях».

В ходе дальнейшего анализа мы установили базовые компоненты в структуре измеренных показателей в группах студентов, показанные в *таблице 4*.

Данные, представленные в *таблице 4*, наглядно показывают, что наибольший структурный вес в группе калмыцких студентов имеют следующие показатели: «общность и тождественность своего внутреннего мира и мира друзей в соцсетях» ($W=54$), «думаю, что я похож на своих друзей в соцсетях» ($W=51$), «эмоциональная соотнесенность с друзьями в соцсетях» ($W=51$). А в группе тувинских студентов наибольшим структурным весом обладают следующие показатели: «более эмоциональная насыщенность жизни в виртуальном мире по сравнению с реальной жизнью» ($W=137$), «обмен своими впечатлениями и интересами с большим количеством социальных групп в Интернете, по сравнению с возможностями оффлайн» ($W=135$), «чувство своей значимости для друзей в соцсетях» ($W=130$). Обращает на себя внимание разница в величине показателей с наибольшим структурным весом в двух группах, более в 2,5 раза показатель с наибольшим структурным весом превосходит данный показатель в группе тувинских студентов.

Так, ведущими составляющими структуры сетевой идентичности в группе студентов из Калмыкии являются показатели, отражающие общность взглядов, интересов и эмоциональной привязанности к друзьям в социальной сети, а в группе тувинских студентов выступают показатели, означающие возможность выражения эмоций, своих интересов в социальной группе в интернете, чувство своей значимости для друзей в соцсети, что обуславливает единую структуру сетевой идентичности данных двух групп студентов.

Следует отметить, что наименьший структурный вес в обеих группах имеет показатель «каков я реальный». Также у студентов из Калмыкии (1 группа) наименьший структурный вес получен по таким показателям, как «страничка в соцсетях позволяет определить политические взгляды автора» ($W=2$), «чувство большей свободы слова в интернете» ($W=5$). В группе тувинских студентов наименьшим структурным весом обладает показатель «Интернет сокращает время взаимодействия и деятельности в реальности» ($W=19$). Данные компоненты не играют важной роли в структуре сетевой идентичности.

Таблица 4. Весовые значения некоторых показателей сетевой идентичности у студентов из Калмыкии (1 группа) и Тувы (2 группа)

Table 4. Weight values of some network identity indicators among students from Kalmykia (group 1) and Tuva (group 2)

Показатели сетевой идентичности	Структурный вес компонента (W)					
	1 группа			2 группа		
	+	-	Σ	+	-	Σ
Присоединение к интернет-сообществам, с целью встретить похожих людей	36	0	36	113	0	113
Демонстрирует в интернете реального себя	5	2	7	12	0	12
Больше представлен в интернете, чем в реальной жизни при общении с людьми	18	0	18	112	0	112
Желает получить выгоду от взаимодействия онлайн с которыми лично незнаком	12	9	21	117	0	117
Показывает стремление вести контроль за социальными коммуникациями в Интернете, ограничивая свои социальные взаимодействия оффлайн	15	0	15	105	0	105
Контроль за тем, как другие воспринимают тебя в интернете	44	0	44	115	0	115
Чувство большей свободы слова в Интернете	5	0	5	116	0	116
Обмен своими впечатлениями и интересами с большим количеством социальных групп в интернете, по сравнению с возможностями оффлайн	19	0	19	135	0	135
Интернет сокращает время взаимодействия и деятельности в реальности	2	6	8	19	0	19
Уверенность в полезности и необходимости онлайн-сообщества	6	0	6	112	0	112
Интернет-сообщество предоставляет большие возможности для изучения большего числа людей	8	3	11	113	0	113
Получение новой информации о себе в интернет-сообществе	11	0	11	108	0	108
Интернет-сообщество развивает мои возможности в реальном мире	39	0	39	125	0	125
Более эмоциональная насыщенность жизни в виртуальном мире по сравнению с реальной жизнью	22	0	22	137	0	137
Увидеть тождественность и близость со своими друзьями в процессе общения в соцсетях	51	0	51	119	0	119
Почувствовать общность своего внутреннего мира и мира друзей в соцсетях	54	0	54	117	0	117
Эмоциональная соотнесенность с друзьями и приятелями в соцсетях	51	0	51	117	0	117
Соотнесенность с друзьями в различных группах в соцсетях	18	0	18	129	0	129
Чувство своей значимости для группы друзей в соцсетях	37	0	37	130	0	130
Страничка в соцсетях позволяет определить политические взгляды ее автора	2	0	2	91	0	91

На завершающем этапе структурно-психологического анализа был проведен статистический расчет по формуле экспресс- χ^2 для сравнения матриц и структурограмм на их гомогенность-гетерогенность. И результаты сравнения матриц и структурограмм сетевой идентичности у студентов Калмыкии и Тувы на их гомогенность-гетерогенность составил экспресс- $\chi^2=0,434$, $p=0,001$, что свидетельствует о том, в обеих группах студентов показатели структуры сетевой идентичности являются гомогенными.

Таким образом, следует отметить, что студенты из Тувы в сетевом взаимодействии указывают на социально ролевые характеристики, отмечая при этом свою удовлетворенность виртуальной самопрезентацией. Студенты из Калмыкии, в свою очередь, более эмоционально включены в интернет-пространство, они также стремятся получить выгоду от коммуникации с людьми, с которыми общаются онлайн и стараются использовать возможности для самораскрытия и самопрезентации в сетевом взаимодействии. В группе студентов из Тувы выявлены интегративные механизмы структуры показателей сетевой идентичности, т. е. данная структура является более согласованной и слаженной, несмотря на то, что структуры сетевой идентичности являются качественно сходными.

Заключение

В нашем исследовании мы предположили, что когнитивно-поведенческий и аффективный компоненты отражают знания и готовность личности реализовать различные поведенческие модели, а также эмоционально оценить свое отношение к окружающему миру. Анализ компонентов показал, что содержательно они связаны с осознанием человеком своего существования в сетевом пространстве, которое позволяет ему конструировать свое пребывание, быть неповторимым, делиться своим жизненным опытом, быть связанным с интернет-сообществами, проявлять свою солидарность с другими, создавать виртуальный образ «Я», дополняя, тем самым, реальный образ «Я». Данные компоненты выступают механизмами развития сетевой идентичности, которая благодаря этому представляется многофункциональным явлением, включающим как социокультурные, так и индивидуально-психологические аспекты (сплоченность интернет-сообщества, саморазвитие, самореализация и т. д.).

Таким образом, сетевое пространство позволяет студентам расширить возможности и перспективы своего развития и отражает стратегии, предпринимаемые студенческой молодежью для самовыражения и самореализации. В результате корреляционного анализа мы выделили следующие стратегии у студенческой молодежи Калмыкии и Тувы в сетевом пространстве для самовыражения и самореализации:

1) стратегия приобретения, когда они получают то, чего раньше не было, например, новые знания, умения, контакты, способы разрешения конфликтов, новые качества, поведенческие модели (присоединение к интернет-сообществам, с целью встретить похожих людей; демонстрация в Интернете реального себя; желание получить выгоду, стремление вести контроль за коммуникациями, свобода слова и т. д.);

2) стратегия преобразования, которая направлена на качественное развитие личности студента и его поведения, когда происходит его переориентация на другие более эффективные действия, реакции, что позволяет развить свое реальное «Я» и приобрести новые возможности для получения информации и изучения других;

3) эмоциональная стратегия, направленная на развитие чувственной сферы, получение новых чувств и ощущений; она побуждает к различным действиям через образы и ассоциации (эмоциональная насыщенность виртуального мира по сравнению с реальным, почувствовать близость с друзьями, общность своего мироощущения с другими, чувство значимости для других и т. д.).

Безусловно, каждая из стратегий имеет как положительные, так и отрицательные аспекты влияния на студенческую молодежь. Однако необходимо учитывать эти стратегии в целях безопасного развития сетевого пространства. Выводы, полученные на примере изучения сетевой идентичности студенческой молодежи Калмыкии и Тувы, могут быть использованы в исследованиях подобного рода, как в России, так и за рубежом.

В дальнейших исследованиях считаем необходимым более детально изучить психолого-педагогические условия процесса формирования сетевой идентичности молодежи в условиях виртуальной образовательной среды вуза.

Благодарности

Коллектив авторов выражают благодарность коллегам: А. Л. Фатыховой, Ж. И. Сардаровой, Л. В. Даржиновой, Э. К. Абдираимовой за обсуждение статьи и за помощь в проведении исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Белинская, Е. П. (2016) Взаимосвязь реальной и виртуальной идентичностей пользователей социальных сетей // Образование личности. № 2. С. 31–39.

Белинская, Е. П., Франтова, Д. К. (2017) Активность в виртуальном взаимодействии как фактор конструирования идентичности пользователями социальных сетей: межпоколенные различия // Вестник РГГУ. Серия. «Психология. Педагогика. Образование». № 3. С. 22–37.

Войсункинский, А. Е., Евдокименко, А. С., Федунин, Н. Ю. (2013) Сетевая и реальная идентичность. Сравнительные исследования // Психология. Журнал Высшей школы экономики. Т. 10. № 2. С. 98–121.

Горошко, Е. И. (2009) Коммуникативная виртуальная идентичность: гендерный анализ // Филологические заметки. Вып. 7. Ч.2. С. 93–105.

Ламажаа, Ч. К. (2021) Социальная культура тувинцев и онлайн-пространство // Новые исследования Тувы. № 2. С. 115–129. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.2.10>

Пахтусова, Н. А. (2019) Становление сетевой идентичности личности в условиях виртуальной образовательной среды. Челябинск : ЗАО «Библиотека А. Миллера». 209 с.

Фадеева, Л. А. (2012) Социальная идентичность // Политическая идентичность и политика идентичности : в 2 т. / отв. ред. И. С. Семенов. М. : РОССПЭН. 205 с. С. 33–36.

Фленина, Т. А. (2014) Семантическое пространство понятия «сетевая идентичность» // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. № 171. С. 310–314.

Дата поступления: 18.06.2022 г.

REFERENCES

Belinskaya, E. P. (2016) Vzaimosviaz' real'noi i virtual'noi identichnostei pol'zovatelei sotsial'nykh setei [The relationship between real and virtual identities of social networks users]. *Obrazovanie lichnosti*, no. 2, pp. 31–39. (In Russ.).

Belinskaya, E. P. and Frantova, D. K. (2017) Aktivnost' v virtual'nom vzaimodeistvii kak faktor konstruirovaniia identichnosti pol'zovateliami sotsial'nykh setei: mezhpokolennye razlichii [Activity in the virtual interaction as a factor of identity construction by social networks users, intergenerational differences]. *Vestnik RGGU. Serii: Psikhologiya. Pedagogika. Obrazovanie*, no. 3, pp. 22–37. (In Russ.).

Voiskunskii, A. E., Evdokimenko, A. S. and Fedunin, N. Yu. (2013) Setevaia i real'naia identichnost'. Sravnitel'nye issledovaniia [Network and real identity. Comparative studies]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki*, vol. 10, no. 2, pp. 98–121. (In Russ.).

Goroshko, E. I. (2009) Kommunikativnaia virtual'naia identichnost': gendernyi analiz [Communicative virtual identity: Gender analysis]. *Filologicheskie zametki*, issue 7, part 2, pp. 93–105. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2021) Sotsial'naia kul'tura tuvintsev i onlain-prostranstvo [Social culture of Tuvans and online space]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 115–129. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.2.10>

Pakhtusova, N. A. (2019) Stanovlenie setevoi identichnosti lichnosti v usloviakh virtual'noi obrazovatel'noi sredy [Development of a network identity of a person in a virtual educational environment]. Chelyabinsk, ЗАО "Библиотека А. Миллера". 209 p. (In Russ.).

Fadeeva, L. A. (2012) Sotsial'naia identichnost' [Social identity]. In: *Politicheskaiia identichnost' i politika identichnosti [Political identity and identity politics]* : in 2 vols. / ed. by I. S. Semenenko. Moscow, ROSSPEN. 205 p. Pp. 33–36. (In Russ.).

Flenina, T. A. (2014) Semanticheskoe prostranstvo poniatii «setevaia identichnost'» [Semantic space of the concept of "network identity"]. *Izvestiia Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A. I. Gertsena*, no. 171, pp. 310–314. (In Russ.).

Submission date: 18.06.2022.

DOI: 10.25178/nit.2022.4.14

Статья

Некоммерческие организации в Республике Тыва с 2015 по 2021 годы: зависимость от пути

Наталья А. Скобелина

Волгоградский государственный университет, Российская Федерация

Модификации институциональной среды приводят к кардинальным трансформациям и в некоммерческом секторе. В современной России изменения в формальных правилах поменяли траекторию развития, открыли новые возможности и ресурсы для некоммерческих организаций.

Анализ научной литературы, законодательных актов федеральных и региональных органов власти, основанный на положениях неинституциональной теории, позволил определить направление развития социально ориентированных некоммерческих организаций в Республике Тыва с 2015 по 2021 гг. в общероссийском контексте. Исследование показывает институциональную зависимость некоммерческих организаций от государственной политики (зависимость от пути).

Как показали результаты исследования, основным направлением развития для СО НКО Тывы в последние годы стала преимущественно социальная сфера. Местные органы власти создают реестры некоммерческих организаций, оказывают финансовую и материальную помощь, глава Тывы поддерживает социальные проекты НКО. Некоммерческие организации предоставляют социальные услуги различным категориям граждан. Они используют новые реабилитационные технологии, создают безбарьерные практики для лиц с ограниченными возможностями здоровья.

Ключевые слова: некоммерческая организация; Республика Тыва; Тува; социальная услуга; государственное регулирование; институциональная зависимость

Для цитирования:

Скобелина Н. А. Некоммерческие организации в Республике Тыва с 2015 по 2021 годы: зависимость от пути // Новые исследования Тувы. 2022. № 4. С. 180-189. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.14>

Скобелина Наталья Анатольевна — доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры педагогики, психологии и социальной работы Волгоградского государственного университета. Адрес: Россия, 400062, г. Волгоград, пр. Университетский, д. 100. Тел.: +7 (442) 405546. Эл. адрес: fnask.71@mail.ru

SKOBELINA, Natalia Anatolievna, Doctor of Sociology, Associate Professor, Professor of the Department of Pedagogy, Psychology and Social Work, Volgograd State University. Postal address: 100 Universitetskiy Prospekt, 400062 Volgograd, Russian Federation. Tel.: +7 (442) 405546. E-mail: fnask.71@mail.ru

ORCID ID: 000-0002-2108-187X

Article

Non-profit organizations in the Republic of Tuva from 2015 to 2021: Path dependence

Natalia A. Skobelina

Volgograd State University, Russian Federation

Modifications in the institutional environment lead to radical transformations in the non-profit sector. In contemporary Russia, changes in formal rules have modified the trajectory of development, opened up new vistas and resources for non-profit organizations.

The analysis of research literature, legislative acts of federal and regional authorities is based on the concepts of the neo-institutional theory. It allowed us to determine the development direction of socially oriented non-profit organizations (SO NPOs) in the Republic of Tuva from 2015 to 2021 in the all-Russian context. The study shows the institutional dependence of non-profit organizations on state policy (its path dependence).

As shown by the results of the research, the main direction of development for SO NPOs in Tuva in recent years has been mainly related to the social sphere. Local authorities establish registers of non-profit organizations, provide financial and material assistance, the Head of Tuva supports social projects of NPOs. Non-profit organizations provide social services to various categories of citizens. They use new rehabilitation technologies, develop inclusive practices for people with disabilities.

Keywords: non-profit organization; Republic of Tuva; Tuva; social service; state regulation; institutional dependence

For citation:

Skobelina N. A. Nekommercheskie organizatsii v Respublike Tyva s 2015 po 2021 gody: zavisimost' ot puti [Non-profit organizations in the Republic of Tuva from 2015 to 2021: Path dependence]. *New Research of Tuva*, 2022, no. 4, pp. 180-189 (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.14>

Введение

В последние десятилетия инновации в институциональной среде привели к кардинальным изменениям в российском некоммерческом секторе. Лидеры организаций и движений разрабатывают и внедряют передовые методы и формы деятельности, новую стратегию и тактику участия в сфере социального обслуживания населения. Целью данной статьи является определение динамики развития тувинских некоммерческих организаций в общероссийском контексте. Автор акцентирует внимание на развитие социально ориентированных (далее — СО) некоммерческих организациях (далее — НКО) с 2015 по 2021 гг. в Республике Тыва.

Методологической основой исследования послужили работы социологов, политологов, философов, экономистов, посвященные проблемам развития социально ориентированных некоммерческих организаций, их участию в сфере социального обслуживания населения. В настоящее время существует большое количество исследований сектора НКО. Для данной статьи наиболее значимыми исследованиями являются работы А. Лысенко (Лысенко, 2018), К. Вишневой (Вишнева, 2018), Н. Медведевой, Е. Фролова, Т. Рябовой (Медведева, Фролова, Рябова, 2018), А. Лунеговой, А. Болотиной (Лунегова, Болотина, 2019), которые отражают динамику НКО и факторы, влияющие на развитие некоммерческого сектора в современной России. Ссылаясь на работы А. Васильчиковой, Ю. Клишиной (Васильчикова, Клишина, 2018), Л. Семичевой (Семичева, 2019), Е. Кравченко, А. Суховеева (Кравченко,

Суховеева, 2020), В. Кулькова (Кулькова, 2018), автор акцентирует внимание на роли НКО в сфере социального обслуживания населения.

В статье применяются положения неинституциональной теории для анализа сектора некоммерческих организаций. Практики, которые создаются НКО, разворачиваются в условиях формальных и неформальных «правил игры», которым следуют активисты организации в контексте институциональных изменений российского общества конца XX — начала XXI века. Теории П. Ди-Маджио, У. Пауэлла (DiMaggio, Powell, 1983), Дж. Махони (Mahoney, 2006), И. Гринера (Greener, 2004), Д. Уилсфорда (Wilsford, 1994) важны для изучения некоммерческих организаций в институциональном аспекте. Ученые используют институциональную логику в своих исследованиях и фокусируются на влиянии институциональной среды на социальные институты, в частности, на некоммерческие организации. В этой статье взаимосвязь между микро- и макроуровнями рассматривается как изменения в институциональных правилах, которые влияют на общество и определяют путь развития социальным субъектам. В этом ракурсе направление деятельности сектора некоммерческих организаций по определенному пути развития определяется через призму теории зависимости от пути. Концепция развития НКО учитывает, как структурную, институциональную составляющую организаций, так и динамичный характер общественной деятельности активистов некоммерческого сектора.

Исследуя тувинский некоммерческий сектор в аспекте общероссийской динамики, наряду с анализом научной литературы автор использовал нормативные правовые акты Российской Федерации и Республики Тыва, а также статистические данные о количестве тувинских некоммерческих организаций (2015–2021 гг.)¹.

С политической на социальную колею

Анализ научной литературы, законодательных актов федеральных и региональных органов власти, позволили определить динамику развития НКО в институциональном аспекте и показать зависимость от институциональных норм общероссийского и регионального уровня на примере Республики Тыва. Общественные организации стали активно участвовать в политической жизни России с конца 1980-х гг. Политические события в стране в значительной степени способствовали процессу рекрутирования руководящих кадров². После принятия в 2001 г. Федерального закона «О политических партиях» направление развития НКО изменилось. Благодаря формальным правилам и нормам их деятельность была направлена на социальную сферу для решения социальных проблем. Анализируя сектор современных российских некоммерческих организаций, мы обращаем внимание на влияние институционального фактора и зависимость общественных объединений от формальных правил, определяемых российским правительством. Именно институциональные нормы являются одним из основных источников развития некоммерческих организаций в Республике Тыва на рубеже XX-XXI веков. Современные ученые отмечают приоритетную роль государства и влияние политического режима на деятельность различных институтов и гражданских инициатив (Болотина, 2019; Слепцов, Слепцова, 2021, Яцуляк, 2020).

В постсоветской России в период становления новой политической системы (с конца 1980-х до начала 2000-х гг.) общественно-политические организации и движения сыграли огромную роль в политической жизни общества. Механизм формирования новых организованных практик отличается от объединений советского периода. В СССР деятельность организаций регулировалась государством. До конца 1980-х гг. «правила игры» для добровольных объединений не были институционально определены. Закон «Об общественных движениях» (1990) привел к модификации институциональной среды. Это

¹ Федеральный закон «О некоммерческих организациях» от 12.01.1996 № 7-ФЗ [Электронный ресурс] // Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8824/ (дата обращения: 23.12.2021); О деятельности некоммерческих организаций [Электронный ресурс] // Минюст России. URL: <http://unro.minjust.ru/NKOs.aspx> (дата обращения: 21.12.2021); Закон Республики Тыва от 16.07.2020 № 628-ЗРТ «О государственной поддержке социально ориентированных некоммерческих организаций в Республике Тыва» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/1700202007220015?index=2&rangeSize=1> (дата обращения: 28.11.2021).

² Оюн О. П. История становления и развития многопартийности в Республике Тыва (в 90-е гг. XX в. — начало XXI в.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2011. 24 с.

стало причиной и началом процесса институционализации новых структур в регионах России, в том числе в Туве. Изменения в официальных правилах открыли новые возможности и ресурсы для сектора НКО. Это было причиной включения организаций в политическую жизнь российского общества, в первую очередь для приобретения определенного политического статуса и поддержки своих лидеров.

В начале XXI в. российское правительство изменило политический ландшафт. Это нашло отражение в деятельности общественно-политических движений и роли общественных организаций. После принятия Закона «О политических партиях» (2001) общественно-политические организации и движения были оттеснены на периферию политического поля (с политической на социальную колею). С этого момента социально ориентированные организации стали особенно актуальны (сектор тувинских СО НКО).

Статус СО НКО в Российской Федерации был официально определен в 2010 г. Федеральным законом «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций»¹. Изменения коснулись закона «О некоммерческих организациях» от 12 января 1996 г. Правительство Российской Федерации приняло законодательство, направленное на расширение возможностей для участия социально ориентированных некоммерческих организаций в сфере социального обслуживания населения, представив возможность оказывать социальные услуги пожилым людям и инвалидам².

В Республике Тыва в 2015 г. вышло распоряжение тувинского правительства о поддержке тувинских социально ориентированных организаций³. В 2019–2021 гг. СО НКО получили государственную поддержку, которая заключается в системе отчетности, контроле надзорных органов, получении прав при аренде имущества, прав на получение поручительств и гарантий. В последние годы государство создало реестры некоммерческих организаций (реестры СО НКО, реестры поставщиков социальных услуг, реестры организаций, оказывающих реабилитационные мероприятия).

Другими словами, реформы федерального уровня повлияли на сектор тувинских НКО и процесс организации общественной деятельности в сфере социального обслуживания населения в Республике Тыва.

Динамика развития СО НКО в Республике Тыва с 2015 по 2021 годы

Рассмотрим, как в последние годы развивается сектор СО НКО на примере Республики Тыва, где количество некоммерческих организаций постоянно увеличивается. Например, в 2015 г. их было 259, в 2019 г. — 398, в 2021 г. — 518, а в начале 2022 г. — 529. С 2019 г. количество некоммерческих организаций в Туве увеличилось с 398 до 529⁴.

В последние годы правительство создало реестры социально ориентированных некоммерческих организаций в регионах России. В Республике Тыва в реестр СО НКО входит 18 организаций (2021 г.)⁵. Они же включены в общее число тувинских НКО. В настоящее время некоммерческие организации

¹ Федеральный закон от 5 апреля 2010 г. № 40-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации о поддержке социально ориентированных некоммерческих организаций», ст. 31.1. [Электронный ресурс] // Российская газета. 2010, 6 апреля. URL: <http://www.rg.ru/2010/04/07/nko-dok.html> (дата обращения: 25.12.2021).

² Отчет о деятельности и развитии социально ориентированных некоммерческих организаций (2020 г.) [Электронный ресурс] // Министерство экономического развития Российской Федерации. URL: https://economy.gov.ru/material/file/8be0adaa07fd23125c4920afe40e8757/Doklad_NKO.pdf (дата обращения: 16.12.21).

³ Распоряжение Правительства Республики Тыва от 8 мая 2015 г. № 204-р «О мерах по организации поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций на территории Республики Тыва» [Электронный ресурс] // Официальный портал Республики Тыва. URL: <https://mintrudtuva.ru/поддержка-деятельности-сонко/> (дата обращения: 12.01.2022).

⁴ В Туве увеличилось количество некоммерческих организаций [Электронный ресурс] // «МК в Туве». 2021, 12 сентября. URL: <https://www.mk-tuva.ru/social/2021/12/09/v-tuve-uvelichilos-kolichestvo-nekommercheskikh-organizatsiy.html> (дата обращения: 12.01.2022).

⁵ Реестр социально ориентированных некоммерческих организаций, формируемый в соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 30 июля 2021 г. N 1290 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Минэкономразвития России. URL: <https://data.economy.gov.ru/analytics/sonko/region/123> (дата обращения: 23.12.2021).

имеют право на льготные кредиты для оплаты труда работников, на продление срока уплаты страховых взносов в государственные внебюджетные фонды на шесть месяцев. Получив особые возможности, социально ориентированные некоммерческие организации становятся все более значимыми участниками сферы социальных услуг в различных регионах России, в том числе в Республике Тува.

В 2021 г. Глава Тывы В. Ховалыг поддержал 13 социальных проектов. Победителями Фонда президентских грантов стали 9 тувинских некоммерческих организаций¹.

Анализ тувинских НКО, в том числе СО НКО, показал, что представители социально ориентированных некоммерческих организаций обычно выполняют следующие функции:

- 1) оказание помощи гражданам, находившимся в трудной жизненной ситуации;
- 2) помощь несовершеннолетним;
- 3) реабилитация детей с ограниченными возможностями;
- 4) социальная поддержка молодых людей с ограниченными возможностями здоровья;
- 5) предоставление социальных услуг и социальной помощи пожилым гражданам;
- 6) социальная поддержка и услуги для различных категорий граждан;
- 7) благотворительная и волонтерская деятельность.

Например, Автономная некоммерческая организация по социальному обслуживанию населения «Кузел» для людей, нуждающихся в помощи, проводит психологические тренинги самоподдержки и стрессоустойчивости, лекции о физических особенностях старения, фестивали. Для лиц с инвалидностью организуются конкурсы, оздоровительные мероприятия, применяется технология танцотерапии².

Кроме того, СО НКО наравне с государственными учреждениями и органами власти участвуют в создании доступного пространства в Республике Тыва. НКО предоставляются субсидии из республиканского бюджета на реализацию социальных проектов. Это оказывает влияние на активность организаций в социальной сфере³. НКО участвуют в различных конкурсах. При поддержке Федерального агентства по делам национальностей руководители тувинских НКО принимают участие во Всероссийском конкурсе лидеров некоммерческих организаций и общественных объединений⁴. НКО «Тувинская библиотечная Ассоциация» совместно с Тувинской республиканской библиотекой разработали для незрячих и слабовидящих социальный проект «Доступное чтение и Flash технология». В рамках проекта создается тифлоцентр для лиц с инвалидностью, предоставляется открытый доступ к информации, знаниям и научной литературе⁵. Благодаря деятельности НКО институционализируются новые практики: службы социального такси⁶, диспетчерская служба для слабослышащих, обучение языку жестов, соревнования по адаптивным видам спорта, инклюзивные образовательные учреждения для людей с инвалидностью⁷.

В последние годы в российском обществе формируется система комплексной реабилитации и абилитации людей с ограниченными возможностями (в рамках программы «Формирование системы

¹ В Тыве растет количество действующих некоммерческих организаций [Электронный ресурс] // Официальный сайт Республики Тыва. URL: https://rtyva.ru/press_center/news/society/46538/ (дата обращения: 15.01.2022).

² Автономная некоммерческая организация по социальному обслуживанию населения «Кузел». URL: <https://kuzel.tuva.socinfo.ru> (дата обращения: 15.01.2022).

³ Начат прием заявок на предоставление гранта Главы Республики Тыва 2021 [Электронный ресурс] // Агентство по делам национальностей Республики Тыва. URL: <https://нацполитика-тува.рф/category/press-centr/novosti/page/3/> (дата обращения: 05.01.2022).

⁴ Проводится V Всероссийский конкурс лидеров некоммерческих организаций и общественных объединений [Электронный ресурс] // Агентство по делам национальностей Республики Тыва. URL: <https://нацполитика-тува.рф/category/press-centr/novosti/page/5/> (дата обращения: 11.01.2022).

⁵ Доступное чтение и Flash технология [Электронный ресурс] // Тувинская республиканская специальная библиотека для незрячих и слабовидящих. URL: <http://tiflokniga-tuva.ru/content/dostupnoe-chtenie-i-flash-tehnologiya> (дата обращения: 11.01.2022).

⁶ Социальное такси [Электронный ресурс] // Министерство труда и социальной политики Республики Тыва. URL: <https://mintrudtuva.ru/социальное-такси/> (дата обращения: 15.01.2022).

⁷ Проектная деятельность [Электронный ресурс] // Тувинская республиканская специальная библиотека для незрячих и слабовидящих. URL: <http://tiflokniga-tuva.ru/content/proektnaya-deyatelnost> (дата обращения: 15.01.2022).

комплексной реабилитации и абилитации людей с ограниченными возможностями» на 2019–2021 гг.), в которую входят организации здравоохранения, органы власти, образовательные организации, организации социального обслуживания, центры занятости населения, учреждения культуры, центры адаптивного спорта¹. В Республике Тыва социальную поддержку и социальную помощь людям с ограниченными возможностями оказывают следующие некоммерческие организации: Тувинская республиканская организация Общероссийской общественной организации инвалидов «Всероссийское ордена Трудового Красного Знамени Общество слепых», Региональное отделение Общероссийской организации инвалидов «Всероссийское общество глухих» в Республике Тыва, Всероссийское общество инвалидов Тувинская республиканская организация, Кызыл городская общественная организация Тувинской республиканской общественной организации Всероссийского общества людей с ограниченными возможностями. Активную волонтерскую деятельность ведут Тувинская региональная общественная организация «Серебряное волонтерское движение “Салгын”», Тувинское региональное отделение Общероссийского общественного движения «Волонтеры Победы»².

СО НКО сотрудничают с органами власти в сфере социальной защиты и социального обслуживания населения, используют различные технологии в своей работе. Например, АНО «Дамырак» и «Кузел» активно взаимодействуют с государственными учреждениями, религиозными организациями, органами власти и проводят психологическую, профилактическую работу³. МОО «Свобода» имеет соглашения и участвует в совместных мероприятиях по социальной реабилитации и ресоциализации наркозависимых лиц с ГБУ РТ Ресцентром «Поддержка», АНО «Дамырак», МВД и другими органами власти⁴. АНО «Дамырак» создана для предоставления услуг по социальной реабилитации и ресоциализации лиц, потреблявших наркотические средства и психотропные вещества в немедицинских целях. В рамках социально-реабилитационной программы, которая реализуется этой организацией, обеспечивается постоянное функционирование бригады, состоящей из психолога, специалиста по социальной работе, медицинского работника, трудоинспектора⁵.

Тувинская региональная общественная организация «Сыны народа за трезвость», региональная общественная организация «Ассоциация детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей Республики Тыва “Мы вместе”», Благотворительный фонд по поддержке гражданских инициатив «Реальная помощь» Кызылского кожууна, АНО по социальной реабилитации и ресоциализации лиц, потреблявших наркотические средства и психотропные вещества в немедицинских целях «Дамырак» и другие некоммерческие организации вошли в состав Союза трезвых сил и участвуют в мероприятиях, выступая против алкоголизма и наркомании, за трезвый образ жизни⁶.

Эти практики способствуют развитию социальной сферы, позитивно влияют на качество жизни населения. Глава Тувы В. Ховалыг в 2021 г. отметил важную роль НКО и поддержал многие их инициативы. На встрече с руководителями НКО было принято решение о создании единого информационного портала для тувинских НКО⁷. Деятельность НКО и включение организаций в реализацию программ, касающихся системы долговременного ухода за пожилыми людьми и инвалидами, показывает, что

¹ Доступная среда в регионах Российской Федерации [Электронный ресурс] // Официальный сайт «Доступная среда. Государственная программа». URL: <http://zhit-vmeste.ru/dostupnaya-sreda-v-regionah-rf/?reg=volgograd> (дата обращения: 22.12.2021).

² Список организаций. Республика Тыва [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства экономического развития Российской Федерации. URL: <https://data.economy.gov.ru/analytics/sonko/region/123?page=1&query> (дата обращения: 07.01.2022).

³ В Минтруде Тувы прошло рабочее совещание с участием СО НКО [Электронный ресурс] // Министерство труда и социальной политики Республики Тыва. URL: <https://mintrudtuva.ru/category/co-нко/> (дата обращения: 11.01.2022).

⁴ Там же.

⁵ Автономная некоммерческая организация по социальной реабилитации и ресоциализации лиц, потреблявших наркотические средства и психотропные вещества в немедицинских целях «Дамырак» [Электронный ресурс] // Dobro.ru. URL: <https://dobro.ru/project/12698> (дата обращения: 03.01.2022).

⁶ Председатель союза десантников Республики Тыва Аяс Сарыглар вступил в Союз трезвых сил [Электронный ресурс] // Союз десантников России. URL: <http://sdrvdv.ru/news/predsdatel-soyuza-desantnikov-resp/> (дата обращения: 03.01.2022).

⁷ Предложения общественных организаций будут включены в ежегодное послание Главы Тувы Верховному Хуралу [Электронный ресурс] // Официальный портал Республики Тыва. URL: https://rtyva.ru/press_center/news/society/46542/ (дата обращения: 05.01.2022).

НКО активно взаимодействуют с государственными органами. Социальные проекты, совместные мероприятия повышают уровень взаимодействия между самими организациями. Это способствует обмену информацией, обмену опытом, совместному решению проблем и работе над проектами. Тувинские СО НКО совместно с органами власти проводят благотворительную работу, организуют развлекательные мероприятия. Например, Министерство экономики Республики Тыва в рамках взаимодействия с Союзом «Торгово-промышленная палата Республики Тыва», Сообществом молодых предпринимателей Республики Тыва, Союзом промышленников и предпринимателей Республики Тыва, РОО «Федерация шахмат Республики Тыва» оказывает помощь в подготовке заявок по социальным проектам¹.

Общественное Молодежное Движение Республики Тыва «Добрые Сердца Тывы» в рамках социальных проектов устраивают экосубботники, проводят мероприятия с участием воспитанников детдомов, мастер-классы по изготовлению детских люлек, помогают пожилым людям, многодетным и нуждающимся семьям, оказывают помощь пенсионерам в доставке бесплатных продуктов².

В процессе институционализации безбарьерных практик большое значение для некоммерческих организаций имеет коммуникация. Безбарьерные практики — это институционализированные формы взаимодействия между отдельными лицами, общественными организациями и государственными учреждениями, которые помогают инвалидам и людям с ограниченными возможностями здоровья удовлетворять их потребности³. В процессе организации практик решаются социальные проблемы не только потребителей услуг, но и их родственников, знакомых, специалистов по долгосрочному уходу, медицинских работников, учителей. Налаживание межведомственного сотрудничества на региональном уровне является признаком формирующегося безбарьерного пространства в Республике Тыва.

Социально-экономические возможности, представленные как совокупность социальных, финансовых и материальных ресурсов, имеют решающее значение для НКО в предоставлении социально-бытовых, медицинских услуг, для поддержки людей с ограниченными возможностями, нуждающихся в помощи или социальной адаптации в современном обществе. Наряду с государственной поддержкой руководители организаций получают спонсорскую помощь, разрабатывают социальные проекты, оказывают социальные услуги нуждающимся гражданам, реализуют государственные программы⁴. В рамках сотрудничества тувинские государственные и негосударственные организации принимают участие в реализации государственной программы Республики Тыва «Патриотическое воспитание граждан, проживающих в Республике Тыва»⁵.

Организационный потенциал СО НКО — это способность участников объединить свои собственные усилия, мобилизовать население для достижения своих целей. Организационные возможности состоят из цели организации, направления деятельности, наличия четкого графика мероприятий, включения в социальное проектирование, наличия партнеров, создания и применения технологий, участия в региональных проектах. Исследование сектора СО НКО показывает, что современные организации создаются для предоставления социальных услуг, защиты прав инвалидов и людей с ограниченными возможностями здоровья, помощи нуждающимся семьям, детям с ограниченными возможностями и создания условий для интеграции пожилых людей и лиц с инвалидностью в общество.

¹ Поддержка социально ориентированных НКО [Электронный ресурс] // Официальный портал Министерства экономики Республики Тыва. URL: <http://www.mert.tuva.ru/directions/volunteerandnko/1.html> (дата обращения: 11.01.2022).

² Общественное Молодежное Движение Республики Тыва «Добрые Сердца Тывы» [Электронный ресурс] // Открытые НКО. URL: <https://dobro.live/ngo/obshchestvennoe-molodezhnoe-dvizhenie-respubliki-tyva-dobrye-serdtsa-tuvy-2> (дата обращения: 11.01.2022).

³ Материалы 3-й Швейцарской конференции по безбарьерной коммуникации (BfC 2020) / 3-я Швейцарская конференция по безбарьерной коммуникации (BfC 2020), Винтертур (онлайн), 29 июня — 4 июля 2020 г. 2021. Винтертур. 222 с. [Электронный ресурс] // ZHAW цифровая коллекция. URL: <https://digitalcollection.zhaw.ch/handle/11475/22550> (дата обращения: 27.11.2021).

⁴ Поддержка добровольчества и СО НКО [Электронный ресурс] // Агентство по делам национальностей Республики Тыва. URL: <https://нацполитика-тыва.пф/podderzhka-dobrovolchestva-i-so-nko/> (дата обращения: 15.01.2022).

⁵ Патриотическое воспитание [Электронный ресурс] // Официальный портал Республики Тыва. URL: <https://rtuva.ru/content/2757/> (дата обращения: 15.01.2022).

Зависимость от институциональной среды подтверждается деятельностью СО НКО в сфере социального обслуживания населения. Следует учитывать и профессиональную составляющую. Успех СО НКО зависит от того, насколько профессионально специалисты организации предоставляют услуги населению. В последние годы социально ориентированные некоммерческие организации разрабатывают и применяют множество технологий: технологии садовой терапии, танцетерапию, технологии коррекции, технологии реабилитации, технологии консультирования, образовательные технологии, технологии поддержки приемной семьи¹. НКО используют технологии социальной работы в зависимости от того, с какой группой населения они работают. Например, тувинские СО НКО, оказывающие различные социальные услуги людям с ограниченными возможностями, предлагают адресную социальную помощь и поддержку семьи. Организации разрабатывают и реализуют различные программы и проекты по оказанию помощи малообеспеченным семьям с детьми-инвалидами². Одним из направлений работы НКО является финансовая и натуральная помощь нуждающимся. Социально ориентированные некоммерческие организации создаются для пропаганды здорового образа жизни. Они организуют различные мероприятия, направленные на поддержание здорового образа жизни и профилактику вредных привычек³.

СО НКО предоставляют образовательные услуги. Это способствует доступности образования для детей из разных семей. Кроме того, НКО оказывают юридическую, психологическую помощь, организуют досуг. Важно, что общественные организации создают положительный имидж семьям с детьми-инвалидами в Республике Тыва. С этой целью на практике выстраивается механизм работы с клиентами, органами власти и другими организациями.

Заключение

Таким образом, исследование сектора НКО позволило определить влияние формальных и неформальных правил на развитие некоммерческих организаций в Республике Тыва в общероссийском контексте. В последние годы институциональные правила направили СО НКО в социальную сферу. Поддержка властей важна для эффективной деятельности общественных организаций в сфере социального обслуживания населения. Основным источником материальных ресурсов для развития НКО являются государственные субсидии и гранты, которые выделяются на реализацию социальных и культурных проектов, на оказание социальных услуг нуждающимся гражданам.

Институциональная среда, в которой создаются некоммерческие организации, значительно трансформировалась с 2000 г. по настоящее время в регионах России, включая Республику Тыва. Если в 1990-е гг. общественные организации и движения развивались по единым правилам, а формальные ограничения способствовали развитию политических объединений, то с начала XXI века деятельность общественных организаций была направлена в социальную сферу, на социальную колею. С этого момента тувинские СО НКО заняли свое место в системе социального обслуживания населения.

Путь развития тувинских СО НКО четко демонстрирует организационно-институциональную зависимость (*path dependence*). В теории зависимости от пути этот факт можно интерпретировать следующим образом: от политической колеи на социальную колею в сфере социального обслуживания населения. Этот факт еще раз доказывает, что внешняя и внутренняя институциональная среда влияют на динамику сектора некоммерческих организаций в Республике Тыва.

¹ Автономная некоммерческая организация по социальному обслуживанию населения «Кузел» [Электронный ресурс] // «Кузел». URL: <https://kyzel.tuva.socinfo.ru> (дата обращения: 14.01.2022).

² В 2020 году 13 проектов некоммерческих организаций Тывы получили поддержку по линии Президентских грантов на сумму 14 млн. рублей [Электронный ресурс] // ИА «Тыва-онлайн». 2021, 24 февраля. URL: <https://www.tuvaonline.ru/2021/02/24/v-2020-godu-13-proektov-nekommercheskih-organizaciy-tuvy-poluchili-podderzhku-po-linii-prezidentskih-grantov-na-summu-14-mln-rublej.html> (дата обращения: 07.12.2021).

³ Минздрав Тывы поощрит грантами некоммерческие организации, пропагандирующие здоровое питание и образ жизни [Электронный ресурс] // ИА «Тыва-онлайн». 2021, 19 февраля. URL: <https://www.tuvaonline.ru/2021/02/19/minzdrav-tuvy-pooschrit-grantami-nekommercheskie-organizacii-propagandiruyuschie-zdorovoe-pitanie-i-obraz-zhizni.html> (дата обращения: 21.12.2021).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Болотина, И. И. (2019) Эффективность деятельности негосударственных некоммерческих организаций по реализации основных направлений государственной национальной политики РФ (на примере Тульской области) // Вопросы национальных и федеративных отношений. № 5 (50). С. 708–714.

Васильчикова, А. В., Клишина, Ю. Е. (2018) Некоммерческие организации как субъект современного рынка услуг // Наука через призму времени. № 11 (20). С. 51–53.

Вишнева, К. В. (2018) Социально-ориентированные некоммерческие организации: от обобщения регионального опыта к проблемам институционализации // Ученые заметки ТОГУ. Т. 9. № 3. С. 1251–1259.

Кравченко, Е. В., Суховеева, А. А. (2020) Социально ориентированные некоммерческие организации как поставщики социальных услуг: проблемы, векторы развития // Социальное предпринимательство и корпоративная социальная ответственность. Т. 1. № 3. С. 121–134.

Кулькова, В. Ю. (2018) Некоммерческие организации в предоставлении услуг паллиативной помощи в России // Некоммерческие организации в России. № 2. С. 44–50.

Луногова, А. А., Болотин, А. В. (2019) Теоретический анализ динамики роста численности некоммерческих организаций в России // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. № 1. С. 245–259.

Лысенко, А. М. (2018) Некоммерческие организации в региональной политической системе // Российский политический процесс в региональном измерении: история, теория, практика. № 11. С. 69–73.

Медведева, Н. В., Фролова, Е. В., Рябова, Т. М. (2018) Некоммерческие организации в России: барьеры и условия развития // Социодинамика. № 4. С. 12–20.

Семичева, Л. А. (2019) Некоммерческие организации — исполнители общественно-полезных услуг: проблемы контроля деятельности // Школа науки. № 13 (24). С. 23–26.

Слепцов, А. Н., Слепцова, И. А. (2021) К вопросу правового регулирования социального предпринимательства // Современный ученый. № 6. С. 304–307.

Яцуляк, В. В. (2020) Влияние гражданского общества на систему информационной безопасности России // Теории и проблемы политических исследований. № 4А. С. 140–146.

DiMaggio, P. J., Powell, W. (1983) The iron cage revisited institutional isomorphism and collective rationality in organizational fields // American Sociological Review. Vol. 48. P. 147–160.

Greener, I. (2004) Theorising path dependence: How does history come to matter in organisations, and what can we do about it? : Working paper. York : Department of Management Studies, University of York. 32 p.

Mahoney, J. (2006) Analyzing path dependence: Lessons from the social sciences // Understanding change / ed. by A. Wimmer, R. Kössler. London : Palgrave Macmillan. 314 p. P. 129–139. DOI: https://doi.org/10.1057/9780230524644_9

Wilsford, D. (1994) Path dependency, or why history makes it difficult but not impossible to reform health care systems in a big way // Journal of Public Policy. Vol. 14. No. 3. P. 251–283.

Дата поступления: 17.01.2022 г.

REFERENCES

Bolotina, I. I. (2019) Effektivnost' deiatel'nosti negosudarstvennykh nekommercheskikh organizatsii po realizatsii osnovnykh napravlenii gosudarstvennoi natsional'noi politiki RF (na primere Tul'skoi oblasti) [Efficiency of the non-state non-profit organizations' activity for realization of the national policy of the Russian Federation (the case of Tula Oblast)]. *Voprosy natsional'nykh i federativnykh otnoshenii*, no. 5 (50), pp. 708–714. (In Russ.).

Vasilchikova, A. V. and Klishina, Yu. E. (2018) Nekommercheskie organizatsii kak sub'ekt sovremennogo rynka uslug [Non-profit organizations as a subject of modern services market]. *Nauka cherez prizmu vremeni*, no. 11 (20), pp. 51–53. (In Russ.).

Vishneva, K. V. (2018) Sotsial'no-orientirovannye nekommercheskie organizatsii: ot obobshcheniia regional'nogo opyta k problemam institutsionalizatsii [Socially oriented non-profit organizations: From generalization of regional experience to the problems of institutionalization]. *Uchenye zapiski TOGU*, vol. 9, no. 3, pp. 1251–1259. (In Russ.).

Kravchenko, E. V. and Sukhoveeva, A. A. (2020) Sotsial'no orientirovannye nekommercheskie organizatsii kak postavshchiki sotsial'nykh uslug: problemy, vektory razvitiia [Socially oriented non-profit organizations as providers of social services: Problems, vectors of development]. *Sotsial'noe predprinimatel'stvo i korporativnaia sotsial'naiia otvetstvennost'*, vol. 1, no. 3, pp. 121–134. (In Russ.).

Kulkova, V. Yu. (2018) Nekommercheskie organizatsii v predostavlenii uslug palliativnoi pomoshchi v Rossii [Non-profit organizations in the provision of palliative care services in Russia]. *Nekommercheskie organizatsii v Rossii*, no. 2, pp. 44–50. (In Russ.).

Lunegova, A. A. and Bolotin, A. V. (2019) Teoreticheskii analiz dinamiki rosta chislennosti nekommercheskikh organizatsii v Rossii [Theoretical analysis of the dynamics of growth in the number of non-profit organizations in Russia]. *Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnikheskogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskie nauki*, no. 1, pp. 245–259. (In Russ.).

Lysenko, A. M. (2018) Nekommercheskie organizatsii v regional'noi politicheskoi sisteme [Non-profit organizations in the regional political system]. *Rossiiskii politicheskii protsess v regional'nom izmerenii: istoriia, teoriia, praktika*, no. 11, pp. 69–73. (In Russ.).

Medvedeva, N. V., Frolova, E. V. and Ryabova, T. M. (2018) Nekommercheskie organizatsii v Rossii: bar'ery i usloviia razvitiia [Non-profit organizations in Russia: Barriers and conditions for development]. *Sotsiodinamika*, no. 4, pp. 12–20. (In Russ.).

Semicheva, L. A. (2019) Nekommercheskie organizatsii — ispolniteli obshchestvenno-poleznykh uslug: problemy kontroliia deiatel'nosti [Non-profit organizations — providers of public benefit services: Issues of the control of activities]. *Shkola nauki*, no. 13 (24), pp. 23–26. (In Russ.).

Sleptsov, A. N. and Sleptsova, I. A. (2021) K voprosu pravovogo regulirovaniia sotsial'nogo predprinimatel'stva [On the issue of legal regulation of social entrepreneurship]. *Sovremennyi uchenyi*, no. 6, pp. 304–307. (In Russ.).

Yatsulyak, V. V. (2020) Vliianie grazhdanskogo obshchestva na sistemu informatsionnoi bezopasnosti Rossii [Influence of civil society on the Russian information security system]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniia*, no. 4A, pp. 140–146. (In Russ.).

DiMaggio, P. J. and Powell, W. (1983) The iron cage revisited institutional isomorphism and collective rationality in organizational fields. *American Sociological Review*, vol. 48, pp. 147–60.

Greener, I. (2004) *Theorising path dependence: how does history come to matter in organisations, and what can we do about it?* : Working paper. York : Department of Management Studies, University of York. 32 p.

Mahoney J. (2006). Analyzing path dependence: Lessons from the social science. In: *Understanding change* / ed. by A. Wimmer and R. Kössler. London : Palgrave Macmillan. 314 p. Pp. 129–139. DOI: https://doi.org/10.1057/9780230524644_9

Wilsford D. (1994) Path dependency, or why history makes it difficult but not impossible to reform health care systems in a big way. *Journal of Public Policy*, vol. 14, no. 3, pp. 251–283.

Submission date: 17.01.2022.

DOI: 10.25178/nit.2022.4.15

Статья

Роль социального предпринимательства в человеческом развитии Республики Тыва

Наталья М. Лавренюк-Исаева

Уфимский университет науки и технологий, Российская Федерация

В статье анализируется роль социального предпринимательства, которую оно играет в человеческом развитии Республики Тыва. Анализ построен на материалах базы Фонда президентских грантов для НКО за 2017–2022 годы. Применена модифицированная методика репертуарных решеток Дж. А. Келли.

Первое место по привлеченным в регион ресурсам заняло направление «Поддержка проектов в области науки, образования и просвещения», второе — «Охрана окружающей среды и защита животных», третье — «Охрана здоровья граждан, пропаганда ЗОЖ». В совокупности они составили 51% всех выигранных средств. НКО Тувы с помощью проектов адресно работают с разными социальными группами, включая социально-уязвимые категории граждан, вовлекая отцов, студентов ссузов, пожилых и др. Социальные предприниматели региона вскрывают болевые вопросы и предлагают как традиционные, так и инновационные решения, успешная реализация которых будет полезна другим регионам страны. Социальными предпринимателями уже созданы уникальные продукты: Урянхайско-тувинская энциклопедия (ТРОО «Мир тувинцев») и электронный архив редких и исторических выпусков печатных изданий Республики Тыва (Тувинская библиотечная ассоциация), которые стали важными ресурсами не только для жителей Тувы, но и для всех россиян.

Ключевые слова: социальное предпринимательство; проектная деятельность; человеческое развитие; Республика Тыва; Тува; некоммерческая организация; Фонд Президентских грантов

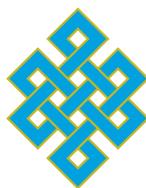
Для цитирования:

Лавренюк-Исаева Н. М. Роль социального предпринимательства в человеческом развитии Республики Тыва // Новые исследования Тувы. 2022. № 4. С. 190–212. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.15>

Лавренюк-Исаева Наталья Михайловна — кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии и работы с молодежью, заместитель декана по научной работе факультета философии и социологии Уфимского университета науки и инноваций. Адрес: 450072, Россия, г. Уфа, ул. 3. Валиди, д. 32. Тел.: +7 (987) 131-97-06. Эл. адрес: nmlavr@yandex.ru

LAVRENYUK-ISAYEVA, Natalya Mikhailovna, Candidate of Sociology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Sociology and Youth Work, Deputy Dean, Faculty of Philosophy and Sociology for Scientific Work, Ufa University of Science and Technology. Postal address: 32 Z. Validi St., Ufa, 450072, Russia. Tel.: +7 (987) 131-97-06. E-mail: nmlavr@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-4843-4161

Article

The role of social entrepreneurship in the human development of the Republic of Tuva

Natalya M. Lavrenyuk-Isayeva

Ufa University of Science and Technology, Russian Federation

The article analyzes the role of social entrepreneurship in the human development of the Republic of Tuva. The analysis is based on data for 2017–2022 taken from the website of the Presidential Grant Foundation that supports NPOs. A modified J. A. Kelly's repertory grid technique was applied.

The activity area “Support of Projects in the Field of Science, Education and Enlightenment” holds the top position in terms of resources attracted to the region. “Environmental and Animal Protection” is the second, and “Protection of Citizens' Health, Promotion of a Healthy Lifestyle” is the third. Together, they accounted for 51 per cent of all funds raised. With the help of such projects, NPOs in Tuva work with different social groups in a targeted way, including socially vulnerable categories of people, involving fathers, students of secondary specialized educational institutions, the elderly, etc. Social entrepreneurs of the region reveal pressing issues and offer both traditional and innovative solutions. Their successful implementation will be useful to other regions of the country. Some social entrepreneurs have already created unique products: the Uriankhai and Tuvan Encyclopedia (TROO “The World of the Tuvans”) and an electronic archive of rare and historical issues of printed publications of the Republic of Tuva (Tuvan Library Association). They have become important resources not only for the residents of Tuva, but also for all Russian citizens.

Keywords: social entrepreneurship; project activities; human development; Republic of Tuva; Tuva; non-profit organization; Presidential Grant Foundation

For citation:

Lavrenyuk-Isayeva N. M. Rol' sotsial'nogo predprinimatel'stva v chelovecheskom razvitii Respubliki Tyva [The role of social entrepreneurship in the human development of the Republic of Tuva]. *New Research of Tuva*, 2022, no. 4, pp. 190-212. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.15>

Введение

Человеческое развитие невозможно без предпринимаемых усилий и организованной социальной деятельности, что составляет суть социального предпринимательства. Определить роль социального предпринимательства в человеческом развитии Республики Тыва актуально уже потому, что регион традиционно замыкает рейтинги регионов-субъектов РФ по индексу человеческого развития, несмотря на позитивную динамику значения по Индексу человеческого развития (ИЧР), несмотря на позитивную динамику его значения с 0,671 в 2005 г. до 0,786 — в 2018 г.¹

Большинство жителей Тувы, как и других регионов страны и мира, стремятся к более высокому уровню образования и доходов, к сохранению своего здоровья. Однако бремя социального неблагополучия сдерживает человеческое развитие. На это указывают заявители в обосновании социального

¹ Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2008 год / под общ. ред. А. Г. Вишневого, С. Н. Бобылева. М., 2009. С. 200; Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2018 год / под ред. С. Н. Бобылева и Л. М. Григорьева. М.: Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации, 2018. С. 162.

значения проектов из Тувы на конкурс Фонда президентских грантов (далее — конкурс ФПГ) для некоммерческих организаций (далее — НКО)¹. Социальные предприниматели в конкурсных проектных заявках акцентируют внимание на низких доходах населения, алкоголизации, преступности, неразвитой физической культуры людей старшего возраста, распространенности социального заболевания — туберкулеза, слабой вовлеченности отцов в воспитание сыновей, неорганизованности досуга молодежи на чабанских стоянках и других.

Следует отметить, что на данный момент нет готовых универсальных методик определения и оценки вклада социальных предпринимателей в человеческое развитие российских регионов. Отдельными авторами реализовано определение роли социального предпринимательства в системе оказания услуг населению в Татарстане (Саттаров, Хайруллина, Гарипова, 2021), проанализированы проблемы финансовой поддержки некоммерческого сектора региона в Вологодской области (Кобыльников, 2019), в Карачаево-Черкесской Республике показана роль социального предпринимательства в социально-экономическом развитии территории (Никулина, 2018), дана характеристика южно-уральским НКО в конкурсах фонда президентских грантов (Орлов, 2020). По Туве подобных исследований не обнаружено.

Сложность и необходимость решения проблемных вопросов обусловили поиск методологической основы для определения и характеристики роли социального предпринимательства в человеческом развитии Тувы, что и составило цель данной статьи. В качестве источниковой базы использовались открытые данные Фонда президентских грантов для НКО за 2017–2022 гг.² Для этого в статье конкретизировано взаимодополнение «возможностного подхода» А. Сена к определению человеческого развития и конструктивистского подхода в формате проектной деятельности к социальному предпринимательству, а также модифицирована и апробирована методика репертуарных решеток Дж. А. Келли на открытых данных о заявках победителей ФПГ для НКО из Тувы.

Именно некоммерческие организации выступают основными агентами социального предпринимательства как деятельности, направленной на достижения социальных, благотворительных, культурных, образовательных, научных и других целей. Их функционирование не связано с извлечением прибыли и ее распределением между участниками. ФПГ для НКО в России сегодня — самый значимый оператор грантовых средств с миссией создания условий и возможностей для самореализации в некоммерческом секторе. Грантовая поддержка часто является основной возможностью реализации социальных проектов, обеспечение устойчивости работы организации, а также подтверждение её значимости, признание со стороны государства и общества³.

Обзор литературы

Чтобы конкретизировать феномен «социальное предпринимательство» в контексте концепции человеческого развития прибегнем к комплиментации конструктивистского подхода и «возможностного подхода», или «подхода на основе возможностей» (*capability approach*) к человеческому развитию, предложенного А. Сеном в книге «Товары и возможности» (Sen, 1985).

Его суть заключена в изучении возможностей индивидов достигать необходимые или желаемые состояния. Для объяснения расширения доступных индивидам возможностей П. Стритен (Streeten, 1994), Р. Инглхарт, К. Вельцель (Инглхарт, Вельцель, 2011: 13, 15, 433), И. И. Ашмарин, Б. Г. Юдин (Человеческий потенциал ..., 2007) и другие ученые используют термин *Human development* 'человеческое развитие'.

Наиболее значимыми с позиции человеческого развития считаются возможности прожить долгую и здоровую жизнь, получить образование желаемого уровня и качества, иметь доступ к ресурсам,

¹ Открытые данные [Электронный ресурс] // Фонд президентских грантов. URL: <https://президентскиегранты.рф/public/open-data> (дата обращения: 30.03.2022).

² За январь — май 2022 г. в связи с обращением к базе данных 24.05.2022 г.

³ Отчет об оценке результатов проектов победителей конкурсов на предоставление грантов Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества 2017 года. [Электронный ресурс] // Фонд президентских грантов. URL: <https://файлы.президентскиегранты.рф/ef482db7-479f-4c6d-ad92-4464f50144cb> (дата обращения: 24.05.2022).

необходимым для достойного уровня жизни. С этой позиции сформирован Индекс человеческого развития (*Human Development Index (HDI)*) М. УльХаком. Он применяется в докладах Программы развития ООН о человеческом развитии, в т. ч. по России¹.

В отношении феномена «социальное предпринимательство» сегодня не выработано однозначного понимания. Многие авторы сходятся во мнении, что социальная миссия и создание социальной ценности являются центральными звеньями социальных предприятий и предпринимателей (Roger, Sally, 2007; и др.²). Социальное предпринимательство связывают с одновременным достижением экономических, социальных и экологических целей предприимчивыми предприятиями (Naugh, 2007). Социальных предпринимателей изучают как агентов изменений в социальном секторе³. По мнению специалистов, теория социального предпринимательства сильно отстает от своей практики.

На общем фоне выгодно выделяется теория Ф. Сантоса. В стремлении отойти от тавтологии объяснения социального предпринимательства, добавив прилагательное «социальный» для характеристики элементов определения (социальная цель, социальная миссия, социальные изменения и социальная ценность), он предложил позитивную теорию социального предпринимательства, а не нормативную (Сантос, 2012: 336). Субъективная нормативная коннотация «социального» соответствует только некоторым видам деятельности: «Помощь людям с низкими доходами — это социальное предпринимательство, а помощь людям с высокими доходами — нет» (там же: 338).

Ситуация с пандемией уровняла шансы лиц с высокими и низкими доходами, с разным образовательным цензом и показала ограниченность нормативного подхода (Лавренюк-Исаева, 2021).

Существуют особенности развития социального предпринимательства в разных странах (Московская, Берендяев, Москвина, 2017; Жохова, 2015), но общий тренд — это постепенный выход социальных предприятий на самоокупаемость. В связи с этим фокус его изучения смещается в сторону компетенций предпринимателей привлекать социальные инвестиции и создавать ценные продукты в социальной экономике, извлекать экономические выгоды от социальных проектов (Хачатурян, 2012; и др.⁴). Это свидетельствует об усилении экономического значения социального предпринимательства. Е. А. Ветрова и М. И. Бородина определили социальное предпринимательство как «новаторскую деятельность, которая с самого начала была направлена на решение или смягчение социальных проблем общества на условиях самоокупаемости и устойчивости» (Ветрова, Бородина, 2016: 20). Выражаем солидарность с выводом И. Ю. Никулиной о том, что «социальное предпринимательство применяется в качестве инструмента для развития территории, принимая во внимание особенности законодательства, а также культуру ведения бизнеса...» (Никулина, 2018: 38).

Социальное конструирование включает в себя социальную инженерию как прикладную деятельность по реализации проектов как конструкторов и означает, что человек как субъект в процессе жизнедеятельности сам активно творит свою жизнь, «берет на себя весь груз ответственности за получаемый результат» (Князева, 2010: 93). Ответственное социальное конструирование свойственно

¹ См., например: Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2004 год / под общ. ред. С. Н. Бобылева. М.: Весь Мир, 2004; Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2008 г. / под общ. ред. А. Г. Вишневого и С. Н. Бобылева. М., 2009; Доклад о развитии человека 2009. Преодоление барьеров: человеческая мобильность и развитие : пер. с англ. М.: Весь Мир, 2009; Доклад (юбилейный, 20-й) о развитии человека. 2010. Реальное богатство народов: пути к развитию человека : пер. с англ. М.: Весь Мир, 2010; Доклад о развитии человека. 2015. Труд во имя человеческого развития : пер. с англ. М.: Весь Мир, 2016; Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2015 год. Человеческое развитие в условиях спада экономики / под ред. Л. М. Григорьева, С. Н. Бобылева. М.: Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации, 2015; и др.

² Roger L., Sally O. Social Entrepreneurship: The Case for Definition // Stanford Social Innovation Review. 2007. P. 29-39; Dees G. The Meaning of Social Entrepreneurship [Электронный ресурс] // Fuqua centers. URL: https://centers.fuqua.duke.edu/case/wp-content/uploads/sites/7/2015/03/Article_Deess_MeaningofSocialEntrepreneurship_2001.pdf (дата обращения: 05.01.2022).

³ Dees G. The Meaning of Social Entrepreneurship [Электронный ресурс] // Fuqua centers. URL: https://centers.fuqua.duke.edu/case/wp-content/uploads/sites/7/2015/03/Article_Deess_MeaningofSocialEntrepreneurship_2001.pdf (дата обращения: 05.01.2022).

⁴ Демей А. П. Экономический эффект социального предпринимательства // Сборник материалов Международной научно-практической конференции на тему: «Финансовые аспекты третьей модернизации экономики Казахстана». Нур-Султан, 28 января 2021. Нур-Султан: ИП «Булатов А.Ж.», 2021. С. 640–643.

социальным предпринимателям. Принцип ответственности понимается здесь по Г. Хакену: «Само-организующееся общество может... динамично развиваться, если каждый его член ведет себя так, если бы он — в меру своих возможностей — был ответственен за целое» (Хакен, 2006: 207).

В социальной инженерии, как системе построения взаимодействия социальных индивидуальных и коллективных субъектов, «социоинженерная деятельность реализуется при помощи специальных средств, методов, технологий, создаваемых и используемых для решения социальных проблем, адаптации социальных групп и институтов к изменяющимся условиям, внедрения социальных новшеств» (Резник, 1994: 88). Акцент делается на инженерном факторе как на «морфологической форме» — единице конструирования объекта. Такой единицей служит социальный проект как продукт проектной деятельности социальных предпринимателей. Популярность проектной формы деятельности объясняется ее цельностью, комплексностью и логической связанностью составляющих проект элементов.

Существует несколько подходов к пониманию и определению социального проектирования. Среди ставших классическими стоит назвать объектно-ориентированный, проблемно-ориентированный и субъектно-ориентированный или тезаурусный подходы. Объектно-ориентированный подход предложен Т. М. Дридзе (Прогнозное социальное ... , 1994). Социальное проектирование здесь является деятельностью по созданию нового или реконструкции имеющегося объекта, выполняющего важную социокультурную функцию. Проблемно-ориентированный подход позволяет рассматривать объективные и субъективные факторы социального воспроизводства в качестве равноправных и понимать проектирование как органичный и завершающий этап социально-диагностической работы с упором на обратную связь между диагностической и конструктивной стадиями процесса выработки решений (там же: 5). В. А. Луков предложил субъектно-ориентированный (тезаурусный) подход (Луков, 2016). Он «базируется на признании тезауруса создателя проекта — основным источником проектной идеи» (там же: 29).

Важное место в рамках деятельности по конструированию социальной реальности занимает понятие ценности. С его помощью определяют что значимо, важно для человека, группы или общности. Именно сохранение и создание ценностей в виде благ и расширения доступа к ним выступают предметом проектирования в социальной предпринимательской деятельности. В проектной деятельности социальной предприниматель обязан ставить перед собой три важных вопроса социальной инженерии: 1) «Создаем ли мы целое (систему)?»; 2) «Ценное ли целое мы создаем?» и 3) «Верно ли мы создаем ценное целое?» (Лавренюк, Тихонова, 2020: 12). Из данных вопросов вытекает требование к любому социальному проекту — верным способом создать ценное целое. Игнорирование поставленных вопросов снижает эффективность и результативность проектной деятельности.

С этих позиций мы определим роль социального предпринимательства в человеческом развитии в Туве.

Таким образом, абстрактное понимание человеческого развития через расширение доступа и возможностей в достижении необходимых или желаемых состояний конкретизируется в социальном конструировании. Социальные предприниматели реализуют его в формате социоинженерной деятельности в некоммерческих организациях. Результаты предпринимаемых в этой деятельности усилий — социальные конструкты в виде проектов, с помощью которых социальные предприниматели решают конкретные задачи. Активность и результативность НКО — заявителей на гранты в ФПГ из Тувы покажет слабые места и мотивацию сохранения и создания значимых ценностей, а также позволит определить компетенции проектной деятельности и узнать, какова роль социального предпринимательства в человеческом развитии Тувы на основе проектов.

Материалы и методы

Эмпирическую базу в статье представляют сведения о проектах, на реализацию которых запрошено финансирование у Фонда президентских грантов с 2017 г. по состоянию на 14.01.2022 г.¹ Общее число заявок в базе составило 103 440 единиц, из Республики Тыва — 217. Описание структуры набора данных включает заявки-победители и содержит сведения о наименовании и описании набора данных.

¹ Открытые данные [Электронный ресурс] // Фонд президентских грантов. URL: <https://президентскиегранты.рф/public/open-data> (дата обращения: 30.03.2022).

Анализ роли социального предпринимательства привязан к содержанию поддержанных ФПГ заявок из Тувы. Он реализован с помощью методики репертуарных решеток Дж. А. Келли (Келли, 2000).

Келли применил методику для изучения восприятия, интерпретации, оценивания и прогнозирования жизненного опыта и окружающей действительности.

«Человек смотрит на мир сквозь прозрачные трафареты или шаблоны, которые он сам создает, а затем пытается подогнать их под те реалии, из которых состоит этот мир. Подгонка не всегда оказывается хорошей. Однако, без таких шаблонов мир предстает перед ним в виде настолько неразличимой однородности, что он не в состоянии извлечь из него никакого смысла. Для любого человека даже плохая пригонка своих шаблонов к реальности полезнее их полного отсутствия. Будем называть эти шаблоны, применяемые опытным путем к истинному положению вещей, конструктами. Конструкты суть способы истолкования мира» (там же: 7).

Перенос методики Дж. А. Келли с уровня личности на социальные группы возможен благодаря теории социальных представлений С. Московичи (Московичи, 1992, 1995). Он истолковал представление не просто как элемент индивидуальной психики отдельного субъекта, но как определенно общее в индивидуальных сознаниях членов социальных групп. Это «та часть индивидуальных сознаний, которая типична для представителей одной и той же социальной группы» (Донцов, Емельянова, 1984: 148). Социальные представления, по С. Московичи, выполняют функции сохранения стабильности и устойчивости индивидуальной и групповой структуры сознания, интерпретации реальности, адаптации новой информации к уже имеющейся системе социальных представлений, опосредования и регуляция существующих отношений и поведения, а также смысловой синтез (Абульханова, 2002: 97).

Последователи С. Московичи — Ж.-К. Абрик (представитель научной школы Экс-ан-Прованса) (Abric, 2003), В. Дуаз (Женевская школа) (Doise, 2001), Д. Жоделе (Парижская школа) (Jodelet, 1991) и др. — сформировали методологию многомерного и многоэтапного изучения представлений. Ж. Гурвич (Gurvitch, 1964) для изучения уровней социальной реальности предложил схемы микро- и макро-, а также субъективного и объективного анализа, Дж. Александер (Alexander, 1982) разработал интегративную модель, а Дж. Ритцер — интегрированную социологическую метатеоретическую схему для анализа микро- и макросубъективного и объективного (Ритцер, 2002). Переход от личности к группам возможен не только в рамках микро-макроинтеграции социологического исследования, но и в связке «действия и структуры» (по П. Бурдьё, через практику и габитус (Бурдьё, 1998), по Ю. Хабермасу, через коммуникативное действие в жизненном мире (Habermas, 1984, 1985) и т. д. Продуктивным для раскрытия темы видится определение Э. Гидденсом современного мира как рефлексивного, а личности как рефлексивного проекта. В этом ключе личность интерпретируется как продукт самоисследования и развития социальных взаимоотношений, а «социальная жизнь как активно конструируемая поступками членов общества» (Гидденс, 2002: 292).

Следуя традиции в социологии, заложенной П. Сорокиным в выделении типов и флуктуациях социальных отношений (Сорокин, 2006), Т. Парсонсом в структурно-функциональном анализе (Парсонс, 1998), Г. Беккером в методе построения конструктивных типов (Becker, 1968), прибегнем к типологизации как к разбивке «некоторой изучаемой совокупности объектов на обладающие определенными свойствами упорядоченные и систематизированные группы с помощью идеализированной модели или типа (идеального или конструктивного (как в данном случае. — Н. Л.-И.))» (Абушенко, 2010: 1125).

Модифицируем методику Дж. А. Келли для характеристики роли социального предпринимательства в человеческом развитии Тувы на основе проектов. Конструктом служит репертуарная решетка проектов-победителей четырех типов: инновационные цель и решение (ЦиРи), инновационная цель и традиционное решение (ЦиРт), традиционная цель и инновационное решение (ЦтРи), традиционные цель и решение (ЦтРт).

Согласно Дж. А. Келли, конструкт, как биполярное образование, выполняет две функции: обобщение (установление сходства) и противопоставление (контраст). Элементы конструкта — «цель проекта» и «проектное решение». Поскольку отдельная «репертуарная решетка» должна содержать конструкты, относящиеся к гомогенной, однородной области, поэтому выделим две репертуарные решетки, в соответствие с характером целей и решений в диапазоне «традиционный-инновационный». Характеристики «инновационный» и «традиционный» присваиваются на основе идентификаторов. «Инновационный»: разработка, создание, внедрение, развитие и прочие, по смыслу означающие продуктивную деятельность, а «традиционный»: организация, освоение, увеличение и другие, по смыслу означающие репродуктивную деятельность.

Предложенный конструкт отвечает базовому требованию необходимости и достаточности методики, т. к. диапазон пригодности включает все объекты, к которым его можно применить (выборочная совокупность проектов-победителей совпадает с генеральной совокупностью по двум конкретным направлениям конкурса грантов, по смыслу наиболее соответствующих расширению возможностей сохранить здоровье и прожить долгую жизнь («Охрана здоровья граждан, пропаганда ЗОЖ») и получить образование желаемого уровня и качества («Поддержка проектов в области науки, образования и просвещения»). В фокусе интерпретации целе- и ценностно-рациональная деятельность, по М. Веберу (Weber, 1988). Она наиболее соответствует пониманию и требованиям к проектам, как формализованным идеям с ценным и инновационным зарядом.

Техника репертуарных решеток применена для оценки прошедших экспертизу проектных заявок. Она проведена в соответствии с Положением о порядке оценки результатов проектов победителей конкурсов на предоставление грантов Президента РФ на развитие гражданского общества от 15 сентября 2020 г. № 17¹ и реализована поэтапно:

- 1) определение цели и решения;
- 2) идентификация цели и решения на соответствие одному из четырех типов: инновационные цель и решение (ЦиРи), инновационная цель и традиционное решение (ЦиРт), традиционная цель и инновационное решение (ЦтРи), традиционные цель и решение (ЦтРт);
- 3) характеристика целевых групп/ предметов и инструментов проектов.

Результатом 1 этапа служит фактологический материал, который внесен в *таблицы 3 и 4*.

Столбец «цель проекта» взят из раздела «цель проекта», а «проектное решение» — из разделов заявки «задачи» и «краткое описание». Это связано с отсутствием аналогичного пункта и логикой: цель — решение ее достижения, на которое ФПГ выделяет грантовые средства.

Итог 2 этапа — идентифицированные на основе маркеров цели (Ц или Т) и решения проекта (И или Т), а затем их общий код. Маркерами служат глаголы и отглагольные существительные. Если они связаны с появлением нового, с тем, чего не было ранее («создание», «внедрение», «разработка» и др.), то присваивается идентификатор «и» — инновационный. В остальных случаях присваивается «т» — традиционный. Смешанные варианты («и-т», «т-и») присваиваются в случае, если в формулировках целей и решений есть глаголы и отглагольные существительные как традиционного, так и инновационного содержания, либо в формулировках есть неоднозначные маркеры.

Маркеры выделены в *таблицах 3 и 4* курсивом. Результатом 3 этапа является группировка целевых аудиторий, предметов-феноменов и инструментов, с которыми работают социальные предприниматели.

Результаты

За период работы грант-оператора ФПГ (ФПГ — грант-оператор) с 2017 г. до момента обращения к доступной базе данных в первом полугодии 2022 г. из Тувы стали победителями 31 некоммерческая неправительственная организация с 47 проектами.

Таблица 1 демонстрирует рост активности, результативности и объемов выигранных грантов НКО Тувы. Несмотря на заявленный анализ за 2017–2022 гг., в таблице указываются данные по 2020 г., в связи с тем, что в открытых источниках нет опубликованных отчетов Фонда президентских грантов позднее.

За 2017–2021 гг. НКО привлекли в республику 43 969 894,8 рублей. Собственные средства составили 14 448 708,5 рублей (25%). Средняя сумма выигранной заявки равна 935 529,68 рублей. НКО Тувы выиграли в 10 из 11 направлений конкурса грантов, кроме тематического направления «Развитие институтов гражданского общества».

¹ Документы [Электронный ресурс] // Фонд Президентских грантов. URL: <https://президентскиегранты.рф/public/home/documents?tagId=31> (дата обращения: 22.03.2022).

Таблица 1. Поданные, поддержанные проекты и суммы грантов победителей Фонда президентских грантов за 2015–2020 гг. из Тувы
Table 1. Submitted and supported projects, amounts of grants received from the Presidential Grant Foundation (PGF) by Tuvan NPOs in 2015–2020

Проекты и суммы	Годы					
	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Количество поданных заявок	10	16	26	30	57	78
Количество поддержанных проектов	0	1	5	4	13	14
Суммы грантов, в млн руб.	0,0	0,60	2,26	3,74	8,39	15,39

Прим.: составлено автором на основе данных Годовых отчетов Фонда президентских грантов за 2017–2020 гг.

Первое место по привлеченным в регион ресурсам заняло направление «Поддержка проектов в области в области науки, образования и просвещения», второе — «Охрана окружающей среды и защита животных», третье — «Охрана здоровья граждан, пропаганда ЗОЖ». В совокупности они составили 51% всех выигранных средств.

Остальные 49% средств были привлечены на реализацию проектов по направлениям: «Сохранение исторической памяти» (4 место), «Развитие общественной дипломатии и поддержка соотечественников» (5 место), «Поддержка молодежных проектов» (6 место), «Укрепление межнационального и межрелигиозного согласия» (7 место), «Поддержка проектов в области культуры и искусства» (8 место), «Социальное обслуживание, социальная защита и поддержка граждан» (9 место), «Защита прав и свобод человека и гражданина, в т. ч. защита прав заключенных» (10 место) (см. таблицу 2).

Таблица 2. Сумма привлеченных средств в Туву за счет проектов-победителей конкурсов ФПГ для НКО по направлениям за 2017–2021 гг.

Table 2. The amount of funds raised in Tuva through the winning projects of the PGF's competitions for NPOs, by activity areas for 2017–2021

Грантовое направление	Запрошенная сумма гранта, руб.	Общая сумма расходов, руб.	X сред. привлеченных средств в регион, руб.
1 — Защита прав и свобод человека и гражданина, в т. ч. защита прав заключенных	1 052 311,0	1 375 802,00	526 155,5
2 — Охрана здоровья граждан, пропаганда ЗОЖ	4 072 392,0	6 574 826,0	581 786,0
3 — Охрана окружающей среды и защита животных	4 948 930,0	6 416 630,0	1 649 643,33
4 — Поддержка молодежных проектов по статье 31.1 ФЗ «О НКО» (1996 г.)	2 610 370,0	2 879 475,0	2 610 370,0
5 — Поддержка проектов в области культуры и искусства	1 371 015,0	2 179 511,0	685 507,5
6 — Поддержка проектов в области науки, образования и просвещения	13 422 374,47	18 273 357,47	1 677 796,81
7 — Развитие общественной дипломатии и поддержка соотечественников	2 686 343,0	3 122 343,0	2 686 343,0
8 — Сохранение исторической памяти	3 108 579,8	4 742 312,3	777 144,95

9 — Социальное обслуживание, социальная защита и поддержка граждан	1 753 687,0	2 045 922,0	438 421,75
10 — Укрепление межнационального и межрелигиозного согласия	1 618 370,73	2 322 880,73	404 592,68
11 — Развитие институтов гражданского общества	0,0	0,0	0,0
Итого:	43 969 894,8	58 418 603,3	935 529,68

Прим.: составлено автором на основе открытых данных ФПГ¹.

В соответствии с концепцией человеческого развития ПРООН и структурой ИЧР, в который входят подиндексы здоровья, образования и доходов, проанализируем проекты-победители направлений «Поддержка проектов в области науки, образования и просвещения» (см. таблицу 3) и «Охрана здоровья граждан, пропаганда ЗОЖ» (см. таблицу 4), т. к. тематически они ближе остальных к концепции и индексу ЧР.

Таблица 3. Цели и решения поддержанных проектов Фондом президентских грантов НКО из Республики Тыва в 2017–2022 гг. по направлению «Поддержка проектов в области науки, образования и просвещения» («Репертуарная решетка»)

Table 3. Goals and solutions of the NPOs' projects supported by the Presidential Grant Foundation in the Republic of Tuva in 2017–2022, the activity area "Support of Projects in the Field of Science, Education and Enlightenment" ("Repertory grid")

Название проекта	Организация-заявитель	Цель проекта	Проектное решение
1. «Пешка, конь, ладья и Я» ² (ЦиРи-т)	РОО «Детская шахматная федерация Республики Тыва»	Развитие интеллектуального мышления у детей (Ци).	Знакомство с шахматными фигурками; — Освоение основных шахматных понятий; — Обучение правилам игры; — Проведение турнира среди детей. (Ри-т).
2. «Расширение шахматного клуба «Гамбит», а также приобретение шахматного инвентаря» ³ (ЦиРт)	РОО «Федерация шахмат Республики Тыва»	Расширить возможность шахматного клуба «Гамбит» при одновременной игре в шахматы до 100 человек, вовлекая в игру максимальное количество детей и подростков, а также ветеранов (Ци).	Расширение посадочных мест можно решить путем ввода в эксплуатацию соседних неиспользуемых подвальных помещений площадью 100 кв метров. (Рт).

¹ Открытые данные [Электронный ресурс] // Фонд президентских грантов. URL: <https://президентскиегранты.рф/public/open-data> (дата обращения: 30.05.2022).

² Проект «Пешка, конь, ладья и Я» (РОО «Детская шахматная федерация Республики Тыва» [Электронный ресурс] // Фонд президентских грантов. URL: <https://президентскиегранты.рф/public/application/item?id=db36-b50f-3cfa-44b2-8dfe-61bed7ca5ec7> (дата обращения: 20.05.2022).

³ Проект «Расширение шахматного клуба «Гамбит», а также приобретение шахматного инвентаря» [Электронный ресурс] // Фонд президентских грантов. URL: <https://президентскиегранты.рф/public/application/item?id=117B7F56-A3D0-4D41-9174-13179603EEF5> (дата обращения: 20.05.2022).

<p>3. «Кочевники — педагогические отряды на чабанские стоянки»¹ (ЦтРт-и)</p>	<p>Тувинское региональное отделение Молодежной общероссийской общественной организации «Российские Студенческие Отряды»</p>	<p><i>Формирование</i> гражданско-патриотической, социально-значимой позиции детей и подростков, проживающих на чабанских стоянках в Туве путём активного <i>приобщения</i> к общественным ценностям и нравственным нормам через интегрированные формы воспитания (Цт).</p>	<p>Работа педагогических отрядов Тувы в летний период на чабанских стоянках... путем приобщения к искусству народов России с помощью решения задач: 1. <i>Формирование</i> навыков культуры общения, взаимопонимания и дружбы; 2. <i>Воспитание</i> толерантности и профилактики экстремизма в детской и молодёжной среде; 3. <i>Обучение</i> русскому и иностранным языкам на основе общения, другим предметам; 4. <i>Формирование</i> знаний организаторской и управленческой деятельности лидера; 5. <i>Воспитание</i> подростков с социально-активной гражданской позицией — патриота своей страны, с высокой культурой общения (Рт-и).</p>
<p>4. «Словник Урянхайско-тувинской энциклопедии»² (ЦиРи)</p>	<p>Тувинская республиканская общественная организация «Мир тувинцев»</p>	<p><i>Создание</i> словника будущей «Урянхайско-тувинской энциклопедии» (не менее 12 000 терминов) в виде издания на бумажном носителе в количестве не менее 3000 экземпляров (Ци).</p>	<p><i>Создать</i> команду для составления словника из числа ученых, экспертов, специалистов, сформировать редакционную коллегию; <i>Создать</i> рабочие группы по направлениям: естественные науки, история, культура и т. д., поручить группам начать работу в своей области по заданным критериям. <i>Организация и проведение</i> научно-исследовательских экспедиций; <i>Редактирование</i> полученных результатов; <i>Верстка и издание</i> словника «Урянхайско-тувинской энциклопедии» (Ри).</p>
<p>5. «I том Урянхайско-тувинской энциклопедии»³ (Ци-тРи)</p>	<p>Тувинская республиканская общественная организация «Мир тувинцев»</p>	<p>Главная цель проекта — <i>предоставление</i> школьникам, студентам, молодежи, а также широким слоям населения Республики Тыва эффективного инструмента и источника надежных знаний в формате энциклопедии для повышения общего уровня базовых знаний, для саморазвития» (Ци-т).</p>	<p><i>Создать</i> высококвалифицированный авторский коллектив, способный реализовать данный проект; <i>Провести</i> рабочие встречи и обсуждения основных механизмов реализации проекта. <i>Создание</i> корпуса словарных статей первого тома энциклопедии в объеме 4000 словарных статей от буквы «А» до буквы «К»;</p>

¹ «Кочевники — педагогические отряды на чабанские стоянки» (Тувинское региональное отделение Молодежной общероссийской общественной организации «Российские Студенческие Отряды»). [Электронный ресурс] // Фонд президентских грантов. URL: <https://президентскиегранты.рф/public/application/item?id=a43e479e-e4ff-448d-8e6d-cd16df7663ef> (дата обращения: 20.05.2022).

² Научно-просветительский проект «Словник Урянхайско-тувинской энциклопедии» [Электронный ресурс] // Фонд президентских грантов. URL: <https://президентскиегранты.рф/public/application/item?id=730CBE91-E89A-4657-9F4D-E9938B8A6403> (дата обращения: 20.05.2022).

³ Научно-просветительский проект «I том Урянхайско-тувинской энциклопедии» [Электронный ресурс] // Фонд президентских грантов. URL: <https://президентскиегранты.рф/public/application/item?id=C2F0801E-535F-4528-BDE5-8F3D4D6B3085> (дата обращения: 20.05.2022).

			<p>4. <i>Ознакомление</i> целевых групп (прежде всего, для школьников и студентов, молодежи, а также для широких слоев населения) с ходом создания энциклопедии с обратной связью, получение конкретных предложений по отбору статей в энциклопедию;</p> <p>5. <i>Разъяснение</i> порядка использования энциклопедии в будущем.</p> <p>Технические задачи: «черновая» и «чистовая» редакции, <i>подготовка и оформление</i> иллюстративного и информативного материала, учет мнений целевых групп, верстка, печать готового издания. <i>Организация</i> освещения проекта в СМИ. <i>Создание</i> мобильного приложения (прототип, альфа и бета тестирование, релиз).</p> <p>По результатам реализации проекта <i>провести</i> читательскую конференцию с участием представителей целевых групп для оценки качества полученных результатов и получения пожеланий для следующего этапа (II тома) (Ри).</p>
<p>6. «II том Урянхайско-тувинской энциклопедии»¹ (ЦиРи)</p>	<p>Тувинская республиканская общественная организация «Мир тувинцев»</p>	<p>Главной целью проекта является <i>создание</i> доступного и достоверного источника информации о Республике Тыва для всех слоев населения, прежде всего — для школьников студентов и молодежи, для повышения их общего уровня знаний и для саморазвития (Ци).</p>	<p><i>Сконцентрировать</i> высококвалифицированный коллектив на завершение социально-значимого проекта для получения конечного продукта в виде двухтомного УТЭ и его электронного приложения.</p> <p><i>Создание</i> корпуса статей II тома энциклопедии от буквы «Л» до буквы «Я».</p> <p><i>Ознакомление</i> целевых групп (прежде всего, школьников и студентов, молодежи, а также для широких слоев населения) с ходом создания энциклопедии с обратной связью, получение конкретных предложений по отбору статей в энциклопедию. <i>Разъяснение</i> порядка использования энциклопедии в будущем.</p> <p>Технические задачи: «черновая» и «чистовая» редакции, подготовка и оформление иллюстративного и информативного материала, учет мнений целевых групп, верстка, печать готового издания;</p> <p><i>Организация</i> освещения проекта в СМИ. <i>Дополнение</i> мобильного приложения новыми статьями.</p> <p>По результатам реализации проекта <i>провести</i> читательскую конференцию с участием представителей целевых групп для оценки качества полученных результатов» (Ри).</p>

¹ Научно-просветительский проект «II том Урянхайско-тувинской энциклопедии» [Электронный ресурс] // Фонд президентских грантов. URL: <https://президентскиегранты.рф/public/application/item?id=C2F0801E-535F-4528-BDE5-8F3D4D6B3085> (дата обращения: 20.05.2022).

<p>7. «Летний туристический молодежный палаточный лагерь “Молодежный Чедер-2020”»¹ (Цт-иРи)</p>	<p>Тувинское республиканское отделение Всероссийской общественной организации «Русское географическое общество»</p>	<p><i>Организация летнего досуга для молодежи (студентов сузов Тувы из малообеспеченных и неблагополучных семей) с возможностью получения ими туристско-образовательных и рекреационно-оздоровительных услуг (Цт-и).</i></p>	<p><i>Создание и снятие летнего туристического молодежного палаточного лагеря «Молодежный Чедер-2020»; Организация туристско-образовательных услуг; Организация рекреационно-оздоровительных услуг; Организация познавательных туристических маршрутов; Подведение ежегодных (2020, 2021 гг.) (Ри).</i></p>
<p>8. «Народные игры Тувы — детям»² (ЦиРи)</p>	<p>РОО «Ассоциация учителей тувинского языка и литературы Республики Тыва»</p>	<p><i>Приобщение детей к народным традициям, языку, культуре тувинского этноса через внедрение народных игр в образовательные организации республики (Ци).</i></p>	<p><i>Разработка курса по изучению народных игр для включения в занятия внеурочной деятельности образовательной организации и модули отдельных предметов; Изготовление комплектов игр «Даалы», «Хоруул», «Панчык», «Кажык», «Буга шыдыраа»; Проведение обучающих курсов для учителей тувинского языка и литературы, педагогов, воспитателей; Организация муниципальных, регионального турниров по народным играм среди образовательных организаций. «Внедрение народных игр в ДПО с целью приобщения детей к народным традициям, языку, культуре тувинского этноса... будут созданы игровые площадки в кабинетах тувинского языка и литературы...» (Ри).</i></p>
<p>9. «Развивающая площадка Социальное проектирование»³ (ЦиРи)</p>	<p>Республиканская общественная организация общероссийской общественной организации «Российский Союз Молодежи» «Союз Молодежи Тувы»</p>	<p><i>Создать развивающую площадку «Социальное проектирование» для старшеклассников и подростков... для формирования проектного мышления (Ци).</i></p>	<p><i>Новый подход в профориентации школьников; Обучение навыкам социального проектирования; Разработка социальных проектов, направленных на развитие г. Кызыла; Работа с подростками состоящих на учебе ПДН и КДН (Ри).</i></p>

¹ Летний туристический молодежный палаточный лагерь «Молодежный Чедер-2020» (Тувинское республиканское отделение Всероссийской общественной организации «Русское географическое общество») [Электронный ресурс] // Фонд президентских грантов. URL: <https://президентскиегранты.рф/public/application/item?id=2E7714EA-09C1-4E1F-A479-5713A7D73BC8> (дата обращения: 20.05.2022).

² «Народные игры Тувы — детям» (РОО «Ассоциация учителей тувинского языка и литературы Республики Тыва») [Электронный ресурс] // Фонд президентских грантов. URL: <https://президентскиегранты.рф/public/application/item?id=3EA6A089-3EA5-4EFA-B031-DF07994A8052> (дата обращения: 20.05.2022).

³ «Развивающая площадка Социальное проектирование» (Республиканская общественная организация общероссийской общественной организации «Российский Союз Молодежи» «Союз Молодежи Тувы» (не реализован) [Электронный ресурс] // Фонд президентских грантов. URL: <https://президентскиегранты.рф/public/application/item?id=8BC87C52-63B4-4DCE-978C-F1E6D558541F> (дата обращения: 20.05.2022).

<p>10. «Открывая прошлое»¹ (ЦиРи)</p>	<p>Тувинская библиотечная ассоциация</p>	<p><i>Создание</i> электронного архива редких и исторических выпусков печатных изданий Республики Тыва для удобства пользования им широкими слоями населения, знатоками истории и краеведения, представителями научного сообщества, и развитие совокупности компетенций у молодого поколения (Ци).</p>	<p><i>Оцифровка</i> исторических печатных изданий Республики Тыва, <i>расширение</i> их способности использования информационно-коммуникационными технологиями для комфортной жизни в цифровой среде; <i>популяризация</i> уникальных местных фондов (библиотек, музеев и архивов), составляющих культурное наследие региона; пополнение цифрового архива Электронной библиотеки Республики Тыва «Тува читающая» и ее в российские и международные информационные сети (Ри).</p>
<p>11. «С компьютером — в мир информации»² (ЦиРи)</p>	<p>Тувинская Республиканская организация Общероссийской общественной организации инвалидов «Всероссийского ордена трудового Красного знамени общества слепых»</p>	<p><i>Обучить</i> инвалидов по зрению пользоваться компьютером с помощью специальной программы экранного доступа Jaws for Windows для слепых (Ци).</p>	<p><i>Научить</i> инвалидов по зрению создавать электронные документы, исправлять, копировать, удалять, перемещать и сохранять на жесткий диск или флэш-накопитель; пользоваться сетью Интернет посредством электронной почты, социальных сетей и государственными услугами; <i>Способствовать развитию</i> у инвалидов по зрению, которые помогут им в достижении успеха в любой отрасли жизнедеятельности, через обучение основам компьютерной грамотности; <i>Помочь раскрытию</i> внутреннего потенциала возможностей для социальной интеграции, формирование условий независимого и полноценного образа жизни; <i>Способствовать приобретению</i> новых знаний, навыков и умений для расширения кругозора и повышения самооценки (Ри).</p>

Прим.: в таблице использованы условные обозначения: ЦиРи — инновационные цель и решение; ЦиРт — инновационная цель и традиционное решение; ЦтРи — традиционная цель и инновационное решение, ЦтРт — традиционные цель и решение; «и-т», «т-и» — смешанные варианты.

Интерпретация «репертуарных решеток» включает анализ количества и разнообразия выявленных конструкторов, их содержания и характеристики, а также связи элементов с конструкторами и между собой (Язневич, 2010: 855).

Фактологический материал, как итог 1 этапа применения методики, показал, что содержание 11 («Образование») и 8 («Здоровье») целей и решений проектов богато на идеи и вариативно, при этом ориентировано на вывод определенных групп из зоны неблагополучия, или создание дополнитель-

¹ «Открывая прошлое» (Тувинская библиотечная ассоциация) [Электронный ресурс] // Фонд президентских грантов. URL: <https://президентскиегранты.рф/public/application/item?id=2C4DECA2-51DF-430D-9282-63A980A85AC5> (дата обращения: 23.05.2022).

² «С компьютером — в мир информации» (Тувинская Республиканская организация Общероссийской общественной организации инвалидов «Всероссийского ордена трудового Красного знамени общества слепых») [Электронный ресурс] // Фонд президентских грантов. URL: <https://президентскиегранты.рф/public/application/item?id=C3C94CA7-2D68-4DD4-8C6E-3C67FC03F361> (дата обращения: 23.05.2022).

ных или особых возможностей для их развития. В результате 2 этапа работы идентифицированы и промаркированы цели и решения проектов по обоим направлениям. Они варьируются от ЦиРи до ЦТРТ¹. Проекты по направлению «Образование» более инновационные по содержанию (6 против 2).

Только одна цель проекта «Кочевники — педагогические отряды на чабанские стоянки» идентифицирована как традиционная, равно как и одно решение (проект «Расширение шахматного клуба “Гамбит”, а также приобретение шахматного инвентаря»). Только одна НКО выиграла 3 проекта (ЦиРи) — Тувинская республиканская общественная организация «Мир тувинцев».

По направлению «Здоровье» социальные предприниматели реализовали 3 проекта с традиционными целями и решениями, но с высокой социальной актуальностью («Школа трезвости», «Спартакиада — это стимул к победам!», «Баба, деда — за спорт в Туве»).

Результаты 3 этапа показали, что социальные предприниматели в большей мере ориентированы на работу с целевой аудиторией, а не с предметами изменений. Целевая аудитория проектов «Образование» достаточно разнообразна и включает как благополучные группы (дети, старшеклассники и подростки, в т. ч. проживающие на чабанских стоянках), так и социально уязвимые группы (ветераны, инвалиды по зрению; студенты ссузов Тувы из малообеспеченных и неблагополучных семей). В качестве предмета проектной деятельности социальными предпринимателями были выбраны редкие и исторические выпуски печатных изданий Тувы (Тувинская библиотечная ассоциация) и Урянхайско-тувинская энциклопедия (Тувинская республиканская общественная организация «Мир тувинцев») («создание» — инновационный вариант цели и решения). Набор достижения целей включает как общие (игра в шахматы, архивирование, приобщение, организация летнего отдыха, специальная программа экранного доступа Jaws for Windows для слепых), так и этнически специфические (народные традиции и язык, народные игры, культура тувинского этноса) инструменты.

Целевая аудитория проектов направления «Здоровье», кроме подростков и жителей Чаа-Хольского района с высоким уровнем заболевания туберкулезом (Региональная общественная организация «Совет молодых врачей Республики Тыва»), охватывает детей и взрослых с ограниченными возможностями. В качестве предмета проектной работы было определено социальное явление алкоголизации населения (Региональная общественная организация «Сыны народа за трезвость»). Используемые инструменты в работе социальных предпринимателей варьируются от пассивных (лекции о пропаганде здорового образа жизни), до активных (иппотерапия, проведение дезинфекции и социальная реклама, юношеский альпинизм и горный туризм, совместные трудовые и спортивные мероприятия взрослых и детей с помощью гаджетов; организация сдачи норм ГТО для пожилых людей, изготовление комплектов народных игр).

Таблица 4. Цели и решения поддержанных проектов Фондом президентских грантов НКО из Республики Тыва в 2017–2022 гг. по направлению «Охрана здоровья граждан, пропаганда ЗОЖ» («Репертуарная решетка») / Table 4. Goals and solutions of the NPOs' projects supported by the Presidential Grant Foundation in the Republic of Tuva in 2017–2022, the activity area "Protection of Citizens' Health, Promotion of a Healthy Lifestyle" ("Repertory grid")

Название проекта	Организация— заявитель	Цель проекта	Проектное решение
1. «Доктор Лошадь» (ЦиРи)	Ассоциация по развитию туризма «Центр Азии»	Создание условий для занятий детей с ограниченными возможностями иппотерапией... В иппотерапии будут применены специально обученные спокойные лошади тувинской породы (Ци).	Ознакомление с историей болезни ребенка. Назначение необходимых комплексов упражнений, знакомство с лошадью, с инструктором; ...круглый стол по итогам занятия иппотерапией. Опыт и результаты (Ри) ² .

¹ «Здоровье» (2_{ЦиРи}, 1_{Ци-ТРТ-т} (смешанный вариант), 2_{ЦТРТ}, 3_{ЦТРТ}), «Образование» (6_{ЦиРи}, 4_(смешанные варианты), 1_{ЦиРТ}).

² «Доктор Лошадь» (Ассоциация по развитию туризма «Центр Азии») [Электронный ресурс] // Фонд президентских грантов. URL: <https://президентскиегранты.пф/public/application/item?id=4481E959-9ACF-40E5-84D4-5CAB92E7EB80> (дата обращения: 18.05.2022).

<p>2. «Школа трезвости» (ЦтРт)</p>	<p>Региональная общественная организация «Сыны народа за трезвость»</p>	<p><i>Снизить и свести к нулю алкоголизацию населения Тувы, а затем и России, воспитав здоровое поколение детей и подростков чуждых к алкоголю со школьной скамьи (Цт).</i></p>	<p><i>Провести цикл лекций о вреде алкоголя в 20 школах республики. Провести в 20 школах республики спортивные соревнования для наглядной пропаганды здорового образа жизни¹ (Рт).</i></p>
<p>3. «Не все, но вместе» профилактика здорового образа жизни среди пожилых людей (Ци-тРи-т)</p>	<p>АНО по социальному обслуживанию населения «Кузел»</p>	<p><i>Укрепление здоровья людей старшего поколения во время пандемии коронавирусной инфекции с приобщением к активным занятиям физической культурой и со специальным курсом по УШУ (Ци-т).</i></p>	<p><i>Подготовить площадки для онлайн-занятий и информировать о проекте. Организовать группы по микрорайонам и определить физические возможности и состояния здоровья пожилых, подобрать подходящий стиль. Следить на онлайн-занятии за каждой группой, для хорошего выступления в спортивных комплексах. Организовать выступление всех площадок в туристическом комплексе «Центр Азии» Анализировать работу проекта обсуждая отдельные проблемы по работе с женщинами попавшиеся в трудную жизненную ситуации² (Ри-т).</i></p>
<p>4.«Спартакиада – это стимул к победам!» (ЦтРт)</p>	<p>Региональное отделение общероссийской общественной организации «Союз пенсионеров России»</p>	<p><i>Пропаганда и популяризация физической культуры и спорта среди пожилых людей, как важного фактора активного долголетия. Привлечение людей старшего возраста к систематическим занятиям физической культурой и спортом, повышение эффективности использования возможностей физической культуры и спорта в укреплении здоровья старшего поколения (Цт).</i></p>	<p><i>Организация и проведение Спартакиады пенсионеров Республики Тыва, подведение результатов (итогов) и определение команды-участника Спартакиады пенсионеров России. Участие команды спортсменов Республики Тыва в Спартакиаде пенсионеров России. Подведение итогов Спартакиады пенсионеров Республики Тыва, подготовка и направление отчетных документов»³ (Рт).</i></p>

¹ «Школа трезвости» (Региональная общественная организация «Сыны народа за трезвость») [Электронный ресурс] // Фонд президентских грантов. URL: <https://президентскиегранты.рф/public/application/item?id=F039443A-9DE0-4E99-87F6-A542106F5E7D> (дата обращения: 18.05.2022).

² «Не все, но вместе» профилактика здорового образа жизни среди пожилых людей (АНО по социальному обслуживанию населения «Кузел») [Электронный ресурс] // Фонд президентских грантов. URL: <https://президентскиегранты.рф/public/application/item?id=BF583E4C-0B7F-42EE-9204-6201860A25AC> (дата обращения: 18.03.2022).

³ «Спартакиада — это стимул к победам!» (Региональное отделение общероссийской общественной организации «Союз пенсионеров России») [Электронный ресурс] // Фонд президентских грантов. URL: <https://президентскиегранты.рф/public/application/item?id=C66AF6C9-0688-4CE9-B84B-D3513F6B531D> (дата обращения: 18.03.2022).

<p>5. «Баба — деда — за спорт в Туве» (ЦтРт)</p>	<p>Региональное отделение общероссийской общественной организации «Союз пенсионеров России»</p>	<p>Организация физкультурно-массовых мероприятий, способствующих популяризации спорта и здорового образа жизни среди людей пенсионного возраста (Цт).</p>	<p>Организация и проведение Спартакиады пенсионеров РТ в мае 2018 года. Организация максимально доступных условий для регулярных спортивных занятий по настольному теннису по месту проживания для лиц пожилого возраста в городе Кызыле¹ (Рт).</p>
<p>6. «Снежная кавалерия» (ЦтРи)</p>	<p>Благотворительный фонд по поддержке гражданских инициатив «Реальная помощь» Кызылского кожууна</p>	<p>Повышение внимания родителей к воспитанию своих детей путем совместных трудовых и спортивных мероприятий (Цт).</p>	<p>Обучение родителей по проведению бесед с детьми. Обучение изготовлению лыж, арканов и лук со стрелами Изготовление учебных ручных гранат. Приобретение пневматических ружей. Изготовление лыж, гранат и лук со стрелами. Проведение спортивных мероприятий «Под контролем учителя технологии в кабинетах труда СОШ на кружках отцы и деды вместе с детьми изготавливают лыжи, арканы, национальные луки и стрелы. Одновременно отцы проводят мужские разговоры о вреде курения, алкоголизма, наркомании...»² (Ри).</p>
<p>7. «Твой первый ледоруб ВЦСПС!» (ЦиРи)</p>	<p>Некоммерческий фонд содействия в строительстве и содержанию буддийского храма в с. Хову-Аксы Чеди-Хольского кожууна</p>	<p>В масштабах села Хову-Аксы создать условия для развития юношеского альпинизма и горного туризма (Ци).</p>	<p>При реализации проекта будет использован ряд инновационных практик и методов: развитие юношеского альпинизма... категорийные восхождения по хребту «Танды-Уула»³ (Ри).</p>

¹ «Баба — деда — за спорт в Туве» (Региональное отделение общероссийской общественной организации «Союз пенсионеров России»). [Электронный ресурс] // Фонд президентских грантов. URL: <https://президентскиегранты.рф/public/application/item?id=ea328012-d2cb-4d71-8d05-93445d5b03f8> (дата обращения: 18.03.2022).

² «Снежная кавалерия» (Благотворительный фонд по поддержке гражданских инициатив «Реальная помощь» Кызылского кожууна) [Электронный ресурс] // Фонд президентских грантов. URL: <https://президентскиегранты.рф/public/application/item?id=4702F4A4-CBA8-4F51-91B3-EFEFE5F06205> (дата обращения: 18.03.2022).

³ «Твой первый ледоруб ВЦСПС!» (Некоммерческий фонд содействия в строительстве и содержанию буддийского храма в с. Хову-Аксы Чеди-Хольского кожууна) [Электронный ресурс] // Фонд президентских грантов. URL: <https://президентскиегранты.рф/public/application/item?id=9A4E59E2-D57B-4C97-A7D7-005ACF2458A7> (дата обращения: 18.03.2022).

<p>8. «Дышим свободно» (ЦтРи)</p>	<p>Региональная общественная организация «Совет молодых врачей Республики Тыва»</p>	<p>Снижение показателя заболеваемости туберкулезом населения Чаа-Хольского района РТ с нынешних 163,0 на 100 тыс. ч. до значения СФО — 79,0 на 100 тыс. ч.» (Цт).</p>	<p>Проведение заключительной дезинфекции во всех очагах туберкулеза Чаа-Хольского района Республики Тыва нашими силами Снять социальные ролики «О профилактике туберкулеза» Транслировать данные ролики на антивандальных телевизорах, установленных в общественных автобусах. Также в соцсетях и региональных СМИ¹ (Ри).</p>
-----------------------------------	---	---	--

Прим.: в таблице использованы условные обозначения: ЦиРи — инновационные цель и решение; ЦиРт — инновационная цель и традиционное решение; ЦтРи — традиционная цель и инновационное решение, ЦтРт — традиционные цель и решение; «и-т», «т-и» — смешанные варианты.

Анализ «репертуарных решеток» был дополнен обзором содержания поддержанных проектов и по другим направлениям. Однако для полной и объективной картины требуется проведение дополнительных исследований сильных и слабых сторон социальных предпринимателей, возможностей и угроз развития социального предпринимательства и человеческого развития в Туве. Проектную деятельность социальных предпринимателей можно вывести на новое качество с помощью разработки стандартов открытости и отчетности.

Обсуждение

Если подвергнуть генеральную совокупность проектов-победителей из Тувы проверке по чек-листу системной социальной инженерии (Лавренюк, Тихонова, 2020), то можно заключить следующее:

1) все поддержанные проекты имеют социальное значение, содействуют сохранению ценностей, либо создают дополнительные блага;

2) социальное предпринимательство в Туве находится на стадии формирования, в т. ч. не создан институт развития Центр инноваций социальной сферы, как во многих регионах России². Его задача — продвигать социальное предпринимательство, тиражировать положительный опыт социальных проектов, строить диалог власти, бизнеса и некоммерческих организаций на территории региона;

3) ответить на вопрос о том, верно ли строится ценное целое человеческое развитие социальными предпринимателями в Туве однозначно ответить сложно. Среди выигранных проектов НКО четыре проекта не были реализованы. В их числе актуальный проект по формированию проектного мышления «Социальное проектирование» для подростков, которые состоят на учете в КДН.

Полученные по итогам апробации модифицированной автором методики на открытых данных ФПГ результаты не безупречны, но они позволили сделать ряд выводов и обобщений.

Во-первых, активность и результативность НКО в Туве пока не высокая, как и жителей Тувы в создании НКО.

¹ «Дышим свободно» (Региональная общественная организация «Совет молодых врачей Республики Тыва») [Электронный ресурс] // Фонд президентских грантов. URL: <https://президентскиегранты.рф/public/application/item?id=80653C27-AD43-4FA7-92A3-CB5CEC61E17E> (дата обращения: 18.03.2022).

² ЦИСС действует в соответствии с требованиями, установленными приказом Минэкономразвития России от 14.03.2019 № 125 «Об утверждении Требований к реализации мероприятий, осуществляемых субъектами Российской Федерации, бюджетам которых предоставляются субсидии на государственную поддержку малого и среднего предпринимательства в субъектах Российской Федерации в целях достижения целей, показателей и результатов региональных проектов, обеспечивающих достижение целей, показателей и результатов федеральных проектов, входящих в состав национального проекта “Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы”, и требований к организациям, образующим инфраструктуру поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства» [Электронный ресурс] // Гарант.ру. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72164634/> (дата обращения: 10.05.2022).

Во-вторых, содержание более половины проектов нацелено на достижение нормы, а не на поиск оптимума и идеала, однако постановка цели каждого проекта играет свою роль в организации тувинского сообщества и развитии его потенциала через вовлечение и работу с целевыми аудиториями. Социальные предприниматели в Туве умеют работать как с детьми и подростками, так и с пожилыми и слепыми гражданами, как с благополучными, так и с неблагополучными, как в столице Кызыле, так и за его пределами (Чаа-Хольский район, село Хову-Аксы). Чем больше жителей региона участвует в проектах, тем более сплоченным становится региональный социум, тем больше шансов на осознание потребности конструировать и открывать свои НКО. Чем больше участников социально-предпринимательской деятельности, тем больше возможностей для привлечения инвестиций и грантовых средств на человеческое развитие.

Сейчас привлечение средств на социальное и человеческое развитие имеет позитивную динамику, но возможности софинансирования НКО региона скромные (14 448 708,5 рублей за 2017–2021 гг. по всем грантовым направлениям (см. таблицу 2)). Это серьезный сдерживающий фактор, т. к. выделение средств на софинансирование правительствами регионов-субъектов РФ существенно увеличивает шансы проектов на победу.

В-третьих, все проекты имеют большое социальное (и не только) значение. Социальные предприниматели региона вскрывают болевые вопросы и предлагают, как традиционные, так и инновационные решения. Успешный опыт можно транслировать на другие регионы. В-четвертых, пока одна Тувинская республиканская общественная организация «Мир тувинцев» трижды выиграла гранты (есть кому делиться опытом с заинтересованными). В-пятых, социальными предпринимателями созданы уникальные продукты: Урянхайско-тувинская энциклопедия (ТРОО «Мир тувинцев») и электронный архив редких и исторических выпусков печатных изданий Республики Тыва (Тувинская библиотечная ассоциация), которые уже стали важными ресурсами не только для жителей Тувы, но и для всех россиян.

В современной ситуации усиление роли социального предпринимательства в человеческом развитии Тувы во многом зависит от привлечения грантовых средств в республику. Их доступность под вопросом. Дискуссионной является «монопольная» ситуация с грантооператором ФПГ для НКО. Одни авторы считают, что «работа ФПГ представляется примером обеспечения равенства, состязательности, открытости и однозначности решений по условиям и объемам предоставления бюджетных средств некоммерческим организациям, не только убедительно выполнившим условия подачи своих конкурсных заявок, но подлинно способным менять и меняющим региональную социальную повестку» (Орлов, 2020: 40). Другие (В. Д. Бедерсон, С. А. Семенов), что президентские гранты распределяются не только на основании критерия профессионализма, но и по политическим мотивам: «Чтобы получить больший, чем другие НКО, президентский грант, в современной России необходимо быть опытной (существующей не менее 6 лет) НКО или вступить в ОНФ, или участвовать в выборах любого уровня от парламентской оппозиции» (Бедерсон, Семенов, 2020: 112).

Заключение

Сформулированные выводы имеют теоретическое и прикладное значение для дальнейшего более глубокого изучения роли социального предпринимательства в человеческом развитии как Республики Тыва, так и других регионов России. Методика позволяет глубже узнать через проекты социальных предпринимателей как социальных инженеров человеческого развития своего родного региона, а открытые данные — изучить проектный капитал социального предпринимательства.

Технология работы с репертуарными решетками на открытых данных ФПГ будет совершенствоваться и применена к заявкам, победившим по другим направлениям, а также к неподдержанным заявкам для выяснения причин, по которым они не получили финансирование. Это позволит сделать более точные выводы и сформулировать конкретные рекомендации.

В целом, НКО Тувы через проектную деятельность вносят определенный вклад в человеческое развитие. Они адресно работают с разными социальными группами, включая социально-уязвимые категории граждан, используют в своей практике традиционные для тувинцев и современные инструменты и технологии.

Большинство НКО-победителей по-прежнему содействуют человеческому развитию, делают его уникальным и человеческим. Однако они также находятся в «ловушке» социальных проблем и неблагоприятия тувинского сообщества, т. к. помогая, используют свой потенциал и ресурсы для нормализации ситуации. В случае, если бы ситуация уже была нормализована, можно было использовать ресурсы для поиска инновационных социальных решений, для создания более значимых ценностей. Помочь и вовлечь мотивированных и увлеченных намного легче, чем тем, кто «сроднился» со своими слабостями. Социальное неблагоприятие остается актуальным для Тувы. Это сдерживает развитие самих социальных предпринимателей, как агентов идей гармоничного и сбалансированного человеческого развития, не позволяет им реализовать инновационные цели и решения за пределами Тувы.

Сейчас Тува — вернакулярный¹ регион для тувинских социальных предпринимателей, их самобытный взгляд и опыт могут быть полезны жителям других регионов-субъектов РФ. Для этого важно масштабировать наиболее успешные социальные проекты и не только по направлениям «Здоровье» и «Образование».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абульханова, К. А. (2002) Социальное мышление личности // Современная психология: состояние и перспективы исследований : юбилейная научная конференция, посвященная 30летию Института психологии РАН и 75-летию со дня рождения Б. Ф. Ломова. Москва, 28–29 января 2002 года / отв. ред.: К. А. Абульханова, М. И. Воловиков, А. Л. Журавлев. М. : Институт психологии РАН. 288 с. С. 88–103.

Абушенко, В. Л. (2010) Типологизация // Новейший социологический словарь / сост. А. А. Грицанов и др. Мн. : Книжный дом. 1312 с. С. 1125.

Бедерсон, В. Д., Семенов, А. В. (2020) Политические основания государственной поддержки некоммерческого сектора: анализ распределения президентских грантов в России // Мир России. Т. 29. № 3. С. 96–120. DOI: <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2020-29-3-96-120>

Бурдые, П. (1998) Структура, габитус, практика // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 1. № 2. С. 44–59.

Ветрова, Е. А., Бородина, М. И. (2016) Социальное предпринимательство как фактор развития общества // Социально-экономические явления и процессы. № 12. С. 18–22.

Гидденс, Э. (2002) Новые правила социологического метода // Теоретическая социология : антология : в 2 ч. / пер. с англ., фр., нем., ит. ; сост. и общ. ред. С. П. Баньковской. М. : Книжный дом «Университет». Ч. 2. 424 с. С. 281–318.

Донцов, А. И., Емельянова, Т. П. (1984) Концепция социальных представлений в современной французской психологии // Вопросы психологии. № 1. С. 147–152.

Жохова, В. П. (2015) Социальное предпринимательство: типология видов // Известия Дальневосточного федерального университета. Экономика и управление. № 4. С. 89–105.

Инглхарт, Р., Вельцель, К. (2011) Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М. : Новое издательство. 464 с.

Келли, Дж. А. (2000) Теория личности. Психология личных конструктов / пер. А. А. Алексеева. СПб. : Речь. 249 с.

Князева, Е. Н. (2010) Конструирование будущего // Экономические стратегии. № 4. С. 88–97.

Кобыльников, В. П. (2019) Актуальные проблемы финансовой поддержки некоммерческого сектора региона (на примере предоставления «президентских грантов») // Проблемы развития территории. № 1 (99). С. 107–120. DOI: <https://doi.org/10.15838/ptd.2019.1.99.7>

Лавренюк-Исаева, Н. М. (2021) Новые риски социальных предпринимателей в условиях пандемии COVID-19 // Социальная политика и социология. Т. 20. № 1. С. 116–124. DOI: <https://doi.org/10.17922/2071-3665-2021-20-1-116-124>

Лавренюк, Н. М., Тихонова, А. С. (2020) Экспертиза паспорта национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» по чек-листу социальной системной инженерии // Сибирский социум. Т. 4. № 2 (12). С. 8–20. DOI: <https://doi.org/10.21684/2587-8484-2020-4-2-8-20>

¹ Вернакуляр, вернакулярный (от англ. *vernacular*) — местный, народный; родной; свойственный данной местности.

- Луков, В. А. (2016) Социальное проектирование. М. : Флинта. 240 с.
- Московичи, С. (1992) От коллективных представлений к социальным (к истории одного понятия) // Вопросы социологии. Т. 1. № 2. С. 83–95.
- Московичи, С. (1995) Социальные представления: исторический взгляд // Психологический журнал. Т. 16. № 2. С. 3–14.
- Московская, А. А., Берендяев, А. А., Москвина, А. Ю. (2017) Между социальным и экономическим благом: конфликт проектов легитимации социального предпринимательства в России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 6 (142). С. 31–51.
- Никулина, И. Ю. (2018) Роль социального предпринимательства в социально-экономическом развитии территории // Вестник экспертного совета. № 4 (15). С. 36–43.
- Орлов, П. А. (2020) Южноуральские НКО в конкурсах фонда президентских грантов // XXII Уральские социологические чтения. Национальные проекты и социально-экономическое развитие Уральского региона: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Екатеринбург, 17–18 марта 2020 г.) / под общ. ред. Ю. Р. Вишневого, М. В. Певной. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та. 512 с. С. 39–43.
- Парсонс, Т. (1998) Система современных обществ / пер. с англ. Л. А. Седова, А. Д. Ковалева; научн. ред. пер. М. С. Ковалева. М. : Аспект-Пресс. 269 с.
- Прогнозное социальное проектирование: теоретико-методологические и методические проблемы (1994) / отв. ред. Т. М. Дридзе. 2-е изд., испр. и доп. М. : Наука. 375 с.
- Резник, Ю. М. (1994) Социальная инженерия: предметная область и границы применения // Социологические исследования. № 2. С. 87–96.
- Ритцер, Дж. (2002) Современные социологические теории / пер. с англ. яз. А. Бойкова, А. Лисицыной. 5-е изд. СПб. : Питер. 688 с.
- Сантос, Ф. (2012) Позитивная теория социального предпринимательства // Журнал деловой этики. Т. 111. С. 335–351.
- Саттаров, Т., Хайруллина, Ю., Гарипова, Р. (2021) Роль социального предпринимательства в системе оказания услуг населению // Электронный экономический вестник. № 1 (январь-март). С. 42–48.
- Сорокин, П. (2006) Социальная и культурная динамика / пер. с англ. В. В. Сапова. М. : Астрель. 1176 с.
- Хакен, Г. (2006) Самоорганизующееся общество // Будущее России в зеркале синергетики / Г. Г. Малинецкий и др.; под ред. Г. Г. Малинецкого. М. : URSS. 269 с. С. 194–209.
- Хачатурян, К. С. (2012) Социальные инвестиции и их роль в интеллектуализации человеческого капитала // Вестник Московского университета имени С. Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление. № 1. С. 111–116.
- Человеческий потенциал как критический ресурс России (2007) / отв. ред. Б. Г. Юдин. М. : ИФРАН. 175 с.
- Язневич, М. В. (2010) Репертуарные решетки // Новейший социологический словарь / сост. А. А. Грицанов и др. Мн. : Книжный дом. 1312 с. С. 851–855.
- Abric, J.-C., (2003) L'analyse structurale des représentations sociales // Les methods des sciences humaines / Sous la dir. S. Moscovici, F. Buschini. Paris : Presses Universitaires de France. 472 p. P. 375–392.
- Alexander, J. C. (1982) Theoretical logic in sociology : in 4 vols. Berkeley : University of California Press. Vol. 1: Positivism, presuppositions, and current controversies. xvi, 234 p.
- Becker, H. (1968) Through values to social interpretation. New York : Greenwood Press. xviii, 341 p.
- Doise, W. (2001) Human rights studied as normative social representations // Representations of the social: Bridging theoretical traditions / ed. by K. Deaux, G. Philogène. Oxford : Blackwell Publishers. xii, 362 p. P. 96–112.
- Gurvitch, G. (1964) The spectrum of social time. Dordrecht, Neth. : D. Reidel. xxvi, 152 p.
- Habermas, J. (1984) The theory of communicative action : in 2 vols. Boston : Beacon Press. Vol. 1: Reason and the rationalization of society. xlii; 465 p.
- Habermas, J. (1985) The theory of communicative action : in 2 vols. Boston : Beacon Press. Vol. 2: Lifeworld and system: A critique of functionalist reason. 464 p.
- Haugh, H. (2007) New strategies for a sustainable society: The growing contribution of social entrepreneurship // Business Ethics Quarterly. Vol. 17. Issue 4. Pp. 743–749.
- Jodelet, D. (1991) Représentation sociale // Grand dictionnaire de la psychologie / ed. by H. Bloch. Paris : Larousse. 1062 p. P. 668–672.

- Sen, A. K. (1985) *Commodities and capabilities*. Oxford : Oxford University Press. 130 p.
- Streeten, P. (1994) Human development: Means and ends // *American Economic Review*, American Economic Association. Vol. 84. No. 2. Pp. 232–237.
- Weber, M. (1988) Über einige Kategorien der verstehenden Soziologie // Weber M. *Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre*. 7. Aufl. Tübingen : Mohr (Siebeck). 579 S. S. 427–474.

Дата поступления: 26.06.2022 г.

REFERENCES

- Abulkhanova, K. A. (2002) Sotsial'noe myshlenie lichnosti [Social thinking of the individual]. In: *Sovremennaiia psikhologiya: sostoianie i perspektivy issledovaniia* [Modern psychology: State and prospects of research] : The research conference dedicated to the 30th anniversary of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences and the 75th anniversary of the birth of B. F. Lomov. Moscow, January 28–29, 2002 / ed. by K. A. Abulkhanova, M. I. Volovikov and A. L. Zhuravlev. Moscow, Institute of Psychology RAS. 288 p. Pp. 88–103. (In Russ.).
- Abushenko, V. L. (2010) Tipologizatsiia [Typologization]. In: *Noveishii sotsiologicheskii slovar'* [The latest sociological dictionary] / comp. by A. A. Gritsanov et al. Minsk, Knizhnyi dom. 1312 p. Pp. 1125. (In Russ.).
- Bederson, V. D. and Semenov, A. V. (2020) Politicheskie osnovaniia gosudarstvennoi podderzhki nekommercheskogo sektora: analiz raspredeleniia prezidentskikh grantov v Rossii [The political foundations of state support for the nonprofit Sector: An analysis of the distribution of “presidential grants” in Russia]. *Mir Rossii*, vol. 29, no. 3, pp. 96–120. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2020-29-3-96-120>
- Bourdieu, P. (1998) Struktura, gabitus, praktika [Structure, habitus, practice]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*, vol. 1, no. 2, pp. 44–59. (In Russ.).
- Vetrova, E. A. and Borodina, M. I. (2016) Sotsial'noe predprinimatel'stvo kak faktor razvitiia obshchestva [Social entrepreneurship as a factor in the development of society]. *Sotsial'no-ekonomicheskie iavleniia i protsessy*, no. 12, pp. 18–22. (In Russ.).
- Giddens, A. (2002) Novye pravila sotsiologicheskogo metoda [New rules of the sociological method]. In: *Teoreticheskaia sotsiologiya* [Theoretical sociology] : An anthology : in 2 parts / transl., comp. and ed. by S. P. Bankovskaya. Moscow, Knizhnyi dom “Universitet”. Part 2. 424 p. Pp. 281–318. (In Russ.).
- Dontsov, A. I. and Emelyanova, T. P. (1984) Kontseptsiiia sotsial'nykh predstavlenii v sovremennoi frantsuzskoi psikhologii [The concept of social representations in modern French psychology]. *Voprosy psikhologii*, no. 1, pp. 147–152. (In Russ.).
- Zhokhova, V. P. (2015) Sotsial'noe predprinimatel'stvo: tipologiya vidov [Social entrepreneurship: Typology of types]. *Izvestiia Dal'nevostochnogo federal'nogo universiteta. Ekonomika i upravlenie*, no. 4, pp. 89–105. (In Russ.).
- Inglehart, R. and Welzel, C. (2011) *Modernizatsiia, kul'turnye izmeneniia i demokratiia: Posledovatel'nost' chelovecheskogo razvitiia* [Modernization, cultural change, and democracy: The human development sequence]. Moscow, Novoe izdatel'stvo. 464 p. (In Russ.).
- Kelly, G. A. (2000) *Teoriia lichnosti. Psikhologiya lichnykh konstruktov* [A theory of personality: The psychology of personal constructs] / transl. by A. A. Alekseev. St. Petersburg, Rech'. 249 p. (In Russ.).
- Kniazeva, E. N. (2010) Konstruirovaniie budushchego [Designing the future]. *Ekonomicheskie strategii*, no. 4, pp. 88–97. (In Russ.).
- Kobyl'nikov, V. P. (2019) Aktual'nye problemy finansovoi podderzhki nekommercheskogo sektora regiona (na primere predostavleniia «prezidentskikh grantov») [Topical issues of financial support of the non-profit sector in the region (on the example of “presidential grants”)]. *Problems of Territory's Development*, no. 1 (99), pp. 107–120. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.15838/ptd.2019.1.99.7>
- Lavrenyuk-Isaeva, N. M. (2021) Novye riski sotsial'nykh predprinimatelei v usloviakh pandemii SOVID-19 [New risks of social entrepreneurs in the context of the COVID-19 pandemic]. *Sotsial'naiia politika i sotsiologiya*, vol. 20, no. 1, pp. 116–124. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17922/2071-3665-2021-20-1-116-124>
- Lavrenyuk, N. M. and Tikhonova, A. S. (2020) Ekspertiza pasporta natsional'noi programmy «Tsifrovaia ekonomika Rossiiskoi Federatsii» po chek-listu sotsial'noi sistemnoi inzhenerii [Examination of the passport of the national program “Digital economy of the Russian Federation” on the checklist of social system engineering]. *Siberian Socium*, vol. 4, no. 2 (12), pp. 8–20. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.21684/2587-8484-2020-4-2-8-20>

- Lukov, V. A. (2016) *Sotsial'noe proektirovanie [Social design]*. Moscow, Flinta. 240 p. (In Russ.).
- Moscovici, S. (1992) Ot kollektivnykh predstavlenii k sotsial'nym (k istorii odnogo poniatiia) [From collective ideas to social ones (to the history of one concept)]. *Voprosy sotsiologii*, vol. 1, no. 2, pp. 83–95. (In Russ.).
- Moscovici, S. (1995) Sotsial'nye predstavleniia: istoricheskii vzgliad [Social representations: A historical view]. *Psikhologicheskii zhurnal*, vol. 16, no. 2, pp. 3–14. (In Russ.).
- Moskovskaia, A. A., Berendiaev, A. A. and Moskvina, A. Yu. (2017) Mezhdru sotsial'nym i ekonomicheskim blagom: konflikt proektov legitimatsii sotsial'nogo predprinimatel'stva v Rossii [Between social and economic benefits: The conflict of projects for social entrepreneurship legitimation in Russia]. *Monitoring obshchestvennogo mneniia: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, no. 6 (142), pp. 31–51. (In Russ.).
- Nikulina, I. Yu. (2018) Rol' sotsial'nogo predprinimatel'stva v sotsial'no-ekonomicheskom razvitii territorii [The role of social entrepreneurship in socio-economic development of the territory]. *Vestnik ekspertnogo soveta*, no. 4 (15), pp. 36–43. (In Russ.).
- Orlov, P. A. (2020) Iuzhnoural'skie NKO v konkursakh fonda prezidentskikh grantov [South Ural NPOs in competitions of the Presidential Grant Foundation]. In: *XXII Ural'skie sotsiologicheskie chteniia. Natsional'nye proekty i sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie Ural'skogo regiona [22nd Ural Sociological Readings. National projects and socioeconomic development of the Ural region]*: Proceedings of the All-Russian research-to-practice conference (Yekaterinburg, March 17–18, 2020) / ed. by Yu. R. Vishnevskii and M. V. Pevnaya. Ekaterinburg, Publishing House of the Ural University. 512 p. Pp. 39–43. (In Russ.).
- Parsons, T. (1998) *Sistema sovremennykh obshchestv [The system of modern societies]* / transl. from Engl. by L. A. Sedov and A. D. Kovalev; ed. by M. S. Kovaleva. Moscow, Aspekt-Press. 269 p. (In Russ.).
- Prognoznoe sotsial'noe proektirovanie: teoretiko-metodologicheskie i metodicheskie problemy [Predictive social design: Theoretical, methodological and systematic problems]* (1994) / ed. by T. M. Dridze. 2nd ed. Moscow, Nauka. 375 p. (In Russ.).
- Reznik, Yu. M. (1994) Sotsial'naia inzheneriia: predmetnaia oblast' i granitsy primeneniia [Social engineering: Subject area and application boundaries]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 2, pp. 87–96. (In Russ.).
- Ritzer, G. (2002) *Sovremennye sotsiologicheskie teorii [Modern sociological theory]* / transl. from Engl. by A. Boikov and A. Lisitsyna. 5th ed. St. Petersburg, Piter. 688 p. (In Russ.).
- Santos, F. (2012) Pozitivnaia teoriia sotsial'nogo predprinimatel'stva [A positive theory of social entrepreneurship]. *Zhurnal delovoi etiki*, vol. 111, pp. 335–351. (In Russ.).
- Sattarov, T., Khairullina, Hu., and Garipova, R. (2021) Rol' sotsial'nogo predprinimatel'stva v sisteme okazaniia uslug naseleniiu [The role of social entrepreneurship in the system of rendering services to the population]. *Elektronnyi ekonomicheskii vestnik*, no. 1, pp. 42–48. (In Russ.).
- Sorokin, P. (2006) *Sotsial'naia i kul'turnaia dinamika [Social and cultural dynamics]* / transl. from Engl. by V. V. Sapov. Moscow, Astrel'. 1176 p. (In Russ.).
- Haken, H. (2006) Samoorganizuiushcheesia obshchestvo [Self-organizing society]. In: *Budushchee Rossii v zerkale sinergetiki [The future of Russia in the mirror of synergetics]* / G. G. Malinetskii et al., ed. by G. G. Malinetskii. Moscow, URSS. 269 p. Pp. 194–209. (In Russ.).
- Khachaturian, K. S. (2012) Sotsial'nye investitsii i ikh rol' v intellektualizatsii chelovecheskogo kapitala [Social investments and their role in the intellectualization of human capital]. *Vestnik Moskovskogo universiteta imeni S. Iu. Vitte. Seriia 1: Ekonomika i upravlenie*, no. 1, pp. 111–116. (In Russ.).
- Chelovecheskii potentsial kak kriticheskii resurs Rossii [Human potential as a critical resource of Russia]* (2007) / ed. by B. G. Yudin. Moscow, Institute of Philosophy of the RAS. 175 p. (In Russ.).
- Yaznevich, M. V. (2010) Repertuarnye reshetki [Repertory grids]. In: *Noveishii sotsiologicheskii slovar' [The latest sociological dictionary]* / comp. by A. A. Gritsanov et al. Minsk, Knizhnyi dom. 1312 p. Pp. 851–855. (In Russ.).
- Abric, J.-C., (2003) L'analyse structurale des représentations sociales. In: *Les methods des sciences humaines / sous la dir. S. Moscovici, F. Buschini*. Paris, Presses Universitaires de France. 472 p. Pp. 375–392.
- Alexander, J. C. (1982) *Theoretical logic in sociology*: in 4 vols. Berkeley, University of California Press. Vol. 1: Positivism, presuppositions, and current controversies. xvi, 234 p.
- Becker, H. (1968) *Through values to social interpretation*. New York, Greenwood Press. xviii, 341 p.
- Doise, W. (2001) Human rights studied as normative social representations. In: *Representations of the social: Bridging theoretical traditions* / ed. by K. Deaux and G. Philogène. Oxford, Blackwell Publishers. xii, 362 p. Pp. 96–112.

- Gurvitch, G. (1964) *The spectrum of social time*. Dordrecht, Neth., D. Reidel. xxvi, 152 p.
- Habermas, J. (1984) *The theory of communicative action* : in 2 vols. Boston, Beacon Press. Vol. 1: *Reason and the rationalization of society*. xlii; 465 p.
- Habermas, J. (1985) *The theory of communicative action*: in 2 vols. Boston, Beacon Press. Vol. 2: *Lifeworld and system: A critique of functionalist reason*. 464 p.
- Haugh, H. (2007) New strategies for a sustainable society: The growing contribution of social entrepreneurship. *Business Ethics Quarterly*, vol. 17, issue 4, pp. 743–749.
- Jodelet, D. (1991) Représentation sociale. In: *Grand dictionnaire de la psychologie* / ed. by H. Bloch. Paris, Larousse. 1062 p. Pp. 668–672.
- Sen, A. K. (1985) *Commodities and capabilities*. Oxford, Oxford University Press. 130 p.
- Streeten, P. (1994) Human development: Means and ends. *American Economic Review, American Economic Association*, vol. 84(2), pp. 232–237.
- Weber, M. (1988) Über einige Kategorien der verstehenden Soziologie. In: Weber M. *Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre*. 7. Aufl. Tübingen, Mohr (Siebeck). 579 p. Pp. 427–474.

Submission date: 26.06.2022.

Народные приметы тувинцев: типология и особенности

Урана А. Даржа, Надежда Д. Сувандии, Мария А. Кужугет

Тувинский государственный университет, Российская Федерация

В статье рассматривается такой малый жанр тувинского фольклора как приметы (демдек), выявляется их лингвокультурологическая роль для раскрытия универсального и этнического компонентов в языковой картине мира тувинцев. Источником исследования послужили материалы, записанные авторами от тувинцев пожилого возраста и переведенными ими на русский язык, а также из публикации М. Б. Кенин-Лопсана, вышедшей на русском языке (соответственно авторы осуществили обратный перевод приведенных примет на тувинский язык).

Опираясь на разработанные в российской фольклористике классификации, авторы подразделили народные приметы тувинцев на следующие типы: прогнозные, повседневности, сновидений, эстетические, гигиенические приметы, а также единичные примеры примет, связанные с небесными светилами. Представлен каждый из данных типов примет, приведены примеры с переводами. Также присутствует подразделение на три основные группы: прогнозные, повседневности, сновидения. Наиболее распространенной группой является прогнозная. Приметы построены по формуле «прогноз — предсказание» и касаются определенных, однозначных фактов.

Ключевые слова: тувинский язык; тувинцы; тувинский фольклор; примета; паремия

Подготовлено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта «Тезаурус этнической культуры в XXI веке: проблемы исследования и сохранения (на примере тувинской культуры)» (грант № 21-18-00246).

Для цитирования:

Даржа У. А., Сувандии Н. Д., Кужугет М. А. Народные приметы тувинцев: типология и особенности // Новые исследования Тувы. 2022. № 4. С. 213-224. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.4.16>

Даржа Урана Анай-ооловна — кандидат филологических наук, доцент, директор Института довузовского образования, доцент кафедры русского языка и литературы филологического факультета Тувинского государственного университета. Адрес: 667010, Россия, г. Кызыл, ул. Монгуша Сата, д. 9В., д. 9. Тел.: +7 (923) 262-66-96. Эл. адрес: urana-63@mail.ru

Сувандии Надежда Дарьевна — кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник лаборатории этнологии и лингвокультурологии, декан филологического факультета Тувинского государственного университета. Адрес: 667010, Россия, г. Кызыл, ул. Монгуша Сата, д. 9В. Тел.: +7 (923) 268-93-69. Эл. адрес: suvandiin@mail.ru

Кужугет Мария Амын-ооловна — старший преподаватель кафедры тувинской филологии и общего языкознания, заведующая литературным музеем Тувинского государственного университета. Адрес: 667010, Россия, г. Кызыл, ул. ул. Монгуша Сата, д. 9В. Тел.: +7 (923) 383-03-55. Эл. адрес: kuzhuget.m55@mail.ru

ENCYCLOPEDIA OF TUVAN CULTURE

Article

Popular superstitious beliefs of the Tuvans: Typology and features

Urana A. Darzha, Nadezhda D. Suvandii, Maria A. Kuzhuget

Tuvan State University, Russian Federation

The article examines such a small genre of Tuvan folklore as superstitious beliefs (*demdek*) and provides insight into their linguistic and culturological role for revealing universal and ethnic components in the language worldview of the Tuvans. We used information recorded from elderly Tuvans and translated it into Russian as the source data for the research. We also turned to the publication by M. B. Kenin-Lopsan. It was published in Russian, so we made a reverse translation of the given folk beliefs into the Tuvan language.

Relying on classifications developed in Russian folklore studies, the authors have divided the folk superstitious beliefs of the Tuvans into the following types: predictive, day-to-day, relating to dreams, aesthetic, hygienic superstitions, as well as examples of omens associated with celestial bodies. Each of these types of folk beliefs is presented in the examples (with translations). There is also a division into three main groups: predictive, day-to-day, and those related to dreams. The most common group is predictive superstitions. Popular beliefs are constructed according to the formula “forecast — prediction” and relate to certain unambiguous facts.

Keywords: Tuvan language; Tuvans; Tuvan folklore; superstitious beliefs; paroemia

Financing

The article was prepared with financial support from the Russian Science Foundation within the framework of the research project “Thesaurus of Ethnic Culture in the 21st Century: Problems of Study and Preservation (The Case of Tuvan Culture)” (grant No. 21-18-00246).

For citation:

Darzha U. A., Suvandii N. D. and Kuzhuget M. A. Narodnye primety tuvintsev: tipologii i osobennosti [Popular superstitious beliefs of the Tuvans: Typology and features]. *New Research of Tuva*, 2022, no. 4, pp. 213-224 (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.16>

SUVANDII, Nadezhda Daryevna, Candidate of Philology, Associate Professor, Senior Researcher, Laboratory of Ethnology and Linguoculturology; Dean, Philological Faculty, Tuvan State University. Postal address: 9B Mongush Sat St., 667010 Kyzyl, Russian Federation. Tel.: +7 (923) 268-93-69. E-mail: suvandiin@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-1106-2384

ORCID ID: 0000-0002-3817-2436

KUZHUGET, Maria Aryn-oolovna, Senior Researcher, Department of Tuvan Philology and General Linguistics; Head, Literature Museum, Tuvan State University. Postal address: 9B Mongush Sat St., 667010 Kyzyl, Russian Federation. Tel.: +7 (923) 383-03-55. E-mail: kuzhuget.m55@mail.ru

ORCID ID: 0000-0003-4130-8426

Введение

Народные приметы считаются проверенными временем предсказаниями, «основанными на презумпции скрытой связи между явлениями природы, свойствами предметов и событиями человеческой жизни, выраженные в краткой метафорической форме» (Харченко, Тонкова, 2008: 5). Человеческая сверхнаблюдательность за жизненными явлениями, эвристическое мышление, впоследствии становятся неотъемлемым звеном этнической культуры, составной частью менталитета народа, обогащает язык, становясь частью паремиологического фонда языка. Лингвокультурологический анализ, позволяющий рассмотреть паремии с точки зрения взаимовлияния языка и культуры, дает возможность выявления интерпретации приметы в пространстве культурного знания и «установить культурно-маркированные константы этнической ментальности» (Ковшова 2019: 18), а также могут не иметь прямых аналогов в другом языке. Культура понимается как образ жизни народа, его духовно-материальная реальность. Н. Ф. Алефиренко отмечает уникальные свойства языка лингвокультуры и его способность «передавать весь спектр магической силы», затрагивать «аффективную сферу человеческого естества», его обращенность к «неосознаваемым глубинам человеческой души» (Алефиренко, 2010: 189).

Не исследованность тувинских народных примет и в то же время необходимость их изучения, которая стимулируется не только филологической, но и общекультурной значимостью, делают данную проблему весьма актуальной. В настоящее время, несмотря на процессы глобализации наций и языков, у тувинцев происходят процессы переоценки и возрождения духовной культуры, повышение интереса к малым жанрам традиционного фольклора. И здесь особенно важно, чтобы мы могли увидеть и различить истинно тувинскую примету от заимствованной с другого языка.

Цель данного исследования — выявление лингвокультурологической роли примет для раскрытия универсального и этнического компонентов в языковой картине мира тувинцев. Для достижения поставленной цели решались следующие задачи: проанализировать основные тенденции научных исследований примет у тувинцев; провести лексико-семантическую классификацию примет; систематизировать лингвокультурологический потенциал примет тувинского народа.

В рамках данной статьи выполнен анализ тувинских народных примет, при выборе которых предпочтение отдавалось их афористичной форме. Анализируемые приметы в большинстве своём переведены на русский язык впервые авторами данной статьи. Перевод стремились максимально приблизить к оригиналу, чтобы по возможности точно передать их историко-этнографическое содержание и избежать ряда проблем культурного трансфера (см.: Кужугет, Сувандии, Ламажаа, 2021).

Структура тувинских примет состоит из сложных предложений, в основном сложноподчиненных, где главная часть выполняет функцию предсказания, а придаточная — прогностическую. Реже встречаются сложносочиненные предложения, в которых содержатся и функции предсказания, и прогноза. Также нужно отметить, что примета может выполнять одновременно несколько функций, и предсказания, и прогностическую, и бытовую, и другие, а каждая функция имеет определенные дополнительные смысловые оттенки, например, прогностическая функция имеет чаще регуляторную подфункцию, которая управляет трудовыми процессами (Харченко, Тонкова, 2008: 100–103).

Источником исследования послужили материалы, собранные авторами во время встреч с пожилыми людьми — информантами, которые интересуются тувинским фольклором¹, а также опирались на работы исследователя тувинского фольклора, доктора исторических наук М. Б. Кенин-Лопсана, где им зафиксировано 12 примет, переведенных на русский язык (Кенин-Лопсан, 2021: 141).

¹ Дамбыра Сесенмаа Дарыевна, 1946 г.р., пенсионер, записано в 2022 г. в мест. Кара-Суг Кызылского района Республики Тыва; Монгуш Виктор Бойдуевич, 1942 г.р., пенсионер, записано в 2022 г. в с. Сукпак Кызылского района Республики Тыва; Папын Чечек Дарыевна, 1954 г.р., пенсионер, записано в 2021–2022 гг. в г. Кызыл Республики Тыва; Сувандии Аркадий Максимович, 1959 г.р., пенсионер, записано в 2022 г. в г. Кызыл Республики Тыва; Ооржак Аржана Арыевна, 1977 г.р., работает методистом в Тувинском государственном университете, записано в 2022 г. в г. Кызыл Республики Тыва; Дулуш Нина Аман-ооловна, 1957 г.р., пенсионер, записано в 2022 г. в г. Кызыл Республики Тыва; Кужугет Семен Седипович, 1953 г.р., пенсионер, записано в 2022 г. в г. Кызыл Республики Тыва; Ооржак Чаш-оол Санаевич, 1949 г.р., пенсионер, записано в 2020–2022 гг. в пос. Кызыл-Мажалык Республики Тыва; Монгуш Валентина Бегзиевна, 1943 г.р., пенсионер, записано в 2022 г. в г. Кызыл Республики Тыва.

История изучения примет

В «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова *примета* определяется как: «1. Отличительный признак, по которому можно узнать предмет. 2. В суеверных представлениях — признак, предвещающий что-н. || Обстоятельство, явление, указывающее по народным верованиям на появление чего-н., на связь с каким-н. другим событием»¹.

С. И. Ожегов и Н. Ю. Шведова в «Толковом словаре русского языка» дают следующее толкование «Примета — 1. Отличительное свойство, признак, по которому можно узнать кого-что-нибудь. Приметы весны. Особые приметы (характерные индивидуальные признаки); 2. Явление, случай, которые в народе считаются предвестием чего-н.² В «Большом толковом словаре русского языка» дается более расширенное толкование понятия *примета*, это: «1. Отличительный признак, по которому можно узнать кого-, что-либо; 2. По суеверным представлениям: признак, предвещающий что-либо; 3. Сохраняющиеся в народе и передаваемые из поколения в поколение различные признаки, указывающие на предстоящие явления погоды»³.

В «Новом словаре русского языка. Толково-словообразовательный» дается следующая трактовка приметы: это — 1) отличительный признак, по которому можно узнать кого-либо, что-либо; 2) а) признак, предвещающий что-либо, б) явление, обстоятельство, указывающее — по народным верованиям — на связь с каким-либо другим событием⁴.

Общим для определения приметы в словарях является представление о них как о признаках, предвещающих что-либо и указывающих по народным верованиям на появление чего-нибудь, на связь с каким-нибудь другим событием. Само слово *примета* образовано от глагола *примечать* «Прост. Наблюдать, следить за кем-, чем-либо»⁵.

Народная примета является объектом повышенного внимания ученых и активно исследуется как текст русской традиционной культуры (Садова, 2021; Харченко, Тонкова, 2008; Паремииология на перекрестках ..., 2021; и др.⁶).

В «Русско-тувинском словаре» примета переводится как: 1. *демдек*; 2. (предрассудок) *демдек, ош, оштаары*⁷. «Тувинско-русский словарь» дает следующие переводы слов *демдек* — знак, метка, пометка; тавро; признак, примета; *салгал демдектери* «наследственные признаки»⁸. *Ош* «пророчество, предзнаменование»⁹.

В «Толковом словаре тувинского языка» слово *демдек* многозначное. Мы рассматриваем 6-е дополнительное лексическое значение слова как оттенок основного значения «*Кандыг-бир чүве болурун баш удур херечилеп турар чүүл* «Примета, признак; предзнаменование, предвестие, симптом»¹⁰. Слово *ош* имеет следующее значение: *Кандыг-бир чүве болурунуң демдээ*. «Предзнаменование чего-либо»¹¹.

Б. И. Татаринцев в «Этимологическом словаре тувинского языка» даёт следующие толкования слов: *демдек* «знак, метка, помета; тавро; признак, примета; значок; эмблема, символ; отметка, балл» (Татаринцев, 2002: 127). *Ош* «пророчество, предзнаменование (обычно плохое, дурное)» (Татаринцев, 2008: 346).

¹ Толковый словарь русского языка: в 4 т. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1939. Т. 3. П—Ряшка. Стб. 819.

² Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., дополненное. М.: Азбуковник, 1997. С. 594.

³ Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 1998. 1536 с. С. 982.

⁴ Примета [Электронный ресурс] // Толковый онлайн-словарь русского языка Ефремовой Т. Ф. URL: <https://lexicography.online/explanatory/efremova/p/примета> (дата обращения: 27.08.2022).

⁵ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., дополненное. М.: Азбуковник, 1997. С. 595.

⁶ Кулькова М. А. Когнитивно-смысловое пространство народной приметы : автореф. дисс. ... докт. филол. н. Казань, 2011. 53 с.

⁷ Русско-тувинский словарь / под ред. Д.А. Монгуша. Москва «Русский язык», 1980. С. 437.

⁸ Тувинско-русский словарь: 22 000 слов / ред. Э. Р. Тенишев. М.: Советская энциклопедия, 1968. 648 с. С. 154.

⁹ Там же. С. 329.

¹⁰ Толковый словарь тувинского языка / под ред. Д. А. Монгуша. Новосибирск: Наука, 2003. Т. 1. С. 419.

¹¹ Толковый словарь тувинского языка / под ред. Д. А. Монгуша. Новосибирск: Наука, 2011. Т. 2. С. 478.

Общим значением к слову *демдек* в тувинском языке является значение 'знак, метка, помета; тавро'. Опираясь на определение приметы В. К. Харченко, Е. Е. Тонковой (Харченко, Тонкова, 2008: 5), считаем, что слову *демдек* в тувинском языке больше соответствует значение *ош* 'предзнаменование чего-либо', в связи тем, что любая примета должна соответствовать формуле «предсказание» — «прогноз».

В тувинском языкознании народная примета — один из практически неизученных малых жанров фольклора этнической культуры. Не изучена языковая специфика примет на фоне пословиц и поговорок, довольно близких к приметам по структурно-семантическим параметрам, не исследованы уникальные механизмы образования примет. Решение этих актуальных для паремиологии вопросов, к которым мы обращаемся в данном исследовании, позволит уточнить языковые свойства примет как единицы паремиологической системы.

Собирание и исследование тувинской паремиологии как фольклорного текста заложили российские путешественники и ученые (Катанов, 1903; Радлов, 1893).

В советский период объектом исследования фольклорного текста тувиноведов стали пословицы, поговорки и загадки: 1-й выпуск тувинских пословиц и поговорок¹, первый сборник загадок «Тывызыктыр»², 2-й сборник тувинских пословиц и поговорок³, 3-й (1976); и сборник загадок «Тыва улустуң тывызыктыр»⁴.

Описание тувинских пословиц и поговорок содержатся в отдельных научных статьях А. М. Соян (Соян, Уламсурен, 2015; Соян, 2016), А. И. Егоровой, А. П. Кондаковой, М. А. Кужугет (Егорова, Кондакова, Кужугет, 2020), О. В. Ломакиной (Ломакина, 2022), Т. Г. Бочиной (Бочина, 2022, Н. Ю. Нелюбовой (Нелюбова, 2022), М. А. Бредиса, Е. Е. Иванова (Бредис, Иванов, 2022), Е. Е. Иванова, Ж. В. Марфиной, О. В. Шкуран (Иванов, Марфина, Шкуран, 2022), О. И. Просянкиной, К. В. Скорик, Ш. Ю. Кужугет (Просянкина, Скорик, Кужугет, 2022), С. М. Колесниковой (Колесникова, 2022), Е. И. Селиверстовой (Селиверстова, 2022), Е. И. Зиновьевой, А. С. Алешина (Зиновьева, Алешина, 2022), С. А. Москвичевой, О. И. Александровой, Ю. Н. Эбзеевой (Москвичева, Александрова, Эбзеева, 2022) и др. Г. Н. Курбатский проанализировал разножанровый тувинский и местный русский фольклорный материал (загадки, пословицы и поговорки, фразеологизмы, лиро-эпические, лирические песни и частушки, благопожелания, молитвы, легенды, предания, поверья, устные рассказы и т. д.) (Курбатский, 2001). Результаты более чем 30-летнего труда по собиранию пословиц и поговорок обобщил в двуязычном сборнике «Пословицы и поговорки тувинского народа» автор-составитель Б. К. Будуп⁵.

Ш. С. Чадамба провела системное, комплексное описание тувинских паремий как языкового явления, определила особенности их функционирования в художественном тексте и своеобразие отраженной в них паремической картины мира⁶.

М. Б. Кенин-Лопсан наиболее полно раскрыл истоки священных традиций и обрядов тувинского народа (Кенин-Лопсан, 2000, 2021). Информация о культуре тувинцев, которая записывалась автором во время полевых работ в течение более 50-ти лет: обычаи и обряды, молитвы, обряды освящения, благопожелания, алгыши шаманов, народные приметы и священные традиции — все это является источниками для исследований тувинского фольклора, в том числе для нас.

Приметы в российской фольклористике классифицированы и детализированы по тематическим группам (Завьялова, 2013; Харченко, Тонкова 2008: 34–37; и др.). Опираясь на разработанные классификации, мы подразделили народные приметы тувинцев на следующие типы: прогнозные, повседневности, сновидений, эстетические, гигиенические приметы, а также единичные примеры примет, связанные с небесными светилами.

¹ Тыва улустуң үлегер сөстери болгаш домактары [Тувинские народные пословицы и поговорки] / сост. И. Плоткина, А. Калзан. Кызыл, 1955. 56 с.

² Тывызыктыр [Загадки] / сост. А. К. Калзан, Д. С. Куулар. Кызыл, 1958. 60 с.

³ Чоннуң чечени. Тыва үлегер домактар, чечен сөстөр [Мудрость народа. Тувинские пословицы и поговорки] / авторы-составители О. К. Саган-оол, М. А. Хадаханэ. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1966. 78 с.

⁴ Тыва улустуң тывызыктыр [Тувинские народные пословицы] / сост. О. К.-Ч. Дарыма. Кызыл: Тываның ном үндүрер чери, 1976. 144 с.

⁵ Будуп Б. К. Пословицы и поговорки тувинского народа. Кызыл: Тувинское книжное издательство имени Ю. Ш. Кюнзегеша; АНО «Детский литературный сайт «Радуга Тувы», 2020. 112 с.

⁶ Чадамба Ш. С. Предложения-паремии в текстах русских художественных текстов с тувинского языка: автореферат дис. ... канд. филол. наук. Абакан, 2015. 19 с.

Прогнозные приметы

В тувинских народных приметах просматривается очевидная причинно-следственная закономерность. Прогнозные приметы выполняют регуляторную (предсказательную) функцию для выполнения тех или иных трудовых процессов. М. А. Кулькова подчеркивает способность данного вида паремий организовывать трудовой процесс, регулировать жизненный уклад крестьян и предоставлять им возможность интерпретировать окружающую реальность, выстраивать определенную модель умозаключений, «регламентируя поведение человека и зачастую задавая конкретную программу действий»¹.

Собранный материал показывает, что в тувинском языке встречается большее количество примет-прогнозов, поскольку тувинец-животновод для планирования своих трудовых действий должен был быть наблюдательным, улавливать законы природы, природные явления, уметь действовать сообразно им.

При анализе нами выявлены прогнозные приметы — результат наблюдений за явлениями природы; за временами года; за растениями и животными.

Снег, дождь, гроза, гром играют важную роль в жизни животноводов, и эти знания регулируют их жизнь, трудовые действия:

- *Чечек чулбас, чаъс чаай бээр* 'Нельзя рвать цветы, пойдет дождь';
- *Сиген кезишишкини эгелээрге, чаъс чаап эгелээр* 'Начинаешь косить сено, начинаются дожди';
- *Черде бүрүлөр шылыравас болза, чаъс чаар* 'Если листья на земле не шуршат, будет дождь';
- *Күстүң адак айында дээр диңмирезе, соок кыш болур* 'Если в последний месяц осени будет гром, будет суровая зима';
- *Булуттар хат удур көшсе, хар чаар* 'Если облака будут плыть против ветра, будет снег';
- *Кыштың башкы айында дээр чүдерең чагза, кыш соок болур* 'Если в первый месяц зимы выпадет снег, то она будет суровая'.

Наблюдения за временами года (зима, весна, лето, осень) важны в жизни скотовода, который постоянно кочует, ориентируясь на состояние пастбищ и погодные условия, чтобы прокормить свой скот. Что подтверждается следующими приметами:

- *Күс эрте дүжерже, кыш кадыг, аш-чут болур* 'Если осень ранняя, то зима будет суровой, будет бескормица';
- *«Куруяк чайда» ээремчигей өө аргада хөй болза, күс кааң, аяс, а кыш соок болур* 'Если на бабье лето в лесу будет много паутины, то осень будет теплой, сухой, а зима — холодной';
- *Хар эрте чаарга, кыш чылыг болур* 'Если снег рано выпадет, то зима будет теплой';
- *Кыштың ортаа айының баштайгы хүнү кандыг болдур, кыш ындыг болур* 'Каким будет первый день среднего месяца зимы, такой будет и зима';
- *Кыштың адак айы аяс болгаиш соок болур болза, чай каңдаашкынныг болур* 'Если последний месяц зимы будет ясным и холодным, лето будет засушливым';
- *Бир эвес кыштың адак айы бүрге болгаиш харлыг болза, дүжүт эки болур* 'Если последний месяц зимы будет пасмурным и снежным, то лето будет урожайным';
- *Шартылаа эдип эгелээн — күс дүшкен* 'Саранча застрекотала — осень настала';
- *Кыштың башкы айында ымыраалар көзүлзе, чымчак кыш болур* 'В начальный месяц зимы летают мухи, зима будет мягкой'.

Выделяются в этой группе также приметы, в которых растения регулируют знания о погоде, урожае:

- *Чазын чечектер узап өссе, тараа сывы база ындыг болур* 'Если летом стебли цветов хорошо вырастут, вытянутся, то и у проса будет таким';
- *Алаак иштинге хөөрүүс (рябина) элбек үнген болза, күс частыг, а кыш кургаг болур* 'Если в лесу обильная рябина, то будет дождливая осень и малоснежная зима';

¹ Кулькова М. А. Семантика и прагматика немецких и русских народных примет: Лингвокультурологический подход: дисс. канд. филол. наук. Казань, 2005. С. 24.

— *Хадьңның бүрүлери орай дүшсе, соок кыш болур* ‘Если листья на березе облетят поздно, будет суровая зима’;

— *Чайын чүзүн-бүрүн чечектер хөй үнзе, күскү дүжүт элбек болур* ‘Если летом будет разнотравье, то осенью урожай будет богатым’.

Нами также зафиксированы приметы, регулируемые зооприметами, (животные, птицы, насекомые). Животноводу было важно знать поведение животных, птиц, насекомых, что является существенным условием трудовых процессов, связанных с бытом:

— *Сааскан эдерге, кудай чүдэрээр* ‘Сорока стрекочет — к непогоде’.

— *Сааскан эдерге, аалчы кээр* ‘Сорока стрекочет, будут гости’¹;

— *Дээлдиген киштээрге, сек оштааны ол* ‘Коршун ржет — падаль учуял’;

— *Хойлар ээзинче чызаалаза, агаар соор* ‘Если овцы жмутся к хозяину (букв. околачиваются возле хозяина), к похолоданию’;

— *Кымыскаая өөн бедик-бедик тутса, кыш эрте дүжер. Сиген эвээш үнер анаар* ‘Если муравьи построили высокий-высокий муравейник, к суровой зиме. Будет мало травы’;

— *Черлик кастар чазын семис чанып келзе, дүжүт эки болур* ‘Если дикие гуси вернутся домой жирными, к хорошему урожаю’;

— *Чорук чораан кижги дилгиге таваржырга, чоруу чогувас дээр* ‘Если путник встретит лису, то это к неудаче’;

— *Чорук чораан кижги бөрүге таваржырга, чоруу чогуур* ‘Если путнику встретится волк, то к удаче’;

— *Ыды улуурга, өгнүң эр ээзинге багай* ‘Если своя собака воеет, то хозяину юрты будет плохо’;

— *Ыт кудуруун мунуп алгаиш ээреге, аалга аас-дылдыг кижги келир* ‘Если собака лает, поджав хвост между задними лапами (букв. сев на хвост), то в аал придет скандальный человек’²;

— *Ыт өгже сыңнып ээреге, аалче араатан аң кирер* ‘Если собака, лая жметя к юрте, то в стойбище зайдет хищник’.

Бессменным помощником в любой ситуации для животновода является собака. Это и сторож, и защитник стад и жилищ, и пастух, и друг. Но, кроме этого, собака связывается с особой «зооприметой», которая характеризуется конфликтогенностью. Это предвестник беды. Собака очень чувствительна не только к окружающему миру, она первой воспринимает опасность.

У М. Б. Кенин-Лопсана зафиксированы зооприметы, которые он считает своеобразной народной наукой. В его книге, изданной на русском языке (без оригинальных тувинских текстов), встречаются следующие приметы:

— Если летом в ясную погоду сурки не выходят из своих нор, то это к дождю или к буре *‘Бир эвес чайын чылыг хуннерде тарбаган үңгүрүнден үнмес болза, чаъс чаар, шуурганнаар*³;

— Если сурки, залезшие на зиму в нору, вскоре вылезают обратно, значит зима будет мягкой *‘Бир эвес кыжын үңгүрүнче кире берген тарбаганнар катап үнүп кээр болза, кыш чылыг болур*’;

— Если весной сурок выходит из нор, но затем снова залезает в нее и закрывает вход в нору, то этой весной не скоро потеплеет и надо ожидать холодных бурь *‘Бир эвес чазын тарбаган үңгүрүнден үнгейш, катап дедир кирип, аксын хаап алза, бо чазын чоокку үеде чылывас, соок шуурганнар болурун манаар*’;

— Если таежная белая куропатка спускается с таежных вершин вниз, то это к непогоде *‘Бир эвес аганак (ак тооргу) тайганың бедиктеринден дүжүп келир болза, агаар чүдэрээр*’;

— Если каркает ворон, то будет дождь или снегопад. *‘Бир эвес каарган эдер болза, чаъс чаар азы хар чаар*’;

— Если коршун кружится над аалом, значит охотник вернется из тайги с большой удачей *‘Бир эвес аалды дээлдиген долганып турар болза, аңчы тайгадан олча-омактыг чанып келир*’;

¹ Стрекот сороки в тувинской и русской культурах предвещает гостей. Правда, в русском фольклоре с сорокой больше отрицательных ассоциаций («сорока-воровка», «болтлив как сорока», «сорока-белобока» и др.).

² Денотат значения связан с компонентом *кудуруун мунуп алгаиш* ‘поджав хвост’ (букв. ‘сев на хвост’), как в тувинском, так и в русском языках имеет оттенок презрительности и означает трусость.

³ Здесь и далее перевод на тувинский язык Н. Д. Сувандии.

— Если яки при ясной погоде не выходят из реки, то это к дождю *‘Бир эвес сарлыктар аяс хүнде хемден үнмес болза, чаъс чаар’*;

— Если яки-самцы спускаются с таежных хребтов вниз к стоянке, то будут большие снегопады *‘Бир эвес эр сарлыктар кадыр сыннардан хонашче дүжүн келир болза, улуг хар чаар’*;

— Если горные козлы утром не придут на солонец, то это к непогоде *‘Бир эвес телер эртен кужурга келбес болза, агаар-бойдус чүдерээр’*;

— Если собака рвет и ест траву, ожидай дождя или снегопада *‘Бир эвес ыт оътту үзе тыртып, чиир болза, чаъс азы хар чаар’* (В тувинском языке встречается примета, звучащая следующим образом *Бир эвес ыт оътту чула соп, чиир болза, кудай чүдерээр* ‘Если собака рвет и ест траву, к непогоде’);

— Если ворон тревожно каркает, то это признак того, что к стоянке приближается волк *‘Бир эвес каарган хөлзеп эдер болза, хонашче бөрү чоокшулап оларының демдээ’* (Кенин-Лопсан, 2021: 141).

Рассмотренные зооприметы показывают стереотипы, сложившиеся в сознании животноводов, которые усматривают взаимосвязь между поведением животного и удачей в доме, стойбище, в повседневном труде.

Для мужчины-тувинца лошадь — это самое близкое существо; транспортное средство, которым он пользуется каждый день: пасет стадо, перекочевывает с одной стоянки на другой, едет верхом на охоту. Как писал В. К. Даржа «Материальный мир, духовная сфера, традиции, ритуалы, обычаи, мировоззрение — все сегменты традиционной культуры становятся понятными и объясняемыми при рассмотрении их через призму “коня”. Конь для кочевника — это нечто большее, чем просто полезное животное» (Даржа, 2003: 5–6). Безусловно, мы также считаем, что тувинец-мужчина и лошадь друг без друга не могут существовать, даже в примете так говорится: *Аът эзеңги ызырарга, ээзи өлүр* ‘Если лошадь кусает стремя, то хозяин умрет’.

Приметы повседневности

В жизни тувинцев большую роль также играет семья, для него важны юрта, окружающий его повседневный быт. Это находит отражение в приметах повседневности.

Приметы, связанные с домашней утварью:

— *Шай кудуп каан хөнекти эжикче көрүндүр салбас, олча-кежиң ойлай бээр* ‘Нельзя ставить чайник с чаем носиком к выходу, счастье убежит’;

— *Согааш, баланы куруглатпас, тараа-быдаа үстүп, аштаарын оштаар* ‘Нельзя опустошать ступу и пестик, можно остаться без хлеба, это предзнаменование голода’;

— *Согааш сандайланып олурбас, аш-чемден куруглаар* ‘Нельзя сидеть на ступе, можно остаться без еды’;

— *Куруг согааш соктавас, аш-чут оштааны ол* ‘Нельзя толочь пустую ступу — к голоду’;

— *Чирик, тиглиг сава эдилевес, аас-кежик ага бээр* ‘Нельзя пользоваться треснувшей посудой, счастье уплывет’;

— *Деспини доңгайтыр салып болбас, чүү-даа чок куруг каарын оштааны ол* ‘Нельзя хранить корыто перевернутым, предзнаменование нищеты’;

— *Деспи куруглатпас, аш-чут болу бээр* ‘Нельзя держать корыто пустым, случится голод’;

— *Паш дүвү халыратпас, аш-чемден куруглап, аштаар* ‘Нельзя шуршать днищем чугунной чаши, останетесь без еды, к голоду’;

— *Хымыш бажы чылгавас, уруунуң бажы тас болур* ‘Нельзя облизовать поварешку, голова дочери будет лысой’.

Среди примет повседневности наблюдаются и такие, которые связаны с различными церемониями, т. е. с соблюдением семейного этикета тувинцев. Через примету, которая имеет большое воспитательное значение, человек, подкрепленный страхом плохого прогноза, приучался к оптимальному поведению в обществе:

— *Эжик ажык кагбас, ашаанга азы кадайыңга хостураар*¹ ‘Дверь нельзя оставлять открытой, муж или жена будет изменять (уйдет)’;

- *Чарын диштевес, төлге дүшейн баар* ‘Лопатку (баранью) нельзя обглаживать, гадание не состоится’;
- *Кижн арта базып болбас, бужартай бээр* ‘Нельзя перешагивать человека, а то он осквернится (букв. ‘станет нечистым, поганым’);
- *Эр кижини артап болбас, сүлдези кудулай бээр* ‘Нельзя перешагивать мужчину — упадет духом (букв. дух опустится вниз)’.

Приметы данной группы до настоящего времени активно используются тувинцами, потому что они имеют большое значение в воспитании молодого поколения.

Приметы, связанные со сновидениями

Наряду с рассказами о снах (сновидческих рассказах, снарративах, сноповествованиях), выделяются сновидческие приметы (сноприметы), которые имеют, подобно другим типам примет, структурную однотипность (Садова, 2021: 62). Тувинцы, как приверженцы языческой веры, очень внимательно относились к сновидениям. Это подтверждается следующими приметами:

- *Дүжүнде аши-чем чиирге, аарыг-аржыкка таваржыр* ‘Если во сне кушать — к болезни’.
- *Дүжүнде чараш хеп кедерге, бак чүүлге таваржыр* ‘Во сне надевать нарядную одежду — к неприятностям’.
- *Дүжүнде быт көөрге, акша-көпөөз көвүдээр* ‘Видеть во сне вошь — к деньгам’.
- *Дүжүнде инек көөрге, амыдыралга багай чүүлге таваржыр. Инек — соок тыныштыг мал болур.* ‘Во сне видеть корову — к неудаче. Корова — животное с холодным дыханием’.

У тувинцев интерес к миру сна, его пророческим свойствам присутствовал всегда, знания о соответствиях между знаками сна и фактами реальности передавались и передаются из поколения в поколение.

Среди примет встречаются и единичные примеры, которые отражают своеобразие повседневности кочевой культуры: *Эт-кежин хөй чугбас, аас-кежи чайлай бээр* ‘Не следует много мыться, счастье обойдет’. Есть современный вариант данной приметы в юмористичной форме: *Хөй чунмас, кежи чугалай бээр.* ‘Много мыться не следует, а то кожа становится тонкой’. Тувинцы являются эстетамы по отношению ко всему: к семье, быту, скоту, природе и т. д.

Также приметы, связанные с небесными светилами: *Хүн өгленирге, чылыыр, ай өгленирге, соор* ‘Солнце окружено венцом, будет тепло. Луна окружена венцом — к холоду’, которые определяют погодные изменения, указываемые небесными светилами (солнце, луна, звезды).

Единичность такого рода приметы, связана, скорее всего, с тем, что “у традиционного мировоззрения тувинцев существует культ Неба, который носит сакральный смысл” (Даржа, 2007: 5). Тувинец, как представитель языческой культуры, ориентировался на знаки, которые предопределяли ему небо, Солнце, Луна, чтобы организовать свою повседневную жизнь.

Заключение

Приметы выражают особенности языковой картины мира тувинцев, сложившиеся в результате взаимодействия людей с окружающим миром, и познания причинно-следственных связей этого мира.

Тувинские приметы подразделяются, во-первых, на следующие типы: прогнозные, повседневности, сновидений, эстетические, гигиенические приметы, а также единичные примеры примет, связанные с небесными светилами. Во-вторых, можно выделить и группы примет: прогнозные (наиболее распространенная), повседневности, сновидения.

Тот факт, что авторам удалось рассмотреть и классифицировать значительное число примет, записанных от тувинцев в настоящее время, говорит о том, что этот жанр тувинского фольклора активно используется населением. Тем не менее поскольку все наши информанты были людьми пожилого возраста, необходимо продолжить исследования перспектив развития данного жанра, проблем передачи его новым поколениям.

¹ *Хозар (хос)* — 1) не подпускать; бросать, оставлять; отказываться; инек бызаазын хозуп каапкан ‘корова бросила своего телёнка’; 2) не хотеть жить вместе, не любить (о ком-л. из супружеской пары). См.: Тувинско-русский словарь: 22 000 слов / ред. Э. Р. Тенишев. М.: Советская энциклопедия, 1968. 648 с. С. 479.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алефиренко, Н. Ф. (2010) Лингвокультурология : ценностно-смысловое пространство языка: учебное пособие. М. : Флинта : Наука. 224 с.
- Бредис, М. А., Иванов, Е. Е. (2022) Провербиальные факторы перевода тувинских пословиц в аспекте нормативной и полилингвальной паремиографии (на фоне русского и английского языков) // Новые исследования Тувы. № 1. С. 17–36. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.2>
- Бочина, Т. Г. (2022) Контраст в тувинских пословицах // Новые исследования Тувы. № 1. С. 37–46. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.3>
- Даржа, В. К. (2003) Лошадь в традиционной практике тувинцев- кочевников. Кызыл : ТувИКОПР СО РАН. 184 с.
- Даржа, В. К. (2007) Тайны мировоззрения тувинцев-номадов. Кызыл : Тувинское книжное изд-во. 256 с.
- Егорова, А. И., Кондакова, А. П., Кужугет, М. А. (2020) Гендерные стереотипы в тувинских пословицах и поговорках // Новые исследования Тувы. № 1. С. 19–34. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.1.2>
- Завьялова, Е. Е. (2013) Приметы как фольклорный жанр: опыт систематизации // Знание. Понимание. Умение. № 2. С. 187–193.
- Зиновьева, Е. И., Алешин, А. С. (2022) Семья в компаративных паремиях тувинского, шведского и русского языков // Новые исследования Тувы. № 1. С. 131–145. DOI: <https://wdoi.org/10.25178/nit.2022.1.9>
- Иванов, Е. Е., Марфина, Ж. В., Шкуран, О. В. (2022) Номинации животных в тувинских пословицах и поговорках: аспекты реализации и проблематика изучения // Новые исследования Тувы. № 1. С. 47–68. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.4>
- Катанов, Н. Ф. (1903) Опыт изслѣдованія урянхайскаго языка, съ указаніемъ главнѣйшихъ родственныхъ отношеній его къ другимъ языкамъ тюркскаго корня. Казань : Типо-литографія Императорскаго Казанскаго Университета. 1600 с.
- Кенин-Лопсан, М. Б. (2000) Тыва чаңчыл. Кызыл : Новости Тувы. 352 с.
- Кенин-Лопсан, М. Б. (2021) Традиционная культура тувинцев. Кызыл : Детский литературный сайт «Радуга Тувы» ; Тувинское книжное издательство. 248 с.
- Ковшова, М. Л. (2019) Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок: Антропологический код культуры. М. : Ленанд. 400 с.
- Колесникова, С. М. (2022) Градуальная семантика русских и тувинских пословиц // Новые исследования Тувы. № 1. С. 90–103. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.6>
- Кужугет, Ш. Ю., Сувандии, Н. Д., Ламажаа, Ч. К. (2021) Проблемы перевода концептов культуры на другой язык: на примере тувинских концептов культуры // Полилингвильность и транскультурные практики. Т. 18. № 4. С. 405–420. DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2021-18-4-405-420>
- Курбатский, Г. Н. (2001) Тувинцы в своем фольклоре (историко-этнографические аспекты тувинского фольклора). Кызыл : Тувинское книжное издательство. 464 с.
- Ломакина, О. В. (2022) Тувинская паремиология: лингвокультурологический и лингвоаксиологический потенциал // Новые исследования Тувы. № 1. С. 6–16. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.1>
- Москвичева, С. А., Александрова, О. И., Эбзеева, Ю. Н. (2022) Фольклорные культуремы и структура культурных репрезентаций тувинцев // Новые исследования Тувы. № 1. С. 164–182. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.11>
- Нелюбова, Н. Ю. (2022) Аксиологические доминанты паремий как типологические маркеры тувинской, русской и французской этнокультур // Новые исследования Тувы. № 1. С. 146–163. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.10>
- Паремиология на перекрестках языков и культур (2021) / под ред. Е. Е. Иванова, О. В. Ломакиной. М. : Изд-во РУДН. 246 с.
- Просяникова, О. И., Скорик, К. В., Кужугет, Ш. Ю. (2022) Диалогичность обрядовой поэзии : средства реализации и функционирование в тувинских благопожеланиях и алгышах // Новые исследования Тувы. № 1. С. 69–89. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.5>
- Радлов, В. В. (1893) Опыт словаря тюркских нарѣчій. СПб. : Типография Императорской Академіи Наукъ. 967 с.
- Садова, Т. С. (2021) Сногадания и рассказы о снах в русском речевом обиходе: лингвистические заметки. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета. 144 с.
- Селиверстова, Е. И. (2022) Бинарные структуры в тувинских пословицах как проявление национально-маркированного видения мира // Новые исследования Тувы. № 1. С. 115–130. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.8>

Соян, А. М., Уламсурэн, Ц. (2015) Обрядовая поэзия этнических тувинцев Цагаан-Нуура // Казанская наука. № 10. С. 206–208.

Соян, А. М. (2016) Нравственные ценности в пословицах и поговорках цаган-нурских и усинских тувинцев // Мир науки, культуры и образования. № 6. С. 373–375.

Татаринцев, Б. И. (2002) Этимологический словарь тувинского языка : в 4 т. Новосибирск : Наука. Т. II. 388 с.

Татаринцев, Б. И. (2008) Этимологический словарь тувинского языка : в 4 т. Новосибирск : Наука. Т. IV. 442 с.

Харченко, В. К., Тонкова, Е. Е. (2008) Лингвистика народной примет. Белгород : Издательство «Белгородская областная типография». 224 с.

Дата поступления: 12.08.2022 г.

REFERENCES

Alefrenko, N. F. (2010) *Lingvokul'turologiia : tsenostno-smyslovoe prostranstvo iazyka [Linguoculturology: Value-semantic space of language]* : A study guide. Moscow, Flinta ; Nauka. 224 p.

Bredis, M. A. and Ivanov, E. E. (2022) Proverbial'nye faktory perevoda tuvinskiikh poslovits v aspekte normativnoi i polilingval'noi paremiografii (na fone russkogo i angliiskogo iazykov) [Proverbial factors in translating Tuvan proverbs in the light of normative and poly-lingual paremiography (as contrasted to Russian and English languages)]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 17–36. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.2>

Bochina, T. G. (2022) Kontrast v tuvinskiikh poslovitsakh [Contrast in Tuvan proverbs]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 37–46. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.3>

Darzha, V. Ch. (2003) *Loshad' v traditsionnoi praktike tuvintsev-kochevnikov [The horse in the traditional practice of the Tuvan nomads]* / ed. by G. N. Kurbatskii. Kyzyl, TuvIENR SB RAS. 184 p. (In Russ.).

Darzha, V. K. (2007) *Tainy mirovozzreniia tuvintsev-nomadov [Secrets of the Tuvan nomad worldview]*. Kyzyl, Tuvan Publishing House. 255 p. (In Russ.)

Egorova, A. I., Kondakova, A. P. and Kuzhuget, M. A. (2020) Gendernye stereotipy v tuvinskiikh poslovitsakh i pogovorkakh [Gender stereotypes in Tuvan proverbs and sayings]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 19–34. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.1.2>

Zavyalova, E. E. (2013) Primety kak fol'klornyi zhanr: opyt sistematizatsii [Superstitious beliefs as a folklore genre: An experience of systematization]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 2, pp. 187–193. (In Russ.).

Zinovieva, E. I. and Alyoshin, A. S. (2022) Sem'ia v komparativnykh paremiakh tuvinskogo, shvedskogo i russkogo iazykov [The family in comparative paremies of Tuvan, Swedish and Russian languages]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 131–145. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.9>

Ivanov, E. E., Marfina, Zh. V. and Shkuran, O. V. (2022) Nominatsii zhivotnykh v tuvinskiikh poslovitsakh i pogovorkakh: aspekty realizatsii i problematika izucheniia [Animal nouns in Tuvan proverbs and sayings: problems of studying and aspects of functioning]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 47–68. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.4>

Katanov, N. F. (1903) *Opyt izsledovaniia uriankhaiskago iazyka, s ukazaniem glavneishikh rodstvennykh otnoshenii ego k drugim iazykam tiurkskago kornia [An essay on the Uryankhai language, indicating the most important kinship ties between it and the other languages of the Turkic root]*. Kazan, Tipo-litografiia Imperatorskogo universiteta. 1600 p. (In Russ.).

Kenin-Lopsan, M. B. (2000) *Tyva changchyl [Tuvan traditions]*. Kyzyl, Novosti Tuvy. 252 p. (In Tuv.).

Kenin-Lopsan, M. B. (2021) *Traditsionnaia kul'tura tuvintsev [Traditional culture of the Tuvans]*. Kyzyl, Raduga Tuvy ; Tuvan Book Publishing House. 232 p. (In Russ.).

Kovshova, M. L. (2019) *Lingvokul'turologicheskii analiz idiom, zagadok, poslovits i pogovorok: Antropologicheskii kod kul'tury [Linguoculturological analysis of idioms, riddles, proverbs and sayings: The anthropological code of culture]*. Moscow, Lenand. 400 p. (In Russ.).

Kolesnikova, S. M. (2022) Gradual'naia semantika russkikh i tuvinskiikh poslovits [Gradable semantics in Russian and Tuvan proverbs]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 90–103. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.6>

Kuzhuget, Sh. Yu., Suvandii, N. D. and Lamazhaa, Ch. K. (2021) Problemy perevoda kontseptov kul'tury na drugoi iazyk: na primere tuvinskiikh kontseptov kul'tury [The problems of translating cultural concepts into another language: On the example of Tuvan cultural concepts]. *Polylinguality and Transcultural Practices*, vol. 18, no. 4, pp. 405–420. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2021-18-4-405-420>

Kurbatskii, G. N. (2001) *Tuvinty v svoem fol'klоре (istoriko-etnograficheskie aspekty tuvinskogo fol'klora)* [Tuvans in their folklore: Historical and ethnographic aspects of Tuvan folklore]. Kyzyl, Tuvan Book Publishing House. 464 p. (In Russ.).

Lomakina, O. V. (2022) Tuvinskaia paremiologiia: lingvokul'turologicheskii i lingvoaksiologicheskii potentsial [Tuvan paremiology: its linguoculturological and linguoaxiological potential]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 6–16. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.1>

Moskvitcheva, S. A., Aleksandrova, O. I. and Ebzeeva, Yu. N. (2022) Fol'klornye kul'turemy i struktura kul'turnykh reprezentatsii tuvintsev [Folklore culturemes in the structure of cultural representations of Tuvan people]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 164–182. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.11>

Neliubova, N. Yu. (2022) Aksiologicheskie dominanty paremii kak tipologicheskie markery tuvinskoj, russkoj i frantsuzskoj etnokul'tur [Axiological dominants of paremies as typological markers in Russian, Tuvan and French ethnic cultures]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 146–163 (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.10>

Paremiologiia na perekrestkakh iazykov i kul'tur [Paremiology at the crossroads of languages and cultures] (2021) / ed. by E. E. Ivanov and O. V. Lomakina. Moscow, RUDN Publ. 246 p. (In Russ.).

Prosyannikova, O. I., Skorik, K. V. and Kuzhuget, Sh. Yu. (2022) Dialogichnost' obriadovoi poezii: sredstva realizatsii i funkcionirovanie v tuvinskikh blagopozhelaniiakh i algyskhakh [The dialogism of ritual poetry and its expression and function in the Tuvan yoreels and algyshe]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 69–89. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.5>

Radlov, V. V. (1893) *Opyt slovarya tyurkskikh narechij [An attempt of the dictionary of Turkic dialects]*. St. Petersburg, Typography of the Academy of Sciences. 967 p. (In Russ.).

Sadova, T. S. (2021) *Snogadaniia i rasskazy o snakh v russkom rechevom obikhode: lingvisticheskie zametki [Divination of dreams and stories about dreams in Russian everyday speech: Linguistic notes]*. St. Petersburg, St. Petersburg State University Publishing House. 144 p. (In Russ.).

Seliverstova, E. I. (2022) Binarnye struktury v tuvinskikh poslovitsakh kak proiavlennie natsional'no-markirovannogo videniia mira [Binary structures in Tuvan proverbs as a manifestation of the nationally marked vision of the world]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 115–130. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.8>

Soyan, A. M. and Ulamsuren, Ts. (2015) Obriadovaia poeziia etnicheskikh tuvintsev tsagaan-nuura [Ritual poetry of ethnic Tuvans in Tsagaan-Nuur]. *Kazanskaia nauka*, no. 10, pp. 206–208. (In Russ.).

Soyan, A. M. (2016) Nravstvennyye tsennosti v poslovitsakh i pogovorkakh tsagan-nurskikh i usinskikh tuvintsev [Moral values in proverbs and sayings of the Tuvans in Tsagan-Nur and Usinsk]. *Mir nauki, kul'tury i obrazovaniia*, no. 6, pp. 373–375. (In Russ.).

Tatarintsev, B. I. (2002) *Etimologicheskii slovar' tuvinskogo iazyka [An etymological dictionary of the Tuvan language]* : in 4 vols. Novosibirsk, Nauka. Vol. II. 388 p. (In Russ.)

Tatarintsev, B. I. (2002) *Etimologicheskii slovar' tuvinskogo iazyka [An etymological dictionary of the Tuvan language]* : in 4 vols. Novosibirsk, Nauka. Vol. IV. 442 p. (In Russ.)

Kharchenko, V. K. and Tonkova, E. E. (2008) *Lingvistika narodnoi primet [Linguistics of folk beliefs]*. Belgorod, Publishing House "Belgorod Regional Printing House". 224 p. (In Russ.).

Submission date: 12.08.2022.

Женщины в современной политике в Республике Тыва и Республике Калмыкия (по материалам социологического исследования)

Органа Д. Натсак

Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований
при Правительстве Республики Тыва, Российская Федерация,

Ноган В. Бадмаева

Калмыцкий научный центр РАН, Российская Федерация

Целью исследования явилось изучение гендерных различий в региональной политике России на примере Республики Тыва и Республики Калмыкия. Материалами для анализа выступили списочные составы органов власти республик, а также результаты социологического исследования, проведенного методами глубинного и экспертного интервью в республиках в январе — марте 2022 г. по проблеме восприятия роли и потенциала женщин в региональной политике и власти. Экспертную часть участников интервью составляли общественно-политические деятели разных времен. Анализировались существующие гендерные стереотипы, оценки политического потенциала женщин в региональной политике, а также сопоставление позиций мужчин и женщин.

Пересчет состава руководства законодательных органов двух регионов, высших органов исполнительной власти, министерств показал, что количество активных женщин-политиков совсем незначительное. Выявлены региональные особенности — в Тыве женщины в большей степени представлены в парламенте, в Калмыкии — в правительстве региона. Несмотря на высокую социально-экономическую активность женщин, более высокий уровень образования и в целом их численное преобладание, в обеих республиках достаточны сильны патриархальные взгляды на роль женщин в политике и гендерные стереотипы, согласно которым политика — мужская сфера.

Помимо гендерных стереотипов в рассматриваемых регионах сильны экономические и социально-психологические барьеры у самих женщин. Они не позволяют им более активно проявлять себя в региональной политике. В общественном мнении обеих республик очевидна неготовность к тому, что регионы могут возглавить женщины. Вместе с тем политический потенциал женщин более высоко оценивается в Калмыкии, чем в Тыве. Этот факт подтвердился тем, что в сентябре 2022 г. Председателем Правительства Республики Калмыкия была назначена женщина.

Анализ высказываний респондентов-женщин показал, что женщины готовы «пожертвовать» карьерой, в том числе политической, ради семьи, а высказывания респондентов-мужчин подтверждают патриархальность тувинского и калмыцкого обществ.

Ключевые слова: Республика Тыва; Республика Калмыкия; региональная политика; женщина в политике; гендерный дисбаланс; гендерный стереотип; политическая культура

Исследование проведено в рамках госзадания КалмНЦ РАН «Асимметрично развивающиеся территории перед традиционными и новыми вызовами: исследование динамики социально-экономических процессов и изменчивости экологической ситуации» (Рег. № НИОКТР 122022700133-9).

Для цитирования:

Натсак О. Д., Бадмаева Н. В. Женщины в современной политике в Республике Тыва и Республике Калмыкия (по материалам социологического исследования) // Новые исследования Тувы. 2022. № 4. С. 225-242. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.4.17>

Натсак Органа Доржуевна — кандидат философских наук, ученый секретарь Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, Российская Федерация. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 4. Тел.: +7 (394-22) 2-39-36. Эл. адрес: nod695596@gmail.com

nod695596@gmail.com

Бадмаева Ноган Вячеславовна — научный сотрудник отдела комплексного мониторинга и информационных технологий Калмыцкого научного центра РАН. Адрес: 358000, Россия, г. Элиста, ул. Илишкина, д. 8. Тел.: +7 (84722) 3-55-06. Эл. адрес: badmaevanv@kigiran.com

DIALOGUE OF CULTURES

Article

Women in contemporary politics in the Republic of Tuva and the Republic of Kalmykia (based on a sociological study)

Organa D. Natsak

Tuvan Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research
under the Government of the Republic of Tuva, Russian Federation,

Nogan V. Badmaeva

Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

The aim of the research was to study gender differences in Russian regional policy in the cases of the republics of Tuva and Kalmykia. The data for the analysis consist of active rolls of the officials working in government agencies in the republics as well as the results of a sociological study conducted there in January – March 2022. The latter was pursued through in-depth and expert interviews and dealt with the issue of perception of women's role and potential in regional politics and government. The expert interviewees comprised public and political figures of different times. We analyzed the existing gender stereotypes, assessments of women's potential in regional politics as well as a comparison of men's and women's positions.

An analysis of the composition of the leadership staff of the legislative bodies of the two regions, the highest bodies of executive power, and ministries has found out that the number of active female politicians is quite small. Some regional features have been revealed: in Tuva, women are more represented in the parliament, while in Kalmykia, there are more women in the government of the region. Despite the high socioeconomic activity of women, a higher level of their education and, in general, their numerical predominance, patriarchal views on the role of females in politics and gender stereotypes are quite strong in both republics. According to these social biases, politics is a male sphere.

In addition to the gender stereotypes in the regions under consideration, there are strong economic and sociopsychological barriers to women. They prevent females from being more active in regional politics. A common feature of public opinion in the two republics is that many people are unprepared for the fact that women can hypothetically lead the regions. At the same time, the political potential of females is estimated to be higher in Kalmykia than in Tuva. This fact was confirmed when a woman was appointed the Chairman of the Government of the Republic of Kalmykia in September 2022.

An analysis of statements of female respondents has shown that women are ready to "sacrifice" their careers, including political ones, for the sake of the family, and statements of male respondents confirm the patriarchal nature of Tuvan and Kalmyk societies.

Keywords: Republic of Tuva; Republic of Kalmykia; regional politics; woman in politics; gender imbalance, gender stereotype; political culture

The research was conducted within the framework of the state task of the Kalmyk Scientific Center of the RAS "Asymmetrically Developing Territories Facing Traditional and New Challenges: A Study of the Dynamics of Socioeconomic Processes and the Variability of the Environmental Situation" (Reg. No. НИОКТР 122022700133-9).

For citation:

Natsak O. D. and Badmaeva N. V. Zhenshchiny v sovremennoi politike v Respublike Tyva i Respublike Kalmykia (po materialam sotsiologicheskogo issledovaniia) [Women in contemporary politics in the Republic of Tuva and the Republic of Kalmykia (based on a sociological study)]. *New Research of Tuva*, 2022, no. 4, pp. 225-242 (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.4.17>

NATSAK, Organa Dorzhuevna, Candidate of Philosophy, Academic Secretary, Tuvan Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva. Postal address: 4 Kochetov St., 667000 Kyzyl, Russian Federation. Tel.: +7 (394-22) 2-39-36. E-mail: nod695596@gmail.com

ORCID ID: 0000-0003-1833-4810

BADMAEVA, Nogan Viacheslavovna, Research Fellow, Department of Complex Monitoring and Information Technologies, Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Postal address: 8 Ilishkin St., Elista 358000 Russian Federation. Tel.: +7 (84722) 3-55-06 E-mail: badmaevanv@kigiran.com

ORCID ID: 0000-0002-4799-5506

Введение

Проблема политического участия женщин и их присутствия на руководящих позициях в правительствах и парламентах национального и регионального уровней сохраняет свою актуальность в российских и зарубежных научных исследованиях. Межпарламентским союзом и организацией «ООН-женщины» была представлена карта «Женщины в политике: 2021» с глобальным рейтингом стран, исходя из количественных показателей женщин-руководителей по состоянию на 1 января 2021 г. Согласно данной карте, в политике наибольшее число женщин представлено в национальных парламентах — доля женщин-парламентариев составила 25,5%, заместителей спикеров — 28,3%, спикеров — 20,9%¹. Эти показатели в разы больше числа женщин, возглавляющих национальные государства или правительства. Среди глав государств, избранных в результате выборов, по данным 2021 г., только 5,9% составляют женщины, и 6,7% глав правительств являются женщинами². Женщины составляют только 22,6% из более чем 3400 министров по всему миру³.

Общемировой тренд заключается в том, что, несмотря на межстрановую дифференциацию по количественным показателям, в публичном политическом пространстве на уровне государств и в высшем руководстве стран женщины продолжают составлять меньшинство. Российская Федерация в глобальном рейтинге по доле женщин в парламенте (однопалатные и нижние палаты парламентов) занимает 138-е место — 71 депутатский мандат из 450 (15,8%) принадлежит женщинам. В верхней палате парламента — 29 из 170 или 17,1% женщин⁴. Из 31 министерской позиции в Российской Федерации женщины занимают 3⁵.

Глобальный индекс гендерного разрыва, который составляется Всемирным экономическим форумом⁶, оценивает гендерный разрыв в четырех ключевых измерениях: экономическое участие и возможности, уровень образования, здоровье и продолжительность жизни, а также расширение политических прав и возможностей⁷. По данным индекса за 2021 г., гендерный разрыв в расширении политических прав и возможностей остается крупнейшим из четырех отслеживаемых проблем. При нынешних показателях, по оценкам Всемирного экономического форума, для достижения гендерного равенства в политике потребуется 145,5 лет⁸.

Помимо межстрановых отличий существуют региональные отличия, которые зависят не только от общей тенденции в стране, но и социокультурных, этносоциальных особенностей регионов. С этой точки зрения актуальны исследования российских регионов. В нашем случае это — Республики Тыва и Республики Калмыкия, которые имеют близкие историко-культурные и религиозные корни, а также схожие социально-экономические характеристики на современном этапе. Регионы также схожи по отдельным демографическим показателям: коэффициент пола в пользу женщин наблюдается как в Калмыкии (на 1000 мужчин приходится 1082 женщины), в Тыве (на 1000 мужчин приходится 1087 женщин), так и России в целом (на 1000 мужчин приходится 1165 женщин)⁹. Мужская смертность превышает женскую в обеих республиках с примерно одинаковым разрывом, миграционная активность жен-

¹ Women in Politics: 2021. Situation on 1 January 2021 [Электронный ресурс] // United Nations Entity for Gender Equality and the Empowerment of Women. URL: <https://www.unwomen.org/en/digital-library/publications/2021/03/women-in-politics-map-2021> (дата обращения: 28.02.2022).

² Там же.

³ Global Gender Gap Report 2021. Insight Report. March 2021 [Электронный ресурс] // World Economic Forum. URL: <https://www.weforum.org/reports/global-gender-gap-report-2021> (дата обращения: 28.02.2022).

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Global Gender Gap Report 2021. Insight Report. March 2021 [Электронный ресурс] // World Economic Forum. URL: <https://www.weforum.org/reports/global-gender-gap-report-2021> (дата обращения: 28.02.2022).

⁷ Глобальный индекс гендерного разрыва измеряет баллы по шкале от 0 до 100, и баллы могут быть интерпретированы как расстояние до паритета (т. е. процентная доля гендерного разрыва, который был ликвидирован).

⁸ Global Gender Gap Report 2021. Insight Report. March 2021 [Электронный ресурс] // World Economic Forum. URL: <https://www.weforum.org/reports/global-gender-gap-report-2021> (дата обращения: 28.02.2022).

⁹ Регионы России. Социально-экономические показатели 2021. Статистический сборник. С. 49, 50. [Электронный ресурс] // Сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2021.pdf (дата обращения: 15.09.2022).

щин превышает мужскую и в Калмыкии, и в Туве. Так, в 2019 г. из Калмыкии было 7687 женщин и 6872 мужчин, из Тувы — 6546 женщин и 5079 мужчин¹.

Целью исследования является анализ гендерного неравенства в региональной политике и власти Тувы и Калмыкии. Объектом исследования является женская представленность в политике и власти, предметом — субъективное восприятие политической роли женщин в современных тувинском и калмыцком обществах.

Исходя из обозначенной цели авторами были поставлены следующие задачи: предпринять сравнительный анализ уровня представленности женщин в региональных парламентах и высших исполнительных органах, проанализировать результаты социологического исследования, направленного на выявление потенциала женщин в региональной политике и власти в оценках женщин и экспертов, возможностей и барьеров для женщин в политике, а также существующих гендерных стереотипов в современных тувинском и калмыцком обществах.

Основная гипотеза исследования заключалась в том, что в Туве и Калмыкии женщины играют весьма важную экономическую, социальную роль, но в политике и власти их роль не столь очевидна. Возможно, в силу существующих гендерных стереотипов в вершине политико-властной пирамиды мало женщин, и общества не готовы видеть женщин в качестве региональных руководителей. Вместе с тем существуют межрегиональные отличия в этих двух субъектах РФ, которые заключаются в том, что в калмыцком обществе наблюдается более благоприятное отношение к женщинам-политикам и женщинам во власти, чем в тувинском.

Вопросы гендерной асимметрии в политике подробно исследуются в работах современных авторов в предметном поле политологии и социологии. Анализу институциональных и неинституциональных факторов в формировании гендерной асимметрии в современных политических процессах посвящены исследования О. Г. Овчаровой², Н. В. Колесник (Колесник 2021, 2022), политической представленностью женщин занималась Н. Н. Козлова (Козлова, 2016, 2017). Политическое сознание и поведение российских женщин исследовались Е. А. Кранзеевой (Кранзеева, 2021).

В целом проблемы гендерного неравенства на современном этапе изучают не только в тех предметных областях, которые стали традиционными для анализа, как политика или экономика, но и в рамках новых дискурсов цифрового неравенства, гендерной поляризации в STEM-отраслях³ (Хоткина, 2018; Задворнова, 2019). Применительно к Туве, например, исследователи анализировали гендерную асимметрию в области стрит-нейминга (Пушкарева, Жидченко, 2021).

Таким образом, следует отметить тот факт, что в сфере политики гендерные вопросы остры в целом для всей России, и для ее регионов в отдельности. Внутри общей российской проблемы существуют и региональные этносоциальные особенности. Определенная патриархальность политической культуры свойственна в целом для страны, что подтверждается низким уровнем представленности женщин на уровне руководства федеральных органов государственной власти, политических партий, партийных фракций и комитетов в федеральном парламенте, несмотря на позитивную динамику за последние годы. Вместе с тем наблюдаются незначительные положительные изменения — по итогам состоявшихся в 2021 г. выборов в Государственную Думу ФС РФ VIII созыва женщины составили 17% депутатов, что на 1,2% больше, чем в предыдущем — VII-м — созыве. Совет Федерации Федерального Собрания РФ ныне возглавляется женщиной, и доля женщин-сенаторов выше, чем женщин-депутатов в нижней палате российского парламента — 20%⁴. На региональном уровне наблюдаются разнонаправленные процессы,

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели 2021. Статистический сборник. С. 49, 50. [Электронный ресурс] // Сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2021.pdf (дата обращения: 15.09.2022).

² Овчарова О. Г. Гендерная асимметрия политики: неинституциональный и институциональный аспекты: автореф. дисс... доктора политических наук. Саратов, 2008. 46 с.

³ STEM (Science, Technology, Engineering and Mathematics) — наука, технологии, инженерия и математика.

⁴ Расчеты сделаны на основе информации официальных сайтов двух палат российского парламента: Депутаты. Состав Государственной Думы восьмого созыва [Электронный ресурс] // Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации. URL: <http://duma.gov.ru/duma/deputies/> (дата обращения: 28.04.2022); Сенаторы Российской Федерации [Электронный ресурс] // Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. URL: <http://council.gov.ru/structure/members/> (дата обращения: 12.09.2022).

которые выражаются как в росте политической представленности женщин, так и в ее снижении, что демонстрирует дифференциацию в гендерной политической стратификации в российских регионах.

Несмотря на большое число общероссийских исследований по представленной теме, применительно к Туве и Калмыкии гендерное измерение современной политики и власти с использованием методов социологического анализа остается практически неизученным.

Теоретико-методологической базой исследования послужили гендерная методология, использованная в работах российских ученых, как С. Г. Айвазова (Айвазова, 2007), Е. А. Здравомыслова, А. А. Темкина (Здравомыслова, Темкина, 2007); социология доверия П. Штомпки (Штомпка, 2012), концепция социального капитала Ф. Фукуямы (Фукуяма, 2002), подходы к социальным стереотипам У. Липпмана (Липпман, 2004).

Эмпирическую базу для изучения особенностей восприятия женщин в региональной политике составили результаты социологического исследования, проведенного в марте-апреле 2022 г. в двух указанных регионах. Авторами был применен качественный метод социологического исследования в двух вариантах — глубинное интервью и экспертное в индивидуальном варианте. Полученные данные были положены в основу настоящей статьи. Всего в глубинных интервью в двух регионах приняло участие 40 человек (Республика Тыва — 20 женщин, Республика Калмыкия — 20 женщин). В качестве экспертов было опрошено 5 мужчин по Республике Тыва и 5 мужчин — в Республике Калмыкия. В число экспертов вошли в том числе партийно-государственные деятели советской эпохи, политические деятели нового постсоциалистического периода, действующие региональные политики.

В качестве информационной базы в статье были использованы данные Межпарламентского союза и организации «ООН-женщины», глобального индекса гендерного разрыва, Росстата, официальных сайтов о персональных составах региональных правительств и парламентов Республики Тыва и Республики Калмыкия.

Барьеры и возможности женщин в современной политике

Причины недостаточной представленности женщин в политике и во власти исследователи видят в разных факторах, как институциональных, так и неинституциональных, в том числе субъективно-психологических. По мнению П. Кампа, исследовательницы из Стокгольмской школы экономики, чаще всего, последними выступают: осознанное нежелание женщин становиться политиками, различия в политических амбициях мужчин и женщин, предвзятость избирателей и предвзятость партий. По ее мнению, стремление женщин уклоняться от конкуренции также может сыграть определенную роль, поскольку политический отбор является высококонкурентным процессом¹. Кроме того, на готовность женщин продвигаться по политической карьере, пишет она, могут влиять семейные и родственные факторы, в особенности потенциальная вероятность развода со своим партнером из-за политической деятельности женщины.

В российской социологической и политологической литературе распространено мнение, что публичная политическая сфера сохраняет исторически сложившееся мужское доминирование и остается гендерно асимметричной (Здравомыслова, Темкина, 2007: 92; Айвазова, 2007: 321; и др.). Данная позиция подтверждается анализом гендерного профиля, например, региональных органов законодательной власти конкретных субъектов РФ (Козлова, 2016, 2017; Коханская, 2014; Очирова, 2011).

Надо отметить, что наряду с определенными барьерами у женщин в современном российском обществе есть и возможности для политической активности и влияния на принятие решений. Потенциальными каналами вертикальной мобильности и институциональными ресурсами для продвижения женщин в региональную политику являются политические партии, которые в своей практической деятельности действительно ориентированы на использование социального капитала женщин. Есть ресурсы общественных движений и организаций. В условиях провозглашаемой «открытости» власти у некоммерческого общественного сектора есть возможности фактически влиять на политику органов власти, участвовать в решении социально значимых вопросов. Полагаем, что

¹ Campa P. Women in Politics: Why are they under-represented? [Электронный ресурс] // Stockholm School of Economics. 2021. URL: <https://www.hhs.se/en/about-us/news/site-publications/publications/2021/women-in-politics-why-are-they-under-represented/> (дата обращения: 01.03.2022).

социально ориентированный некоммерческий сектор может выступать начальным трамплином для политической карьеры женщин.

Кроме того, несмотря на риски сетевого политического буллинга, репутационных потерь в результате заказных информационных атак в сетевом пространстве, современные социальные медиа дают беспрецедентные, по сравнению с прошлым столетием, возможности, позволяющие женщинам сформировать свою целевую аудиторию, влиять на нее, в том числе по политическим вопросам.

Представительство женщин в органах власти региона

Применительно к рассматриваемой теме следует отметить тот факт, что в политической истории Тувы в новейшее время было два прецедента, когда женщины возглавляли высшие органы государственной власти: Хертек Амырбитовна Анчимаа (1940–1944 гг.) в период Тувинской Народной Республики занимала пост Председателя Малого Хурала и Председателя Президиума Малого Хурала Тувинской Народной Республики; Долчанмаа Шожульбеевна Байкара (1962–1977 гг.) была Председателем Президиума Верховного Совета Тувинской АССР (Натсак, 2022: 29, 31).

В политической истории Калмыкии женщины-руководителя республики не было.

В Республике Тыва в настоящее время доля женщин среди депутатов регионального парламента составляет 22,5% или 7 из 31 депутата¹. В первом созыве республиканского законодательного органа (2010–2014 гг.), который после референдума 2010 г. из бикамерального² перешел в форму однопалатного парламента, доля женщин составляла 31,2% или 10 женщин из 32 депутатов³. Во втором созыве (2014–2019 гг.) доля женщин снизилась до 22,5% или до 7 женщин. Такое соотношение сохраняется в действующем третьем созыве (2019 г. — наст. время). Председателем и заместителем председателя Верховного Хурала (парламента) Республики Тыва являются мужчины-депутаты⁴. Из 9 парламентских комитетов 3 возглавляются женщинами-депутатами (33,3%).

Тенденцию снижения доли женщин в политике можно проследить по результатам выборов в Хурал представителей г. Кызыла, состоявшихся 11 сентября 2022 г. В предыдущем пятом созыве столичного представительного органа было 9 женщин-депутатов, во вновь избранном шестом созыве — 3 женщин-депутатов (представительство женщин уменьшилось с 40,91% до 13,64%)⁵.

В региональном правительстве на уровне заместителей Председателя Правительства и членов правительства женщин — меньшинство. Среди 6 заместителей только 1 женщина (16,6%), из 18 членов правительства также только 1 женщина, исполняющая обязанности министра (5,5%)⁶. По сравнению с началом 2021 г. число женщин-министров заметно сократилось.

Статистические данные показывают, что в целом по численности лиц, замещавших государственные должности и должности государственной гражданской службы в Республике Тыва на 2019 г., велика

¹ По результатам состоявшихся дополнительных выборов депутатов Верховного Хурала (парламента) Республики Тыва 11 сентября 2022 г. в Верховный Хурал (парламент) Республики Тыва по одномандатным избирательным округам Восточный № 6 и Сут-Хольский № 10 количество депутатов составило 31 чел., соответственно изменилось гендерное соотношение в составе депутатов: доля женщин уменьшилась с 23,3% до 22,58%. Сейчас мужчин 24 (77,42%) и женщин — 7 (22,58%). См.: Депутаты Верховного Хурала (парламента) Республики Тыва [Электронный ресурс] // Верховный Хурал (парламент) Республики Тыва. URL: <https://khural.rtyva.ru/struct/deputaty/295/> (дата обращения: 15.10.2022).

² Бикамеральный парламент — двухпалатный законодательный орган.

³ По данным официального сайта Верховного Хурала (парламента) Республики Тыва: Депутаты третьего созыва (действующего) [Электронный ресурс] // Верховный хурал (парламент) Республики Тыва. URL: <http://www.khural.org/struct/deputaty/295/> (дата обращения: 11.02.2022).

⁴ Изменение гендерного состава руководства тувинского парламента произошло в 2022 г., в начале срока действующего созыва заместителем Председателя ВХ (парламента) Республики Тыва являлась женщина-депутат.

⁵ Эти расчеты сделаны на основе информации официального сайта Кызылского городского Хурала представителей: Депутаты пятого созыва; Депутаты шестого созыва (действующего) [Электронный ресурс] // Хурал представителей города Кызыла. URL: <http://gorhural.ru/структура/депутаты> (дата обращения: 15.04.2022).

⁶ Состав Правительства Республики Тыва [Электронный ресурс] // Официальный сайт Правительства Республики Тыва. URL: <https://rtyva.ru/sostav-pravitelstva/> (дата обращения: 11.04.2022).

доля женщин — 71%, в муниципальных должностях и должностях муниципальной службы доля женщин еще больше — 73%, в Калмыкии соответственно — 64% и 67%¹. Таким образом, по формальным количественным показателям женщин все меньше в региональном законодательном органе и в руководстве органов власти, однако на среднем и низовом уровнях органов власти и управления — существенное количественное преобладание женщин.

В Калмыкии мы наблюдаем иную картину: тенденция роста количества женщин в I-м (1994–1998 гг.), III-м (2003–2008 гг.), V-м (2013–2018 гг.) созывах сменялась снижением во II-м (1998–2003 гг.), IV-м (2008–2013 гг.), VI-м (2018 — наст. время) созывах, в целом верхний предел доли женщин с I по VI созывы — от 18,5% до 29,6%, а также показатели на текущий момент ниже, чем было и есть в Туве — 31,2% (рис. 1). В первом созыве Народного Хурала (1994–1998 гг.) женщины составляли 7,4% от общего количества депутатов. В период с 1998 по 2003 гг. (II созыв) в Хурале была одна женщина-депутат или 3,7% от общего количества депутатов. Максимальное количество женщин-депутатов было в период с 2013 по 2018 гг. (V созыв) — 8 женщин, что составило 29,6%. В настоящее время в составе Народного Хурала VI созыва 5 женщин-депутатов или 18,5% от общего числа народных избранников.

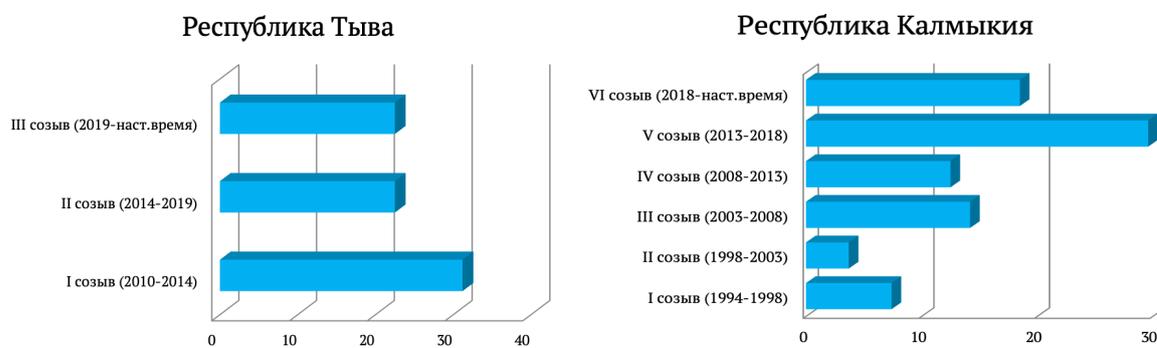

Рис. 1. Представленность женщин в законодательных органах Тувы и Калмыкии, в %².
 Fig. 1. Representation of women in the legislative bodies of Tuva and Kalmykia, in %.

Наибольшее количество женщин представлено в комитете, который отвечает за сферы, курируемые традиционно и в советский период, и в современной России женщинами — в комитете по образованию, здравоохранению, культуре, молодежной политике. В этом комитете — 3 женщины-депутата.

В отличие от Тувы в калмыцком парламенте ни одна женщина не возглавляет какой-либо из комитетов³.

Сравнительный анализ показал, что в высшем органе исполнительной власти и руководстве региональных органов исполнительной власти Калмыкии доля женщин больше, чем в аналогичных структурах Тувы. Женщина занимает пост Председателя Правительства, из 5 заместителей Председателя Правительства — 1 женщина (40%)⁴. В Правительстве Республики Калмыкия в настоящий момент из 12 министерств 5 возглавляются женщинами (38,4%). Для наглядности основные показатели по представленности женщин Тувы и Калмыкии в органах власти даны в таблице.

¹ Женщины и мужчины России 2020. Статистический сборник [Электронный ресурс] // Сайт Федеральной службы статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13215> (дата обращения: 11.04.2022).

² По данным официального сайта Верховного Хурала (парламента) Республики Тыва: Депутаты третьего созыва (действующего) [Электронный ресурс] // Верховный хурал (парламент) Республики Тыва. URL: <http://www.khural.org/struct/deputaty/295/> (дата обращения: 11.02.2022). По данным официального сайта Народного Хурала (Парламента) Республики Калмыкия: История представительной власти в республике. [Электронный ресурс] // Народный Хурал (парламент) Республики Калмыкия. Официальный сайт. URL: <http://www.huralrk.ru.postman.ru/about-republic/history.html> (дата обращения 15.04.2022).

³ По данным официального сайта Народного Хурала (Парламента) Республики Калмыкия: Комитеты и комиссия. [Электронный ресурс] // Народный Хурал (парламент) Республики Калмыкия. Официальный сайт. URL: <http://www.huralrk.ru/structure/komitety-komissii/komitetzakonodatelstva.html> (дата обращения 15.04.2022).

⁴ По данным официального сайта Правительства Республики Калмыкия: Председатель Правительства республики Калмыкия. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Правительства Республики Калмыкия. URL: <http://kalmregion.ru/organy-vlasti/> (дата обращения: 17.10.2022).

Таблица. Доля женщин в законодательных и исполнительных органах власти Республики Тыва и Республики Калмыкия, %
 Table. The proportion of women in the legislative and executive authorities of the Republic of Tuva and the Republic of Kalmykia, %

Орган власти	Республика Тыва	Республика Калмыкия
Верховный Хурал (парламент) Республики Тыва (первый созыв) (2010–2014 гг.) Народный Хурал (парламент) Республика Калмыкия (первый созыв) (1994–1998)	31,2	7,4
Верховный Хурал (парламент) Республики Тыва (2019 г. — наст время) Народный Хурал (парламент) Республика Калмыкия (2018 — наст. время)	22,5	18,5
Правительство	9,09	35,3

Источник: официальные сайты законодательных и высших исполнительных органов власти Республики Тыва и Республики Калмыкия¹.

Исходя из этих данных, можно сделать несколько выводов. В Туве, Калмыкии, как и в России в целом, в сфере публичной политики и руководстве органов власти женщин — меньшинство. В депутатском корпусе регионального уровня на текущем этапе по сравнению с первыми созывами парламентов двух рассматриваемых субъектов РФ наблюдаются две противоположные тенденции — в Туве наблюдается снижение доли женщин, в Калмыкии — рост. При этом за все созывы Народного Хурала Республики Калмыкия доля женщин не достигала 30%, в то время как в Верховном Хурале (парламенте) Республики Тыва в период I созыва (2010–2014 гг.) был прецедент превышения 30%, а именно — 10 женщин среди 32 депутатов (31,25%), и в настоящее время в составе депутатов законодательного органа Республики Тыва женщины чуть больше представлены, чем в Калмыкии. В формировании состава высшего органа исполнительной власти субъекта РФ — правительства — экспертный и управленческий потенциал женщин в большей степени используется в Калмыкии, чем в Туве, и формирование отраслевой политики в большей степени доверяют женщинам-руководителям. Следует отметить тот факт, что в Калмыкии в отличие от Тувы и России в целом дисбаланс в пользу женщин на уровне региональных государственных гражданских, а также муниципальных служащих менее выражен (в Туве — 71% и 73% соответственно, в России в целом — 74% и 77% соответственно).

Мотивация и потенциал женщин в региональной политике

Для понимания степени мотивации женщин, уровня их политических амбиций, а также оценок в обществе политико-управленческого потенциала женщин, существующих гендерных стереотипов нами было проведено социологическое исследование с использованием единого инструментария в двух регионах.

¹ По данным официальных сайтов правительств и парламентов республик: Состав Правительства [Электронный ресурс] // Официальный сайт Правительства Республики Тыва. URL: <https://rtyva.ru/sostav-pravitelstva/> (дата обращения: 19.09.2022); Органы власти [Электронный ресурс] // Официальный сайт Правительства Республики Калмыкия. URL: <http://kalmregion.ru/organy-vlasti/> (дата обращения: 19.09.2022); Депутаты Верховного Хурала (парламента) Республики Тыва [Электронный ресурс] // Верховный Хурал (парламент) Республики Тыва URL: <https://khural.rtyva.ru/struct/deputaty/295/> (дата обращения 15.05.2022); Депутаты Народного Хурала (парламента) Республики Калмыкия [Электронный ресурс] // Народный Хурал (парламент) Республики Калмыкия. Официальный сайт. URL: <http://www.huralrk.ru/structure/deputaty.html> (дата обращения 19.09.2022).

Несмотря на то, что участники глубинного интервью — женщины с высшим образованием, состоявшиеся в карьере, имеющие постоянную работу, доход, и интересуются тем, что происходит в региональной политике, ищут и получают информацию из интернет-изданий, мессенджеров, федеральных и региональных ресурсов, в Республике Тыва ни одна из них не выразила желания заниматься политической и общественной деятельностью. На вопрос о том, рассматривают ли участники интервью для себя возможность заниматься политикой, участвовать в выборах, заниматься общественной деятельностью, ответы были отрицательными¹. В позициях женщин наблюдается не столько пассивность, сколько осознанный эскапизм — избегание политики. Вышесказанное свидетельствует о возможном снижении социальной привлекательности политики как профессиональной публичной сферы деятельности на региональном уровне в целом, и для женщин, в частности. Данная ситуация отнюдь не означает, что в обществе нет интереса к политике. Он есть, и большой, но это, скорее, интерес сторонних наблюдателей за сетевыми обсуждениями кадровых назначений, личностей в политическом поле, за трансляцией, как правило, негативной информации относительно них.

Обозначим ключевые факторы, которые препятствуют женщинам более активно проявлять себя в региональной политике и во власти.

Одним из характерных черт современной эпохи является усиление «градуса» агрессии в информационном пространстве в отношении не только политиков, но и большинства чиновников как со стороны политических оппонентов, так и населения, в особенности в условиях социально-экономических проблем на региональном уровне и широкого проникновения соцмедиа в повседневную жизнь. В общественном дискурсе стало привычным делом обсуждение не только профессиональной деятельности политиков, но и разоблачения, скандалы, раскрытие персональных данных, которые могут нарушить неприкосновенность личной жизни, а также привести к репутационным потерям. Как показали интервью, обсуждения публичных лиц для женщин является одним из важных факторов, определяющих нежелание заниматься публичной политикой.

«Женщины сегодня очень уязвимы перед жесткой критикой в сети. И не всегда это содержательная критика, связанная с профессиональной деятельностью, часто это просто оскорбления, особенно по поводу их внешности. Мужчин, думаю, такие вещи не особо задевают. Оскорбительные комментарии о женщинах во власти — показатель нашей общей культуры, озлобленности людей» (женщина, 49 лет, г. Кызыл).

Для небольших республик, в которых каждый представитель политики и власти на виду, данный фактор становится критическим для действующих и будущих политиков, а для их оппонентов — политическим оружием и возможностью влияния на общественное мнение.

«С Интернетом все сложнее для женщин: плюсы в том, что через него можно быстро заявить о себе, высказаться по любому вопросу, сделать тему резонансной, и об этом весь мир узнает. Но женщины беззащитны перед кибербуллингом, троллингом. Для них это болезненно» (мужчина, 22 года, г. Кызыл).

П. Штомпка, исследовавший феномен доверия с социологической точки зрения, считает, что репутация — это актив, вид инвестиций, запас, который позволяет приобретать другие ценностные активы, среди которых доверие и все, что с ним связано (Штомпка, 2012: 191).

Полагаем, что стремление избежать потенциальных репутационных потерь в информационном поле является основой стратегии неучастия в политике. Данный вопрос приобретает особую актуальность и значение в условиях развития новых средств и пространств для социальных коммуникаций.

¹ При интерпретации данного результата необходимо учитывать связь между особенностью вопроса и особенностями участников интервью (эксперты), а также следует соотносить мнение опрошенных с текущей политической практикой. На примере выборов депутатов Кызылского городского Хурала представителей (столичного представительного органа), состоявшихся 11 сентября 2022 г., можно увидеть, что доля женщин-кандидатов была существенной — 39,04%, по результатам голосования 13,64% избранных народных представителей составили женщины (3 из 22 депутатов). Эти цифры, ставшие известными авторам в ходе предпечатной подготовки статьи, свидетельствуют о том, что женщины, с одной стороны, в партийных списках могут занимать неприоритетные места, и, с другой стороны — по электоральной поддержке они уступают мужчинам. См.: Депутаты пятого созыва; Депутаты шестого созыва (действующего) [Электронный ресурс] // Хурал представителей города Кызыла. URL: <http://gorhural.ru/структура/депутаты/депутаты-шестого-созыва> (дата обращения: 15.10.2022).

Гендерные стереотипы

Политика и власть — мужская сфера. Эту позицию в Туве разделяют практически все эксперты вне зависимости от пола, возраста, экспертной группы, которую они представляют:

- «Мужчины не хотят уступать женщинам дорогу в политической карьере. Мужчины преобладают, их большинство, это — “мужской сговор”» (женщина, 43 года, Кызыл);
- «Мужчины у власти и в политике не дадут женщине раскрыть себя, не позволят ей быть более успешной, чем они. Они не допустят конкуренции с женщинами, потому что они боятся того, что женщина в перспективе может стать успешнее их» (женщина, 39 лет, г. Кызыл);
- «Нужна управляемость во всем, даже женщин-политиков надо готовить, нужно и общество готовить к восприятию того, что женщины могут быть политиками» (женщина, 52 года, г. Кызыл).

Политика — не женское дело. Эксперты отмечают, что в сознании общества — женщина-политик должна обладать «мужским умом», «мужским характером», «в восприятии многих сильная власть равно мужская власть...». По сути, чтобы стать успешным политиком, женщина должна обладать «мужскими качествами». Такое отношение умаляет качества и ум женщин, и, по мнению исследователей, подразумевает, что эталон ума — мужской, а женский ум — «второй свежести» (Барина, Косорукова, 2019).

Несамостоятельность женщин в политике. Интервью показали укоренившийся стереотип о том, что женщина в политику не может попасть самостоятельно, опираясь лишь на собственные ресурсы:

- «В политику женщин приводят мужчины: мужья или влиятельные покровители» (женщина, 40 лет, г. Элиста);
- «Покровителями могут быть представители родовых кланов, влиятельные бизнесмены или чиновники, которые сами не хотят «светиться», но им нужны люди, которые будут продвигать их интересы...» (женщина, 51 год, г. Элиста).

По мнению некоторых участников интервью, сама идея о женщине-лидере вызывает отторжение у мужчин-политиков. Но при этом они могут по своему усмотрению осознанно и целенаправленно поддерживать, и выдвигать женщин в собственных интересах, оставаясь сами в тени. В этом случае женщины выступают как политический проект, в который финансово, морально, консультационно вкладывают мужчины, в этой связи женщины не являются полноценными политиками со своей позицией по ключевым социально значимым вопросам, и выступают, скорее, как артикуляторы чужих (скрытых) интересов. На такое положение влияет экономический фактор, а именно — дефицит ресурсов у женщин. В ходе исследования экспертами в Туве была озвучена позиция, согласно которой женщины не обладают теми финансовыми возможностями, чтобы быть самостоятельными в региональной политике и выстраивать собственную политическую, в том числе информационную политику. «Материальная бедность большинства женщин, страхи потенциальной критики мешают женщинам заниматься политикой» (женщина, 41 год, г. Кызыл).

Эксперты в Калмыкии также выразили мнение о том, что многим женщинам мешает стереотип, согласно которому высокое положение жены, ее политическое влияние «принижает положение ее мужа в восприятии родственников, общественности в целом». В связи с чем, многие активные, харизматичные женщины сознательно «отходят» на второй план, направляя свою деятельность на семью или развитие бизнеса.

Социокультурные факторы

Неготовность общества к восприятию женщин-лидеров в политике. На этот фактор указывают, как в Туве, так и в Калмыкии. В Калмыкии отмечают, что современное калмыцкое общество еще не готово к тому, чтобы женщины занимались политикой, и ему нужно преодолеть большое количество стереотипов о политике и о роли современной женщины в политике. В настоящий момент, по мнению экспертов, эти стереотипы преодолеть невозможно, поскольку они не преодолены в общероссийском масштабе.

Помимо этого, эксперты выделяют проблему патриархальности обществ:

- «Калмыки патриархальны, большая часть населения не воспринимает женщину как политика, поскольку уверены, что женщина должна заниматься семьей и детьми» (мужчина, 45 лет, г. Элиста);

— «Мужчины-политики не желают впускать женщин в эту область, потому что им легче работать, консультироваться с мужчинами. Они считают женщин слабыми. В тувинском обществе сохраняется патриархальный взгляд на женщин» (женщина, 43 года, г. Кызыл).

Мы видим, что в региональных сообществах Тувы и Калмыкии, устойчивы идеи традиционной семьи, несмотря на высокий уровень образованности как мужчин, так и женщин в данных республиках. Именно этнокультурный фактор, на наш взгляд, все еще определяет главную роль женщины в обществе как «хранительницы очага», но никак не профессионала в той или иной области или тем более равноправного мужчинам политического игрока. Причем такое мнение преобладает в сознании как мужчин, так и самих женщин.

Женская «несолидарность». Эксперты в Туве наряду с другими факторами объясняют гендерный дисбаланс во власти и политике неспособностью самих женщин к сотрудничеству: «Женщины сами отказались от активной роли в политике, власти и уступили все мужчинам. Но если женщины могли бы объединяться, сотрудничать, они многого могли бы добиться» (эксперт, женщина, г. Кызыл).

О феномене российского общества, при котором женщины не поддерживают женщин, писали А. Е. Чирикова, И. Ю. Лапина: «Нежелание допускать женщин во власть со стороны электората некоторые эксперты склонны интерпретировать завистью к чужим успехам и ментальными ограничениями женщин-избирательниц» (Чирикова, Лапина, 2009: 35). Не разделяя полностью данную позицию, все же отметим, что в ходе интервью со стороны женщин-экспертов в Туве был выявлен серьезный дефицит доверия к женщинам-политикам республики и достаточно категоричное отрицание авторитета женщин-политиков и женщин-руководителей. Аналогичная ситуация наблюдалась, когда обсуждался вопрос о доверии женщинам-блогерам, журналистам Тувы. Причинами отсутствия доверия к женщинам-политикам называли отсутствие серьезной позиции и идей. Более того, участники интервью в Туве объясняли невозможность появления женщины в статусе главы республики тем, что женщины сами не поддержат женщину-кандидата. «К женщинам-руководителям или политикам сами женщины относятся пренебрежительно» (39 лет, женщина, г. Кызыл).

В данном случае полагаем, что речь идет о персональном доверии/недоверии, а не о позиционном. Если доверие обращено к конкретной общественной роли (позиции), оно переносится на каждого, кто эти роли выполняет. Однако персональное доверие к конкретным исполнителям ролей имеет, по мнению П. Штомпки, значение для поддержания, усиления или ослабления позиционного доверия и может даже преобразоваться в доверие ко всей институции (Штомпка, 2012: 127). Кроме того, социолог отмечает, что на границе между межличностным доверием и доверием общественным находятся общественные категории, понимаемые как собрания людей, похожих с точки зрения какой-либо черты (там же: 117). В качестве примера он приводит доверие или недоверие, адресованное полу, что часто опирается на стереотипы и предубеждения (доверяю мужчинам и не доверяю женщинам) (там же).

Доверие является основой «социального капитала» — термина, введенного социологом Дж. Коулмэном и политологом Р. Патнемом (Коулман 2001; Патнэм, 1996). Ф. Фукуяма отмечает, что тем или иным запасом социального капитала обладает любое общество, реальные различия между ними обусловлены «радиусом доверия», при этом доверие играет роль своеобразной «смазки», позволяющей группе или организации функционировать более эффективно (Фукуяма 2002: 129, 132).

Отсутствие доверия женщинам-политикам и женщинам-руководителям в органах власти со стороны женщин-экспертов, во-первых, носит персонализированный характер, и не распространяется на позиции и институты. Во-вторых, недоверие к данной общественной категории (в данном случае женщинам-политикам и женщинам, занимающим руководящие позиции в органах власти) указывает на определенные стереотипы в существующей политической культуре. В-третьих, если мы принимаем, что доверие является главным компонентом социального капитала, то выявленное в ходе исследования недоверие женщин-экспертов к рассматриваемой категории может свидетельствовать об определенном дефиците в более общем климате доверия в обществе. Высокие общественные ожидания от политиков и власти, в том числе, в сфере этического поведения, справедливости, компетентности не всегда оправдываются последними, что приводит к снижению доверия к ним.

В Калмыкии со стороны женщин-экспертов наблюдается отрицание авторитета определенных женщин-политиков, занимавших различные должности на разных уровнях власти, но которые, по их мнению, «ничего не сделали для республики». При этом женщины-эксперты видят большой потенциал

у современных женщин республики, который они могли бы успешно реализовать в политической сфере и управлении¹.

Одна из экспертов в Калмыкии отметила, что женщинам важно иметь перед собой реальный пример успешной женщины-политика, который бы вдохновил других женщин и показал, «что если она смогла, то и я смогу». Но пока такого примера, по ее мнению, в республике нет.

В данном вопросе мы наблюдаем, что в Туве женщины более пессимистично видят перспективу женщин в политике, в Калмыкии же эксперты говорят о том, что видят потенциал в современных женщинах, но отмечают, что нет женщины-лидера, которая показала бы всем пример.

Временный характер пребывания во власти и политике. Свое нежелание заниматься публичной политикой участницы интервью женского пола обосновывают также тем, что пребывание в политике и в любой руководящей должности имеет временные лимиты, после истечения которых, по мнению опрошенных, бывший политик или руководитель оказывается вне системы и будет фактически выброшенным из сетей профессиональной, политической поддержки. Как считают участницы интервью, это малопривлекательная перспектива с точки зрения дальнейшей жизни в обществе в условиях небольшой республики.

— «Пребывание в политике и во власти — временное. Когда приходит время уходить, а это время достаточно быстро наступает, человек выходит оттуда «растерзанным» и «травмированным». В дальнейшей жизни это очень плохо отражается. В нашей республике так. Дальше жить в обществе очень сложно. Мы видим эти примеры. Я точно не хочу такой жизни» (женщина, 38 лет, г. Кызыл).

— «Многие и, в первую очередь, женщины понимают, что публичная политика — временное занятие, после которого все дороги будут закрыты. Я сам прошел через это. Когда завершил свою политическую деятельность, я остался без работы, несмотря на уровень моей подготовки. Никто не хотел меня принимать на работу. И это происходило именно по политическим мотивам» (мужчина, 73 года, г. Кызыл).

Таким образом, опрошенные эксперты в Туве считают, что после ухода из региональной политики будет затруднена дальнейшая трудовая карьера.

В Калмыкии же часть экспертов выделила положительные стороны временного пребывания женщины у власти. Они рассматривают политическую карьеру женщины как накопление символического капитала, обрастание нужными связями, контактами, доступ к влиятельному кругу лиц, что в дальнейшем будет использоваться для развития бизнеса, профессиональной карьеры не только женщины-политика, но и ее окружения.

Неуверенность и неверие женщин в то, что они способны влиять на политические процессы.

«Попав в политику или во власть, я стану всего лишь винтиком, марионеткой, от которой ничего не зависит. Стыдно будет перед людьми. Ни самостоятельности, ни пользы народу я не смогу добиться. Я это прекрасно понимаю. Сомневаюсь в том, что я буду успешной во власти в нынешних социально-экономических условиях республики, которые всегда были непростыми. Население привыкло к готовому, требовать, оно не готово брать ответственность за свою жизнь» (женщина, 43 года, г. Кызыл).

Мнение опрошенных женщин в Элисте совпадает с женщинами из Кызыла. Они также считают, что в политике женщины не «входят в ядро политической элиты», которое, влияет на структуру политического устройства региона и на внутреннюю политику региона.

Женщины — вне неформальных сетей влияния. В силу устоявшихся норм политической культуры женщины с большей вероятностью будут вне рамок неформальных сетей влияния и принятия решений, в которых обычно участвуют мужчины. Это также влияет на их недостаточную представленность в политике и власти. В этих сферах всегда существует невидимый уровень коммуникаций и принятия решений, которые затем получают процедурное оформление, куда практически не попадают женщины. «У мужчин есть свои чисто “мужские” мероприятия. Такие как выезд в тайгу, охота, рыбалка, доступ к которым женщине закрыт» (мужчина, 61 год, г. Кызыл).

¹ Эти оценки подтвердились, когда Председателем Правительства Республики Калмыкия была назначена женщина, о чем стало известно в ходе предпечатной подготовки статьи. См.: Председатель Правительства Республики Калмыкия [Электронный ресурс] // Сайт Правительства Республики Калмыкия. URL: <http://kalmregion.ru/predsedatel-pravitelstva/> (дата обращения: 28.09.2022).

Гендерные предпочтения в пользу мужчин вне зависимости от уровня профессиональной компетентности и деловых качеств. Женщины-эксперты акцентировали внимание на том, что в конкурентных условиях при назначении на те, или иные руководящие позиции, даже, когда женщина-кандидат обладает более высокими профессиональными, деловыми качествами, опытом, назначают мужчину.

«На региональном уровне практически все руководящие должности заняты мужчинами. Не берут в учет деловые качества женщин. Есть руководители-мужчины, которые предпочитают работать исключительно с мужчинами. У нас в республике более успешные карьеры у женщин, которые работают в руководящих должностях в территориальных управлениях федеральных органов власти, и назначаются не здесь, а в Москве. Если бы полномочия по их назначениям находились бы у региональной власти, этих женщин как руководителей не было бы» (женщина, 49 лет, г. Кызыл).

Приоритет семьи в системе ценностей современных тувинских и калмыцких женщин. В ходе интервью было выявлено, что для женщин более важны экономическая активность по получению доходов и сфера заботы в семье, домашние обязанности, чем политика.

«Для меня важнее семья: муж, дети, мой дом, мне политика неинтересна как профессиональная деятельность» — такова позиция современных женщин, если обобщить оценки респондентов.

— «Женщины сами поменяли свои приоритеты. Главным для женщин является не политика, а семья, дети, образование детей. Дети сейчас не могут самостоятельно заниматься, их образование требует большого родительского участия, особенно дополнительное образование детей. Поскольку семья, решение семейных вопросов полностью лежат на женщине, она встанет перед выбором: либо семья, либо политика. Она не может это совмещать по времени, так как политика требует всего времени у того, кто ею занимается. Женщины не готовы к э тому, и выбирают семью» (женщина, 43 года, г. Кызыл).

— «На женщине большая нагрузка. Семья на женщине, она кормилица, она должна обеспечивать семью. Ей не до политики» (женщина, 49 лет, г. Кызыл);

— «Если ты становишься политиком, то ты отсутствуешь в семье. Большинство женщин делают выбор в пользу семьи, если у нее все благополучно в семье, то она чувствует себя счастливой. Но если в политической карьере все будет хорошо, но в семье — нет, то она не может быть счастливой» (женщина, 42 года, г. Кызыл).

Эксперты указывают на определенную пассивность женщин: «Сами женщины не хотят в политику. Мы наблюдаем то, что женщины уже привыкли к своей вторичной роли, они соглашаются со своим положением в политике» (женщина, 52 года, г. Кызыл).

С учетом приоритета семьи в планировании карьерных стратегий женщин можно утверждать о том, что перед современными женщинами как в Туве, так и в Калмыкии стоит дилемма идентичности, описанная Н. Смелзером, при которой женщины пытаются одновременно справиться со многими обязанностями (Смелзер, 1994: 415).

Для калмыцких женщин приоритет семьи также неоспорим. Ответы респондентов в Калмыкии практически полностью совпадают с ответами женщин в Туве. Эксперты отмечают, что многие женщины сами отстраняются от различных социальных и тем более политических активностей, говорят, что «далеки от политики». Также существует тенденция при которой многие активные женщины уезжают из региона или в республику не возвращаются молодые девушки, которые учились в других регионах страны, особенно в г. Москве или Санкт-Петербурге. В этой связи многие эксперты отметили, что если девушка или женщина, получившая образование в другом регионе или успешно работающая за пределами республики, возвращается жить в Калмыкию, то это только потому, что она «выбрала семью, а не карьеру». То есть в данном случае, женщины, которые могли бы заниматься политикой и у которых есть потенциал, амбиции и т. д., в большинстве случаев уезжают из республики.

В социологической литературе описаны результаты исследований, показывающие, что одной из причин нежелания женщин приобретать профессии в областях, где преобладают мужчины, могла быть «боязнь успеха», а также страх социальных последствий успеха (невозможность найти или сохранить мужа, а также вероятность недовольства со стороны других мужчин и женщин) (Смелзер, 1994: 345). Говоря о приоритетности семьи, мы также должны учитывать тот факт, что женщины соотносят приобретаемую «выгоду» от занятий политикой с потенциальными рисками и потерями в других областях жизни, например, в семье.

Оценка роли и потенциала женщин в региональной политике

Эксперты считают, что формально женщины присутствуют в исполнительных и законодательных органах власти двух республик, но не обладают весомым влиянием.

«Женщины в политике есть, однако, они очень ограничены своих действиях, вынуждены действовать с оглядкой на мужчин-политиков. Женщины в республике не могут заявить о себе как свободные политики, выражать свою точку зрения. Они вынуждены играть по правилам мужчин у власти. Если найдется женщина, которая начнет вести свою собственную информационную политику, ей будет очень сложно. Сразу будет негативная реакция, ее будут одергивать, указывать, что ее взгляды идут в разрез с общей политикой. Политика мужского шовинизма началась еще в 1990-е гг., постепенно женщины уходили с политической арены, последние женщины-политики — это Кара-Кыс Донгаковна Аракчаа, Галина Алексеевна Салчак, Зоя Назытыевна Сат» (женщина, 52 года, г. Кызыл).

В Калмыкии потенциал женщин в политике экспертами оценивается достаточно высоко. Все эксперты отметили необходимость участия женщин в политике наравне с мужчинами.

«Женщины ни в чем не уступают мужчинам. Их даже больше по количеству в возрастных группах старше 40 лет. Женщины активнее, образованнее, социальнее, коммуникабельнее...» (женщина, 44 года, г. Элиста).

Для оценки политического потенциала женщин экспертам был задан вопрос о том, может ли женщина возглавить республику.

В Туве респонденты разделились на две группы: на тех, кто полагает, что при имеющихся политических условиях, политической культуре, социально-экономических условиях женщина не может возглавить республику, и на тех, кто считает, что гипотетически может возглавить, но для этого женщина должна обладать экстраординарными личностными и профессиональными качествами, а для того, чтобы общество было готово к этому, должно пройти определенное количество лет.

Приведем рассуждения экспертов:

— «Женщина не сможет пробиться на верхнюю ступень власти в республике. Такой женщины нет. Мужчинам легче пробиваться. Когда женщины-тувинки проникали во власть и в вершину политику — это были другие времена. Благодаря специальной государственной политике поддержки женщин появились как политические лидеры Хертек Амырбитовна Анчимаа-Тока, Байкара Шожульбеевна Долчанмаа, Тамара Чаш-оловна Норбу. Женщины во власти — это было требованием и политикой прошедших времен. Сейчас такой системы нет, соответственно, шансов у женщин нет» (женщина, 50 лет, г. Кызыл);

— «Должно пройти определенное время, лет 10, чтобы тувинское общество стало готовым к приходу женщины в качестве Главы республики. В политике у нас патриархат, сильное мужское давление. Женщине не до политики, на ней — ответственность за семью» (мужчина, 22 года, г. Кызыл);

— «Женщину могли бы избрать сегодняшние дети, когда они станут электоратом, они свободны от стереотипов, они более свободны в своем выборе, чем мы» (мужчина, 28 лет, г. Кызыл).

Идею о том, что женщина может быть лидером региона, связывали с такими условиями:

«Женщина может. Но для этого нужно иметь неординарные качества и быть самостоятельной личностью. Если найдется женщина, которая может понять логику баланса сил в республике, неформальные институты влияния в тувинском обществе, в том числе земляческо-родственно-клановые отношения, она может стать главой» (женщина, 52 года, г. Кызыл).

При этом эксперты вполне допускают мысль о том, что региональный парламент может возглавить женщина. По их мнению, отчасти это связано с тем, что в настоящее время парламент во многом потерял свое политическое влияние.

«Женщина легко может возглавить парламент, так как он сейчас не играет какую-либо значимую роль, ресурсов нет, статус формальный, реальный статус потерян» (женщина, 47 лет, г. Кызыл);

«В понимании простых людей парламент — второстепенный орган, а должность Главы республики — самый высокий. Поэтому на роль главного человека в республике женщину не допустят, а в качестве руководителя парламента — могут» (мужчина, 22 года, г. Кызыл).

В Калмыкии на вопрос, может ли женщина возглавить республику, большая часть экспертов дала отрицательный ответ. Были озвучены следующие ответы: «...если мужчины не справляются, почему женщина сможет»; «...Калмыкия патриархальна» (мужчина, 45 лет, г. Элиста), «Женщины не справятся психологически, они будут критиковаться не только мужчинами, но и самими женщинами...» (мужчина,

50 лет, г. Элиста); «Неважно, каким высоким профессионалом является женщина, в руководстве регионом нужно быть резким и решительным, уметь брать ответственность на себя, принимать решения однозначно и бесповоротно, а это не свойственно женщинам...» (мужчина, 42 года, г. Элиста).

Среди тех, кто считает, что женщины могут возглавить республику были следующие суждения: «Почему бы нет? Если она разумна и выражает интересы жителей республики...» (женщина, 33 года, г. Элиста); «Сейчас нужно отходить от стереотипов, что мужчины должны возглавлять регион, примеров в России мало, но они есть, женщины справляются наравне с мужчинами-политиками...» (женщина, 35 лет, г. Элиста). Но при этом они не назвали имя ни одной из женщин в республике, кто, по их мнению, сейчас мог бы возглавить регион. При этом, как мы видим, более категоричны в этих суждениях мужчины.

Как отмечал У. Липпман, система стереотипов не только экономит усилия, но и могут служить ядром нашей личной традиции, способом защиты нашего положения в обществе, и представляют собой более или менее непротиворечивую картину мира (Липпман, 2004: 108). Стереотипная картина мира может быть неполной, но это картина возможного мира, к которому люди приспособились. Данный исследователь считал, что стереотипы — бастион традиции, за которым люди чувствуют себя в безопасности (там же). История показывает, что разрушителем стереотипов в обществе может служить как целенаправленная идеология, так и реальная политическая практика, фактические кейсы успешных примеров политической карьеры женщин.

Может ли женщина в Калмыкии возглавить Народный Хурал? Мнения экспертов разделилось при ответе на этот вопрос. Часть экспертов отмечает, что в законодательном органе такие женские качества, как профессионализм, аккуратность, гибкость, могут быть больше востребованы, чем в должности руководителя региона, где нужны другие качества. Часть экспертов актуализирует внимание на правах женщин: «Женщина такой же гражданин страны, как и мужчина, обладает теми же правами...» (женщина, 51 год, г. Элиста). Другие эксперты отметили, что в современном обществе, где возрастает роль женщин, «для соблюдения гендерного баланса должность Председателя Хурала можно отдать и женщине...» (мужчина, 43 года, г. Элиста).

Среди отрицательных ответов были мнения о том, что «мужчины лучше в качестве руководителей», также о мужском доминировании и солидарности, которые «не позволят женщинам стать во главе Народного Хурала Республики Калмыкия».

Следует отметить, что с женщиной-лидером ассоциируются надежды на более низкую концентрацию агрессии в обществе и снижение коррупции:

«В пользу женщин-политиков говорит то, что женщины все же меньше будут воровать, высока вероятность того, что снизится уровень агрессии и произойдет оздоровление общества. Они могут задать новые правила игры, новые принципы, убеждения, новый каркас общества» (женщина, 52 года, г. Кызыл).

В целом, по мнению экспертов, как в Туве, так и в Калмыкии, женщины не могут возглавить регионы. В Туве эксперты считают, что для того, чтобы стать главой республики, женщина должна обладать неординарными качествами, в Калмыкии — достаточно иметь хорошее образование, быть профессионалом, главная проблема заключается лишь в преодолении стереотипов.

В обеих республиках допускают возможность того, что парламент может возглавить женщина. В Туве эту возможность связывают с тем, что законодательный орган обладает, как считают участники интервью, меньшим политическим влиянием, чем высший исполнительный орган, и для соблюдения гендерного баланса можно допустить к руководству парламентом женщину. В Калмыкии вышеуказанный момент также может присутствовать, но респонденты в открытую не говорили об этом, при этом они указали, что сама должность Председателя Народного Хурала предполагает определенные качества, которым женщина соответствует в полной степени.

Заключение

Подводя итоги исследования, можно сделать несколько выводов.

Тува и Калмыкия близки не только по уровню социально-экономического развития, но и в том, что в обеих республиках достаточны сильны патриархальные взгляды на роль женщин в политике и гендерные стереотипы, согласно которым политика — мужская сфера. И это, несмотря на тот факт, что женщины как социально-демографическая группа как в тувинском, так и калмыцком обществах,

отличаются высокой экономической активностью и социальной мобильностью, имеют более высокий уровень образования по сравнению с мужчинами миграционной активности.

Формально-количественный анализ состава руководства законодательных органов двух регионов, высших органов исполнительной власти, региональных министерств показал, что количество активных женщин-политиков и женщин-руководителей — незначительное. В депутатском корпусе Тувы наблюдается тенденция снижения количества женщин, Калмыкии — роста. Однако, если сравнивать доли женщин, тувинских женщин-парламентариев больше, чем калмыцких, а в руководстве региональных органов власти женщины больше представлены в Калмыкии, чем в Туве. В целом для обоих регионов характерна ситуация, когда политические ресурсы преимущественно концентрируются в руках мужчин, и в формировании региональной политической элиты женщины играют довольно скромную роль.

В Калмыкии, как и в Туве, женщины занимают значительное количество средних и низовых должностей в государственных органах управления. В данном случае можно согласиться с мнением В. М. Очировой, что в республиках женщины в своем большинстве находятся на «нижних этажах власти» (Очирова, 2011: 59).

При этом важно отметить, что эксперты разделяют понятия «женщина-политик» и «женщина-руководитель», «представитель органа власти». Женщина-политик воспринимается ими как более харизматичная личность, чем женщина-управленец, способная обойти конкурентов внутри партии или же стать лидером партии. Женщина-руководитель или представитель органа власти является, по их мнению, высококвалифицированным профессионалом, аналитиком, но персоной не самостоятельной.

Помимо гендерных стереотипов в рассматриваемых регионах сильны экономические и социально-психологические барьеры у самих женщин, препятствующие им более активно проявлять себя в региональной политике. Общей чертой общественного мнения в двух республиках выступает неготовность общества к тому, что регионы гипотетически могут возглавить женщины. Политический потенциал женщин более высоко оценивается в Калмыкии, чем в Туве. Региональные особенности сложившейся политической культуры выражаются и в том, что временный характер пребывания в политике и власти в Туве расценивается как барьер для дальнейшей карьеры после ухода из активной политики и властных позиций, в то время как в Калмыкии — как возможность наращивания социального капитала женщин, который будет способствовать дальнейшему развитию карьеры.

Немаловажным является, как показало наше исследование, наличие у экспертов представления о том, что женщины менее подвержены коррупции, чем мужчины во власти. Полагаем, что в этом выражается некая надежда на справедливое общество, которое ассоциируется с женщинами во власти и политике.

Несмотря на то, что гендерное неравенство в политике характерно для России в целом, этно-социальные особенности рассматриваемых регионов в значительной степени оказывают влияние на политическую активность и участие женщин в политике. Несмотря на высокий уровень образованности женщин в Туве и Калмыкии, в республиках сильны традиционные ценности, в особенности семьи и рода. Анализ высказываний респондентов-женщин показал, что женщины готовы «пожертвовать» карьерой, в том числе политической, ради семьи, а высказывания респондентов-мужчин подтверждают патриархальность тувинского и калмыцкого обществ. При этом важно отметить, что в регионах отмечается высокая трудовая, образовательная и постобразовательная миграция населения, в том числе женская. В связи с чем определенная часть активных женщин строит свою карьеру в других регионах страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Айвазова, С. Г. (2007) «Игра в гендер» на поле российской политики: возможности институциональных изменений // Россия реформирующаяся : ежегодник / отв. ред. М. К. Горшков. М. : Институт социологии РАН. Вып. 6. С. 319–331.

Барина, Н. В., Косорукова, М. И. (2019) Женщина в современной политической культуре (на примере России и Русского Зарубежья) // *Nauka.me*. № 1. DOI: <https://doi.org/10.18254/S241328880005606-0>

Задворнова, Ю. С. (2019) Ликвидация гендерного разрыва в оплате труда в STEM-отраслях как ключевая задача преодоления гендерного неравенства в странах цифровой экономики // Женщины в российском обществе. № 3. С. 114–120. DOI: <https://doi.org/10.21064/WinRS.2019.3.9>

Здравомыслова, Е. А., Темкина, А. А. (2007) Патриархат и «женская власть» // Российский гендерный порядок: социологический подход / отв. ред. Е. Здравомыслова и А. Темкина. СПб. : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге. 306 с. С. 68–97.

Козлова, Н. Н. (2016) Депутатский корпус Центрального федерального округа: гендерное измерение // Женщины в российском обществе. № 4 (81). С. 58–71. DOI: <https://www.doi.org/10.21064/WinRS.2016.4.5>

Козлова, Н. Н. (2017) Депутатский корпус региональных парламентов Южного Федерального округа: опыт гендерного анализа // Человек. Сообщество. Управление. Т. 18. № 2. С. 68–84.

Колесник, Н. В. (2021) Гендерное (не)равенство в политической власти российских регионов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 4. С. 468–491. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.1652>

Колесник, Н. В. (2022) «Хрупкое неравенство», или женщины в большой политике: случай административной элиты // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. Т. 24. № 1. С. 107–119. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-1-107-119>

Коулман, Дж. (2001) Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. № 3. С. 122–139.

Коханская, Е. А. (2014) Роль гендерного фактора в формировании региональной элиты // Власть. № 10. С. 98–104.

Кранзеева, Е. А. (2021) Изменения политического сознания и поведения российских женщин: вызовы цифровизации // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». № 1 (ч. 2). С. 258–266. DOI: <https://doi.org/10.28995/2073-6401-2021-1-258-266>

Липпман, У. (2004) Общественное мнение. М. : Ин-т Фонда «Общественное мнение». 384 с.

Натсак, О. Д. (2022) Гендерное измерение тувинской политики (советский опыт и постсоветская практика) // Общество: социология, психология, педагогика. № 6. С. 28–38. DOI: <https://doi.org/10.24158/sp.2022.6.3>

Очирова, В. М. (2011) Женщины в составе региональных политических элит: к проблеме представительства // Власть. № 12. С. 57–60.

Патнэм, Р. (1996) Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии. М. : Ad Marginem. 287 с.

Пушкарева, Н. Л., Жидченко, А. В. (2021) Женские имена в названиях улиц тувинских городов как проблема сохранения социальной памяти этноса // Новые исследования Тувы. № 1. С. 188–201. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.1.10>

Смелзер, Н. (1994) Социология : пер. с англ. под ред. В. А. Ядова. М. : Феникс. 688 с.

Фукуяма, Ф. (2002) Социальный капитал // Культура имеет значение / под ред. Л. Харрисона и С. Хантингтона. М. : Московская школа политических исследований. 320 с. С. 129–148.

Хоткина, З. А. (2018) На пути к цифровому гендерному равенству // Женщина в российском обществе. № 3. С. 5–13. DOI: <https://doi.org/10.21064/WinRS.2018.3.1>

Чирикова, А. Е., Лапина, И. Ю. (2009) Женщина на высших эшелонах власти. Российские практики и французский опыт. М. : Институт социологии РАН. 72 с.

Штомпка, П. (2021) Доверие — основа общества. М. : Логос. 445 с.

Дата поступления: 07.08.2022 г.

REFERENCES

Aivazova, S. G. (2007) «Igra v gender» na pole rossiiskoi politiki: vozmozhnosti institutsional'nykh izmenenii [“The game in gender” in the field of Russian politics: The possibilities of institutional changes]. In: *Rossia reformiruiushchiasia [Russia reforming]* : A yearbook / ed. by M. K. Gorshkov. Moscow, Institute of Sociology of the RAS. Issue 6. Pp. 319–331. (In Russ.).]

Barinova, N. V. and Kosorukova, M. I. (2019) Zhenshchina v sovremennoi politicheskoi kul'ture (na primere Rossii i Russkogo Zarubezh'ia) [Woman in modern political culture (on the example of Russia and the Russian diaspora)]. *Nauka. me*, no. 1. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.18254/S241328880005606-0>

Zadvornova, Yu. S. (2019) Likvidatsiia gendernogo razryva v oplate truda v STEM-otrasliakh kak kliuchevaia zadacha preodoleniia gendernogo neravenstva v stranakh tsifrovoi ekonomiki [Eliminating the gender wage gap in STEAM industries as a key task of overcoming gender inequalities in countries by means of digital economy], *Zhenshchiny v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 114–120. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.21064/WinRS.2019.3.9>

Zdravomyslova, E. A. and Temkina, A. A. (2007) Patriarkhat i «zhenskaia vlast'» [Patriarchy and “women’s power”]. In: *Rossiiskii gendernyi poriadok: sotsiologicheskii podkhod* [Russian gender order: A sociological approach] / ed. by E. Zdravomyslova and A. Temkina. St. Petersburg, Publishing House of the European University in St. Petersburg. 306 p. Pp. 68–97. (In Russ.).

Kozlova, N. N. (2016) Deputatskii korpus Tsentral'nogo federal'nogo okruga: gendernoe izmerenie [Deputy corps of the Central Federal District: The gender dimension]. *Woman in Russian Society*, no. 4 (81), pp. 58–71. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.21064/WinRS.2016.4.5>

Kozlova, N. N. (2017) Deputatskii korpus regional'nykh parlamentov Iuzhnogo Federal'nogo okruga: opyt gendernogo analiza [Deputy corps of regional parliaments of the Southern Federal District: Experience of gender analysis]. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie*, vol. 18, no. 2, pp. 68–84. (In Russ.).

Kolesnik, N. V. (2021) Gendernoe (ne)ravenstvo v politicheskoi vlasti rossiiskikh regionov [Gender (in)equality in the political power of Russian regions]. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, no. 4, pp. 468–491. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.1652>

Kolesnik, N. V. (2022) «Khrupkoe neravenstvo», ili zhenshchiny v bol'shoi politike: sluchai administrativnoi elity [“Fragile representation” or women in big politics: The case of the administrative elite]. *RUDN Journal of Political Science*, vol. 24, no. 1, pp. 107–119. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-1-107-119>

Coleman, J. (2001) Kapital sotsial'nyi i chelovecheskii [Social and human capital]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 3, pp. 122–139. (In Russ.).

Kokhanskaia, E. A. (2014) Rol' gendernogo faktora v formirovanii regional'noi elity [The role of the gender factor in the formation of the regional elite]. *Vlast'*, no. 10, pp. 98–104. (In Russ.).

Kranzeeva, E. A. (2021) Izmeneniia politicheskogo soznaniia i povedeniia rossiiskikh zhenshchin: vyzovy tsifrovizatsii [Changes in political consciousness and behavior of Russian women. Challenges of digitalization]. *Vestnik RGGU. Seriya “Filosofia. Sotsiologiya. Iskuststvedenie”*, no. 1 (part 2), pp. 258–266. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.28995/2073-6401-2021-1-258-266>

Lippman, W. (2004) *Obshchestvennoe mnenie* [Public opinion]. Moscow, Institute of the Foundation “Obshchestvennoe mnenie”. 384 p. (In Russ.).

Natsak, O. D. (2022) Gendernoe izmerenie tuvinskoi politiki (sovetskii opyt i postsovetskaia praktika) [Gender dimension of Tuva politics (Soviet experience and post-Soviet practice)] *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika*, no. 6, pp. 28–38. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24158/spp.2022.6.3>

Ochirova, V. M. (2011) Zhenshchiny v sostave regional'nykh politicheskikh elit: k probleme predstavitel'stva [Women in the composition of regional political elites: To the problem of representation]. *Vlast'*, no. 12, pp. 57–60. (In Russ.).

Putnam, R. (1996) *Chtoby demokratiia srabotala. Grazhdanskie traditsii v sovremennoi Italii* [Making democracy work: Civic traditions in modern Italy]. Moscow, Ad Marginem. 287 p. (In Russ.).

Pushkareva, N. L. and Zhidchenko, A. V. (2021) Zhenskie imena v nazvaniikh ulits tuvinskikh gorodov kak problema sokhraneniia sotsial'noi pamiati etnosa [Streets named after females in Tuva as a case of preserving the social memory of an ethnicity]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 188–201. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.1.10>

Smelser, N. (1994) *Sotsiologiya* [Sociology] / transl. from English, edited by V. A. Yadov. Moscow, Feniks. 688 p. (In Russ.).

Fukuyama, F. (2002) Sotsial'nyi kapital [Social capital]. In: *Kul'tura imeet znachenie. Kakim obrazom tsennosti sposobstvuiut obshchestvennomu progressu* [Culture matters: How values shape human progress] / ed. by L. Harrison, S. Huntington, transl. from Engl. Moscow, Moscow School of Political Studies. 320 p. Pp. 129–148. (In Russ.).

Khotkina, Z. A. (2018) Na puti k tsifrovomu gendernomu ravenstvu [Towards the digital gender equality]. *Woman in Russian Society*, no. 3, pp. 5–13. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.21064/WinRS.2018.3.1>

Chirikova, A. E. and Lapina, I. Yu. (2009) *Zhenshchina na vysshikh eshelonakh vlasti. Rossiiskie praktiki i frantsuzskii opyt* [Woman in the upper echelons of power. Russian practices and French experience]. Moscow, Institute of Sociology of the RAS. 72 p. (In Russ.).

Sztompka, P. (2021) *Doverie — osnova obshchestva* [Trust is the foundation of society]. Moscow, Logos. 445 p. (In Russ.).

Submission date: 07.08.2022.

DOI: 10.25178/nit.2022.4.18

Статья

Метафора как средство визуализации объекта наименования в медиатекстах (на материале русского, английского, татарского и тувинского языков)

Лариса А. Киселева

Самарский национальный исследовательский университет
им. акад. С. П. Королева, Российская Федерация,

Заррина В. Тодосиенко, Рената Р. Лукманова

Уфимский университет науки и технологий, Российская Федерация,

Елена М. Куулар

Тувинский государственный университет, Российская Федерация

В статье выявлены метафорические модели, определяющие закономерности вербальной визуализации реалий культуры и шоу-бизнеса в медиатекстах. Привлечен материал разнотипных неродственных / неблизкородственных языков (русского, английского, татарского, тувинского).

Установлено, что данные модели имеют различный потенциал в плане образного представления обозначаемого явления. Наименьшим потенциалом обладают системные (языковые) метафоры, широко тиражируемые и потому лишённые эффекта новизны (русс. звезда, англ. star, тат. йолдоз, тув. сьлдыс). Большие образные возможности характерны для метафорических моделей, отражающих специфические ассоциативные связи понятий (русс. ад; англ. bubble, cloud, тат. өзү, тув. аскымнаар и др.).

Модели во многом носят универсальный характер, то есть представлены в четырёх/трёх анализируемых языках («физическое действие → эмоциональное воздействие», «небесное тело → человек» и др.). В отдельных случаях наблюдается параллелизм семантических структур разноязычных лексем (русс. рассадник, англ. breeding и т. д.).

Уникальные модели метафоризации, в основе которых лежат трудно объяснимые с логической точки зрения ассоциативные связи понятий, характерны лишь для одного из рассматриваемых языков, например: «физиологическое воздействие → интеллектуальное/эмоциональное воздействие» (в английском языке), «движение → речевая деятельность» (в тувинском языке) и др.

Показано, что большая часть метафорических образов, зафиксированных в медиатекстах, соотносится с антропоморфным и предметным кодами культуры: внутренняя форма анализируемых лексем связана либо с одушевлением процессов, состояний и т. д., либо с их опредмечиванием. Активное использование метафорических средств в медиатекстах отчасти объясняется преобладанием визуального начала в современной культуре, облегчающего восприятие сообщения и расшифровку его смысла.

Ключевые слова: метафора; семантическая модель; визуализация; массмедиа; антропоцентризм; тувинский язык; русский язык; английский язык; татарский язык

Для цитирования:

Киселева Л. А., Тодосиенко З. В., Лукманова Р. Р., Куулар Е. М. Метафора как средство визуализации объекта наименования в медиатекстах (на материале русского, английского, татарского и тувинского языков) // Новые исследования Тувы. 2022. № 4. С. 243-256. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.4.18>

Киселева Лариса Айратовна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и массовой коммуникации Самарского национального исследовательского университета им. акад. С. П. Королева. Адрес: Россия, 443086, г. Самара, Московское шоссе, д. 34. Тел.: +7 (846) 267-43-73; +7 (927) 234-49-80. Эл. адрес: lorentsia09@yandex.ru

Тодосиенко Заррина Владиславовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков гуманитарных факультетов Уфимского университета науки и технологий. Адрес: Россия, 450076, г. Уфа, ул. Заки Валиди, д. 32. Тел.: +7 (347) 272-63-70; +7 (927) 084-32-99. Эл. адрес: venusjupiter@mail.ru

Лукманова Рената Разифовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка, козница, заместитель декана по научной работе филологического факультета, директор центра «ESG-модели роста новых экотерриторий» Уфимского университета науки и технологий. Адрес: Россия, 450076, г. Уфа, ул. Заки Валиди, д. 32. Тел.: +7 (347) 272-63-70; +7 (937) 331-96-90. Эл. адрес: genata89373319690@gmail.com

Куулар Елена Мандан-ооловна — кандидат филологических наук, доцент кафедры тувинской филологии и общего языкознания Тувинского государственного университета. Адрес: Россия, 667000, г. Кызыл, ул. Ленина, д. 36. Тел.: +7 (394-22) 5-22-50. Эл. адрес: kuular-e-m@mail.ru

Article

Metaphor as a means of visualizing an object of naming in media texts (a case study of the Russian, English, Tatar and Tuvan languages)

Larisa A. Kiseleva

Samara National Research University, Russian Federation,

Zarrina V. Todosienko, Renata R. Lukmanova

Ufa University of Science and Technology, Russian Federation,

Elena M. Kuular

Tuvan State University, Russian Federation

The article identifies metaphorical models that determine the principles of verbal visualization of the realities of culture and show business in media texts. It incorporates materials of multi-structural unrelated / not closely related languages (Russian, English, Tatar, Tuvan).

It has been found out that these models have different potential in terms of figurative representation of the phenomenon being designated. Systemic (linguistic) metaphors hold the least potential being widely replicated and therefore devoid of the effect of novelty (Rus. звезда / zvezda; Eng. star; Tat. йолдоз / ioldoz; Tuv. сылдыс / syldys). More ample imaginative possibilities are typical for metaphorical models that reflect specific associative connections of concepts (Rus. ад / ad; Eng. bubble, cloud; Tat. өзү / ozu; Tuv. аскымнаар / askymnaar; et al.).

The models are largely universal in nature, that is, they are presented in four/three languages that are analyzed ("physical action → emotional impact", "heavenly body → human being", etc.). In some cases, there is a parallelism of semantic structures of multilingual lexemes (Rus. рассадник / rassadnik; Eng. breeding; etc.).

Unique models of metaphorization, which are based on associative relations of concepts that are difficult to explain from a logical point of view, are characteristic of only one of the languages under study, for instance: "physiological impact → intellectual/emotional impact" (in English), "movement → speech activity" (in Tuvan), etc.

It is shown that most of the metaphorical images used in media texts correlate with the anthropomorphic and objective codes of culture: the inner form of the analyzed lexemes is associated either with the animation of processes, states, etc., or with their objectification. The active use of metaphorical means in media texts is partly due to the predominance of the visual principle in contemporary culture. This principle facilitates the perception of a message and deciphering its meaning.

Keywords: metaphor; semantic model; visualization; mass media; anthropocentrism; Tuvan language; Russian language; English language; Tatar language

For citation:

Kiseleva L. A., Todosienko Z. V., Lukmanova R. R. and Kuular E. M. Metafora kak sredstvo vizualizatsii ob'ekta naimenovanii v mediatekstakh (na materiale russkogo, angliiskogo, tatarskogo i tuvinskogo iazykov) [Metaphor as a means of visualizing an object of naming in media texts (a case study of the Russian, English, Tatar and Tuvan languages)]. *New Research of Tuva*, 2022, no. 4, pp. 243-256 (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.4.18>

KISELEVA, Larisa Airatovna, Doctor of Philology, Professor, Department of Russian Language and Mass Communication, Samara National Research University. Postal address: 34 Moskovskoye shosse, 443086 Samara, Russian Federation. Tel.: +7 (846) 267-43-73; +7 (927) 234-49-80. E-mail: lorentsia09@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-4875-6435

TODOSIENKO, Zarrina Vladislavovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Humanities Faculties, Ufa University of Science and Technology. Postal address: 32 Zaki Validi St., 450076 Ufa, Russian Federation. Tel.: +7 (347) 272-63-70; +7 (927) 084-32-99. E-mail: venusjupiter@mail.ru

LUKMANOVA, Renata Razifovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Modern Russian Linguistics; Deputy Dean for Research; Faculty of Philology; Director, Center "ESG-Growth Models of New Ecoterritories", Ufa University of Science and Technology. Postal address: 32 Zaki Validi St., 450076 Ufa, Russian Federation. Tel.: +7 (347) 272-63-70; +7 (937) 331-96-90. E-mail: renata89373319690@gmail.com

ORCID ID: 0000-0003-1130-8919

KUULAR, Elena Mandan-oolovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Tuvan Philology and General Linguistics, Tuvan State University. Postal address: 36 Lenin St., 667000 Kyzyl, Russian Federation. Tel.: +7 (394-22) 5-22-50. E-mail: kuular-e-m@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-4351-6547

Введение

В последние годы проблемы визуальности привлекают всё большее внимание представителей разных наук: философов, культурологов, психологов, филологов, специалистов в области семиотики, компьютерной коммуникации и т. д. Вместе с тем следует отметить, что отдельные аспекты данной проблематики начали изучаться ещё в конце 80-х годов XX столетия, когда были введены понятия когнитивной графики и когнитивной визуализации¹. Немногим раньше при исследовании процесса визуализации стали применяться также семиотические подходы. К примеру, новаторские идеи, связанные с правилами универсальной кодировки абстрактных форм, были изложены Ж. Бертенном в его работе «Графическая семиотика» (Bertin, 1967).

Наблюдаемое в настоящее время усиление интереса к различным аспектам визуализации является вполне объяснимым: стремительный рост IT-индустрии повлёл за собой повсеместное проникновение новых технологий во все сферы жизни современного человека, результатом чего стала постепенная трансформация коммуникативных процессов, выражающаяся, в частности, в активном производстве поликодовых текстов. В них наряду с языковыми единицами широко используются знаки иной природы, прежде всего зрительные образы, причём во многих случаях можно говорить о превалировании последних. В зарубежной лингвистике по отношению к поликодовым текстам используют термин «мультимодальные», имея в виду, что в них происходит интеграция разных источников информации: письменной речи, иллюстраций, композиции, цвета и т. д. (The Routledge handbook ... , 2014; Kress, van Leeuwen, 2006; и др.). Интенсивное продуцирование таких текстов оказывает влияние на современную коммуникативную практику в целом, вызывая к жизни разнообразные семантические и формальные языковые инновации, среди которых наиболее заметным явлением можно считать метафоризацию. Вместе с тем, несмотря на то что в последние годы появилось довольно много работ в области метафорологии (Баранов, 2014; Новицкая, 2019; и др.), в современной лингвистике потенциал вербальной метафоры как средства визуализации объекта наименования изучен не в полной мере, чем и определяется актуальность предпринятого нами исследования. Анализ этой проблематики приобретает ещё большую актуальность в том случае, когда он проводится на материале разных языков, в том числе генетически и типологически далёких. При таком подходе могут быть выявлены как общие (кросскультурные), так и этноспецифические метафорические модели, которые определяют закономерности образной интерпретации реалий мира носителями разных языков.

Цель настоящей работы — с привлечением материала разноструктурных неродственных/неблизкородственных языков (русского, английского, татарского, тувинского) осуществить систематизацию и последующий сопоставительный анализ семантических моделей, лежащих в основе метафоры как своеобразного инструмента визуализации объекта наименования, под которой понимается «формирование зрительного наглядного или мысленного образа»¹. Объектом исследования выступают универсальные (для четырёх/трёх языков) и уникальные модели метафоризации, представленные в русско-, англо-, татаро- и тувиноязычных медийных текстах, посвящённых сфере культуры и шоу-бизнеса (здесь и далее термины «семантическая модель», «метафорическая модель», «модель метафоризации» употребляются нами как синонимы).

Выбор именно данного материала определяется рядом причин:

1. Являясь неродственными/неблизкородственными в генетическом отношении и разноструктурными в типологическом плане, указанные языки довольно ярко демонстрируют специфику категоризации и концептуализации мира их носителями, в частности интерпретацию таких базовых категорий бытия, как время, пространство, количество, качество, движение и т. д., представления о которых служат отправной точкой для образования метафорических значений. Иными словами, закономерности возникновения образной семантики в той или иной мере «отражают фоновые знания, качественное содержание которых зависит от совокупности природно-географических, исторических, социально-экономических, политических, культурных и иных условий жизни языкового коллектива» (Киселева, Тодосиенко, 2019: 23);

¹ Энциклопедический словарь по психологии и педагогике [Электронный ресурс] // Академик. URL: https://psychology_pedagogy.academic.ru/3658/Визуализация?ysclid=19ohwfu73p788897888 (дата обращения: 12.07.2022).

2. За данными языками стоят разные культурные традиции, а визуальные образы прямо или опосредованно мотивированы реалиями этнической культуры. Вместе с тем в условиях наблюдающейся интенсификации межъязыковых связей встаёт вопрос о заимствовании образов другой культуры, их адаптации и присвоении, что находит своё выражение в семантических процессах, касающихся языковых средств описания мира, в том числе метафорических. Именно поэтому представляет большой интерес сравнительный анализ наиболее продуктивных образов, лежащих в основе метафорических значений лексем в активно контактирующих языках;

3. В отличие от политической метафоры, которая к настоящему времени изучена довольно глубоко (Вэй Сяо, 2021; Чудинов, 2013; и др.), процессы метафоризации, характерные для медиатекстов в сфере культуры и шоу-бизнеса, не так часто привлекают внимание исследователей. Однако в силу объективных причин, прежде всего глобализации данной отрасли индустрии, связанный с ней информационный поток отчасти становится единым, что приводит к постепенной выработке неких устойчивых средств его языкового выражения, среди которых метафоре отводится значимое место.

Материал исследования был получен нами методом сплошной выборки из медиатекстов, созданных в 2020–2022 гг. и размещённых на информационных порталах¹, которые содержат рубрики, посвящённые сфере культуры и шоу-бизнеса. Кроме того, поскольку на соответствующих тувиноязычных информационных порталах был обнаружен ограниченный по объёму материал, то для анализа привлекались также публицистические произведения, в которых затрагиваются проблемы культуры и искусства². Всего нами проанализировано около 160 примеров (по 40 в каждом из указанных языков).

Для описания метафорических моделей в русско-, англо-, татаро- и тувиноязычных медийных текстах используются следующие исследовательские методы: 1) методы и приёмы контрастивной лингвистики, в частности установление межъязыковых лексических соответствий; 2) методы когнитивной лингвистики, в том числе моделирование связи основного и производного значений в терминах концептуальной метафоры (Лакофф, Джонсон, 2004); 3) методы семантической типологии, в частности выявление набора семантических переходов, в соответствии с которыми структура полисеманта может быть схематично представлена в виде системы однонаправленных связей его отдельных значений типа 'схватить' → 'понять', 'пустой' → 'тщетный' и т. д. (Зализняк, 2013).

При анализе образной семантики лексем в разноязычных медиатекстах эти методы применяются комплексно, в результате чего выявляются универсальные (для четырёх/трёх языков) и уникальные метафорические модели, например: «небесное тело → человек», «физиологическое воздействие → интеллектуальное/эмоциональное воздействие» и т. д., где первый член пары означает исходную денотативную сферу, связанную с основным значением, а второй — результирующую сферу, соотносящуюся с вторичным значением.

На сегодняшний день имеется ряд работ, в которых анализируется система метафорических значений лексем, относящихся к определённым денотативным областям (Смирнитская, 2016; и др.), однако в них мало затрагивается вопрос о специфике семантических моделей, определяющих механизмы образной номинации, а также об универсальности vs. уникальности данных моделей в разных языках, в том числе генетически и типологически далёких.

¹ Рубрика «Шоу-бизнес» [Электронный ресурс] // Комсомольская правда. URL: <https://www.ufa.kp.ru/stars/> (дата обращения: 02.07.2022); Рубрика «Развлечение и искусство» [Электронный ресурс] // BBC. URL: https://www.bbc.com/news/entertainment_and_arts (дата обращения: 31.07.2022); Рубрика «Мэдэният» («Культура») [Электронный ресурс] // ИА «Татар-информ». URL: <https://tatar-inform.tatar/news/culture> (дата обращения: 01.07.2022); Рубрика «Новости культуры» // Тувинская правда. URL: <https://tuvpravda.ru/arkhiv/erik-norbu-svoi-liudi-sochtemsia/> (дата обращения: 01.07.2022); Рубрика «Искусство» [Электронный ресурс] // Культурное наследие Тувы. URL: <https://kntuva.ru/2020/08/19/норбу-эрик-олегович/> (дата обращения: 31.08.2022); Рубрика «Культура» [Электронный ресурс] // ИА «Туванлайн». URL: <https://www.tuvaonline.ru/2020/07/28/erik-norbu-spektakl-eto-obryad-dlya-bogov.html> (дата обращения: 03.07.2022); Рубрика «Без формата» [Электронный ресурс] // Кызыл. URL: <https://kizil.bezformata.com/listnews/erik-norbu-svoi-lyudi/78443585/> (дата обращения: 02.07.2022).

² Доржу М. Б. Избранное. Кызыл: Тувинское книжное издательство им. Ю. Ш. Кюнзегеша, 2009; Даржай А. А. Шагар оьтга шалың: Проза дептери. Кызыл: Тываның ном үндүрер чери, 1995.

Визуальный образ vs. визуальная/вербальная метафора

Исследование фактического материала необходимо предварить некоторыми соображениями теоретического характера.

Как отмечают исследователи, в настоящее время «нарративы сдают свои позиции», вследствие чего «формируется новая модель культуры, ассоциированная с визуальностью, во многом антагонистичная культуре вербальной» (Симакова, 2018: 226). На наш взгляд, «визуальный поворот» в современной культуре, суть которого «заключается в основополагающей роли визуального образа в конструировании реальности»¹, обуславливает активное стремление говорящих к вербальной визуализации, которая достигается за счёт широкого использования единиц с образной семантикой. При этом визуальные образы отличаются большей простотой восприятия, чем слуховые: последние обладают значительным ассоциативным потенциалом, оставляя место для дальнейшего домысливания и «дофантазирования». Именно поэтому использование зрительных образов облегчает усвоение информации, соответствуя такому свойству психики, как стереотипность, и во многих случаях не требуя приложения дополнительных интеллектуальных усилий.

В связи с этим кажется неслучайным то, что визуальное начало преобладает в медиатекстах, для которых принципиально важна установка на доступность. В рамках массмедиа осуществляется производство, тиражирование, трансформация образов в зависимости от более общих социокультурных факторов, при этом данные образы являются амбивалентными, одновременно демонстрируя динамичность/устойчивость своей формы и содержания². Можно полагать, что в социуме существует определённый «запрос» на доминантные образы, которые в наибольшей мере соответствуют его культурным предпочтениям, ценностным установкам, эмоциональным ожиданиям и т. д.

Значимая роль в указанных процессах отводится метафоре как важнейшему когнитивному инструменту «упорядочения» мира, обнаружения ассоциативной связи между объектами, соотносящимися с разными понятийными областями. Поскольку сущностные свойства метафоры детально описаны в целом ряде работ (см., напр., Арутюнова, 1990; Лаккофф, Джонсон, 2004; Опарина, 2000; и др.), то здесь мы сосредоточим своё внимание лишь на тех её аспектах, которые имеют непосредственное отношение к обсуждаемой проблематике. На наш взгляд, именно метафора в наибольшей степени отвечает отмеченному выше стремлению к визуализации объекта за счёт своей внутренней формы, носящей образный характер. Не случайно в последние годы специалисты в области компьютерной коммуникации, массмедиа и т. д. ведут речь о визуальной метафоре, которая «выстраивается через соотнесение двух зрительных образов, выступающих в качестве иконических знаков, напрямую отождествляемых с теми или иными объектами репрезентации»³.

Вполне очевидно, что образы, создающие как визуальную, так и вербальную метафору, могут содержать в себе не только универсальные, но и этноспецифические компоненты, которые соотносятся с картиной мира носителей языка. В результате многократного воспроизведения метафорические образы нередко становятся предсказуемыми, тем самым оказывая манипулятивное воздействие на сознание коммуникантов. Можно полагать, что наиболее частотные метафоры благодаря своей узнаваемости создают особое «концептуальное поле», которое задаёт носителям языка определённые способы реагирования на действительность.

В анализируемых нами русско-, англо-, татаро- и тувиноязычных медиатекстах, посвящённых реалиям культуры и шоу-бизнеса, представлен ряд ключевых семантических моделей, посредством которых вербализуются наиболее актуальные для данной сферы образы. Исходные значения рассматриваемых лексем связаны с несколькими крупными семантическими сферами: «Физический мир», «Социальный мир» и др. Рассмотрим их подробнее.

¹ Реутов А. С. Современные исследования визуальной культуры: феноменологический аспект: автореф. дисс. ... канд. филос. наук. Н. Новгород, 2018. С. 23.

² Кривошлыкова М. В., Назарычева А. И., Питько И. А. Специфика восприятия визуальных образов в культуре // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2017. № 4 (Ч. 3). С. 597–600.

³ Сарна А. Визуальная метафора в дискурсе идеологии [Электронный ресурс] // Helpiks. ORG. URL: <https://helpiks.org/1-14175.html?ysclid=l7z2717na85593950> (дата обращения: 11.07.2022).

Универсальные образы

1. Во всех четырёх языках весьма регулярной является семантическая модель «небесное тело → человек». При этом наиболее продуктивным можно считать метафорический перенос, в основе которого лежит образное представление социального статуса человека сквозь призму знаний о таком астрономическом объекте, как звезда.

Таблица 1. Примеры реализации метафорической модели «небесное тело → человек» в анализируемых языках
 Table 1. Examples of the implementation of the metaphorical model “heavenly body → human being” in the analyzed languages

Русский язык	Английский язык	Татарский язык	Тувинский язык
<p>Позже звезда согласилась получить драгоценности в обмен на пост в блоге. Балерина уверена — за свою красоту она имеет полное право выпрашивать дорогие подарки</p>	<p>What would the stars wish for their characters? (‘Что звёзды пожелали бы своим персонажам?’)¹</p>	<p>Фестиваль ярдәмендә Уфа тамашачысы танылган йолдызлар һәм яшь башкаручылар талантын баяли ала (‘Благодаря фестивалю уфимский зритель сможет оценить талант известных звёзд и молодых исполнителей’)</p>	<p>Культура бажыңының байырлыг ажыдышыкыны тыва эстраданың аныяк сылдыстарының концерти-биле доозулган² (‘Торжественное открытие дома культуры завершилось концертом молодых звёзд тувинской эстрады’)</p>

Обращение к словарным дефинициям приведённых лексем в четырёх анализируемых языках показывает, что для них характерен параллелизм семантических структур, т. е. наличие аналогичных значений, в том числе вторичных; ср.:

— звезда — 1. Небесное тело, по своей природе сходное с солнцем, вследствие огромной отдалённости видимое как светящаяся точка; 2. Перен. О человеке, прославившемся чем-либо; о знаменитости³;

— star — 1. In the sky (в небе). A burning mass of gases in space that can be seen at night as a point of light in the sky; 2. Performer (исполнитель): a) a famous or successful performer in entertainment or sport; b) someone who acts the part of the main character in a film or play» (‘1. Горящая масса газов, которая может быть видна ночью как светящаяся точка в небе; 2. а) знаменитый или успешный исполнитель в развлекательной индустрии или спорте; б) тот, кто играет главную роль в фильме или пьесе’)⁴;

— йолдыз — астр. в разн. знач. звезда || звёздный⁵,

— сылдыс — звезда⁶.

2. Большой пласт метафорических образов связан с вербальной визуализацией представлений о физическом действии, составляющем основу жизнедеятельности человека. Метафорические переносы этого типа, являясь весьма регулярными во всех анализируемых языках, реализуются в виде ряда частных подтипов, в том числе «физическое действие → эмоциональное воздействие», «физическое действие → виртуальное действие» и т. д.

¹ Здесь и далее перевод с английского, татарского и тувинского наш. — Авт.

² При сборе материала тувинского языка основным информантом являлся Эрик Норбу — поэт, переводчик, сценарист.

³ Словарь современного русского литературного языка / под ред. А. М. Бабкина, С. Г. Бархударова, С. П. Обнорского и др. М.; Л.: Изд-во АН СССР. Т. 4. С. 1134.

⁴ Longman Dictionary of Contemporary English. Third Edition with New words supplement. Pearson Education Limited, 2001. P. 1404.

⁵ Татарско-русский словарь / под ред. Ш. Н. Асылгараева, Ф. А. Ганиева, М. З. Закиева, К. М. Миннуллина, Д. Б. Рамазановой: в 2-х т. Казань: Магариф, 2007. Т. 1. С. 478.

⁶ Тувинско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 397.

Обратимся к рассмотрению данных моделей.

Таблица 2. Примеры реализации метафорической модели «физическое действие → эмоциональное воздействие» в анализируемых языках

Table 2. Examples of the implementation of the metaphorical model “physical action → emotional impact” in the analyzed languages

Русский язык	Английский язык	Татарский язык	Тувинский язык
Шоу LUZIA перенесёт зрителей в мир мечты о Мексике, где свет (по-испански «luz») успокаивает сердце, а дождь, «lluvia», смягчает нравы	Then, as soon as the group dissolved and we started to go our separate ways, it cleared a lot of blockages from my heart," she says ('«Затем, как только группа распалась и мы пошли разными путями, это очистило моё сердце от многих препятствий», — говорит она')	Иң авыр минутларда бик зирәк кеше: «Сиңа аяк чалучылар күп булып. Беркайчан да үзеңнән һәм кешеләрдән өметеңне өзмә! Таи белән атканга, аи белән жавап кайтар», — дип киңәи бирде ('В самые трудные минуты мудрец дал совет: «Многие тебе подставят подножку. Никогда не теряй надежды, надейся на себя и на людей! Бросающему в тебя камень отвечай хлебом-солью»')	Кыстың ээлдек айтырыы ийи кижиниң аразынга өөскүп орган өрттү өжүрүп каапкан ('Вежливый вопрос девушки потушил разгоревшийся меж двух людей огонь'); Ийи чүрек каттышканын сактып чор даан ('Ты запоминай (не забывай), что соединились (слились) два влюблённых сердца')

В основе образной семантики данных слов лежит предметный код культуры, иначе — онтологическая метафора (по Дж. Лакоффу и М. Джонсону), в соответствии с которой происходит овеществление абстрактных понятий. Об этом ярко свидетельствуют словарные дефиниции приведённых лексем, относящихся к группе каузативов: их первичные значения передают представления о физических действиях, совершаемых по отношению к материальным предметам, тогда как вторичные отражают знания о психической сфере. Ср.:

— *смягчать* — 1. Делать более мягким, эластичным, лишать твёрдости, жёсткости; 2. Делать более снисходительным, доброжелательным, благосклонным¹;

— *clear* — 1. To make a surface or place emptier or tidier by removing things that cover it; 2. To remove something that is blocking something else or causing a problem» ('1. Освободить или сделать поверхность чего-либо чище, убирая вещи, предметы, покрывающие её; 2. Убирать то, что блокирует что-либо или создаёт проблему')²;

— *өзү* — 1. Рвать, обрывать/оборвать, разрывать/разорвать || обрыв, разрыв; ... 5. Перен. Срывать/сорвать, прерывать/прервать; останавливать/остановить || срыв (*соглашения, дела, занятия* и т. п.)³;

— *өрт* — пожар, пожарный⁴, *өжүр=ер* (инфинитив, будущее время) «гасить, тушить»⁵; *өрт=тү* (винительный падеж), *өжүр=үп каап=кан* (составной глагол, прошедшее время) «потушил» (в предложении данное словосочетание употреблено в переносном значении); *кат=тыиш=кан* (прошедшее время) =ы=н от гл. *кат=тыж=ар* (будущее время) «объединяться, соединяться, спланиваться»⁶.

¹ Словарь современного русского литературного языка / под ред. А. М. Бабкина, С. Г. Бархударова, С. П. Обнорского и др. М.; Л.: Изд-во АН СССР. Т. 13. С. 1454.

² Longman Dictionary of Contemporary English. Third Edition with New words supplement. Pearson Education Limited, 2001. P. 235.

³ Татарско-русский словарь / под ред. Ш. Н. Асылгараева, Ф. А. Ганиева, М. З. Закиева, К. М. Миннуллина, Д. Б. Рамазановой: в 2-х т. Казань: Магариф, 2007. Т. 2. С. 113.

⁴ Тувинско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 339.

⁵ Там же. С. 333.

⁶ Там же. С. 232.

3. Ещё одна весьма значимая метафорическая модель, которая активно реализуется в рассматриваемых медиатекстах: «физический процесс → эмоциональное явление». Внутри неё выделяется несколько подтипов:

А. «Горение → эмоциональное явление»:

Таблица 3. Примеры реализации метафорической модели «горение → эмоциональное явление» в анализируемых языках
 Table 3. Examples of the implementation of the metaphorical model “burning → emotional phenomenon” in the analyzed languages

Русский язык	Английский язык	Татарский язык	Тувинский язык
Виторган в четырёх стенах буквально сгорает от безделья	But the band were burned out , forced into a punishing work schedule and recording songs they didn't believe in (‘Но группа сгорала на работе, вынуждена работать в карательном графике и записывать песни, в которые они не верили’)	— ¹	Ол хөөкүй ажылынга-ла хып калды ийин (‘Бедняжка этот так и выгорел на работе’); <i>Ынакшылдың оду отчуп, хөрлээледи</i> (‘В сердцах / в душе горел огонь любви, стал разгораться’)

Фактический материал свидетельствует о том, что в рассматриваемых языках понятия огня, горения оказываются ассоциативно связанными с представлениями о интенсивных эмоциях, имеющих как положительный, так и отрицательный знак, при этом наблюдается сходство образной семантики разноязычных лексем; ср.:

- *сгорать* — 1. Уничтожаться огнём; 2. перен. Испытывать какое-либо сильное чувство, желание²;
- *burn* — 1. To produce heat and flames; 2. *burn out* to ruin your health or feel very tired through working so hard, drinking too much alcohol» (‘1. Производить тепло и пламя; 2. Подорвать своё здоровье или чувствовать себя очень уставшим из-за тяжёлой работы, употребления слишком большого количества алкоголя’)³;
- *кывар* — 1. Гореть, загораться, разгораться; перен. *хөөн калыр* 2. Становиться равнодушным, надоедать⁴; *отчуур* — 1. Разгореться (о костре), *хөрлээлээр* — 1. Тлеть, гореть без пламени⁵ (перен. «сердце вновь горит любовью»).

Интересно и то, что в тувинском языке идея горения соотносится с такими полярными эмоциональными переживаниями, как любовь и равнодушие.

Б. «Свечение/освещение → эмоциональное явление»:

¹ Полагаем, что анализируемая модель может быть названа универсальной, несмотря на отсутствие примера её реализации в одном из сопоставляемых языков. Данное утверждение справедливо и по отношению к последующим случаям отсутствия иллюстраций определённой метафорической модели в том или ином языке.

² Словарь современного русского литературного языка / под ред. А. М. Бабкина, С. Г. Бархударова, С. П. Обнорского и др. М.; Л.: Изд-во АН СССР. Т. 13. С. 497.

³ Longman Dictionary of Contemporary English. Third Edition with New words supplement. Pearson Education Limited, 2001. P. 169.

⁴ Тувинско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 491.

⁵ Там же. С. 329.

Таблица 4. Примеры реализации метафорической модели «свечение/освещение → эмоциональное явление» в анализируемых языках
 Table 4. Examples of the implementation of the metaphorical model “glow/illumination → emotional phenomenon” in the analyzed languages

Русский язык	Английский язык	Татарский язык	Тувинский язык
Моя жена излучает невероятную сексуальность, от которой невозможно отказаться! Она мне столько детей родила, а я ей всё равно не верю и ревную	Her eyes blaze with defiance, her body emits power (‘Её глаза сверкают неповиновением, её тело излучает силу’)	–	Чаа төлевилелдер дугайында планнарны таныштырарга, аныяк артистерниң карактарының оду чайнап турган (‘Когда ознакомили с планами новых проектов, у молодых артистов загорелись глаза’)

Приведённые лексемы в своих переносных значениях выражают представления о внешнем проявлении эмоций, определённых свойств личности и т. д., прежде всего положительных:

– *излучать* — 1. Испускать, излучать (свет, тепло, звук); 2. Образно¹;

– *emit* — 1. To send out heat, light, gas etc.; 2. To send out or show particular emotions or feelings» (‘1. Распространять тепло, свет, газ и т. д.; 2. Выражать или показывать определённые эмоции или чувства’)²;

– (карактарының оду) *чайнаар* — 1. Блестеть, ярко сиять; перен. Радоваться, испытывать радость по поводу чего-либо³.

4. К рассмотренным выше моделям близок и такой тип метафоризации, как «физическое свойство → эмоциональное свойство»:

Таблица 5. Примеры реализации метафорической модели «физическое свойство → эмоциональное свойство» в анализируемых языках
 Table 5. Examples of the implementation of the metaphorical model “physical property → emotional feature” in the analyzed languages

Русский язык	Английский язык	Татарский язык	Тувинский язык
Как сохранить свежесть отношений, когда ты со своей половинкой заперт в четырёх стенах на карантине?	–	Чөнки тамашачының күңелен күтәрергә, бераз булса да тормышы авырлыгын оныттырып торуға көчем кергәнгә горуранып жырладым», — диде Расих Галимжанов (‘Потому что хватило сил поднять настроение зрителю, хоть ненадолго забыть о жизненной тяжести, и я с гордостью пел», — сказал Расих Галимзянов’)	«Ханума» деп шиини көрүп олура, чуртталганың хамык-ла аар-бергезин уттупкан болдум (‘Оказывается, пока смотрел спектакль «Ханума», забыл все тяготы жизни’)

¹ Словарь современного русского литературного языка / под ред. А. М. Бабкина, С. Г. Бархударова, С. П. Обнорского и др. М.; Л.: Изд-во АН СССР. Т. 5. С. 181.

² Longman Dictionary of Contemporary English. Third Edition with New words supplement. Pearson Education Limited, 2001. P. 449.

³ Тувинско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 58.

В основе метафорических значений рассматриваемых лексем лежат представления об ассоциативной связи понятий, имеющих отношение к свойствам материальных предметов, и эмоциональных характеристик лица или явления:

— *свежесть* — 1. Свойство и состояние свежего. 5. Чистота, непосредственность в чувствах, в отношениях, восприятиях и т. п.¹;

— *авырлыг* — 1. Тяжесть, вес кого, чего; ... 4. Тяжесть (дальней дороги, жизненного пути, состояния больного, неприятного известия, оскорбления) <...>²;

— *аар-берге* — 1. Тяжёлый, трудный³ (перен. «тяготы жизни»).

5. Не менее продуктивными и регулярными в анализируемых языках являются метафорические модели, основанные на представлениях о движении как основополагающей категории бытия, в том числе «движение → волевое / эмоциональное состояние».

Таблица 6. Примеры реализации метафорической модели «движение → волевое / эмоциональное состояние» в анализируемых языках

Table 6. Examples of the implementation of the metaphorical model “movement → volitional/emotional state” in the analyzed languages

Русский язык	Английский язык	Татарский язык	Тувинский язык
Однако другие пользователи соцсети считают, что музыкант окончательно сорвался	I was very immersed in it and it's a joy to work with her. It was a moment in my career and in my life. I'll never forget it ('Я была очень погружена в неё, и мне приятно работать с ней. Это был момент в моей карьере и в моей жизни. Я никогда этого не забуду')	«Тормышы жиңел генә барса , кызыгы булмас иде», — дип юаталар ('«Если бы жизнь шла легко, было бы не интересно», — так утешают')	—

Указанная ассоциативная связь является вполне объяснимой, если иметь в виду такое важнейшее свойство психических процессов (в том числе эмоциональных и волевых), как динамичность. В сознании носителей анализируемых разноструктурных языков это свойство в образной форме интерпретируется путём соотнесения с идеей движения; ср.:

— *сорваться* — 1. Перестать держаться на чём-либо; отделяться, отрываться от чего-либо. О чём-либо прикреплённом, висящем, надетом; 2. перен. Не удерживаться в каких-либо рамках, границах; терять контроль над собой⁴;

— *immerse* — 1. To put someone or something deep into a liquid so that it is completely covered; 2. To become completely involved in an activity (1. Поместить что-либо или кого-либо глубоко в жидкость, полностью покрывая; 2. Быть полностью погружённым, вовлечённым в какую-либо деятельность)⁵;

— *барыу* — 1. Ходить, идти, ездить, ехать, плыть, лететь; ... 3. Продолжаться, происходить, идти (о каких-либо событиях, процессах)⁶.

¹ Словарь современного русского литературного языка / под ред. А. М. Бабкина, С. Г. Бархударова, С. П. Обнорского и др. М.; Л.: Изд-во АН СССР. Т. 13. С. 282–283.

² Татарско-русский словарь / под ред. Ш. Н. Асылгараева, Ф. А. Ганиева, М. З. Закиева, К. М. Миннуллина, Д. Б. Рамазановой: в 2-х т. Казань: Магариф, 2007. Т. 1. С. 35.

³ Тувинско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 28.

⁴ Словарь современного русского литературного языка / под ред. А. М. Бабкина, С. Г. Бархударова, С. П. Обнорского и др. М.; Л.: Изд-во АН СССР. Т. 14. С. 317.

⁵ Longman Dictionary of Contemporary English. Third Edition with New words supplement. Pearson Education Limited, 2001. P. 710.

⁶ Татарско-русский словарь / под ред. Ш. Н. Асылгараева, Ф. А. Ганиева, М. З. Закиева, К. М. Миннуллина, Д. Б. Рамазановой: в 2-х т. Казань: Магариф, 2007. Т. 1. С. 200.

6. В анализируемых медиатекстах довольно последовательно представлена метафорическая модель, имеющая в своей основе натурморфный код культуры, который связан с образной интерпретацией различных реалий сквозь призму знаний о живой и неживой природе. Данная модель реализуется в виде ряда подтипов, среди которых наиболее значимым является такой, как «атмосферное явление → интеллектуальное / эмоциональное явление»:

Таблица 7. Примеры реализации метафорической модели «атмосферное явление → интеллектуальное / эмоциональное явление» в анализируемых языках

Table 7. Examples of the implementation of the metaphorical model “atmospheric phenomenon → intellectual/emotional phenomenon” in the analyzed languages

Русский язык	Английский язык	Татарский язык	Тувинский язык
<i>Гроза московских режиссёров, считающий себя актёром Максим Виторган известен в творческой среде взбалмошностью</i>	<i>Lauren Jauregui: ‘The music industry clouds your soul’ (‘Лорен Хореги: «Музыкальная индустрия затуманивает твою душу»)</i>	–	<i>Ынчан келир үеже көөрүмге, туман дуглаан, чүнүң-даа ужу-бажы билдинмес турган (‘В то время мне показалось, что моё будущее закрывал туман, ничего не было понятно’); Каржы сөстөр чүректерге дээр шыйган кызаңнааш-ла (‘Высказанные грубые слова в сердцах казались как зигзаги молнии в небе’)</i>

Семантические структуры выделенных лексем отчасти характеризуются параллелизмом, т. е. отражают общность ассоциативных связей, закреплённых в сознании носителей анализируемых языков; ср.:

– *гроза* – 1. Гром и молния с дождём или градом; 2. О существе, предмете, явлении, внушающих страх, ужас¹;

– *cloud* – 1. If a transparent material such as glass clouds or something clouds it, you cannot see through it properly any more; 2. To make someone less able to think clearly or remember things (‘1. Если прозрачный материал, например стекло, мутнеет, темнеет, вы больше не можете смотреть через него; 2. Сделать кого-то менее способным ясно думать или запоминать’)²;

– *туман дуглаар* – 1. Подниматься (о тумане), затягиваться туманом; перен. Рискованное положение; в жизни нет просвета³; *кызаңнаашкын* – 1. Молния⁴ («перен. грубые слова страшны как удары молнии»).

Выявленные модели метафоризации, лежащие в основе образного осмысления реалий культуры и шоу-бизнеса, представлены в четырёх/трёх анализируемых языках, то есть во многом носят универсальный характер. В отдельных случаях наблюдается параллелизм семантических структур разноязычных лексем, т. е. совпадение их прямых и переносных значений. Вероятно, глобализация информационного потока в медиасфере обуславливает процессы семантического заимствования, в результате чего иногда отмечается абсолютное тождество образов, получающих соответствующее языковое выражение.

¹ Словарь современного русского литературного языка / под ред. А. М. Бабкина, С. Г. Бархударова, С. П. Обнорского и др. М.; Л.: Изд-во АН СССР. Т. 3. С. 409.

² Longman Dictionary of Contemporary English. Third Edition with New words supplement. Pearson Education Limited, 2001. P. 243.

³ Тувинско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 423, 303.

⁴ Там же. С. 273.

Уникальные образы

В отдельных анализируемых языках представлены уникальные метафорические модели, которые демонстрируют специфичность образов, лежащих в основе вербальной визуализации реалий мира. Прежде всего это образы, связанные с ассоциативным переосмыслением представлений о физическом действии, свойстве и т. д., в том числе:

А. «Физическая деструкция → психологическое воздействие»: Я **разбита** на тысячу кусочков и мне самой нужна помощь (*разбить* «1. Нарушать целостность чего-либо ударом; раздроблять; ... 5. Разрушать, губить, уничтожать что-либо¹);

Б. «Физическое явление → эмоциональное явление»: Мы сразу друг другу понравились, промелькнула **искра**, — призналась певица (*искра* — 1. Мельчайшая частица (обычно летящая) горящего или раскалённого вещества; ... 4. перен. Зачаток, проблеск какого-либо чувства, мысли, способности к чему-либо и т. п.²).

Кроме того, нами выделены и другие уникальные для того или иного языка метафорические модели, например:

1. «Физиологическое воздействие → интеллектуальное/эмоциональное воздействие»: англ. *It doesn't attempt to **poison** their legacy, but to celebrate and acknowledge it, while contemplating what it must have been like for this odd couple to come to terms with each other, their shared past, and uncertain future* («Он не пытается отравить их наследие, но отмечает и признаёт его, размышляя над тем, как это должно было быть для этой странной пары, чтобы договориться друг с другом об их общем прошлом и неопределённом будущем») (*poison* — 1. To harm or kill someone by giving them poison; 2. To have very harmful and unpleasant effect on someone's mind and emotions («1. Причинять вред или убивать, давая яд; 2. Оказывать очень вредное и неприятное воздействие на чей-то разум и эмоции»)³);

2. «Количественные характеристики (рост) → увеличение»: англ. *Michael's Tuppence investment turns out to **have grown** significantly between 1910 (when the first film is set) and the time of «the great slump» (when the new film is set) in 1935* («Инвестиции Майкла Таппенса, как оказалось, значительно выросли между 1910 годом (когда начинается первый фильм) и временем «большого спада» (когда начинается новый фильм) в 1935 году») (*grow* — 1. To become bigger and develop over a period of time; 2. To increase in amount, size, or degree («1. Стать больше или развиваться в течение определённого периода времени; 2. Увеличиваться в количестве, размере, степени»)⁴);

3. «Движение → речевая деятельность»: *Меңээ микрофон тутсунтар болзуңарза, аскымнадып чоруй барып болур мен, ынчангаш хэй чүве чугалавазы-биле чүгле байыр чедирип каар мен* («Если дадите мне микрофон, я могу сорваться и много говорить, поэтому просто поздравлю») (*аскымнаар* — 1. Резвиться (о лошади); перен. Говорить много и без остановки⁵);

4. «Жилище животного → место нахождения врага»: *Улус ол кыштагны ооржулар дунчузу джип турган* («Люди считали это зимнее стойбище логовом воров») (*дунчу* — 1. Змеиное гнездо; перен. Логово⁶).

Таким образом, в медиатекстах не менее широко представлены уникальные модели метафоризации, характерные лишь для одного из рассматриваемых языков, например: «количественные характеристики (рост) → увеличение» (в английском языке), «движение → речевая деятельность» (в тувинском языке) и др. В основе этих моделей зачастую лежат трудно объяснимые с логической точки зрения ассоциативные связи понятий, которые отражают онтологическую сложность процесса познания.

¹ Словарь современного русского литературного языка / под ред. А. М. Бабкина, С. Г. Бархударова, С. П. Обнорского и др. М.; Л.: Изд-во АН СССР. Т. 15. С. 128.

² Там же. С. 454.

³ Longman Dictionary of Contemporary English. Third Edition with New words supplement. Pearson Education Limited, 2001. P. 1087.

⁴ Ibid. P. 630.

⁵ Тувинско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 73, 545.

⁶ Там же. С. 183.

Вполне очевидно, что при расширении фактического материала перечень выделенных метафорических моделей может несколько измениться, т. е. некоторые уникальные модели могут перейти в разряд универсальных.

Заключение

Проведённый нами анализ метафорических моделей, которые представлены в русско-, англо-, татаро- и тувиноязычных медиатекстах, посвящённых сфере культуры и шоу-бизнеса, позволил сделать следующие выводы.

1. Имея образную природу, метафора выступает когнитивным инструментом вербальной визуализации объекта наименования, которая становится возможной вследствие «наложения» прямого и переносного значений лексемы. При этом выделенные нами метафорические модели имеют различный потенциал в плане вербальной визуализации обозначаемого явления.

2. Если иметь в виду качественную специфику выделенных семантических моделей, то анализируемые лексемы в своих прямых значениях преимущественно репрезентируют такие денотативные сферы, как «Физический мир» и «Социальный мир», а в качестве результирующей чаще всего выступает сфера «Внутренний (психический) мир». Это вполне объяснимо, так как рассматриваемые медиатексты описывают явления культуры и шоу-бизнеса, которые в первую очередь нацелены на оказание эмоционального воздействия. При этом образная модель «физическое → психическое» лежит в основе и универсальных, и уникальных метафорических переносов в рассматриваемых языках, тем самым в очередной раз подтверждая тезис о продуктивности семантического сдвига «конкретное → абстрактное».

3. Как вытекает из вышесказанного, большая часть метафорических образов, зафиксированных в медиатекстах, соотносится с антропоморфным и предметным кодами культуры: внутренняя форма анализируемых лексем связана либо с одушевлением процессов, состояний и т. д., либо с их опредмечиванием. Поскольку в основе частных семантических моделей лежит макромодель «конкретное → абстрактное», можно полагать, что метафора выступает средством вербальной визуализации представлений о нематериальных сущностях, формируя в сознании реципиентов соответствующие образы. В свою очередь, активное использование метафорических средств в медиатекстах отчасти можно объяснить преобладанием визуального начала в современной культуре, облегчающего восприятие сообщения и расшифровку его смысла.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арутюнова, Н. Д. (1990) Метафора и дискурс // Теория метафоры / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М. : Прогресс. 511 с. С. 5–32.
- Баранов, А. Н. (2014) Дескрипторная теория метафоры. М. : Языки славянской культуры. 632 с.
- Вэй Сяо (2021) Функции политической метафоры в современных электронных СМИ (на материале сетевого издания «Газета.ru») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Т. 14. Вып. 5. С. 1453–1458.
- Зализняк, А. А. (2013) Семантический переход как объект типологии // Вопросы языкознания. № 2. С. 32–51.
- Киселева, Л. А., Тодосиенко, З. В. (2019) Когнитивные основания семантической деривации в разноструктурных языках // Вопросы когнитивной лингвистики. № 1. С. 21–29. DOI: <https://doi.org/10.20916/1812-3228-2019-1-21-29>
- Лакофф, Дж., Джонсон, М. (2004) Метафоры, которыми мы живём : пер. с англ. М. : Едиториал УРСС. 252 с.
- Новицкая, И. В. (2019) Лингвистика XXI века на пути к интегративной теории метафоры // Сибирский филологический журнал. № 3. С. 143–157. DOI: <https://doi.org/10.17223/18137083/68/13>
- Опарина, Е. О. (2000) Исследование метафоры в последней трети XX в. // Лингвистические исследования в конце XX в.: сб. обзоров / отв. ред. Ф. М. Березин. М. : ИНИОН РАН. 214 с. С. 186–204.
- Симакова, С. И. (2018) Визуальный поворот — новая философия образа в средствах массовой коммуникации // Вестник Челябинского государственного университета. № 10 (420). Филологические науки. Вып. 114. С. 225–232. DOI: <https://doi.org/10.24411/1994-2796-2018-11032>
- Смирнитская, А. А. (2016) Семантика терминов родства в тамильском языке с точки зрения типологии семантических переходов // Вестник РУДН. Серия Лингвистика. Т. 20. № 2. С. 112–127.

Чудинов, А. П. (2013) Очерки по современной политической метафорологии. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т. 176 с.

Bertin, J. (1967) *Sémiologie graphique*. Paris : Mouton/Gauthier-Villars. 436 с.

Kress, G., van Leeuwen, T. (2006) *Reading images: The grammar of visual design*. London : Routledge. xviii, 291 p.

The Routledge handbook of multimodal analysis (2014) / ed. by C. Jewitt. London : Routledge. xxvi, 527 p.

Дата поступления: 18.08.2022 г.

REFERENCES

Arutiunova, N. D. (1990) Metafora i diskurs [Metaphor and discourse]. In: *Teoriia metafor [Theory of metaphor]* / ed. by N. D. Arutiunov. Moscow, Progress. 511 p. Pp. 5–32. (In Russ.).

Baranov, A. N. (2014) *Deskriptornaiia teoriia metafor [Descriptive theory of metaphor]*. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury. 632 p. (In Russ.).

Wei Xiao (2021) Funktsii politicheskoi metafor v sovremennykh elektronnykh SMI (na materiale setevogo izdaniia «Gazeta.ru») [Political metaphor functioning in the modern electronic media (a case study of the online newspaper «Gazeta.ru»)]. *Philology. Theory & Practice*, vol. 14, issue 5, pp. 1453–1458. (In Russ.).

Zalizniak, A. A. (2013) Semanticheskii perekhod kak ob'ekt tipologii [Semantic transition as an object of typology]. *Voprosy iazykoznaniiia*, no. 2, pp. 32–51. (In Russ.).

Kiseleva, L. A. and Todosienko, Z. V. (2019) Kognitivnye osnovaniia semanticheskoi derivatsii v raznostruktturnykh iazykakh [Cognitive foundations of semantic derivation in differential languages]. *Issues of Cognitive Linguistics*, no. 1, pp. 21–29. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.20916/1812-3228-2019-1-21-29>

Lakoff, G. and Johnson, M. (2004) *Metafor, kotorymi my zhivem [Metaphors we live by]* / transl. from Engl. Moscow, Editorial URSS. 252 p. (In Russ.).

Novitskaya, I. V. (2019) Lingvistika XXI veka na puti k integrativnoi teorii metafor [Linguistics of the 21st century on the path to the integrated theory of metaphor]. *Siberian Journal of Philology*, no. 3, pp. 143–157. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17223/18137083/68/13>

Oparina, E. O. (2000) Issledovanie metafor v poslednei treti XX v. [The study of metaphor in the last third of the 20th century]. In: *Lingvisticheskie issledovaniia v kontse XX v. [Linguistic research in the late 20th century]* : A collection of reviews / ed. by F. M. Berezin. Moscow, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the RAS. 214 p. Pp. 186–204. (In Russ.).

Simakova, S. I. (2018) Vizual'nyi povorot — novaia filosofii obraza v sredstvakh massovoi kommunikatsii [Visual turn — new philosophy of image in means of mass communication]. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, no. 10 (420), Philology Sciences, issue 114, pp. 225–232. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24411/1994-2796-2018-11032>

Smirnit'skaya, A. A. (2016) Semantika terminov rodstva v tamil'skom iazyke s tochki zreniia tipologii semanticheskikh perekhodov [Semantics of kinship terms in Tamil from the point of view of the typology of semantic transitions]. *Vestnik RUDN. Seriya: Lingvistika*, vol. 20, no. 2, pp. 112–127. (In Russ.).

Chudinov, A. P. (2013) *Ocherki po sovremennoi politicheskoi metaforologii [Essays on modern political metaphorology]*. Yekaterinburg, Ural State Pedagogical University. 176 p. (In Russ.).

Bertin, J. (1967) *Sémiologie graphique*. Paris, Mouton/Gauthier-Villars. 436 p.

Kress, G. and van Leeuwen, T. (2006) *Reading images: The grammar of visual design*. London : Routledge. xviii, 291 p.

The Routledge handbook of multimodal analysis (2014) / ed. by C. Jewitt. London : Routledge. xxvi, 527 p.

Submission date: 18.08.2022.

Визуальная репрезентация ойрат-калмыков и тувинцев в контексте быта в начале XX века

Наталья М. Сергеева, Любовь Б. Четырова

Самарский национальный исследовательский университет им. С. П. Королева, Российская Федерация

Статья посвящена рассмотрению в визуальной перспективе быта ойрат-калмыков и тувинцев в начале XX в., запечатленного российскими фотографиями. Методологической основой исследования выступает деколониальный подход, согласно которому двумя опорами западной цивилизации выступают модернность и колониальность. По форме и содержанию визуальные репрезентации ойрат-калмыков и тувинцев содержат в себе определенные знаки колониальности. По ним видны особенности истории колониальности народов.

Эмпирическую основу исследования составляют визуальные документы имперского периода, хранящиеся в российских архивах: Астраханском государственном объединенном историко-архитектурном музее-заповеднике, в коллекции С. Ю. Степанова (г. Астрахань), в коллекции Л. Б. Четыровой (г. Самара), Национальном архиве Республики Тыва, Национальном архиве Республики Калмыкия.

Фотографии в имперской жизни выступали не только как способ документирования разных этнических групп и их быта, но как самостоятельный инструмент проведения колониальной политики. Последнее особо явно в случае фотооткрыток и прежде всего открыток, рассчитанных на экспорт в другие страны. Фотооткрытки содержат имперскую репрезентацию ойрат-калмыков. На них люди выглядят театрализованно; подчеркнута их инаковость. Напротив, визуальные репрезентации тувинцев — это фоторепортажи с места события, сделанные в натуральных условиях жизни и труда, без применения ретуши. В этих репрезентациях не обнаруживается композиционное обозначение превосходящего или, наоборот, подчиненного положения данного народа в сравнении с русскими.

Ключевые слова: модернность; колониальность; визуальный образ; деколониальный подход; фотография; открытка; ойрат-калмыки; тувинцы; имперский опыт; повседневность

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-01767, <https://rscf.ru/project/22-28-01767/>

Для цитирования:

Сергеева Н. М., Четырова Л. Б. Визуальная репрезентация ойрат-калмыков и тувинцев в контексте быта в начале XX века // Новые исследования Тувы. 2022. № 4. С. 257-275. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.19>

Сергеева Наталья Михайловна — кандидат социологических наук, доцент кафедры методологии социологических и маркетинговых исследований Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королева. Адрес: 443086, Россия, г. Самара, Московское шоссе, д. 34. Тел.: +7 (846) 337-99-88. Эл. адрес: bo-na-mi@yandex.ru

Четырова Любовь Борисовна — доктор философских наук, профессор кафедры философии Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королева. Адрес: 443086, Россия, г. Самара, Московское шоссе, д. 34. Тел.: +7 (846) 337-99-54. Эл. адрес: chetyrova@gmail.com

Article

Visual representation of the Oirat-Kalmyks and Tuvans in the context of day-to-day life at the beginning of the XX century

Nataliya M. Sergeeva, Lyubov B. Chetyrova
Samara National Research University, Russian Federation

The article examines the daily life of the Oirat-Kalmyks and Tuvans in the early 20th century in its visual perspective captured in photos taken by Russian photographers. The methodological foundation of the research is the decolonial approach, according to which modernity and coloniality are the two pillars of Western civilization. In their forms and meanings, visual representations of the Oirat-Kalmyks and Tuvans contain certain signs of coloniality. They demonstrate the features of the history of colonization of the peoples.

The empirical basis of the study consists of visual documents of the imperial period kept in Russian archives: Astrakhan State United Historical and Architectural Museum Reserve, the collections of S. Yu. Stepanov (Astrakhan) and L. B. Chetyrova (Samara), the National Archives of the Republic of Tuva, and the National Archives of the Republic of Kalmykia.

In the Russian Empire, photographs were not only a way of documenting different ethnic groups and their way of life, but also a tool for carrying out colonial policy. The latter is especially evident in the case of photo postcards and, above all, postcards designed for export to other countries. Photo postcards contain the imperial representation of the Oirat-Kalmyks. People seem to be theatrical; their otherness is emphasized. On the contrary, visual representations of the Tuvans are photographic reports from the place of events, made in real living and working conditions and without retouching. In these representations, there is no compositional designation of the superior or, conversely, subordinate position of this people in comparison with the Russians.

Keywords: modernity; coloniality; visual image; decolonial approach; photography; postcard; Oirat-Kalmyks; Tuvans; imperial experience; everyday life

Financing

The research was supported by the Russian Science Foundation (project No. 22-28-01767, <https://rscf.ru/project/22-28-01767/>)

For citation:

Sergeeva N. M. and Chetyrova L. B. Vizual'naiia reprezentatsiia oirat-kalmykov i tuvintsev v kontekste byta v nachale XX veka [Visual representation of the Oirat-Kalmyks and Tuvans in the context of day-to-day life at the beginning of the XX century]. *New Research of Tuva*, 2022, no. 4, pp. 257-275 (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.19>

SERGEeva, Nataliya Mikhailovna, Candidate of Sociology, Associate Professor, Department of Sociological and Marketing Research Methodology, Samara National Research University. Postal address: 34 Moskovskoye shosse, 443086 Samara, Russian Federation. Tel.: +7 (846) 337-99-88. E-mail: bo-na-mi@yandex.ru

ORCID ID: [0000-0002-3569-5397](https://orcid.org/0000-0002-3569-5397)

CHETYROVA, Lyubov Borisovna, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy, Samara National Research University. Postal address: 34 Moskovskoye shosse, 443086 Samara, Russian Federation. Tel.: +7 (846) 337-99-54. E-mail: chetyrova@gmail.com

ORCID ID: [0000-0001-5064-8735](https://orcid.org/0000-0001-5064-8735)

Введение

Статья посвящена анализу фоторепрезентаций ойрат-калмыков и тувинцев, исторически и культурно близких друг другу народов¹, а также рассмотрению различий их визуальной репрезентации в позднеимперский период российской истории — начало XX в. Во многом особенности визуальной репрезентации объясняются длительностью и плотностью контактов этих народов с русским государством, а значит их колониальной историей в его составе. Если история тесных взаимоотношений ойрат-калмыков с русским государством началась на заре XVII в., когда они добровольно вошли в его состав (Шюрюмов, 2007), то такая история у тувинцев затронула только небольшой период времени в начале XX в., хотя история контактов тувинцев с русскими была более длительной (например, первые русско-тувинские экономические связи установились в начале XVII в. (История Тувы, 2001: 281); после подписания российско-китайского договора в 1860 г., Тува стала территорией беспошлинной торговли и сюда стали прибывать русские торговцы, золотопромышленники и пр. (там же: 284)). Еще одно различие между ойрат-калмыками и тувинцами в их отношениях с русским государством состояло в том, что ойрат-калмыки имели собственную государственность — Калмыцкое ханство в составе русского государства, а тувинцы не входили в состав Российской империи, они только получили ее протекторат в 1914 г. (до 1917 г.). История ойрат-калмыков и их ханства, начиная с имперского периода (начало XVIII в.), является длительной историей колониального подчинения, превратившего их в субалтернов. В отличие от ойрат-калмыков у тувинцев колониальная жизнь в составе Российской империи оказалась очень краткой.

Цель настоящего исследования заключается в установлении особенностей репрезентации визуальных образов указанных народов в зависимости от длительности их колониальной истории.

Данное исследование является логическим продолжением ранее проведенного нами визуального анализа советской модерности в деколониальной перспективе на материале советских фотографий ойрат-калмыков и тувинцев (Четырова, Сергеева, 2022).

С точки зрения деколониальной теории, избранной нами в качестве методологической основы, колониальность и модерность выступают как две опоры европейской цивилизации (Mignolo, Walsh, 2018). Поскольку колониальность неразрывно связана с империей, то отношения колонизируемых и колонизаторов должны быть рассмотрены в контексте взаимосвязи всех трех феноменов — колониальности, модерности и империи. При этом важно учитывать парадокс деколонизации. Освободившиеся от колониальной зависимости народы и государства искали способы легитимации своего *свободного* существования в современной европейской цивилизации колонизаторов (Sked, 2005: 67). А ставшие независимыми бывшие колонии определяли свой статус и строили отношения с бывшей метрополией, используя язык колонизаторов, в результате чего вновь оказались в подчиненном положении. Исследуя этот феномен, представители деколониальной теории В. Миньоло (W. Mignolo), К. Уолш (C. Walsh), А. Кихано (A. Quijano) выдвинули положение о колониальной матрице власти, одной из целей которой было замещение смысловых структур в сознании колонизируемых иными, необходимыми для закрепления их подчиненного положения, т. е. колониальными по сути (Quijano, 2007: 169). Колониальность проявляет себя в данном случае как ментальное рабство, выражающееся в невозможности высказываться иначе как на языке колонизаторов (Mignolo, Walsh, 2018: 11-115). Размышляя о роли языка в исследовании империй, М. Бейссингер пишет о его важности в саморепрезентации империй прошлого, что объясняется тем влиянием, которое он оказывает на выстраивание своего образа и своей политики как государства постимперского периода (Beissinger, 2005: 91-92).

Далее, в случае рассмотрения подобных отношений в ходе создания имперской России, важно различие первой и второй модерности (Tlostanova, Mignolo, 2012). Сравнение колониальной истории ойрат-калмыков и тувинцев должно осуществляться на основе приведенного различения типов модерности и, соответственно, рассмотрения этих отношений на разных этапах становления и развития Российской империи.

¹ Как этнические группы ойраты и тувинцы начали складываться в составе Монгольской империи. В 1207 г. армия Джучи, старшего сына Чингис-хана, подчинила все лесные народы, куда входили ойраты и предки тувинцев (Кызласов, 1969: 132-133). В более поздний период близость ойрат и тувинцев определяется тем, что начиная с XVII в. история Тувы была связана с историей Джунгарии (История Тувы, 2001: 173-178; 186-189).

Анализируя открытки и фотографии, мы следуем принципам комплексного анализа визуальных текстов, разработанного одним из авторов данной статьи (Богданова, 2012). Такой анализ предполагает последовательное раскрытие исследовательских вопросов к изображению на уровне контента (содержательные и формальные компоненты, наличие или отсутствие внешней и внутренней интеракции, положение «актора» и «цели») и контекста (значение телесных характеристик и окружающей обстановки, ассоциативный ряд, отсылки к каноническим образам). В анализе задействуются семиотический, структурный и иконографический подходы к интерпретации изображений. Первый нацелен на декодирование языка визуальных символов (знаков), т. е. раскрытие коммуникативных сторон визуального текста, его денотативных и коннотативных сообщений. В структурном подходе к интерпретации под внешней визуально доступной оболочкой изображенных социальных явлений вскрываются значимые общественные структуры. Иконографический и иконологический подходы (Пановский, 1999) предполагают рассмотрение других изображений, имеющих отношение к анализируемому сюжету, по принципу схожести мотивов и композиции, чтобы проследить канонические образы.

Фокус в анализе репрезентаций быта устанавливается на местах и условиях проживания, особенностях ведения хозяйства, бытовой утвари, специфике позирования относительно жилища и членов ситуативной социальной группы на снимке. Данный анализ применим к любым визуальным документам: иллюстрациям, рисункам, картинам, фотографиям, открыткам. В текущем исследовании мы имеем дело у калмыков с фотооткрытками, которые делались на основе фотографий; у тувинцев — с фотографиями. Особенность фотооткрыток состоит в комбинации отличительных черт обоих «родителей»: фотографии и открытки. От фотографии фотооткрытки перенимают условную «зеркальность» или то, что Р. Барт называл сообщением без кода, а от открытки — медийное значение. И несмотря на то, что сам же Барт в итоге признал, что фотография всё-таки содержит код (на уровне коннотативного значения), фотографические изображения вызывают больше доверия, нежели рисунки и другие изображения, созданные нетехническим путём. Фотографии, попадающие в открытку, уже гарантированно становятся объектом рассматривания, обмена и обсуждения в масштабе географии распространения *открытого письма*.

Достижение цели статьи предполагает решение таких задач: анализ открытки как средства идеологии; интерпретация фотооткрыток, изображающих калмыков в быту; интерпретация фотографий тувинцев в быту; сопоставление визуального и идеологического языка открыток и фотографий в имперский период.

Источниковую базу исследования составляют визуальные документы поздней имперского периода России, хранящиеся в следующих архивах: Астраханском государственном объединенном историко-архитектурном музее-заповеднике (АГОИМЗ), в коллекции С. Ю. Степанова (г. Астрахань), в коллекции Л. Б. Четырковой (г. Самара), Национальном архиве Республики Тыва, Национальном архиве Республики Калмыкия.

Репрезентация ойрат-калмыков в быту

Для анализа визуальных образов калмыков в контексте быта¹ нами были взяты открытки, изготовленные на основе фотографий астраханских калмыков. В краеведческом музее г. Астрахани хранится достаточно много открыток, изображающих «инородцев», среди которых были и калмыки. Астрахань, русский город, основанный на территории бывшей столицы завоеванного царем Иоанном Грозным Астраханского ханства, с самого начала и по сию пору отличается по своему этническому составу от других российских городов. Прекрасной иллюстрацией могут послужить слова журналиста В. И. Немировича-Данченко (1845–1936):

¹ Под бытом мы понимаем сферу социальной жизни, включающую как деятельность, связанную с удовлетворением материальных потребностей, так и с отдыхом (Российская социологическая ... , 1998: 52–53). Поскольку экономические, географические, политические условия сказываются на быте, то знаки, визуальное проявление здесь, указывают на более широкий социальный контекст, в частности процесс колонизации имперской Россией народов Азии.

«Триста двадцать лет живут здесь наши. Выстроили они большой кремль,... материалы таскали они для него с массивного древнего татарского города¹, разграблявая таким образом остатки старины у реки Ахтубы, воздвигли соборы, церкви, в самом городе и в окрестностях пять монастырей поставили — а все не русскою смотрит Астрахань... Чужой говор, обличье чужое... все здесь в диковину, начиная от зеленых халатов бухарцев, до скуластых богатырей, от полукитайского хурула гелюнгов до ивяной... мазанки ногай»².

Он занимает критическую позицию в отношении русской колониальной власти, которая строила русский город, «разграблявая» наследие предыдущих поселений. В результате город оказался наполовину заселенным «инородцами» и отмеченным ярко выраженными чертами колониальности. В городе четко прослеживается колониальная иерархия, в которой представители имперской власти относятся к инородцам-субалтернам как к «меньшим братьям». Применительно к ойрат-калмыкам другой демократически настроенный путешественник и писатель П. И. Огородников (1837–1884) иронически замечает, что, по словам «одного из наших столпов»: «скотоводство... далеко не обеспечивает “наших меньших братьев монгольской крови”, хотя мы их отечески любим»³.

Этническая пестрота Астрахани нашла свое выражение в многочисленных открытках. Этот небольшой по формату почтовый бланк выполнял важные коммуникативные и идеологические функции.

Почтовые открытки того времени в целом сейчас расцениваются исследователями как первая социальная сеть, охватившая весь мир. Предлагая рассматривать почтовую открытку как инструмент поддержания связей, как носитель лаконичной информации, американская исследовательница Л. Пайн обосновывает, что в массовом использовании почтовых открыток лежит исток современных социальных медиа-платформ, основанных на изображениях (Pyne, 2021). На основе своего широкомасштабного эмпирического исследования почтовых открыток она делает важный вывод, что реализуя свойственное человеку желание коммуникации, почтовая открытка использовалась как особый вид технологии, применяемый в пропагандистских и иных целях. Почтовые открытки несут информацию разными способами: через изображение, полиграфию, связи, которые способствуют их путешествию по почте. Открытка соединяет людей с географией и, наоборот, географию — с людьми, устанавливая при этом материальную в смысле осязаемости связь между людьми. О важности почтовой открытки свидетельствует тот факт, что в первые два десятилетия XX в. в циркуляции по всему миру находилось около 200 млрд открыток (там же: 9–10).

По словам астраханского краеведа А. П. Минаева, благодаря почтовой открытке Астрахань из загадочной «Тартарии» и «Ногайи» стала узнаваемой в мире землей, населенной разными народами. Вместе с тем она способствовала экзотизации астраханских инородцев⁴.

Важность репрезентации разнообразия этнических типов хорошо понимали власти. Так, в газете «Астраханский листок» от 10 февраля 1867 г. говорится по поводу участия Астрахани во Всероссийской этнографической выставке: «Наша губерния по своему разнохарактерному народонаселению больше других должна принять участие в выставке, которая особенно в России должна иметь важное значение, так как характеризует наше Отечество» (цит. по: Нагайкина, 2011: 14).

Почтовые открытки, альбомы фотографий и иные изображения инородцев использовались в идеологических целях для формирования общероссийской идентичности подданных.

Перед нами две фотографии (*фото 1А* и *фото 1В*), оформленные в открытки издательством С. Вишневого. Примечательно, что на них изображен один и тот же персонаж — калмык, в одинаковой позе и одежде. Однако иконография и символическая нагрузка у двух открыток разная, на что указывают детали окружающей обстановки и общий фон.

Детали на фотографии зачастую не менее информативны, чем композиция и сюжет в целом. Пространство, в которое встраивается объект съёмки, является действенным приёмом фо-

¹ Речь идет о столице Золотой Орды городе Сарай-Бату.

Немирович-Данченко В. И. По Волге. (Очерки и впечатления летней поездки). СПб.: Издание книгопродавца И. Л. Тузова, 1877. С. 262–263.

² Огородников П. И. На пути в Персию и прикаспийские провинции ее. 2-е изд. СПб.: Типография М. И. Попова, 1878. С. 26.

³ Минаев А. П. Астраханские открытки 1898–1918 гг. Первый сводный каталог-спарочник Астраханских открыток по издателям. Первая часть. Астрахань, 1917. С. 6–7.

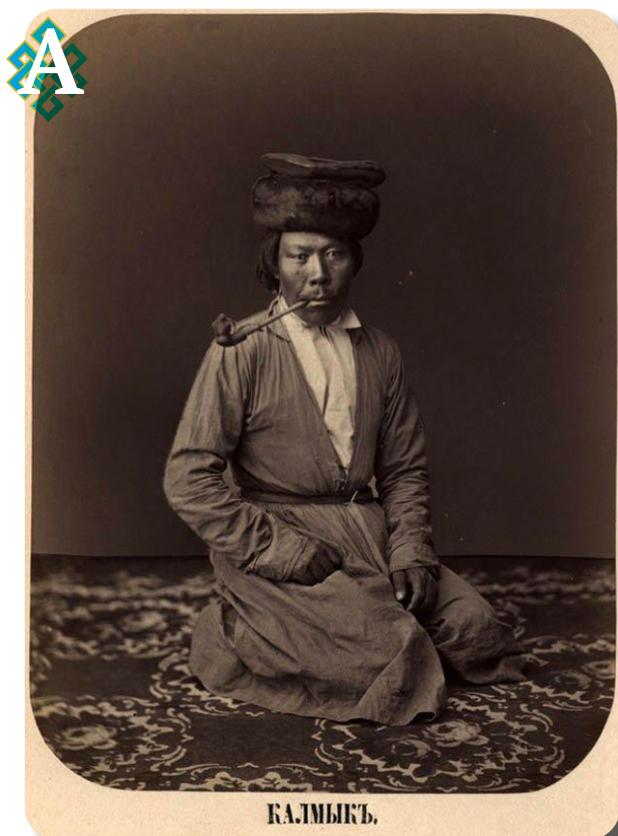

Фото 1 (коллаж): А) Калмык. С. Вишнеvский, 1870 г.; В) Калмык (фото с ретушь), год издания неизвестен.
Photo 1 (collage): А) A Kalmyk. S. Vishnevskiy, 1870; В) A Kalmyk (retouched photo), the year of publication is unknown.

тографического письма. Когда фотограф пытается создать специфический фотообраз человека или социальной группы, речь идет о съемках в стиле *environmental portrait* (Hilton, 1999), что можно перевести как портрет в естественной обстановке или портрет с окружением. Концептуальной рамкой для *портрета с окружением* может стать драматургическая теория И. Гофмана (Гофман, 2000), согласно которой в разных общественных ситуациях используется сложное «театральное снаряжение». Во-первых, обустраивается то, что Гофман называл «передний план» (там же: 54). Это различные предметы обстановки — интерьер, мебель, декорации и другие элементы фона, составляющие сценический и постановочный реквизит социальной жизни. Во-вторых, конструируется «личный передний план» — те составляющие, которые тесно связаны с самим исполнителем и повсюду его сопровождают. Например, отличительные знаки официального положения или ранга, одежда, позы, мимика, жесты.

«Передний план» и «личный передний план» (там же: 56) избирает для себя сам человек в момент самопрезентации, создания желаемого фотообраза, или же это делает фотограф, конструирующий задуманное визуальное сообщение. В нашем случае фотографии калмыка — типичные примеры *environmental portrait*, когда, вероятнее всего, «передний план» продумывался не лично самим объектом съемок, что уже дает основание говорить об объективации последнего.

Очевидно, исходной версией является фотография на ковре с нейтральным «пустым» фоном (фото 1А). Обстановка похожа на фотоателье. Снимок четкий, контрастный, что с большим успехом достигалось именно в условиях лабораторной фотосъемки, выставленным светом и фиксированным положением фотооборудования. Мужчина расположен в типичной для калмыка позе, сидя на согнутых и поджатых под себя ногах. Он вполне расслаблен, несмотря на сжатую в кулак правую руку. Левая рука полуоткрыта и свисает спокойно на колени. Взгляд направлен прямо на фотографа, что завязывает интеракцию со зрителем. Само лицо, плечи и корпус тела тоже раскрыты и направлены к зрителю. Следовательно, фотография выполнена фронтально, в ней едва заметен горизонтальный угол в правую сторону (Kress, Van Leeuwen, 2001). Туда же — вправо — уводят взгляд зрителя и колени мужчины. Та-

кая правосторонняя ориентация, даже без наличия диагоналей (и, соответственно, динамики) дополнительно делает композицию более подвижной, легкой для восприятия глазом, поскольку при чтении изображения взгляд почти всегда устремляется вправо (Chatterjee, Southwood, Basilico, 1999). Что касается вертикального угла, то и он отсутствует — вероятно, фотограф сознательно понижал уровень установки оборудования. Как результат мужчина на фото не возвеличивается, но и не принижается.

«Личный передний план» мужчины представлен *бюшмюд* — белой натальной рубашкой с воротником, лаконичной, без орнаментов, стянутой поясом, на котором, хоть это не характерно для калмыков, ничего не подвешено: ни огнива, ни пороха в пороховнице, ни ножа. На голове калмыцкая шапка *хажилh*. Примечательно, что в «личном переднем плане» отсутствуют очень характерные для калмыков аксессуары, вроде украшений, которые носили и мужчины, и женщины, как минимум, серьги. Единственное — в уголке рта мужчины расслабленно и уверенно зажат длинный мундштук с курительной трубкой¹.

Что же привносит в исходную версию снимка ретушь «переднего плана»? Добавляются аспекты быта. Объективированный калмык на фото становится вписанным в «естественную» (а по факту, сконструированную для него) среду обитания. Это натурные условия: берег водоёма, пасущиеся козы (не кони или овцы, что было бы более характерно для калмыка), ограда хозяйственных построек вдалеке, которые наводят на мысли об оседлом образе жизни. Из трубки теперь клубится дымок, словно она ожила.

Для фотооткрытки «Пляска калмычек» (*фото 2B*) тоже существовал исходник (*фото 2A*), сделанный в фотоателье, с «пустым» и, следовательно, не содержательным для данных персонажей, «передним

Фото 2 (коллаж): А) Пляска калмычек. С. Вишнеvский, год издания неизвестен; В) Пляска калмычек. Фотооткрытка с ретушь, год издания неизвестен.

Photo 2 (collage): A) Dance of Kalmyk females. S. Vishnevskiy, the year of publication is unknown; B) Dance of Kalmyk females. Retouched photo postcard, the year of publication is unknown.

¹ Исследователи традиции табакокурения в России и странах Азии пишут о том, что предки калмыков познакомились с табаком еще в конце XVI — начале XVII в., хорошо освоили практики употребления табака в повседневной и обрядовой жизни и использовали его в меновой торговле с русскими (Шараева, 2019). Табак курили как мужчины, так и женщины, в любом возрасте, а также жевали, обмывали им овец, использовали в качестве лекарства.

планом». Изображенный мужчина здесь очень похож на предыдущего: та же одежда, поза. Нет курительной трубки, но есть домра — один из традиционных калмыцких музыкальных инструментов. Однако мужчина не смотрит в камеру, и, следовательно, с ним интеракция зрителя не завязывается. В камеру смотрят танцующие или, скорее, изображающие танец, учитывая постановочный характер фотографии в ателье, женщины-калмычки. Последние — главные действующие лица данного снимка. Калмык же своей игрой на домре только закрепляет значение положения рук женщин как знаков движения в танце. Заметно, что ретушёр более четко точками обозначил глаза (зрачки) участников сцены, усы мужчины и брови женщин.

Как и мужчина, женщины на фото одеты в традиционную одежду: рубаху *киилг* с белым острым воротничком и платье типа *хувцн* с вшивными рукавами, зауженными книзу. Головы покрыты шапкой *хажилh*, подобной той, которая надета у мужчины, хотя таковые были больше характерны для пожилых калмычек. Между тем, фотография позволяет судить, что перед нами молодые калмычки, хоть уже и замужние, на что указывают пары кос в накосниках — *шиврлг*. В «личном переднем плане» женщин привлекают к себе внимание также выразительные серьги в ушах.

Конструируя для объекта окружающую обстановку, ретушёр мог выбрать любой сюжет, однако он обратился к, очевидно, наиболее известным и характерным (клишированным) атрибутам быта ойрат-калмыков: условно натурная сцена (на что указывает изображенное дерево и водоём), лодка у берега, традиционные калмыцкие кибитки, правда, окруженные изгородью. Тем не менее, результат больше походит на театральную сцену на фоне декораций. Участники съёмок становятся здесь объектом рассматривания и не погружены в естественную для себя среду.

Другая любимая забава и неотъемлемый компонент быта калмыков — борьба силачей или *бөк бәрлдән*. Каждый из калмыцких владельцев стремился иметь свою школу борьбы. Борцы владели секретами более двух сотен приемов борьбы (Цандыков, 2009). Победители награждались ценными призами. Награда была и испытанием на прочность — победитель должен был съесть целиком барана! Не всем это удавалось... В книге «Степи. Калмыки. Чтение для народа» 1901 г. автор — Н. А. Александров — описывает впечатления путника от встречи с калмыками:

«Зато в деле борьбы, когда он [калмык] почти совершенно раздет — это богатырь: в плечах косяя сажень, грудь колесом, склад тела атлетический, на темной фигуре так и обрисовываются выпуклые изгибы мускулов, пропорции более или менее правильны и красивы, а гибкость и ловкость чувствуются почти в каждом повороте. И как борцами, и как наездниками ими вполне можно любоваться. Но и любят они и борьбу, и скачки, как никто из инородцев»¹.

Далее автор отмечает, что борьба у калмыков происходит с большой торжественностью, а победители получают известность: «К торжественной борьбе калмыки подготавливаются несколько дней, делают пробы, являются сторонники и противники той и другой стороны, как мужчины, так и женщины, подглядывающие украдкой, где что делается и кто из борцов сильнее и ловчее. Одним словом, весь иногда улус оживляется»².

В контексте приведенных выше описаний Н. А. Александрова фотооткрытка с борцами (*фото 3В*) выглядит по меньшей мере скромно и сдержанно. Нет того самого характерного напряжения в фигурах. Нет и торжественности, и даже зрителей.

На переднем плане фотооткрытки двое мужчин в укороченных шароварах. Мужчина, обращенный лицом к зрителю, не смотрит в объектив камеры, а потому интеракция с ним не завязывается. Зритель остаётся сторонним наблюдателем, а модели — объектом рассматривания и оценки. По характерной стойке в захвате становится ясно, что происходит борьба, однако по расслабленным и спокойным лицам и мышцам видно, что это лишь имитация традиционной калмыцкой борьбы. Снова имитацией, как и на предыдущих фотографиях, является окружающая обстановка, правда здесь она уже более детально прорисована и нагружена знаками повседневного быта калмыков.

Исходник (*фото 3А*) этой фотооткрытки был сделан в фотоателье, после чего героев фотографии «перенесли» в натурную сцену. За счет светового контраста внимание в первую очередь привлекают

¹ Александров Н. А. Степи. Калмыки. Чтение для народа Н. А. Александрова. М.: Издание книгопродавца А. Я. Панафидина, 1901. С. 17.

² Там же. С. 18.

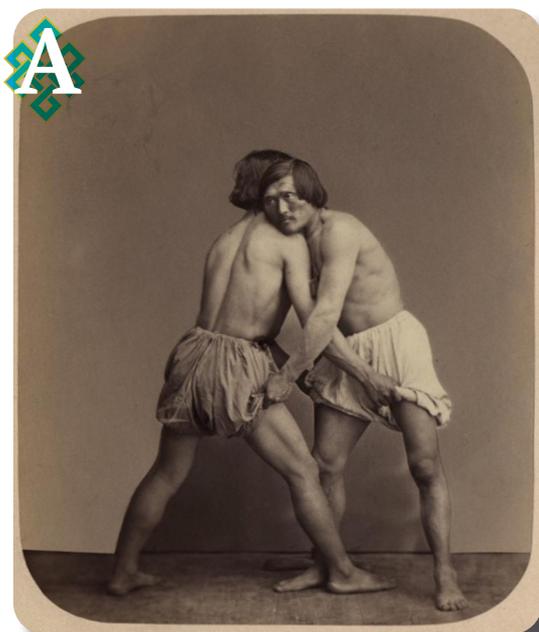

Фото 3 (коллаж): А) Борьба калмыков. С. Вишнеvский, год неизвестен; В) Борьба калмыков. Фотооткрытка с ретушь, год неизвестен; С) Калмыцкая борьба. Открытка с репродукции картины Е. М. Корнеева, 1803 г. Из коллекции Л.В. Четыровой.

Photo 3 (collage): A) Kalmyks' wrestling. S. Vishnevskiy, the year is unknown; B) Kalmyks' wrestling. Retouched photo postcard, the year is unknown; C) Kalmyk wrestling. A postcard of a reproduction of a painting by E. M. Korneev, 1803. From the collection of L. V. Chetyrova.

светлые фигуры мужчин, расположенные в центре, в композиционном узле снимка, а далее «чтение» фотографии уходит вглубь, в более темные декорации и направляется слева направо. Там, на заднем плане, изображена пара калмыцких кибиток, деревья. По центру правой стороны ретушёр изобразил груженую повозку с запряженным быком. Чуть ближе к борцам виднеется кусочек ограды. Это уже не первая открытка в рассматриваемом ряду, где среди прочих немногочисленных деталей ретушёр изображает ограду. Между тем, ограды скорее исключение для стоянок вольных кочевников. На большинстве этнографических фотографий стоянок калмыков нет никаких оград, кроме тех снимков, где калмыцкие кибитки уже стоят среди русских изб. Другое дело плетни, которые служили загоном для скота и действительно имели место у калмыков¹, но на представленных изображениях едва ли плетень выглядит как загон для скота. Ограда в данном контексте выступает знаком привязки к одному месту, знаком оседлости, как на группе фотографий ниже.

¹ Шевченко С. А. Калмыки на юго-востоке Донского края [Электронный ресурс] // Донской временник. 2017 г. URL: http://www.donvrem.dspl.ru/Files/article/m2/2/art.aspx?art_id=1561 (дата обращения: 20.08.2022).

Куда более канонично выглядит традиционная калмыцкая борьба на рисунке (*фото 3С*) живописца, рисовальщика, гравера, мастера бытового жанра Е. М. Корнеева (1782–1839) и выполненной позднее по нему литографии гравера, художника Е. О. Скотникова (1782–1843) (Гончарова, 1987). Известно, что Корнеев участвовал в экспедиции с целью военно-стратегического осмотра азиатской и европейской России. Работы Корнеева высоко оценил баварский граф К. Рехберг, коллекционировавший акварели, рисунки и гравюры на русские темы. По предложению Рехберга Корнеев отправился в Мюнхен для работы над альбомом гравюр, рассказывающих широкому зрителю об отдаленных уголках России и облике народов её населяющих. Как и многих в то время представителей европейской культуры, фантазию художника будоражили люди в необычных одеждах с экзотическими чертами лица и диковинными обычаями. Важно, что Корнеев делал рисунки преимущественно по своим личным путевым заметкам и эскизам, сделанным в Ставрополе-на-Волге. Погруженность в контекст, творчество из положения инсайдера (насколько это возможно члену экспедиции), даже при условии, что рисунок и живописи свойственно более вольное кодирование, нежели фотографии, объясняет, почему изображение быта у Корнеева выглядит более живым и сообщающим этнический колорит калмыков, чем на отретушированной фотооткрытке Вишневого.

Изображая калмыцкую борьбу, художник показал и динамику, и силу, и многочисленных зрителей. Вообще, скопление народа у и между кибиток — наиболее естественная картина для калмыков, особенно во время таких знаковых мероприятий, как борьба, скачки или укрощение диких лошадей. Очевидно, что Корнеев стремился проявить и знаково закрепить этнический колорит калмыков, поэтому изобразил как можно больше их отличительных черт, начиная с формы проявления досуга (борьба или созерцание борьбы) и заканчивая атрибутами быта (войлочные кибитки, этнические костюмы).

Следующая группа изображений (*фото 4 А–С*) — групповые портреты на фоне жилища. Позирование на фоне жилища является не только одной из самых явных знаковых отсылок к устройству быта, но и способом проявления различных форм идентичности (социальной, гендерной, этнической). Также это удачный способ вписать тело в пространство в ходе визуального нарратива, особенно если дело касается инородцев с их традиционными жилищами. Несомненно, для европейцев юрты, кибитки, вигвамы и другие подобные постройки являются диковинкой.

На *фото 4А — 4С* у входа в кибитку (*гер*) изображены люди, вероятно, её владельцы. Примечательно, что расположены они именно у входа, а сама кибитка занимает центральное место в композиции. В остальном в этих, на первый взгляд, абсолютно идентичных снимках, больше различий, чем сходств, и по этим различиям можно судить о степени экспансии имперского уклада в традиционный быт калмыков.

Несмотря на то, что не удаётся доподлинно установить год создания каждой из фотографий, по изображениям можно выдвинуть предположения о мере аутентичности быта представленных здесь калмыков или о том, как её старался передать (подчеркнуть или нивелировать) автор фотографии. Так, *фото 4А* и *4В* выглядят наиболее аутентично, ничто не вырывает повседневность калмыков из традиционного порядка. Мы видим несколько плотно поставленных кибиток, строение которых подходит под описание типичных калмыцких *гер*. Хозяйка центральной на *фото 4А* кибитки сидят в характерной для калмыков позе у открытого входа в кибитку, сидят и взрослые, и дети. Насчитываются восемь детей, включая выглядывающих из кибитки. По скромной одежде можно предположить, что перед нами небогатая семья. Сидячая поза, а также небольшое, но всё же наличие верхнего вертикального угла (фотограф снимает сверху вниз) дополнительно принижает семью на снимке и, напротив, ставит в превосходящее положение зрителя. Несмотря на лобовой горизонтальный угол, *фото 4А* выглядит как типичное этнографическое, проводящее четкую грань между «мы» и «они». *Фото 4В*, напротив, скорее стирает границу между зрителем и моделями. Здесь отсутствуют горизонтальный и вертикальный углы, дистанция сокращена и даже незакрытый спинами кого-либо из членов семьи вход в *гер* будто приглашает войти внутрь. Все смотрят в камеру, тем самым завязывая интеракцию со зрителем. Некоторые из изображенных калмыков позируют стоя на ногах или на коленях ярусами, из-за чего создаётся впечатление, что такая слаженная композиция была выстроена фотографом, чтобы «все попали в кадр». На снимке снова много детей и нет взрослого мужчины, главы семейства.

Сравнивая между собой *фото 4А* и *фото 4В*, можно предположить, что последнее олицетворяет собой большую степень погружения в имперский уклад жизни, где калмыки вынуждены быть более открытыми для Других.

Кибитки калмыков

Фото 4 (коллаж): А) Кибитки калмыков, год неизвестен; В) Астрахань. Калмыцкая кибитка. Автор неизвестен (АГОИМЗ, кп 40248/101, ф. 18995); С) Преображение степи (НА РК, фотофонд, № 1107).

Photo 4 (collage): A) Kalmyks' kubitkas, the year is unknown; B) Astrakhan. Kalmyk kubitka. The author is unknown (Astrakhan State United Historical and Architectural Museum Reserve, кп 40248/101, f. 18995);

C) The transformation of the steppe (National Archives of the Republic of Kalmykia, photo collection, No. 1107).

Изображение (*фото 4С*) быта калмыков Большедербетовского улуса, входившего в состав Ставропольской губернии, показывает калмыков у входа не в кибитку, а в хату – тип жилища, распространенный в южнорусских губерниях. Хата строилась из глинобитного сырцового кирпича, покрывалась соломой, не имела фундамента, пол в ней был земляной. Так же, как в кибитке, вход здесь открыт, вокруг «и стар, и млад», оседланные лошади, дворовая собака, стога сена. И если бы не хата, данный снимок вполне можно было бы рассматривать на одном уровне с *фото 4А*, но именно дом (хата) является знаком вынужденной адаптации к новому порядку жизни.

Обобщая выводы, сделанные на основании анализа изображений ойрат-калмыков в поздней-перский период российской истории, необходимо признать большую роль медийного формата – формата открыток – в конструировании образа колонизированного народа. С одной стороны, просматриваются тенденции нивелирования различий ойрат-калмыков с русскими в быту (элементы русской одежды, наличие построек оседлого типа). Но, с другой стороны, активное использование ретуши в фотооткрытках высвечивает попытки с помощью образов ойрат-калмыков театрализованно представить этническое разнообразие огромной Российской империи.

Репрезентация тувинцев в быту

Тувинцы с правовой точки зрения никогда не входили в состав Российской империи. Лишь в период с 1914 по 1917 гг. они находились под ее протекторатом, поэтому история их отношений с русским государством складывалась иначе, чем у ойрат-калмыков. Соответственно, визуальная репрезентация их также осуществлялась по-другому. Открыток, посвященных тувинцам, нам не удалось найти ни в Национальном музее, ни в Национальном архиве Тувы. Уже этот результат (или, напротив, отсутствие результатов поиска) говорит о том, что тувинцы в данный исторический период не объективировались как один из своих «народцев». Они рассматривались как диковинный чужой народ, проживающий на отделенной территории. И этот взгляд можно увидеть на немногочисленных фотографиях.

В кейсе тувинцев в контексте быта нами тоже были выделены портретные (индивидуальные) фотографии и групповые на фоне жилища. Однако не обнаружилось снимков, изображающих характерные досуговые практики, вроде танцев или борьбы, как у калмыков. Хотя, безусловно, последние занимают в быте тувинского народа не менее значимую роль.

Фото 5А – 5С сделаны на закате империи, в 1916 г., российским этнографом, исследователем Тувы и тувинского народа, первым профессиональным фотографом Тувы и первым директором Национального музея Республики Тыва В. П. Ермолаевым (Айыжы, Мандан-Хорлу, Монгуш, 2019ab). Сама личность автора фотографий в данном случае накладывает отпечаток на прочтение получившихся изображений.

Ермолаев не был внешним наблюдателем для тувинцев, он хорошо изучил их историю, культуру и обычаи, более того, питал к ним теплые чувства. Всё это говорит о том, что его исследовательская «оптика» не могла не отразиться на оптике фотографической позитивным образом. Иными словами, фотообразы, сконструированные Ермолаевым, претендуют на аутентичную передачу сущности тувинцев, без попыток создания идеализированного или, наоборот, стигматизированного образа. Ермолаев – фотограф-репортажник, в его снимках тувинцев нет бутафории. Даже притом, что фотография – это не слепок реальности, а всего лишь ее фрагмент в субъективном изложении автора, данные репрезентации тувинцев выглядят как вполне реалистичная зарисовка из повседневной жизни.

На *фото 5А – 5С* изображены так называемые араты-единоличники или крестьяне, ведущие отдельное самостоятельное хозяйство. Фотографии натурные и не выглядят как постановочные. Если на *фото 5В* мужчина хотя бы обернулся, чем завязывает интеракцию со зрителем, то на *фото 5А* и *5С* никто из мужчин не смотрит в камеру, они сосредоточены на уборке урожая и вспашке земли.

Композиция снимков *5А* и *5В* без динамики (отсутствуют диагонали), горизонтальных или вертикальных углов, в смысловом узле находятся крестьяне, занятые работой.

На *фото 5С* также отсутствует вертикальный угол (объект съемки не возвеличивается, но и не принижается (Kress, Van Leeuwen, 2001)), но есть горизонтальный угол, то есть съемка не фронтальная, мы смотрим как бы со стороны, с угла. Также есть диагональ, задаваемая линией пашни, от левого угла в правый нижний. Это так называемая диагональ спуска. Если восхождение по такой диагонали передаёт напряжение, то движение вниз происходит быстро и стремительно. Угол диагонали невысокий,

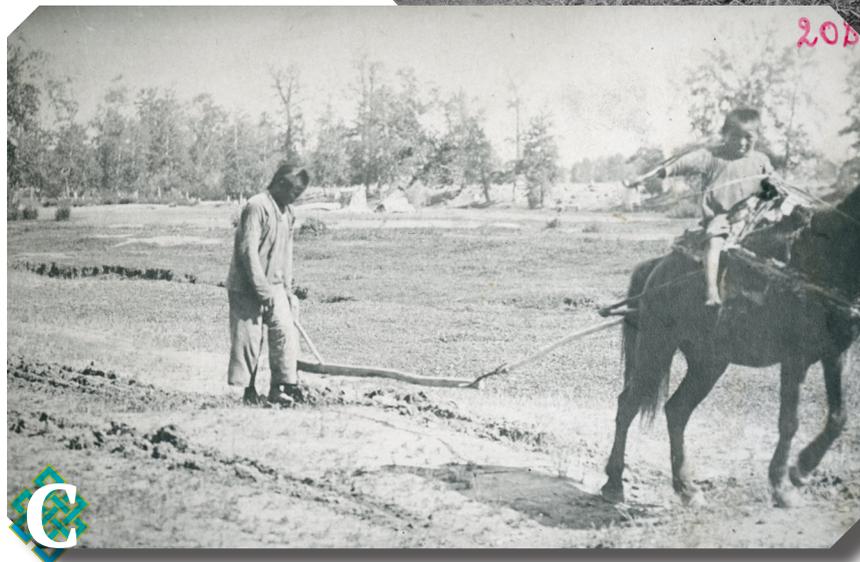
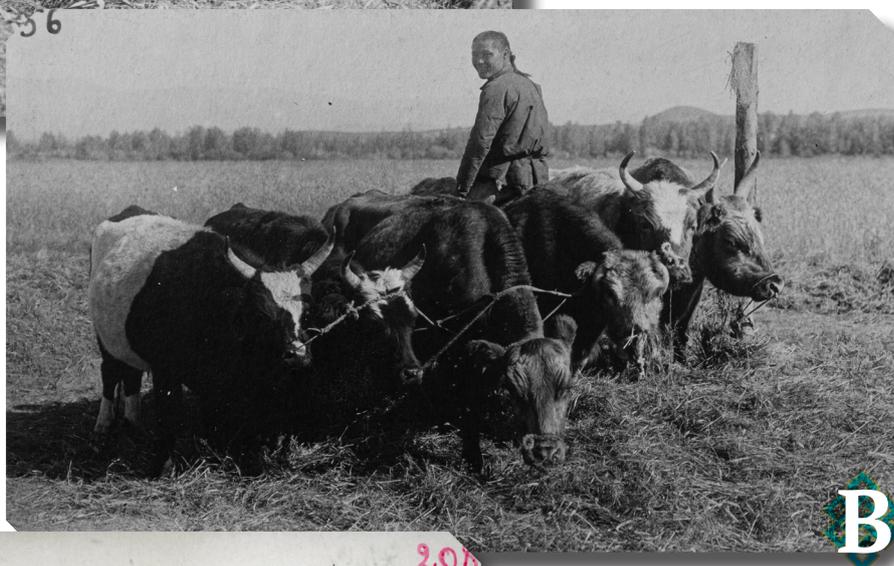

Фото 5 (коллаж): А) Араты-единоличники убирают урожай. Хемчик. Фото В. П. Ермолаева, 1916 г.; В) Обмолот хлеба быками. Хемчик. Фото В. П. Ермолаева, 1916 г.;

(НА РТ, В. П. Ермолаев, 1916, альбом №5 «Сельское хозяйство и земледелие ТНР», фото 55, 56, 53).

Photo 5 (collage): A) Arat self-employed farmers taking in the harvest. Khemchik. Photo by V. P. Ermolaev, 1916; B) Threshing of bread by bulls. Khemchik. Photo by V. P. Ermolaev, 1916; C) An Arat self-employed farmer plowing the land. Khemchik.

Photo by V. P. Ermolaev, 1916 (National Archives of the Republic of Tuva, V. P. Ermolaev, 1916, album No. 5 "Agriculture and Land Husbandry in the Tuvan People's Republic", photos 55, 56, 53).

поэтому фото, хоть и выглядит динамичным, но всё же сохраняет ощущение сопротивления земли и, следовательно, тяжести труда крестьян. Примечательно, что наездником на лошади, уходящей за правый край фотографии, является мальчик, что говорит о том, как с малых лет дети тувинских крестьян уже приобщались к труду взрослых.

Скотоводство и земледелие, в том числе с применением плужных устройств, запряженных в быков — традиционные занятия тувинцев и их предков. На *фото 5А — 5С* ясно изображены аутентичные повседневные бытовые практики тувинцев. При этом полностью отсутствуют какие-либо отсылки к имперской России ни в «переднем плане», ни в «личном переднем плане» изображаемых тувинцев.

Фото 6А очень похоже по композиции на фотографии калмыков на фоне жилища. В смысловом узле снимка — юрта тоджинцев посёлка Систиг-Хем. Автор снимка — снова В. П. Ермолаев. Рядом слева расположена другая подобная юрта. У открытого входа в юрту находятся её обитатели, но они не смотрят в объектив и как будто вовсе не замечают фотографа, а занимаются своими повседневными делами. Рядом, облокотившись на жерди строения, общаются дети. Следовательно, открытый вход уже не выглядит как приглашение войти.

Здесь видна удивительная способность Ермолаева не нарушать естественного хода событий и поведения своих моделей, словно он пользуется скрытой камерой, а то и вовсе плащом-невидимкой. Вот это отсутствие нарочитого позирования на камеру, выстроенных и дисциплинированных тел «ино-

Фото 6 (коллаж): А) Юрты тоджинцев, п. Систиг-Хем. Фото В. П. Ермолаева, 1913 г. (НА РТ, альбом №7 «Торговля и промышленность», фото 59); В) Сальджакский нойон и его семья. Фото К. Минцловой, 1914 г.

Photo 6 (collage): A) Yurts of the Tozhu people, Sistig-Khem. Photo by V. P. Ermolaev, 1913 (National Archives of the Republic of Tuva, album No. 7 "Trade and Industry", photo 59); B) Noyon of Saldzhak and his family. Photo by K. Mintslova, 1914.

родцев», а главное, следов «более цивилизованного» быта, вроде кирпичных или срубных домов, подтверждает отсутствие следов влияния имперской России на жизнь тувинцев в рассматриваемый исторический период. И это отличает визуальные образы ойрат-калмыков и тувинцев.

Фото 6В принадлежит Ксении Дмитриевне Минцловой, жене Сергея Рудольфовича Минцлова — русского библиографа, писателя, публициста, этнографа, археолога. Известно, что в 1914 г. Минцлов вместе с Ксенией путешествовал по Туве (Урянхайскому краю) в составе экспедиции Русского географического общества, где вместе с женой сделал подборку фотографий, которые вылились в две книги (Минцлов, 1928) и фотоархив. А. К. Кужугет, изучая детали этого путешествия, подготовила к выпуску одно из переизданий книги «Секретное поручение. Путешествие в Урянхай», добавив фотографии из фотоархива (Минцлов, 2014). В книге к каждой фотографии даны бесценные подписи, уточняющие как участников съёмки, так и их контексты. Именно эти подписи позволяют А. К. Кужугет и другим исследователям наследия Минцловых судить об авторстве снимков и установить личности изображенных на фото людей.

Мы же, используя в анализе фотографии из переизданной А. К. Кужугет книги Минцлова, стараемся оценить их с точки зрения наличия или отсутствия знаков колониальности и в целом влияния имперской России.

Возвращаясь к содержанию *фото 6В*, в первую очередь надо сказать, что на нем изображен Сальджакский нойон с женой и сыновьями. Это ещё одно фото на фоне жилища, только на этот раз хозяин — высокопоставленный человек, человек у власти. Ясно, что юрта здесь — это исключительно фон, способ заполнить пустоту за спинами, в композиции на неё не делается акцент. Снимок спланированный, подготовленный. В своей книге Минцлов со свойственной ему иронией подробно описывает, как сам нойон и члены его семьи готовились к съёмкам, наряжаясь¹. Именно тот акцент, который Минцловы делают на выборе семьёй нойона одежды и аксессуаров для памятных съёмки, заставляет нас отнести это фото к контексту быта, а не к контексту властных отношений.

В денотации снимка мы также можем заметить некую скованность и сдержанность моделей. Всё это дает основания предположить, что подобный вид (одежда и поза) главы и его семейства является скорее исключительным, чем повседневным. Это тот случай, когда человеку у власти положено по статусу этот самый статус обозначить, и нет иного способа как сконструировать свой «личный передний план». Все члены семьи стоят не на земле, а нойон ещё выше и непременно в центре.

Композиция фотографии уравновешенная и спокойная, горизонтальный угол фронтальный, модели смотрят в объектив, чем завязывают интеракцию со зрителем. Фотограф мог бы сделать снимок с низкого вертикального угла для придания нойону дополнительного величия, но не делает этого. Больше ничего не попадает в кадр и потому невозможно что-либо сказать о том, в какое окружение вписано жилище главы.

В том, что попадает в кадр, отсутствуют знаки имперского влияния, и только зная весьма ироничную рефлексию авторов снимка по поводу контекста изображенной сцены, можно заподозрить осознание членами экспедиции своего социального превосходства над тувинскими «дикарями»:

«Нойонша пристала к жене с просьбой подарить или продать ей сперва туфли, потом кровать, но жена раздала всем зеркальца, ленты и английские булавки и выпроводила попрошаек из палатки.

Нойон беседовал тем временем со мной, сморкался в пальцы и вытирал свой толстый нос полою моей бурки» (Минцлов, 1928: 148).

Тем не менее, несмотря на иронию и пренебрежительное отношение автора к нойону и членам его семьи, фотография позволяет раскрыть детали быта представителя тувинской знати безотносительно к тому, как все это оценивает путешественник и его жена-фотограф.

Обобщая результаты анализа визуальных данных в тувинском кейсе, как и в случае с репрезентацией ойрат-калмыков, важно учитывать характер самих документов. Здесь мы имеем дело с документальными фотографиями двух исследователей, целенаправленно изучавших уклад тувинцев,

¹ Качан И. Князя Тувы: загадки старых фотографий [Электронный ресурс] // Тува. Азия. 2014, 7 ноября. URL: <https://tuva.asia/news/tuva/7505-knyazyu.html> (дата обращения: 20.08.22.). Вот как автор описывает нойона, подготовившегося к съёмке: «Нойон со своим пером был воплощенный припадок гордости у индийского петуха» (Минцлов, 1928: 146).

что позволило открыть их для обозрения и сравнить с другими народами Российской империи. По фотографиям видно, что в рассматриваемый исторический период взаимодействие между тувинцами и русскими уже имело место: в край приезжали русские гости, а также немногочисленно, но распространялись предметы русского быта. Однако выраженные следы влияния империи, а тем более, подавления или подчинения ею тувинского народа, отсутствуют.

Сопоставление визуальных репрезентаций ойрат-калмыков и тувинцев

Следует признать, что несмотря на принципиальную, обусловленную историческим прошлым, схожесть быта ойрат-калмыков и тувинцев (в устройстве жилища, этнических костюмах, обрядах и прочем), его визуальная репрезентация в контексте имперской колониальности имеет различия. Почти 300-летний опыт колониальности¹ привел к объективации калмыков как субалтернов, что явно видно в открытках, где они репрезентируются как объект рассматривания, в том числе и под прицелом камеры. И это не учтённое рассматривание со стороны, а, наоборот, склонение к активному позированию с двоякой, порой противоречащей самой себе целью. С одной стороны, это цель сделать «инаковость» еще более выпуклой. Отсюда серии, вроде «национальные типажи России», открытки с переведенными подписями, рассчитанными на заграничного зрителя, жаждущего зрелищ, ретушь снимков с «более подходящим» фоном, человеческие «зоопарки». С другой стороны, это цель переодеть, обоседлить, обуздать, обеспечить рабочее место (пусть и то, на которое другие просто не идут), направить на «путь истинный» путем христианизации.

Однако нельзя не отметить, что преобладающие различия в визуальной репрезентации ойрат-калмыков и тувинцев в рассматриваемый период не исключают закадровое отношение к тувинцам со стороны русских, как к своего рода «диковинным», «инаковым» и в чём-то всё-таки уступающим им по своему социальному и культурному развитию. Последнее считается по языковым сообщениям (ироничным воспоминаниям съёмки) к фотографиям из коллекции Минцловых. Хотя, возможно, это их личное субъективное впечатление, и для полной картины здесь не хватает информации о подобной рефлексии процесса фотосъёмки другими свидетелями жизни тувинцев. Тем не менее, повторимся, что на уровне иконических сообщений (Барт, 1989), которые главным образом и являлись объектом нашего анализа, в фоторепрезентациях тувинцев, как у В. П. Ермолаева, так и у С. Р. Минцлова, знаки колониальности не выявляются.

Колонизированное положение ойрат-калмыков заметно как в содержании визуальных документов, так и в самой их форме — в фотооткрытках. Первое выражается активным позированием, с одной стороны, подчёркивающим инаковость, диковинный типаж на «лоскутном одеяле» полиэтнической империи, а, с другой стороны, демонстрирующим положение, подчинённое русской власти и приобщение к русскому быту и труду. Что же касается формы, то сами фотооткрытки, преобладающие в калмыцком кейсе и полностью отсутствующие в кейсе тувинском, говорят о степени объективации двух народов. Само появление имперских колониальных открыток формирует рамку восприятия инородцев как русскими, так и иностранцами, и конструирует образы объективированных субалтернов, как это произошло с ойрат-калмыками и не успело произойти с тувинцами по причине гибели русской империи.

Фотография в имперский период становится не только способом документирования (визуальной инвентаризации) разных этнических групп и их быта, но и самостоятельным инструментом проведения колониальной политики.

Фотооткрытки и прежде всего открытки, рассчитанные на экспорт в другие страны, показывают ойрат-калмыков весьма театрализованно, подчёркивают их инаковость, делают их объектом рассматривания и сравнения с большинством (русскими), знаки которого в виде предметов быта почти во всех случаях также присутствуют в композиции (русские избы и дома, статичные ограды, одежда и головные уборы, популярные в имперской России).

Напротив, визуальные репрезентации тувинцев — это фоторепортажи с места события, сделанные осведомленными путешественниками, этнографами, в натуральных аутентичных условиях жизни и

¹ Окончательное превращение калмыков в колониально зависимый народ произошло, на наш взгляд, после ухода большей части ойрат-калмыков под началом Убаши-хан в Цинский Китай в 1771 г.

труда, без применения ретуши и композиционного обозначения превосходящего или, наоборот, подчиненного положения данного народа в сравнении с русскими. Отсутствие нарочитой работы на камеру у тувинцев, выстроенных и дисциплинированных тел «инородцев», а главное, следов «более цивилизованного» быта, вроде кирпичных или срубных домов, отрицает влияние имперской России на жизнь данного народа в рассматриваемый исторический период.

Однако несмотря на явную формальную и содержательную разницу в визуальной репрезентации ойрат-калмыков и тувинцев в имперский период, закадровое отношение к последним со стороны русских может быть не так однозначно. На последнее указывает вспомогательная в нашем анализе информация, а именно заметки к фотографиям, сделанные их авторами. Так, фотографии из коллекции Минцловых сопровождаются воспоминаниями о самих процессах фотосъемки, в которых читается доля снисходительности и иронии по отношению к своим моделям, их оценка как других, инаковых. Хотя, возможно, это лишь частный случай опыта Минцловых. Для полной картины здесь не хватает информации о подобной рефлексии процесса фотосъемки другими фотосвидетелями жизни тувинцев. Что же касается иконического уровня тувинских фотографий Минцловых, то в нём отсутствуют явные знаки имперского влияния, как и на фотографиях, сделанных Ермолаевым.

Заключение

Известная разница в исторической судьбе двух, пусть и близких по своему происхождению, народов — ойрат-калмыков и тувинцев — подтверждается разницей в их визуальной репрезентации в контексте колониальной истории.

Кейс ойрат-калмыков представлен не просто фотографиями, а открытками, более того, рассчитанными на западного зрителя, что говорит о явной форме объективации и, следовательно, подчиненности изображенных людей как типажей в составе многонациональной Российской империи. Что же касается кейса тувинцев, то здесь представлены лишь фотографии С. Р. Минцлова и В. П. Ермолаева, этнографические, краеведческие, научно-исследовательские по своей форме и содержанию, изображающие скорее открытие неведомого народа, но не приумножающие его инаковость.

Благодарности

Благодарим за предоставленные материалы директора Национального архива Республики Тыва Б. В. Мунге, директора Астраханского государственного объединенного историко-архитектурного музея-заповедника (АГОИМЗ) А. А. Булычева, зам директора АГОИМЗ А. А. Курапова; коллекционера С. Ю. Степанова (г. Астрахань).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Айыжы, Е. В., Мандан-Хорлу, М. М., Монгуш, А. Ч. (2019a) История создания коллекции В. П. Ермолаева как части этнографического источника изучения материальной и духовной культуры тувинского этноса (часть 1) // *Oriental Studies*. Т. 12. № 4. С. 669–681. DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2019-44-4-669-681>

Айыжы, Е. В., Мандан-Хорлу, М. М., Монгуш, А. Ч. (2019b) Коллекция В. П. Ермолаева как этнографический источник изучения материальной и духовной культуры-тувинского этноса (часть 2) // *Oriental Studies*. Т. 12. № 5. С. 926–937. DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2019-45-5-926-937>

Барт, Р. (1989) Избранные работы: Семиотика: Поэтика: пер. с фр. / сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М. : Прогресс. 616 с.

Богданова, Н. (2012) Фотография как инструмент социологического анализа практик конструирования визуальной самопрезентации // *Журнал социологии и социальной антропологии*. Т. XV. № 2 (61). С. 98–113.

Гончарова, Н. (1987) Е. М. Корнеев. Из истории русской графики начала XIX века. М. : Искусство. 384 с.

Гофман, И. (2000) Представление себя другим в повседневной жизни : пер. с англ. и вступ. статья А. Д. Ковалёва. М. : КАНОН-пресс-Ц ; Кучково поле. 304 с.

История Тувы (2001) : в 2 т. 2-е изд., перераб. и доп. / под общ. ред. С. И. Вайштейна, М. Х. Маннай-оола. Новосибирск : Наука. Т. I. 367 с.

Кызласов, Л. Р. (1969) История Тувы в средние века. М. : Издательство Московского университета. 212 с.

Минцлов, С. (2014) Секретное поручение. Путешествие в Урянхай: Фотоальбом. Дневник поездки в Туву в 1914 / подготовка текста к печати, предисловие и комментарий А. К. Кужугет. Абакан : ООО ИПП «Журналист». 256 с.

Минцлов, С. Р. (1928) Секретное поручение. Путешествие в Урянхай. Рига : Сибирское издательство. 276 с.

Нагайкина, С. И. (2011) Фотография в Астрахани. 1861–1920. Очерки по истории губернской фотографии. Астрахань : АГОИАМЗ. 280 с.

Панофский, Э. (1999) Иконография и иконология: введение в изучение искусства Ренессанса I // Панофский Э. Смысл и толкование изобразительного искусства. СПб. : Академический проект. 455 с. С. 43–73.

Российская социологическая энциклопедия (1998) / под общ. ред. Г. В. Осипова. М. : Издательская группа НОРМА-ИНФРА-М. 672 с.

Цандыков, В. Э. (2009) Основы базовой техники калмыцкой национальной борьбы «Бөки барилдан». Элиста : НПП «Джангар». 188 с.

Цюрюмов, А. В. (2007) Калмыцкое ханство в составе России: проблемы политических взаимоотношений. Элиста : ЗаОр НПП «Джангар». 464 с.

Четырова, Л. Б., Сергеева, Н. М. (2022) Советская модерность в визуальной перспективе (на примере ойрат-калмыков и тувинцев) // Новые исследования Тувы. № 2. С. 239–262. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.17>

Шараева, Т. И. (2019) «Моя бабушка курит трубку...» // Монголоведение. № 3. С. 479–507.

Beissinger, M. (2005) Situating empire // *Ab Imperio*. № 3. P. 89–95.

Chatterjee, A., Southwood, M. H., Basilico, D. (1999) Verbs, events, and spatial representations // *Neuropsychologia*. № 37. P. 395–402.

Hilton, J. (1999) Special occasion photography. Brighton : RotoVision. 160 p. (Pro-photo series).

Kress, G., Van Leeuwen, T. (2001) Reading images: The grammar of visual design. London : Routledge. x, 288 p.

Mignolo, W., Walsh, C. (2018) On decoloniality: Concepts, analytics, praxis. Durham : Duke University Press. xii, 291 p.

Pyne, L. (2021) Postcards: The rise and fall of the world's first social network. London, UK : Reaktion Books. 232 p.

Quijano, A. (2007) Coloniality and modernity/rationality // *Cultural Studies*. Vol. 21. Issue 2–3. P. 168–178.

Sked, A. (2005) Empire: A few thoughts // *Ab Imperio*. № 1. С. 65–68.

Tlostanova, M., Mignolo, W. D. (2012) Learning to unlearn: Decolonial reflections from Eurasia and the Americas. Columbus : Ohio State University Press. vii, 281 p.

Дата поступления: 09.08.2022 г.

REFERENCES

Aiyzhy, E. A., Mandan-Khorlu, M. M. and Mongush, A. Ch. (2019a) Istoriia sozdaniia kollektcii V. P. Ermolaeva kak chast' etnograficheskogo istochnika izucheniia material'noi i dukhovnoi kul'tury tuvinskogo etnosa (chast' 1) [V. P. Ermolaev's collection as an ethnographic source for studies of Tuvan material and spiritual culture. Part 1]. *Oriental Studies*, vol. 12, no. 4, pp. 669–681. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2019-44-4-669-681>

Aiyzhy, E. A., Mandan-Khorlu, M. M., Mongush, A. Ch. (2019b) Istoriia sozdaniia kollektcii V. P. Ermolaeva kak chast' etnograficheskogo istochnika izucheniia material'noi i dukhovnoi kul'tury tuvinskogo etnosa (chast' 2) [V. P. Ermolaev's collection as an ethnographic source for studies of Tuvan material and spiritual culture. Part 2]. *Oriental Studies*, vol. 12, no. 5, pp. 926–937. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2019-45-5-926-937>

Barthes, R. (1989) *Izbrannye raboty: Semiotika: Poetika [Selected works: Semiotics: Poetics]* / transl. from Fr., comp. and ed. by G. K. Kosikov. Moscow, Progress. 616 p. (In Russ.).

Bogdanova, N. (2012) Fotografiiia kak instrument sotsiologicheskogo analiza praktik konstruirovaniia vizual'noi samoprezentatsii [Photography as a tool of sociological analysis of the practices of constructing visual self-presentation]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*, vol. XV, no. 2 (61), pp. 98–113. (In Russ.).

Goncharova, N. (1987) *E. M. Korneev. Iz istorii russkoi grafiki nachala XIX veka [E. M. Korneev. From the history of Russian graphics of the early 19th century]*. Moscow, Iskustvo. 384 p. (In Russ.).

Gofman, I. (2000) *Predstavlenie sebii drugim v povsednevnoi zhizni [Presenting yourself to others in everyday life]* / transl. from Engl. by A. D. Kovalev. Moscow, KANON-press-Ts; Kuchkovo pole. 304 p. (In Russ.).

Istoriia Tuvy [The history of Tuva] (2001) : in 2 vols. 2nd ed. / ed. by S. I. Vanshtein and M. Kh. Mannai-ool. Novosibirsk, Nauka. Vol. I. 367 p. (In Russ.).

Kyzlasov, L. R. (1969) *Istoriia Tuvy v srednie veka [The history of Tuva in the Middle Ages]*. Moscow, Moscow University Publ. 214 p. (In Russ.).

Mintslov, S. (2014) *Sekretnoe poruchenie. Puteshestvie v Uriankhai: Fotoal'bom. Dnevnik poezdki v Tuvu v 1914 [A secret assignment. Travel to Uriankhai: Photo album. Diary of a trip to Tuva in 1914]* / Preparation of the text for publication, preface and commentary by A. K. Kuzhuget. Abakan, OOO IPP "Zhurnalist". 256 p. (In Russ.).

Mintslov, S. R. (1928) *Sekretnoe poruchenie. Puteshestvie v Uriankhai [A secret assignment. Travel to Uriankhai]*. Riga, Sibirskoe izdatel'stvo. 276 p. (In Russ.).

Nagaikina, S. I. (2011) *Fotografiia v Astrakhani. 1861–1920. Ocherki po istorii gubernskoi fotografii [Photography in Astrakhan. 1861–1920. Essays on the history of provincial photography]*. Astrakhan, Astrakhan State United Historical and Architectural Museum Reserve. 280 p. (In Russ.).

Panofskii, E. (1999) Ikonografiia i ikonologiya: vvedenie v izuchenie iskusstva Renessansa I [Iconography and iconology: An introduction to the study of Renaissance art I]. In: Panofskii, E. *Smysl i tolkovanie izobrazitel'nogo iskusstva [The meaning and interpretation of fine art]*. St. Petersburg, Akademicheskii proekt. 455 p. Pp. 43–73. (In Russ.).

Rossiiskaia sotsiologicheskaiia entsiklopediia [Russian sociological encyclopedia] (1998) / ed. by G. V. Osipov. Moscow, NORMA-INFRA-M. 672 p. (In Russ.).

Tsandykov, V. E. (2009) *Osnovy bazovoi tekhniki kalmytskoi natsional'noi bor'by «Böki barildan» [Fundamentals of the basic technique of Kalmyk national wrestling "Boki barildan"]*. Elista, Dzhangar. 188 p. (In Russ.).

Tsiuriumov, A. V. (2007) *Kalmytskoe khanstvo v sostave Rossii: problemy politicheskikh vzaimootnoshenii [Kalmyk Khanate in Russia: Issues of political relations]*. Elista, Dzhangar. 464 p. (In Russ.).

Chetyrova, L. B. and Sergeeva, N. M. (2022) Sovetskaia modernost' v vizual'noi perspektive (na primere oirat-kalmykov i tuvintsev) [Soviet modernity in visual perspective: the cases of Kalmyks and Tuvans]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 239–262. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.17>

Sharaeva, T. I. (2019) «Moia babushka kurit trubku...» ["My grandmother smokes a pipe..."]. *Mongolovedenie*, no. 3, pp. 479–507. (In Russ.).

Beissinger, M. (2005) Situating empire. *Ab Imperio*, no. 3, pp. 89–95.

Chatterjee, A., Southwood, M. H. and Basilico, D. (1999) Verbs, events, and spatial representations. *Neuropsychologia*, no. 37, pp. 395–402.

Hilton, J. (1999) *Special occasion photography*. Brighton, RotoVision. 160 p. (Pro-photo series).

Kress, G. and Van Leeuwen, T. (2001) *Reading images: The grammar of visual design*. London, Routledge. x, 288 p.

Mignolo, W. and Walsh, C. (2018) *On decoloniality: Concepts, analytics, praxis*. Durham, Duke University Press. xii, 291 p.

Pyne, L. (2021) *Postcards: The rise and fall of the world's first social network*. London, UK, Reaktion Books. 232 p.

Quijano, A. (2007) Coloniality and modernity/rationality. *Cultural Studies*, vol. 21, issue 2–3, pp. 168–178.

Sked, A. (2005) Empire: A few thoughts. *Ab Imperio*, no. 1, pp. 65–68.

Tlostanova, M. and Mignolo, W. D. (2012) *Learning to unlearn: decolonial reflections from Eurasia and the Americas*. Columbus, Ohio State University Press. vii, 281 p.

Submission date: 09.08.2022.

Числовой код тувинской лингвокультуры в пословицах (на фоне ряда тюркских и монгольских языков народов России)

Михаил А. Бредис, Ольга В. Ломакина, Анна С. Борисова, Олеся В. Лазарева

Российский университет дружбы народов, Российская Федерация

В статье анализируются тувинские паремии с числовым компонентом «один», «два», «три», извлеченные путём сплошной выборки из различных лексикографических источников, на фоне хакасского, алтайского, кумыкского, калмыцкого и бурятского языков. В работе использовались методы историко-этимологического, описательно-аналитического, лингвокультурологического анализа, а также метод структурно-семантического моделирования. Это позволило провести межъязыковое сопоставление паремиологических единиц в аспекте сравнительной лингвоаксиологии и этнолингвокультурологии.

Установлено, что паремиологические единицы тувинской лингвокультуры в большинстве своем основаны на символической и сакральной семантике чисел. Они отражают народные поверья, обряды, фольклорно-мифологические образы. То же характерно для паремиологического фонда языков, рассмотренных в качестве фона. Отмечено наличие существенного количества общих точек соприкосновения в символике чисел тюркских и монгольских паремий. Это обусловлено как универсальным общечеловеческим характером числовой символики, так и родством данных языков, входящих в алтайскую языковую макросемью, а также может быть объяснено при помощи теории культурно-языкового трансфера.

Ключевые слова: культурный код; паремия; пословица; тувинский язык; тувинский фольклор; культурный трансфер; символика чисел; числовой компонент; числовой код

Публикация выполнена в рамках проекта D.2-F/S2022 Системы грантовой поддержки научных проектов РУДН и отражает исходные положения доклада, прочитанного на конференции «Векторы развития русистики и лингводидактики в контексте современного филологического образования» (27–28 октября 2022 г., г. Астрахань, Россия)

Для цитирования:

Бредис М. А., Ломакина О. В., Борисова А. С., Лазарева О. В. Числовой код тувинской лингвокультуры в пословицах (на фоне ряда тюркских и монгольских языков народов России) // Новые исследования Тувы. 2022. № 4. С. 276–293. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.20>

Бредис Михаил Алексеевич — кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов. Адрес: 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. Тел.: +7 (910) 462-95-62. Эл. адреса: briedis@yandex.ru; bredis-ma@rudn.ru

Ломакина Ольга Валентиновна — доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов. Адрес: 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. Тел.: +7 (967) 118-71-45. Эл. адреса: [rusoturisto07@mail.ru](mailto:ruseturisto07@mail.ru); lomakina-ov@rudn.ru

Борисова Анна Степановна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов. Адрес: 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. Тел.: +7 (926) 163-25-91. Эл. адрес: borissova_a_anna@mail.ru; borisova-as@rudn.ru

Лазарева Олеся Викторовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и русского языкознания филологического факультета Российского университета дружбы народов. Адрес: 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. Тел.: +7 (925) 208-17-12. Эл. адрес: lazareva-ov@rudn.ru

Numerical code of Tuvan linguistic culture in proverbs (as contrasted to a number of Turkic and Mongolian languages of the peoples of Russia)

Mikhail A. Bredis, Olga V. Lomakina, Anna S. Borisova, Olesya V. Lazareva
Peoples' Friendship University of Russia, Russian Federation

The article analyzes Tuvan paremias with the numerical component “one”, “two”, “three”, retrieved from various lexicographic sources by unselected sampling, and compares them with proverbs in the Khakas, Altai, Kumyk, Kalmyk and Buryat languages. In our work, we used the methods of historical and etymological, descriptive and analytical, linguistic and culturological analysis as well as the method of structural and semantic modeling. This made it possible to draw an interlanguage comparison of paremiological units in the aspect of comparative linguoaxiology and ethnolinguoculturology.

It has been found out that the paremiological units of the Tuvan linguistic culture are mostly based on symbolic and sacred semantics of numbers. They feature popular beliefs, rituals, folklore and mythological images. The same is typical for the paremiological fund of languages considered alongside. It is noted that there is a significant number of common points in the symbolism of the numbers of the Turkic and Mongolian paremias. This is due to both the universal panhuman character of numerical symbolism and the kinship of these languages included in the Altai linguistic macrofamily. It can also be explained using the theory of cultural and linguistic transfer.

Keywords: cultural code; paremia; proverb; Tuvan language; Tuvan folklore; cultural transfer; symbolism of numbers; numerical component; numerical code

Financing

This publication was supported by the RUDN University Scientific Projects Grant System, project № D.2-F/S2022, and reflects the basic premises of the report presented at the conference “Vectors of Development of Russian Language Studies and Linguodidactics in the Context of Modern Philological Education” (October 27–28, 2022, Astrakhan, Russia).

For citation:

Bredis M. A., Lomakina O. V., Borisova A. S. and Lazareva O. V. Chislovoi kod tuvinskoj lingvokul'tury v posloviatsakh (na fone riada tiurkskikh i mongol'skikh iazykov narodov Rossii) [Numerical code of Tuvan linguistic culture in proverbs (as contrasted to a number of Turkic and Mongolian languages of the peoples of Russia)]. *New Research of Tuva*, 2022, no. 4, pp. 276-293 (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.20>

BREDIS, Mikhail Alekseevich, Candidate of Philology, Leading Researcher, Department of Foreign Languages, Faculty of Philology, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). Postal address: 6 Miklukho-Maklaya St., 117198 Moscow, Russian Federation. Tel.: +7 (910) 462-95-62. E-mail: briedis@yandex.ru; bredis-ma@rudn.ru

[ORCID ID: 0000-0003-4885-952X](https://orcid.org/0000-0003-4885-952X)

LOMAKINA, Olga Valentinovna, Doctor of Philology, Professor, Leading Researcher, Department of Foreign Languages, Faculty of Philology, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). Postal address: 6 Miklukho-Maklaya St., 117198 Moscow, Russian Federation. Tel.: +7 (967) 118-71-45. E-mail: rusoturisto07@mail.ru; lomakina-ov@rudn.ru

[ORCID ID: 0000-0003-0298-5678](https://orcid.org/0000-0003-0298-5678)

BORISOVA, Anna Stepanovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Faculty of Philology, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). Postal address: 6 Miklukho-Maklaya St., 117198 Moscow, Russian Federation. Tel.: +7 (926) 163-25-91. E-mail: borissovaa_anna@mail.ru; borisova-as@rudn.ru

[ORCID ID: 0000-0002-7395-7028](https://orcid.org/0000-0002-7395-7028)

LAZAREVA, Olesya Viktorovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of General and Russian Linguistics, Faculty of Philology, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). Postal address: 6 Miklukho-Maklaya St., 117198 Moscow, Russian Federation. Tel.: +7 (925) 208-17-12. E-mail: lazareva-ov@rudn.ru

[ORCID ID: 0000-0002-1227-4493](https://orcid.org/0000-0002-1227-4493)

Введение

Ключевой термин семиотики *код* под влиянием лингвокультурологии стал активно использоваться лингвистами, которые под культурным кодом понимают «вторичные знаковые системы, использующие разные материальные и формальные средства для кодирования одного и того же содержания, сводимого в целом к картине мира, к мировоззрению данного социума» (Гудков, Ковшова, 2007: 8).

Лингвисты дифференцируют культурные коды по тематическому принципу. Наиболее полный перечень кодов выделен О. А. Лещинской на материале белорусского языка: это соматический, зооморфный, растительный, колоративный, предметный, костюмный, религиозный, природно-ландшафтный, пространственный, архитектурный, антропоморфный, количественный, временной, гастрономический (Ляшчынская, 2019: 159–205). Репрезентация культурного кода может осуществляться как лексемами, так и различными классами фразеологических единиц, прежде всего, идиомами и паремиями.

Как мы уже писали, «в современной лингвокультурологической паремиологии на первый план выходит не столько поиск специфического в пословичных фондах различных языков, сколько выявление в них общих с другими языками (т. е. интернациональных, или универсальных) пословиц, на фоне которого можно определить объём и характер национального компонента — на материале группы родственных языков, одного языка в сопоставлении с другими языками, данной пары неродственных (или дальнеродственных) языков и даже одной пословицы данного языка в сравнении с её иноязычными аналогами» (Иванов, Ломакина, Петрушевская, 2021: 1000). Такой подход видится весьма перспективным в изучении пословичных фондов тюркских языков коренных народов России, что показали новейшие исследования пословиц тувинского языка на широком языковом фоне (Бредис и др., 2021; Иванов, Ломакина, Нелюбова 2021; Бредис, Иванов, 2022; Иванов, Марфина, Шкуран 2022; Зиновьева, Алёшин, 2022; Нелюбова, 2022).

Межъязыковое сравнение пословичных фондов разных языков позволяет дифференцировать в них специфическое (этническое) и общее с другими языками как в диахронии (Ivanov, Petrushevskaja, 2015), так и в синхронии (Ivanov, Feldman, 2007; Seliverstova, 2020; Петрушевская, 2022). Сравнительно-сопоставительная лингвоаксиология и лингвокультурология, представленная в трудах паремиологов (Гишкаева, Ломакина, Макарова, 2021; Ломакина, Мокиенко, 2018; Нелюбова, 2019; Семененко, 2020; Ломакина 2021), нацелена на описание в пословицах ценностных констант и ценностных переменных, культурных кодов, лингвокультурологических доминант, сходств и расхождений тех этносов, которые характеризуются языковой, территориальной и / или религиозной общностью.

Тувинский язык принадлежит к тюркской группе языков, распространённой на огромных просторах Азии и Восточной Европы. Особенность тувинского языка состоит в том, что он испытал на себе значительное влияние монгольского, объясняющееся многовековым соседством тувинского и монгольского народов, поэтому при анализе лексического, фразеологического и паремиологического материала можно говорить о наличии культурно-языкового трансфера (см. примеры подобных трансферов: Бредис, Ломакина, Мокиенко, 2020; Бредис, Ломакина, 2020). В. И. Рассадин, сопоставляя тюркские и монгольские языки, отмечает, «эти языки имеют между собой огромное количество сходных элементов в лексике и грамматике, так называемые параллели, составляющие тюрко-монгольскую языковую общность» (Рассадин, 2019: 36). Предки народов Саяно-Алтая с древних времён имели контакты с монгольскими племенами. Особенно монгольское влияние усилилось в XIII в. с образованием огромной монгольской империи. Важную роль в процессе образования тюрко-монгольской языковой общности «сыграли разнообразные контакты и взаимоотношения между тюркскими и монгольскими этническими группами в разных ареалах Центральной Азии, где они обитали, происходившие в различные исторические эпохи, как, например, эпоха монгольских завоеваний тюркских народов Чингисханом, во время которой в тюркские языки попало множество монгольских слов из средневекового монгольского языка» (Рассадин, 2019: 39).

Актуальность рассмотрения паремий тувинского языка и паремий ряда тюркских и монгольских языков, распространённых на территории Российской Федерации, в сравнительно-сопоставительном аспекте обусловлена необходимостью установления общего и национально-специфического, с одной стороны, путём определения этимологической общности, а с другой — описания образов, которые включают анализируемые единицы.

Цель статьи — проанализировать паремии с компонентом-нумеративом *один, два, три* в тюркских и монгольских языках народов Российской Федерации на фоне русского и монгольского языков для выявления универсального и национально-специфического. Выбор чисел из начала числового ряда мотивирован тем фактом, что они относятся к древнейшим числовым символам в фольклоре многих народов.

К числовому коду культуры относятся числительные и слова, обозначающие количество. «В свободном употреблении определенно-количественное числительное обозначает отвлеченное число или количество предметов и играет утилитарно-прагматическую роль. Кроме того, числа обладают и культурными смыслами, приобретают символическую значимость, что находит отражение во фразеологической системе языка» (Бредис, Ломакина, Мокиенко, 2021: 204).

Методологической базой данного исследования являются научные работы, в основе которых — понимание паремиологии как самостоятельного направления в российском языкознании (Русские паремии ... , 2008; Паремиология в дискурсе, 2015; Паремиология без границ, 2020; Паремиология на перекрестках ... , 2021). Кроме того, теоретические постулаты современной паремиологии изложены также в программных статьях (Мокиенко, 2010; Бредис, Димогло, Ломакина, 2020).

При проведении исследования использованы историко-этимологический, описательно-аналитический, лингвокультурологический методы, а также метод структурно-семантического моделирования, позволяющий наиболее объективно проводить межъязыковое сопоставление паремий в аспекте сравнительной лингвоаксиологии и этнолингвокультурологии (Никитина, 2020; Иванов, Ломакина, Нелюбова, 2021).

Источниковую базу исследования составила авторская картотека, включающая тувинские (43), хакасские (35), алтайские (20), кумыкские (163), калмыцкие (14) и бурятские (50) паремии с компонентами-нумеративами (311 единиц). Если тувинские, хакасские и алтайские паремии относятся к одному региону Саяно-Алтая, что определяет некоторые общие черты, связанные с соседством, то кумыкский (также тюркский) распространён на территории Северного Кавказа, в Дагестане. Монгольские языки в нашем исследовании представляют калмыцкий и бурятский язык. В качестве фона исследования выступают русские и монгольские пословицы.

Паремиологический материал отобран приёмом сплошной выборки из сборников¹, а также взят из монографии «Цэнгэльская тувинцы: фольклор и литература»², монографии Н. Р. Ойноткиновой³ и статьи А. Н. Чугунековой⁴. В качестве фонового материала привлекался «Словарь общих пословиц тюркского мира» О. Чобаноглу (2004) и «European Proverbs in 55 Languages with Equivalentents in Arabic, Sanskrit, Persian, Chinese and Japanese» G. Paczolay (2002)⁵.

¹ Бальбурова Б. Буряад арадай оньһон уран үгэ = Пословицы и поговорки бурят. Улан-Удэ, 2020. 368 с.; Гаджихмедов Н. Э. Кумыкско-русский словарь пословиц и поговорок. Более 5000 пословиц и поговорок. Махачкала: б. и., 2015. 350 с.; Калмыцкие загадки и пословицы / сост. В. Котвич. СПб.: Издательство факультета восточных языков, 1905. 111 с.; Кульганек И. В. Монгольские пословицы и поговорки. Исследование, перевод, комментарий. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2017. 184 с.; Матпаадыр: Произведения для детей / Тувин. НИИ яз., лит. и истории. Кызыл: Тувин. кн. изд-во, 1991. 268 с.; Мокиенко В. М., Никитина Т. Г., Николаева Е. К. Большой словарь русских пословиц: около 70 000 пословиц. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. 1024 с.; Подношение в серебряной чаше: Сборник фольклорных и литературных произведений тувинцев Цэнгэла (Монголия) / сост. У. А. Донгак; науч. ред. З. Б. Самдан. Новосибирск: Наука: НГОПО Союза писателей России, 2018. 176 с.; Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное издательство; Радуга Тувы, 2020. 112 с.; Тувинские пословицы и поговорки / сост.-пер. М. Хадаханэ, О. Саган-оол. Кызыл: Тувкнигоиздат, 1966. 172 с. Хыйга сөс: сиспектер, сөспектер паза таптырғастар = Мудрое слово: хакасские пословицы, поговорки и загадки / сост., ред. У. Н. Кирбижекова, Ю. И. Чаптыкова, Н. С. Чистобаева. 4-е изд., доп. Абакан: Хакаское книжное издательство им. В. М. Торосова, 2021. 188 с.

² Цэнгэльская тувинцы: фольклор и литература / У. А. Донгак [и др.]; науч. ред.: Г. Золбаяр, Б. Баярсайхан; отв. за вып. У. А. Донгак. Новосибирск: Наука, 2020. 152 с.

³ Ойноткинова Н. Р. Алтайские пословицы и поговорки: поэтика и прагматика жанров. Новосибирск: Институт филологии, 2012. 354 с.

⁴ Чугунекова А. Н. Символика чисел в хакасской и тувинской паремиологии // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 10–2(37).

⁵ Çobanoğlu, Ö. Türk Dünyası Ortak Atasözleri Sözlüğü. Ankara: AYK Atatürk Kültür Merkezi Başkanlığı, 2004. 558 s.; Paczolay G. European Proverbs in 55 Languages with Equivalentents in Arabic, Sanskrit, Persian, Chinese and Japanese. Hobart, Tasmania (Australia). DeProverbio.com, 2002. 527 p.

Изучение числового кода культуры

Как и в других языках, числовой код культуры в тюркских языках также можно считать универсальным, поскольку в его основе лежат общетюркские числительные. В паремиях тюркских языков, в т. ч. с компонентом-нумеративом, наблюдается сходство, обусловленное генетическим родством этих языков. Согласно О. Чобаноглу, пословицы тюркского мира, «учитывая их структурные, функциональные и стилистические характеристики, являются продуктами одной и той же культурной экологии, и это можно показать, давая параллельные тексты по осям истории и географии»¹. В «Словаре общих пословиц тюркского мира» О. Чобаноглу приводит аналоги почти к тысяче турецких пословиц в сорока тюркских языках².

Описанию и выявлению символики числового кода тюркских и монгольских языков посвящены работы В. Д. Бабуевой, А. Э. Гармаевой, Н. Л. Жуковской, С. Т. Каратаевой, Г. Г. Кульсаринной, Р. Т. Муратовой, А. Н. Чугунковой, Б. Шондуга (Бабуева, 2001; Гармаева, 2008; Жуковская, 2002; Кульсарина, 2016; Муратова, 2012, 2015; Тагарова, 2011; Чугуненкова, 2019ab; и др.³). Авторы анализируют значение того или иного числа, его символическое (обрядовое) значение, их фразеомобразующий потенциал. Нередко используется понятие сакральности, что даёт основание говорить о нумеративах как национально и культурно маркированных единицах. Б. Шондуг пишет, что «наличие дополнительного, сакрального значения у числа имеет глубокие истоки и предпосылки в истории, религии и культуре народа: это значение определяется используемой системой счисления, религией и религиозным принципами, особенностями календаря, важнейшими историческими событиями, мифологией и литературой, ментальным восприятием основных возрастных рубежей человеческой жизни»⁴. Так, в монгольской лингвокультуре числа 3, 9 и 13 рассматриваются как положительные, счастливые⁵, в башкирской — к сакральным относятся не только числительные (1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 9, 12, 40, 100, 1000), но и слова *яңғыз* 'одинокий', *һыңар* 'беспарный', *тәүге* и *беренсе* 'первый', *игез* 'двойня', *куш* 'парный', 'двойной', *иш* 'пара' (Муратова, 2012: 148).

Ценным является вывод известного филолога А. А. Бурькина, касающийся общности числительных анализируемых языков: «современные формы количественных числительных в монгольских, тюркских и тунгусо-маньчжурских языках являются гетерогенными в словообразовательном отношении и восходят к формам разных разрядов имен числительных, тем не менее эти разряды принадлежали к единой системе имен числительных — об этом наглядно свидетельствует сохранение отдельных разрядов имен числительных в виде целостной системы в тунгусо-маньчжурских языках»⁶.

В символике чисел тюркских и монгольских паремий обнаруживается много общего, что связано с универсальным общечеловеческим характером числовой символики, а также обусловлено родством рассмотренных языков, входящих в алтайскую макросемью языков.

Символика числа один

Тувинское числительное *бир* 'один' является общетюркским и имеет неясную этимологию. По мнению Э. Р. Тенишева, происхождение числительного *bi:r* можно связать со словом *barmaq* 'палец' (Тенишев, 1978: 110). Ряд исследователей полагает, что числительное «один» связано с местоимением *bi* 'я', поскольку это понятие сформировалось в процессе осознания человеком своей обособленности по отношению к внешнему миру и другим людям. Таким образом, может получиться этимология: *bi:r* 'один' из *bi* 'я' + *er* 'мужчина'. Также высказывалась мысль о связи числительного *бир* с указательным местоимением *bu* 'этот'. Однако Б. И. Татаринцев считает, что для таких утверждений нет достаточных оснований⁷.

¹ Çobanoğlu, Ö. Türk Dünyası Ortak Atasözleri Sözlüğü. Ankara: AYK Atatürk Kültür Merkezi Başkanlığı, 2004. S. 41.

² Çobanoğlu, Ö. Türk Dünyası Ortak Atasözleri Sözlüğü. Ankara: AYK Atatürk Kültür Merkezi Başkanlığı, 2004.

³ Шондуг Б. Семантика числительных во фразеологии монгольского, русского и английского языков : автореф. дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2006. 19 с.

⁴ Там же. С. 7.

⁵ Там же. С. 7.

⁶ Бурькин А. А. Монгольские числительные в перспективе алтаистики (новый опыт интерпретации) // Монголоведение в начале XXI века: современное состояние и перспективы развития: Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию Б. Х. Тодаевой (г. Элиста, 23–26 апреля 2015 г.). Элиста: КИГИ РАН, 2015. Ч. I. С. 115.

⁷ Татаринцев Б. И. Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск: Наука, 2000. Т. 1. С. 227.

В тюркских языках *один*, *единица* начинает числовой ряд, и с ним связаны понятия *всё*, *целое*, *неделимое* (Каратаева, 2020: 92). В тувинском языке *бир* ‘один’, а также сочетание *бир дугаар* ‘первый’ выражают и идею начала. Сходное значение придаётся числу «один» и в монгольских языках (старомонг. *nigen*, монг. *нэг*, бурят. *нэгэн*). В частности, в бурятском языке, который относится к монгольским, числительное *нэгэн* ‘один’ как начало числового ряда также выражает понятия *всё*, *единое*, *целое*, *неразделимое*. От слова *один* «производны понятия — един, единственный, соединение, объединение, — один бог, одна Вселенная, одно Солнце, Луна, род, племя, — т. е. то, что не делится и понимается как единое целое» (Бабуева, 2001: 93).

В паремии цэнгэльских тувинцев выражается семантика «один как средоточие многого»: *Бир кижги он шинчилиг*¹ (Один человек обладает десятью достоинствами; букв. ‘Один человек — десять обличьев’), где *бир кижги* ‘один человек’ обладает многими (метафорически десятью — *он шинчилиг*) обликами (качествами). Так говорят о людях, сочетающих в себе разнообразные качества: один человек может одновременно быть ловким, умелым, работающим, целеустремлённым, добрым, смелым и пр.

Эта символика единения, единства, общности, целого прослеживается в тувинских и хакасских пословицах: тув. *Аңчы улустуң соруу чаңгыс*² ‘У охотников одна цель’; *Бажашкыларның пажы чаңгыс*³ ‘У свояков один котёл’; *Кажыдалдың арны чаңгыс*⁴ ‘У горя одно лицо’, хакас. *Аал-күннің абы пір*, / *Аал-хончахтың чөби пір*⁵ ‘У односельчан охота общая (букв. ‘одна’), / У соседей совет общий (букв. ‘один’)’. В приведённых тувинских паремиях используется слово *чаңгыс*, заменяющее *бир* в значении ‘один, единственный, один на всех’. Отметим, что в количественном отношении пословиц с компонентом *чаңгыс* в паремиографических сборниках значительно больше, чем со словом *бир*.

Похожая картина наблюдается в хакасских паремиях, включающих слово *чалгыс*, имеющее сходное значение *один*, *единственный*, *одинокий*. В количественном отношении хакасские паремии со словом *чалгыс* также преобладают над пословицами с числительным *пір* ‘один’⁶. В словаре кумыкских пословиц в достаточном количестве имеются как пословицы со словом *бир* ‘один’, так и со словом *янгыз* ‘один, одинокий’. Бурятское *ганса* ‘один, единственный’ также часто используется в пословицах наряду с числительным *нэгэн* ‘один’.

В пословицах это слово со значением ‘один’, ‘одинокий’ символизирует понятие ‘мало’, иногда полное отсутствие чего-либо. Ср.: тув. *Чаңгыс кезек от болбас*, / *Чаңгыс кижги кижги болбас*⁷ ‘Одно полено — не костёр, / Один человек — не народ’; хакас. *Чалгыс турун күйерін дее күйбес*, / *Ыс таа сығарарын сығарбас* ‘Одна головешка еще не костер, / Дымить — не дымит, гореть — не горит’⁸; алт. *Янгыс туруннан от болбос*, *янгыс кижиден јон болбос* ‘Одна головня не огонь, один человек не народ’ (Муйтуева, Ойношев, Тадышева, 2018: 33); кумык. *Янгызны оту ярыкь янмас*⁹ ‘У одинокого и огонь горит тускло’; бурят. *Ганса сусал гал бэшэ*, *ганса хүн зон бэшэ* ‘Одна головешка — не огонь, один человек — не народ’¹⁰, калм. *Нанцхн модн һалд ор болдо* ‘Одной веткой — огонь не разожжешь’ (Боктаева, Халгаева, Безрукова, 2017: 327) и *Нельзя воевать одинокому*¹¹. Обращает на себя внимание образное и семантическое сходство тувинской, алтайской и бурятской пословиц. Образ одного полена, из которого не получится костёр,

¹ Подношение в серебряной чаше : сборник фольклорных и литературных произведений тувинцев Цэнгэла (Монголия). Новосибирск: Наука; НГОПО Союза писателей России, 2018. С. 139.

² Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное изд-во; Радуга Тувы, 2020. С. 85.

³ Там же. С. 89.

⁴ Там же. С. 103.

⁵ Хыйга сөс: сиспектер, сөспектер паза таптырғастар = Мудрое слово: хакасские пословицы, поговорки и загадки / сост., ред. У. Н. Кирбижекова, Ю. И. Чаптыкова, Н. С. Чистобаева. 4-е изд., доп. Абакан: Хакасское книжное издательство им. В. М. Торосова, 2021. С. 8.

⁶ Чугунекова А. Н. Символика чисел в хакасской и тувинской паремиологии // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 10–2(37). С. 20.

⁷ Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное изд-во; Радуга Тувы, 2020. С. 64.

⁸ Чугунекова А. Н. Символика чисел в хакасской и тувинской паремиологии // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 10–2(37). С. 19.

⁹ Гаджихамедов Н.Э. Кумыкско-русский словарь пословиц и поговорок. Более 5000 пословиц и поговорок. Махачкала: б. и., 2015. С. 335.

¹⁰ Бальбурова Б. Буряд арадай оньһон уран үгэ = Пословицы и поговорки бурят. Улан-Удэ, 2020. С. 70.

¹¹ Калмыцкие загадки и пословицы / В. Котвич. СПб.: Издательство факультета восточных языков, 1905. С. 99.

дополняется образом одного человека, который не составляет народ. Частичными семантическими аналогами тувинской являются хакасская и кумыкская пословицы, также выражающие слабость и недостаточность одного там, где должно быть много. Все эти паремии имеют семантику, сходную с русской пословицей *Один в поле не воин*¹.

Тувинское слово *чаңгыс* может олицетворять и достаточный минимум: *Хөй сөсте олча чок, / Чаңгыс сөсте хор чок*² 'Во многих словах пользы нет, / В одном слове убытка нет'. Ценность для тувинцев — немногословие, которое противопоставляется в пословице болтливости. *Одно слово* (в значении *мало*) может быть полезным, много слов — лишнее. Подобную семантическую модель и сходные образы имеет бурятская пословица *Олон үгэ олзогүй, ганса үгэ гарзагүй* 'Многословие не принесет пользу, а одно слово — убытка' (букв. много, слово, без добычи, одно, олово, без убытка)³.

По мнению Б. И. Татаринцева, тюркское слово *бир* раньше могло обозначать однократное сильное резкое действие, движение⁴. В таком случае значение этого слова сходно с русским *раз*, которое первоначально обозначало 'удар', а затем стало употребляться в значении 'один'. Значение однократного действия проявляется в тувинских пословицах: *Араганы бир ишкен кижги бир чугаалаар, / Ийи ишкен кижги ийини чугаалаар*⁵ 'Раз выпьет спиртное — одно говорит, Второй раз — другое говорит'; *Бир ишкен — бир эндээр, / Ийи ишкен — ийи эндээр*⁶ 'Один раз выпил — раз ошибся, / Два раза выпил — дважды ошибся'. Одновременно в этих пословицах содержится противопоставление числительных *один* и *два*.

Подобное противопоставление существует и в пословицах других рассматриваемых языков, с разными образами: алт. *Бир мекелезен, / Экинчи катап мекелеп болбозын* 'Раз обманешь / Второй раз обмануть не сумеешь' (Ойноткинова, 2012: 154); хакас. *Иртеңи кизи — iki үлүстіг, уйғуцы — bir үлүстіг* — букв. 'Рано встающий имеет две доли, соня — одну долю'⁷; бурят. *Дуулахада хоёр шэхэн, дуугархада нэгэ хэлэн* — 'Слушают двумя ушами, говорят одним языком'⁸. Интересно, что второй *раз* в алтайской пословице выражен именно словом *катап* 'раз'.

Противопоставление числу один в тувинских пословицах встречается и с другими числами. Так, у цэнгальских тувинцев бытует пословица *Чеди катап хемчээп, / Чаңгыс катап кес* 'Семь раз отмерив, / Один раз режь'⁹, где вместо *бир* используется словосочетание *чаңгыс катап* (один (единственный) раз). При этом хакасская пословица противопоставляет число *один* числу *десять*: *Он хатап синеп, бир хатап кис*¹⁰ 'Десять раз отмерь, один раз отрежь', а алтайская — числу *тысяча*: *Үлгүлүге — бир кезиши, / Үлгү жокко — мун кезиши* 'С выкройкой один раз отрежешь, / Без выкройки тысячу раз отрежешь' (Ойноткинова, 2012: 116). Кроме того, в алтайской паремии используется образ выкройки и создаётся семантический нюанс: нужна выкройка (инструмент), которая даст возможность вырезать изделие один раз точно вместо тысячи, то есть не делать лишнего. Кумыкские варианты паремии по семантике сходны с хакасской пословицей, в них *один* противопоставляется *десяти*: *Он керен бич, бир керен тик* 'Десять раз крои, один раз шей'; *Он керен оьлче — бир керен бич* 'Десять раз отмерь, один раз крои'; *Он оьлче — бир бич*¹¹ 'Десять раз отмерь, один раз крои'.

¹ Мокиенко В. М., Никитина Т. Г., Николаева Е. К. Большой словарь русских пословиц: около 70 000 пословиц. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. С. 685

² Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное изд-во; Радуга Тувы, 2020. С. 59.

³ Цыденжапов Ш. Р. Бурятско-русский фразеологический словарь. Улан-Удэ: б. и., 1992. С. 65.

⁴ Татаринцев Б. И. Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск: Наука, 2000. Т. 1. С. 228.

⁵ Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное изд-во; Радуга Тувы, 2020. С. 86

⁶ Там же. С. 92.

⁷ Чугунекова А. Н. Символика чисел в хакасской и тувинской паремииологии // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 10–2(37). С. 19.

⁸ Бальбурова Б. Буряад арадай оньһон уран үгэ = Пословицы и поговорки бурят. Улан-Удэ, 2020. С. 101.

⁹ Цэнгальские тувинцы: фольклор и литература / У.А. Донгак [и др.]; науч. ред.: Г. Золбаяр, Б. Баярсайхан; отв. за вып. У.А. Донгак. Новосибирск: Наука, 2020. С. 118.

¹⁰ Хыйга сөс: сиспектер, сөспектер паза таптырғастар = Мудрое слово: хакасская пословица, поговорки и загадки / сост., ред. У. Н. Кирбижекова, Ю. И. Чаптыкова, Н. С. Чистобаева. 4-е изд., доп. Абакан: Хакаское книжное издательство им. В. М. Торосова, 2021. С. 150.

¹¹ Гаджихамедов Н. Э. Кумыкско-русский словарь пословиц и поговорок. Более 5000 пословиц и поговорок. Махачкала: б. и., 2015. С. 213.

Как следует из представленных примеров, тувинские паремии с компонентом-нумеративом «один» отражают семантику общности, когда один без участия других не может преодолеть испытания; а также предел, достаточное количество, что объединяет эти пословицы с приведёнными тюркскими и монгольскими. Этот нумератив в тувинских паремиях включён в бином *один — два*, как и в алтайском и бурятском языках, а также в бином *один — семь*, в отличие от алтайского (*один — десять, один — тысяча*) и хакасского (*один — десять*) языков.

Символика числа два

В тувинском языке числительное *ийи* 'два', как и в других тюркских, а также монгольских языках, символизирует оппозицию, выражает бинарные понятия: черное — белое, хорошо — плохо, верх — низ, жизнь — смерть, добро — зло, вперед — назад и т. д. (Бабуева, 2001: 93). В древнетюркском языке число *iki* 'два' означало 'следующий'. Исследователи предполагают, что слово *iki* связано с древним глаголом 'следовать, преследовать' (Тенишев, 1978: 112). Таким образом, тюркское числительное *iki* означает 'следующий за одним', 'рядом с одним' (Каратаева, 2020: 93). Это число связано с парами и может выражать как противоположности и конфликт, так и совокупность двух вещей.

Отголоски древнего культа поклонения Небу сохранились в современном тувинском языке в выражении *Дээр — Адам, Чер — Ием* 'Небо — мой отец, Земля — моя мать' (Самдан, 2016: 52), представляющем одно из главных противопоставлений при понимании мироустройства. С одной стороны, диада *Небо — Земля* символизирует разделение мира, а с другой — совокупность, породившую человека. В других тюркских языках тенгрианские божества также выступают в виде симбиоза, выраженного числом *два*, как, например, в киргизском языке диада *Көкө Теңир — Жер-Эне* (Синее Небо — Мать-Земля). С принятием ислама киргизами среди них укрепилось убеждение о разделении мира на два (бренный мир и истинный мир) (Каратаева, 2020: 93). В алтайских языках число «два» также является парным понятием в бинарной оппозиции, содержит сакральные смыслы, выражающие симбиоз противоположностей (там же).

В монгольской лингвокультуре число *хоёр* 'два' также связано с идеей противопоставления и одновременно однородности противоположностей. Символически эта двойственность присуща мифическим персонажам (Вечное небо — Мать-Земля), шаманским атрибутам (отцовское и материнское дерево). Кроме того, *хоёр* также выражает идею парности и параллелизма (муж и жена, пара строк, двуступице, два ученика, деление юрты на две части) (Гармаева, 2008: 106).

Числительное *ийи* 'два' подчёркивает образность тувинской паремии *Ийи дагның бажы чоок-даа болза дээшпес, / Ийи кижиниң аразы ырак-даа болза көржүр (дегжир)*¹ 'Две вершины горы, хотя и близко, не соприкоснутся, / Между двумя людьми расстояние хотя и большое — увидятся (сойдутся)'², являющейся аналогом русской пословицы *Гора с горой не сходится, а человек с человеком сойдётся*³.

Эту паремию можно считать универсальной: она зафиксирована в словаре европейских пословиц Д. Пацолаи, в котором приводятся аналоги этой пословицы на 55 языках⁴. Данная паремия также приводится в словаре О. Чобаноглу как общетюркская среди аналогов на 33 языках, в том числе алтайском, хакасском, кумыкском (паремии приводятся в турецкой латинской транскрипции): турецк. *Dağ dağa kavuşmaz, insan insana kavuşur* 'Гора с горой не встретятся, человек с человеком встретится'; алт. *Tuvla tuv birikbez, kijile kiji biriger*; хакас. *Tag tagga uçurbas, kizi kizie togazar*; кумык. *Tav tavğa yolukmas, adam adamğa yolugur*⁵.

Среди паремий с компонентом-нумеративом «два» рассматриваемых тюркских языков только тувинская использует числительное *ийи* 'два'. Кроме того, в алтайской пословице слово *биригер* 'сходиться, соединяться' содержит корень *бир* 'один'. Из тридцати трёх тюркских аналогов пословицы

¹Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл : Тувинское книжное издательство ; Радуга Тувы, 2020. С. 28.

²Перевод наш. — Авт.

³Мокиенко В. М., Никитина Т. Г., Николаева Е. К. Большой словарь русских пословиц: около 70 000 пословиц. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. С. 197.

⁴Paczolay G. European Proverbs in 55 Languages with Equivalents in Arabic, Sanskrit, Persian, Chinese and Japanese. Hobart, Tasmania (Australia). DeProverbio.com, 2002. P. 213.

⁵Çobanoğlu Ö. Türk Dünyası Ortak Atasözleri Sözlüğü. Ankara: AYK Atatürk Kültür Merkezi Başkanlığı, 2004. С. 194.

Гора с горой не сходится, а человек с человеком сойдётся, приведённых в словаре О. Чобаноглу, лишь тувинская и ещё киргизская паремия (кирг. *Eki too koşulbayt, eki kişi körüşöt*) содержат число два (тув. *ийи*, кирг. *эки*). Полным аналогом тувинской паремии является бурятская пословица *Хоёр хада ойрошье хаа, уулзахагүй, хоёр хүн холоше хаа, золгохо* 'Две горы не встречаются, два человека встречаются'¹ и калмыцкая пословица (текст которой приведем из дореволюционного издания в переводе на русский язык) *Две горы не встрѣтятся, а два человека встрѣтятся*².

Две миниатюрные картинки дополняют друг друга, составляя единое целое, образуя смысл пословицы. Значение 'разделение двух сторон несёт негативный результат' объединяет тувинские пословицы *Ийи чурт аразынга мези чайбас, ийи кижги аразынга сөс дажывас*³ 'Между двумя странами нельзя меч вонзать, меж двумя людьми нельзя слово бросать'⁴ и *Ийи ыт аразынга сөөк кагба, ийи кижги аразынга хоп (сөс) сөглевэ*⁵ 'Меж двух собак кости не бросай, меж двух людей раздора не сей (ссоры не затевай)'⁶. Вторая из приведённых пословиц содержит образ разделения, раздора между двумя сторонами, отождествляемый с костью, которую некто бросает двум собакам. Вторая часть пословицы говорит о том, что не следует возбуждать раздор между двумя людьми своими речами (словами, сплетнями). В целом образ кости и дерущихся собак поясняет рекомендацию относительно избегания ссор в соответствии с семантической моделью «Сплетни вызывают раздор».

Вариант этой пословицы бытует и у цэнгэльских тувинцев в Монголии: *Ийи ыт аразында сөөк кагба, / Ийи кижги аразында сөс чашпа* 'Между двух собак не оставляй кость, / между двух людей не бросай слово'⁷. Бурятская пословица имеет сходную с тувинской семантику: *Хоёр нохойн хоорондо яһа хаяха, хоёр хүнэй хоорондо хоб зөөхэ* 'Бросать кость между двумя собаками, таскать сплетни между двумя людьми'⁸.

Если две единицы сходятся, итог зависит от их направленности (положительной или отрицательной). Хакасская пословица гласит: *İki çabal pîrik parza, / Ил çонға çадығ пîрбес* — букв. 'Если два дурака сходятся, / Всеми народу покоя не дадут'⁹. Смысл пословицы в том, что отрицательная энергия дураков удваивается, когда они вместе, и вредит всем. В тувинском языке не обнаружено паремии с подобной семантикой.

Число два также может символизировать в тюркских языках невозможность выполнения двух дел в одно время. Такова, например, хакасская пословица *İki киректî pîрге сағынзаң, pîрçî дее килîспес* 'Будешь думать о двух делах одновременно, ни одного не решишь'¹⁰. Семантика этой пословицы отчасти сходна с русской *За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь*¹¹, которая относится к числу универсальных пословиц¹² и соответственно общетюркских. В «Словаре общих пословиц тюркского мира» О. Чобаноглу приводится 23 аналога пословицы о двух зайцах, в том числе турецк. *İki tavşan birden avlanmaz*; алт. *İki koyundi biraay tutup bolbos* и хакас. *İki hozanni pîr sañay añnalbacañ*¹³.

¹ Бальбурова Б. Буряд арадай оньһон уран үгэ = Пословицы и поговорки бурят. Улан-Удэ, 2020. С. 258.

² Калмыцкие загадки и пословицы / сост. В. Котвич. СПб.: Издательство факультета восточных языков, 1905. С. 110.

³ Матпаадыр: Произведения для детей. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1991. С. 108.

⁴ Перевод наш. — Авт.

⁵ Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное издательство ; Радуга Тувы, 2020. С. 28.

⁶ Перевод наш. — Авт.

⁷ Цэнгэльские тувинцы: фольклор и литература: коллектив. Моногр. / У.А. Донгак [и др.]; науч. ред.: Г. Золбаяр, Б. Баярсайхан; отв. за вып. У.А. Донгак. – Новосибирск: Наука, 2020. С. 117.

⁸ Бальбурова Б. Буряд арадай оньһон уран үгэ = Пословицы и поговорки бурят. Улан-Удэ, 2020. С. 258.

⁹ Чугунекова А. Н. Символика чисел в хакасской и тувинской паремииологии // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 10–2(37). С. 19.

¹⁰ Там же. С. 20.

¹¹ Мокиенко В. М., Никитина Т. Г., Николаева Е. К. Большой словарь русских пословиц: около 70 000 пословиц. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. С. 366.

¹² Paczolay G. European Proverbs in 55 Languages with Equivalents in Arabic, Sanskrit, Persian, Chinese and Japanese. Hobart, Tasmania (Australia). DeProverbio.com, 2002. С. 334.

¹³ Çobanoğlu Ö. Türk Dünyası Ortak Atasözleri Sözlüğü. Ankara: AYK Atatürk Kültür Merkezi Başkanlığı, 2004. С. 301.

Пословичную идею *два не помещается в одном* выражают тюркские пословицы с другой образностью: алт. *Эки айу жангыс ичегенде жараипас* 'Два медведя в одной берлоге не уживутся' (Ойноктинова, 2012: 46); кумык. *Бир къазанда эки баш бишмес* 'В одной кастрюле две головы не варят', *Бир къолгъа (къолтукъгъа) эки харбуз сыймас* 'В одной руке (подмышке) два арбуза не поместятся'¹. С кумыкской сходна семантика бурятской пословицы: *Хоёр бухын толгой нэгэ тогоондо шанажа болохгүй* 'В одном котле не сварить двух быков'². Разница лишь в образном представлении: в бурятской паремии вместо двух (бараньих) голов (распространённого в тюркских пословицах образа) два быка.

Из приведённого материала видно, что в тувинских паремиях, как и в пословицах хакасского, бурятского и калмыцкого языков, показано значение двух человек как общности, оказывающей положительное или отрицательное влияние на других.

Символика числа три

Тувинское число *үш* 'три' находится в ряду чисел с особой символикой у тюркских народов (3, 4, 7, 8, 9, 12, 40, 100, 1000, а также производные от 9) (см. об этом: Самдан, 1994: 23; Муратова, 2012: 51). Тюркские рунические памятники свидетельствуют о том, что число *три* (*üç*) входило в состав географических и этнических названий (Сравнительно-историческая ... , 2001: 580). В представлениях древних тюрков, соприкоснувшихся с буддизмом, число *три* также было связано с буддийским каноном «Трипитака» («Три корзины учения»).

Число *три* широко представлено в монгольской лингвокультуре, в частности в эпосе «Джангар». Во многих сюжетах эпоса священные обряды исполняются троекратно, а действия продолжают в течение трёх дней, недель, месяцев (Сравнительно-историческая ... , 2001: 582).

В тувинской мифологии тройственная модель мира соответствует Нижнему, Среднему и Верхнему миру и чётко выражена в материальной и духовной кочевой культуре. Структуру традиционного жилища тувинцев — юрты — исследователи интерпретируют как миниатюрную модель Вселенной, в которой верхняя часть соотносится с верхним миром, подобно небосводу, а сама юрта (Средний мир) соединена с небом и Нижним миром опорным шестом (Мижит, 2013: 35).

Очаг в юрте традиционно состоит из трёх камней. Этот образ дал название соответствующему жанру тувинской литературы — трёхстишиям *ожук дажы* (три камня очага), который опирается на древние формы поэзии тувинцев и древних тюрков в виде трёхстиший. Тувинские сказки также полны тройственными образами и явлениями (три времени, три встречи, три мудрости, путешествия в трёх мирах, три поединка и пр.) (там же: 46).

При такой распространённости триады в мифологии тувинцев не может не удивлять тот факт, что в сборниках тувинских пословиц почти нет паремий с числительным *үш* 'три'. Поскольку в каждой национальной паремиографии отражается прежде всего основной фонд пословиц (Ivanov, 2002: 41), такая лакуна может рассматриваться как типологически значимая характеристика тувинской пословичной картины мира. Возможно, конечно, это связано с недостаточной проработанностью теории паремиологии в области разграничения терминов пословицы и поговорки в тувинской лингвокультуре и требует верификации собранного диалектологического материала.

У цэнгэльских тувинцев зафиксирована паремия с нумеративом *үш*, связанная с обычаями: *Үш баскан черинге саңын салыр / Үжен баскан черинге аьдын баглаар* 'В трёх шагах ставят жертвенник, В тридцати шагах привязывают коня'³. Известно, что цэнгэльские тувинцы устанавливают жертвенник (*саң*), состоящий из трёх плоских камней, как правило, в трёх-четырёх шагах от входа в юрту на простом деревянном возвышении.

¹ Гаджихмедов Н. Э. Кумыкско-русский словарь пословиц и поговорок. Более 5000 пословиц и поговорок. Махачкала: б. и., 2015. С. 86.

² Бальбурова Б. Буряад арадай оньһон уран үгэ = Пословицы и поговорки бурят. Улан-Удэ, 2020. С. 257.

³ Подношение в серебряной чаше: Сборник фольклорных и литературных произведений тувинцев Цэнгэла (Монголия). Новосибирск: Наука; НГОПО Союза писателей России, 2018. С. 129.

Как отмечается в комментарии к этой паремии: «Ленивый человек привязывает своих лошадей в 30-40 шагах от юрты, а работающий человек — подальше, чтобы в стойбище не пристали к ним нечистоты, испражнения скота; так, держа их в чистоте, выражают уважительное отношение к лошадям»¹.

Следующее фольклорное выражение, содержащее нумеративы *один, два и три*, известно у тувинцев, однако оно не зафиксировано как пословица:

Чаңгыс уруг — уруг эвес,

Ийи уруг — чартык уруг,

Үш уруг — бүдүн уруг

‘Один ребёнок — не ребёнок,

Два ребёнка — полребёнка,

Три ребёнка — целый ребёнок’ (Мижит, 2013: 36).

Л. С. Мижит называет эту фразу выражением, характеризующим тройку как число, определяющее целостность, гармонию и определённую (там же: 36). Вероятно, фольклорная фраза не воспринимается тувинцами как пословица. Но при этом в других языках выражение с подобной семантикой и структурой фиксируется в паремиологических сборниках в качестве пословицы. Например, рус. *Один сын — не сын, два сына — полсына, три сына — целый сын*². Частичным семантическим аналогом этой паремии может считаться кумыкская пословица со сходной структурой: *Бир кызы — ёкъ кызы, эки кызы — эрке кызы, уьч кызы — жут кызы* ‘Одна дочь — нет дочери, две дочери — избалованные дочери, три дочери — пара дочерей’³. Число *три* здесь символизирует некий предел счёта, предел полноты.

То же самое можно сказать о тувинских загадках-триадах (*үштээн тывызыктар*), которые не публиковались ни в одном сборнике загадок. По мнению Л. С. Мижит, это, возможно, говорит о том, что загадки-триады, воспринимаются не как загадки, а как афористическая поэзия (Мижит, 2013: 93). Речь идёт о загадках с тройственными ответами, причём ответы-триады представляют самостоятельное целое без вопроса (там же: 96). Подобные загадки находили свое отражение в остроумных беседах (*чечен чугаалар*), своеобразных состязаниях в остроумии и красноречии, в ходе которых задавались такие вопросы, как *Бир эки деп чүл? ‘Что одно хорошее?’*, *Ийи эки деп чүл? ‘Что такое два хороших?’*, *Үш эки деп чүл? ‘Что такое три хороших?’* и т. д. (Курбатский, 2001: 359). Ответы нужно было знать, хотя импровизация не исключалась. Когда остроумные ответы воспринимаются уже без вопроса и известны всем, они приобретают характер пословиц. Эти выражения обладают афористичностью и назидательностью, являясь устойчивыми выражениями, что также свойственно пословицам. Представляется, что такие ответы имеет смысл причислять к пословицам.

Так, тувинская загадка: *Кижиде үш бай. Ол чүл? ‘Три богатства у человека. Что это?’* имеет следующий ответ:

Башкы бай — ажы-төл,

Ортаа бай — эртем-билиг,

Соңгу бай — эртинге-байлак.

‘Первое богатство — дети,

Среднее богатство — образование,

Последнее богатство — имущество и драгоценности’ (Мижит, 2013: 128).

Этот ответ имеет все признаки пословицы и вполне может считаться таковой. Доказательством может служить существующая в монгольском языке пословица со сходной структурой и семантикой: *Эрдэм билиг эрхэм баян, үр хүүхэд удаа баян, адуу мал адаг баян* ‘Знание — высшее богатство, дети — второе богатство, скот — самое последнее богатство’⁴. Пословица со сходной структурой и образностью

¹ Подношение в серебряной чаше: Сборник фольклорных и литературных произведений тувинцев Цэнгэла (Монголия). Новосибирск: Наука; НГОПО Союза писателей России, 2018. С. 138.

² Мокиенко В. М., Никитина Т. Г., Николаева Е. К. Большой словарь русских пословиц: около 70 000 пословиц. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. С. 895.

³ Гаджихмедов Н. Э. Кумыкско-русский словарь пословиц и поговорок. Более 5000 пословиц и поговорок. Махачкала: б. и., 2015. С. 87.

⁴ Кульганек И. В. Монгольские пословицы и поговорки. Исследование, перевод, комментарий. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2017. С. 80.

существует и в бурятском языке: *Эрдэм бэлиг — эрхим баян, здир залуу — дунда баянд зөөридаг баян* 'Учение — лучшее богатство, юность — среднее богатство, имущество — худшее богатство'¹.

Вместе с тем в тувинских паремиологических сборниках зафиксировано несколько пословиц с несвойственной для тувинских пословиц тройственной структурой (традиционно тувинские пословицы складываются из двух частей на основе их структурно-семантического параллелизма).

Напр.:

— *Арагадан аржаң үнер, Аржаңдан коржаң үнер, Коржаңдан хоран болур* 'От перегона араки получится аржан (водка), От аржана — коржан (спирт), От коржана — хоран (отрава)²;

— *Арыг үзүктүг, Арт ажыглыг, Таңды кестиг* 'Лес имеет проход, Хребет имеет переход, Гора имеет перевал'³;

— *Бот аскыр Бодунга менээргенгеш, Бөрүге чирткен* 'Самонадеянного жеребца, Полагающегося на себя, Волк разодрал'⁴;

— *Кылыктыг кижини ажындырары белен, Мелегей кижини мегелээри белен, Кортук кижини коргудары белен* 'Вспыльчивого легко рассердить, Глупого — обмануть, Трусливого — напугать'⁵ и т. п.

Встречаются в тувинском языке и единичные пословицы с тройным концептуально-образным рядом (традиционно используется два либо четыре концепта и/или образа), напр.: *Кижини узун чоруктуг, узак сагыштыг, улуг угаанныг болур* 'У человека — длинная дорога, безграничная мечта, необъятный ум'⁶. Тувинские пословицы с тройственной структурой и/или образностью имеют аналоги в других фольклорных традициях.

В бурятском и калмыцком фольклоре, подобно тувинскому и монгольскому, существует жанр триады — поэтического афоризма в форме традиционной загадки, ответ на которую представляет собой стих из трёх-четырёх строк.

В. Д. Бабуева отмечает, что этот ответ может существовать и в виде паремии: «Три богатства есть в мире: богат тот, у кого скота много; еще богаче тот, у кого детей много; но богаче всех тот, кто знанием богат; Три вещи в мире опасны: нож в руках ребенка, власть в руках глупца, лезть в уста подхалима» (Бабуева, 2001: 94).

По мнению Н. Л. Жуковской, триады отличает подвижность, креативность, что делает этот фольклорный жанр живым, отражает «сообразительность и наблюдательность рассказчика, т. е. тех самых черт личности, которые приветствует любая культурная традиция и без которых ее передача из поколения в поколение просто невозможна» (Жуковская, 2002: 169).

Примеры тувинских пословиц с компонентом-числительным *үш*, извлечённые нами из различных источников, немногочисленны. На факт отсутствия подобных примеров в лексикографических сборниках указывает и А. Н. Чугунекова⁷. В приведённых тувинских паремиях этот компонент-нумератив, кроме номинативной функции, реализует значение полноты, предела.

Заключение

Паремиологический фонд тувинской лингвокультуры в существенной степени связан с числовым кодом. Как и в ряде языков, в тувинском языке культурная коннотация числительных находит отражение в различных фольклорных текстах: сказках, загадках, пословицах, благопожеланиях и др. Тувинские паремии в основе своей имеют символическую и сакральную семантику чисел, основанную

¹ Бальбурова Б. Буряад арадай онһон уран үгэ = Пословицы и поговорки бурят. Улан-Удэ, 2020. С. 337.

² Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное издательство; Радуга Тувы, 2020. С. 86.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 93.

⁵ Там же. С. 111.

⁶ Там же. С. 108.

⁷ Чугунекова А. Н. Символика чисел в хакасской и тувинской паремиологии // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 10–2 (37). С. 20.

на народных поверьях, обрядах, фольклорных и мифологических представлениях, что относится и к паремиологическому фонду языков, рассмотренных нами в качестве фона: хакасского, алтайского, кумыкского, калмыцкого и бурятского языков.

Общность семантики обнаружили тувинские паремии с компонентом *бир* 'один' и *ийи* 'два' по отношению к приведённому фонду паремий: семантика общности, когда один без участия других не может преодолеть испытания, и понимание двух человек как общности, оказывающей положительное или отрицательное влияние на других. Анализ пословичных биномов с компонентом *один* показал традиционное разнообразие в выбранных пословицах.

Вопросы, возникшие в процессе исследования тувинских паремий (в частности, практически полное отсутствие в словарях тувинских пословиц с лексемой *үш* 'три' при частотном использовании её в народном фольклоре и наличии популярного поэтического жанра трёхстиший; отсутствие паремий с числами — производными от 9), свидетельствуют о необходимости более глубокого и детализированного изучения тувинского паремиологического, а также связанного с ним поэтического фольклорного фонда, в одной из его интереснейших областей, отмеченной числовым кодом тувинской лингвокультуры.

Проведённый сопоставительный лингвокультурологический анализ подтверждает вывод о том, что «инвентаризация культурных кодов позволяет создать лингвокультурологическую характеристику даже малых языков, несмотря на меньшее лексикографическое представление репертуара ФЕ¹ разных разрядов» (Бредис, Ломакина, Мокиенко, 2021: 209).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бабуева, В. Д. (2001) Мир традиций бурят. Улан-Удэ : Улзы. 144 с.
- Боктаева, В. Л., Халгаева, Д. Д., Безрукова, О. Г. (2017) Симметрия в ментальности русского и калмыцкого народов в пословицах и поговорках // Инновационные технологии в образовании и науке : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 10 сент. 2017 г.) / редкол.: О. Н. Широков и др. Чебоксары : ЦНС «Интерактив плюс». 420 с. С. 325–328.
- Бредис, М. А., Иванов, Е. Е. (2022) Провербильные факторы перевода тувинских пословиц в аспекте нормативной и полилингвальной паремиографии (на фоне русского и английского языков) // Новые исследования Тувы. № 1. С. 17–36. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.2>
- Бредис, М. А., Иванов, Е. Е., Ломакина, О. В., Нелюбова, Н. Ю., Кужугет, Ш. Ю. (2021) Лексикографическое описание тувинских пословиц: принципы, структура, этнолингвокультурологический комментарий (на европейском паремиологическом фоне) // Новые исследования Тувы. № 4. С. 143–160. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.11>
- Бредис, М. А., Ломакина, О. В. (2020) Пограничные территории как пример культурно-языкового трансфера (на материале латгальской и русинской паремиологии) // Вопросы этнополитики. № 2. С. 28–38. DOI: <https://doi.org/10.28995/2658-7041-2020-2-28-38>
- Бредис, М. А., Димогло, М. С., Ломакина, О. В. (2020) Паремии в современной лингвистике: подходы к изучению, текстообразующий и лингвокультурологический потенциал // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 11. № 2. С. 265–284. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-265-284>
- Бредис, М. А., Ломакина, О. В., Мокиенко, В. М. (2020) Русинская фразеология как пример культурно-языкового трансфера в славянских языках (на материале нумеративных единиц) // Русин. № 60. С. 198–212. DOI: <https://doi.org/10.17223/18572685/60/12>
- Бредис, М. А., Ломакина, О. В., Мокиенко, В. М. (2021) Числовой код русинской лингвокультуры (на фразеологическом материале) // Когнитивные исследования языка. № 2 (45). С. 202–212.
- Гармаева, А. Э. (2008) Числовая символика в монгольском языке: семантика и функции // Вестник Бурятского государственного университета. № 10. С. 105–110.
- Гишкаева, Л. Н., Ломакина, О. В., Макарова, А. С. (2021) Отражение веры в Бога как ценностной константы в пословичном фонде (на примере христианской и мусульманской лингвокультур) // Cuadernos de Rusística Española. Т. 17. С. 135–147.
- Гудков, Д. Б., Ковшова, М. Л. (2007) Телесный код русской культуры: материалы к словарю. М. : Гнозис. 285 с.

¹ ФЕ — фразеологических единиц.

Жуковская, Н. И. (2002) Кочевники Монголии: Культура. Традиции. Символика : учебное пособие. М. : Восточная литература. 247 с.

Зиновьева, Е. И., Алёшин, А. С. (2022) Семья в компаративных паремиях тувинского, шведского и русского языков // Новые исследования Тувы. № 1. С. 131–145. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.9>

Иванов, Е. Е., Ломакина, О. В., Нелюбова, Н. Ю. (2021) Семантический анализ тувинских пословиц: модели, образы, понятия (на европейском паремиологическом фоне) // Новые исследования Тувы. № 3. С. 232–248. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.3.17>

Иванов, Е. Е., Ломакина, О. В., Петрушевская, Ю. А. (2021) Национальная специфичность пословичного фонда: основные понятия и методика выявления // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 12. № 4. С. 996–1035. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-4-996-1035>

Иванов, Е. Е., Марфина, Ж. В., Шкуран, О. В. (2022) Номинации животных в тувинских пословицах и поговорках: аспекты реализации и проблематика изучения // Новые исследования Тувы. № 1. С. 47–68. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.4>

Каратаева, С. Т. (2020) Символика чисел в тюркских и монгольских языках // Вестник Кыргызского Государственного Университета имени И. Арабаева. № 2. С. 91–97.

Кульсарина, Г. Г. (2016) Этнокультурная символика чисел в языке башкирского фольклора // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 10 (64). Ч. 1. С. 106–109.

Курбатский, Г. Н. (2001) Тувинцы в своём фольклоре (историко-этнографические аспекты тувинского фольклора). Кызыл: Тувинское книжное издательство. 464 с.

Ломакина, О. В., Мокиенко, В. М. (2018) Ценностные константы русинской паремиологии (на фоне украинского и русского языков) // Русин. № 4 (54). С. 303–317. DOI: <https://doi.org/10.17223/18572685/54/18>

Ляшчынская, В. А. (2019) Ідыяматыка беларускай мовы ў лінгвакультуралагічным асвятленні [Идиоматика белорусского языка в лингвокультурологическом освещении]. Мінск : РІВШ. 250 с.

Мижит, Л. С. (2013) Тувинское трехстишие. Триада в тувинской традиционной культуре. Новосибирск : Изд-во СО РАН. 138 с.

Мокиенко, В. М. (2010) Современная паремиология (лингвистический аспект) // Мир русского слова. № 3. С. 6–20.

Муйтуева, И. Н., Ойношев, В. П., Тадышева, Н. О. (2018) Алтайский традиционный этикет. Горно-Алтайск : БНУ РА «НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова». 160 с.

Муратова, Р. Т. (2012) Символика чисел в языке и культуре башкир. Уфа : б. и. 180 с.

Муратова, Р. Т. (2015) Нумерологические фразеологические единицы в тюркских языках (лингвокультурологический аспект) // Вестник Адыгейского государственного университета. Вып. 1 (152). С. 71–77.

Нелюбова, Н. Ю. (2019) Семья как общечеловеческая ценность во французской и русской пословичной картине мира // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. № 6. С. 50–59. DOI: <https://www.doi.org/10.20339/PhS.6-19.050>

Нелюбова, Н. Ю. (2022) Аксиологические доминанты паремий как типологические маркеры тувинской, русской и французской этнокультур // Новые исследования Тувы. № 1. С. 146–163. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.10>

Никитина, Т. Г. (2020) Структурно-семантическое моделирование в сфере фразеологии: сорокалетний опыт и перспективы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 11. № 2. С. 175–197. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-175-197>

Ойноктинова, Н. Р. (2012) Алтайские пословицы и поговорки: поэтика и прагматика жанров. Новосибирск : Институт филологии. 354 с.

Паремиология без границ (2020) / ред. М. А. Бредис, О. В. Ломакина. М. : Изд-во РУДН. 244 с.

Паремиология в дискурсе (2015) / ред. О. В. Ломакина. М. : URSS ; Ленанд. 294 с.

Паремиология на перекрёстках языков и культур (2021) / ред. Е. Е. Иванов, О. В. Ломакина. М. : Изд-во РУДН. 246 с.

Петрушевская, Ю. А. (2022) Тувинские и белорусские пословичные параллели (типологическая общность на фоне этнокультурной специфичности) // Новые исследования Тувы. № 3. С. 241–263. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.3.16>

Рассадин, В. И. (2019) Очерки по истории сложения тюрко-монгольской языковой общности. СПб. : Нестор-История. 620 с.

Русские паремии: новые формы, новые смыслы, новые аспекты изучения (2008) / научн. ред. Т. Г. Никитина. Псков : ПГПУ. 256 с.

Самдан, З. Б. (1994) Мир тувинской сказки // Тувинские народные сказки / сост. З. Б. Самдан. Новосибирск : ВО «Наука», Сибирская издательская фирма. 460 с. С. 10–34.

Самдан, З. Б. (2016) Миф в фольклорной традиции тувинцев (формы бытования, сюжетный состав, система персонажей). Новосибирск : Наука. 180 с.

Семененко, Н. Н. (2020) Аксиология паремий в фокусе проблемы когнитивно-дискурсивного моделирования семантики русских пословиц // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 11. № 2. С. 213–232. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-213-232>

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. (2001) / Э. Р. Тенишев, Г. Ф. Благова, И. Г. Добродомов и др. 2-е изд., доп. М. : Наука. 822 с.

Тагарова, Т. Б. (2011) К лингвокультурологическому описанию бурятских фразеологических единиц с числительными // Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского. Сер. Филология, история, востоковедение. № 2 (37). С. 112–117.

Тенишев, Э. Р. (1978) Тюркские «один», «два», «три» // Тюркологический сборник. 1974 / ред. коллегия: А. Н. Кононов (отв. ред.), С. Г. Кляшторный, Ю. А. Петросян, С. С. Цельникер. М. : Издательство «Наука», Главная редакция восточной литературы. 304 с. С. 109–113.

Ivanov, E. (2002) Paremiological Minimum and Basic Paremiological Stock (Belarusian and Russian). Prague : RSS. 136 p.

Ivanov, E., Feldman, V. (2007) Principles of the Contrastive Description of Aphoristic Paremiology (in Belarusian and Russian Languages) // Acta Germano-Slavica. Vol. 1. P. 85–97.

Ivanov, E., Petrushevskaja, Ju. (2015) Etymology of English Proverbs // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. Vol. 8. № 5. P. 864–872.

Lomakina, O. V. (2021) Concepts of god and faith in Uzbek and Tajik proverbs in terms of culture and language transfer theory // European Journal of Science and Theology. Vol. 17, no. 2. P. 125–135.

Seliverstova, E. I. (2020) Levels of Manifestation of Typological Similarity in Proverbs of Different Languages // RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics. № 11 (2). P. 198–212. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-198-212>

Дата поступления: 02.08.2022 г.

REFERENCES

- Babueva, V. D. (2001) *Mir traditsii buriat [The world of Buryat traditions]*. Ulan-Ude, Ulzy. 144 p. (In Russ.).
- Boktaeva, V. L., Khalgaeva, D. D. and Bezrukova, O. G. (2017) Simmetriia v mental'nosti russkogo i kalmytskogo narodov v poslovitsakh i pogovorkakh [Symmetry in the mentality of the Russian and Kalmyk peoples in proverbs and sayings]. In: *Innovatsionnye tekhnologii v obrazovanii i nauke [Innovative technologies in education and science]* : Proceedings of the 2nd International science-to-practice conference (Cheboksary, September 10, 2017) / editorial board: O. N. Shirokov et al. Cheboksary, TsNS "Interaktiv plus". 420 p. Pp. 325–328. (In Russ.).
- Bredis, M. A. and Ivanov, E. E. (2022) Proverbial'nye faktory perevoda tuvinskikh poslovits v aspekte normativnoi i polilingval'noi paremiografii (na fone russkogo i angliiskogo iazykov) [Proverbial factors in translating Tuvan proverbs in the light of normative and poly-lingual paremiography (as contrasted to Russian and English languages)]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 17–36. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.2>
- Bredis, M. A., Ivanov, E. E., Lomakina, O. V., Nelyubova, N. Yu. and Kuzhuget, Sh. Yu. (2021) Leksikograficheskoe opisanie tuvinskikh poslovits: printsipy, struktura, etnolingvokul'turologicheskii kommentarii (na evropeiskom paremiologicheskom fone) [A lexicographical description of Tuvan proverbs: Principles, structure and an ethnolinguo-culturological commentary as compared to European paremies]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 143–160. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.11>

Bredis, M. A. and Lomakina, O. V. (2020) Pogranichnye territorii kak primer kul'turno-iazykovogo transfera (na materiale latgal'skoi i rusinskoj paremiologii) [Border territories as an example of cultural and linguistic transfer (based on the material of Latgalian and Rusin paremiology)]. *Voprosy etnopolitiki*, no. 2, pp. 28–38. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.28995/2658-7041-2020-2-28-38>

Bredis, M. A., Dimoglo, M. S. and Lomakina, O. V. (2020) Paremii v sovremennoi lingvistike: podkhody k izucheniiu, tekstoobrazuiushchii i lingvokul'turologicheskii potentsial [Paremiology in modern linguistics: Approaches to study, text-forming and linguocultural potential]. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 11, no. 2, pp. 265–284. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-265-284>

Bredis, M. A., Lomakina, O. V. and Mokienko, V. M. (2020) Rusinskaia frazeologiya kak primer kul'turno-iazykovogo transfera v slavianskikh iazykakh (na materiale numerativnykh edinit) [Rusin phraseology as an example of cultural and linguistic transfer in Slavic languages (based on numerative units)]. *Rusin*, no. 60, pp. 198–212. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17223/18572685/60/12>

Bredis, M. A., Lomakina, O. V. and Mokienko, V. M. (2021) Chislvoi kod rusinskoj kul'tury (na frazeologicheskom materiale) [Numeric code of the Rusin languaculture (based on figurative units)]. *Kognitivnye issledovaniia iazyka*, no. 2 (45), pp. 202–212. (In Russ.).

Garmaeva, A. E. (2008) Chislvoaia simvolika v mongol'skom iazyke: semantika i funktsii [Numerical symbolism in the Mongolian language: Semantics and functions]. *Vestnik Buriatskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 10, pp. 105–110. (In Russ.).

Gishkaeva, L. N., Lomakina, O. V. and Makarova, A. S. (2021) Otrazhenie very v Boga kak tsennostnoi konstanty v poslovichnom fonde (na primere khristianskoj i musul'manskoj lingvokul'tur) [Reflection of faith in God as a value constant in the proverbial fund (on the example of Christian and Muslim linguistic cultures)]. *Cuadernos de Rusística Española*, vol. 17, pp. 135–147. (In Russ.).

Gudkov, D. B. and Kovshova, M. L. (2007) *Telesnyi kod russkoj kul'tury: materialy k slovariu* [The body code of Russian culture: Materials for the dictionary]. Moscow, Gnozis. 285 p. (In Russ.).

Zhukovskaia N. L. (2002) *Kochevniki Mongolii: Kul'tura. Traditsii. Simvolika* [Nomads of Mongolia: Culture. Traditions. Symbolism]. Moscow, Vostochnaia literatura. 247 p. (In Russ.).

Zinovieva, E. I. and Alyoshin, A. S. (2022) Sem'ia v komparativnykh paremiakh tuvinskogo, shvedskogo i russkogo iazykov [The family in comparative paremiology of Tuvan, Swedish and Russian languages]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 131–145. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.9>

Ivanov, E. E., Lomakina, O. V. and Nelyubova, N. Yu. (2021) Semanticheskii analiz tuvinskih poslovits: modeli, obrazy, poniatii (na evropeiskom paremiologicheskom fone) [Semantic analysis of Tuvan proverbs: Models, imagery, concepts (against the European paremiological background)]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 232–248. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.3.17>

Ivanov, E. E., Lomakina, O. V. and Petrushevskaja, Yu. A. (2021) Natsional'naja spetsifichnost' poslovichnogo fonda: osnovnye poniatii i metodika vyivleniia [The national specificity of the proverbial fund: Basic concepts and procedure for determining]. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 12, no. 4, pp. 996–1035. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-4-996-1035>

Ivanov, E. E., Marfina, Zh. V. and Shkuran, O. V. (2022) Nominatsii zhivotnykh v tuvinskih poslovitsakh i pogovorkakh: aspekty realizatsii i problematika izucheniia [Animal nouns in Tuvan proverbs and sayings: Problems of studying and aspects of functioning]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 47–68. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.4>

Karataeva, S. T. (2020) Simvolika chisel v tiurkskikh i mongol'skikh iazykakh [Symbolic chips in Turkic and Mongolian languages]. *Vestnik Kirgizskogo gosudarstvennogo universiteta imeni I. Arabaeva*, no. 2, pp. 91–97. (In Russ.).

Kulsarina, G. G. (2016) Etnokul'turnaia simvolika chisel v iazyke bashkirskogo fol'klora [Ethnocultural symbolism of numbers in the language of Bashkir folklore]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, no. 10 (64), part 1, pp. 106–109. (In Russ.).

Kurbatskii, G. N. (2001) *Tuvinty v svoem fol'klore (istoriko-etnograficheskie aspekty tuvinskogo fol'klora)* [Tuvans in their folklore: Historical and ethnographic aspects of Tuvan folklore]. Kyzyl, Tuvan Book Publishing house. 464 p. (In Russ.).

Lomakina, O. V. and Mokienko, V. M. (2018) Tsennostnye konstanty rusinskoj paremiologii (na fone ukrainskogo i russkogo iazykov) [Value constants of the Rusin paremiology (compared with the Ukrainian and Russian languages)]. *Rusin*, no. 4 (54), pp. 303–317. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17223/18572685/54/18>

Liashchynskaia, V. A. (2019) *Idyamatyka belaruskai movy ŷ lingvakul'turalagichnym asviatlenni* [Idiomatics of the Belarusian language in linguoculturological coverage]. Minsk, RIVSh. 250 p. (In Belarusian).

Mizhit, L. S. (2013) *Tuvinskoe trekhstishie. Triada v tuvinskoj traditsionnoi kul'ture* [Tuva tercet: The Triad in Tuvan traditional culture]. Novosibirsk, Publishing House of the Siberian Branch of the RAS. 138 p. (In Russ.).

Mokienko, V. M. (2010) *Sovremennaja paremiologija (lingvisticheskie aspekt)* [Modern paremiology (linguistic aspect)]. *Mir russkogo slova*, no. 3, pp. 6–20. (In Russ.).

Muitueva, I. N., Oinoshev, V. P. and Tadysheva, N. O. (2018) *Altaiskii traditsionnyi etiket* [Altai traditional etiquette]. Gorno-Altai, S. S. Surazakov Scientific Research Institute of Altaic Studies. 160 p. (In Russ.).

Muratova, R. T. (2012) *Simvolika chisel v iazyke i kul'ture bashkir* [Symbolism of numbers in the Bashkir language and culture]. Ufa, s. n. 180 p. (In Russ.).

Muratova, R. T. (2015) Numerologicheskie frazeologicheskie edynitsy v tiurkskikh iazykakh (lingvakul'turologicheskie aspekt) [Numerological phraseological units in the Turkic languages (linguoculturological aspect)]. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta*, issue 1 (152), pp. 71–77. (In Russ.).

Neliubova, N. Yu. (2019) Sem'ia kak obshchechelovecheskaia tsennost' vo frantsuzskoi i russkoi poslovichnoi kartine mira [The family as a universal value in the French and Russian proverbial picture of the world]. *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshei shkoly*, no. 6, pp. 50–59. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.20339/PhS.6-19.050>

Neliubova, N. Yu. (2022) Aksiologicheskie dominanty paremii kak tipologicheskie markery tuvinskoj, russkoi i frantsuzskoi etnokul'tur [Axiological dominants of paremies as typological markers in Russian, Tuvan and French ethnic cultures]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 146–163 (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.10>

Nikitina, T. G. (2020) Strukturno-semanticheskoe modelirovanie v sfere frazeologii: sorokaletnii opyt i perspektivy [Structural-semantic modeling in phraseology: Forty years of experience and the prospects]. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 11, no. 2, pp. 175–197. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-175-197>

Oinotkinova, N. R. (2012) *Altaiskie poslovitsy i pogovorki: poetika i pragmatika zhanrov* [Altai proverbs and sayings: Poetics and pragmatics of genres]. Novosibirsk, Institute of Philology. 354 p. (In Russ.).

Paremiologija bez granits [Paremiology without borders] (2020) / ed. by M. A. Bredis and O. V. Lomakina. Moscow, RUDN Publ. 244 p. (In Russ.).

Paremiologija v diskurse [Paremiology in discourse] (2015) / ed. by O. V. Lomakina. Moscow, URSS ; Lenand. 294 p. (In Russ.).

Paremiologija na perekrestkakh iazykov i kul'tur [Paremiology at the crossroads of languages and cultures] (2021) / ed. by E. E. Ivanov and O. V. Lomakina. Moscow, RUDN Publ. 246 p. (In Russ.).

Petrushevskaya, J. A. (2022) Tuvinskie i belorusskie poslovichnye paralleli (tipologicheskaia obshchnost' na fone etnokul'turnoi spetsifichnosti) [Tuvan and Belarusian proverbial parallels (typological community amid ethnocultural specificity)]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 241–263. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.3.16>

Rassadin, V. I. (2019) *Ocherki po istorii slozheniia tiurko-mongol'skoi iazykovoi obshchnosti* [Essays on the history of the formation of the Turkic-Mongolian language community]. St. Petersburg, Nestor-Istoriia. 620 p. (In Russ.).

Russkie paremii: novye formy, novye smysly, novye aspekty izucheniia [Russian paremias: New forms, new meanings, new aspects of study] (2008) / ed. by T. G. Nikitin. Pskov, Pskov State Pedagogical University. 256 p. (In Russ.).

Samdan, Z. B. (1994) Mir tuvinskoi skazki [The world of the Tuvan folk tale]. In: *Tuvinskie narodnye skazki [Tuvan folk tales]* / comp. by Z. B. Samdan. Novosibirsk, Nauka, Sibirskaia izdatel'skaia firma. 460 p. Pp. 10–34. (In Russ.).

Samdan, Z. B. (2016) *Mif v fol'klornoj traditsii tuvintsev: formy bytovaniya, syuzhetnyi sostav, sistema personazhei [Myth in Tuvan folklore traditions: The form of existence, the scene composition, system of characters]*. Novosibirsk, Nauka. 180 p. (In Russ.).

Semenenko, N. N. (2020) Aksiologiya paremii v fokuse problemy kognitivno-diskursivnogo modelirovaniia semantiki russkikh poslovits [Axiology of proverbs in the focus of the problem of cognitive-discursive modeling of semantics of Russian proverbs]. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 11, no. 2, pp. 213–232. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-213-232>

Sravnitel'no-istoricheskaia grammatika tiurkskikh iazykov. Leksika [A comparative historical grammar of Turkic languages. Vocabulary] (2001) / E. R. Tenishev, G. F. Blagova, I. G. Dobrodomov et al. ; ed. by E. R. Tenishev. 2nd ed, enlarged. Moscow, Nauka Publ. 822 p. (In Russ.).

Tagarova, T. B. (2011) K lingvokul'turologicheskomu opisaniiu buriatskikh frazeologicheskikh edinit s chislitel'nymi [To the linguoculturological description of Buryat phraseological units with numerals]. *Uchenye zapiski Zabaikal'skogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta im. N. G. Chernyshevskogo. Seriya: Filologiya, istoriya, vostoovedenie*, no. 2 (37), pp. 112–117. (In Russ.).

Tenishev, E. R. (1978) Tiurkskie «odin», «dva», «tri» [Turkic “one”, “two”, “three”]. In: *Tiurkologicheskii sbornik. 1974 [Turkological collection. 1974]* / editorial board: A. N. Kononov (executive ed.), S. G. Kliashtornyi, Yu. A. Petrosian and S. S. Tselniker. Moscow, Nauka, Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury. 304 p. Pp. 109–113. (In Russ.).

Ivanov, E. (2002) *Paremiological minimum and basic paremiological stock (Belarusian and Russian)*. Prague, RSS. 136 p.

Ivanov, E. and Feldman, V. (2007) Principles of the contrastive description of aphoristic paremiology (in Belarusian and Russian languages). *Acta Germano-Slavica*, vol. 1, pp. 85–97.

Ivanov, E. and Petrushevskaya, Ju. (2015) Etymology of English proverbs. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, vol. 8, no. 5, pp. 864–872.

Lomakina, O. V. (2021) Concepts of god and faith in Uzbek and Tajik proverbs in terms of culture and language transfer theory. *European Journal of Science and Theology*, vol. 17, no. 2, pp. 125–135.

Seliverstova, E. I. (2020) Levels of manifestation of typological similarity in proverbs of different languages. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 11, no. 2, pp. 198–212. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-198-212>

Submission date: 02.08.2022.

DOI: 10.25178/nit.2022.4.21

Статья

Загадки о пище в тувинской и русской лингвокультурах

Ольга С. Чеснокова, Тимур Ф. Усманов

Российский университет дружбы народов, Российская Федерация

В статье предложен контрастивный лингвокультурологический анализ игрового описания пищи и идущих в пищу продуктов в загадках двух фольклорных традиций, относящихся к тюркоязычным (тувинская) и славянским (русская) лингвокультурам. Предмет статьи — загадки о пище, объект — языковые средства, создающие образы пищи в загадках тувинского и русского этнических сообществ. Материалом исследования стали около 300 тувинских и русских загадок о пище из изданий тувинского и русского фольклора.

Содержание и поэтика тувинских и русских загадок о пище варьируют в зависимости от объективных природно-географических условий, особенностей национальной кухни и доминант народного мировидения, а также типологических особенностей языков. Для интерпретации стратегий представления пищи в загадках применены положения системной лингвистики Г. П. Мельникова.

В статье рассмотрены и сопоставлены описания сходных ингредиентов питания по критериям образности и национальной маркированности в тувинских и русских загадках: о соли, чае, дикоросах, орехах, луке, саране (саранке), молочных продуктах, яйце, мясных продуктах и алкоголе. Подтверждено, что в текстах загадок о пище смысловая схема типовых тувинских высказываний проявляет признаковую детерминанту тюркских языков, тогда как смысловая схема русских загадок — событийную детерминанту флективных языков, к числу которых относится русский язык.

Ключевые слова: фольклор; загадка; тувинцы; русские; пища; поэтика; диалог культур; тувинский фольклор

Публикация выполнена при поддержке Программы стратегического академического лидерства РУДН.

Для цитирования:

Чеснокова О. С., Усманов Т. Ф. Загадки о пище в тувинской и русской лингвокультурах // Новые исследования Тувы. 2022. № 4. С. 294-316. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.21>

Чеснокова Ольга Станиславовна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов. Адрес: 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. Тел.: +7 (495) 787-38-03. Эл. адрес: chesnokova_os@pfur.ru

Усманов Тимур Фазлитдинович — ассистент кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов. Адрес: 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. Тел.: +7 (495) 787-38-03. Эл. адрес: usmanov-tf@rudn.ru

Food riddles in Tuvan and Russian linguocultures

Olga S. Chesnokova, Timur F. Usmanov

Peoples' Friendship University of Russia, Russian Federation

The article presents a contrastive linguistic and culturological analysis of the game description of food and ingredients in the riddles of two folklore traditions related to the Turkic (Tuvan) and Slavic (Russian) linguocultures. The subject of the article is riddles about food, its object is linguistic means that create images of food in the riddles of Tuvan and Russian ethnic communities. The research is based on about 300 Tuvan and Russian food riddles taken from Tuvan and Russian folklore publications.

They classify the content and poetics of Tuvan and Russian riddles about food depending on objective natural and geographical conditions, specialties of national cuisines and the dominant ideas of the national worldviews, as well as typological features of languages. In order to interpret the strategies for the presentation of food in riddles, we applied the theoretical ideas of Gennady P. Melnikov's system linguistics.

The article examines and compares descriptions of similar food ingredients according to the criteria of imagery and national markedness in Tuvan and Russian riddles: about salt, tea, wild plants, nuts, onions, tawny daylilies, dairy products, eggs, meat products and alcohol. It has been confirmed that the semantic scheme of typical Tuvan phrases features the characteristic determinant of the Turkic languages in the texts of food riddles, while the semantic scheme of Russian riddles shows the event-related determinant of inflectional languages, including Russian.

Keywords: folklore; riddle; Tuvans; Russians; food; poetics; dialogue of cultures, Tuvan folklore

The publication was prepared with support from the RUDN University within the framework of the Strategic Academic Leadership Program.

For citation:

Chesnokova O. S. and Usmanov T. F. Zagadki o pishche v tuvinskoj i russkoj lingvokul'turakh [Food riddles in Tuvan and Russian linguocultures]. *New Research of Tuva*, 2022, no. 4, pp. 294-316. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.21>

CHESNOKOVA, Olga Stanislavovna, Doctor of Philology, Professor; Professor, Department of Foreign Languages, Faculty of Philology, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). Postal address: 6 Miklukho-Maklaya St., 117198 Moscow, Russian Federation. Tel.: +7 (495) 787-38-03. E-mail: chesnokova_os@pfur.ru

ORCID ID: [0000-0001-7025-4098](https://orcid.org/0000-0001-7025-4098)

USMANOV, Timur Fazlitdinovich, Assistant, Department of Foreign Languages, Faculty of Philology, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). Postal address: 6 Miklukho-Maklaya St., 117198 Moscow, Russian Federation. Tel.: +7 (495) 787-38-03. E-mail: usmanov-tf@rudn.ru

ORCID ID: [0000-0003-1626-9314](https://orcid.org/0000-0003-1626-9314)

Введение

В загадке универсально совмещаются игровое и реалистичное начала. По Й. Хейзинге, игра, к которой относятся тексты загадок, обладает культуросозидающей функцией, при этом игра не есть обыденная или настоящая жизнь (Хейзинга, 2022: 20). Загадки о пище и идущих в пищу продуктах бытуют в фольклоре любого этноса и, вероятно, онтологически связаны с древними словесными запретами на самые ценные для человека объекты окружающего мира (Аникин, 1959: 24), в дальнейшем развившиеся в загадки как игровую часть языковой картины мира. «Связи между красотой и игрою прочны и многообразны», — пишет Й. Хейзинга (Хейзинга, 2022: 19).

Пищевая традиция связывает прошлое, настоящее и будущее. Г. Д. Гачев считает: «Национальная еда — эта та часть внешнего Космоса, что переходит к нам внутрь и становится частью микрокосмоса. Еда — это посредник между внутренним и окружающим мирами» (Гачев, 1995: 49).

Поскольку наряду с пословицами и поговорками загадки, в частности, загадки о пище, входят в паремиологический фонд языка, их контрастивное лингвокультурологическое исследование на материале тувинского и неродственных языков систематизирует данные о структуре и поэтике национального фольклора, позволяет достоверно выделить общие и этноспецифичные особенности, включая евразийский паремиологический континуум (см.: Паремиология на перекрестках ... , 2021; Бредис и др., 2021; Нелюбова, 2022; Зиновьева, Алешин, 2022; Колесникова, 2022).

Основные методы исследования — семантический, интерпретационный, лингвокультурологический анализ, культурологическое комментирование, сопоставительный анализ. При этом главным методологическим принципом мы считаем исследование загадок как знаков языка и культуры, что соответствует главным задачам лингвокультурологического анализа, при котором языковые единицы исследуются как одновременно знаки языка и культуры, как вербальные знаки тех или иных кодов культуры, эксплицируются языковые особенности единиц, устанавливается и сравнивается при контрастивном исследовании их характеристика как знаков культуры (Ковшова, 2021: 16–18; 58). Опыт контрастивного лингвокультурологического анализа загадок был апробирован авторами на материале тувинского, татарского, русского и испанского языков (Чеснокова, Усманов, 2022).

При отборе материала для данной статьи авторы исходили, в первую очередь, из сплошной выборки загадок о пище и идущих в пищу продуктов из изданий о тувинском фольклоре¹, в т. ч. монографии Г. Н. Курбатского (Курбатский, 2001), тувинских загадок с сайтов², на основании чего для идентичных или сходных отгадок-энигматов³ был обследован тематически аналогичный русский материал⁴. Таким

¹ Тувинские загадки = Тывы тывызыктар: Литературно-художественное издание / сост. Г. Н. Курбатский. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2021.

² Тувинские загадки [Электронный ресурс] // Инфоуроки. URL: <https://www.infouroki.net/tuvinskie-zagadki-tyva-tyvuzyktar.html> (дата обращения: 14.07.2022); Тывызык моорейи «Тывызыым дытта, тоолум дошта» [Электронный ресурс] // Инфоуроки. URL: <https://infourok.ru/tivizik-mooreyi-tiviziim-ditta-toolum-doshta-1011205.html> (дата обращения: 24.07.2022); Тывызыктар (Күс, ногаа) [Электронный ресурс] // Образовательная социальная сеть. URL: <https://nsportal.ru/nachalnaya-shkola/dlya-kompleksov-detskii-sad-nachalnaya-shkola/2019/10/15/tyvuzyktar-kus-nogaa> (дата обращения: 23.07.2022); Радуга Тувы. Детский литературный сайт [Электронный ресурс] // Радуга Тувы. Детский литературный сайт URL: <http://tuvacheleesh.ru/> (дата обращения: 23.07.2022)..

³ Лексема «энигмат» происходит от латинского *aenigma* 'загадка' и означает отгадку или загаданный объект действительности.

⁴ Загадки русского народа: Сборник загадок, вопросов, притч и задач / вступ. статья, ред. и примеч. В. П. Аникина; сост. Д. Н. Садовников. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1959; Сборник загадок: Пособие для учителя / сост. М. Т. Карпенко. М.: Просвещение, 1998; Загадки народов России: для шк. возраста / сост. Т. Климова; рис. В. Богдановой. М.: Росмэн; Росмэн-пресс, 2001; Русский фольклор. Сборник мифов, былин, сказок, песен, загадок, пословиц и поговорок / сост., вступ. статья и комментарии В. Модестова. М.: Художественная литература, 2007; Русские народные загадки. Томск: ТомСувенир, 2017; Лысаков В. Г. 1000 загадок. М.: Изд-во АСТ, 2022; Загадки про чай [Электронный ресурс] // Загадки с ответами для детей и взрослых. URL: <https://zagadka-otvet.ru/zagadki-pro-chaj.html> (дата обращения: 14.07.2022); Загадки с ответами в рифму про голубику [Электронный ресурс] // Сайт MillionZagadok.ru. URL: <https://millionzagadok.ru/rifma/golubika.html> (дата обращения: 19.07.2022); Загадки про чай [Электронный ресурс] // Загадки с ответами для детей и взрослых. URL: <https://zagadka-otvet.ru/zagadki-pro-chaj.html> (дата обращения: 14.07.2022); Загадки про орехи (для детей) [Электронный ресурс] // Зоо клуб. Мегаэнциклопедия о животных. URL: <https://zooclub.ru/skazki/zagadki/zagadki-pro-orehi.shtml> (дата обращения: 19.07.2022); Загадки с ответом «орех» в рифму [Электронный ресурс] // Сайт «Загадки про...». URL: <http://zagadki-pro.ru/zagadki-s-otvetom-oreh/otvet-v-rifmu/> (дата обращения: 19.07.2022).

образом, в статье сопоставляются описания сходных тувинских и русских отгадок-энигматов по критериям образности и культурной маркированности.

Для представления о динамике загадки в обеих лингвокультурах авторы использовали не только традиционные фольклорные загадки, но и современные авторские тексты. Собранный таким образом материал и составил эмпирическую базу нашего исследования.

Для удобства изложения материала имеющиеся в нашей картотеке загадки мы объединили в несколько групп: загадки о злаках, загадки о соли, чае, дикоросах, орехах, луке, саране (саранке), загадки о молочных продуктах, загадки о яйце, мясных продуктах, загадки об алкоголе. Для интерпретации стратегий представления пищи в загадках были применены положения системной лингвистики Г. П. Мельникова и прежде всего положение о том, что различия в языковых коллективах, условиях общения и внеязыковом сознании обуславливают нетождественность коммуникативной функции (Мельников, 2000).

Географические, исторические, социологические различия, сложившиеся производственные отношения и отношения с окружающей средой обусловили различия способов отражения действительности в тувинском и русском языках, что воплощено в национальных образах мира.

В этногенезе тувинцев прослеживается влияние древнейших автохтонных племен, тюрков и монгольских племен (Республики России: ... , 1999: 97). Этносом тувинцы стали на рубеже XVII-XVIII веков, когда сформировалось общее название племен Тувы *тыва кижы* (Маннай-оол, 2004: 141; Ламажаа, 2018: 18). В типологическом плане тувинский язык обнаруживает как свойственные сибирским тюркским языкам черты, так и собственные типологические характеристики выражения универсальных языковых категорий (см., напр.: Сат, 1955; Ооржак, 2016; и др.¹).

Современная русская лингвокультура имеет исконные восточнославянские корни и является уникальным синтезом контактов различных народов и языков. Русскоязычная лингвокультура России охватывает лингвокультуру этнических русских, а также представителей других этносов Российской Федерации, подавляющее большинство которых владеет русским языком, в том числе тувинцы Тувы (Ламажаа, 2021).

Загадки о злаках

Просо — один из самых распространенных хлебных злаков как у тувинцев², так и в виде пшена у русских. Лингвокультурологически примечательно, что во всех тувинских загадках о просе реалистично отображается факт, что просо произрастает в засушливых и полусушливых районах, откуда многочисленные сравнения с трудным протариванием дороги через песок и гальку.

В тувинских загадках о просе, в соответствии с признаковой, по Г. П. Мельникову, детерминантой тюркских языков, уделяется внимание мельчайшим деталям, поэтому ответами загадок становятся не только метафоризируемое просо *тараа* как таковое, как в следующих примерах:

<p><i>Кудууртан келген мен, Кумдан, сайдан келген мен, Кумдан, сайдан келзе-даа, Кумга, сайга бараптаан мен³.</i></p>	<p>С нижних мест пришел я, через песок и гальку пришел я, Хотя через песок и гальку пришел, В песке и гальке не испачкался я⁴.</p>
--	---

¹Цыбенова, Ч. С. Современная языковая ситуация в Республике Тыва: автореф. дисс. ... канд. филол. н. М., 2013.

²Монгуш Л. К. Эколого-биологические особенности проса (*Panicum miliaceum* L.) и традиции его возделывания в Центральной Тыве: дисс. ... канд. биол. н. Улан-Удэ, 2012.

³Тувинские загадки = Тывы тывызыкгар: Литературно-художественное издание / сост. Г. Н. Курбатский. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2021. С. 81.

⁴Там же.

<p>— Кайыын келдиң? — Куман, сайдан келдим. — Кумга, сайга чоп бораппадың? Бистиң черниң чаны ындыг¹.</p>	<p>— Откуда пришел? — Из мест с песком и галькой пришел. — Почему ты не испачкался в песке и гальке? — Такова привычка нашей земли².</p>
---	--

Ответами выступают также «рост и созревание проса», «созревший просяной стебель», «созревшее просо на стебле»³, что созвучно принципу преобладания описательных элементов над лирическими, по Г. Н. Курбатскому, в тувинских загадках (Курбатский, 2001: 335) и признаковой детерминанте тюркских языков, по Г. П. Мельникову.

Любопытно, что просо представлено в другой тематической группе тувинских загадок, загадках о природе, как устойчивая тюркская метафора звезд, обнаруженная нами, помимо тувинского, для татарского материала (Чеснокова, Усманов, 2022: 492), что свидетельствует о культурной значимости этого знака для тувинцев и его метафорическом потенциале.

В нашей картотеке оказалось два почти идентичных образца русских загадок о просе, где оно предстает в образе маленькой сущности в золотой кубышке, апеллирующей к цвету знака и его ценности:

*Сидит мышка
 В золотой кубышке⁴.
 Малая малышка,
 Золота кубышка⁵.*

Однако самыми многочисленными из русских загадок о злаках являются загадки об этапах и результатах переработки злакового сырья: хлебе, опаре, тесте (в нашей картотеке из 89 русских загадок о злаках их оказался 21 образец). Практически во всех подобных русских загадках в игровой форме описывается процесс или «событие», по Г. П. Мельникову, высказывания, в соответствии с событийной детерминантой флективных языков (Мельников, 2000: 74–75), убедительным представителем которых является русский язык. Так, например, опара предстает существом без рук и ног, но способным подниматься или лезть в гору:

*Без рук,
 Без ног,
 А одеяло вздымает⁶.
 Без рук, без ног,
 А в гору лезет⁷.*

В следующей русской загадке про хлеб мы видим четыре этапа приготовления хлеба: от просеивания муки и приготовления теста до помещения в печь и получения хлеба:

*Возьму пыльно,
 Сделаю жидко,
 Брошу в пламень,
 Будет как камень⁸.*

¹ Тувинские загадки = Тывы тывызыктар: Литературно-художественное издание / сост. Г. Н. Курбатский. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2021. С. 81.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Загадки народов России: для шк. возраста / сост. Т. Климова; рис. В. Богдановой. М.: Росмэн; Росмэн-пресс, 2001. С. 78.

⁵ Там же.

⁶ Загадки русского народа: Сборник загадок, вопросов, притч и задач / вступ. статья, ред. и примеч. В. П. Аникина; сост. Д. Н. Садовников. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1959. С. 76.

⁷ Лысаков В. Г. 1000 загадок. М.: Изд-во АСТ, 2022. С. 210.

⁸ Русские народные загадки. Томск: ТомСувенир, 2017. С. 54.

Событийна и следующая загадка про муку:

Белая беляна

По полю гуляла,

Домой пришла, по рукам пошла¹.

В русских загадках про блины также представлен процесс их приготовления. Подсказкой является то, что жидкое тесто «наливают» на сковороду, а по готовности «сдирают» и «накладывают другой».

Поставлю — попарю,

Выну — поправлю,

этот сдеру, другой наложу².

Что на сковороду наливают

Да вчетверо сгибают?³

Пельмени в русских загадках сравниваются с «овечками». Так, мы нашли три вариации такой загадки:

Бежали овечки

По калиновому мосту,

Увидели грозу (огонь) —

Кинулись в воду⁴.

Таким образом, доминирующим знаком в тувинских народных загадках оказывается просо, в русских — пшено, пшеница, ячмень, овес, продукты их переработки и их описания. Тувинские отгадки отличаются от русских детальностью ответов, тогда как русские отгадки загадок о злаках и продуктах их переработки, как правило, однословные.

Загадки о соли

Соль — необходимый элемент кухни любого народа; для жизни кочевника и скотовода соль имеет огромное значение, откуда, на наш взгляд, следующий мифологизированный зооморфный образ соли и чая в тувинской загадке, апеллирующий к представлению о величии льва, когда коричневый цвет его желчи символизирует чай, а горечь — соль:

<i>Амдан киирер арзылаң өдү⁵.</i>	<i>Вкус придает львиная желчь⁶.</i>
--	--

Вот как пишет о чае с солью Г. Н. Курбатский: «Чай без соли — не чай»: «*Дузу-ла чок кара шайдээш, // ижер, шипес, олур, сен бе?*» — Выпивая чай без соли, думаешь, пить или не пить?» (Курбатский, 2001: 27–28).

Событийность происхождения соли из воды, в соответствии с событийной детерминантой русского языка, по Г. П. Мельникову, находим в русском материале. При этом любопытна персонификация родственных отношений соли и воды. Вода — мать соли, которая одновременно ее порождает («от воды родится») и убивает («мать свою увидит — и умрет»):

От воды родится,

Воды боится⁷.

¹ Русские народные загадки. Томск: ТомСувенир, 2017. С. 54.

² Там же. С. 56.

³ Загадки русского народа: Сборник загадок, вопросов, притч и задач / вступ. статья, ред. и примеч. В. П. Аникина; сост. Д. Н. Садовников. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1959. С. 82.

⁴ Там же.

⁶ Тувинские загадки = Тывы тывызыклар: Литературно-художественное издание / сост. Г. Н. Курбатский. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2021. С. 61.

⁷ Там же.

*От воды родится
И в воду годится,
Мать свою увидит —
И умрет¹.*

Признаковость тувинского загадкового материала о соли контрастирует с событийностью русских загадок. При этом соль в тувинском материале реалистично связана с чаем, который без соли, в соответствии с тувинской традицией, не оказывается настоящим чаем.

Загадки о чае

Потребление чая как тувинцами, так и русскими, не является исконным обычаем (Коростелева, 2020; Кожаяк, Ликтан, 2018). Тем не менее, оно стало традиционным. В настоящее время в жизни как тувинцев, так и русских чай является одной из составляющих этнокультурной идентичности. У обоих народов имеются свои способы заваривания чая.

Вот, например, как биоморфно представлены в тувинской загадке варка и кипение чая: «Множество людей окружили чайники, пена людская бурлит, бурый жеребец иноходит»².

Сакрализация чая тувинцами нашла отражение, например, в мифологическом сравнении его в загадке, вместе с солью, с львиной желчью, что было рассмотрено выше, в загадке о соли.

Поэтизация чая и его уподобление растениям запечатлены в следующей тувинской загадке, где вновь наблюдаем внимание к мельчайшим деталям:

<p><i>Чиңге ыяштың бүрүзү, Чиңгир теректиң доорзу³.</i></p>	<p>Тонкого дерева лист, Яркого тополя основание⁴.</p>
--	--

Несмотря на обилие в настоящее время сортов чая, изначально русские использовали именно черный чай, откуда следующая народная загадка:

*Черненко, горяченько,
А все любят⁵.*

Как в народных, так и в современных русских загадках часто подчеркивается азиатское происхождение чая:

*Свили меня,
Спеленали меня,
И бросили в Китай-город⁶.
Восточное изобретенье —
К нему желательнo варенье.
Но, если такового нет,
Сойдет и парочка конфет.*

¹ Загадки русского народа: Сборник загадок, вопросов, притч и задач / вступ. статья, ред. и примеч. В. П. Аникина; сост. Д. Н. Садовников. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1959. С. 79.

² Любопытно, что другая отгадка этой загадки — зубы и язык (Курбатский, 2001: 28), иллюстрирующая омонимию загадок, что может стать отдельной темой в их изучении.

³ Тувинские загадки = Тывы тывызыктар: Литературно-художественное издание / сост. Г. Н. Курбатский. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2021. С. 63.

⁴ Там же.

⁵ Загадки народов России: для шк. возраста / сост. Т. Климова; рис. В. Богдановой. М.: Росмэн; Росмэн-пресс, 2001. С. 34.

⁶ Загадки русского народа: Сборник загадок, вопросов, притч и задач / вступ. статья, ред. и примеч. В. П. Аникина; сост. Д. Н. Садовников. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1959. С. 86.

*Напитка и в жару нет лучше,
Да и на Севере зимой:
Он в зной облежит Вашу душу,
Согреет зимнею порой¹.*

Очевидно, что лейтмотивом тувинских загадок о чае выступает его сакрализация, поскольку в течение долгого времени чай был привычным средством утоления голода для кочевников, тогда как русские загадки о чае в основном развлекательно-дидактические.

Загадки о дикоросах

К загадкам о чае примыкают многочисленные загадки о дикоросах: растениях и ягодах, используемых при заваривании чая и идущих в пищу. Вот образец русской загадки, которая реалистично отражает возможность заваривания и целебные свойства настоя из цветов и ягод:

*Смесь из листьев и цветов
Заварил, и он готов²!*

Традиции собирательства, свойственные тувинцам как кочевому народу (Даржа, 2016; Бакаева, Баянова, Куканова, 2020), обусловили их особую спаянность с природой, любовь к природе, глубокое знание целебных свойств растений. Так, пион традиционно использовался тувинцами как тонизирующее средство³, отсюда загадки о метафоризируемых семенах дикого пиона, растущего только в тайге; марьина корня (*Шенне чинчизи*)⁴, где *барба* — вьючный мешок, что создает в загадковом тексте ореол кочевого образа жизни тувинцев и общий этноспецифичный фон загадки:

<i>Барба ишти кызыл кажык⁵.</i>	В кожаном барба красные лодыжки ⁶ .
--	--

Вот образец загадки о цветке дикого пиона (*Шенне бажы*), поэтически перечисляющей его украшения:

<i>Кыдат кожаалыг, Мундаазын шурулу⁷.</i>	С лентой, по-китайски отделанной, С ярко светящимися бусами ⁸ .
--	---

Современная русская загадка про пион скорее развлекательна и строится на аллитерации, а отгадку легко подсказывает рифма:

*Пышный, круглый как кочан,
Головой нам покачал.
Летом расцветает он,
Замечательный... (пион)⁹.*

¹ Загадки про чай [Электронный ресурс] // Загадки с ответами для детей и взрослых. URL: <https://zagadka-otvet.ru/zagadki-pro-chaj.html> (дата обращения: 14.07.2022).

² Там же.

³ Кожаяк М. С., Ликтан В. Т. Традиционная технология приготовления тувинского чая // Актуальные проблемы исследования этноэкологических и этнокультурных традиций народов Саяно-Алтая: материалы V-й международной научно-практической конференции молодых ученых, аспирантов и студентов. Кызыл: Изд-во ТувГУ, 2018. С. 47.

⁴ Шенне 'пион' — одно из распространенных тувинских женских имен.

⁵ Тувинские загадки = Тывы тывызыктар: Литературно-художественное издание / сост. Г. Н. Курбатский. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2021. С. 86.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 143.

⁸ Там же.

⁹ Сборник загадок: пособие для учителя / сост. М. Т. Карпенко. М.: Просвещение, 1998. С. 28.

Земляника, а также клубника *честек-кат* предстает в сборнике тувинских загадок сущностью в «ярко-красном шёлковом халате»:

<p><i>Чиңгир кызыл торгу тоннуг, Чигир-чимис амданныг¹.</i></p>	<p>В ярко-красном шёлковом халате, С сахарно-фруктовым вкусом².</p>
--	--

В русской загадке земляника загадывается как «алый огонек»:

*На припеке у пеньков
Много тонких стебельков.
Каждый тонкий стебелек
Держит алый огонек.
Разгибаем стебельки —
Собираем огоньки³.*

В следующей русской загадке дается менее метафоричное, но более подробное описание земляники; дана подсказка в виде этимологии слова «земляника» («имя дала мне родная земля»). Ягоду называли так потому, что плоды её висят близко к земле. Также дается отсылка к месту произрастания ягоды — кустам с тонким стеблем («на тоненькой ножке»). Помимо этого, подсказкой выступает вид («событие», по Г. П. Мельникову) сбора ягод: «кто любит меня, тот и рад поклониться», «плетут для меня кузовки и лукошки»:

*Я капелька лета
на тоненькой ножке.
Плетут для меня
кузовки и лукошки.
Кто любит меня,
тот и рад поклониться.
А имя дала мне
родная земля⁴.*

В обеих лингвокультурах есть загадки про смородину, как красную, так и черную. В тувинской загадке красная смородина загадывается как «бусы» из-за круглой формы и блестящего вида, т. е. внимание вновь фокусируется на качествах:

<p><i>Чинчи ышкаш боттуг, Чигир ышкаш амданныг⁵.</i></p>	<p>Сама как бусы, Как сахар, вкусная⁶.</p>
---	---

В русской лингвокультуре красная и черная смородина предстают сестрами, которые меняют цвет при «событии» созревания:

*Две сестры летом зелены,
К осени одна краснеет, другая чернеет⁷.*

¹ Тувинские загадки = Тывы тывызыктар: Литературно-художественное издание / сост. Г. Н. Курбатский. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2021. С. 87.

² Там же.

³ Сборник загадок: пособие для учителя / сост. М. Т. Карпенко. М.: Просвещение, 1998. С. 28.

⁴ Там же. С. 29.

⁵ Тувинские загадки = Тывы тывызыктар: Литературно-художественное издание / сост. Г. Н. Курбатский. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2021. С. 86.

⁶ Там же.

⁷ Загадки народов России: для шк. возраста / сост. Т. Климова; рис. В. Богдановой. М.: Росмэн; Росмэн-пресс, 2001. С. 79.

Особый культурологический интерес вызывает сравнение тувинцами в загадке плодов красной смородины, свисающих с кустов, с «навешанным мясом». Ягоды и съедобные растения были и остаются неотъемлемой частью рациона тувинцев (Ондар, 2016), отраженного в различных жанрах фольклора (Бакаева, Баянова, Куканова, 2020), поэтому не удивительно, что спелые плоды красной смородины вызвали ассоциации с навешанным на кусты мясом, а мясо традиционно составляло важную часть рациона кочевников (Павловская, 2022) и неотъемлемую часть тувинской кухни.

<i>Арыг ишти долу аскан эт¹.</i>	В лесу полно навешанного мяса ² .
<i>Хавак артында кызыл эт азып каан тур³.</i>	За пригорком красное мясо навешано ⁴ .

В тувинской загадке про голубику также наблюдается «мясной» образ: *чумур 'сычуг'* — один из отделов желудка жвачных животных (Ооржак, 2019: 78):

<i>Бора талга астым, Бопуакка куттум⁵.</i>	К серому тальнику подвесил В сычуг налил ⁶ .
---	--

В сборниках русских народных загадок нами не обнаружено загадок о голубике; в современных же, часто, авторских, образцах, отгадывающего «подводят к решению» за счет аллитерации и рифмы:

*Что за ягода в лесах
Поспевает на кустах?
Синие плоды, с налётом,
Из Сибири снежной родом.
Плотно гроздьями висят
Привлекая к себе взгляд.
Не брусника, не черника...
А зовут как? ... (голубика)⁷*

Среди тувинских загадок находим загадку про черемуху, где дважды запечатлена лексема *кара* 'черный', образующая зоометафору «черная кабарга» — оленевидное животное, обитающее в Восточной Сибири, Приморском крае от Восточных Гималаев и Тибета до Кореи и Сахалина, а сама загадка апеллирует к спелым костянкам, сравниваемым с камнем, черемухи, имеющим черный цвет:

<i>Кара тооргум ишти Кадыг кара даш-ла⁸.</i>	У чёрной кабарги моей нутро Как твёрдый чёрный камень ⁹ .
---	---

В русской загадке о черемухе описываются этапы цветения растения: от набухания белых почек до созревания черных плодов-костянок, т.е. акцент делается на событийности, по Г. П. Мельникову:

¹ Тувинские загадки = Тывы тывызыктар: Литературно-художественное издание / сост. Г. Н. Курбатский. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2021. С. 86.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Загадки с ответами в рифму про голубику [Электронный ресурс] // Сайт MillionZagadok.ru. URL: <https://millionzagadok.ru/rifma/golubika.html> (дата обращения: 19.07.2022).

⁸ Тувинские загадки = Тывы тывызыктар: Литературно-художественное издание / сост. Г. Н. Курбатский. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2021. С. 87.

⁹ Там же.

*Будто снежный шар бела,
По весне она цвела,
Нежный запах источала.
А когда пора настала.
Разом сделалась она
Вся от ягоды черна¹.*

Во многих тувинских народных ритуалах используется *артыш* ‘можжевельник’ (Монгуш, 2011). У тувинцев *артыш* был главной составляющей ритуала очищения огнем — окуривания дымом тлеющих веток можжевельника. Ритуал был обязателен, а отказ от него расценивался как преступление и заслуживал казни (Даржа, 2016: 126–127).

Как целебное растение можжевельник применяют, в частности, при расстройстве желудка.

В тувинских загадках образно описываются следующие качества можжевельника.

Размер:

<i>Шиви дег ногаан, Шивээ четпээн кыска, Пөш дег ногаан, Пөшке четпээн биче².</i>	Как ель, зеленый, Ниже ели — короткий. Как кедр, зеленый. Ниже кедра — маленький ³ .
--	--

Характерный смолисто-дымчатый запах:

<i>Пар ыяштын чыды чаагай⁴.</i>	У плотного дерева запах ароматный ⁵ .
--	--

Листва и особенности вегетации, подмеченные в древности:

<i>Пар ыяштың чыды чаагай⁶.</i>	У плотного дерева листва обильная, У западной стороны сын нарядный ⁷ .
--	--

В нашей картотеке из имеющихся сборников русских народных загадок не оказалось загадок о можжевельнике. Современные же авторы русских загадок охотно прибегают к можжевельнику как к загадываемому объекту из-за звуковой формы соответствующей лексемы. Вот образец авторской загадки, с подсказкой в виде аллитерации и рифмы:

*Я не чудо-елочка,
Хоть растут иголки.
Шишкоягоды на мне,
Но не братик я сосне,
Не деревья ельника
Кустик — ...?» (можжевельника)⁸.*

Итак, загадки о дикоросах отличаются внешним локализмом тувинских образцов, поэтикой, сопряженной с кочевым образом жизни и восходящими к нему символикой, сравнениями в частности, с мясом, и метафорикой. Игровые образы многих ягод, пиона и можжевельника типичны для тувинской фольклорной традиции и лингвокультуры, а в русской лингвокультуре тяготеют к современным, авторским образцам с рифмой, подсказывающей ответ.

¹ Сборник загадок: Пособие для учителя / сост. М. Т. Карпенко. М.: Просвещение, 1998. С. 51.

² Тувинские загадки = Тывы тывызыкгар: Литературно-художественное издание / сост. Г. Н. Курбатский. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2021. С. 86.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Загадка. Можжевельник [Электронный ресурс] // Сайт Стихи.ру. URL: <https://stihi.ru/2012/06/29/7763> (дата обращения: 19.08.2022).

Загадки об орехах

Сибирский кедр — гордость Тувы (Макунина, 2020). Кедровые орехи исключительно ценны жирами и микроэлементами, легко усваиваются организмом. Тувинские загадки о кедровых орехах включают тексты о кедровой шишке с орехами, где наблюдаем биоморфные и артефактные метафоры. Их главные разновидности — следующие.

Зооморфная метафора быка, сочетающаяся с биоморфной метафорой почек:

<i>Хүрөң бугам чүс бүүректиг¹.</i>	У бурого быка моего сто почек ² .
<i>Көк (кара) бугам бүүрээ чүс³.</i>	У серого (черного) быка моего сто почек ⁴ .

Биоморфная метафора почек:

<i>Дөңгүр кара (көк, куу) чүс бүүректиг⁵.</i>	Лысый черный (серый) с сотней почек ⁶ .
--	--

Артефактная метафора шубы:

<i>Торгу тон кадыннан мен, Толдая тооп олурум⁷.</i>	Шелковую шубу надел я, Покачиваясь, сижу я ⁸ .
--	--

Ядро кедрового ореха, его скорлупа поэтически загадываются через золото и сундук:

<i>Алдыным алдым, Аптаразын кагдым⁹.</i>	Золото взял, А сундук оставил ¹⁰ .
---	--

Один тувинский загадковый текст может объединять образное описание скорлупы («ведро»), пленки, кожицы, семенной кожуры («бумага»), ядра («масло» кедрового ореха):

<i>Чес кочал иштинде — саазын, Саазын иштинде — саржаг¹¹.</i>	Внутри медного ведра — бумага, В бумаге — масло ¹² .
--	--

В следующем образце кедровая шишка загадывается как шкатулка, сам орех — как чесучовая сладость, ядро — как щепотка сахара:

<i>Сырыглыг хааржак иштинде — Чычыына чигир, Чычыына чигир иштинде — Шымчым чигир¹³.</i>	В обшитой шкатулке — Чесучовые сладости. Внутри чесучовых сладостей — Щепотка сахара ¹⁴ .
---	---

¹ Тувинские загадки = Тывы тывызыкгар: Литературно-художественное издание / сост. Г. Н. Курбатский. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2021. С. 84.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 85.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

Для тувинских загадок о кедровом орехе оказывается типичным сопряжение нескольких энигматов в одном тексте: *тоорук, оон сайи, уруну* (кедровая шишка, орех, его скорлупа, ядро); *тоорук, оон казырыы, сайы, кыртыжи, чеми* (кедровая шишка, ее чешуя, скорлупа ореха, семенная кожура, ядро); *тоорук, оон казырыы, сайы, кыртыжи* (кедровая шишка, ее чешуя, скорлупа ореха, семенная кожура)¹.

Таким образом, мы вновь видим удивительное тонкое внимание тувинцев к деталям загадываемых явлений и их спаянность с природой.

Русские загадки про орехи строятся прежде всего вокруг описания лесных орехов (лещины), при этом активны «костюмные компоненты» (термин М. Л. Ковшовой, см.: Ковшова, 2021: 33):

Маленький мужичок

Костяная шубка².

Мальчик-крошка

В костяной одежке³.

Стоит на поле кудрявый Ваня в зеленом кафтане.

Богач не велик, а гостинцами одарит (орешник)⁴.

Он и грецкий, и кедровый

В скорлупе созрел для всех.

Он не синий, не бордовый,

А коричневый... (орех)⁵.

Итак, в тувинских загадках речь идет прежде всего о кедровой шишке и орешках — *тоорук*, а в русских — о лесных орехах, при этом в тувинской лингвокультуре преобладают детальные «признаковые», по Г. П. Мельникову, образные смысловые схемы и сопряжение нескольких энигматов, артефакты таинственности («ящик», «сундук»), а в русской — «костюмные» компоненты. Обе лингвокультуры реалистично отображают в загадковых текстах цвет орехов. Современные русские авторские загадки строятся на рифме, легко подводящей к ответу.

Загадки о луке

Лук в обеих фольклорных традициях предстает овощем с «гадким» характером, способным довести до слез всякого, кто начнет «раздевать» его:

<i>Каѳтангымны доорааш, Ыглай бээр сен⁶.</i>	Верхнюю одежду мою покрошишь, Плакать начнешь ты ⁷ .
<i>Каѳтангызын карттаарга, Карак чажы төгүлдүрер⁸.</i>	Накидку сдираешь — Слёзы начинают литься ⁹ .

¹ Тувинские загадки = Тывы тывызыкгар: Литературно-художественное издание / сост. Г. Н. Курбатский. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2021. С. 85.

² Загадки народов России: для шк. возраста / сост. Т. Климова; рис. В. Богдановой. М.: Росмэн; Росмэн-пресс, 2001. С. 76.

³ Там же.

⁴ Загадки про орехи (для детей) [Электронный ресурс] // Зооклуб. Мегаэнциклопедия о животных. URL: <https://zooclub.ru/skazki/zagadki/zagadki-pro-orehi.shtml> (дата обращения: 19.07.2022).

⁵ Загадки с ответом «орех» в рифму [Электронный ресурс] // Сайт «Загадки про...». URL: <http://zagadki-pro.ru/zagadki-s-otvetom-oreh/otvet-v-rifmu/> (дата обращения: 19.07.2022).

⁶ Тувинские загадки = Тывы тывызыкгар: Литературно-художественное издание / сост. Г. Н. Курбатский. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2021. С. 88.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

*Я вырос на грядке,
Характер мой гадкий:
Куда ни приду,
Всех до слез доведу¹.
 В десять одежек плотно одет,
 Часто приходит к нам на обед.
 Но лишь за стол ты его позовешь,
 Сам не заметишь, как слезы прольешь².*

*Сидит дед
Во сто шуб одет.
Кто его раздевает,
Тот слезы проливает³.*

Замечание М. Л. Ковшовой о том, что для всех русских народных загадок о луке характерен «костюмный» код и образ плача от лука (Ковшова, 2021: 80–81) справедливо и для тувинского загадкового материала.

Следовательно, тувинские, и русские загадки о луке объединяют костюмные коды (гипероним «одежда» и гипонимы типа «накидка» у тувинцев, «шуба» у русских), намек на физиологически естественные слезы от этого важного для питания овоща.

Загадки о саранке

К загадкам о луке примыкают загадки о саранке (саране), хорошо знакомой тувинцам и другим кочевым народам (Монгуш, Майны, 2019).

В следующих загадках мы видим ботаническое описание саранки, также называемой лилией кудреватой: свисающие цветки округлой формы, длинные и крупные тычинки, небольшой размер луковичы, также место произрастания и ареал распространения.

<i>Бодум борбай, Салым сарбай, Бажым салгай⁴.</i>	<i>Самая я округлая, Усы мои растопыренные, Голова моя ветвистая⁵.</i>
--	---

<i>Дагда чаңгыс дайнам⁶.</i>	<i>На горе на один укус⁷.</i>
---	--

Общий локальный биосферный фон Тувы отражают загадки о метафоризируемой в биоморфную сущность саранке, широко представленной в различных жанрах фольклора тувинцев (Бакаева, Баянова, Куканова, 2020: 293, 295).

<i>Шалбааяктыг шалдаң, хоо, Хадыңан шалдая дөөп олурум⁸.</i>	<i>Болотисто-голая, оо. Березово-голая сижу я⁹.</i>
---	--

¹ Сборник загадок: пособие для учителя / сост. М. Т. Карпенко. М.: Просвещение, 1998. С. 27.

² Там же.

³ Загадки народов России: для шк. возраста / сост. Т. Климова; рис. В. Богдановой. М.: Росмэн; Росмэн-пресс, 2001. С. 75.

⁴ Тувинские загадки = Тывы тывызыктар: Литературно-художественное издание / сост. Г. Н. Курбатский. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2021. С. 87.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

<p><i>Бора моруктуг, Сарыг тарбаганныг, Хүлүк мегелиг¹.</i></p>	<p>С серым барсуком, С желтым сурком, С бронзовым борцом².</p>
--	---

Поскольку саранка является растением луковичным, в загадках о ней, как и в загадках о луке, мы наблюдаем артефактную метафору — «тысячеслойная доха» (шуба), которая может являться отсылкой к луковице растения, образованной жёлтыми чешуйчатými листьями. Лентами же являются тонкие цветки саранки.

<p><i>Тос каът торгу тоннуг, Чеди кырлыг чиңзелиг³.</i></p>	<p>В тысячеслойной дохе, С тысячей лент⁴.</p>
--	--

Таким образом, загадки о саранке присутствуют в тувинской фольклорной традиции и не характерны для русской лингвокультуры.

Загадки о молочных продуктах

Народы Центральной Азии расценивают молочные продукты (масло, кумыс, пенки и т. д.) «священной белой пищей» — *ак чем* у тувинцев. Тувинцы считают, что молочные продукты обладают чистотой, наделяются очищающей и воспроизводящей силой (Шараева, Айыжы, 2019: 142).

Как в тувинских, так и русских загадках про молоко присутствует подсказка в виде белого цвета отгадываемого объекта и его сладости:

<p><i>Адаа — туң сагаан, Үстү — үзүм чигир⁵.</i></p>	<p>Низ белый, как раковина. Верх как изюма сладость⁶.</p>
---	--

*Чиста, да не вода;
Клейка, да не смола;
Бела, да не снег;
Сладка, да не мед;
От рогатого берут
И живулькам дают⁷.*

Среди тувинских загадок находим загадку и про популярный молочный напиток *хойтпак* (тюркское название — *айран*), который представляет собой вид заквашенного в бочке кипяченого молока.

<p><i>Олуттай уруум олура сааттанды⁸.</i></p>	<p>Ленивая дочка моя, сидя, забеременела⁹.</p>
--	---

¹ Тувинские загадки = Тывы тывызыкгар: Литературно-художественное издание / сост. Г. Н. Курбатский. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2021. С. 87.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 63.

⁶ Там же.

⁷ Загадки русского народа: Сборник загадок, вопросов, притч и задач / вступ. статья, ред. и примеч. В. П. Аникина; сост. Д. Н. Садовников. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1959. С. 84.

⁸ Тувинские загадки = Тывы тывызыкгар: Литературно-художественное издание / сост. Г. Н. Курбатский. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2021. С. 64.

⁹ Там же.

Материнское молоко, в отличие от молока коровьего, кормило каждого, что обуславливает сходство тувинской и русской загадок о материнском молоке и приватности, граничащей с сакральностью, его потребления, несмотря на юмористическую тональность русской загадки:

<i>Делгедгеге делген болбас чем¹.</i>	Пища, которую на выставке не выставишь ² .
--	---

*Ни гусь, ни баран,
На столе не бывал,
А всякого питал³.*

Итак, тувинские и русские загадки о молоке, в том числе, о материнском молоке, объединяет значимость молока в жизни человека и аллюзия белого цвета. Среди тувинских образов находим загадковые тексты о местных молочных продуктах, лакунарных для русской лингвокультуры.

Загадки о яйце

Яичный желток в тувинских и русских загадках сравнивает с золотом, а само яйцо — с сундуком и бочонком.

<i>Аптарата — алдын, Алдында — амдан⁴.</i>	В сундуке — золото, В золоте — вкус ⁵ .
---	---

*Нашел я шар, разбил его,
Увидел серебро и золото⁶.*

Примечательно также большое разнообразие русских загадок про яйцо, в которых в «бочонке» находятся два различных вида пива, вина или водки, которые при этом не смешиваются. Мы нашли десять вариаций следующей загадки:

*В беленьком бочонке
Два пивца: бело да желто⁷.*

Таким образом, тувинские и русские загадки о яйце сходны сравнениями с золотом и ёмкостями с различным наполнением.

Загадки о мясных продуктах

Из загадок о мясных продуктах примечательны на наш взгляд, загадки о сале. Сало хорошо известно и тувинцам-кочевникам, и славянам.

Мясо у тувинцев издавна являлось очень ценной пищей (Курбатский, 2001: 25). Считалось, что в пищу можно употреблять практически любую часть убитого животного. Если бедняки зачастую употребляли более жесткое мясо, то более состоятельные люди — бедро задних ног *чода*. Для крайне

¹ Тувинские загадки = Тывы тывызыкгар: Литературно-художественное издание / сост. Г. Н. Курбатский. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2021. С. 45.

² Там же.

³ Русские народные загадки. Томск: ТомСувенир, 2017. С. 58.

⁴ Тувинские загадки = Тывы тывызыкгар: Литературно-художественное издание / сост. Г. Н. Курбатский. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2021. С. 87.

⁵ Там же.

⁶ Загадки русского народа: Сборник загадок, вопросов, притч и задач / вступ. статья, ред. и примеч. В. П. Аникина; сост. Д. Н. Садовников. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1959. С. 85.

⁷ Там же.

бедных людей мясные продукты и вовсе считались роскошью, поэтому случалось, что в пищу они употребляли лишь черный чай, не заправленный молоком, чтобы подавить чувство голода.

Вот тувинские образцы загадок, где сало сравнивается с мягкостью шелка.

<p><i>Иштииртен келген торгум Иштин-даштын тыппадым¹.</i></p>	<p>У шелка из нижней местности Ни лицевой, ни изнаночной стороны Различить не смог².</p>
--	---

<p><i>Эдириниң аан чиирге, Эринге четпейн доңар³.</i></p>	<p>Когда нутряное сало ешь, до губ не дойдя, замерзает⁴.</p>
--	---

Как и сало, в загадках поэтизируется за счет сравнения с драгоценными металлами костный мозг — традиционное лакомство большинства скотоводческих народов:

<p><i>Сөөк иштинде — мөңгүн, Мөңгүн интинде — алдын, Алдын иштинде — амдан⁵.</i></p>	<p>Внутри кости — серебро, Внутри серебра — золото, Внутри золота — вкус⁶.</p>
---	---

Русских народных загадок о сале нами не обнаружено. Есть современные ироничные загадки, отсылающие, например, к ответу о красоте женщины, но подразумевающие любимый славянами вкус сала:

*Кто на свете всех милее,
Всех румяней и белее?*

Ответ: сало⁷.

Загадки о кровяной колбасе, крови в двенадцатиперстной кишке, крови в сычуге свойственны тувинским текстам, отражая традиции тувинской кухни, и не характерны для русского фольклора, что очевидно связано с запретом для православных употреблять ряд продуктов, в том числе с кровью («... только плоти с кровью ее не ешьте» (Быт. 9:3)).

Тувинские загадочные описания продуктов, содержащих кровь, наполнены лирическими образами и представляют собой целую серию вопросов, основанных на образном описании метафоризируемых продуктов и ценности обладаемых ими предметов.

В следующих загадках мы наблюдаем процесс приготовления кровяной колбасы. Кишка (сычуг) метафорично сравнивается с шубой, а кувшин с чаем означает кровь, залитую в кишку. «Сало во рту» также отсылает к процессу изготовления кровяной колбасы — один конец колбасы обертывали пластом нутряного сала (Курбатский, 2001: 26).

¹ Тувинские загадки = Тывы тывызыктар: Литературно-художественное издание / сост. Г. Н. Курбатский. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2021. С. 61.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Загадки про сало [Электронный ресурс] // Сайт KidsClever. URL: <https://kidsclever.ru/content/zagadki-pro-salo> (дата обращения: 29.07.2022).

<p><i>Доңуп өлген бе дээрге, Негей тоннуг, Суксап өлген бе дээрге, Доңзуу шайлыг, Аштап өлген бе дээрге, Аксында чаглыг, Ыттан корткан бе дээрге, Сөөрткен ыаштыг¹.</i></p>	<p>Скажешь, что замерз, Но в овчинной шубе, Скажешь, что от жажды умер, А у него кувшин с чаем, Скажешь, что от голода умер, Но во рту сало, Скажешь, что собаки испугался, А навьючен дровами².</p>
--	---

Также в тувинских загадках про кровяную колбасу мы встречаем метафоры *далай* и *хөл* («море» и «озеро») (вода, в которой варится кровяная колбаса).

<p><i>Суксаан бе дээрге, Суг далай ортузунда, Аштаан бе дээрге, Аксынды ак чаг ызырып алган³.</i></p>	<p>Жаждет, что ли, А посреди моря, Голоден, что ли, А ртом белое сало закусил⁴.</p>
--	--

<p><i>Суксаан бе дээрге, Суг далай (хөл) ортузунда, Аштаан бе дээрге, Ак чаг богааланган, Ыттан корткан бе дээрге, Бяш сөөрткен, Аъттан чадаглаан бе дээрге, Агамчы куржанган⁵.</i></p>	<p>Жаждет, что ли, А посреди моря (озера), Голоден, что ли, А белым салом обвязан, Собак боится, что ли, А палку волочит, Без коня остался, что ли, А арканом опоясан⁶.</p>
--	--

Приведем для сравнения образец современной любительской русской загадки про колбасу:

*Для бутерброда то важно
У диетологов вреда
Больше химии, чем мяса,
Это ... ведь наша. (Колбаса)⁷.*

Данный образец и им подобные не содержат образности и построены скорее на житейском опыте и юморе.

Обилие тувинских загадок о мясных продуктах, в том числе содержащих кровь, контрастирует с русским загадковым материалом. Детализация подробностей приготовления мясных продуктов, содержащих кровь, на наш взгляд, соответствует «признаковой» детерминанте тюркских языков.

¹ Тувинские загадки = Тывы тывызыктар: Литературно-художественное издание / сост. Г. Н. Курбатский. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2021. С. 61.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 62.

⁶ Там же.

⁷ Колбаса, сосиски, мясо, мясопродукты в загадках [Электронный ресурс] // Сайт «ПараФраз детворе». URL: <https://deti.parafraz.space/kolbasa-sosiski-myaso-myasoproduktyi-v-zagadkah/> (дата обращения: 28.07.2022).

Загадки об алкоголе

Загадки о водке и спиртных напитках мы обнаружили лишь в сборниках русских загадок. Водка и другие подобные алкогольные напитки не были свойственны тувинской гастрономической культуре. В сборнике тувинских загадок мы находим лишь загадку про *хойтпак*, о которой писали ранее. Молочная водка-арага́ изготавливается из хойтпака, ее еще называют «дочь хойтпака» (Курбатский, 2001: 28). Молочный алкогольный напиток *арага́* обязателен при отправлении культа Солнца (Даржа, 2016: 27).

Вот как в русском фольклоре загадывается водка:

Долго кипела

*Да скоро на стол поспела*¹.

В русских пословицах и загадках нередко восхваляются спиртные напитки и приписываются полезные свойства, которыми они в действительности не наделены. Например, в пословице «Спирт — пользительная дурь: душегрейка» говорится о свойстве алкоголя согревать тело, тогда как расширение сосудов в коже и усиленная теплоотдача после употребления алкоголя ведут к ускоренному остыванию организма. Или, например, «Пьян да умен — два угодыя в нем», «Пей до дна — наживешь ума». Данные пословицы также являются ошибочными, поскольку алкоголь приводит к снижению умственной концентрации.

В следующей загадке мы также видим ошибочное народное мнение о пользе алкоголя. Кратковременные живость ума и бодрость тела ведут к последующему истощению организма.

Старухе ноги поднимает,

*Старику глаза протирает*².

Следующая загадка про вино наиболее точно передает последствия чрезмерного употребления алкоголя:

Стоит море

На пяти столбах;

Царь говорит:

«Потеха моя!»

А царица говорит:

*«Погибель моя!»*³.

Загадки об алкоголе присутствуют в русской фольклорной традиции и эпизодичны в тувинской, что связано с традициями народной кухни и пищевыми предпочтениями.

Заключение

Этнолингвистическое содержание и поэтика тувинских и русских загадок о пище закономерно зависят от объективных природно-географических условий, обуславливающих как особенности национальной кухни и доминант народного мировидения, так и от типологических особенностей тувинского и русского языков. Географические, исторические, социологические различия, в том числе сложившиеся производственные отношения и отношения с окружающей средой обусловили различия способов отражения действительности в тувинском и русском языках и представленных в этих языках национальных образов мира. Этнокультурная идентичность тувинцев во многом происходит от традиций кочевого хозяйствования, у русских — от традиций оседлого земледелия.

Тувинские загадки о пище выделяются, в числе прочего, не типичными для русских загадок, сравнениями: соль и чай, например, предстают как «львиная желчь», ягоды сравниваются с мясом. В свою очередь, разнообразие образов мучных изделий свойственно русскому фольклору и не наблюдается в тувинском. При общности некоторых тенденций, например, «костюмного кода» загадок об орехах, при

¹ Загадки русского народа: Сборник загадок, вопросов, притч и задач / вступ. статья, ред. и примеч. В. П. Аникина; сост. Д. Н. Садовников. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1959. С. 86.

² Там же.

³ Там же.

том, что тувинские загадки строятся прежде всего о кедровой шишке и орешках — *тоорук*, а русские — о лесных орехах, разветвлённость отгадок и их соединение в одном загадковом тексте свойственно тувинским образцам и не характерно для русских.

Мы полагаем, что загадки о пище выполняют важную роль традиционных речевых форм и практик в формировании этнокультурной идентичности и тувинцев и русских, и, очевидно, любого этнического сообщества, а их сопоставление на материале различных лингвокультур может служить инструментом эвристического выявления по-гачевски «непохожести» иных народов, единых в своей человечности.

Имеющееся сходство образов, например, почти идентичные тувинские и русские загадки о луке, материнском молоке, яйце, возможно, говорят о некоем континууме загадок о пище и загадок в целом, что составляет тему отдельного исследования. Детализация энигматов типа «рост и созревание проса», «особым образом заквашенное молоко в бочке» выделяет тувинские тексты на фоне русского материала, где представлено многообразие «событий» загадываемых сущностей, что подтверждает положение системной типологии Г. П. Мельникова о признаковой детерминанте тюркских (тувинский язык) и событийной детерминанте флективных (русский язык) языков.

Авторы глубоко убеждены, что включение текстов загадок в вузовские курсы филологических дисциплин может способствовать расширению общегуманитарного кругозора студентов, воспитанию чувства сопричастности к народному творчеству и творческому диалогу культур.

Благодарности

Авторы выражают благодарность анонимным рецензентам за интересные и конструктивные замечания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аникин, В. П. (1959) Д. Н. Садовников и его сборник загадок // Загадки русского народа : сборник загадок, вопросов, притч и задач / ред. В. П. Аникина; сост. Д. Н. Садовников. М. : Изд-во Моск. ун-та. 335 с. С. 3–30.
- Бакаева, Э. П., Баянова, А. Т., Куканова, В. В. (2020) Традиции собирательства в фольклоре калмыков и тувинцев // Новые исследования Тувы. № 4. С. 289–301. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.4.20>
- Бредис, М. А., Иванов, Е. Е., Ломакина, О. В., Нелюбова, Н. Ю., Кужугет, Ш. Ю. (2021) Лексикографическое описание тувинских пословиц: принципы, структура, этнолингвокультурологический комментарий (на европейском паремиологическом фоне) // Новые исследования Тувы. №4. С. 143–160. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.4.11>
- Гачев, Г. Д. (1995) Национальные образы мира: Космо: Психо: Логос. М. : Прогресс. 448 с.
- Даржа, В. К. (2016) Тайны мировоззрения тувинцев-номадов. Кызыл : Правник+. 255 с.
- Зиновьева, Е. И., Алешин, А. С. (2022) Семья в компаративных поговорках тувинского, шведского и русского языков // Новые исследования Тувы. № 1. С. 131–145. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.9>
- Ковшова, М. Л. (2021) Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок: антропонимический код культуры. М. : URSS. 395 с.
- Колесникова, С. М. (2022) Градуальная семантика русских и тувинских пословиц // Новые исследования Тувы. № 1. С. 90–103. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.6>
- Коростелева, В. А. (2020) Чай: традиции и культура [Электронный ресурс] // Чай в историческом, культурном и медицинском аспекте : материалы I научно-теоретической онлайн-конференции с международным участием (Курск, 15 декабря 2020 г.) / отв. ред. А. В. Данилова. Курск : КГМУ. 1 CD-ROM. С. 8–12.
- Курбатский, Г. Н. (2001) Тувинцы в своем фольклоре: историко-этнографические аспекты тувинского фольклора. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 462 с.
- Ламажаа, Ч. К. (2018) Национальный характер тувинцев. М. ; СПб. : Нестор-История. 237 с.
- Ламажаа, Ч. К. (2021) Тува как лимитрофная зона: язык, религия и идентификация тувинцев // Новые исследования Тувы. № 3. С. 178–194. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.3.14>
- Макунина, Н. И. (2020) Леса Тувы: классификация и ботанико-географический обзор // Растительный мир Азиатской России: Вестник Центрального сибирского ботанического сада СО РАН. № 1 (37). С. 40–78.

- Маннай-оол, М. Х. (2004) Тувинцы : происхождение и формирование этноса. Новосибирск : Наука. 166 с.
- Мельников, Г. П. (2000) Системная типология языков. М. : РУДН. 90 с.
- Монгуш, О. С. (2011) Изучение растений Тувы для развития у школьников интереса при изучении раздела «растения» // Вестник Тувинского государственного университета. Вып. 2. Естественные и сельскохозяйственные науки. С. 62–65.
- Монгуш, Л. К., Майны, Б. С. (2019) Этноботанические сборы в коллекциях Национального музе Тувы // Вестник Тувинского государственного университета, Вып. 2. Естественные и сельскохозяйственные науки. № 3. С. 38–50.
- Нелюбова, Н. Ю. (2022) Аксиологические доминанты паремий как типологические маркеры тувинской, русской и французской этнокультур // Новые исследования Тувы. № 1. С. 146–163. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.10>
- Ондар, А. У. (2016) Растительная пища в системе питания тувинцев // Актуальные проблемы исследования этнозоологических и этнокультурных традиций народов Саяно-Алтая : материалы IV международной научно-практической конференции молодых ученых, аспирантов и студентов, посвященная Году гостеприимства в Республике Тыва, Кызыл, 27 июня — 01 июля 2016 года / отв. ред. У. В. Ондар. Кызыл : Тувинский государственный университет. 227 с. С. 66–68.
- Ооржак, Б. Ч. (2016) Реальность настоящего и его отражение в тувинском языке // Вопросы когнитивной лингвистики. № 2. С. 150–157.
- Ооржак, А. Ч. (2019) Названия сосудов (емкостей для хранения), изготовленных из очищенных внутренностей домашнего скота, в тувинском языке // Российская тюркология. № 1–2. С. 74–81.
- Павловская, А. В. (2022) Страсти вокруг мяса, или Пища кочевников. Как еда разделила людей на «своих» и «чужих». М.: Ломоносовъ. 240 с.
- Паремиология на перекрестках языков и культур (2021) / М. А. Бредис и др.; под ред. Е. Е. Иванова, О. В. Ломакиной. М.: РУДН. 246 с.
- Республики России: этноисторические очерки (1999) / науч. ред. Т. В. Батаева. М.: Изд-во «Белый берег». 138 с.
- Сат, Ш. Ч. (1955) Тувинский язык (Краткий очерк) // Тувинско-русский словарь : около 20000 слов / под ред. А. А. Пальмбаха. М. : ГИС. 724 с. С. 615–721.
- Хэйзинга, Й. (2022) Homo ludens: Человек играющий: перевод с нид. Д. Сильвестрова; коммент. Д. Э. Харитоновича. СПб.: Азбука; Азбука-Аттикус. 400 с.
- Чеснокова, О. С., Усманов, Т. Ф. (2022) Образы природы в тувинских, татарских, русских и испанских загадках // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 13. № 2. С. 483–501. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-2-483-501>
- Шараева, Т. И., Айыжы, Е. В. (2019) Чай в традиционной культуре калмыков и тувинцев // Новые исследования Тувы. № 4. С. 140–153. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.4.12>

Дата поступления: 12.08.2022 г.

REFERENCES

- Anikin, V. P. (1959) D. N. Sadovnikov i ego sbornik zagadok [D. N. Sadovnikov and his collection of riddles]. In: *Zagadki russkogo naroda [Riddles of the Russian people]* : A collection of riddles, questions, parables and tasks / ed. by V. P. Anikin; comp. by D. N. Sadovnikov. Moscow, Moscow University Publ. 335 p. Pp. 3–30. (In Russ.).
- Bakaeva, E. P., Bayanova, A. T. and Kukanova, V. V. (2020) Traditsii sobiratel'stva v fol'klоре kalmykov i tuvintsev [The tradition of foraging in Kalmyk and Tuvan folklore]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 289–301. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.4.20>
- Bredis, M. A., Ivanov, Eu. Eu., Lomakina, O. V., Nelyubova, N. Yu. and Kuzhuget, Sh. Yu. (2021) Leksikograficheskoe opisanie tuvinskih posloviц: printsipy, struktura, etnolingvokul'turologicheskii kommentarii (na evropeiskom paremiologicheskom fone) [A lexicographical description of Tuvan proverbs: Principles, structure and an ethno-linguoculturological commentary as compared to European paremies]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 143–160. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.11>
- Gachev, G. D. (1995) *Natsional'nye obrazy mira. Kosmo: Psikhо: Logos [National images of the world: Cosmo: Psycho: Logos]*. Moscow, Progress ; Kul'tura. 480 p. (In Russ.).
- Darzha, V. K. (2016) *Tainy mirovozzreniia tuvintsev-nomadov [Secrets of the Tuvan nomad worldview]*. Kyzyl, Pravnik+. 255 p. (In Russ.)

Zinovieva, E. I. and Alyoshin, A. S. (2022) Sem'ia v komparativnykh paremiakh tuvinskogo, shvedskogo i russkogo iazykov [The family in comparative paremies of Tuvan, Swedish and Russian languages]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 131–145. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.9>

Kovshova, M. L. (2021) *Lingvokul'turologicheskii analiz idiom, zagadok, poslovits i pogovorok: antroponimicheskii kod kul'tury* [Linguoculturological analysis of idioms, riddles, proverbs and sayings: The anthroponymic code of culture]. Moscow, URSS. 395 p. (In Russ.).

Kolesnikova, S. M. (2022) Gradual'naia semantika russkikh i tuvinskikh poslovits [Gradable semantics in Russian and Tuvan proverbs]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 90–103. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.6>

Korosteleva, V. A. (2020) Chai: traditsii i kul'tura [Tea: Traditions and culture]. In: *Chai v istoricheskoi, kul'turnoi i meditsinskoi aspekto* [Tea in historical, cultural and medical aspects] : Proceedings of the First scientific and theoretical online conference with international participation (Kursk, December 15, 2020) / ed. by A. V. Danilova. Kursk, Kursk State Medical University. 1 CD-ROM. Pp. 8–12. (In Russ.).

Kurbatskii, G. N. (2001) *Tuvinty v svoem fol'klora (istoriko-etnograficheskie aspekty tuvinskogo fol'klora)* [Tuvans in their folklore: Historical and ethnographic aspects of Tuvan folklore]. Kyzyl, Tuvan Book Publishing House. 464 p. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2018) *Natsional'nyi kharakter tuvintsev* [National character of Tuvans]. Moscow; St. Petersburg, Nestor-Istoriia. 240 p. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2021) Tuva kak limitrofnaia zona: iazyk, religiia i identifikatsiia naseleniia [Tuva as a limitrophe zone: language, religion and people's identity]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 178–194 (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.3.14>

Makunina, N. I. (2020) Lesa Tuvy: klassifikatsiia i botaniko-geograficheskii obzor [The forests of Tuva: Classification and geobotanical review]. *Rastitel'nyi mir Aziatskoi Rossii: Vestnik Tsentral'nogo sibirskogo botanicheskogo sada SO RAN*, no. 1 (37), pp. 40–78. (In Russ.).

Mannai-ool, M. Kh. (2004) *Tuvinty: proiskhozhdenie i formirovanie tuvinskogo etnosa* [Tuvans: The origin and formation of the Tuvan ethnos]. Novosibirsk, Nauka. 166 p. (In Russ.).

Melnikov, G. P. (2000) *Sistemnaia tipologiia iazykov* [System typology of languages]. Moscow, RUDN. 90 p. (In Russ.).

Mongush, O. S. (2011) Izuchenie rastenii Tuvy dlia razvitiia u shkol'nikov interesa pri izuchenii razdela «rasteniia» [Studying the plants of Tuva for the development of school students' interest in studying the section “plants”]. *Vestnik Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta. Issue 2. Estestvennye i sel'skokhoziaistvennye nauki*, pp. 62–65. (In Russ.).

Mongush, L. K. and Mainy, B. S. (2019) Etnobotanicheskie sbory v kolleksiiakh Natsional'nogo muze Tuvy [Ethnobotanical gatherings in the collections of the National Museum of Tuva]. *Vestnik Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta, Issue 2. Estestvennye i sel'skokhoziaistvennye nauki*, no. 3, pp. 38–50. (In Russ.).

Neliubova, N. Yu. (2022) Aksiologicheskie dominanty paremii kak tipologicheskie markery tuvinskoi, russkoi i frantsuzskoi etnokul'tur [Axiological dominants of paremies as typological markers in Russian, Tuvan and French ethnic cultures]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 146–163. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.10>

Ondar, A. U. (2016) Rastitel'naia pishcha v sisteme pitaniia tuvintsev [Vegetable food in the nutrition system of the Tuvans]. In: *Aktual'nye problemy issledovaniia etnoekologicheskikh i etnokul'turnykh traditsii narodov Saiano-Altai* [Current issues of research on ethnoecological and ethnocultural traditions of the peoples of the Sayano-Altai] : Proceedings of the 4th International science-to-practice conference of young researchers, postgraduate students and students dedicated to the Year of Hospitality in the Republic of Tuva, Kyzyl, June 27 – July 1, 2016 / ed. by U. V. Ondar. Kyzyl, Tuvan State University. 227 p. Pp. 66–68. (In Russ.).

Oorzhak, B. Ch. (2016) Real'nost' nastoiashchego i ego otrazhenie v tuvinskom iazyke [The reality of the present and its reflection in the Tuvan language]. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki*, no. 2, pp. 150–157. (In Russ.).

Oorzhak, A. Ch. (2019) Nazvaniia sudov (emkosti dlia khraneniia), izgotovlennykh iz ochishchennykh vnutrennostei domashnego skota, v tuvinskom iazyke [Names of vessels manufactured from cleaned bowels of livestock in the Tuvan language]. *Rossiiskaia tiurkologiia*, no. 1–2, pp. 74–81. (In Russ.).

Pavlovskaiia, A. V. (2022) *Strasti vokrug miasa, ili Pishcha kochevnikov. Kak eda razdelila liudei na «svoikh» i «chuzhikh»* [Passions around meat, or Nomad food. How food divided people into “us” and “them”]. Moscow, Lomonosov. 240 p. (In Russ.).

Paremiologiia na perekrestkakh iazykov i kul'tur [Paremiology at the crossroads of languages and cultures] (2021) / M. A. Bredis et al. ; ed. by E. E. Ivanov and O. V. Lomakina. Moscow, RUDN Publ. 246 p. (In Russ.).

Respubliki Rossii: etnoistoricheskie ocherki [Republics of Russia: Ethnohistorical essays] (1999) / ed. by T. V. Bataev. Moscow, Belyi bereg. 138 p.

Sat, Sh. Ch. (1955) Tuvinskii iazyk (Kratkii ocherk) [Tuvan language (A short essay)]. In: *Tuvinsko-russkii slovar'* [A Tuvan Russian dictionary] / ed. by A. A. Pal'mbakh. Moscow, State Publishing House of Foreign and National Dictionaries. 724 p. Pp. 615–721. (In Tuv. and Russ.)

Huizinga, J. (2022) *Homo ludens: Chelovek igraushchii* [*Homo ludens: The man playing*] / transl. by D. Silvestrov ; comm. by D. E. Kharitonovich. St. Petersburg, Azbuka ; Azbuka-Attikus. 400 p. (In Russ.).

Chesnokova, O. S. and Usmanov, T. F. (2022) Obrazy prirody v tuvinskikh, tatarskikh, russkikh i ispanskikh zagadkakh [Images of nature in Tuvan, Tatar, Russian, and Spanish riddles]. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 13, no. 2, pp. 483–501. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-2-483-501>

Sharaeva, T. I. and Aiyzhy E. V. (2019) Chai v traditsionnoi kul'ture kalmykov i tuvintsev [Tea in the traditional culture of the Kalmyks and Tuvans]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 140–153. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.4.12>

Submission date: 12.08.2022.

Семантическая типология тувинских пословиц (эмпирический и аксиологический аспекты)

Евгений Е. Иванов

Российский университет дружбы народов, Российская Федерация

Одной из актуальных задач современной паремиологии как отдельной лингвистической дисциплины является семантическое описание пословиц и их классификация на семантические типы по различным критериям. В статье исследуется категоризация семантики тувинских пословиц, дифференцируются и описываются их семантические типы по критерию «отношение к действительности» в эмпирическом и аксиологическом аспектах.

В результате исследования установлено, что пословицы тувинского языка по отношению их содержания к внеязыковой действительности могут в эмпирическом аспекте ей либо противоречить, либо не противоречить. Пословицы, содержание которых не противоречит действительности, подразделяются на номологические и не номологические в зависимости от выражения необходимых vs. случайных, существенных vs. несущественных, регулярных vs. нерегулярных связей между неединичными объектами. Пословицы, не имеющие номологического содержания, разграничиваются на трюистические и не трюистические на основе его общеизвестности vs. не общеизвестности, стереотипности vs. оригинальности, очевидности vs. неочевидности. Пословицы, не имеющие трюистического содержания, выражают в аксиологическом плане либо существенные, либо мало значимые в традиционной картине мира закономерности действительности и по этому признаку дифференцируются на сентенциальные и греггерические.

Ключевые слова: паремиология; пословица; провербиальная семантика; семантическая типология; эмпирический аспект; аксиологический аспект; тувинский язык; тувинский фольклор

Публикация выполнена в рамках проекта D.2-F/S2022 Системы грантовой поддержки научных проектов РУДН.

Для цитирования:

Иванов Е. Е. Семантическая типология тувинских пословиц (эмпирический и аксиологический аспекты) // Новые исследования Тувы. 2022. № 4. С. 317-337. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.22>

Иванов Евгений Евгеньевич — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов. Адрес: 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. Тел.: +375 (29) 691-50-01. Эл. адрес: ivanov-rudn@mail.ru

IVANOV, Eugene Eugenevich, Doctor of Philology, Leading Research Fellow, Department of Foreign Languages, Faculty of Philology, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). Postal address: 6 Miklukho-Maklaya St., 117198 Moscow, Russian Federation. Tel.: +375 (29) 691-50-01. E-mail: ivanov-rudn@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-6451-8111

Semantic typology of Tuvan proverbs (empirical and axiological aspects)

Eugene Eu. Ivanov

Peoples' Friendship University of Russia, Russian Federation

One of the crucial tasks of contemporary paremiology as a separate linguistic discipline is a semantic description of proverbs and their classification into semantic types according to various criteria. The article examines the categorization of the semantics of Tuvan proverbs, differentiates and describes their semantic types according to the criterion "attitude to reality" in the empirical and axiological aspects.

As a result of the study, it has been found that proverbs of the Tuvan language in terms of their content's relation to extralinguistic reality can either contradict or be consistent with it in the empirical aspect. Proverbs, the content of which does not contradict reality, are divided into nomological and non-nomological, depending on the expression of necessary vs. accidental, essential vs. non-essential, regular vs. irregular connections between multiple objects. Proverbs that have no nomological content are classified into truistic and non-truistic in respect of the fact whether it is widely known vs. not well-known, stereotypical vs. original, evident vs. non-evident. In axiological terms, proverbs that do not have a truistic content express either essential or insignificant for the traditional worldview principles of reality. On this basis, they are differentiated into sentential and gregueric.

Keywords: paremiology; proverb; proverbial semantics; semantic typology; empirical aspect; axiological aspect; Tuvan language; Tuvan folklore

The publication was prepared with the support of the RUDN University Scientific Projects Grant System, project № D.2-F/S2022.

For citation:

Ivanov Eu. Eu. Semanticheskaia tipologija tuvinskih poslovits (empiricheskie i aksiologicheskie aspekty) [Semantic typology of Tuvan proverbs (empirical and axiological aspects)]. *New Research of Tuva*, 2022, no. 4, pp. 317-337. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.22>

Введение

Тувинские пословицы еще недостаточно изучены в семантическом плане. Основное внимание уделялось исследованию в них отдельных образов (Болат-оол, Пелевина, 2017; и др.¹), когнитивных и культурных стереотипов (Егорова, Кондакова, Кужугет, 2020), лексико-семантических компонентов (Кечил-оол, Саая, 2016, 2017), а также общему типологическому описанию компонентов их плана содержания — пословичных образов и концептов на европейском паремиологическом фоне (Иванов, Ломакина, Нелюбова, 2021). Когнитивный анализ пословичной семантики в аспекте её категоризации по характеру отражения действительности на материале тувинского языка не проводился.

Новейшие исследования показывают, что от того, насколько адекватно описывается пословичная семантика в плане категоризации действительности, зависит степень аутентичности перевода тувинских пословиц на другие языки (Бредис, Иванов, 2022), верификация национально-культурных особенностей пословиц тувинского народа (Колесникова, 2022; Селиверстова, 2022), характеристика

¹Также см.: Салчак А. М. Образ волка в тувинских и английских пословицах // Символ науки. 2019. № 6. С. 25-27; Чугунекова А. Н. Символика чисел в хакасской и тувинской паремиологии // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 10-2 (37). С. 18-21.

этнокультурной и аксиологической специфики тувинской пословичной картины мира (Ломакина, 2022; Зиновьева, Алёшин, 2022; Нелюбова, 2022), описание структуры тувинских пословиц (Бочина, 2022; Иванов, Марфина, Шкуран, 2022).

Категоризация пословичной семантики традиционно осуществляется по предметно-тематическому принципу, который весьма широко используется на практике в паремиографии различных языков мира. В теоретическом плане предметно-тематический принцип активно применяется при аксиологическом описании пословичной семантики, когда выделение ценностных доминант в пословичной картине мира непосредственно основывается на названиях предметных и/или тематических рубрик в разнообразных сборниках и словарях пословиц, в том числе и тувинских (Ничипорчик, 2015; Нелюбова, Хильтбруннер, Ершов, 2019; Нелюбова, 2019, 2022). Однако такой принцип категоризации пословичной семантики характеризуется известной долей субъективизма, поскольку основан на эвристической дифференциации пословиц, прямо зависящей от предпочтений составителя того или иного их сборника или словаря и имеющей поэтому во многом случайный характер.

В последние два десятилетия развивается понятийно-концептуальный принцип категоризации семантики пословиц, различные аспекты которого используются для дифференциации пословичной картины мира, выделения в ней доминантных и периферийных концептов этнической (национальной) картины мира, репрезентированной в пословицах (Иванова, 2002, 2006), для описания когнитивно-прагматической парадигмы пословичной семантики (Семененко, 2011), для моделирования когнитивно-дискурсивных смыслов, референциально-оценочной типологии пословиц (Абакумова, 2013).

Однако обращение и к предметной, и к понятийной сфере традиционно используется при категоризации лексической и фразеологической семантики, что оправдано её номинативным характером. Семантика пословиц отличается от семантики слов и фразеологизмов, поэтому должна опираться на иные основания. Одной из актуальных проблем современной лингвистической паремиологии является разработка специальных критериев онтологической категоризации пословичной семантики, что позволило бы дифференцировать пословицы на общие семантические классы без использования принципов предметной или понятийной категоризации действительности.

В этой связи при категоризации пословичной семантики может быть использован опыт категоризации семантики афористических единиц, одним из основных классов которых являются пословицы (Иванов, 2019а: 390–391). В качестве основного параметра онтологической категоризации афористической семантики используется её отношение к действительности. На том основании, что в афоризмах выражаются «закономерности связей между неединичными объектами в границах реального мира или одного из вымышленных миров» (Иванов, 2004: 63–64), предполагается, что такие закономерности различаются «по сфере своего действия, по условиям и формам своего проявления, по степени необходимости своего существования, по своему соответствию реальному порядку вещей в мире» (там же: 64). В зависимости от этого дифференцируются группы афористических единиц, в которых выражаются закономерности одного и того же рода, т. е. «семантические типы афоризмов» (Иванов, 2003). Большинство выделенных семантических типов афоризмов имеют нечётко очерченные границы, однако строгую организацию членства (для всех элементов данной категории характерен типичный набор признаков, что позволяет объединять данные элементы в одну категорию). Такой подход представляется полностью применимым и к семантической категоризации единиц пословичного фонда тувинского языка.

Актуальность исследования заключается в том, что категоризация семантики тувинских пословиц позволит не только выявить и описать их типологически значимые семантические разновидности (что методологически необходимо для когнитивного исследования тувинского пословичного фонда), но и диагностировать в тувинском языке группы пословиц, совпадающие по характеру отражения действительности с единицами пословичных фондов других языков (что послужит основанием для сопоставительного изучения семантики тувинских пословиц на широком языковом фоне).

Цель исследования — описать категоризацию семантики тувинских пословиц и установить их основные семантические типы по критерию «отношение к действительности» в эмпирическом и аксиологическом аспектах.

Фактическим материалом для исследования послужили 770 тувинских пословиц и поговорок, отобранные при помощи фронтальной выборки (с исключением повторов и вариантов) из сбор-

ников М. Хадаханэ и О. Саган-оола (1966, 1976)¹ и новейшего сборника Б. К. Будупа (2020)², а также из тувинско-русского словаря под редакцией Э. Р. Тенишева (1968)³ и его современного издания, подготовленного под руководством Э. Р. Тенишева и Д. А. Монгуш (2014)⁴. В качестве иллюстративных примеров привлекались пословицы и поговорки, зафиксированные Г. Н. Курбатским и описываемые им в монографии «Тувинцы в своём фольклоре» (Курбатский, 2001).

Методологической основой исследования послужило современное понимание паремиологии как самостоятельного направления в языкознании (Паремиология в дискурсе, 2015; Паремеиология без границ, 2020; Паремеиология на перекрёстках ... , 2021), основные положения авторской теории пословицы как афористической единицы (Иванов, 2019ab, 2020, 2022), теории пословичной картины мира (Иванова, 2002, 2006), теории когнитивной семантики пословиц (Семененко, 2011; Абакумова, 2013), а также методы и приёмы определения национально детерминированного компонента в составе пословичного фонда языка (Ivanov, Petrushevskaja, 2015; Петрушевская, 2021; Бредис, Иванов, 2021; Иванов, Ломакина, Петрушевская, 2021; Петрушэўская, 2021).

Описание семантики тувинских пословиц базируется на исследованиях содержания единиц пословично-поговорочного фонда тувинского народа в лингвистическом плане (Доржу, 2012; Кечилоол, Саая, 2016, 2017; Болат-оол, Пелевина, 2017; Егорова, Кондакова, Кужугет, 2020; Бредис и др., 2021; Петрушевская, 2022), в аспекте перевода (Чадамба, 2014; Бредис, Иванов, 2022; и др.⁵), в рамках фольклористики (Курбатский, 2001; Цэнгэльский тувинцы ... , 2020; Москвичева, Александрова, Эбзеева 2022), а также на исследованиях этно- и социокультурных реалий Тувы (Будегечиева, 2018; Ламажаа, 2011, 2013, 2021), репрезентированных в пословичной картине мира тувинцев.

Семантические типы пословиц

Категоризация пословичной семантики возможна только по отношению к тем пословицам, которые содержательно не противоречат действительности. Всего можно выделить четыре общих семантических типа таких пословиц по критерию отношения содержания их к действительности с учётом разных аспектов формирования отношения такого рода в рамках пословичной картины мира:

- в аспекте эмпирическом — это пословицы номологические (1) и трюистические (2);
- в аспекте аксиологическом — это грегерические (3) и сентенциональные (4) пословицы.

Связь между семантическими типами носит системный характер, обусловленный категоризацией пословичной семантики по отношению к выражаемой в пословицах действительности.

Все содержательно не противоречащие действительности пословицы дифференцируются в эмпирическом плане по критериям существенности vs. несущественности, необходимости vs. случайности, регулярности vs. нерегулярности проявления выраженных в них закономерностей. Такой набор признаков позволяет максимально объективно разграничить закономерности, которые детерминированы человеческим восприятием и сознательным пересотворением действительности от тех, которые никак не зависят от сознания и воли человека и могут лишь фиксироваться им как объективная данность. Закономерности, в которых проявляются только существенные, необходимые и регулярные связи между неединичными объектами, имеют силу законов, а пословицы, в которых

¹ Тувинские пословицы и поговорки / сост.-пер. М. Хадаханэ, О. Саган-оол. Кызыл: Тувкнигоиздат, 1966. 172 с. (На рус. и тув. яз.); Мудрость народа. Тувинские пословицы и поговорки / сост. М. Хадаханэ, О. Саган-оол. Кызыл: Тувкнигоиздат, 1976. 78 с. (На тув. и рус. яз.).

² Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное изд-во; Радуга Тувы, 2020. 112 с. (На тув. и рус. яз.).

³ Тувинско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968. 648 с. (На тув. и рус. яз.).

⁴ Тувинско-русский словарь. 2-е изд. / рук. Э. Р. Тенишев, Д. А. Монгуш. Кызыл: Тываполиграф, 2014. 648 с. (На тув. и рус. яз.).

⁵ Также см.: Коняшкин А. М., Чадамба Ш. С. О некоторых особенностях введения паремий в художественный текст (на материале русских переводов) // Мир науки, культуры, образования. 2014. № 3 (46). С. 200–202; Коняшкин А. М., Чадамба Ш. С. Проблема перевода тувинских паремий (на материале русских художественных переводов) // Мир науки, культуры, образования. 2014. № 3 (46). С. 202–204; Коняшкин А. М., Чадамба Ш. С. Лингвокультурологический аспект тувинских паремий в текстах русских художественных переводов // Мир науки, культуры, образования. 2017. № 6 (67). С. 616–618.

выражаются закономерности такого рода, квалифицируются как «номологические», т. е. имеющие «номологическую семантику» (Иванов, 2000а). Номологические пословицы являются универсальным семантическим типом, поскольку входят в состав пословичных фондов различных языков (Иванов, 2003: 46–47, 2004: 65).

Пословицы, которые не являются номологическими, различаются в зависимости от общеизвестности vs. не общеизвестности, стереотипности vs. оригинальности, очевидности vs. неочевидности своего содержания. Такой набор признаков позволяет объективно дифференцировать номологические пословицы на две категории в соответствии с двумя типами выраженных в них закономерностей действительности. Одни детерминированы поиском нового в постижении и осмыслении действительности, а другие отражают само собой разумеющиеся явления действительности и воспринимаются как самоочевидная данность.

Закономерности, в которых проявляются общеизвестные, стереотипные и очевидные связи между неединичными объектами, являются базовыми, элементарными в познании действительности. Представления об этих связях можно рассматривать как «эпистемологические примитивы», которые не требуют никаких объяснений (никаких дополнительных знаний о мире для их адекватной интерпретации, кроме тех, что содержатся в высказываниях о таких связях). Совокупность эпистемологических примитивов представляет собой минимум базовых (элементарных, исходных) знаний человека о самом себе и окружающем его мире. Пословицы, в которых выражаются знания такого рода, целесообразно квалифицировать как трюистические (имеющие семантику трюизма¹, см.: Иванов, 2000b).

Строго говоря, трюистические пословицы не несут никакой полезной с эпистемологической точки зрения информации, они не предназначены при употреблении в прямом смысле (с возможным переосмыслением отдельных компонентов) для передачи чего бы то ни было «нового», их содержание безусловно известно каждому (при необходимом условии одинакового уровня знаний и представлений о мире у всех участников речевого акта). Фразы, в которых выражаются базовые, элементарные представления человека о мире, как правило, «являются прототипами пословиц, переосмысливаются целиком, прежде чем стать паремиями» (Иванов, 2000b: 112). Отдельные фразы-трюизмы могут функционировать в качестве структурной части пословицы, а также употребляться в речи самостоятельно как рекуррентные² (Иванов, 2019b). Наличие единиц трюистического содержания в пословичном фонде носит универсальный характер, поскольку фиксируется в различных языках (Иванов, 2003: 52–53, 2004: 65–66).

Пословицы, которые не являются номологическими и трюистическими, дифференцируются в аксиологическом плане в зависимости от выражения существенных (более ценностных) либо мало значимых (менее ценностных) в жизни человека закономерностей действительности на два типа единиц, соответственно, «сентенциональные» и «грегерические». Ранее проведенные исследования показали, что грегерические пословицы встречаются в разных языках и представляют собой один из продуктивных семантических классов афористических единиц (Иванов, 2003: 51–52, 2004: 65).

Термин «грегерический» образован от слова «грегерия» (исп. *gregueria*), придуманного в своё время испанским писателем Р. Гомесом де ла Серна³ и означающего такое литературное изречение, которое содержательно направлено на отражение повседневных, локальных, мелких сторон жизни в отличие от изречений, в которых решаются глобальные, общие проблемы бытия человека и природы⁴. Грегерии широко распространены в художественной литературе как одна из разновидностей жанра литературных изречений. Однако аналогичные по содержанию фразы, в которых говорится о различных «мелочах жизни» не менее широко представлены и в фольклоре (в том числе и в пословицах), где они появились задолго до того, как были названы «грегериями» в испанской литературе (Иванов, 2007: 106).

¹ Трюизм — это общеизвестная, избитая истина, банальность.

² Рекуррентные — это такие сверхсловные единицы (словосочетания или предложения), которые часто повторяются в речи, но не воспроизводятся в ней в готовой форме.

³ Gomez de la Serna, R. Total de gregueries. Madrid: Aguilar, 1955. LXXX, 1534 p.

⁴ Гомес де ла Серна, Р. Грегерии // Гомес де ла Серна, Р. Избранное. М.: Художественная литература, 1983. С. 294–341.

Пословицы, содержание которых не имеет ни номологического, ни трюистического характера и в которых выражаются эпистемологически и аксиологически значимые в жизни человека закономерности объективной действительности, относятся к «сентенциональным». Такая квалификация пословиц указанного содержания основывается на общем, классическом (сформировавшемся ещё в древнеримской культуре и литературе) понимании сентенции как всякого афоризма, в том числе и фольклорного, в котором выражается какая-либо общезначимая мысль¹. Использование понятия и термина «сентенция» применительно к тувинскому языку и фольклору оправдано тем, что пословицы сентенционального содержания встречаются в различных языках и могут рассматриваться как одна из провербиальных универсалий (Иваноў, 2002). Как показали ранее проведенные исследования, пословицы-сентенции представляют собой наиболее распространённый и продуктивный семантический тип афористических единиц (Иваноў, 2003: 51–52, 2004: 65), что подтверждается и тувинским пословичным материалом.

Общие семантические типы пословиц, отражающие категоризацию пословичной семантики по отношению к действительности, можно представить в следующей дихотомической схеме (рис. 1).

Рис. 1. Категоризация пословичной семантики по отношению к действительности (общие семантические типы пословиц).

Fig. 1. Categorization of proverbial semantics in relation to reality (general semantic types of proverbs).

Семантическая типология пословиц по критерию «отношение к действительности» является общей для различных языков мира. Однако в каждом языке специфичны, во-первых, количественная представленность разных пословичных семантических типов, во-вторых, способы и формы их актуализации, в-третьих, их предметно-тематическое содержание и образное выражение. Национально обусловленная специфика реализации различных семантических типов пословиц свойственна и пословично-поговорочному фонду тувинского языка.

Номологические пословицы

Номологические пословицы составляют свыше 9,5% от количества всех проанализированных единиц тувинского пословичного фонда (т. е. каждая десятая тувинская пословица обладает номологической семантикой либо полностью, либо частично – только один из её структурных компонентов). В таких пословицах (образующих основу традиционной протонаучной картины мира) эксплицированы только существенные, необходимые и регулярные связи между неединичными объектами действительности, не зависящие от сознания и воли человека, напр.:

¹ Гаспаров М. Л. Сентенция // Литературный энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1987. С. 375.

- *Мөңгүнде дат чок* ‘У серебра нет ржавчины’¹;
- *Балык бажындан чыдыыр, терек өзээнден ириир* ‘Рыба с головы тухнет, тополь с сердцевины гниёт’²;
- *Бөрү кырыза-даа, джиги чидиг* ‘Волк старый, но зуб — острый’ (ППТН, 93) и т. д.

Номологическая семантика пословиц реализуется только в рамках наивной картины мира (в отличие от неслитных афористических единиц, номологическая семантика которых проявляется также и в научной, и в профессиональной картинах мира, см.: Иваноў, 2000а: 45). Этим объясняется то, что номологические пословицы отражают только такие законы, которые не выходят за рамки эмпирического опыта, не актуализируются вне перцепции, напр.:

- *Адар даң адын кээр, Үнер хүн үнүп кээр* ‘Утро всё равно наступит, И яркое солнце взойдёт’ (ППТН, 82);
- *Далай дүвүнге хол четпес, Таңды бажыңга аргамчы четпес* ‘Рукой дна моря не достанешь, Вершину Танды [горы] не заарканишь’ (ТПП, 158-159);
- *Кижиги ийи катап төрүттүнер эвес* ‘Человек два раза не рождается’ (ППТН, 32);
- *Шаг шаа-биле турбас, Чавылдак көгү-биле чытпас* ‘Траве вечно не зеленеть, Времени на месте не стоять’ (ППТН, 71);
- *Үе кээрге, «адыр» чок, Үер кээрге, чай чок* ‘Времени не скажешь: подожди, Половодью не скажешь повремени’ (ППТН, 55) и т. д.

В подавляющем большинстве тувинских пословиц с номологической семантикой выражаются законы той природной действительности, которая окружает скотовода-кочевника и охотника, напр.:

- *Ак-даа, кара-даа хойнуң эжди дөмей* ‘У белого или чёрного барана мясо одинаково’ (ППТН, 84);
- *Буура кырыыр, Бодаган өзер* ‘Верблюд старится, Верблюжонок растёт’ (ТПП, 34-35);
- *Курт-чажар балыг эндевес, Кускун сек эндевес* ‘Муха чует, где рана, А ворон — где падаль’ (ППТН, 36);
- *Өрттенген сындан ыяш үнер, Өлген өшкүден дүк үнмес* ‘В сгоревшем лесу деревья вырастут, У павшей козы шерсть не вырастет’ (ППТН, 45);
- *Хат чокта, сиген бажы шимчевес* ‘Без ветра трава не зашелестит’ (ППТН, 58);
- *Азыраан мал төне бээр, Арганың аң-меңи төнмес* ‘Домашний скот может кончиться, а зверь в тайге — нет’ (ППТН, 84) и т. п.

Сферой действия законов, выраженных в номологических пословицах, является не только весь окружающий мир (включая физическую и духовную природу человека как один из его материальных объектов), но и область непосредственного восприятия человеком самого себя как личности и как индивида в определённой социальной среде, своих действий, а также своих отношений с внешним миром и своего места в нём. Напр.:

- *Аңчы кижиги одар эндевес, Айбычы кижиги аал эндевес* ‘Охотник знает, где зверь водится, Гонец знает, где аал находится’ (ППТН, 16);
- *Аът болуру кулунундан, Кижиги болуру чажындан* ‘Конь вырастает из жеребёнка, Человек из малого ребёнка’ (ППТН, 17);
- *Кижиги өзер, Кидис шөйлүр* ‘Войлок растягивается, Человек растёт’ (ППТН, 32);
- *Көөр каракта согур чок, Дыңнаар кулакта дүлей чок* ‘У зоркого глаза нет слепоты, У чуткого уха нет глухоты’ (ППТН, 109);
- *Кырган кырыыр, аныяк өзер* ‘Старое старится, молодое растёт’³;
- *Пөске от эдектевес* ‘В подоле огонь не носят’ (ППТН, 47) и т. п.

¹ Тувинские пословицы и поговорки / сост.-пер. М. Хадаханэ, О. Саган-оол. Кызыл: Тувкнигоиздат, 1966. С. 140-141. Далее ссылки на издание в тексте будут указываться следующим образом: (ТПП, 140-141).

² Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное изд-во; Радуга Тувы, 2020. С. 20. Далее ссылки на издание в тексте будут указываться следующим образом: (ППТН, 20).

³ Курбатский Г. Н. Тувинцы в своём фольклоре (историко-этнографические аспекты тувинского фольклора). Кызыл: Тувинское книжное изд-во, 2001. С. 85.

Во многих случаях в тувинских пословицах номологическую семантику имеет только какая-либо одна структурная часть, которая используется в качестве аргумента, ссылки на объективно неизменный порядок вещей в мире, эмпирического основания для последующего обобщения, напр.:

— *Аал-оран уттундурбас, Алдын-мөңгүн дадарбас* 'Родимая сторонка никогда не забудется, Золото и серебро не заржавеют' (ППТН, 80), где силу закона имеет вторая часть;

— *Адан (тевелер баштыңы, буура) теведе чыраа чок, Алдар-сайытта ылгал чок* 'У верблюда нет иноходи, У славы — разницы' (ППТН, 81), где номологической является первая часть;

— *Кара баштыг кижги аңдарлыр, Кара чудук аңдарылбас* 'Высохшее полено не зашелестит, Человек, имеющий голову, зашевелится' (ППТН, 103), где номологическая семантика присуща первой части;

— *Кижги өлүр, Алдар өлбөс* 'Человек смертен, Слава бессмертна' (ППТН, 33), где силу закона имеет первая часть;

— *Кургаг ыяш чулук чок, Куруг чугаа дуза чок* 'В сухом дереве сока нет, В пустом слове проку нет' (ППТН, 35), где законом является первая часть;

— *Назын кырыыр, Өжээн кырывас* 'Человек стареет, А месть никогда' (ППТН, 41), где номологическое содержание характерно для первой части;

— *Ужар кушта чилиг чок, Улчумакта уя чок* 'У птицы костного мозга нет, У бездомного — пристанища' (ТПП, 160-161), где силой закона обладает первая часть;

— *Хат улуг-даа болза, хаяны угбас, Хаан бай-даа болза, эдинге пөкпес* 'Ветер хоть и сильный, скалу не поднимет, Хан хоть богатый, золотом не пересытится' (ППТН, 57), где эмпирическим законом является первая часть;

— *Хөй мегелетпес, Хөлеге туттурбас* 'Тень не поймаешь, Народ не обманешь' (ППТН, 59), где силу закона имеет первая часть.

Большинство тувинских пословиц не имеет номологической семантики, поскольку отражает быденную картину мира, в которой фиксируются все проявления действительности, имеющие для человека эмпирическую или аксиологическую значимость.

Напр.:

— *Олут улузу чугаалажып хөөрээр, Чорук улузу ырлажып хөөрээр* 'В юрте веселятся разговорам, В дороге — песнями' (ППТН, 42), где отсутствует существенность (не обязательно всюду «в юрте веселятся», а «в дороге поют»);

— *Авага ажы-төлү артык, Аңчыга алды-киш артык* 'Матери дитё дорого, охотнику — чёрный соболь' (ТПП, 40-41), где отсутствует необходимость (не всякому охотнику «чёрный соболь дорог») и регулярность (не всегда «чёрный соболь дорог»);

— *Өшкен от кывар, өлгөн кижги турбас* 'Огонь угасший разгорится, умершему не возвратиться' (ППТН, 46), где отсутствует регулярность (не всегда «огонь угасший разгорится») и т. п.

Восприятие объективной действительности непосредственно связано с сознанием и волей человека. В этом случае возникает проблема разграничения категорий номологической и неномологической семантики, т. е. пословиц, которые, соответственно, выражают и не выражают законы природы и социума. Формальным критерием такого разграничения можно считать невозможность контрарного перефразирования номологических пословиц без утраты истинности их содержания. Напр.:

— *Көөр каракта согур чок, Дыңнаар кулакта дүлей чок* 'У зоркого глаза нет слепоты, У чуткого уха нет глухоты' (ППТН, 109), ср. «У зоркого глаза есть слепота, У чуткого уха есть глухота» (?!);

— *Кокайга хой кадартна, Хопчуга сөс дыңнатна* 'Волку овец не доверяй, Сплетнику тайн не поверяй' (ППТН, 34), ср. «Волку овец доверяй, Сплетнику тайны поверяй» (?!);

— *Мөңгүнде дат чок* 'У серебра нет ржавчины' (ТПП, 140-141), ср.: «У серебра есть ржавчина» (?!) и т. п.

Номологические пословицы в тувинском языке являются достаточно продуктивным в количественном плане семантическим типом (каждая десятая пословица), обладают спецификой своей актуализации (могут выступать как отдельные единицы, однако как структурные части пословиц используются во вторичной функции аргумента), имеют этнокультурно детерминированное предметно-тематическое содержание (отражают наиболее значимые для кочевого народа законы природы).

Трюистические пословицы

Трюистические пословицы составляют свыше 8,5% от количества всех проанализированных единиц тувинского пословичного фонда (т. е. каждая двенадцатая тувинская пословица является по своему содержанию трюизмом). Напр.:

- *Алгы чугазы ойлуур, Сөөк чугазы сыйлыр* ‘Тонкая кожа рвётся, Тонкая кость ломается’ (ППТН, 14);
- *Аштаза, адын чиир, Суксаза узуп ижер* ‘Чтобы голод утолить, надо дичь застрелить, Чтобы жажду утолить, надо воды попить’ (ППТН, 88);
- *Балды чокта, ыяш чардынмас, Башкы чокта, эртем билдинмес* ‘Без топора не расколоть дрова, Без учителя не понять науки’ (ППТН, 90);
- *Даг бедик-даа болза, кырлыг, Далай терең-даа болза, дүптүг* ‘Гора хоть высока, но имеет пик, Море хоть глубоко, но имеет дно’ (ППТН, 95);
- *Карактыгда көрүп каар, Кажыктыгда кылаштай бээр* ‘На то и глаза, чтобы увидели, А ноги, чтобы дошли’ (ППТН, 104);
- *Сөөк чугазы сыйлыычал* ‘Кость тонкая ломка (хрупкая, ломкая)’ (ППТН, 50) и т. д.

Пословицы-трюизмы предназначены для фиксации и сохранения наиболее очевидных и общеизвестных в рамках традиционной картины мира представлений о действительности, разнообразие которых детерминировано конкретными условиями жизни народа. Совокупность трюистических пословиц и набор репрезентированных в них фактов специфичны для каждого этноса, поскольку отражают как коллективный эмпирический опыт, так и избирательный характер познания и освоения окружающей действительности.

В тувинских трюистических пословицах представлены стереотипные, типичные реалии природных условий Тувы и традиционного образа жизни тувинского народа.

Так, в пословице *Арыг үзүктүг, Арт ажыглыг, Таңды кестиг* ‘Лес имеет проход, Хребет имеет переход, Гора имеет перевал’ (ППТН, 86) дважды говорится о горах («всё, что касалось хребтов и гор, представляло жизненный интерес для скотоводов», Курбатский, 2001: 92) и используется лексический компонент *таңды*, имеющий в тувинском языке два значения ‘1) высокая гора; 2) высокогорная тайга’¹, а также омоним — название вершины горного хребта *Таңды*, особенно часто упоминаемый в тувинском фольклоре (там же: 104).

Ещё в одной пословице трюистического содержания *Дарганга хөрүк херек, Далганга омааш херек* ‘Без горна огонь не раздуешь, Без ложки далган не съешь’ (ППТН, 25) употребляется название традиционной еды тувинцев *далган* ‘муки из жареного ячменя или пшеницы’². Далган представляет собой десерт в национальной тувинской кухне. Как готовить далган, знают все тувинцы.

«Мука крупного помола из поджаренных зерен ячменя или пшеницы — это первейшая после чая еда тувинцев. Зерна ячменя или пшеницы сначала толкут в большой деревянной ступе — согааш, затем провеивают, поджаривают в чугунном котле без масла и снова толкут. При последующем веянии полностью удаляют шелуху, затем мелют ручной каменной мельницей дээрбе. Чтобы приготовить далган, в пиалу высыпается небольшое количество далгана, добавляется топленое масло, сахар по вкусу и заливается небольшим количеством тувинского чая, перемешивается. Подают далган в горячем виде»³.

В трюистической пословице *Дылың-биле дым ужурба, Аксың-биле аал көжүрбе* ‘Языком дерево не срубишь, Словами аал не перевезёшь’ (ППТН, 27) используется слово *аал*, которое является в тувинском языке этнокультурной языковой реалией⁴ и широко употребляется в тувинских пословицах в функции «этнолингвомаркёра традиционной материальной культуры, а также образного репрезентанта фрагмента национальной картины мира тувинского народа» (Бредис, Иванов, 2022: 24). *Аал* — это название традиционного типа поселения кочевого народа. В аале объединялись только родствен-

¹ Тувинско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 406.

² Там же. С. 145.

³ Далган — Республика Тыва [Электронный ресурс] // Russia Travel. Национальный туристический портал. 2022. URL: <https://russia.travel/objects/322979/> (дата обращения: 18.07.2022).

⁴ Доржу Н. С., Очур Т. Х., Чыпсымаа О. О. Краткий справочник этнокультурных языковых реалий Саяно-Алтайского региона (на английском языке): справочное пособие. Кызыл: Изд-во ТувГУ, 2016. С. 10.

ные семьи. Тувинский аал, как правило, состоял из семи-двенадцати юрт (Потапов, 1969: 117–118), поэтому пословичное «перевезти аал» является, о чём известно каждому тувинцу, весьма нелёгким делом и означает переехать всему роду со всем скотом, юртами и утварью на новое стойбище, до которого нужно было ещё добраться без потерь.

В тувинских пословицах довольно часто только одна из структурных частей имеет трюистическое содержание, с которым сравнивается, на которое «опирается» как на очевидный и поэтому неопровержимый факт содержание другой структурной части. Трюизм выступает в структуре пословицы как положение, не требующее доказательства, поэтому всегда занимает место первой структурной части. Напр.:

— *Дыынмасты чаныыр, Дыңнавасты чагыыр* ‘Тупое надо точить, Непослушного надо убедить’ (ППТН, 27);

— *Кадыг черге мал доктаавас, Харам кижээ эш доктаавас* ‘На голой земле скот не пасётся, У скупого человека друзей не заведётся’ (ППТН, 30);

— *Улдуруктуң (бөрү азы ыт) азы чидиг, Улуургактың аксы байбаң* ‘У волка клыки острые, У зазнайки слова пустые’ (ППТН, 53);

— *Үзер буга мыйыс дөгээр, Үлегер билбес күш дөгээр* ‘Бодливый бык рога выставляет, Не умеющий убеждать кулаком машет’ (ППТН, 55);

— *Хүн херелдиг, Күдээ дузалыг* ‘Солнце тепло даёт, Зять — подмогу’ (ППТН, 61);

— *Ээремниң дүвү ырак, Эртемниң дөвү ырак* ‘Глубоко дно моря, Ещё глубже корни знаний’ (ППТН, 78) и т. д.

В ряд фактов упорядоченности действительности, из знания которых состоят базовые (обязательные, общеизвестные) представления человека о себе и об окружающем мире могут входить закономерности, имеющие силу закона (номологические). В основном, это эмпирические законы, знание которых является эпистемологической базой как наивной, так и научной картин мира. Например, тувинская пословица номологического содержания *Мөңгүнде дат чок* ‘У серебра нет ржавчины’ (ТПП, 140-141). Пословицы такого рода нельзя рассматривать как трюистические, поскольку именно существенность, необходимость и регулярность проявления выраженных в них эмпирических законов бытия детерминируют их принадлежность к базовым знаниям человека о мире, а не наоборот. То, что сообщается в трюистических пословицах, как было показано выше, не имеет существенной пользы в плане познания действительности, в то время как информация, которая содержится в номологических пословицах, используется человеком как эпистемологическая основа для построения непротиворечивой картины мира.

Трюистические пословицы в тувинском языке являются относительно мало продуктивным в количественном плане семантическим типом (только каждая двенадцатая пословица), однако достаточно специфичны в плане своей актуализации (редко употребляются в качестве отдельных единиц, но всегда занимают позицию первой части в двухчастных пословицах) и максимально этнокультурно маркированы (все без исключения отражают традиционный образ жизни тувинского народа).

Грегериические пословицы

Грегериические пословицы составляют около 14,5% от количества всех проанализированных единиц тувинского пословичного фонда (т. е. каждая седьмая тувинская пословица является по своему содержанию грегериией). Напр.:

— *Аш быт башка үнер* ‘Голодная вошь на голову лезет’ (ППТН, 88);

— *Баш киргенде, хөрек эрте бээр* ‘Где голова пролезла, грудь обязательно пройдёт’ (ППТН, 91);

— *Болбас тенек бажын үзер, Дендии тенек тейин үзер* ‘У баловника разбитый лоб, У озорника — макушка’ (ППТН, 93);

— *Довурзак-даа — бөрт-түр, Тоолай-даа — аң-дыр* ‘Тюбетейка тоже шапка, Заяц — тоже дичь’ (ППТН, 98);

— *Доора будук тонуң оруптазын, Хажагай будук караң дежиттезин* ‘Поперечный сук может тон¹ порвать, Сухая ветка — глаз проколоть’ (ППТН, 98);

— *Кижиниң малы саарында таңмалыг, кулаанда имниг, Кижиниң кижизи салаазында билзектиг, кулаанда сыргалыг* ‘Скот у хозяина имеет тамга [тавро, клеймо] на боку, отметину на ушах, Жена у мужа имеет кольцо на пальце, серьги на ушах’ (ППТН, 107);

— *Коңганы хойлап-даа аарга, коңгургайны бээр* ‘Колокольчик хоть за пазуху прячь, всё равно звякнет’ (ППТН, 109);

— *Хөмге шивегей херек, Хөрүкке хөмүр херек* ‘Коровьей шкуре шило нужно, Кузнечным мехам — уголь’ (ППТН, 63);

— *Чайда ядыы чок, Кышта коя чок* ‘Летом все нарядны, А зимой все будничны’ (ППТН, 63);

— *Эки эзер аътка чараш, Эскит чок тиг хепке чараш* ‘Хорошее седло украшает лошадь, Искусный узор — одежду’ (ППТН, 76);

— *Элегиже эт харам* ‘До износу вещь дорога’ (ППТН, 77) и др.

В большинстве случаев грегерическая семантика представлена в одной из структурных частей тувинских пословиц и противопоставлена содержанию другой структурной части, в которой сконцентрирован основной пословичный смысл, характеризующийся эмпирической и/или дидактической значимостью. Напр.:

— *Авыралдыг чүве — ава, Аянынг эди — сава* ‘Самый благодетельный человек — мать, Самая хорошая вещь — пиала’ (ППТН, 81);

— *Алгының чымчаа идээзинде, Аъттың чаажы ээзинде* ‘Мягкость кожи зависит от выделки, Ладность коня — от хозяина’ (ППТН, 14);

— *Бажа бажазынга ынак, Өшкү хаязынга ынак* ‘Свояк любит свояка, Козёл любит скалу’ (ППТН, 89);

— *Бак кижиге бак кижиге ынак, Пакаалаар кижиге ыт ынак* ‘Плохой человек отыщет плохого, Собака найдёт человеческий навоз’ (ППТН, 90);

— *Долдайлап болбас, Дорт чугаала. Доора будук Тон орар* ‘Не криви, Прямо говори, А то поперечный сучок Одежду порвёт’ (ППТН, 98);

— *Дус чокта, амдан чок, Тура чокта, күш чок* ‘Не захочешь — силы нет, Не посолишь — вкуса нет’ (ППТН, 27);

— *Дүктүг-даа болза, түлээр, Түрөңги-даа болза, сегиир* ‘И шерсть может вылинять, И бедный — выйти в люди’ (ППТН, 27);

— *Калбак кезек — от чуду, Харам кадай-өг чуду* ‘Толстое полено огонь гасит, Скупая хозяйка дом срамит’ (ППТН, 30);

— *Кидис багы — чымчак, Кижиге багы — килең* ‘Кошма плоха мягкая, Человек плох сварливый’ (ППТН, 32);

— *Кидистиң экизи салыжында, Кижиниң экизи бүдүжүндө* ‘Войлок хорош по выделке, Человек — по воспитанному нраву’ (ППТН, 32);

— *Күжүгенниң тени чидиг, Хүннээчелдиң караа көскү* ‘У занозы конец острый, У ревнивого глаз зоркий’ (ППТН, 36);

— *Негейни кетпеске, соок болур, Эргини билбеске, соора болур* ‘Шубу не надевая — замёрзнешь, Прошлого не зная — споткнёшься’ (ППТН, 41);

— *Өңгүрнүң оңары белен, Өжештиң чарлыры белен* ‘Яркая одежда быстро выцветает, Упрямый человек быстро разлучается’ (ППТН, 45);

— *Сөс сүрерге, шош үнер, Сөөк кагарга, чилиг үнер* ‘Из кости мозг от стука вылетает, Из перебранки ссора возникает’ (ППТН, 50);

— *Сагыштың бичези эки, Саваның улуу эки* ‘Посуда хороша большая, Человек хорош скромный’ (ППТН, 48);

¹ Тон – тувинская национальная шуба, халат или пальто.

- *Тенектиң сөзү анчыг, Теректиң бүрүзү ажыг* ‘У тополя листья горьки, У глупца слова противны’ (ППТН, 51);
- *Узун эдек бутка ораажыр, Узун дыл башка ораажыр* ‘Длинный подол в ногах путается, Длинный язык самого опутает’ (ППТН, 53);
- *Чаашкын келирге, тон өдер, Чаңгы келирге, чаргы үнер* ‘Дождь пойдёт — халат намокнет, Чиновник придёт — тяжбу заведёт’ (ППТН, 62);
- *Чаш малдың оюну чарааш, Чаш уругнуң чаңы чарааш* ‘У козлёнка игры резвы, У ребёнка слова приятны’ (ППТН, 66);
- *Челелиг бызаа арган, Чевен кижги самдар* ‘Привязанный бычок хуеет, Неумелый человек беднеет’ (ППТН, 66);
- *Чидиг балдаа ыяш чымчак, Чиге кижээ шириин чымчак* ‘Острый топор любое дерево срубит, Острослов сурового смягчит’ (ППТН, 67);
- *Чөптүг сөсте буруу чок, Чөремеде сөөк чок* ‘В правдивом слове обиды нет, В чореме¹ костей нет’ (ППТН, 68);
- *Шугум чазарда шыгаар, Шугаар бетинде боданыр* ‘Линейку строгаешь — проверь, говорить начинаешь – подумай’² и т. д.

Отражённые в грегериических пословицах фрагменты действительности находятся на периферии познавательной деятельности человека. Вот почему пословицы-грегерии в некоторых случаях обозначают такие закономерности бытия человека и природы, обнаружение и констатация которых является результатом ярко индивидуального (субъективного) эмпирического опыта или осмысления окружающего мира. Существование подобных закономерностей может восприниматься как вымышленное, поскольку оно выходит за рамки привычных (объективных) представлений о действительности. Тем не менее содержание пословиц-грегерий такого рода остаётся в пределах здравого смысла, они сохраняют своё прямое значение, не переосмысляются в речи. Напр.: *Кыдат сагынганын кылыр, Орус көргенин кылыр* ‘Китаец делает, что вспомнил, Русский — что видел’ (ППТН, 11); *Кышты хыраазындан билир, Чайны шалыңындан билир* ‘Зиму узнают по инею, Лето — по росе’ (ППТН, 111) и т. п.

Грегериические пословицы в тувинском языке являются вторым по количественной представленности семантическим типом (каждая седьмая единица), являются специфичными по своей актуализации (в подавляющем большинстве случаев выступают как структурные части пословиц), однако почти не имеют ярко выраженной национально-культурной маркированности своего предметно-тематического содержания.

Сентенциональные пословицы

Сентенциональные пословицы составляют около 55,0% от количества всех проанализированных единиц тувинского пословичного фонда (т. е. каждая вторая тувинская пословица является по своему содержанию сентенцией). Напр.:

- *Ажылынга кызымак — Амыдыралга ынак* ‘Кто любит труд, Тот любит жизнь’ (ППТН, 14);
- *Артык тенек ағын мактаар, Болбас тенек бодун мактаар* ‘Хвастун хвалит своего коня, Глупец хвалит самого себя’ (ППТН, 16);
- *Далаш иштен ажык үнмес* ‘От торопливой работы нет выгоды’ (ППТН, 96);
- *Кижги — акшаның кулу* ‘Человек — раб денег’ (ППТН, 106);
- *Кижги күжүн кижги тәтпес* ‘Жизненную силу человека никто не сломит’ (ППТН, 106);
- *Кижиниң байы төлүндө* ‘Богатство человека в детях’ (ППТН, 107);
- *Улуг дээш өөрүп болбас, Биче дээш өскелеп болбас* ‘Не радуйся, что много, Не унывай, что мало’ (ППТН, 54);

¹ Чореме – тувинское мясное кушанье в виде колбасы-жгута.

² Тувинско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева. М. : Советская энциклопедия, 1968. С. 581.

— Улустуң улуу чагыглыг, Уругнуң хеймери чассыг ‘Старший в семье всех мудрее, Младший в семье всех милее’ (ППТН, 54) и др.

Сентенциональная семантика может быть также свойственна одной из структурных частей тувинской пословицы. В таком случае эта часть либо вступает в противоречие со второй структурной частью, либо сравнивается с ней, либо опирается на неё, либо исходит из неё, либо вытекает из неё и т. д. Вторая структурная часть в пословице может иметь разное содержание — номологическое, трюистическое, грегериическое (см. выше), однако именно та часть, которая обладает сентенциональной семантикой, является в тувинской пословице основной, центральной, формирующей общий смысл всей паремии.

Напр.:

— Эдин камнаваaska — орлур, Эжин камнаваaska — чарлыр ‘Одежду не беречь — порвётся, Дружбу не беречь — оборвётся’ (ППТН, 74), где часть «об одежде» имеет номологическое содержание, а часть «о дружбе» — сентенциональное;

— Ээремниң дүвү ырак, Эртемниң дөзү ырак ‘Глубоко дно моря, Ещё глубже корни знаний’ (ППТН, 78), где часть «о дне моря» представляет собой трюизм, а часть «о корнях знаний» — сентенцию;

— Бак кижиге бак кижиге ынак, Пакалаар кижиге ыт ынак ‘Плохой человек отыщет плохого, Собака найдёт человеческий навоз’ (ППТН, 90), где часть «о собаке» является по своей семантике грегериией, а часть «о плохом человеке» имеет сентенциональное содержание.

Сентенциональные пословицы в зависимости от того, выражают они закономерности окружающего мира или жизни человека, разграничиваются на две группы, соответственно, «натуралистические» и «антропоцентрические». Такое разграничение, естественно, применимо не только к сентенциональным, но также и к трюистическим и грегериическим пословицам. Однако в отличие от других семантических типов пословиц именно для пословичных сентенций противопоставление натуралистического и антропоцентрического является значимым в плане категоризации действительности, поскольку позволяет не только объективно дифференцировать наиболее крупный в количественном плане семантический тип пословиц, но и структурировать репрезентацию в пословичной картине мира представления о природе и о человеке в их сложной взаимосвязи и взаимообусловленности.

В тувинском пословичном фонде преобладают пословицы-сентенции антропоцентрического содержания (свыше 65%, т. е. две из каждых трёх сентенциональных пословиц). Напр.:

— Ада көрбээнин оглу көөр, Ие көрбээнин уруу көөр ‘Что отец не видел — сын увидит, Чего мать не видела — дочь увидит’ (ППТН, 12);

— Ажылдан дескен түрегге дүжер, Билигден дескен чазыгга дүжер ‘От работы убежишь — в нужду попадёшь, От знания убежишь — ошибку совершишь’ (ППТН, 13);

— Алыры амыр, Бээри берге ‘Взять легко, Отдавать трудно’ (ППТН, 15);

— Диленчиниң дылы чымчак, Колданчының холу эптиг ‘У просящего речь мягкая, У берущего рука гибкая’ (ППТН, 97);

— Каракта хай чок, Кулакта кул чок ‘Глазам не запретишь, Ушам не прикажешь’ (ППТН, 103) и др.

Натуралистическое содержание характерно для тувинских пословиц в меньшей степени (менее 35%, т. е. одна из каждых трёх сентенциональных пословиц). Однако и такой показатель является весьма высоким (например, в русском и в белорусском языках количество сентенциональных пословиц натуралистического содержания не превышает 10%, см.: Иванов, Тарасова, 2008: 191–192). Не меньше трети тувинских сентенциональных пословиц натуралистического содержания имеют прямой смысл, что свидетельствует о высокой степени представленности в тувинской пословичной картине мира непосредственно воспринимаемой человеком окружающей действительности, которая репрезентируется в пословичной семантике в качестве отдельной категории. Напр.:

— Аң оруу — хан, Мал оруу — чаг ‘Путь зверя — кровь, Путь скота — сало’ (ППТН, 15);

— Аът тодарга, хоюганы кончуг анаар, Ыт тодарга, каржызы кончуг анаар ‘Сытый конь очень пугливым становится, Сытая собака очень злой становится’ (ППТН, 87);

— Бөрүнү буттары чемгерер ‘Волка ноги кормят’ (ППТН, 94);

— Бөрүлүг ойну хой эндевес ‘Стадо чувствует ущелье, где есть волки’ (ППТН, 93);

- *Доозун-биле домак чок* 'Стихия приходит неожиданно' (ППТН, 98);
- *Кадыр дагдан Калчаа далай кончуг* 'Разъярённое море Страшнее крутой скалы' (ППТН, 103);
- *Кара черни хар агартыр* 'Чёрную землю забелит снег' (ППТН, 105);
- *Кулунну кудай азыраар* 'Жеребёнка вырастит природа' (ППТН, 109);
- *Күскеге халап, Дииске оюнчук* 'Для мыши смерть, Для кота игрушка' (ППТН, 110);
- *Эки аът орук часпас, Өдүрек куш хөл часпас* 'Хороший конь не собьётся с дороги, Утка не пролетит мимо озера' (ППТН, 75) и др.

Натуралистические образы часто используются в сентенциональных тувинских пословицах для выражения антропоцентрического содержания, напр.:

- *Авдың чок-даа болза, Аргамчың белетке* 'Готовь аркан, Если даже нет коня' (ППТН, 13);
- *Кижги экизи — хун, Кижги багы — дүн* 'Человеческая доброта — тёплый день, Коварство — тёмная ночь' (ППТН, 109);
- *Кижги сеткили даштан кадыг, хөвөңден чымчак* 'Душа человека может быть твёрже камня, мягче пуха' (ППТН, 107) и т. п.

Типичным для тувинской пословицы, характеризующейся структурным параллелизмом, является комбинация в пословичных сентенциях различных по семантике частей, одна из которых имеет натуралистическое содержание, а другая антропоцентрическое. Как известно, «тувинцы — дети природы, её прилежные ученики» (Курбатский, 2001: 88), поэтому осмысление различных характеристик индивида и социума всегда опирается в пословичной картине мира на наблюдения за природными явлениями и объектами, животными и растениями. Напр.:

- *Аарыг кижги экириир, Арган мал семириир* 'Тощий конь сил наберётся, Большой человек поправится' (ППТН, 11);
- *Адыргактың аксы байбан, Аскымчының (аскымнаар аъттын) чырыы чарык* 'Уздой порван рот скакуна, Разинут вечно рот у хвастуна' (ППТН, 13);
- *«Але» дээр кижги авыяастыг, Ала карактыг аът дезиг* 'Льстивый человек — лжец, Разноглазый конь — пуглив' (ППТН, 15);
- *Аң түрээнде, турлаам дээр, Кижги түрээнде, төрелим дээр* 'Зверь в беде к тайге стремится, Человек в беде к родне тянется' (ППТН, 16);
- *Арган мал семириир, Аарыг кижги сегиир* 'И худой конь сил наберётся, И большой человек поправится' (ППТН, 16);
- *Багай кижини бай бастыр, Байлаңны шортан чиир* 'Над бедным издевается богач, Малька ест щука' (ППТН, 89);
- *Бажа бажазынга ынак, Өшкү хаязынга ынак* 'Свояк любит свояка, Козёл любит скалу' (ППТН, 89);
- *Бак кижээ сөс аартык, Багай эътке чам аартык* 'Плохому человеку и слово помеха, На плохом мясе соринка заметна' (ППТН, 90);
- *Далаш ботту човадыр, Даг аътты човадыр* 'Вредит человеку спешка, Изматывает коня гора' (ППТН, 96);
- *Кара булутту хат тарадыр, Кара херекти хээли агартыр* 'Чёрные тучи ветер разгонит, Глухое дело взятка оправдает' (ППТН, 103) и др.

В тувинских пословицах-сентенциях натуралистический образ может использоваться в одной из частей для выражения антропоцентрического содержания. Так, в пословице *Дагаа бар, чок-даа болза, Даң адын келир. Тараа бар, чок-даа болза, Кыш ажа бээр* 'Утро наступит и без крика петуха, Зима пройдёт и без запасов зерна' (ППТН, 95) одна часть имеет натуралистическое содержание, а другая часть — антропоцентрическое, построенное на основе природных образов «зимы» и «зерна». В такого рода пословицах наиболее ярко видно, как тесно взаимодействуют в тувинской пословичной картине мира натуралистический и антропоцентрический параметры семантической категоризация действительности.

Сентенциональные пословицы в тувинском языке представляют собой наиболее количественно продуктивный семантический тип (каждая вторая пословица), характеризуются специфическим

способом своей актуализации (как структурные части пословиц всегда выполняют смыслообразующую функцию и занимают центральное место в пословичном плане содержания), обладают ярко выраженной этнокультурно детерминированной предметно-тематической отнесенностью (каждая третья пословица-сентенция обладает натуралистическим содержанием).

Рис. 2. Количественная представленность в тувинском пословичном фонде общих семантических типов пословиц.
 Fig. 2. Quantitative representation of general semantic types of proverbs in the Tuvan proverbial corpus.

Количественное соотношение в тувинском пословичном фронде сентенциальных пословиц и других общих семантических типов пословиц, содержательно не противоречащих действительности, отражено в следующей схеме (рис. 2).

Те пословицы тувинского языка, содержание которых противоречит действительности (12,5%), требуют специального описания с точки зрения онтологического и логического аспектов категоризации пословичной семантики, что представляет собой ближайшую перспективу дальнейших исследований когнитивной организации тувинской пословичной картины мира.

Заключение

Анализ семантики тувинских пословиц с точки зрения её категоризации по критерию «отношение к действительности» (в аспектах эмпирическом и аксиологическом) позволил, во-первых, исчерпывающе и непротиворечиво дифференцировать их основные семантические разновидности (типы), а во-вторых, структурировать семантическое пространство пословичного фонда тувинского языка.

В эмпирическом плане все пословицы тувинского языка могут либо противоречить, либо не противоречить внеязыковой действительности. Те пословицы, содержание которых не противоречит действительности (87,5%), подразделяются на номологические (9,5%) и неномологические в зависимости от выражения необходимых vs. случайных, существенных vs. несущественных, регулярных vs. нерегулярных связей между неединичными объектами (в пословицах номологического содержания выражаются законы существования природы и человека в рамках эмпирической картины мира). Пословицы, не имеющие номологической семантики, разграничиваются на основании общеизвестности vs. не общеизвестности, стереотипности vs. оригинальности, очевидности vs. неочевидности своего содержания на трюистические (8,5%) и не трюистические. Пословицы, которые не имеют трюистической семантики, могут в аксиологическом аспекте отражать в традиционной картине мира тувинцев как мало значимые, так и весьма значимые закономерности действительности и дифференцируются на этом основании, соответственно, на грегерические (14,5%) и сентенциальные (55,0%).

Все универсальные семантические типы пословиц характеризуются в тувинском языке достаточно ярко выраженной национальной спецификой в плане своей количественной представленности

(наиболее продуктивны сентенции, наименее — трюизмы, неожиданно высоко продуктивны законы и грегории), способов и приёмов актуализации (все семантические типы могут использоваться в качестве структурных частей пословиц, при этом законы используются только во вторичной функции аргумента, трюизмы в основном реализуются как одна из пословичных частей, грегории всегда выступают в позиции первой части, сентенции постоянно занимают центральное место, поскольку формируют общий пословичный смысл), предметно-тематического содержания (все семантические типы, за исключением грегорий, отражают этнокультурно детерминированные фрагменты пословичной картины мира тувинского народа).

Разработанные принципы семантической категоризации пословичного фонда тувинского языка и установленные семантические типы тувинских пословиц по отношению их содержания к внеязыковой действительности позволили создать необходимые методологические основания и объективную базу данных для более детального изучения семантики тувинских пословиц и парадигматических связей между ними как единиц паремиологической подсистемы тувинского языка и как фразовых текстов в системе малых жанров тувинского фольклора.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абакумова, О. Б. (2013) Пословицы в языке, сознании и коммуникации: когнитивно-дискурсивное моделирование смысла пословицы в дискурсе и референциально-оценочная типология русских, английских, испанских, французских и чешских пословиц о правде и лжи. СПб. : Алф-Пресс. 353 с.

Болат-оол, Р. В., Пелевина, Н. Н. (2017) Формирование образа женщины в тувинских и немецких пословицах // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. № 21. С. 29–32.

Бочина, Т. Г. (2022) Контраст в тувинских пословицах // Новые исследования Тувы. № 1. С. 37–46. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.3>

Бредис М. А., Иванов Е. Е. (2021) Типология пословиц прибалтийско-финских народов России о богатстве и бедности (на европейском паремиологическом фоне) // Вестник угроведения. Т. 11. № 4. С. 607–615.

Бредис, М. А., Иванов, Е. Е. (2022) Провербиальные факторы перевода тувинских пословиц в аспекте нормативной и полилингвальной паремиографии (на фоне русского и английского языков) // Новые исследования Тувы. № 1. С. 17–36. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.2>

Бредис, М. А., Иванов, Е. Е., Ломакина, О. В., Нелюбова, Н. Ю., Кужугет, Ш. Ю. (2021) Лексикографическое описание тувинских пословиц: принципы, структура, этнолингвокультурологический комментарий (на европейском паремиологическом фоне) // Новые исследования Тувы. № 4. С. 143–160. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.11>

Будегечиева, Т. Б. (2018) Тувинская культура: материальное и духовное, традиции и новации. Кызыл : Изд-во ТувГУ. 115 с.

Доржу, К. Б. (2012) Сравнения в русских и тувинских поговорках, порицающих отрицательные качества человека // Вестник Тувинского государственного университета. № 1. С. 94–98.

Егорова, А. И., Кондакова, А. П., Кужугет, М. А. (2020) Гендерные стереотипы в тувинских пословицах и поговорках // Новые исследования Тувы. № 1. С. 18–31. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.1.2>

Зиновьева, Е. И., Алёшин, А. С. (2022) Семья в компаративных паремиях тувинского, шведского и русского языков // Новые исследования Тувы. № 1. С. 131–145. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.9>

Иванов, Е. Е. (2019а) Аспекты эмпирического понимания афоризма // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 10. № 2. С. 381–401. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2019-10-2-381-401>

Иванов, Е. Е. (2019б) О рекуррентности афористических единиц в современном русском языке // Русистика. Т. 17. № 2. С. 157–170. DOI: <https://www.doi.org/10.22363/2618-8163-2019-17-2-157-170>

Иванов, Е. Е. (2020) Афоризм как объект лингвистики: основные признаки // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 11. № 4. С. 659–706. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-4-659-706>

Иванов, Е. Е. (2022) Функции афористических единиц в русском языке // Русистика. Т. 20. № 2. С. 167–185. DOI: <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-2-167-185>

Иванов, Е. Е., Ломакина, О. В., Нелюбова, Н. Ю. (2021) Семантический анализ тувинских пословиц: модели, образы, понятия (на европейском паремиологическом фоне) // Новые исследования Тувы. № 3. С. 220–233. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.3.17>

Иванов, Е. Е., Ломакина, О. В., Петрушевская, Ю. А. (2021) Национальная специфичность пословичного фонда (основные понятия и методика выявления) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 12. № 4. С. 993–1032. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-4-993-1032>

Иванов, Е. Е., Марфина, Ж. В., Шкуран, О. В. (2022) Номинации животных в тувинских пословицах и поговорках: аспекты реализации и проблематика изучения // Новые исследования Тувы. № 1. С. 47–68. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.4>

Иванов, Е. Е., Тарасова, М. В. (2008) Семантические типы русских и белорусских пословиц // Acta Germano-Slavica. Вып. 2. С. 188–212.

Иванова, Е. В. (2002) Пословичные картины мира (на материалах английских и русских пословиц). СПб. : Изд-во СПбГУ. 155 с.

Иванова, Е. В. (2006) Мир в английских и русских пословицах. СПб. : Изд-во СПбГУ. 280 с.

Иваноў, Я. Я. (2000a) Аб адной семантычнай разнавіднасці афарызмаў (афарыстычныя выказванні-законы) ва ўсходнеславянскіх мовах // Białostocki przegląd kresowy. T. VIII. S. 37–49. (На белорус. яз.).

Иваноў, Я. Я. (2000b) Семантычная структура афарыстычных выказванняў-трызмаў // Dziedzictwo przeszłości związków językowych, literackich i kulturowych polsko-bałto-wschodniosłowiańskich. T. V. S. 104–115. (На белорус. яз.)

Иваноў, Я. Я. (2002) «Сентэнцыя» і «максіма» як семантычныя разнавіднасці афарызма паводле яго адносін да рэчаіснасці (на матэрыяле славянскіх і германскіх моў) // Studia wschodniosłowiańskie. T. 2. S. 179–195. (На белорус. яз.)

Иваноў, Я. Я. (2003) Семантычная тыпалогія афарызма ў славянскіх і германскіх мовах // Frazeologické štúdie. T. III. S. 43–60. (На белорус. яз.)

Иваноў, Я. Я. (2004) Семантыка афарыстычных выказванняў (на матэрыяле славянскіх і германскіх моў) // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Серыя 4: Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. № 1. С. 63–68. (На белорус. яз.).

Иваноў, Я. Я. (2007) Грэгерыя як семантычны тып афарыстычнага выказвання // Веснік Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта. Серыя: Філалагічныя навукі. № 1 (7). С. 103–107. (На белорус. яз.).

Кечил-оол, С. В., Саая, О. М. (2016) Особенности фразеологизмов с компонентом «ухо» в тувинском языке в сопоставлении с русским // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 9–2(63). С. 107–109.

Кечил-оол, С. В., Саая, О. М. (2017) Семантические особенности фразеологизмов с компонентом «рука» в тувинском и русском языках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 6–1 (72). С. 92–95.

Колесникова, С. М. (2022) Градуальная семантика русских и тувинских пословиц // Новые исследования Тувы. № 1. С. 90–103. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.6>

Курбатский, Г. Н. (2001) Тувинцы в своём фольклоре (историко-этнографические аспекты тувинского фольклора). Кызыл : Тувинское книжное издательство. 464 с.

Ламажаа, Ч. К. (2011) Тува между прошлым и будущим. 2-е изд., испр. и доп. СПб. : Алетейя. 368 с.

Ламажаа, Ч. К. (2013) Архаизация общества: тувинский феномен. М. : Либроком. 272 с.

Ламажаа, Ч. К. (2021) Очерки современной тувинской культуры. СПб. : Нестор-История. 192 с.

Ломакина, О. В. (2022) Тувинская паремиология: лингвокультурологический и лингвоаксиологический потенциал // Новые исследования Тувы. № 1. С. 6–16. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.1>

Москвичева, С. А., Александрова, О. И., Эбзеева, Ю. Н. (2022) Фольклорные культуремы и структура культурных репрезентаций тувинцев // Новые исследования Тувы. № 1. С. 164–182. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.11>

Нелюбова, Н. Ю. (2019) Отражение этнокультурных ценностей в пословицах франкоязычных стран // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 10. № 2. С. 323–335. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2019-10-2-323-335>

Нелюбова, Н. Ю. (2022) Аксиологические доминанты паремий как типологические маркеры тувинской, русской и французской этнокультур // Новые исследования Тувы. № 1. С. 146–163. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.10>

Нелюбова, Н. Ю., Хильтбруннер, В. И., Ершов, В. И. (2019) Отражение иерархии ценностей в пословичном фонде русского и французского языков // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика = Russian Journal of Linguistics. Т. 23. № 1. С. 223–243. DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2019-23-1-223-243>

Ничипорчик, Е. В. (2015) Отражение ценностных ориентаций в поговорках. Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины. 358 с.

Паремиология без границ (2020) / ред. М. А. Бредис, О. В. Ломакина. М. : Изд-во РУДН. 244 с.

Паремиология в дискурсе (2015) / ред. О. В. Ломакина. М. : URSS ; Ленанд. 294 с.

Паремиология на перекрестках языков и культур (2021) / ред. Е. Е. Иванов, О. В. Ломакина. М. : Изд-во РУДН. 246 с.

Петрушевская, Ю. А. (2021) Методология определения национального, интернационального и универсального в фразеологии и паремиологии белорусского языка // WEST — EAST. Scientific Journal of International Scientific Pedagogical Organization of Philologists (ISPOP). Vol 5. № 1. С. 61–72. DOI: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2021-3-1-61-72>

Петрушевская, Ю. А. (2022) Тувинские и белорусские пословичные параллели (типологическая общность на фоне этнокультурной специфичности) // Новые исследования Тувы. № 3. С. 241–263. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.3.16>

Петрушэўская, Ю. А. (2021) Моўная спецыфічнасць і нацыянальная адметнасць прыказак беларускай мовы. Магілёў : МДУ імя А. А. Куляшова. 220 с. (На беларус. яз.)

Селиверстова, Е. И. (2022) Бинарные структуры в тувинских пословицах как проявление национально-маркированного видения мира // Новые исследования Тувы. № 1. С. 115–130. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.8>

Семененко, Н. Н. (2011) Русские поговорки: функции, семантика, прагматика. Старый Оскол : ПОСА. 355 с.

Цэнгэльская тувинцы: фольклор и литература (2020) / Донгак У. А. и др.; науч. ред. Г. Золбаяр, Б. Баярсайхан. Новосибирск : Наука. 152 с.

Чадамба, Ш. С. (2014) О некоторых особенностях перевода предложений-поговорок в текстах русских художественных переводов с тувинского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 5–1(35). С. 191–193.

Ivanov, E., Petrushevskaja, Ju. (2015) Etymology of English Proverbs // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. Vol. 8. № 5. P. 864–872.

Дата поступления: 07.08.2022 г.

REFERENCES

Abakumova, O. B. (2013) *Poslovitsy v iazyke soznanii i kommunikatsii: kognitivno-diskursivnoe modelirovanie smysla poslovitsy v diskurse i referentsialno-otsenochnaia tipologija russkikh, angliiskikh, ispanskikh, frantsuzskikh i cheshskikh poslovits o pravde i lzhi [Proverbs in language, consciousness and communication: Cognitive and discursive modeling of the meaning of a proverb in discourse and referential and evaluative typology of Russian, English, Spanish, French and Czech proverbs about truth and lies]*. St. Petersburg, Alef-Press. 353 p. (In Russ.).

Bolat-ool, R. V. and Pelevina, N. N. (2017) Formirovanie obraza zhenshchiny v tuvinskikh i nemetskikh poslovitsakh [On woman's image in Tuvan and German proverbs]. *Vestnik Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. F. Katanova*, no. 21, pp. 29–32. (In Russ.).

Bochina, T. G. (2022) Kontrast v tuvinskikh poslovitsakh [Contrast in Tuvan proverbs]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 37–46. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.3>

Bredis, M. A. and Ivanov, E. E. (2021) Tipologija poslovits pribaltiisko-finskikh narodov Rossii o bogatstve i bednosti (na evropeiskom paremiologicheskom fone) [Typology of proverbs of the Baltic-Finnish peoples of Russia about wealth and poverty (on the European paremiological material)]. *Bulletin of Ugric Studies*, vol. 11, no. 4, pp. 607–615. (In Russ.).

Bredis, M. A. and Ivanov, E. E. (2022) Proverbial'nye faktory perevoda tuvinskikh poslovits v aspekte normativnoi i polilingval'noi paremiografii (na fone russkogo i angliiskogo iazykov) [Proverbial factors in translating Tuvan proverbs in the light of normative and poly-lingual paremiography (as contrasted to Russian and English languages)]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 17–36. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.2>

Bredis, M. A., Ivanov, E. E., Lomakina, O. V., Nelyubova, N. Yu. and Kuzhuget, Sh. Yu. (2021) Leksikograficheskoe opisanie tuvinskikh poslovits: printsipy, struktura, etnolingvokul'turologicheskii kommentarii (na evropeiskom paremiologi-

cheskom fone) [A lexicographical description of Tuvan proverbs: Principles, structure and an ethnolinguoculturological commentary as compared to European paremies]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 143–160. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.11>

Budegechieva, T. B. (2018) *Tuvinskaia kul'tura: material'noe i dukhovnoe, traditsii i novatsii* [Tuvan culture: The material and the spiritual, traditions and innovations]. Kyzyl, Tuvan State University Publ. 115 p. (In Russ.).

Dorzhu, K. B. (2012) Sravneniia v russkikh i tuvinskikh pogovorkakh, poritsaiushchikh otritsatel'nye kachestva cheloveka [Comparisons in Russian and Tuvan proverbs which condemn negative personal qualities]. *Vestnik Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 1, pp. 94–98. (In Russ.).

Egorova, A. I., Kondakova, A. P. and Kuzhuget, M. A. (2020) Gendernyye stereotipy v tuvinskikh poslovitsakh i pogovorkakh [Gender stereotypes in Tuvan proverbs and sayings]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 19–34. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.1.2>

Zinovieva, E. I. and Alyoshin, A. S. (2022) Sem'ia v komparativnykh paremiiakh tuvinskogo, shvedskogo i russkogo iazykov [The family in comparative paremies of Tuvan, Swedish and Russian languages]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 131–145. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.9>

Ivanov, E. E. (2019a) Aspekty empiricheskogo ponimaniia aforizma [Aspects of empirical understanding of aphorism]. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 10, no. 2, pp. 381–401. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2019-10-2-381-401>

Ivanov, E. E. (2019b) O rekurrentnosti aforisticheskikh edinits v sovremennom russkom iazyke [Aphoristic units recurrence in modern Russian language]. *Russian Language Studies*, vol. 17, no. 2, pp. 157–170. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2019-17-2-157-170>

Ivanov, E. E. (2020) Aforizm kak ob'ekt lingvistiki: osnovnye priznaki [Aphorism as an object of linguistics: The main properties]. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 11, no. 4, pp. 659–706. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-4-659-706>

Ivanov, E. E. (2022) Funktsii aforisticheskikh edinits v russkom iazyke [Functions of aphoristic units in the Russian language]. *Russian Language Studies*, vol. 20, no. 2, pp. 167–185. (In Russ.). DOI: <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-2-167-185>

Ivanov, E. E., Lomakina, O. V. and Nelyubova, N. Yu. (2021) Semanticheskii analiz tuvinskikh poslovits: modeli, obrazy, poniatii (na evropeiskom paremiologicheskome fone) [Semantic analysis of Tuvan proverbs: Models, imagery, concepts (against the European paremiological background)]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 232–248. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.3.17>

Ivanov, E. E., Lomakina, O. V. and Petrushevskaya, Yu. A. (2021) Natsional'naia spetsifichnost' poslovichnogo fonda (osnovnye poniatii i metodika vyivleniia) [The national specificity of the proverbial fund: Basic concepts and procedure for determining]. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 12, no. 4, pp. 993–1032. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-4-996-1035>

Ivanov, E. E., Marfina, Zh. V. and Shkuran, O. V. (2022) Nominatsii zhivotnykh v tuvinskikh poslovitsakh i pogovorkakh: aspekty realizatsii i problematika izucheniia [Animal nouns in Tuvan proverbs and sayings: Problems of studying and aspects of functioning]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 47–68. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.4>

Ivanov, E. E. and Tarasova, M. V. (2008) Semanticheskie tipy russkikh i belorusskikh poslovits [Semantic types of Russian and Belarusian proverbs]. *Acta Germano-Slavica*, vol. 2, pp. 188–212. (In Russ.).

Ivanova, E. V. (2002) *Poslovichnye kartiny mira (na materialakh angliiskikh i russkikh poslovits)* [Proverbial pictures of the world (based on English and Russian proverbs)]. St. Petersburg, St. Petersburg State University Press. 155 p. (In Russ.).

Ivanova, E. V. (2006) *Mir v angliiskikh i russkikh poslovitsakh* [World in English and Russian proverbs]. St. Petersburg, St. Petersburg State University Press. 280 p. (In Russ.).

Ivanov, E. E. (2000a) Ab adnoi semantichnoi raznavidnastsii afaryzmau (afarystychnyia vykazvanni-zakony) va uskhodneslavianskikh movakh [One semantic type of aphorisms (aphoristic phrases-laws) in East Slavic languages]. *Bialostocki przegląd kresowy*, vol. 8, pp. 37–49. (In Belarusian).

Ivanov, E. E. (2000b) Semantichnaia struktura afarystychnykh vykazvanniau-truizmau [Semantic structure of aphoristic phrases-truism]. *Dziedzictwo przeszłości związków językowych, literackich i kulturowych polsko-bałto-wschodniosłowiańskich*, vol. 5, pp. 104–115. (In Belarusian).

Ivanov, E. E. (2002) «Sententsiia» i «maksima» iak semantichnyia raznavidnastsii afaryzma pavodle iago adnosin da rechaisnastsii (na materyiale slavianskikh i germanskikh mou) [“Sententia” and “maxima” as semantic types of aphorism

from the point of view of their attitude to a reality (based on the material of Slavic and Germanic languages)]. *Studia wschodniosłowiańskie*, vol. 2, pp. 179–195. (In Belarusian).

Ivanov, E. E. (2003) Semantichnaia tipologiiia afaryzma u slavianskikh i germanskikh movakh [Semantic typology of an aphorism in Slavic and German languages]. *Frazeologické štúdie*, vol. 3, pp. 43–60. (In Belarusian).

Ivanov, E. E. (2004) Semantika afarystychnykh vykazvanniu (na materyiale slavianskikh i germanskikh mou) [Semantics of aphoristic phrases (based on the material of Slavic and Germanic languages)]. *Bulletin of the Belarusian State University. Series 4: Philology. Journalism. Pedagogy*, no. 1, pp. 63–68. (In Belarusian).

Ivanov, E. E. (2007) Gregeryia iak semantichny typ afarystychnaga vykazvannia [The gregueria as a semantic type of the aphorism]. *Vesnik of Brest University. Series: Philological Sciences*, no. 1 (7), pp. 103–107. (In Belarusian).

Kechil-ool, S. V. and Saaia, O. M. (2016) Osobennosti frazeologizmov s komponentom «ukho» v tuvinskom iazyke v sopostavlenii s russkim [Phraseological units with the component “Ear” in the Tuvan language in comparison with the Russian]. *Philology. Theory & Practice*, no. 9–2 (63), pp. 107–109. (In Russ.).

Kechil-ool, S. V. and Saaia, O. M. (2017) Semanticheskie osobennosti frazeologizmov s komponentom «ruka» v tuvinskom i russkom iazykakh [The semantic peculiarities of phraseological units with the component “Hand” in the Tuvan and Russian languages]. *Philology. Theory & Practice*, no. 6–1 (72), pp. 92–95. (In Russ.).

Kolesnikova, S. M. (2022) Gradual'naia semantika russkikh i tuvinskikh poslovits [Gradable semantics in Russian and Tuvan proverbs]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 90–103. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.6>

Kurbatskii, G. N. (2001) *Tuvintsy v svoem fol'klora (istoriko-etnograficheskie aspekty tuvinskogo fol'klora)* [Tuvans in their folklore (historical and ethnographic aspects of Tuvan folklore)]. Kyzyl, Tuvan Book Publishing House. 464 p. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2011) *Tuva mezhdou proshlym i budushchim* [Tuva between the past and future]. St. Petersburg, Aletheia. 368 p. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2013) *Arkhaizatsiia obshchestva: tuvinskii fenomen* [Archaization of the society: Tuvan phenomenon]. Moscow, Knizhnyi dom “Librokom”. 272 p. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2021) *Ocherki sovremennoi tuvinskoj kul'tury* [Essays on modern Tuvan culture]. St. Petersburg, Nestor-Istoriia. 192 p. (In Russ.).

Lomakina, O. V. (2022) Tuvinskaia paremiologiiia: lingvokul'turologicheskii i lingvoaksiologicheskii potentsial [Tuvan paremiology: Its linguoculturological and linguoaxiological potential]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 6–16. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.1>

Moskvitcheva, S. A., Aleksandrova, O. I. and Ebzeeva, Yu. N. (2022) Fol'klornye kul'turemy i struktura kul'turnykh reprezentatsii tuvintsev [Folklore cultureemes in the structure of cultural representations of Tuvan people]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 164–182. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.11>

Nelyubova, N. Yu. (2019) Otrazhenie etnokulturnykh tsennostei v poslovitsakh frankoiazychnykh stran [Representation of ethno-cultural values in the proverbs of French-speaking countries]. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 10, no. 2, pp. 323–335. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2019-10-2-323-335>

Neliubova, N. Yu. (2022) Aksiologicheskie dominanty paremii kak tipologicheskie markery tuvinskoj, russkoj i frantsuzskoj etnokul'tur [Axiological dominants of paremies as typological markers in Russian, Tuvan and French ethnic cultures]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 146–163. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.10>

Nelyubova, N. Yu., Hiltbrunner, V. I. and Ershov, V. I. (2019) Otrazhenie ierarkhii tsennostei v poslovichnom fonde russkogo i frantsuzskogo iazykov [The reflection of the hierarchy of values in the proverbial fund of the Russian and French languages]. *Russian Journal of Linguistics*, vol. 23, no. 1, pp. 223–243. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2019-23-1-223-243>

Nichiporchik, E. V. (2015) *Otrazhenie tsennostnykh orientatsii v paremiiakh* [Reflection of value orientations in paroemies]. Gomel, Francysk Skaryna Gomel State University. 358 p. (In Russ.).

Paremiologiiia bez granits [Paremiology without borders] (2020) / ed. by M. A. Bredis and O. V. Lomakina. Moscow, RUDN Publ. 244 p. (In Russ.).

Paremiologiiia v diskurse [Paremiology in discourse] (2015) / ed. by O. V. Lomakina. Moscow, URSS; Lenand. 294 p. (In Russ.).

Paremiologiiia na perekrestkakh iazykov i kul'tur [Paremiology at the crossroads of languages and cultures] (2021) / ed. by E. E. Ivanov and O. V. Lomakina. Moscow, RUDN Publ. 246 p. (In Russ.).

Petrushevskaya, J. A. (2021) Metodologiiia opredeleniia natsional'nogo, internatsional'nogo i universal'nogo v frazeologii i paremiologii belorusskogo iazyka [Methodology for determining national, international and universal in

Belarusian phraseology and paremiology]. *WEST — EAST. Scientific Journal of International Scientific Pedagogical Organization of Philologists (ISPOP)*, vol. 5, no. 1, pp. 61–72. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2021-3-1-61-72>

Petrushevskaya, J. A. (2022) Tuvinskie i belorusskie poslovichnye paralleli (tipologicheskaiia obshchnost' na fone etnokul'turnoi spetsifichnosti) [Tuvan and Belarusian proverbial parallels (typological community amid ethnocultural specificity)]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 241–263. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.3.16>

Petrushevskaya, Yu. A. (2021) *Mounaia spetsyfichnasts' i natsyianal'naia admetnasts' prykazak belaruskai movy* [Linguistic peculiarity and ethnic specificity in Belarusian proverbs]. Mogilev, Mogilev State A. Kuleshov University. 220 p. (In Belarusian).

Seliverstova, E. I. (2022) Binarnye struktury v tuvinskikh poslovitsakh kak proiavlenie natsional'no-markirovannogo videniia mira [Binary structures in Tuvan proverbs as a manifestation of the nationally marked vision of the world]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 115–130. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.8>

Semenenko, N. N. (2011) *Russkie paremii: funktsii semantika pragmatika* [Russian proverbs: Functions, semantics, pragmatics]. Staryi Oskol, ROSA. 355 p. (In Russ.).

Tsengel'skie tuvintsy: fol'klor i literatura [Tsengel Tuvans: Folklore and literature] (2020) / U. A. Dongak et al. ; ed. by G. Zolbaiar and B. Baiarsaikhan. Novosibirsk, Nauka. 152 p. (In Russ.).

Chadamba, Sh. S. (2014) O nekotorykh osobennostiakh perevoda predlozhenii-paremii v tekstakh russkikh khudozhestvennykh perevodov s tuvinskogo iazyka [Some features of the translation of paroemian sentences in the texts of Russian literary translations from the Tuvan language]. *Philology. Theory & Practice*, no. 5–1 (35), pp. 191–193. (In Russ.).

Ivanov, E. and Petrushevskaya, Ju. (2015) Etymology of English proverbs. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, vol. 8, no. 5, pp. 864–872.

Submission date: 07.08.2022.

Этнолингвистическая специфика гастрономической лексики (молочные продукты) в тувинском и хакасском языках

Елена М. Куулар

Институт развития национальной школы Министерства образования Республики Тыва, Российская Федерация,

Наталья Н. Таскаракова, Алена Н. Чугунекова

*Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова,
Российская Федерация*

В данной статье проводится сравнительный анализ наименований молока и молочных напитков, составляющих лексико-семантическую группу «молочные продукты» и являющихся неизменным и важным элементом материальной культуры двух близкородственных тюркских народов — тувинцев и хакасов, которые издавна населяют обширные пространства Южной Сибири.

Из лексикографических источников и полевых материалов нами обнаружено около 50 лексических единиц, которые подразделяются на три лексико-семантические группы: молоко, молочные напитки и блюда из молока. Собранный фактический материал дает нам возможность раскрыть языковую картину мира тувинского и хакасского этносов, определить функционирование гастрономической лексики (молочные продукты) в современных языках.

Названия молочных продуктов в тувинском и хакасском языках не едины по своему происхождению. В них, в частности в тувинском языке, наряду с тюркскими корнями, наличествует значительное количество монгольских элементов. Данная группа слов в сравниваемых языках отражает их исторические контакты как с родственными, так и неродственными народами. Кроме того, в названиях молочных продуктов прослеживается лексика, которая возникла в результате формирования и развития диалектов тувинского и хакасского языков. Выявлено, что диалектная лексика до сих пор оказывает заметное влияние на современные литературные языки тувинцев и хакасов. Все это свидетельствует о пополнении лексики хакасского и тувинского языков народными терминами традиционной материальной культуры из различных источников, особенно из текстов фольклорных произведений.

Ключевые слова: тувинский язык; хакасский язык; гастрономическая лексика; молоко; молочный продукт; этнолингвистика

Для цитирования:

Куулар Е. М., Таскаракова Н. Н., Чугунекова А. Н. Этнолингвистическая специфика гастрономической лексики (молочные продукты) в тувинском и хакасском языках // Новые исследования Тувы. 2022. № 4. С. 338-349. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.4.23>

Куулар Елена Мандан-ооловна — кандидат филологических наук, доцент, директор Института развития национальной школы Министерства образования Республики Тыва. Адрес: Россия, 667001, г. Кызыл, ул. Рабочая, д. 2. Тел.: +7 (923) 263-46-85. Эл. адрес: kuular-e-m@mail.ru

Таскаракова Наталья Николаевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры хакасской филологии Института филологии и искусств Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. Адрес: Россия, 655017, г. Абакан, пр. Ленина, д. 90. Тел.: +7 (923) 214-03-54. Эл. адрес: n-tas@mail.ru

Чугунекова Алена Николаевна — доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. Адрес: Россия, 655017, г. Абакан, пр. Ленина, д. 90. Тел.: +7 (923) 585-66-08. Эл. адрес: chugunekowa@yandex.ru

Article

Specific ethnolinguistic features of gastronomic vocabulary (dairy products) in the Tuvan and Khakas languages

Elena M. Kuular

Institute for the Development of the National School, Ministry of Education of the Republic of Tuva, Russian Federation,

Natalya N. Taskarakova, Alyona N. Chugunekova

Katanov State University of Khakassia, Russian Federation

The article provides a comparative analysis of the naming units of milk and milk drinks that make up the lexical and semantic group “dairy products”. They are an invariable and important element of the material culture of two closely related Turkic peoples — the Tuvans and Khakas who have inhabited the vast territories of southern Siberia from the dawn of time.

Using lexicographic sources and field data, we have found about 50 lexical units which are divided into three lexical and semantic groups: milk, milk drinks and milk dishes. The collected facts give us the opportunity to reveal the linguistic worldview of the Tuvan and Khakas ethnic groups and to determine the functioning of gastronomic vocabulary (dairy products) in modern languages.

The names of dairy products in the Tuvan and Khakas languages are not the same by origin. Along with Turkic roots, there is a significant number of Mongolian elements in them, in particular in the Tuvan language. This group of words in the compared languages reflects their historical contacts with both related and unrelated peoples. In addition, in the names of dairy products we can find traces of the vocabulary that emerged as a result of the formation and development of dialects of the Tuvan and Khakas languages. It has been revealed that dialect vocabulary still exerts a noticeable impact on the contemporary literary languages of the Tuvans and Khakas. All these facts testify to the enrichment of the vocabulary of the Khakas and Tuvan languages with terms of traditional folk material culture from various sources, especially from folklore texts.

Keywords: Tuvan language; Khakas language; gastronomic vocabulary; milk; dairy product; ethnolinguistics

For citation:

Kuular E. M., Taskarakova N. N. and Chugunekova A. N. Etnolingvisticheskaia spetsifika gastronomicheskoi leksiki (molochnye produkty) v tuvinskom i khakasskom iazykakh [Specific ethnolinguistic features of gastronomic vocabulary (dairy products) in the Tuvan and Khakas languages]. *New Research of Tuva*, 2022, no. 4, pp. 338-349. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.4.23>

KUULAR, Elena Mandan-oolovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Director, Institute for the Development of the National School, Ministry of Education of the Republic of Tuva. Postal address: 2 Rabochaya St., 667001 Kyzyl, Russian Federation. Tel.: +7 (923) 263-46-85. E-mail: kuular-e-m@mail.ru

ORCID ID: [0000-0002-4351-6547](https://orcid.org/0000-0002-4351-6547)

TASKARAKOVA, Natalya Nikolaevna, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Khakas Philology, Institute of Philology and Intercultural Communication, Katanov State University of Khakassia. Postal address: 90 Lenina St., 655017 Abakan, Russian Federation. Tel.: +7 (923) 214-03-54. E-mail: n-tas@mail.ru

ORCID ID: [0000-0002-9474-9615](https://orcid.org/0000-0002-9474-9615)

CHUGUNEKOVA, Alyona Nikolaevna, Doctor of Philology, Associate Professor, Research Institute of Humanities and Sayano-Altay Turkology, Katanov State University of Khakassia. Postal address: 90 Lenina St., 655017 Abakan, Russian Federation. Tel.: +7 (923) 585-66-08. E-mail: chugunekowa@yandex.ru

ORCID ID: [0000-0003-1046-5699](https://orcid.org/0000-0003-1046-5699)

Введение

Каждый человек воспринимает окружающий мир через призму своей родной культуры, на который влияет географические и климатические условия проживания народа, его верования, менталитет, строй языка и многое другое (Ахматова, 2021: 241). Вопросы изучения взаимосвязи языка с историей, национальной культурой народа на сегодняшний день является одним из приоритетных аспектов в лингвистике. В тувинском и хакасском языкознании этнолингвистический аспект слова является одним из неизученных, и с этой точки зрения назрела необходимость изучения словарного состава указанных выше языков и их диалектов.

Целью данного исследования является систематизация и описание наименований молока и молочных продуктов в тувинском и хакасском языках, определение функционирования этих номинаций в современном языке. Выбор темы обусловлен тем, что наименования молочных продуктов как семантические универсалии представляют благодатный материал для выявления национально-культурной специфики исследуемых языков.

В результате сплошной выборки из словарей тувинского¹ и хакасского языков², полевых исследований одного из соавторов³ были отобраны лексические единицы, относящиеся к тематической группе «молоко и молочные продукты». В названиях молочной пищи наблюдаются слова и словосочетания, которые возникли в результате формирования и развития диалектов исследуемых языков, отражающие исторические контакты, как с родственными, так и неродственными народами.

Основными методами исследования данной работы являются описательный метод, метод наблюдения, методы компонентного и контекстуального анализов, прием трансформации.

Для представителей кочевых народов — тувинцев и хакасов — молоко и блюда из него были и остаются самой рациональной и почитаемой пищей. Основным сырьем для всего многообразия молочных продуктов служит цельное молоко, которое в литературном языке и во всех диалектах тувинского и хакасского языков называется в целом одинаково *сүт* (тув.⁴) / *сүт* (хак.⁵) 'молоко'. Обычно сопоставляют его с монг.⁶ *сiin* 'молоко'. Г. Дёрфер допускал, что тюрк. *süt*⁷ первоначальное мн. число к монг. *siin* (Сравнительно-историческая грамматика ..., 2001: 448–449).

Для выявления наименования молочных продуктов в тувинском и хакасском языках в сравнительном аспекте мы подразделяем на 3 лексико-семантические группы: 1) название молока и его разновидности; 2) названия напитков из молока, 3) блюда из молока. В настоящей работе остановимся на первых двух группах слов.

В хакасском языке лексические и семантические особенности молочных продуктов и блюд были объектом внимания Р. П. Абдиной (Абдина, 2019ab, 2020, 2021). Также материалы хакасского языка привлекались при описании молочных продуктов на материале тюркских языков Сибири (Дьячковский и др., 2021).

А первые сведения о традиционной пище тувинцев отмечены в работах ученых-этнографов Л. П. Потапова (Потапов, 1969: 168–177), С. И. Вайнштейна (Вайнштейн, 2009: 78–83) и др.

С. И. Вайнштейн справедливо отмечает то, что у тувинцев «особое отношение к белой пище, особенно к молоку. Молоко нельзя было проливать, а если его нечаянно все-таки пролили, то сразу это место посыпали землей» (там же: 255). Также по сегодняшний день людьми старшего поколения

¹ Толковый словарь тувинского языка = Тыва дылдың тайылбырлыг словары / под ред. Д. А. Монгуша. Новосибирск: Наук, 2003. 596 с.; Тувинско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева. Около 22 000 слов. М.: Советская энциклопедия, 1968. 646 с.

² Хакасско-русский словарь / под общей редакцией О. В. Субраковой. Новосибирск: Наука, 2006. 1114 с.; Толовый словарь хакасского языка / под общей редакцией К. Н. Бурнаковой. Абакан: Хакасское книжное издательство имени В. М. Торосова, 2020. Т. 1. А–П. 608 с.

³ Полевой материал был собран Е. М. Куулар во время диалектологических практик со студентами Тувинского государственного университета в период 2000–2021 гг. В настоящей работе подобрана тематическая группа «Молочные продукты».

⁴ тув. — тувинский язык.

⁵ хак. — хакасский язык.

⁶ монг. — монгольский язык.

⁷ *süt* 'молоко' (см.: Древнетюркский словарь. Ленинград: Издательство «Наука», Ленинградское отделение, 1961. С. 518).

соблюдается обычай вечером молоко из юрты никогда не выносить, существует у тувинцев поговорка *Хун ашканда, ак чем үндүрбес* 'Когда зашло красное солнце, то нельзя выносить белую пищу из юрты'.

Интересные сведения о молочных продуктах мы находим в исследованиях (Намзал, 1995; Куулар, 2012; Куулар, Сувандии, 2011, 2014). Что касается работ, выполненных в последние годы на материале тувинского языка, то следует обратить внимание на исследование С. Ч. Донгак, А. У. Ондар, в котором рассматривается культ молочной пищи у тувинских кочевников, понимаемый ими как *ак чем* 'белая пища' (Донгак, Ондар, 2019: 233).

Несмотря на это, исследование молочных продуктов тувинского и хакасского языков в сравнительном аспекте еще не было предметом специального изучения, чем и определяется актуальность данного исследования.

Название молока и его разновидности

Слово *сүт* (тув.) / *сүт* (хак.) в значении 'молоко' встречается во всех тюркских языках.

В качестве общего названия молока и других продуктов из него в тувинском языке используется словосочетание *ак сүт* / *ак чем* со значением 'белая пища'. Аналогичное словосочетание встречается в хакасском языке *ах сүт* в значении 'цельное молоко'.

В тувинском и хакасском языках различают следующие виды молока: *хой сүдү* (тув.) / *хой сүдү* (хак.) 'овечьё молоко', *өшкү сүдү* (тув.) / *өскү сүдү* (хак.) 'козье молоко', *инек сүдү* (тув.) / *инек сүдү* (хак.) 'коровье молоко', *бе сүдү* (тув.) / *пиш сүдү* (хак.) 'кобылье молоко'.

В хакасских художественных произведениях также можно встретить словосочетание *хус сүдү* в значении 'птичье молоко', что не наблюдается в тувинском языке. Например: *Аалчы сыйлачаң горницада улуг стол чичең нимені тыгылдыра артын турған. Хусхацах ла сүдү чоғыл, тирчик Хоортай апсах, пу столны көрзе*¹ 'В горнице большой стол был наполнен яствами. Дед Хоортай, увидев такой стол, сказал бы: "Только птичьего молока не хватает"².

Молозиво у коровы, выделяемое в течение 1–2 дней после отёла, называют *аа* (тув.), *оос* (хак.) 'первое молоко, молозиво', т. е. густое, вязкое молоко желтоватого оттенка.

Относительно происхождения слова *аа* Б. И. Татаринцев отмечает, что «Непосредственные структурно-фонетические соответствия в других тюркских языках не отмечены, однако тув. *аа* не без оснований сближается с общетюркским словом, старейшей формой которого считается *ағуз* и которые чаще всего также означает 'молозиво'» (Татаринцев, 2000: 29–30).

В диалектах тувинского языка встречаются и другие его варианты, в данном случае слово *аа* используется в составе словосочетаний, где в качестве определения выступают имена прилагательные *башкы* / *баштайгы* 'первый', *соңгу* 'последний': *аа сүт* (өв.³), *аа сүт* (кыз.⁴), *башкы аа сүт* (зап.⁵, центр.⁶) букв. 'первое молозиво' — молозиво, выделяемое в течение 1–2 дней после отёла, *соңгу аа* / *соңгу аа сүт* / *хелегей* букв. 'молозиво второй дойки' — молозиво у коровы на 3–4 сутки после отёла.

В юго-восточном и тере-хольском диалектах тувинского языка используется заимствованная из монгольского языка лексема *уурак* / *урак* < монг. *уураг(н)* 'молозиво, первое молоко после отёла'⁷.

Также в исследуемых языках различают *чиг сүт* (тув.), *чиг сүт* (хак.) 'сырое, некипяченое молоко', *чалаң сүт* (тув.), *чаа сагган сүт* (тув.), *час сүт* (хак.) 'парное молоко' — только что подоенное свежее молоко, *хайндырбаан сүт* (тув.), *хайнатпаан сүт* (хак.) 'некипяченое молоко', *хайндырган сүт* (тув.), *хайнатхан сүт* (хак.) 'кипяченое молоко', *хойыҕ сүт* (хак.) 'жирное молоко'.

¹ Доможаков Н. Г. Ыраххы аалд = В далеком аале. Роман. Абакан: Хакасское отд-ние Красноярского кн. изд-ва, 1975. С. 61.

² Перевод Н. Н. Таскараковой.

³ өв. — оворский говор тувинского языка.

⁴ кыз. — кызыльский диалект хакасского языка.

⁵ зап. — западный диалект тувинского языка.

⁶ центр. — центральный диалект тувинского языка.

⁷ Большой академический монгольско-русский словарь / под ред. Г. Ц. Пюрбева. М.: Academia, 2001. Т. III. С. 369.

Кроме того, в сравниваемых языках наименования молока отражают время надоя: *эртенги сүт* (тув.), *иртенги сүт* (хак.) букв. ‘молоко утреннего надоя’, *кежээки сүт* (тув.), *кичээги сүт* (хак.) ‘молоко вечернего надоя’, *дүүнгү сүт* / *эрги сүт* (тув.) букв. ‘вчерашнее молоко’ и др.

С середины 1980-х г. тувинцы постепенно начали подвергать молоко обезжириванию с помощью сепаратора тув. *сүт тырттар машина*. Из него изготавливали *өреме* (тув), *өріңме* (хак.) ‘сметана’. При переработке цельного молока на сметану в процессе сепарирования *тырткан сүт* / *тыртып каан сүт* получают *көк-сүт* (центр., ус.¹), *көк сүт* (хак.) букв. ‘молоко голубоватого цвета’, *көк-суз* (п-х.²) букв. ‘голубая вода’ — обезжиренное молоко, т. е. обрат / *авраат* / *овураат* / *овраат* (центр., ус.). После выделения сливок цвет молока становится как бы прозрачным и приобретает голубоватый оттенок, отсюда, видимо, и появилось определение *көк* (тув.) / *көк* (хак.) в значении ‘голубой’: *Сүт машиназынга тыртып каан сүт шилдегер болур*³ ‘После сепарирования молоко становится жидким, прозрачным’⁴.

В сельских местностях Тувы поныне сохранился традиционный образ жизни, животноводы живут в войлочных юртах *кидис өглер*. В летнее время без холодильных установок сохранить молоко свежим очень сложно, в жаркие дни молоко быстро прокисает. Нами зафиксированы следующие словосочетания: *ажыг сүт* / *ажып калган сүт* / *ажаан сүт* (зап., тодж.⁵, цент.) (тув.), *ачыг* / *ачаан сүт* (хак., саг.⁶), *чиген сүт* (хак.) ‘кислое молоко’, *иринди сүт* (тодж.) ‘прокисшее молоко’, т. е. свернувшееся, кислое оленье молоко.

Раньше скотоводы к зиме молоко заготавливали впрок, замораживали и хранили в разных емкостях и отсюда происходили новые описательные названия: *доңурган сүт*, *доң сүт* (тув.) *тоорған* (*тоорт-хан*) *сүт* (хак.) ‘замороженное молоко’, *борбак сүт* букв. ‘круглое молоко’ — замороженное молоко круглой формы. По словам информанта (инф. Хертек) раньше тувинцы замораживали молоко в небольших железных чашках, тазиках, в результате получали *борбак сүт* ‘замороженное молоко округлой формы’. Это можно подтвердить примером из произведения ученого-этнографа, писателя М. Кенин-Лопсана: *Он бештиң, калбак тавакта доңуруп каан сүт дег, төгерик айы чырыдып турган*⁷ ‘Светила, как замороженное в широкой тарелке круглое молоко, полная луна’⁸.

Молоко в домашних условиях подвергалось высушиванию. В настоящее время все это утратилось. Так, в свое время в речи носителей языка использовались такие словосочетания, как *кургаг сүт* (тув.), *хуруғ сүт* / *хурғатхан сүт* (хак.) ‘сухое молоко’ — это растворимый порошок, получаемый высушиванием нормализованного пастеризованного коровьего молока.

В настоящее время в пищу употребляют сухое молоко, которое продается в магазинах, а также сухие сливки на растительной основе корейского производства *Сопьо крима* / *кургаг сүт* (тув.).

Жидкое молоко в пластиковых бутылках и специальных пакетах в отдельных диалектах тувинского языка называют *өл сүт* букв. ‘мокрое молоко’. В зависимости от того, где произведено молоко, в магазинах покупатели называют их по наименованиям известных брендов молочной продукции без слова *сүт*: *Фермерскийден бериңерем* ‘Дайте мне Фермерское’; *Отборный бар бе?* ‘Есть Отборное’ и т. д.

Некоторые сорта молока имеют территориальное ограничение. Например, в горных районах Тувы (Монгун-Тайга, Бай-Тайга, Тере-Холь, Качык) употребляют *сарлык сүдү* ‘ячье молоко’, в таёжных местностях Тоджинского района — *иви сүдү* ‘оленье молоко’, а в степных районах (Эрзинский, Кызылский) — *теве сүдү* ‘верблюжье молоко’.

Современные тувинцы и хакасы употребляют в пищу в основном *инек сүдү* (тув.) / *инек сүди* (хак.) ‘коровье молоко’, продукты и напитки из него. Хотя из трудов ученых (Спасский, 1818: 44–45; Щукин, 1847: 258–272) известно, что хакасы ранее употребляли козье и кобылье молоко.

¹ ус. — речь жителей Усинска (с. Верхнеусинское Ермаковского района Красноярского края), относится к центральному диалекту.

² п.-х. — речь жителей Пий-Хемского района Республики Тыва.

³ Информатор Хертек Ульяна Даржааевна, пенсионер, с. Мугур-Аксы, запись произведена 28.06.2000.

⁴ Перевод Е. М. Куулар.

⁵ тодж. — тоджинский диалект тувинского языка.

⁶ саг. — сагайский диалект хакасского языка.

⁷ Кенин-Лопсан, М. Б. Чогаалдар чыындызы: шүлүктөр, шүлүглелдер, проза чогаалдары [Собрание сочинений: стихи, поэмы, проза]. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1975. Т. 1. С. 97.

⁸ Перевод Е. М. Куулар.

Хакасы даже грудных детей подкармливали коровьим молоком. Подтверждением этому могут послужить примеры из художественных произведений хакасских писателей. Например: *Сабисті Хоортай апсах үс айлыҕдаң сығара инек сүдінең умчулап пастаан полған*¹ ‘Сабиса дед Хоортай еще с трехмесячного возраста начал кормить молоком через соску’².

Известно, что молоко имеет целебные свойства. Например, в романе хакасского писателя Н. Г. Доможакова «В далеком аале» есть глава под названием «Сүт» («Молоко»), где говорится о парне Сабисе, который в результате падения с лошади долгое время находился в беспмятстве и благодаря горячему молоку получил первую «живительную силу»: *Сүт ис, палам, мына сүт! — тыыда тапсаан апсах, чір-чені ахсынзар тудып. Сынап таа, Сабис сүтти* улуғ-улуғ оортамнардаң азыр сыххан³ ‘‘Пей молоко, мой ребенок, вот молоко!’’ — громко сказал дедушка, поднося чашку близко ко рту. И действительно, Сабис начал пить молоко большими глотками’⁴.

Таким образом, в тувинском, хакасском языках и их диалектах молоко называется одинаково *сүт* (тув.) / *сүт* (хак.). Как показал собранный материал, в исследуемых языках различают разные виды молока домашних животных (овечьё, козье, коровье и кобылье). Кроме того, в тувинском языке имеется ограниченное территориальное употребление других видов молока домашних животных, таких как ячье, оленьё и верблюжье молоко.

Богат тувинский язык на наименование молозива, что нельзя сказать про хакасский язык. А наименование молока, отражающее время надоя (утреннее или вечернее), прослеживается как в тувинском, так и хакасском языке. В текстах художественных произведений хакасов встречается также наименование «птичье молоко». Возможно, авторы произведений использовали данное название для того, чтобы передать нежный (недостижимый, драгоценный) вкус молока.

Названия напитков из молока

На молочной основе готовят разного рода кисломолочные напитки, в названиях молочных напитков представлены особенности их приготовления, получения, своеобразия употребления. Каждый народ имеет свои рецепты приготовления молочных блюд, потому что пища из молока, как было сказано выше, занимает особое место.

О способах приготовления тувинцами молочной пищи и различных продуктов из него на основе своих наблюдений более подробно описал А. П. Потапов (Потапов, 1969: 168–177).

Наиболее распространенным является *хойтпак* (тув.) / *айран*⁵ (хак.). *Хойтпак* ‘айран; простокваша’ — кисломолочный продукт, напоминающий кефир, т. е. это особым образом заквашенное молоко. Для его приготовления необходима заранее приготовленная специальная закваска — *хөрөңги* (тув.), *хордың* (хак.).

Хойтпак в Туве готовят разными способами. В западных районах готовят *хол хойтпаа* букв. ‘ручной айран’, т. е. айран, приготовленный ручным способом: в большую кожаную флягу (в настоящее время используют бочку или металлическую флягу) для айрана, так называемую *көгээр* или *доскаар* ‘кадку’ каждое утро подливают приготовленное заранее теплое кипяченое молоко. На вкус *хол хойтпаа* похож на кефир. В диалектах встречаются следующие его варианты *хоюг хойтпак* (с-х.⁶) (тув.), *хойыҕ айран* (хак.) ‘густой айран’, *ижер хойтпак* ‘питьевой айран’.

В центральных районах Тувы готовят *машина хойтпаа* букв. ‘айран машины’ / *сүт тыртар машина хойтпаа* (тув.) букв. ‘айран, приготовленный из молока, пропущенного через сепаратор’. В бочку с *хойтпаком* добавляют переработанное на сепараторе обезжиренное сырое молоко, айран из него получается довольно кислым. Поэтому его, как правило, используют только для перегонки *сүт арагазы* / *ишме* ‘молочной водки’.

¹ Доможаков Н. Г. Ыраххы аалда = В далеком аале. Роман. Абакан: Хакасское отд-ние Красноярского кн. изд-ва, 1975. С. 33.

² Перевод Н. Н. Таскараковой.

³ Доможаков Н. Г. Ыраххы аалда = В далеком аале. Роман. Абакан: Хакасское отд-ние Красноярского кн. изд-ва, 1975. С. 33.

⁴ Перевод Н. Н. Таскараковой.

⁵ Айран — кисломолочный напиток особой закваски (см.: Хакасско-русский словарь / под общ. ред. О. В. Субраковой. Новосибирск: Наука, 2006. С. 44).

⁶ с.-х. — сут-хольский говор тувинского языка.

У хакасов существуют следующие способы приготовления айрана. В *хордын* (остатки прошлогоднего или давнего айрана) добавляют молоко. Если нет *хордын*, смешивают простоквашу с молотым сушеным сыром *пичирё*. Получали *час айран* ‘свежий айран’, *хаай айран* ‘кислый айран’, *хойыг айран* ‘густой айран’.

Молочным напиткам также относится *узаан сүт* (саг.), *чоорт* (кач.¹) ‘простокваша’ («*сабанға толдыра чоорт урчалар, чоорт ачыза айран пол парча* / в кадку доверху наливают простоквашу, когда простокваша закиснет, то получается айран»²).

Следующий молочный напиток — это *арага* / *арагы* / *аргы* (тув.) / *араға* (хак.) ‘арака; водка, приготовленная из молока’, его перегоняют из перебродившего *хойтпака*. Относительно происхождения слова *арага* Б. И. Татаринцев в своем этимологическом словаре отмечает, что «формы с конечным *-а* встречается довольно редко (в частности в караимском, хакасском, тувинском), более обычен конечный *-ы*. По Севортяну, здесь вероятнее всего “произошло расширение конечного узкого велярного под влиянием ударения”» (Татаринцев, 2000: 26).

У хакасов водка из молока называется *айран арағазы* ‘вино из айрана, айранная водка’³ или *тадар⁴ арағазы* ‘хакасская водка, приготовленная из молока’.

Приведем пример из художественной литературы: *Пістің хакас арағазын сынап көріңер, чугун ырағадаң араға урча — айран арағазы*⁵ ‘Нашу хакасскую водку попробуйте, — с чугунного сосуда наливает водку — айранную водку’⁶.

Существуют разные названия готового для перегонки молочной водки прокисшего, перебродившего айрана: *ажан хойтпак* / *тигер хойтпак* (зап., цент.), *айран ачыдарға* ‘квасить айран’; *айран сыбирға* (хак.) ‘гнать вино из айрана’⁷.

В сравниваемых языках зафиксированы следующие варианты наименований слабоалкогольного напитка из молока: *хойтпак арагазы* (тув.) / *айран арағазы* (хак.) (монг. *айргийн архи*) букв. ‘айрана арака’, / *сүт арагазы* (зап., цент.) / *сүт арағазы* (хак.) букв. ‘молоко арака’, *тиккен арага* (тес-х.⁸), *паш арагазы* букв. ‘котла арака’, *шиме* / *шиме арагазы* / *шиме арахасы* (< монг. *шимийн арха*) ‘молочная водка, молочная арака’.

По мнению Э. Намзал, у населения южной части Тувы закваской араки для перегонки служит *билемек* / *билемик* ‘прокисшая простокваша’, ‘айран’⁹.

В речи носителей центрального и западного диалектов тувинского языка довольно часто встречается сочетание слов *тыва арага* / *тыва арагы* ‘тувинская арака’ (см. хак. *тадар арағазы* ‘хакасская водка’). О приготовлении *хойтпака* и из него молочной араки в разных районах Тувы в свое время писал Л. П. Потапов (Потапов, 1969: 169–171). Об особенностях перегонки араки южными тувинцами в более позднее время писала Э. Намзал¹⁰.

Имеются специальные словосочетания, которые указывают на «части» получения *арага*, на каждой стадии с момента его выделения получается новое наименование: *оҝ* / *арага оҝу*, *арага бажы* / *араганың башкызы*, *арага эгези* (тув.), *арағаның пазы* (хак.) ‘первач’ — первая выделяемая часть *арага*; *арага доңу* (зап.), *кадыг арага* (зап., ховд.¹¹), *каҝжаң арага* (ювд.¹², танд.¹³) букв. ‘крепкий напиток’, *араганың сыспаа* (ювд), — слабая часть напитка. Нами также удалось зафиксировать специфическое диалектное

¹ кач. — качинский диалект хакасского языка.

² Хакасско-русский словарь / под общ. ред. О. В. Субраковой. Новосибирск: Наука, 2006. С. 987.

³ Там же. С. 44.

⁴ Тадар разг. хакас // хакасский (народное самоназвание хакасов) (см.: Хакасско-русский словарь / под общ. ред. О. В. Субраковой. Новосибирск: Наука, 2006. С. 572).

⁵ Доможаков Н. Г. Брахы аалда = В далеком аале. Роман. Абакан: Хакасское отд-ние Красноярского кн. изд-ва, 1975. С. 69.

⁶ Перевод Н. Н. Таскараковой.

⁷ Хакасско-русский словарь / под общ. ред. О. В. Субраковой. Новосибирск: Наука, 2006. С. 44.

⁸ тес-х. — тес-хемский говор тувинского языка.

⁹ Намзал Э. Х. Холу чэмзиг авам сөңү. Кызыл: Новости Тувы, 1995. С. 22.

¹⁰ Там же. С. 24.

¹¹ ховд. — речь жителей Ховда (сумона Буянт Кобдоского аймака Монголии).

¹² ювд — юго-восточный диалект тувинского языка.

¹³ танд. — тандинский говор тувинского языка.

слово из уст этнического тувинца из Буянт аймака Монголии *дозуул* (ховд.), которое обозначает последние капли араки по желобку, стекшие в подставленный сосуд.

Молочная арака, как и вся другая алкогольная продукция, отличается крепостью. Так, в зависимости от «градуса» их называют разными словосочетаниями: а) слабоалкогольные: *багай дүшкен арага*, *дүшпээн арага*, *шала дүшкен арага*, *сула арага*, *сугзак арага* (тув.); *суҕ-сөл арага* (хак.); б) более крепкие, горячительные: *арагы доңу*, *кадыг арагы* (зап.), *дүшкен арага*, *эки дүшкен арага* (тув.); *хатыҕ арага* (хак.). В особых случаях молочную водку перегоняли вторично и получали крепкий напиток *даң* (тув.).

Это можно подтвердить следующим примером: *Бир көгээржик кончуг доң сүт арагазын сөңнээн-нер*¹ 'Преподнесли очень крепкую молочную араку в специальном сосуде көгээржик'².

Тарак изготавливается из кипяченого коровьего молока на специальной закваске, по вкусу он напоминает йогурт. Известно, что раньше *тарак* делали исключительно из козьего молока, сегодня люди почти перестали доить коз, поэтому этот обычай тоже забывается. *Тарак* — излюбленное повседневное блюдо коренного населения юго-восточной части Тувы, в других районах его не готовят.

*Хымыс*³ 'кумыс' — напиток, получаемый путем брожения кобыльего молока. Этот напиток хорошо утоляет жажду, имеет лечебные и питательные свойства. В настоящее время его почти перестали готовить, забываются способы его приготовления.

В хакасском языке имеются также названия безалкогольных напитков из молока: *айран-хымыс* 'безалкогольные напитки (из айрана и кумыса)⁴, *айран-сухсын* собир. 'напитки из айрана'⁵.

Кроме того, только в хакасском языке встречается слово *седед* 'национальный прохладительный напиток (приготовленный из аарчы⁶ с холодной водой)⁷.

Особым и излюбленным молочным напитком для тувинцев является *сүттүг шай* 'чай с молоком и солью'. Следует отметить, что хакасы, в отличие от тувинцев, в *сүттүг чай* 'чай с молоком' соль не добавляют.

Как правило, для чая годится молоко всех видов домашних животных, однако, лучшим считается коровье или сарлычье молоко. В былые времена тувинцы предпочитали чай с овечьим или козьим молоком, поскольку они обладают лечебными свойствами. В наши дни эта традиция утрачивается.

Тувинский чай приготавливают следующим способом: в чашу с водой кладут зеленый плиточный (обычно грузинский листовый) чай и немножко соли, затем в кипящий чай добавляют молоко и долго помешивают — *саарар*. Различают *чиң сарыг шай* / *тыва шай* 'густой ароматный чай' и *хымыраан* (монг. *жарам*) / *хымыраан шай* — жидкий (спитой) чай из остатков гущи⁸.

Словосочетание *чиң сарыг шай* встречается исключительно в тувинском героическом эпосе:

Чиң сарыг шайын кудуп,

*Чигир-боовазын салып... туруп-тур*⁹.

'Наливал крепкий ароматный чай,

Угощал сладостями, боорзаками'¹⁰.

Во времена, когда трудно было достать заварку, тувинцы готовили и пили *хымыраан* 'чай из остатков гущи с добавлением молока'. Он упоминается в повести 'Орус-Шөлү' М. Мендуме: «Иван Селиверстович болганчок-ла ядыы, самдар тыва кижилерниң чадыр өглеринче кирер, оларның дустуг

¹ Сарыг-оол С. А. Аңгыр-оолдуң тоожузу. Кызыл: Тываның ном үндүрер чери, 1988. С. 186.

² Перевод Е. М. Куулар.

³ *гутуз* (тюрк.) — напиток из кислого кобыльего или коровьего молока (см.: Сравнительно-историческая грамматика ..., 2001: 448–450).

⁴ Хакасско-русский словарь / под общ. ред. О. В. Субраковой. Новосибирск: Наука, 2006. 1114 с. С. 45.

⁵ Там же. С. 44.

⁶ *Аарчы* — кисловатый творожистый осадок, остающийся после перегонки вина из айрана (см.: Хакасско-русский словарь / под общ. ред. О. В. Субраковой. Новосибирск: Наука, 2006. 1114 с. С. 19).

⁷ Хакасско-русский словарь / под общ. ред. О. В. Субраковой. Новосибирск: Наука, 2006. 1114 с. С. 456.

⁸ Тувинско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 500.

⁹ Бокту-Кириш и Бора-Шээлей. Тувин. нар. сказание / пер. с тувин. [предисл. и коммент.] Л. Гребнева. Кызыл: Тувкнигоиздат, 1969. С. 24.

¹⁰ Перевод Е. М. Куулар.

хымыраан шайын ижер»¹ ‘Иван Селиверстович часто ходил в чум бедных тувинцев, пил их кипяченый соленый чай с большим количеством молока’². В наше время *хымыраан* никто не варит, поэтому данное слово переходит в разряд малоупотребительных слов.

В тувинском языке встречаются следующие разновидности чая:

Көк шай (б.-т.³) — жидкий чай из остатков гущи и с добавлением небольшого количества молока.

Шейтем шай / шейдем шай (тодж.) — чай, забеленный оленьим молоком. Употребление данного словосочетания ограниченное, его можно услышать лишь в речи оленеводов-тоджинцев.

Кроме того, тувинцы по сей день употребляют *далганныг шай* — чай с молоком и солью с добавлением поджаренной ячменной, пшеничной муки и *тараалыг шай* ‘чай с поджаренным просом’.

Хакасы пьют черный (обычный) и травяные чаи с добавлением коровьего молока (на любителя).

Все сказанное выше живет не только в обыденной жизни, языке тувинцев и хакасов, но и в их обрядовой культуре⁴. Известно, что ни один национальный праздник этих народов не проходит без почитания белой пищи. Например, тувинцы при праздновании национального праздника *Шагаа* — встречи нового года по лунному календарю — в почетном месте юрты или перед буддийским алтарем всегда ставят молочную пищу (*сүттүг шай, саржаг, ааржы, курут* и т. д.). А у хакасов есть специальный праздник, посвященный первому молоку *Тун пайрам*. Он проводится в июне, так как после зимы, скот, напитавшись свежей зеленой травкой, дает особо целебное молоко, причем в большом количестве. К празднику готовят молочные продукты, заводят айран, перегоняют араку, шьют или обновляют национальные костюмы, настраиваются на серьезные спортивные поединки, песнопения и т. д. *Тун пайрам* широко празднуется, объединяя семьи, роды, народы. Но самым главным его девизом остается почитание молока, за которым стоит здоровый образ жизни подрастающего поколения.

Заключение

Анализ исследованного материала показывает, что тувинские и хакасские лексемы, обозначающие названия молока и молочных напитков, относятся к общетюркскому лексическому фонду. Заметное влияние на литературные языки тувинцев и хакасов оказывает диалектная лексика, о чём свидетельствует их пополнение некоторыми народными терминами молочных продуктов.

В лексике тувинского языка наблюдаются монгольские элементы. Это свидетельствует о том, что тюркские языки Сибири, в частности, тувинский язык, имели исторические контакты не только с родственными народами, но и с неродственными.

Названия молочных продуктов у тувинцев и хакасов в плане выражения в основном совпадают, некоторые расхождения можно увидеть в их значениях.

Достаточно большое отличие наблюдается в наименовании чая с молоком. Тувинцы в чай с молоком добавляют соль, *далган* и могут проводить специальный обряд. У хакасов подобной традиции не существует. Среди суеверий, связанных с молоком, тоже существуют некоторые различия: например, по тувинскому обычаю не принято смешивать кровь с молоком, а хакасы смешивают эти компоненты при приготовлении кровяной колбасы с целью улучшения вкусовых качеств продукта. Тувинцы и хакасы, придерживаясь древним традициям и обычаям своих предков, все национальные праздники и другие празднества начинают с почитания белой пищи (*Шагаа, Тун пайрам, дой* (тув.) / *той* (хак.) ‘свадьба’ и др.).

Для тувинцев и хакасов молоко, блюда и напитки из него остаются самой рациональной и почитаемой пищей.

Мы надеемся, что разнообразие натуральной молочной продукции и её узнаваемость способствует развитию и распространению обычаев наших предков. Ведь в очень суровых условиях нашего региона молоко и все его производные помогали выживать, и в нынешнее время очень хочется, чтобы наша богатая история не забылась, и люди жили, употребляя только свою качественную, натуральную пищу.

¹ Мендуме М. К. Орус-Шөлү. Кызыл: Тувинское книжное изд-во, 1984. 367 с.

² Перевод Е. М. Куулар.

³ б.-т. — бай-тайгинский говор тувинского языка.

⁴ У хакасов распространенной обрядовой пищей считается *сүт* ‘молоко’, *айран* ‘кисломолочный напиток’, *хайах* ‘масло’, *потхы* ‘сметанная каша’ (Бурнаков, Цыденова, 2014: 347–350).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абдина, Р. П. (2019a) Лексико-семантическое описание молочных продуктов и блюд в хакасском языке // Ермолаевские чтения. Материалы III научно-практической конференции с международным участием, посвященной 90-летию со дня основания Национального музея им. Алдан-Маадыр Республики Тыва / отв. ред. А. К. Тамдын. Кызыл : Типография «Аныяк». 256 с. С. 104–108.

Абдина, Р. П. (2019b) Лексико-семантические особенности общих понятий пищи в хакасском языке // Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири. Материалы III Всероссийской научно-практической конференции / отв. ред. Т. Г. Боргоякова. Абакан : Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова. 192 с. С. 62–65.

Абдина, Р. П. (2020) Словообразование и способы номинации молочных блюд в диалектах хакасского языка // Народы и культуры Саяно-Алтая и сопредельных территорий: материалы VII Международной научной конференции, посвященной Году хакасского языка и юбилейным датам со дня рождения основоположников хакасского языкознания : 100-летию Д. Ф. Патачаковой и 90-летию М. И. Боргоякова (23–24 сентября 2020 г.) / отв. ред. Н. С. Майнагашева. Абакан : Хакасское книжное издательство имени В. М. Торосова. 284 с. С. 9–14.

Абдина, Р. П. (2021) Семантика наименований еды в хакасском героическом эпосе // Материалы международного симпозиума хакасского эпоса VIII Международной научной конференции «Народы культуры Саяно-Алтая и сопредельных территорий», посвященной 300-летию открытия памятников енисейской письменности и Году хакасского эпоса в Республике Хакасия / отв. ред. Н. С. Майнагашева. Абакан : Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории. 346 с. С. 109–114.

Ахматова, М. А. (2021) Концепт Таш 'камень' в карачаево-балкарской языковой картине мира // Сибирский филологический журнал. № 1. С. 239–251. DOI: <https://www.doi.org/10.17223/18137083/74/18>

Бурнаков, В. А., Цыденова, Д. Ц. (2014) Обрядовая пища хакасов (конец XIX–XX века) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. 20. С. 347–350.

Вайнштейн, С. И. (2009) Загадочная Тува. М. : Домашняя газета. 415 с.

Донгак, С. Ч., Ондар, А. У. (2019) Сакральные аспекты «белой пищи» у тувинских кочевников // Культура и цивилизация. Т. 9. № 2А. С. 233–239.

Дьячковский, Ф. Н., Попова, Н. И., Тазранова, А. Р., Трофимова, С. М., Широбокова, Н. Н. (2021) Гастрономическая лексика (молочные продукты) в тюркских языках Сибири в сопоставительном аспекте // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. № 1 (31). С. 9–20. DOI: <https://www.doi.org/10.23951/2307-6119-2021-1-9-20>

Куулар, Е. М. (2012) Названия пищевых продуктов в юго-восточном диалекте // Linguistic, typological and methodological aspects of English and other languages / отв. ред. Б. К. Ондар, Ш. Х. Таргын. Кызыл : РИО ТувГУ. 215 с. Вып. I. С. 27–30.

Куулар, Е. М., Сувандии, Н. Д. (2011) Тыва дылда ивиңиң эъди, сүдүндөн кылган чемнер аттары [Названия продуктов питания из оленьего мяса и молока] // Научные труды Тувинского государственного университета : ежегодник / отв. ред. О. М. Хомушку. Кызыл : ТувГУ. Вып. IX. 369 с. С. 15–20. (На тув. яз.).

Куулар, Е. М., Сувандии, Н. Д. (2014) Тыва дылда иви ажил-агыйының лексиказы [Лексика оленеводства в тувинском языке]. Кызыл : РИО ТувГУ. 127 с. (На тув. яз.).

Потапов, Л. П. (1969) Очерки народного быта тувинцев. М. : Наука. 402 с.

Спасский, Г. (1818) Народы, кочующие в верховье реки Енисея // Сибирский вестник. СПб. : Типография Иоаннесова. Ч. II. 158 с. С. 44–45.

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика (2001): 2-е изд., доп. / под ред. Е. Р. Тенишева. М. : Наука. 800 с.

Татаринцев, Б. И. (2000) Этимологический словарь тувинского языка / отв. ред. Д. А. Монгуш. Новосибирск : Наука. Т. I. 341 с.

Татаринцев, Б. И. (2001) Этимологический словарь тувинского языка / отв. ред. Д. А. Монгуш. Новосибирск : Наука. Т. II. 386 с.

Шукин, Н. С. (1847) Народы тюркского языка, обитающие в южной Сибири // Журнал министерства внутренних дел. СПб. : Типография министерства внутренних дел. Ч. XVIII. 530 с. С. 258–272.

Дата поступления: 03.08.2022 г.

REFERENCES

Abdina, R. P. (2019a) Leksiko-semanticheskoe opisanie molochnykh produktov i bliud v khakasskom iazyke [Lexical and semantic description of dairy products and dishes in the Khakas language]. In: *Ermolaevskie chteniia [Ermolaev Readings]* : Proceedings of the 3rd science-to-practice conference with international participation dedicated to the 90th anniversary of the establishment of the Aldan-Maadyr National Museum of the Republic of Tuva / ed. by A. K. Tamdyn. Kyzyl, Printing House "Anyyak". 256 p. Pp. 104–108. (In Russ.).

Abdina, R. P. (2019b) Leksiko-semanticheskie osobennosti obshchikh poniatii pishchi v khakasskom iazyke [Lexical and semantic features of the general concepts of food in the Khakas language]. In: *Sokhranenie i razvitie iazykov i kul'tur korennykh narodov Sibiri [Preservation and development of languages and cultures of the indigenous peoples of Siberia]* : Proceedings of the 3rd All-Russian science-to-practice conference / ed. by T. G. Borgoyakova. Abakan, Katanov State University of Khakassia. 192 p. Pp. 62–65. (In Russ.).

Abdina, R. P. (2020) Slovoobrazovanie i sposoby nominatsii molochnykh bliud v dialektakh khakasskogo iazyka [Word formation and ways of nominating dairy dishes in the dialects of the Khakas language]. In: *Narody i kul'tury Saiano-Altai i sopredel'nykh territorii [Peoples and cultures of the Sayano-Altai and adjacent territories]* : Proceedings of the 7th International research conference dedicated to the Year of the Khakas language and the anniversaries of the birth of the founders of Khakas linguistics: the 100th anniversary of D. F. Patachakova and the 90th anniversary of M. I. Borgoyakov (September 23–24, 2020) / ed. by N. S. Mainagasheva. Abakan, V. M. Torosov Khakas Book Publishing House. 284 p. Pp. 9–14. (In Russ.).

Abdina, R. P. (2021) Semantika naimenovaniy edy v khakasskom geroicheskom epose [Semantics of food names in the Khakas heroic epic]. In: *Materialy mezhdunarodnogo simpoziuma khakasskogo eposa. VIII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Narody kul'tury Saiano-Altai i sopredel'nykh territorii», posviashchennoi 300-letiiu otkrytiia pamiatnikov eniseiskoi pis'mennosti i Godu khakasskogo eposa v Respublike Khakassia [Proceedings of the International Symposium of the Khakas epic, the 8th International Research conference "Peoples of Culture of the Sayano-Altai and Adjacent Territories" dedicated to the 300th anniversary of the discovery of monuments of the Yenisei script and the Year of the Khakas epic in the Republic of Khakassia]* / ed. by N. S. Mainagasheva. Abakan, V. M. Torosov Khakas Book Publishing House. 346 p. Pp. 109–114. (In Russ.).

Akhmatova, M. A. (2021) Kontsept Tash "kamen" v karachaevo-balkarskoi iazykovoi kartine mira [Concept of "tash" (stone) in the Karachay-Balkar language picture of the world]. *Siberian Journal of Philology*, no 1, pp. 239–251. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17223/18137083/74/18>

Burnakov, V. A. and Tsydenova, D. Ts. (2014) Obriadovaia pishcha khakasov (konets XIX–XX veka) [Ritual food of the Khakas (late 19th–20th centuries)]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii*. vol. 20, pp. 347–350. (In Russ.).

Weinstein, S. I. (2016) *Zagadochnaia Tuva [The mysterious Tuva]*. Moscow, Domashniaia gazeta. 415, XXXII p. (In Russ.)

Dongak, S. Ch. and Ondar, A. U. (2019) Sakral'nye aspekty «beloi pishchi» u tuvinskikh kochevnikov [Sacred aspects of "white food" among Tuvan nomads]. *Kul'tura i tsivilizatsiia*, vol. 9, no. 2A, pp. 233–239. (In Russ.).

Diachkovskiy, F. N., Popova, N. I., Tazranova, A. R., Trofimova, S. M. and Shirobokova, N. N. (2021) Gastronomicheskaiia leksika (molochnye produkty) v tiurkskikh iazykakh Sibiri v sopostavitel'nom aspekte [Comparative study of food vocabulary (dairy) in Turkic languages of Siberia]. *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*, no. 1 (31), pp. 9–20. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.23951/2307-6119-2021-1-9-20>

Kuular, E. M. (2012) Nazvaniia pishchevykh produktov v iugo-vostochnom dialekte [Food names in the Southeastern dialect]. In: *Linguistic, typological and methodological aspects of English and other languages* / ed. by B. K. Ondar and Sh. Kh. Targyn. Kyzyl, Editorial and Publishing Unit at Tuvan State University. Issue I. 215 p. Pp. 27–30. (In Russ.).

Kuular, E. M. and Suvandii, N. D. (2011) Tyva dyl'da ivining e" di, sudunden kylgan chemner attary [Names of food products made of deer meat and milk]. In: *Nauchnye trudy Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta* / ed. by O. M. Khomushku. Kyzyl, Tuvan State University. Issue IX. 369 p. Pp. 1520. (In Tuv.).

Kuular, E. M. and Suvandii, N. D. (2014) *Tyva dyl'da ivi azhyl-agyiynyn leksikazy [The vocabulary of reindeer husbandry in the Tuvan language]*. Kyzyl, Editorial and Publishing Unit at Tuvan State University. 127 p. (In Tuv.).

Potapov, L. P. (1969) *Ocherki narodnogo byta tuvintsev [The Tuvans: Sketches of the folk lifestyle and related household activities]*. Moscow, Nauka. 402 p. (In Russ.).

Spasskii, G. (1818) *Narody, kochuiushchie v verkhov'e reki Eniseia [Peoples wandering in the upper reaches of the Yenisei River]*. In: *Sibirskii vestnik*. St. Petersburg, Ioannesov Printing House. Part II. 158 p. Pp. 44–45. (In Russ.).

Sravnitel'no-istoricheskaia grammatika tiurkskikh iazykov. Leksika [A comparative historical grammar of Turkic languages. Vocabulary] (2001) / ed. by E. R. Tenishev. 2nd ed., enlarged. Moscow, Nauka. 800 p. (In Russ.).

Tatarintsev, B. I. (2000) *Etimologicheskii slovar' tuvinskogo iazyka [An etymological dictionary of the Tuvan language]* / ed. by D. A. Mongush. Novosibirsk, Nauka. Vol. I. 339, [2] p. (In Russ.).

Tatarintsev, B. I. (2001) *Etimologicheskii slovar' tuvinskogo iazyka [An etymological dictionary of the Tuvan language]* / ed. by D. A. Mongush. Novosibirsk, Nauka. Vol. II. 386, [2] p. (In Russ.).

Shchukin, N. S. (1847) *Narody tiurkskogo iazyka, obitaiushchie v iuzhnoi Sibiri [Turkic language peoples living in southern Siberia]. Zhurnal ministerstva vnutrennikh del.* St. Petersburg, Printing House of the Ministry of Internal Affairs. Part XVIII. [530] p. Pp. 255–284. (In Russ.).

Submission date: 03.08.2022.

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТУВЫ / THE NEW RESEARCH OF TUVA

Электронный научный журнал

Главный редактор Ч. К. Ламажаа.
Редакторы: Н. Д. Сувандиш, Б. Н. Гайдин.

№ 4, 2022

<https://nit.tuva.asia/nit/issue/view/56>

*Для иллюстрации обложки использована
фотография А. С. Папына (Россия)*

Подписано к публикации 30.11.2022 г.

Объем - 43,75 п. л.

Эл. адрес: article@tuva.asia